

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПИРУМШОЕВ МУНИР ХАЙДАРШОЕВИЧ

**ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ, СРЕДНЕВЕКОВОЙ И
НОВОЙ ИСТОРИИ ПАМИРА И БАДАХШАНА**

**Специальность: 5.6.5 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

**Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Убайдуллоев Насрулло Каримович**

Душанбе – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Древний Памир в источниках и исторических исследованиях	30
I.1. Историко-этимологическое и географическое определение Памира и Бадахшана.....	30
I.2. Заселение древнего Памира в археологических, письменных источниках и исторических исследованиях..	54
I.3. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии.....	68
I.4. Политическая обстановка и хозяйственно-бытовые традиции Памира и Бадахшана в поздней древности (середины II тыс. до н. э. – начало III в. н.э.).....	82
Глава II. Историография раннесредневекового Памира и Бадахшана (III-VIII вв.).....	99
II.1. Политическая обстановка Памира и Бадахшана в III-VI вв.....	99
II.2. Памир и Бадахшан в круговороте политических событий региона в VII-VIII вв.....	112
II.3. Степень освещения социально-экономического положения раннесредневекового Памира и Бадахшана...	124
Глава III. Памир и Бадахшан IX – XV вв. в средневековых сочинениях и исследования востокосведов.....	133
III.1. Памир и Бадахшан в сочинениях эпохи Саманидов и научных трудах посвященных этому времени.....	133
III.2. Политическая обстановка на Памире и Бадахшане в XI – начале XIII вв.....	149
III.3. Памир и Бадахшан в период владычества монголов в Средней Азии (начала XIII – первой половине XIV вв.)	158
III.4. Степень освещения истории Памира и Бадахшана во второй половине XIV-XV веков.....	169
Глава IV. Историография истории позднесредневекового Памира и Бадахшана (XVI – середины XIX вв.).....	184
IV.1. Памир и Бадахшан в контексте политической истории Средней Азии XVI-XVII вв.....	184
IV.2. Памир и Бадахшан XVIII-середины XIX веков в	

	сочинениях местных авторов.....	201
IV.3.	Освещение политического положения Памира и Бадахшана XVIII-середины XIX вв.....	219
IV.4.	Социально-экономическое положение позднесредневекового Памира и Бадахшана в источниках и исторических исследованиях.....	230
Глава V.	Историография Памира и Бадахшана конца XIX–начала XX вв.	247
V.1.	Исследователи о геополитических интересах Англии и России на Памире.....	247
V.2.	Исследование истории присоединения Памира к России	286
V.3.	Освещение особенностей административного устройства Памира после его присоединения к России..	339
V.4.	Степень освещения социально-экономического положения Памира второй половины XIX – начала XX вв.	356
V.5.	Культура Памира и Бадахшана XIX – начала XX вв. в историко-этнографической литературе.....	391
	Заключение.....	406
	Список использованных источников и литературы.....	429

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы. Загадочное высокогорное пространство Памира, получившее известность в историко-географических сочинениях древности и средневековья как «Крыша мира», несмотря на суровые климатические условия, бездорожье и труднодоступность всегда привлекало внимание любознательных путешественников и историков. Свидетельством тому является изобилие оставленных в наследство сведений, имеющиеся в сочинениях античных географов, раннесредневековых китайских путешественников, средневековых персидско-арабских авторов и российско-западноевропейских исследователей XIX – начала XX вв., причастных к изучению истории центральноазиатского региона в целом и таджикского народа в особенности.

Арабские завоевания и их усилия в распространении ислама, независимо от желания религиозных миссионеров, в известной мере открыли соответствующий простор для развития торговых сношений. В этом плане особая роль принадлежала издавна существующему Великому шёлковому пути, связующему Восток и Запад, одна из ветвей которого проходила через владения Памира, что способствовало накоплению сведений о древности и раннесредневековой истории этого высокогорного края.

В дальнейшем, несмотря на трагические периоды, связанные с татаро-монгольскими завоевательными походами, а затем и династическими владычествами Чингизидов, Тимуридов, Шейбанидов, Аштарханидов в Средней Азии, накопился большой пласт сведений о политической, социально-экономической и культурной жизни самостоятельных владений (шахства) Памира и Бадахшана, порою находившихся в положении номинальной зависимости от них.

Поток информации увеличивался в ходе географических открытий и стремлений западных стран, приведших к утверждению английского колониального режима в Индии. В процессе обострения англо-русского соперничества в Средней Азии, которое к середине XIX века переросло в

военное противостояние, объём сведений о Памире и Бадахшане значительно возрос. Этот горный регион, стратегически важный для обеих империй, стал объектом многочисленных историко-географических исследований и статей, внесших существенный вклад в познание этой территории. Исходя из геополитических интересов Англии и России, изучение Памира и Бадахшана занимало заметное место в ходе завоевания и присоединения Средней Азии к России. Огромный объём материалов о Памире и Бадахшане, содержащийся в многочисленных книгах и статьях, написанных русскими и западноевропейскими учёными, путешественниками, представителями военных и дипломатических кругов, продолжает служить важным источником для исследователей истории Центральноазиатского региона, особенно в контексте изучения истории таджикского народа.

В конце XIX века на фоне обострения военно-политической обстановки в регионе интерес к изучению Памира и Бадахшана значительно возрос, особенно в 80-е и 90-е годы. Многочисленные исследования, опубликованные в этот период, написанные учёными, путешественниками и военно-дипломатическими авторами, существенно прояснили средневековую и современную историю Памира и Бадахшана, предоставив ценные сведения о развитии этого региона.

Начало поистине научного изучения истории Памира было положено русскими исследователями накануне и в ходе его добровольного присоединения к России, завершением которого считается заключение англо-русского договора о Памирском разграничении 1895 г.

Таким образом, официальное утверждение русской военно-гражданской административной власти (в начале XX в.) в этом древнем обиталище таджиков, открыло широкие просторы для всестороннего исследования истории и культуры горного края.

Но, несмотря на сохранившиеся местные, региональные источники, а также обилия работ западноевропейских, русских, советских и современных исследователей, за исключением несколько обобщающей работы автора данной диссертации «Памир в русской историографии второй половины XIX–начала

XX вв.»¹, проблемы связанные с историографией истории Памира и Бадахшана с древнейших времён до начала XX в. не стали объектом обстоятельного историографического анализа. Это послужило стимулом к рассмотрению данной многослойной и сложной проблемы, которая до сих пор оставалась недостаточно изученной в отечественной историографии.

Эта проблема стала особенно актуальной в наши дни, когда вопросы глобализации все больше занимают внимание мирового сообщества. Наряду с этим, некоторые историки из соседних республик проявляют все большее стремление к углублению своих этно-исторических корней с целью присвоения исторических ценностей, которые им явно не принадлежат. В этом контексте все более актуальной становится необходимость историографического анализа источников и исследований, связанных с историей таджикского народа, стоявшего у истоков региональной цивилизации. Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон неустанно призывает к глубокому изучению этого вопроса, который напрямую связан с историей таджиков Памира и Бадахшана.

Глубокий анализ трудов, посвящённых многовековой истории таджикского народа, начиная с периода до образования государства Саманидов и включая трагические эпохи завоевательных действий иноземных династий после его распада, длившиеся на протяжении десяти столетий, становится в современных условиях особенно актуальной задачей отечественной историографии. Памир и Бадахшан неизбежно оказывались в центре этих исторических событий, и современный подход требует объективного и всестороннего изучения всей их истории. Это позволит выделить ключевые направления исследований, связанных с древней, средневековой и новейшей историей таджикского народа, в том числе и с историей Памира и Бадахшана.

Особое внимание следует уделить анализу источников и литературы, посвящённых геополитической борьбе колониальных держав за контроль над

¹Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX– начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.

«Крышей мира» в конце XIX в. В результате этой «схватки» левобережная часть Западного Памира и весь Бадахшан оказались под властью Афганистана.

Исходя из этого, основные показатели актуальности данной проблемы прослеживаются:

1) в назревшей необходимости изучения источников и степени их введения в научный оборот в исследованиях учёных, причастных к древней и раннесредневековой истории Памира и Бадахшана;

2) в более обстоятельном историографическом анализе географических сведений, содержащихся в исследованиях, посвящённых истории средневекового Памира и Бадахшана;

3) в определении степени разработанности вопросов, связанных с прямой причастностью Памира и Бадахшана к средневековой истории таджикского народа;

4) в выявлении степени изученности проблем, относящихся к социально-экономической и культурной жизни населения владения Памира и Бадахшана в период присоединения Средней Азии к России.

5) в объективном анализе имеющейся литературы, освещающей трагический период афганской оккупации Западного Памира, накануне его присоединения Памира к России.

6) в обстоятельном историографическом анализе имеющихся источников и литературы, освещающие историю присоединения Памира к России и преобразовательного процесса в политико-административной, социально-экономической и культурной жизни местного населения.

Перечисленные выше проблемы, требующие детального анализа, ясно указывают на их значимость и необходимость решения, что подтверждает актуальность тех вопросов, которые лежат в основе данной диссертационной работы.

Исходя из особенности данного исследования, во главу угла ставится определение степени изученности тех или иных проблем древней, средневековой и новой истории Памира и Бадахшана в соответствии с

принятой в республике Концепцией исследования истории таджикского народа¹.

Степень изученности проблемы. Специалистам и широкому кругу сведущих читателей, интересующихся историей Памира и Бадахшана, известно о наличии многочисленных исследований, посвящённых тем или иным периодам истории Памира и Бадахшана. В ряде из них, в особенности в их вводных разделах в той или иной степени прослеживается историографический обзор исследуемых проблем. Однако эти разрозненные и поверхностные упоминания о существовании отдельных исследований по различным проблемам истории Памира и Бадахшана не представляют собой целостного историографического анализа, необходимого для определения ценности источников и научной значимости существующих исследований в этой области.

В диссертационной работе основное внимание уделяется анализу следующих категорий или групп исторической литературы, во введениях которых прослеживается историографический анализ процесса исследования проблем, в той или иной степени связанных с историей Памира и Бадахшана с древности до начала новейшего периода:

К первой группе относятся исследования, посвящённые историко-этимологическому анализу и определению географического положения Памира и Бадахшана.

Изучение древних и раннесредневековых источников касательно географического определения Памира, если не считать сведения венецианского купца и путешественника Марко Поло (1254-1324) о Бадахшане, фактически берёт начало с 30 – 40-х годов XIX в. Первым европейцем, который на основе сведений из китайских источников о Памире как ключевой горной системе Азии попытался описать этот регион, был немецкий географ, натуралист и

¹ Концепсияи таҳқиқи таърихи халқи тоҷик. – Душанбе: Ганҷи хирад, 2023. – 36 с.

путешественник Александр Гумбольдт (1769-1859). Он сделал первую попытку охарактеризовать Памирское нагорье¹.

Начало научному географическому изучению Памира и Бадахшана положил английский исследователь Джон Вуд, который в 1838 году проехал из Кабула через Кундуз и Бадахшан на Памир. В этом плане следует отметить вклад ряда путешественников и представителей европейских военных и дипломатических кругов, посетивших Среднюю Азию до её присоединения к России. Среди них Муркрофт, Коннолли, Вольф, Бёрнс и Странж, Стоддарт, Аббат, Шекспир, Генри Юль и другие. Их публикации значительно расширили географические представления о Памире².

В последующие годы исследования Памира стали опираться на более прочную научную базу. Обострение соперничества Великобритании и России в Средней Азии вызвало повышенный интерес к географическим исследованиям региона. Русские учёные, такие как В.В. Григорьев³ И.П. Минаев⁴, Д. Л. Иванов⁵, А. А. Бобринской⁶ В. В. Бартольд⁷, и другие, провели историографическое исследование географических и этимологических описаний Памира и Бадахшана.

К данной группе следует отнести работы советских и современных исследователей А.М. Мандельштама⁸, О.А. Агаханянца⁹, А. Шохуморова¹ А.О.

¹Humboldt A. Uber die Bergketten und Vulkane von innerasien und uber einen vulkanischtn Ausbruch in der Andes-Kette, *Annalen der Physik und Chemie.* – Bd. 18. – 1830. – С. 5 исл.; Он же. *Fragmentsdegeologie et de climatologie asiatique.* – Т. I. – Paris, 1831. – С. 55 исл.; Он же. *AsieCentrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparee.* – Paris, 1944 идр.

²См: Wood, John. *A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus by the route of the Indus, Kabul, and Badakhshan.* London, 1841; EdwardsH.S. *RussianProjects against India, from Czar Peter to General Skjbeleff.* – London: Remington, 1885. – P.90-91; Юль Г. *Очерки географии и истории верховьев Аму-Дарьи* /пер.с англ О.Д.Федченко. С доп. и примеч. А.П. Федченко, Н.В.Ханыкова и Г.Юля // *Известия Русского Географического общества.* – 1873. – № 6 (Приложение).

³Григорьев В.В. *Примечания и дополнения // Риттер К. Землеведение География стран Азии. Восточный или Китайский Туркестан. Выпуск первый – перевод и примечания.* – СПб., 1869. С. 483-507

⁴Минаев И.П. *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.* – СПб., 1879.-242 с.+VIII стр.предисл.

⁵Иванов Д.Л. *Что называть Памиром?* // *Известия Императорского географического общества.* – 1889. – Т.21, вып.2. – С131-145.

⁶Бобринской А.А. *Горцы верховьев Пянджа.(Ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта. По путевым заметкам.* – М.,1908.-152с.

⁷Бартольд В.В. *Бадахшан. Статьи из цикла «Энциклопедии ислама» // Сочинения т. III. Работы по исторической географии.* – М.: Наука, 1965. – С. 343-347.

⁸Мандельштам А.М. *Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.* – Сталинабад: Изд-во АН Тад.ССР, 1957. – 182 с.

⁹Агаханяц О. *Между Гиндукушем и Тянь-Шанем; Агаханяц О.Е. Юсуфбеков А. Главные черты природы*

А.О. Постникова², и др., проявивших особый интерес к географическому и историко-этимологическому изучению Памира и Бадахшана.

Несмотря на отсутствие специального географического исследования, в работах перечисленных авторов в известной степени прослеживается историография географического изучения и этимологического определения Памира и Бадахшана.

Вторую группу представляют исследования, содержащие историографический обзор литературы касательно древней истории Памира и Бадахшана. К ним следует относить работы Бернштама³, А.М. Мандельштама⁴, А.Н., Б.А. Литвинского⁵, В.А. Ранова⁶, А.Д. Бабаева⁷ и др., в которых даются историографические сведения по тем или иным проблемам древней истории Памира и Бадахшана.

В этом контексте особенно заметны взгляды, связанные с арийским происхождением большинства населения Памира и Бадахшана. Значительный вклад в историографию этого вопроса внёс советский исследователь А.М. Мандельштам. В своей работе «К истории географического обзора Памира и припамирских областей» он внимательно изучил противоречивые точки зрения западных исследователей и поддержал тех, кто считал Памир одним из очагов древних арийцев⁸.

Мнения исследователей, причастных к определению принадлежности таджиков Памира к индоевропейской расе на основе материалов, добытых в ходе своих археологических раскопок, подтвердили А.Н. Бернштам,

Памира // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. – М.: Наука, 1975.

¹ Шохуморов А. Памир – страна Ариев. – Душанбе: Дониш, 1997. – 195 с

² Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: РИПОЛ классик, 2005.

³ Бернштам А.Н. В горах и долинах Памира и Тянт-Шаня. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С.263-304; он же. Саки Памира // ВДИ 1956. - № 1. – С.121-134

⁴ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. – Сталинабад: Изд-во АН Тад.ССР, 1957. – 182 с.

⁵ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: «Наука», 1972.

⁶ Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир.- М.: Наука, 1975. – С.136-157; Он же. Памир и проблемы заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир.- М.: Наука, 1975. – С.136- 157.

⁷ Бабаев А. Д. древние земледельцы «Крыши мира». – Худжанд: Нури маърифат, 2006.-399 с.

⁸ См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. – Сталинабад: Изд-во АН Тад.ССР, 1957. – С. 7-11, 68-72.

Б.А.Литвинский, В.А. Ранов, А.Н. Зеленский, А.Д. Бабаев, М.А. Бубнова, В.А. Жуков и др.¹

В качестве отдельного (третьего) показателя, в котором в той или иной степени прослеживается историографический обзор раннесредневековой истории Памира и Бадахшана, следует выделить вышеупомянутый труд А.М. Мандельштама «К историко-географическому обзору Памира и припамирских областей». В нём представлен подробный историографический обзор источников, в основном китайских, и исследований, связанных с изучением истории Памира IV–VIII вв. В сравнении с общими работами, представляющими политическую и социально-экономическую характеристику Памира и Бадахшана раннего средневековья, эта книга до сих пор считается наиболее заметной в историографическом отношении. Аналогично оценивается анализ историко-географических трудов арабских и персидских (таджикских) авторов, связанных с Памиром и Бадахшаном эпохи Саманидов.

Четвёртую группу составляют работы, освещающие историю таджикского народа IX–XV вв. в целом и Памира и Бадахшана в частности. События, связанные с образованием государства Саманидов в той или иной мере освещены в сочинениях той эпохи и в последующие периоды после его распада. К ним следует отнести соответствующие тексты, приведённые в двухтомном сборнике «Саманиды в зеркале истории»², В несколько эпизодической форме историография Памира и Бадахшана IX–XIV вв. приводится в сборнике извлечённых текстов историко-географических сочинений авторов указанного периода «Таджикские государственности в IX–XIV вв.»³.

¹См.: История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т.1. (С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С.27-37.

²Сомониён дар оинаи таърих (Саманиды в зеркале истории). – Чилди якум (мутуни форсии тоҷики).-Худжанд: Нашр. давлатии ба номи Раъхим Чалил,1998.-552с.;Чилди дувум (мутуни арабиасл). – 672 с.

³Давлатдории Тоҷикон дар асрҳои IX–XIV. Пораҳо аз “Равзату-с-сафо ва дигар кутуб. Мураттиб ва муҳаққиқ Н. Амиршохи. – Душанбе: Амри илм, 1999. – 1003 с.

Этот период занимает особое место в фундаментальных обобщающих исследованиях Б. Гафурова “Таджики”¹, “История таджикского народа” в трёх томах пяти книгах², “История Таджикского народа” в шести томах³, «История Узбекской ССР»⁴, в исследованиях Н.Н. Негматова⁵, С. Абдуллоева⁶ и др. В них даётся краткий историографический экскурс касательно процесса изучения вопросов, связанных с историей Памира и Бадахшана IX-XV вв.

Уместно также отметить научную ценность трудов советских и современных исследователей, причастных к истории Мавераннахра и Хорасана при династических правлениях монголов и Тимуридов. К ним относятся исследования А.М. Беленицкого⁷, В.М.Массона, В.А. Ромодина⁸, А.Ю. Якубовского⁹, Б.Г. Гафурова¹⁰, Н.Махмудова¹¹ и др. В их работах отчётливо прослеживается историографический анализ исследований, так или иначе связанных с рассматриваемым периодом.

К пятой группе исследований, в которых прослеживается отдельные историографические сведения о литературе позднесредневековой истории Памира и Бадахшана (XVI-середины XIX вв), относятся работы Т.Г. Абаевой¹², Б.И. Искандарова¹³ и сводные исследования «История Горно-Бадахшанской автономной области»¹⁴, «История таджикского народа»¹.

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 332-386.

² История таджикского народа. – Т. 2. – Кн. 1. Возникновение и развитие феодального строя (VI-XVI вв.). – М.: «Наука», 1964. – С.129-178, 188-196, 207-225.

³ История Таджикского народа. – Т.П. Эпоха, формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 319-637; Там же. Т.Ш. – Душанбе: Дониш, 2013. – 580 с.

⁴ История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга певая. – Ташкент: Изд. АН УзССР, 1956. – С. 313-379.

⁵ Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). – Душанбе: Дониш, 1977. – 279 с.; Он же. Таджикский феномен: история и теория. – Душанбе: Оли Сомон, 1997. – 448 с.

⁶ Абдуллоев С. Чуғрофиёи таърихӣи давлати Сомониён. Ғ Хучанд: ДДХ ба номи академик Б. Гафуров, 2001. – 374 с.

⁷ Беленицкий А.М. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV-XV) // Историк-марксист. – 1941. № 4. – С.43-58

⁸ Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. – Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. – М.: Наука, 1964. – 464с.

⁹ Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах. – Л.,1933; его же Государство Темура // История Узбекской ССР. – Т. I. – Ташкент, 1967. – С. 435-508.

¹⁰ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 476-517..

¹¹ Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV-XV вв. – Душанбе: Дониш, 1966. – 128 с.

¹² Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – Ташкент: Наука, 1964. – С. 95-140.

¹³ Искандаров Б.И. Искандаров Б.И. Социально-экономические аспекты истории Памирских княжеств (X в. – XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1983. – 160с.; Он же: История Памира. – Хорог: Мерос, 1995. – 185с.

¹⁴ История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. С древнейших времен до новейшего периода. –

Последняя (шестая) группа в этом хронологическом перечне трудов, включает исследования, посвящённые новой истории Памира и Бадахшана, охватывающей вторую половину XIX–начале XX вв. К ним относятся работы русских дореволюционных авторов М.Венюкова², И.Минаева³, Баторского⁴, Серебренникова⁵, Б.Л. Громбчевского⁶, Ф.И. Лобысевича⁷, В.Н.Зайцева⁸, Б.Л.Тагеева (Рустам-бек)⁹, П.А.Риттиха¹⁰, А.Е.Снесарева¹¹, М.А.Терентьева¹², М.Грулева¹³, А.К. Разгонова¹⁴, Муханова¹⁵, В.В. Бартольда¹⁶ и др., а также советских и современных исследователей Б.И. Искандарова¹⁷, А.Абибова¹⁸,

Душанбе: Пайванд, 2005. – 494с.

¹История таджикского народа. – Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010.- 1124с.

²Венюков Очерк международных вопросов в Азии // Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб, 1877. – 297 с.; его же: Исследования англичан в бассейне Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. – 1875. – № 51.

³Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – 242 с. + VIII стр. предисл.

⁴Баторский Поект экспедиции в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807-1808 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XIII. – СПб., 1886. – С. 1-104.

⁵Серебренников капитан. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып LXX. – СПб., 1896. – С. 1-52.

⁶Громбчевский Б.Л. О путешествии 1889-1890 гг. (Доклад капитана Б.Л. Громбчевского, читано в экстерном собрании РГО, 10 января 1891 г.) // Изв.РГО.- Т. XXVII. – Вып. 1891. – С. 97-118; Он же. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Новый Маргелан, 1891. – 58 с.

⁷Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал из истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников). – СПб., 1900. – 205 с.

⁸Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903 г.. – г. Новый Маргелан, 1903. – 78 с.

⁹Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. - 163 с. Предисловие. – I-VIIIс.; Перечень трудов Б.Л.Тагеева (Рустам-Бека), о Памирских походах см. в данную книгу. – С. VII-VIII.

¹⁰Риттих П.А. Штабс-капитан. Авганский вопрос (военно-географический и политический этюды). На правах рукописи. – СПб., 1905. – 89 с.

¹¹Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. – СПб., 1906. – 173 с.

¹²Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875. – 361 с.; он же. История завоевания Средней Азии. – Т. I-III. – СПб., 1906. – соответственно: 510, 547, 496 сс.

¹³Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – 380 с.

¹⁴Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент 1910. – 230 с. Приложением карт.

¹⁵Муханов. Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 86 с. (Копия из Облгосархива ГБАО, Республики Таджикистан).

¹⁶Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинени. – Т.IX. – М.: Наука, 1977. – С. 197-482.

¹⁷Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960.- 214 с.; Он же: Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. I- Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962.- 356с.; Ч.II. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1963.-352 с.; Он же: Из истории дореволюционного Таджикистана. – Душанбе: Дониш. 1974.-76 с.; Он же: История Памира. – Хорог: Мерос,1995.- 185с.

¹⁸Абибов А. Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон (асри XIX ва аввали асри XX). – Душанбе: Дониш, 1971. – 197 с.; Хабибов А. Ганчи Бадахшон. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 320 с.; Его же: Доираҳои адабии Бухорои Шарқи (Асри XIX ва ибтидои асри XX). – Душанбе: Дониш, 1984. – 240 с.; Его же: Аз таърихи равобити адабии Бадахшон бо Хиндустон (асрҳои XVI-XVIII). – Душанбе: Дониш, 1991. – 172 с. и др.

Н.А. Халфина¹, Н.М. Акрамова², Н. Назаршоева³, О.Б. Бокиева⁴, А.В. Постникова⁵, Х. Пирумшоева⁶, Э. Ходжибекова⁷. В этом плане, интерес представляют также монографии И. Мухиддинова⁸, Иоанна Горненского «Тайны Памира»⁹ В. В. Дубовицкого¹⁰, А. Валиева¹¹, а также повествования путешественника, из цикла «Тайны древних цивилизаций» и сборник «Шугнан», куда включены статьи по тем или иным историческим проблемам Шугнана¹².

Несмотря на то, что в работах вышеперечисленных авторов, в той или иной степени прослеживается процесс изучения проблем, причастных к истории Памира и Бадахшана, работы указанных авторов не могут считаться целенаправленными историографическими исследованиями, посвящёнными анализу процесса научного изучения этого горного края, считающегося неотъемлемой частью славной истории таджикского народа.

На общем фоне всевозрастающей необходимости обстоятельного историографического исследования истории Памира и Бадахшана, уместно отметить и причастность автора данной диссертации. Его работа «Памир в

¹Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России.– М.: Наука,1965.- 468с.; Он же. Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – М.: Наука, 1975.- 76с.128с.+Приложение архивных документов.-77-126.

²Акрамов Н.М. Вопросы археологии Памира и Припамирья в трудах русских востоковедов. – Душанбе, 1974.; Он же: Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. – Душанбе:Дониш,1975.-131с.; Он же: Русские исследователи о Памире и Припамирье // Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половина XIX-XX вв.). – Душанбе : Дониш, 1990. - С. 184-223, примеч. – С. 287-297.

³Назаршоев Н. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира.–Душанбе:Ирфон,1975.-296с.

⁴Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. – Душанбе: Ирфон, 1994.- 272с.

⁵Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: РИПОЛ классик, 2005.- 512с.

⁶Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009.-688с.; См. так же: Пирумшоев Х. Памир в первой половине XIX – начале XX вв. // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С. 285-377; его же: Присоединение Памира к России // История таджикского народа. – Т.IV. – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 649-707, 723-732.

⁷Ходжибеков Э. Шугнон аз ахди қадим то инқилоби Октябр // Шугнон. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 33-121.

⁸Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1975. – 125 с.; Его же: Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века. – Душанбе: Дониш, 1984. – 196 с.

⁹Горненский И. Тайны Памира. – М.: Вече, 2002. – 384 с.

¹⁰Дубовицкий В.В. Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана (1868-1917). – Душанбе: Хумо, 2006. – 188 с.

¹¹Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Душанбе: РТСУ, 2013. – 229 с.

¹²Шугнон. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 704 с.

русской историографии второй половины XIX–начала XX вв.»¹, как явствует из её названия, охватывает лишь русскую историографию Памира второй половины XIX–начала XX вв. Выход в свет настоящего труда ещё более наглядно продемонстрировал необходимость углублённого историографического изучения древней, средневековой и новейшей истории Памира и Бадахшана. Возникшая научная потребность в сравнительном анализе источников и результаты длительного изучения истории Памира, включая левобережный Бадахшан, о чём подробно говорилось в начале первой главы, подчеркнули актуальность этой проблемы в современной российской историографии.

Объектом исследования является историография древней, средневековой, новой истории Памира и Бадахшана.

Предметом исследования считается определение степени научного освещения истории Памира и Бадахшана с древности до новейшего периода в отечественной и мировой ориенталистике.

Цель и задачи исследования. Основной целью представленной к защите диссертации, является определение степени вовлечения источников в научный оборот, и на этой основе проследить за процессом разработки проблем, связанных с древней, средневековой и новой историей Памира и Бадахшана. Такой подход открывает широкий простор для комплексного историографического анализа, необходимого для выявления достигнутых результатов с одной стороны, и с другой определения проблем, решение которых соответствуют требованиям насущных задач современной национальной историографии.

С учётом поставленной цели, приоритетными задачами данного исследования являются:

-определение этимологической концепции и географического ареала Памира, включая Бадахшан, на основе имеющихся источников и литературы;

¹Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX–начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.

- анализ источников, связанных с древней историей Памира и Бадахшана;
- оценка освещённости древней истории Памира и арийского происхождения его населения в отечественной и зарубежной историографии;
- выявить заслуги исследователей в изучение политической, социально-экономической и культурной жизни раннесредневекового Памира
- осветить историографию истории Памира IX-XV вв. и на этой основе определить степень изученности положения Памира в эпоху Саманидов, политическую обстановку в период владычества монголов, освещения истории Памира и Бадахшана периода правления Тимуридов;
- проследить за процессом исследования истории Памира и Бадахшана в контексте политической истории Средней Азии позднесредневекового периода (XVI–середина XIX вв.);
- определить степень вовлечения в научный оборот местных источников, относящихся к позднесредневековой истории Памира и Бадахшана;
- акцентировать внимание на объективности анализа социально-экономического положения позднесредневекового Памира и Бадахшана в исследованиях отечественных и зарубежных историков;
- выявить степень изученности геополитических интересов Англии и России на Памире;
- обстоятельно проанализировать историографию присоединения Памира к России и особенности его административного управления;
- осуществить сопоставительный историографический анализ особенностей социально-экономического положения Памира конца XIX – начала XX вв.;
- проанализировать историко-этнографическую литературу, освещающую культурные традиции памирцев XIX – начала XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают длительную историю Памира и Бадахшана с древности до начала новейшего (1917) периода. В их орбиту включены следующие этапы историографического анализа:

1. Памир и Бадахшан в древних письменных и материальных источниках;

2. Историография древнего и раннесредневекового периода;
3. Памир и Бадахшан IX-XV вв. в сочинениях средневековых авторов и исследованиях востоковедов.
4. Историография Памира XVI – середины XIX вв.;
5. Историографический анализ событий, связанных с англо-русским противостоянием в регионе;
6. Оккупационные действия афганцев;
7. Процесс присоединения Памира к России конца;
8. Перемены, происходившие в социально-экономической и культурной жизни Памира в конце XIX- начале XX вв.

Территориальные рамки исследования соответствует общепринятому научному определению географического пространства Памира. Оно помимо Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, охватывает северные склоны Кашгарского Памира (северные склоны Гиндукуша), входившего в состав Синцзянской провинции Китайской народной республики, а также левобережная часть Западного Памира и Бадахшана, ныне относящиеся к Исламскому Эмирату Афганистан.

Научная новизна диссертационной работы проявляется в том, что впервые представлено комплексное историографическое исследование Памира и Бадахшана с обширным хронологическим показателем, охватывающим древнюю, средневековую и новую историю этого горного обиталища таджиков. Анализируя огромный пласт источников и литературы, автору удалось впервые представить обстоятельный историографический труд, освещающий многосложный процесс научного изучения многовековой истории Памира с Бадахшаном, как единое географическое пространство, согласно мнению подавляющего большинства специалистов, издавна привлекающее интерес учёных историко-географических направлений науки.

Степень **научной новизны** настоящего исследования определяется наличием следующих аргументов:

- на основе имеющихся источников, сведений путешественников и заключения авторов историко-географических исследований определено географическое пространство Памира;

- обстоятельно анализируются материальные (археологические) и письменные источники, относящиеся к древней истории Памира и Бадахшана;

- приводится сопоставительный анализ заключения исследователей, касательно этнической принадлежности памирцев, как и всех таджиков к древней индоиранской (арийской) общности;

- объективно оценены заслуги исследователей в изучение политической, социально-экономической и культурной жизни раннесредневекового Памира;

- была успешно предпринята попытка проанализировать историографию истории Памира и Бадахшана в IX–XV веках, с акцентом на оценку степени научной изученности их положения в период правления Саманидов и последующих эпох с учётом политической обстановки в период монгольского владычества и династии Тимуридов;

- впервые проводится комплексный историографический анализ изучения истории Памира и Бадахшана в контексте политической и социально-экономической истории Средней Азии в эпоху позднего Средневековья (XVI — середина XIX вв.);

- определена степень вовлечения в научный оборот местных источников причастных к позднесредневековой истории Памира и Бадахшана;

- особое внимание уделено степени объективности анализа социально-экономического положения позднесредневекового Памира и Бадахшана в исследованиях отечественных и зарубежных историков;

- впервые путём сопоставительного анализа обстоятельно выявлена степень изученности геополитических интересов Англии и России на Памире;

- на более обширной источниковедческой и историографической основе проанализированы проблемы, связанные с присоединением Памира к России и особенности его административного управления;

- существенно расширен сопоставительный историографический анализ особенностей социально-экономического положения Памира конца XIX – начала XX вв.;

- проведён более обстоятельный анализ историко-этнографической литературы, освещающей особенности традиционной культуры памирцев XIX – начала XX вв.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка проведения комплексного историографического анализа истории Памира и Бадахшана. Теоретически этот анализ способствует более глубокому научному пониманию истории Памира в её обширном географическом контексте, включая Бадахшан и левобережье Западного Памира, которые в результате исторических событий и геополитических интересов Британской и Российской империй находились под влиянием Афганистана. Подобный анализ позволяет более объективно оценить роль Памира в геополитических событиях того времени, когда была нарушена географическая целостность таджикского народа.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что содержащиеся в нём материалы могут быть использованы в дальнейшем научном анализе различных аспектов истории таджикского народа в целом, а также Памира и Бадахшана в частности. Эти материалы могут быть полезны при подготовке учебников и учебных пособий по истории таджикского народа.

Методологическая основа исследования. Диссертация основывается на принципе историзма, являвшимся ключом к объективному анализу сложного процесса, связанного с общим закономерным процессом, присущим древней, средневековой и новой истории Центральной Азии в целом, Памира и Бадахшана в частности. В работе применён комплекс таких общенаучных методов исследования, как сравнительно-исторический, системно-структурный, проблемно-хронологический, сопоставительный, критический, дедуктивный, индуктивный, ретроспективный и историко-типологический. Придерживались также принципов конкретности, объективности, комплексности, системности и

других методов присущих общеисторическим, историографическим и источниковедческим исследованиям.

Основные положения, выносимые на защиту:

- географическое пространства Памира и Бадахшана, несмотря на наличия древних и средневековых сведений, также обширного круга исторических и географических исследований, не получило точного и конкретного определения в отечественной и мировой историографии. Фактически, на основе имеющихся источников, данных исследователей и точки зрения авторов историко-географических трудов была сделана первая попытка определения географических границ этого горного региона, являющегося местом обитания таджиков с древнейших времён;

- в течение длительного времени на Памире проводились археологические исследования. Настало время рассмотреть их в контексте историографии. Анализ находок советских и современных археологов, а также сохранившихся письменных документов и их сопоставление с выводами учёных по данному вопросу позволяет составить более точное представление о древней истории Памира и Бадахшана;

- антропологические показатели и заключения известных исследователей приводят к однозначному мнению об этнической принадлежности памирцев, как и других таджиков, к древней индоиранской (арийской) общности;

- историографический анализ имеющихся источников и изучение трудов исследователей, связанных с историей раннего средневековья Памира, несмотря на фрагментарность и малоинформативность, даёт широкие возможности для детального изучения политической, социально-экономической и культурной жизни Памира и Бадахшана в период с III по VIII в.

- сведения из историко-географических трудов средневековых авторов являются ценными источниками для изучения истории Памира и Бадахшана в эпоху Саманидов и после упадка их государственности. Активное включение этих данных в научный оборот способствует глубокому анализу политического

и социально-экономического положения этих горных регионов в XI–XV вв., особенно в периоды татаро-монгольского ига и правления Тимуридов в Мавераннахре и Хорасане.

- комплексный историографический анализ поэтапного исследования истории Памира и Бадахшана, даёт возможность определить ход часто менявшегося династического управления в Средней Азии и степень его влияния на политическую, социально-экономическую жизнь этих горных владений в позднем средневековье (XVI–середина XIX вв.);

- историографический анализ позднесредневековой истории Памира и Бадахшана показывает однозначное мнение исследователей о сохранении самостоятельности в их традиционном династическом управлении, несмотря на усиливавшееся давление со стороны более могущественных соседних государственных образований. В этом плане особую значимость приобретают местные источники, изучением которых занимались исследователи, связанные с историей Памира и Бадахшана в XVI — середине XIX вв.;

- особое место в историографии Памира и Бадахшана занимают исследования, посвящённые истории усиления геополитических интересов Англии и России на Памире. В этом плане сопоставительный анализ имеющихся источников и исследования российских и западноевропейских востоковедов и военно-дипломатических кругов яснее демонстрирует степень противостояния двух империй в этом стратегически важном горном узле;

- вторая половина XIX — начало XX века в истории Памира и Бадахшана характеризуется как трагический период. Вследствие прямого вмешательства британских колонизаторов Бадахшан был насильственно включён в состав Афганистана в 1873 году. В 1880-х годах началась трагическая афганская оккупация Западного Памира, которая продолжалась до середины 1890-х годов. России пришлось приложить значительные усилия для освобождения правобережной части Западного Памира от афганского контроля. Изучение этого исторического процесса в рамках историографии помогает определить

степень изученности этих вопросов в современной отечественной исторической науке.

-особенности российского административного управления, связанные с присоединением Памира к России, а также обилие источников и литературы требуют более глубокого изучения. Имеющиеся разногласия по этому вопросу вызывают необходимость объективного сопоставительного анализа для оценки вклада учёных, занимавшихся изучением истории присоединения Памира к России. Особый интерес представляют причины искусственного разделения Памира и позитивные изменения, произошедшие в той его части, которая перешла под юрисдикцию Российской империи;

- на наш взгляд, в историографии Памира особое место занимают социально-экономические перемены, которые происходили на Памире в конце XIX — начале XX вв. Данная проблема вызывала особый интерес как дореволюционных и советских, так и современных исследователей. Свидетельством тому является большое количество работ, посвящённых этому периоду истории Памира, в которых в той или иной степени прослеживается история изучения данной проблемы. Нельзя обойти вниманием и упомянутую выше книгу автора диссертации, в которой дан обобщённый историографический анализ трудов, связанных с событиями, происходившими в конце XIX — начале XX вв. на Памире и в Бадахшане.

- в общем процессе исследования истории Памира особое значение имеет традиционная культура местного населения, которая является неотъемлемой частью таджикской культуры, развивавшейся и совершенствовавшейся на протяжении веков в соответствии с историческими реалиями различных эпох. Если материальную и духовную культуру древнего и средневекового периодов можно изучать с помощью археологических и письменных источников, то история культуры Памира XIX — начала XX вв. подробно освещена в трудах русских дореволюционных авторов, изучавших этнографию региона. Трудно переоценить заслуги советских исследований в контексте таких аспекты духовной культуры, как музыкальное искусство и художественная литература

(особенно поэзия). Историографический анализ помогает объективно оценить достижения исследователей и определить дальнейшие перспективы изучения этой проблемы.

Источниковедческая база исследования обширна и многообразна.

Для проведения сопоставительного анализа и определения степени достоверности сведений, предоставленных исследователями, работающими с историей Памира и Бадахшана, были использованы следующие категории источников:

- русские переводы античных и китайских источников; Геродот, Страбон, Эротасфен, Птолемей¹, Бань-Гу, Фан-Е, Ли Ян-шоу, Сюань-Цзан² и др.

- средневековых персидских и арабских сочинений; Ал-Мукаддасй, Ал-Йа`куби, Ан-Насави Шихаб ад-Дин, Ахмад ибни Мухаммад ибни Арабшох, Бируни Абу Рейхан, Джамал Карши, Захируддин Бабур, Ибн ал-Асир, Ибн Хаукаля, Ибн Хордадбех, Истахри, Мирзо Мухаммад Хайдари Дуғлот, Мухаммад Салих, Мухаммад Юсуф Мунши, Низомудини Шоми, Хоча Абулфазл Мухаммад ибни Хусайни Байхақй, Худуд-ул-олам³ и др.

¹ История в девяти томах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. – М.,1999. – 729 с.: География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. – М.: «Наука», 1964. –944 с.; Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад: Изд.-во АН ТаджССР, 1957.-767с.

² Бичурин Н. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. – Т.П. – М., 1950. 1049 с.; Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад: Изд.-во АН ТаджССР, 1957.- 767 с.

³ Ал-Мукаддасй. Аҳсан ат-тақосим фи маърифати-л-ақолим (Лучшее разделение для познания климатов) . – Лейден, 1906.-498с.; Ал-Йа`куби. Книга стран (Китаб ал-булдан) Вступительная статья, перевод, комментарии и указатели Л.А. Семеновой. – М.: «Восточная литература», 2011. – 372с.; Ан-Насави Шихаб ад-Дин. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурни (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурни). – М., 1996.- 798с.; Ахмад ибни Мухаммад ибни Арабшох. Зиндагии шигифтовари Темур (Ачоибу-л-мақдур фи ахбори Темур) (Чудеса предопределения в превратностях судьбы (в известиях) Тимура). Мутарчим МухаммадАлй Начотй. Баргардонанда ба хати кириллй А.Муродзода.Зери назари Хамза Камол – Душанбе: ЭР-граф, 2018. –400 с.; Бируни Абу Рейхан. Индия. – М.: Ладомир, 1995. -729 с.; Джамал Карши. Мулхакат ас-Сурах (Прибавление к словарю ас-Сурах). Перевод с арабского примечания А.Саидова . – Душанбе: Ирфон, 2006 – 266с.; Захируддин Бабур.Бабур-наме. Записки Бабура.Перевод М. Салье. Ответственный редактор и автор предисловие, С.А. Азимджановой.– Ташкент: Изд.-во АН УзССР, 1958. – 530 с.; Ибн ал-Асир. Ал-Комил фитаърих (Полный свод истории) . Полный свод истории. Перевод с арабского языка, примечания и комментарии П.Г.Булгакова. – Ташкент: Узбекистан, 2006. – 562с.; Ибн Хаукал. Китаб сурат аль-ард (Книги картины Земли) // Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дувум (мутуни арабиасл). – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Рахим Чалил, 1998. - С.141-150.; Ибн Хурдообех. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик (Книга путей и стран) // Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дувум (мутуни арабиасл). – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Рахим Чалил, 1998. – С.4-7.; Истахрй. Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик (Книга путей и стран) . – Техрон, 1961.; Мирзо Мухаммад Хайдари Дуғлот. Таърихи Рашиди (История Рашиди). – Тасхеги Аббосқули Ёаффорифар. – Техрон: Мероси мактуб, 1383.-603с.; Мухаммад Салих. Шейбани-наме (Книга Шейбани). Джагатайский текст. Посмртное издание П.М. Мелиоранского. – СПб.,1908 –138с.; Мухаммад Юсуф Мунши. Мукимханская история. Перевод с

- сочинения местных знатоков истории; Мирзо Сангмухаммали Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар, Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Курбон Мухаммад-зода (Охун Сулаймон) и Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футур-шо), Саид Хайдаршох Муборакшохзода¹ и др.

- извлечённые из Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). (Бывший Архив Ленинградского отделения востоковедов ИВ АН СССР.) (АВ ИВР РАН СПб.)², Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва) (бывший ЦГВИА СССР)³, Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз., г. Ташкент)⁴, Копии архивных материалов хранившиеся в областном архиве ГБАО и материалы Архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ (ныне НАНТ) из Фонда А.А. Семенова⁵.

- опубликованные документальные материалы, относящиеся к англо-русскому противостоянию, тексты англо-русских переговорных заседаний,

таджикского, предисловие, примечания и указатели А.А. Семенова. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. –233с.; Низомудини Шоми. Зафарнома (Книга побед). Баргардонандаи матн А.Муродзода. – Душанбе, 2019. –488с.; Хоча Абулфазл Мухаммад ибни Хусайни Байхақӣ. Таърихи Байхақӣ (История Байхаки). – Душанбе: Бухоро, 2014. – 774с.; Худуд-ул-олам. Мина-л-машриқ ила-л-мағриб (Границы мира с востока на запад). Мураттиб ва муаллифи сарсухан А. Хасанов.– Душанбе: Бухоро, 2014. –588 с.

¹Мирзо Сангмухаммади Бадахши и Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон (История Бажюлщргомаппаячыдахшана). Муаллифи пешгуфтор, баргардони матн, қисме аз тавзеҳот, мураттибони феҳристонӣ номҳои ҳос ва мавзеъҳои ҷуғрофӣ. – Ғоибов ва М. Холов. –Душанбе: Дониш, 2007. – 275 с.; Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского П.П.Введенского, Б.И. Долгополова и Е.В.Левкиевского. Под редакцией, с предисловием и примечаниям проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1926. – 248 с.; Курбон Мухаммад-зода (Охун Сулаймон) и Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футур-шо) Таърихи Бадахшон (История Бадахшана). Издание текста, примечания и указатели А.А. Егани. Предисловие Б.И. Искандарова (на русск. яз). – М.: Наука, 1973.– Предисловие и текстологические примечания – С. 5-47. Факсимиле и печатное изд. на арабском шрифте. – 249 с.; Саид Хайдаршох Муборакшохзода. Таърихи мулки Шугӣнон. (Перевод русского текста «История Шугнана», подготовленного с оригинала, с ведением и примеч. А.А. Семенова. – Ташкент, 1916). Тарҷума (аз русӣ), таҳияи Н. Чонбобоев ва А.Мирхоча – Хоруғ: ПОМИР, 1992. – 36 с.

² АВ ИВР РАН СПб. – Ф. 115. - . – Оп. 1. – Ед.хр.18.- Лл.56-58.; Ед. хр. 117.- Лл.8-30,58-59,60-62,64-66,67-70,72-73.

³ РГВИА. – Ф. 143. – Оп.1. – Ед. хр. 144.;Ф.400.-Д.24.-Л.17; Д.291.-Л.76-79.; РГВИА. – Ф. Военно-ученый архив (далее, РГВИА. Ф. ВУА). – Оп.1. – Д.6931.-Л.93, Д.7304. – Л.88.; Ф. 483 (ВУА). – Оп. – 1. – Ед. хр. 144.-Лл.1-60 об, 22-42.; Ф. 846. – Оп. 1. - № 106, 1419.-Лл.28-29.; Ф. 846. – Оп. 1. - № 117. – Л. 1 об.; Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр.186,-Лл.1-4об; Оп.2.- Ед. хр. 956.- Лл.47-47 об,62-66.; Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 12; Оп.2.-Ед. хр. 31. – Л. 81-82 об; Оп.2.- Ед. хр. 956.-Лл.61-66, Оп.2.-Ед. хр. 1455. –Л. 78- 80 об; Ф.1396. – Оп. 2. – Д. № 530. – Л. 55;Ф. 1396. – Оп. 2. – № 518. – Л. 113-114; Оп.2.-№ 1845. – Л. 94; Оп.2.- № 2147. – Л.95; Ф. 1896. – Оп. 2. – Ед. хр. 12. – Л. 32; Оп.2.- Ед. хр. 13.-Лл.4-23об; Оп.2.-Ед. хр. 1525.-Лл.112-128.

⁴ ЦГА РУз.– Д.830/263. – Л.16.; Ф. И-2. – Оп. 3. – Д. 535. – Л. 17-18.; Ф.11. – Оп.3. – Д. 680. – Лл. 39-40.; Ф. И-3. – Оп. 2. – Д. 77. – Лл. 193-197.; Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 77. –Лл. – 202-214.; Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 2660. – Лл. 47-55.; Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 2660.– Лл. 1-2.; Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 97.–Лл. 46-77.; Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 101. – Лл. 18-19.; Ф. И-2. – Оп.2. – Д. 236.; Ф. И-2. – Оп. 3. – Д. 535.– Л.л. 17-20.;

⁵ Архив института Истории НАНТ Ф. А.А. Семенова. – Оп. 1. – Ед. хр. 237.- Лл. 16-18, 13-14.; Копии некоторой части архивных материалов диссертанту любезно предоставлены профессором Х. Пирумшоевым.

договоров 1873 и 1895 гг. касательно Памирского разграничения 1895 г.; М. Венюкова, М.А. Терентьева, Д.Д.Семенова, И.Минаева, Баторского, Б.Л. Громбчевского, С.Уманьца, В.Острогова, М.Н. Каткова, Лобысевича, Ю.Д.Головиной, Б.Л.Тагеева (Рустам-бек), Серебренникова, Ф.И. В.Н.Зайцева, П.А.Риттиха, А.Е.Снесарева, М.Грулева, А.К. Разгонова, И.Слущкого, Муханова, В.В. Бартольда¹ и др.

- работы представителей русских военно-дипломатических кругов, посетивших Памир во второй половине XIX в.; Александрович, Г.А. Арандаренко, А.А. Бобринской, Н.Богоявленский, Ванновский, Ю.Д. Головина, Б.Л. Громбчевский, Грум-Гржимайло, В.Н. Зайцев, Д.Л. Иванов, Н. Косиненко, П.А. Кузнецов, В.И. Липский, Б.Н. Литвинов, Муханов, И.В. Мушкетов, В.Ф. Ошанин, Д.В. Путята, А.Е. Регель, Н.А. Северцов, Д.Д.

¹ Венюков М. Исследования англичан в бассейне Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. – 1875. – № 51; его же: Очерк международных вопросов в Азии // Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб., 1877. – 297 с.; Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875. – 361 с.; Он же: История завоевания Средней Азии. – Т. I-III. – СПб., 1906. – соответственно: 510, 547, 496 сс.; Туркестанский край. – М., 1877. – С. 235-236.; Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – 242 с. + VIII стр. предисл.; Баторский Поект экспедиции в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807-1808 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XIII. – СПб., 1886. – С. 1-104.; Громбчевский Б.Л. О путешествии 1889-1890 гг. (Доклад капитана Б.Л. Громбчевского, читано в экстерном собрании РГО, 10 января 1891 г.) // Изв.РГО.- Т. XXVII. – Вып. 1891. – С. 97-118; Он же: Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Новый Маргелан, 1891. – 58 с.; Уманьца С. Памирский вопрос и его значение // Исторический вестник.–Т. 47. – СПб.,1892. - № 1.– С.196-202.; В.Острогова. Памиры и памирский вопрос // Наблюдатель. – 1894. - № 6. – С. 65-178.; Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1869 год. М., 1897. – С. 201-221.; Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал из истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников). – СПб., 1900. – 205 с.; Головина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы. – М., 1902. – С. 204-207.; Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. - 163 с. Предисловие. – I-VIII с.; Перечень трудов Б.Л.Тагеева (Рустам-Бека), о Памирских походах см. в данную книгу. – С. VII-VIII.; Серебrenников капитан. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып LXX. – СПб., 1903. – С. 1-52.; Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903 г.. – г. Новый Маргелан, 1903. – 78 с.; Риттиха П.А. Штабс-капитан. Афганский вопрос (военно-географический и политический этюды). На правах рукописи. – СПб.,1905. – 89 с.; Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. – СПб., 1906. – 173 с.; Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – 380 с.; Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент 1910. – 230 с. Приложением карт.; Слущкий И. Памиры в политическом отношении // Средняя Азия. – Ташкент, 1910. - № 2. – С. 73-74; Муханов. Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 86 с. (Копия из Облгосархива ГБАО, Республики Таджикистан); Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинени. – Т.IX. – М.: Наука, 1977. – С. 197-482.; См. так же: Афганские разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872- 1885 гг. – СПб., 1886. – С. 1-25.; Дипломатическая переписка между Россией и Англией // Биржевые ведомости . – СПб., 1874. – 23 марта (4 апреля) и др.

Семенов, А. Серебренников, Скерский, Б.В. Станкевич, Б.Л. Тагеев (Рустам Бек),¹ и др.

¹Александрович. Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 г. (Сообщение корпуса военных топографов капитана Александровича 3 декабря 1894 г. в Ташкентском собрании) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1895. – 16 февраля.; Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. (Этнографический очерк) // Военный сборник. – Т. 154. – 1883. – № 11-12. – С.51-311.; Он же: В горах и долинах Дарваза-Каратегина (На верховьях Амударьи) // Досуги в Туркестане 1874-1889. – СПб., 1889. – С. 427-479.; Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908. – 152 с.; Он же: Орнамент горных таджиков Дарваза (нагорная Бухара). – М., 1900. – 18 с. + XX таблиц образцы орнаментов; Он же: Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. – М., 1902. – 18 с.; Богоявленский Н. В верховьях реки Амударьи // «Землеведение». Периодическое издание Географического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Книжка I-II. – М., 1901. – С. 1-26.; Ванновский. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе. 1893 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (в дальнейшем - СГТСМА). Вып. LVI. – СПб., 1894. – С. 73- 95.; Головнина Ю.Д. На памирах. Записки русской путешественницы. – М., 1902. – 244 с.; Громбчевский Б.Л. Доклад о путешествии в 1889-1890 гг. прочитанный в экстерном собрании РГО 10 января 1891 г. и в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891 г. // Изв ИРГО. – СПб., 1891. – Т. XXVII. – Вып. 2. – С. 97-118.; Он же: Экспедиции на Памиры // Известия ИРГО. – СПб., 1899. – Т. XXV. – Вып. 5. – С. 423-426.; Он же: Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет 1889-1890. – Познан, 2017. – 601с.; Он же: Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Громбчевского. На правах рукописи. Секретно. – Новый Маргелан. – Без даты издания. – 158 с.; Грум-Гржимайло. Очерки При-памирских стран // Известия ИРГО. – Т. XXII. – СПб., 1887. – С. 81-109.; Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903 г. – г. Новый Маргелан, 1903. – 78 с.; Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского русского географического общества. – Т. XX. – СПб., 1884. – С. 209-252; 1886. – Т. XXI. – В. 6. – С. 579-582.; Он же: Путешествие на Памир и Орографический характер Памира // Известия ИРГО – Т. XX. – 1884. – С. 209-268.; Он же: Что называть Памиром // Известия Императорского географического общества (ИРГО). – СПб., 1885. – Т. XXI. – Вып. 2. – С. 131-145.; Он же: Шугнан. Афганские очерки // Вестник Европы. – СПб., 1885. – Т. III. – № 6. – С. 612-658; Т. IV. – № 7. – С. 48-97.; Косиненко Н. По трапам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза. (Из путевых заметок). – Пг., 1916. – С. 117-138.; Он же: Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник. – СПб., 1977. – Т. 114. – № 4. – С. 357-382.; Он же: Экспедиция в Алайские горы // Русский инвалид. – СПб., 1876. – 9 сентября; 25 сентября; 17 октября; 4 ноября; 15 дек.; Кузнецов П.А. Памиры // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LVI. – СПб., 1894. – С. 1-22.; Он же: Дарвоз (рекогносцировка ген. Штаба капитана Кузнецова в 1892). – г. Новый Маргелан, 1893. – 175 с.; Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах. – Ч. 1-3. – СПб., 1902-1905; Ч. 1. – С. 1-318; Ч. 2. – С. 319-541; Ч. 3. – С. 542-735.; Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. – СПб., 1904. – Т. 93. – № 10. – С. 297-331; № 11. – С. 697-729; № 12. – С. 1045-1087.; Муханов. Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 86 с.; Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. – Т. I. – Ч. I. – СПб., 1886. – 331 с.; Ошанин В.Ф. Дарваз и Каратегин // Известия ИРГО. – 1881. – Т. XVII. – Вып. 1. – С. 21-58.; Путята Д.В.. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкуль, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (в дальнейшем СГТСМА или Сборник материалов по Азии). – СПб., 1884. – Вып. X. – С. 1-88.; Регель А.Е. Путешествие в Шугнан // Известия Императорского Русского географического общества (в дальнейшем Известия ИРГО). – СПб., 1884. – Т. XX. – Вып. 3. – С. 268-274.; Северцов Н.А. Путешествие на Нарын и Аксай и исследование высоких сыртов Тянь-Шаньской системы. // Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование гор Тянь-Шаня. – Сборник отчетов. – Ч. I. – СПб., 1873. – С. 109 – 430.; Семенов Д.Д. Туркестанский край. – М., 1877. – С. 235-236.; Серебренников А. Очерк Памира. – СПб., 1900 – 49с.; Он же: Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып LXX. – СПб., 1896. – С. 1-52.; Он же; Памир. Краткий очерк // Ежегодник Ферганской области. – Вып. 1. – Г. Новый Маргелан, 1892. – С. 90-158.; Он же: Рекогносцировка Шугнана в 1894 г. (Страничка из истории Памирского вопроса) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1896. – 7 июля; 25 июля; 11 августа; 15 августа.; Скарский. Краткий очерк Памира // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии – Вып. L. – СПб., 1892. – С. 14-40.; Станкевич Б.В. По Памиру. Путевые заметки // Русский вестник. – 1904. – № 8. – С. 624-657; № 9. – С. 235-269; № 10. – С. 456-499; № 11. – С. 3-28.; Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). Еще о памирском соглашении // Туркестанские ведомости. – 1895. – 14 май.; Он же: Два неведомых уголка России – Шугнан и Рушан // По Азию. Сборник статей для юношества. – М., 1903. – С. 152-163.; Он же: Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой

- путевые записки европейских и русских путешественников, а также документальные материалы, содержащиеся в трудах исследователей, относящиеся к позднесредневековому и новому периодам истории Памира и Бадахшана: Марко Поло, Бенедикт Гоёса, Феликса да Роша, Жоа де Эспинья, Мишеля Бено, Александра Бёрнса, Джона Вуда, Генри Роулинсона, Мирза Шуджа, Хайдар-шаха (Хавильдар), Генри Юля, Генри Троттера, Дугласа Форсайта, Джоржа Литльдейла, Дельмара Моргана, Френсиса Янгхазбенда, Чельнсфорда, Лепеля Грифина, Георга Кюрзона,¹ Александровича, Г.А. Арандаренко, А.А. Бобринского, Н.Богоявленского, Ванновского, Ю.Д. Головнина, Б.Л. Громбчевского, Грум-Гржимайло, В.Н. Зайцева, Д.Л. Иванова, Н. Косиненко, П.А. Кузнецова, В.И. Липсконой, Б.Н. Литвинова, Муханова, И.В. Мушкетова, В.Ф. Ошанина, Д.В. Путята, А.Е. Регеля, Н.А. Северцова, Д.Д. Семенова, А. Серебренникова, Скерского, Б.В. Станкевича, Б.Л. Тагеева (Рустам Бек),² и др.

жизни на Памире. – СПб., 1900. – С. 178-253.; Он же: Памирский поход (воспоминания очевидца) // Исторический вестник. – СПб., 1898. – Т. 73. - № 7. – С. 111-138; № 14. – С.497-519; Т. 74. - № 10. – С.142-163.; Он же: Результаты работы памирской разграничительной комиссии // Туркестанские ведомости. – 1899. – 24 и 27 июнь; Он же: Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – 151 с. Предисловие. – I-VIII с.; Он же: Через Алай и Памир. Очерк // Всемирная иллюстрация. – СПб., 1895. - № 1370. – С. 338-342; № 1379. – С. 11-12; № 1380. – С. 25-30.;

¹ Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И.П. Минаева. Редакция и вступительная статья И.П. Магидовича. – М.: Изд-во Географическая литература, 1956. – С. 76. (общ. С. – 388).; Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – С. 70-76; Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.; РИПОЛ классик, 2005. – С.53-55.; Бёрнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками британского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Перси, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг.: в 3-х томах. – Т. I-III. – М.: Издание П.В.Голубкова, 1848, 1849.; Wood Captain John, I.N. A personalofa Journey to the Indus, Kabul and Badakhshan in 1836, 1837, 1838. – London, 1841; Wood J. Journey to the source of the river Oxus. By Cartain John Wood. New adition, ed. By his son. – London, 1872.; Rawlinson, Sir Henry C. England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. – London, 1875.; Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Перевод с английского О.А.Федченко. С дополнениями и примечаниями А.П.Федченко, Н.В.Ханьков и Г. Юля. (приложение к Изв. ИРГО.–1873. - № 6). – СПб., 1873. – 82 с.; Trotter, Cart.H.R.E. On The Geographical Results of the Mission to Kashgar under Sir T. Douglas Forsyth in 1873-1876. Proceedings of the Royal Geographical Society. Vol. XXII, Session 1877-1878. Nos. Itovi. – London, 1878; Белью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873-1874 гг. Перевод с английского. – СПб., 1877; Forsyth, T.D. Report of a mission to Yarkund in 1873. Calcutta, 1875.; Мак-Грегор. Оборона Индии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XLIII. – СПб., 1891. – 264 с.; Извлечение из описания путешествия через Памир совершенного Литльделем (с английского перевел подполковник Генерального штаба Десин) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып.L. – СПб., 1892. – С. 1-13. Извлечение из описания путешествия через Памир Литльделя. – С. 11.

²Александрович. Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 г. (Сообщение корпуса военных топографов капитана Александровича 3 декабря 1894 г. в Ташкентском собрании) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1895. – 16 февраля.; Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. (Этнографический очерк) // Военный сборник. – Т. 154. – 1883. - - № 11-12. – С.51-311.;Он же: В горах и долинах Дарваза-Каратегина(На верховьях Амударьи) //Досуги в Туркестане1874-1889. – СПб., 1889. – С. 427-479.; Бобринской А.А. Горцы верховьев

Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908. – 152 с.; Он же: Орнамент горных таджиков Дарваза (нагорная Бухара). – М., 1900. – 18 с. + XX таблиц образцы ораментичулков.; Он же: Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. – М., 1902. – 18 с.; Богоявленский Н. В верховьях реки Амударьи // «Землеведение». Периодическое издание Географического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Книжка I-II. – М., 1901. – С. 1-26.; Ванновский. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе. 1893 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (в дальнейшем - СГТСМА). Вып. LVI. – СПб., 1894. – С. 73-95.; Головнина Ю.Д. На памирах. Записки русской путешественницы. – М., 1902. – 244 с.; Громбчевский Б.Л. Доклад о путешествии в 1889-1890 гг. прочитанный в экстерном собрании РГО 10 января 1891 г. и в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891 г. // Изв ИРГО. – СПб., 1891. – Т. XXVII. – Вып. 2. – С. 97-118.; Он же: Экспедиции на Памиры // Известия ИРГО. – СПб., 1899. – Т. XXV. – Вып. 5. – С. 423-426.; Он же: Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет 1889-1890. – Познан, 2017. – 601с.; Он же: Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Громбчевского. На правах рукописи. Секретно. – Новый Маргелан. – Без даты издания. – 158 с.; Грум-Гржимайло. Очерки При-памирских стран // Известия ИРГО. – Т. XXII. – СПб., 1887. – С. 81-109.; Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903 г. – г. Новый Маргелан, 1903. – 78 с.; Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского русского географического общества. – Т. XX. – СПб., 1884. – С. 209-252; 1886. – Т. XXI. – В. 6. – С. 579-582.; Он же: Путешествие на Памир и Орографический характер Памира // Известия ИРГО – Т. XX. – 1884. – С. 209-268.; Он же: Что называть Памиром // Известия Императорского географического общества (ИРГО). – СПб., 1885. – Т. XXI. – Вып. 2. – С. 131-145.; Он же: Шугнан. Афганские очерки // Вестник Европы. – СПб., 1885. – Т. III. – № 6. – С. 612-658; Т. IV. – № 7. – С. 48-97.; Косиненко Н. По трапам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза. (Из путевых заметок). – Пг., 1916. – С. 117-138.; Он же: Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник. – СПб., 1977. – Т. 114. – № 4. – С. 357-382.; Он же: Экспедиция в Алайские горы // Русский инвалид. – СПб., 1876. – 9 сентября; 25 сентября; 17 октября; 4 ноября; 15 дек.; Кузнецов П.А. Памиры // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LVI. – СПб., 1894. – С. 1-22.; Он же: Дарвоз (рекогносцировка ген. Штаба капитана Кузнецова в 1892). – г. Новый Маргелан, 1893. – 175 с.; Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах. – Ч. 1-3. – СПб., 1902-1905; Ч. 1. – С. 1-318; Ч. 2. – С. 319-541; Ч. 3. – С. 542-735.; Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. – СПб., 1904. – Т. 93. – № 10. – С. 297-331; № 11. – С. 697-729; № 12. – С. 1045-1087.; Муханов. Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 86 с.; Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. – Т. I. – Ч. 1. – СПб., 1886. – 331 с.; Ошанин В.Ф. Дарваз и Каратегин // Известия ИРГО. – 1881. – Т. XVII. – Вып. 1. – С. 21-58.; Путята Д.В.. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкуль, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (в дальнейшем СГТСМА или Сборник материалов по Азии). – СПб., 1884. – Вып. X. – С. 1-88.; Регель А.Е. Путешествие в Шугнан // Известия Императорского Русского географического общества (в дальнейшем Известия ИРГО). – СПб., 1884. – Т. XX. – Вып. 3. – С. 268-274.; Северцов Н.А. Путешествие на Нарын и Аксай и исследования высоких сыртов Тянь-Шаньской системы. // Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование гор Тянь-Шаня. – Сборник отчетов. – Ч. I. – СПб., 1873. – С. 109 – 430.; Семенов Д.Д. Туркестанский край. – М., 1877. – С. 235-236.; Серебренников А. Очерк Памира. – СПб., 1900 – 49с.; Он же: Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LXX. – СПб., 1896. – С. 1-52.; Он же; Памир. Краткий очерк // Ежегодник Ферганской области. – Вып. 1. – Г. Новый Маргелан, 1892. – С. 90-158.; Он же: Рекогносцировка Шугнана в 1894 г. (Страничка из истории Памирского вопроса) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1896. – 7 июля; 25 июля; 11 августа; 15 августа.; Скарский. Краткий очерк Памира // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии – Вып. L. – СПб., 1892. – С. 14-40.; Станкевич Б.В. По Памиру. Путевые заметки // Русский вестник. – 1904. – № 8. – С. 624-657; № 9. – С. 235-269; № 10. – С. 456-499; № 11. – С. 3-28.; Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). Еще о памирском соглашении // Туркестанские ведомости. – 1895. – 14 май.; Он же: Два неведомых уголка России – Шугнан и Рушан // По Азию. Сборник статей для юношества. – М., 1903. – С. 152-163.; Он же: Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. – СПб., 1900. – С. 178-253.; Он же: Памирский поход (воспоминания очевидца) // Исторический вестник. – СПб., 1898. – Т. 73. – № 7. – С. 111-138; № 14. – С. 497-519; Т. 74. – № 10. – С. 142-163.; Он же: Результаты работы памирской разграничительной комиссии // Туркестанские ведомости. – 1899. – 24 и 27 июнь; Он же: Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – 151 с. Предисловие. – I-VIII с.; Он же: Через Алай и Памир. Очерк // Всемирная иллюстрация. – СПб., 1895. – № 1370. – С. 338-342; № 1379. – С. 11-12; № 1380. – С. 25-30.;

и др.

Апробация работы. Основные положения и выводы настоящего исследования изложены автором в докладах на международных, региональных, республиканских, межвузовских научных конференциях и научно-теоретических семинарах.

Диссертантом составлена учебная программа по курсу «Российско-среднеазиатские отношения в XVI – начале XX вв.» подготовлено пособие по данному курсу для студентов бакалавриата РТСУ, в 14 статьях, опубликованных в научных сборниках, 17 статьях в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации и двух монографии. Общий объём соответствующих публикаций составляет свыше 40 п. л.

Структура исследования. Диссертация состоит введения, пяти глав, 20 разделов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I

ДРЕВНИЙ ПАМИР В ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

I.1. Историко-этимологическое и географическое определение Памира и Бадахшана.

Памир, загадочная высокогорная область, практически не известная до последних двух столетий, привлекала и продолжает привлекать внимание географов и историков, являясь центром Азиатского континента и носящим эпитет «Крыша мира»¹. Специалисты из разных областей науки всегда интересовались этим регионом. В результате столь интенсивного интереса создан большой объем научных трудов, унаследованных несколькими поколениями европейских, российских и советских учёных. Однако, несмотря на успехи российского и мирового памироведения, все ещё существуют вопросы, требующие более глубокого научного осмысления. К ним относятся некоторые противоречия в чётком географическом описании Памира.

Разногласия в определении географических границ Памира прослеживаются на протяжении всего длительного периода накопления сведений об этом горном пространстве, начиная с древних времён. Прежде чем приступить к историческому анализу географии Памира и Бадахшана, стоит рассмотреть этимологию их названий.

Действительно, этимологическое понятие «Памир» таит в себя немало толкований и догадок. Многие специалисты солидарны с мнением о том, что впервые слово «Памир» упоминается в записках китайского путешественника VII в. Сюань-Цзана, побывавшего в странах, находившихся у истоков Амударьи. По данным исследователей, в том числе выдающегося немецкого географа К. Риттера (1779-1859), через Памир проходили китайские паломники

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». -М.:Памятники исторической мысли, 2001. – С.57.

и путешественники Фа-Сянь (IV в. н. э.), Сун-юнь-цзы и Хой-синь (518 г.). Они указывали на озеро, которое там находилось, но не упоминали Памир.¹

В отличие от них Сюань-Цзан в начале своего путешествия в Индию (629-648), пересекая горную местность в 630 году, в своих путевых заметках называет её 婆米罗 (По-ми-ло)². На основании своих наблюдений он пишет, что страна По-ми-ло расположена между двумя снежными хребтами. То, что его китайское «По-ми-ло» есть не что иное, как Памир, подтверждается большинством учёных. У индийцев, согласно их мифологическим сказаниям, имеется поверье, по которому в центре мира якобы находится гора Меру. А буддийские географы место Меру определяли в пределах Гималаев и южного Тибета. Это давало повод к предположению о том, что «Упа-Меру» означает страну, находившуюся у подножья Меру³. Вслед за ними, арабские путешественники приводят в своих сочинениях название Памир в виде «Фамир» или «Бамир»⁴, что несколько ближе к современному произношению данного названия. А Марко Поло, путешествовавший по Памиру в XIII в., в своих записях употребляет название «Памир»⁵.

Есть и разновидности персидско-таджикского толкования этого названия, якобы происходившего от «Бам-иар», означающего «Боми дунё»⁶ или «Пойи

¹Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел, с присовокуплением критических примечаний, и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет В.В.Григорьев – СПб., 1869. – С. 240-241. Касательно полонимчества Сон-юня следует отметить, что у него есть упоминание о Бохо (Вахане). См.: Beal S Travels of Fah-hian and Sunge Yun. buddhims piligims from China to India. – London, 1864; Chavannes E. Voyage de Song Yung dans l'Udyana et la Gandhara // BEFEO. – Vol. III. – 1903; Julien St. Memoires sur les contrées occidentales par Hiuen – Tshang. – Paris, 1857. – Vol. I-II.; Beal S/ Si-yu-hi. Buddhist record of the Western world. – London, 1864. – Vol. I-III; См. также: Аристов Н.А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям // Русский антропологический журнал. Изд. Антропол. отдела Импер. Общ. любит. естествозн., антропол. и этногр. при Моск. университете. – М., 1901. – № 2. – С. 33-61; № 3-4. – С. 108-164; История Таджикского народа. Том II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе. 1999. – С.14.

² Бичурин Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. – Т. II. – М., 1950.

³ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи. – СПб., 1879. – С.18

⁴ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. – Т. I. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С.45-597.

⁵ Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И.П. Минаева. Редакция и вступительная статья И.П. Магидовича. – М.: Изд-во Географическая литература, 1956. – С. 76. (общ. С. – 388); См. также: Агаханянц О. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. История изучения природы Памира. – Душанбе: Госиздат, 1962. – С. 26-27.

⁶ Там же. – С.27.

мехр» (от слова «пой», что значит «ступня» или «нога», и слова «мехр» – солнце). Под названием Михр или Митр древние персы и таджики подразумевали бога солнца¹.

Свое мнение по этому поводу известный русский учёный-географ, один из первооткрывателей Памира, Н.А.Северцов передал следующими словами: «...не знаю, впрочем, к какому языку принадлежит слово «Памир», но звук индоевропейский, сходный с санскритским «меру», именем священной горы индусов; ещё созвучен с русским «по – миру»; в этом слове есть наш русский корень «мир»².

Представляет интерес и мнение другого русского учёного В.И. Масальского касательно этимологического понятия Памира. Основываясь на сведениях, доступных ему, он был склонен утверждать, что «происхождение и значение слова «Памир», которое впервые встречается у китайского путешественника Сюань-Цзана (628–645 гг.), окончательно не выяснено. Некоторые исследователи связывают это название с Меру – мифической горой, которая, по индийской космографии, находится в центре земли. По мнению других, слово «Памир» происходит от санскритского „mir» (море, озеро) или от персидского „bam» (крыша), откуда „bam-i-dunia» (крыша мира). Третья группа исследователей (к ним он относит Гордона, Троттера, Путята, Северцова, Форсайта, Юля и других) полагают, что слово «Памир» обозначает высокое степное нагорье, подобное сыртам Тянь-Шаня». Он также указывает на сравнительно новое толкование слова «Памир», «по которому в нем видят связь с персидской надписью „Ро-i-mog» (подножье смерти)», а местное население под именем Памира подразумевает только реку и долину того же имени, находящиеся в южной части нагорья»³.

¹Агаханянц О.А. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. – С.4; См. Gordon, T.E. The roof of the world being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir. Edinburgh, 1876.

² Северцов Н.А. Путешествие на Нарын и Аксай и исследования высоких сыртов Тянь-Шаньской системы. // Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование гор Тянь-Шаня. – Сборник отчетов. – Ч. I. – СПб., 1873. – С.264 – 265.

³ Масальский В.И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – СПб., 1913. С.95.

В этом плане уместно также обратиться к мнению русского исследователя, начальника русской научной экспедиции 1883 г. на Памире офицера Генерального штаба России Д.В. Путята. «Географы и путешественники, – пишет он, – дают несколько объяснений слову «Памир». По древней индийской космографии Меру, мифическая гора, находящаяся будто бы в центре земли дала название «Ира-течи» окрестной местности, лежащей ниже её. По другим предположениям слово «Памир» составное, происходит от *mir* - озеро. Raquier считается наиболее близким к истине объяснение Форсайта, что это есть нарицательное имя прилагательное на тюркском языке к степям между Сыром и Аму. По словам Гордона «Памирами называют все вообще летние пастбища, посещаемые киргизами». Далее приводит ещё несколько примеров, услышанных от киргизов Мургаба, таджиков Ташкурмана и Вахана, считающих слово «Памир» аналогичным слову «Джейлай», используемому для обозначения возвышенных местностей, куда летом выгоняют скот и т.д.¹

Конечно же, происхождение слова «Памир» не имеет ничего общего с тюркским или киргизским языками. Этот термин возник очень давно, ещё до того, как киргизы поселились в этих местах. Более того, Путята делает вывод, что многие киргизы считают слово «Памир» изменённой формой первой части образного названия всего нагорья — «Баши Дунья», что означает «Крыша мира»².

Хотя и в этом плане у географов, филологов и топографов имеется немало разногласий, но, исходя из исторической логики изучения и этимологического объяснения названия «Памир», более правдоподобным является «Пои-мир», или «Крыша мира», происшедшее от названия легендарной священной горы индусов – Миру (солнце или бога солнца), т.е. места обитания богов.

¹Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник материалов по Азии. – СПб., 1884. Вып.Х. – С. 40.

²Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г. – С. 41.

Такое же разночтение встречается в отношении определения этимологического понятия «Бадахшан». В.В. Бартольд опирается на мнение известного немецкого ориенталиста Иосифа Маркварта (1864-1930)¹, объясняющего это название как «страна бадахша или балахша, сорта рубина, единственным месторождением которого считается Бадахшан на Кокче». Вместе с тем, учёный склонен к вероятности происхождения данного понятия от Балахша (франц. balais, англ. balas), как первоначальной диалектной формы названия области, которое происходит от «Бадахш», и позже, по его мнению, оно было перенесено на понятие одной из разновидностей рубина².

Углубляясь в историко-этимологическое определение Бадахшана как древнего государственного образования, В.В. Бартольд пишет: «Название Бадахшан впервые упоминается в китайских источниках VII и VIII вв.: у Сюань – Цзана — Бодочуанна, древнее название, по Шлегелю, — Пат-ток-тсон-на, в *Тан-шу* — Бадощань, в энциклопедии *Цзэ-фу юань-гуй* — Будощань. Китайцы описывают эту область как часть Тухоло (Тохаристана); арабы также употребляют слово Тохаристан в двух значениях: в более узком смысле Тохаристан–только область между Балхом и Бадахшаном, в широком смысле под этим названием объединяются все области восточнее Балха по обеим сторонам Амударьи»³. Далее он указывает, что название Бадахшан встречается в антологии Ауфи, составленной в XIII в. В ней рассказывается о том, что царь хайталов пожаловал своему сыну области «Джирма и Бадахшана»⁴. Этот факт, с одной стороны, указывает на существование данного владения под названием Бадахшан, а с другой – свидетельствует о подчинении этой области эфталитам в V в., власти которых положили конец тюрки. По мнению В.В. Бартольда, Ибн Якут (ум. в 1229 г.) приводит форму Бадахшан как более употребительную в

¹ О жизни и деятельности И. Маркварта подробнее см.: Бартольд В.В. Памяти Иосифа Маркварта // Сочинения. Т. IX. – М.: Наука, 1977. – С.779-788.

² Бартольд В.В. Бадахшан. Статьи из Энциклопедии ислама // Соч., Т. III. – М.: Наука, 1965. – С.343; Пирумшоев М.Х. Ещё раз о Памире и Бадахшане // Вестник университета. – Душанбе: РТСУ, 2011. – № 1 (31). – С.155-162; Он же: Вклад академика В.В. Бартольда в изучении истории Памира и Бадахшана // Сб., посв. 140-летию академика В.В. Бартольда. – Душанбе, 2010. – С.192-208; Он же: К истории географического и этимологического изучения Памира // Фарханг. – Душанбе, 2010. – № 5-6. С.14-19.

³ Бартольд В.В. Бадахшан. – С.344

⁴ Там же. – С.344.

народе¹. В несколько иной форме название Бадахшана приводится и в книге Марко Поло. Согласно его словам «в Баласиане, народ мусульмане...В той области водятся драгоценные камни балаши»², а в другом месте приводится как «Бадасиан»³.

Словом, независимо от различия в произношениях, суть во мнениях о том, что название Бадахшана происходит от добываемого в этом владении драгоценного камня – «балахша» (рубин, ляпис-лазурь) не меняется.

Древнейшие упоминания о Средней Азии вообще и о Памире в частности, которые содержатся в греческих источниках, связаны с государством Ахеменидов, охватывавшим этот обширный регион. Хотя сведения несколько расплывчаты, Геродот (V в. до н. э.) был первым, кто упомянул южные прибрежные районы. Он приводит сведения о местности около Практики, расположенной на северной окраине Индии. В своём описании, вероятно, основанном на косвенных источниках, Геродот рассказывает о крупных муравьях, крупнее лисиц, которые выбрасывают из своих нор кучи золотиносного песка. Жители Практики, отправляясь в эту пустыню, очень осторожны, чтобы не стать жертвами этих муравьёв, и вывозят песок на быстроходных верблюдах, чтобы отдать дань персам.⁴

Мегасфен несколько пополняя сведения Геродота, указывает, что эта местность находится у подножья большого горного плато в стране Дардов⁵. Его сведения являются более правдоподобными поскольку ему приходилось слышать этот рассказ в период посещения им Индии. Что касается локализации страны Дардов, то согласно более поздним сведениям, она совпадает с Гильгитом.

¹ Бартольд В.В. Бадахшан.– С.344.

² Книга Марко Поло. – С. 74.

³ Там же. – С. 76.

⁴ См.: Геродот. История в девяти томах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, ООО Фирма Издательство АСТ, 1999 (729 с.). – С. 102-105; Пирумшоев М. Памир в древней историографии.//Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015.-№6-2 (67).- С.243-245.

⁵ Страбон. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. – М.: Наука, 1964 (944 с.). См.: Книги:II. – С. 75-76; XV. – С. 643, 646.

В «Географии» Страбона несколько раз упоминается о Паропамисе, который исследователи отождествляют с Памиром. Он, в частности, пишет: «С севера Индия отделена на пространстве от Арианы до Восточного моря самыми крайними частями Тавра, которым местные жители дают по частям названия Паропамис, Эмод, Имай и другие, а македоняне – Кавказ»¹. В другом месте Страбон пишет: «В начале, когда убийцы Дария (покончившие с ним изменническим образом²) собирались поднять восстание в Бактриане, он (Александр Македонский – М.П.) посчитал, что целесообразное начать преследование и уничтожить их. Вот почему Александр приблизился к Индии через Ариану; оставив Индию вправо он пошёл через Паропамис в северные области в Бактриану»³. Далее, в другом своём упоминании, Страбон, как бы более внятно описывая географическое расположение Паропамиса указывает: «Южные части горы Паропамиса относятся к Индии и Ариане, что же касается северных, то те, что к западу, принадлежат бактрийцам, а те, что к востоку, - варварам [граничащим с] бактрийцами»⁴.

Следует отметить, что в связи с получением сведений путём расспросов возможны некоторые неточности, особенно в отношении географической близости Паропамиса к Кавказу, но это не ставит под сомнение роль Памира в античной историографии. Кроме того, эти сведения подтверждают и другие греко-римские авторы.

Такие же отрывочные и несколько смутные сведения имеются и у Аристотеля. Он, в частности, указывает на горные массивы в Средней Азии и перечень рек, которые берут начало в Парнасе. По мнению исследователей Аристотель имел в виду горы Гиндукуша с ближайшей части Памира и Гималаев.

¹Страбон. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. – М.: Наука, 1964 (944 с.). Книга XV. – С. 642.

²Имеется ввиду преследование Бесса – убийца Дария.

³Страбон. География. Кн. XV. – С. 648.

⁴Пирумшоев М. Памир в древней историографии.//Вестник педагогического университета.-Душанбе, 2015.- №6-2 (67).- С.243-245.

Сведения о Средней Азии в том числе Памира существенно пополнились в период похода Александра Македонского. Но во многом они дошли до нас только фрагментарно или в пересказе более поздних авторов. Это существенно затрудняет точно установить как процесс накопления сведений в хронологическом порядке, так и локализации упомянутых географических и топографических объектов. «По-видимому, - пишет А.М. Мандельштам, - во время похода Александра были собраны какие-то сведения и о горных системах, лежащих севернее и восточнее Гиндукуша, и, в частности, о территории Памира и припамирских областей. Однако выделить их в имеющихся в нашем распоряжении источниках невозможно»¹.

Согласно сохранившимся сведениям, накопленный материал, прежде всего, географического характера во время похода Александра Македонского был собран и обработан одним из общепризнанных географов античности, Дикеархом в конце IV в. до н.э. Но, к сожалению, его труд не сохранился, и исследователи довольствуются лишь теми его сведения, которые изложены в сочинениях последующих авторов. Стоит также упомянуть о схожей судьбе труда другого известного географа, Мегасфена, фрагменты трудов которого сохранились благодаря более поздним античным авторам. Мегасфен, будучи послом Селевка Никатора, посетил двор Чандрагупты и имел возможность собрать более подробные географические данные об Индии и Средней Азии.

Сведения Дикеарха, Мегасфена, а также последующих географов и историков IV – начала III вв. до н.э. были использованы при составлении «Географии» Эратосфена (прибл. 275-195 гг. до н.э.), где он, указывая на горную систему севера Индии, приводит названия Паропамиз, Эмод и Имай. А.М. Мандельштам с уверенностью утверждает, что под Паропомизом «подразумевается Гиндукуш и, главным образом, его западная часть; что касается Эмода, то он вероятно, соответствует восточной части Гиндукуша и

¹Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. С древнейших времен до X в. н.э. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1947. – С.29.

Памиру, а Имай – Гималаям»¹. «Весьма важным наблюдением, – пишет А.М. Мандельштам, – сделанным, несомненно, уже участниками похода, было выявление ряда горных хребтов, тянущихся от Малой Азии до самой Индии. Наиболее полные сведения были собраны о Гиндукуше, который был назван приближенным Александра Кавказом. Страбон подчёркивает, что это наименование было дано ему только из желания польстить самолюбию Александра. Местное название Гиндукуша – Паропамиз, несомненно, ставшее известным грекам во время похода, вошло в географическую литературу лишь несколько позднее, но впоследствии вытеснило фиктивный Кавказ»².

Хотя предположительно географические сведения об Азии, в том числе о Памире, существенно пополнялись в период существования греко-бактрийского царства (ок. 250 – 140 или 130 гг. до н.э.), но из-за отсутствия достоверных письменных источников, трудно дать точные описания и определения местности. Во всяком случае это не идёт ни в какое сравнение со сведениями, которые накопились в I в. до н.э. – I в. н.э. Этому способствовало налаживание устойчивой торговой связи Китая с Бактрией и Парфией, которые являлись промежуточными звеньями на знаменитом Шёлковом пути, соединяющим Восток с Западом. Накопления географических знаний о Средней Азии, в том числе о Памире, продолжается в последующие периоды. Это довольно последовательно прослеживается в работе А.М. Мандельштама³.

А.М. Мандельштам, скрупулёзно сопоставляя имеющиеся сведения, заложенные в основу «Географии» Птолемея и указывая на неточности в орографическом описании Восточной части Средней Азии, пишет: «Если мы сопоставим данные Птолемея относительно орографии восточной части Средней Азии с реальной картой, то при всех несомненных неточностях этих данных мы всё же увидим во многих соответствии их последней. Паропамиз соответствует, несомненно, лишь западной части Гиндукуша; Кавказ является

¹Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. - С.31.

² Там же. – С.29-40

³Пирумшоев М. Памир в древней историографии.//Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015.- №6-2 (67).- С.243-245.

восточной его частью, но не включает в себя крайний восточный отрезок, который входит уже в южную часть Имая. Существует предположение, что точкой разделения Кавказа и Имая является гора Тирич-мир, лежащая между Бадахшаном и Читралом. Южная часть Имая соответствует восточной оконечности Гиндукуша и северной части Каракурума: точку поворота его на северо-запад можно помещать где-то на стыке Западного Куэнь-луня и Каракурума. Средняя часть Имая, несомненно, соответствует горному массиву, отделяющему Памир от Восточного Туркестана, т. е. северной оконечности Западного Куэнь-луня, Кашгарскому и Сарыкольскому хребтам и горному узлу, лежащему северо-западнее Кашгара»¹.

Вслед за античными сведениями в изучении древности Памира и Бадахшана особую ценность представляют китайские источники. Согласно сохранившимся данным, первые достоверные сведения о Средней Азии в Китае связаны с посольством Чжан Цяня, организованным императором Уди (140-86 гг. до н.э.) в 139 г. до н.э. для ведения переговоров с большими юеджами, с целью склонения их в союз против гуннов. По воле случая он оказался в плену у последних. Только через несколько лет ему удалось бежать из плена, но снова попал к гуннам. На этот раз судьба была благосклонна к нему. Через год сумел бежать в Китай. Хотя ему удалось во время длительного пребывания собрать сведения о некоторых областях Средней Азии, но среди них отсутствуют какие-либо сведения о Памире. Это свидетельствует о том, что он не мог посетить край, так как в то время дорога пролегла через Давань (Фергану).

Непосредственное ознакомление китайских географов с Памиром берёт начало с середины I в. до н.э., лишь после того, как Китай нанёс несколько решающих поражений гуннам и распространил свою власть в пределы Восточного Туркестана. В тексте «Цяньханьшу», составленной Бань Гу (умер в 92 г. н.э.) имеются сведения о географическом положении Сиюя – Восточного Туркестана, где указывается, что это пространство с запада, севера и юга

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.37

окружено горами. Западные, согласно его данным, именуются Цунлин. По описанию автора, через Сиюй протекает река, имеющая два истока: один из них берет начала в Цунлине, а второй около Юйтяни – Хотана, лежащего у подножья Южных гор¹. Под Цунлином Бань Гу имеет в виду Памир. Нужно отметить, что название «Цуньлин», относящееся к Памиру и близлежащему горному хребту, стало неотъемлемой частью китайской географической литературы после описания этого автора.

Важные географические сведения о путях, связывающих Китай со странами Средней Азии и Ближнего Востока через Памир во II в. н. э., содержатся в книге Фань Е (умер в 445 г.) «Хоуханьшу». Эта книга основана на ряде первоисточников, относящихся ко времени младшей династии Хань, в том числе на сведениях из отчёта известного китайского полководца Бань Чао, составленного в 125 г. Сведения, приводимые Фань Е, в основном совпадают с содержанием «Цянь Ханьшу»². Аналогичные сведения содержатся в «Бэйши» — источнике, относящемся к первой половине V в. н. э. В этом тексте, как и в двух предыдущих, фигурирует местоположение пяти хихэу (владений), подвластных юэчжи, которые связаны с Памиром и припамирскими областями.

Несмотря на различные её толкования локализации этих хихэу со стороны последующих специалистов, в той или иной мере имеющих отношений к исторической географии края³, в целом, проливают свет в определение особой значимости Памира, как важнейшего связующего звена в торгово-политических взаимоотношениях древних государственных образований в Центральной Азии. Указывая на историю сложения пути, пролежавшего через Памир, А.М.Мандельштам выдвигает следующее предположение: «Первоначально путь, связывавший Китай со странами Средней Азии и Переднего Востока, по-видимому, проходил через Фергану; более короткий путь через Памир был «открыт» лишь позднее – в I в. до н. э.

¹Бичурин Н. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. – Т. II. – М., 1950. – С.169-170.

²См.: Мандельштам А.М. К историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.57-65.

³ Пирумшоев М. Памир в древней историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015. - №6-2 (67). - С.243-245.

Причины этого можно только предполагать; вероятно, значительную роль в данном случае играла неблагоприятная политическая обстановка в южной части восточного Туркестана.

«Открытие» более короткого пути в Бактрию и далее в Парфию через Памир связано с крупными политическими событиями, обеспечившими Китаю власть над Восточным Туркестаном. Пределы владений юечжей к этому времени уже распространялись до Вахана включительно, что создавало весьма благоприятные условия для установления регулярных связей через Сарыкол и Восточный Памир»¹.

Путь к более точному научному определению географического пространства Памира также был долгим и нелёгким. Согласно мнению известного русского востоковеда – индолога И.П. Минаева, пытавшегося проследить историю процесса накопления географических сведений об этой высокогорной местности, окутанной легендами и именуемой впоследствии «Памир», берёт начало с древности. В этом отношении он верно заметил, что сведения о верхнем течении Окса (Амударья) и о странах, лежащих по обоим берегам этой реки, имеются в географических сочинениях древних греков и римлян. В этом отношении, учёный особо выделяет доступные Плинию (I в. н.э.) и Птолемею (II в. н.э.) сведения. Например, Плинию было известно, что Окс берёт начало у озера. Птолемей – один из первых географов, который наиболее точно определил направление этой реки и её притоков. Согласно его информации, река впадала в Каспийское море².

Много имён связано с историей посещений или пролеганий маршрутов путешественников, торговцев, паломников через Памир. Известно, что в I– VII вв. н.э. Памир пересекали три ответвления Шёлкового пути. Хотя в раннем средневековье более регулярные торговые и посольские пути связующие Восток

¹Мандельштам А.М. К историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С. 66.

² О впадении Аму-Дарьи в Каспийское море высказывали мнение ряд русских и советских исследователей. По мнению узбекского ученого М.Ю.Юлдашева, главный рукав Аму-Дарьи повернул от Каспийского моря к Аральскому в конце XVI в. См.: Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. – Ташкент: Наука, 1964. – С.16.; Wood, John. A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus by the route of the Indus, Kabul, and Badakhshan. London, 1841.

с Западом, пролегали севернее Памира, в источниках упоминается южный или Памирский путь. Такие сведения имеются в путевых заметках китайских паломников, географических и исторических сочинениях арабских авторов X-XII вв. и европейских путешественников XII – XV вв.¹

Ценные географические сведения о владениях, находившихся в верховьях Пянджа, имеются в сочинениях арабо-персидских (таджикских) историков и географов. Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд проявлял особый интерес к их сведениям относительно Памира и Бадахшана. В первой главе своей фундаментальной работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» – «Географические очерки Мавераннахра» учёный, анализируя сведения Ибн Хордадбега (820-913), Ибн Руста (конец IX – середина X вв.), Истахри (849-934), Ибн Хаукаля (X в.), Макдиси (947-990), Абу Райхана Бируни (973- 1048 или 1051) и других, а также итальянского путешественника Марко Поло (1254-1324), внимательно прослеживает не только логику изложения, но и степень достоверности их сообщений касательно географического расположения владений Пянджа.

В этом плане для примера уместно привести сведения великого энциклопедиста Абурайхона Бируни. В своей знаменитой книге «Индия»² в связи с определением географического описания Севера Индии – Кашмира приводит о Памире и Бадахшане следующие сведения: «Что касается Кашмира, он находится на равнине, которую окружают высокие непроходимые горы. Его южной и восточной частями владеют индийцы, а западной частью – различные цари: ближайшей частью Болор-шах, далее Шугнан-шах, и до границ Бадахшана – Вахан-шах. Северная часть и некоторые области на востоке Кашмира принадлежат тюркам Хотана и Тибета»³. Ценность этих, казалось бы, малозаметных описаний заключается не только в географическом определении Памира и Бадахшана, но и в том, что они свидетельствуют о независимости

¹ См.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С.53-55.

² Бируни Абу Рейхан. Индия. – М.: Ладомир, 1995. - 729 с.

³ Бируни. Индия. – С. 202.

этих владений. К тому же следует особо отметить, что такая чрезмерная краткость сообщения о независимых «царях» Болора, Шугнана и Вахана наблюдается почти во всех историко-географических сочинениях арабо-персидских средневековых авторов.

Несмотря на наличие вышеуказанных сведений, до начала XIX в., не были систематизированы результаты путешествий, совершенных в течение всего средневекового периода. Это и не позволило составить географическую карту данного региона в целом, и Памира в особенности.

Прослеживая историю географического изучения этого горного края, Известный советский исследователь О.Е. Агаханянц, посвятивший немало своих трудов Памиру, верно заметил, что его исследование началось только с 1825г. «До этого времени, – пишет он, – ни одним путешественником по Азии специальная задача изучения припамирской части континента даже не ставилась, за отсутствием экономической, а, следовательно, также политической и научной необходимости. Научные идеи, подобные взглядам Гумбольдта, Риттера и Рихтгофена, не были ещё высказаны и не овладели умами. Географические сочинения, выполненные в виде путевых описаний, в форме реляций и донесений или (позднее) на основе опросных и литературных данных, при их несомненном значении, не имели в то время действительно научного характера и «географическими» могли называться лишь относительно. Поэтому рассмотренный период может считаться периодом первичного накопления некоторых материалов о природе Памира»¹.

По сути, исходной базой для изображений на картах географических объектов Центральной Азии, служили теоретические построения известных немецких географов Карла Риттера (1779-1859) и Александра Гумбольдта (1769-1859)². В представлении А. Губольдта Памир – обширное горное плато, являвшееся главным средоточием основных горных систем Азии³.

¹ Агаханянц О.Е. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. История изучения природы Памира.– С.30.

² Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.; Рипол классик, 2005. – С.96.

³ Humboldt A. Über die Bergketten und Vulkane von innerasien und über einen vulkanischtn Ausbruch in der

Из непосредственных посетителей Памира и Бадахшана, в ходе путешествий в 1837-1838 гг. доходивших до озера Зор-Куль, первым являлся Дж. Вуд. Этим и было положено начало научного изучения этого горного края. Но по-настоящему оно связано с усилением соперничества Англии и России за овладением этого важного для обеих империй стратегического пространства. Англичане с конца 30-х годов XIX в. развернули широкую агентурную работу в Среднюю Азию. В 30 – 40-х годах XIX в. этот край посетили Муркрофт, Конолли, Вольф, Бёрнс и Странж, Стоддарт, Аббат, Шекспир и снова Бёрнс»¹. Разумеется, в той или иной степени Памир входил в их поле зрения. На основе появившихся новых сведений они смогли, хотя и не совсем точно, обозначить этот регион на карте географических объектов Центральной Азии ². Уместно отметить, что несмотря на наличие множества спорных моментов и противоречий в суждениях западноевропейских исследователей, всё же, научный мир обязан им систематизацией известных к началу XIX в. географических объектов Центральной Азии, в том числе и Памира.

Но в целом, Памир и прилежавшие к нему территории, продолжали оставаться малоизученными вплоть до 70-х годов XIX в. И только в 70 – 80-е годы XIX в. прослеживается складывание постепенного перевеса России в исследовании Памира, как в географическом, так и в геополитическом плане. При этом отправной точкой для русских исследователей послужило накопление сведений всех предыдущих путешественников и географов в той или иной мере причастных к изучению Памира и близлежащих владений. В этом плане пионерами являлись известные русские востоковеды В.В. Григорьев (1816-1881) и И.П. Минаев (1840-1890).

Andes-Kette, *Annalen der Physik und Chemie*. – Bd. 18. – 1830. – С. 5исл.; Он же: *Fragmentsdegeologie et de climatologie asiatique*. – Т. I. – Paris, 1831. – С. 55 исл.; Он же: *AsieCentrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparee*. – Paris, 1944 идр.

¹EdwardsH.S. *RussianProjects against India, from Czar Peter to General Skjbeleff*. – London: Remington, 1885. – P.90-91.

²Более подробно об этом см.: Искандаров Б. *Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.* (Издание третье). – Душанбе: Андалеб Р, 2015. С. 176 – 195; Постников А.В. *Схватка на «Крыше мира»*. – М.: «Памятники исторической мысли», 2001. (общ.стр.416). – С. 64-70.

Ординарный профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьев несмотря на то, что не ставил перед собой цель специально заниматься изучением истории географических открытий на Памире в средневековье, тем не менее, его заслуга в этом направлении более чем очевидна. Его критические примечания и дополнения к переведённым им на русский язык некоторых глав V тома фундаментального 19-томного труда известного немецкого географа Карла Риттера «Землеведение», в строгой последовательности приводятся ошибочные интерпретации географических названий и географических расположений объектов, о которых имеются упоминания в сведениях средневековых путешественников¹.

В одном из пунктов своих комментариев к данной книге В.В. Григорьев, указывая на наличие неточностей в определении маршрутов китайского паломника Сюан-Цзана (VII в.) и итальянца Марко Поло (XIII в.), пишет: «Как о Сюан-Цане, так и о Марко Поло известно лишь то, что они проезжали Памирской Высью, а той ли дорогой следовали они, какой ходят ныне караваны из Яркяни в Бухару, этого не знал ни Риттер и никто до него»². Он также указывал на то, что К. Риттер необоснованно верит в точность пунктов, приведённых английским дипломатом и политиком М. Эльфинстоном (1779-1859) на своей карте. «Всё это так, и свидетельствует об одном, – пишет он, – что ни Эльфинстон, ни Борнс (Бёрнс – М.П.) сами не имели не только положительных сведений, но и определённого представления о местности главного истока р. Окса и о положении Памирской Выси, а наносили то и другое на свои карты как вздумалось»³.

Таких примеров в «Примечаниях и дополнениях» В.В. Григорьева немало. Надо отдать ему должное, что он впервые в русской исторической и географической литературе, крайне серьёзно и критически анализируя труды европейских географов, показал допущенные ими ошибки и просчёты в

¹ См.: Григорьев В.В. Примечания и дополнения // Риттер К. Землеведение География стран Азии. Восточный или Китайский Туркестан. Выпуск первый – перевод и примечания. – СПб., 1869. С. 483-507.

² Там же. – С.484

³ Григорьев В.В. Примечания и дополнения переводчика. – С.487.

описании маршрутов предыдущих путешественников и составленных ими карт Памира. Его «Примечания и дополнения» к переводу, разъяснение «некоторых глав V тома» труда К. Риттера составляют почти 50% от общего объёма переведённого им на русский язык текста¹. Их следует считать вполне самостоятельным научным исследованием.

В целом, трудно переоценить научную значимость «Примечания и дополнения» В.В. Григорьева к переведённому им «Землеведению» К. Риттера. Они сами по себе могут стать объектом специального историографо-географического исследования. Исходя из специфики настоящего исследования, особую важность представляет его обширный комментарий касательно поправки и пространные дополнения, внесённые им в той части «Примечания», которая непосредственно касается деталей географических очертаний Памира и Бадахшана. Причём дополнения, внесённые В.В. Григорьевым, основаны на скрупулёзном сопоставительном анализе сведений всех предыдущих до К. Риттера и после него авторов, в той или иной мере причастных к географическому исследованию этой «Горной Выси» Центральной Азии. Исходя из этого, В. В. Григорьев заслуженно считается одним из выдающихся учёных, внёсших значительный вклад в изучение географического положения Памира.

Следует особо заметить, что ряд учёных-естествовед не без основания утверждали о наличии принципиальных географическо-климатических расхождений между Памиром и Бадахшаном. Под собственно Памиром, некоторые первооткрыватели подразумевали лишь ту часть, которая вошла в географическое понятие как «Восточный Памир». К примеру, вышеупомянутый И.П. Минаев, специально проследивший за историей географического определения Памира до конца 70-х годов XIX века, в своей работе «Сведения о странах по верховьям Амударьи», под понятием «Памир»

¹ Книга состоит из 557 с.; Переведенный текст. – С.3-284; Примечания и дополнения переводчика (I-DXVII). – С. 285-546.

ограничивается лишь восточной его частью¹. Между тем, он, тщательно изучив многочисленные сведения предыдущих авторов, дающие примерное описание географического расположения Памира, в большинстве своём на основе расспросной информации, указал, что по ним описать предельно точную границу края не представлялось возможным². В этом плане автор преимущественно довольствовался сведениями А.П. Федченко, приведёнными в примечаниях учёного к книге Генри Юля «Очерки географии и истории верховьев Амударьи»³.

Ограничивал Памир в пределах её восточной части Л.Ф. Костенко⁴. Такого же мнения придерживались Д.Л. Иванов⁵, А.К. Разгонов⁶ и ряд других русских, а так же иностранных географов и путешественников⁷. Можно продолжить приведение таких примеров из работ русских дореволюционных исследователей, ограничивающих географическое понятие Памира в рамках восточной его части. Такое понятие сложилось далеко до их посещения этого горного края. Советский археолог А.Н. Бернштам, опираясь на китайские источники, указывает, что в них под термином «Памир» явно подразумевался Восточный Памир⁸.

Верно, заметив причины такого географического ограничения, О.Агаханянц пишет: «Сторонники такого узкого понимания объёма Памира исходили из резкого различия в формах рельефа, указывая между прочим, что слово «памир» у местного населения стало нарицательным термином,

¹ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи. – СПб., 1879. – С.18.

² Пирумшоев М.Х. И.Минаев – зачинатель историографического исследования Памира и Бадахшана.// Вестник университета.–Душанбе:РТСУ,2010.–№3(29).–С.141-149;Он же: Среднеазиатская научная экспедиция А.П.Федченко 1869 года.//Историк.-№4(32) 2022.-С.59-65.

³ Юль Г. Очерки географии и истории верховьев Аму-дари /пер.с англ О.Д.Федченко. С доп. и примеч. А.П. Федченко, Н.В.Ханькова и Г.Юля) // Известия Русского Географического общества. – 1873. – № 6 (Приложение).

⁴ Костенко Л.Ф. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник (в дальнейшем ВС). –Т. 114.– 1877. - № 4. – С. 357-382.

⁵ Иванов Д.Л. Что называть Памиром? // Известия Императорского географического общества. – 1889. – Т.21, вып.2. – С.132.

⁶ Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент, 1910. – С.94-95.

⁷ См.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи. – С. 17-24 (в примечаниях).

⁸ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 26. – М.:Л., 1952. – С.276.

обозначающим определённый тип местности, а именно – высокое пустынное и безлюдное место»¹.

В дореволюционной географической литературе часто встречалось слово «паміры», выделявшие на такие географические единицы, как Аличур-Памир, Курбаш-Памир, Большой Памир, Малый Памир, Ранкуль-Памир, Сариколь, Сарез Памир, но это делалось для определения местностей, входящих в общее пространство Памира (вернее, Восточного Памира). Это, в частности, подтверждается и В.И. Масальским, только с той разницей, что, по его мнению, такое деление исходит от англичан. «К некоторым местностям Памира, – пишет он, – по почину английских исследователей, иногда прилагаются особые названия; так, различают *Большой Памир* (долина реки Памир и оз. Зор-куль), *Малый Памир* (верховья р. Ак-су – Мургаба), *Аличур-Памир* (долина р. Аличур и оз. Яшиль-куль), *Сарез – Памир* (долина Мургаба западнее устья Ак-Байтала), *Харгош-Памир* (местность к югу от оз. Кара-куль). Названия эти, однако, туземцам неизвестны и употребляются иногда лишь в литературе для удобства обозначения той или иной местности»².

Но по мере более обстоятельного исследования природные условия, географическое понятие этого горного пространства получило соответствующее научное очертание. Русские исследователи, впоследствии первооткрыватели Памира, все больше расширяя круг своих географических исследований, считали нужным вывести географическое понятие Памира за рамки примерного его определения. Порою, чтобы подчеркнуть сложившееся географическое понятие, они употребляли термин «Припамірье» для бывших независимых и полунезависимых до присоединения к России владений Западного Памира (Рушан, Шугнан, Вахан) и, после присоединения Дарвазского шахства к Бухарскому эмирату (1878), под названием Дарвазского бекства.

В этой связи, уместно привести мнения капитана Скерского касательно географического определения Памира. Основываясь на материалах своих

¹ Агаханянц О.Е. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. – С. 10.

² Масальский В.И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – СПб., 1913. – С.102.

наблюдений в ходе поездки в составе рекогносцировочного отряда полковника Ионова летом 1891 г., он определил географическое положение Памира следующим образом:

«Под названием Памира, я разумею горную страну, ограниченную на севере Заалайским хребтом, на востоке Сарыкольскими горами, на юге – разветвлениями хребта Мустагского и Гиндукушем, на западе рекою Пянджем от Ишкашима до впадения реки Язгулема, а далее горами Ванджскими, входящими в связь с хребтами Дарвазским и Петра Великого. Всё это составляет свыше 1000 кв. г. м. (около 50.000 квадр. вёрст)... Таким образом Памир, благодаря своему выдающемуся положению, охватывает восточную границу Северного Бадахшана на протяжении свыше 200 вёрст от устья Язгулема до Ишкашима, а далее на юг прилегает к Чатрару и Канджуту, на востоке же китайским владениям, и представляет обширный четырёхугольник»¹.

Постепенно поле представления, как в географическом, так и историческом плане, расширялось, брало верх мнение тех, кто географическим пределом Памира считали высокогорную часть Азии. «Памиры, – пишет А.А.Бобринской, – в подобных пределах, упираясь в Гиндукуш с его перевалами в Индию, врезываясь клином между Афганистаном и Китайским Туркестане, разъединяли Северо-Западную Индию и Западную Азию от восточной ее части, от Китая»².

Указывая на географическое расположение Памира, В.И. Масальский писал: «Расположенный в узле между величайшими горными системами азиатского материка (Тянь-Шань, Гиндукуш, Куэнь-лунь, Каракорум, Гималаи), в верховьях важнейших среднеазиатских рек (Амударья и Тарима), на пути между западной и восточной Азией и Индией, Памир с древнейших времён возбуждал живой интерес путешественников и окрестного населения,

¹ Скерский. Краткий очерк Памира // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии – Вып. L. – СПб., 1892. – С. 14.

² Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа.(Ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта. По путевым заметкам. – М.,1908. – С.4. (Примеч. 6)

видевшего в этом приподнятом в заоблачные выси нагорье «центр земли» и «крышу мира»¹.

Действительно, согласно вполне обоснованному мнению О.Е. Агаханянца, особое научное географическое очертание Памир получил после революции, «когда территория этой горной страны, стала изучаться мощными комплексными экспедициями, было установлено, что между восточной и западной её частями, несмотря на различие в его рельефе, существует значительная общность в геологическом строении, типах растительности, климата и почв в процессах развития рельефа и т. д. Когда такое единство было установлено, термин «Памир», как имя собственное был закреплён за всей территорией Горно-Бадахшанской автономной области»².

Вместе с тем, это вовсе не означало, что именно в пределах этой области ограничивается географическое пространство Памира. Несмотря на проведённые многочисленные исследования, учёные до сих пор не могут прийти к единому мнению о точной географической границе между Памиром, Бадахшаном, Западным и Восточным Памиром. Но в целом, подавляющее большинство специалистов едины во мнение о том, что географическое пространство Памира существенно шире, чем ГБАО. Оно охватывает и Бадахшан, входящий ныне в состав Исламского эмирата Афганистан.

В этом контексте уместно привести мнение вышеупомянутого О. Агаханянца. «По мере накопления наукой новых данных о природе Памира и смежных областей, – пишет он, – идея природного единства обеих частей страны (Памира. – М.П.) подтверждалась дополнительными материалами. Было установлено, что различие в климате, растительности и почвах лишь частные, лежащие в пределах одного типа, что до ледникового периода геологическое развитие обеих частей Памира шло одинаково, что разница между Западным и

¹ Масальский В.И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – С.95-96.; Wood, John. A journey to the source of the river Oxus. New edition. London, 1872.

² Агаханянец О.Е. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. – С. 10.

Восточным Памиром значительно меньше, чем между всем Памиром и соседними более влажными высокогорьями»¹.

Советские исследователи на основе сведений, предоставленных авторами разных поколений, посредством изучения особенностей орогенического строения и уникального ландшафта Памира смогли определить географические особенности этой горной местности с древнейших времён. Известный учёный Б.А. Литвинский пишет: «В самом юго-восточном углу Средней Азии высится Памир, название которого образно (хотя и неубедительно лингвистически) истолковывают как «Крыша мира». Памир лежит в области сближения крупных горных поднятий Азии – Куньлуня, Каракорума, Гиндукуша, Памиро-Алая и Тянь-Шаня. Основная часть Памира входит в состав Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (ныне Республика Таджикистан – М.П.), восточная часть памирской горной страны – Тогдумбаш-Памир (или Кашгарский Памир) – КНР, самая южная часть Вахано-Гиндукушского Памира – Афганистан. На севере Памир ограничен Заалайским хребтом (за ним начинается знаменитая своими пастбищами Алайская долина); на востоке – Кашгарскими горами (Западный Куньлунь), на юге – Гиндукушем, на западе – горами Кухилал и Дарвазскими»².

В этом плане, на наш взгляд, убедительным является так же географическое определение современного русского исследователя А.В. Постникова, хотя бы потому, что он суммирует мнения почти всех более или менее известных специалистов – как русских дореволюционных, советских, так и зарубежных – о географическом расположении Памира. «Памирский горный узел, – пишет он, – это грандиозное орогенное поднятие, являющееся центром нескольких южно – и центрально-азиатских хребтов, включающих хребты Гиндукуш и Карокурум, а также горы Куэньлун и Тянь-Шань. Большая часть этой горной страны расположена в пределах Таджикистана, но отдельные её

¹ Агаханянц О.А. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. История изучения природы Памира. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1962. – С.11.

²Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – С.3. См. также: Эдельман Д.И. Географические названия Памира // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир. – М.; Наука, 1975. – С. 41.

районы принадлежат Афганистану, Пакистану, Китаю и Кыргызстану. Высокогорья Таджикистана с высочайшими вершинами Горно-Бадахшанской автономной области составляют ядро Памира»¹.

Не вдаваясь в подробный анализ существующих отдельных разногласий во мнениях специалистов-естествоведов, в той или иной мере причастных к изучению географии и природы Памира, следует воспринимать это как обычный научный процесс, и в этой связи следует все же признать мнения авторитетных исследователей О. Агаханянца и А. Юсуфбекова, которые с предельной точностью определили географическое пространство Памира.

Согласно определению О. Агаханянца географическое пространство в академических исследованиях, как дореволюционных, русских, так и советских, именуемое «Памир», охватывает около 2/3 территории Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, 1/3 Кашгарский Памир (северные склоны Гиндукуша), который входит в пределы территории Сыньцзянской провинции Китайской Народной Республики, а также часть Западного Памира (восточный Афганский Бадахшан), которая относится к Исламскому эмирату Афганистан².

Далее как О.Е. Агаханянец, так и А. Юсуфбеков для большей географической ясности называют те горные хребты, которые в своей совокупности составляют Памир в его современном понятии. «Всю территорию Памира, – пишут они, – занимают горные хребты, в основном, широтного направления, по простиранию главных тектонических структур: Заалайский, Ванджский, Язгулемский, Рушанский, Северо-Аличурский (Базардара), Шугнанский, Бакчигир, Ваханский, Южно-Аличурский, Музкол, Пшартский, Белеули. Северный Танымас, Гиндукуш и др. Одновременно имеются и хребты Академии наук, Зулумартский, Шахдаринский, Сырыкольский, Кохи-Ляль,

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: Рипол классик, 2005. – С.43.

² Агаханянец О. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. – С.11.

Шашгарский (последние два, равно как и Гиндукуш из широтной группы хребтов, находятся за пределами ГБАО)»¹.

В этом контексте, наряду с мнениями вышеназванных авторов, следует обратить внимание на выводы молодого современного специалиста Н. Дж. Ходжаевой, которая занимается локализацией историко-культурных регионов Авесты, мест проживания арийских племён, а также изучением гидронимов и оронимов на основе текстов Авесты, других пехлевийских источников и археологических материалов. «Таким образом, - пишет она, - были установлены реальные географические границы современного Памира. На основе анализа геоморфологических, природно-климатических и фитогеографических особенностей, можно утверждать, что географическое понятие «Памир» значительно превышает границы ГБАО. По нашему мнению, в пределы Памира должны также войти: с севера – Южный Тянь-Шань (Заалайский хребет), с востока – Кашгарский хребет (Западный Куньлунь), с юга – северная часть Гиндукуша, а с запада – хребет Кохи-Ляль Восточного Афганского Бадахшана. Только в таком понятийном значении данная локализация и может исследоваться»².

Таким образом, опираясь на доступные археологические материалы. Десятки мнений авторов различного направления науки, о древней, средневековой истории, путевы заметки, легенды, мифы, связанные с этимологией, в совокупности с показателями геологических и природных ландшафтов, Памира и Бадахшана, независимо от наличия отдельных разногласий, экспертные заключения свидетельствуют о том, что Памир как географический объект, включает в себя более обширную территорию, выходящую за пределы Горно-Бадахшанской автономной области. В этой связи уместно отметить, что помимо географической общности, довольно ясно прослеживается и тесная политико-административная связь древних и

¹ Агаханянц О.Е. Юсуфбеков А. Главные черты природы Памира // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. – М.: Наука, 1975. – С.29.

²Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. – Душанбе: Дониш, 2017 (380 с.). – С.307-308.

средневековых независимых владений (шахств) Дарваза, Ванджа (до середины 40-х годов XIX в.), Рушана, Шугнана, Вахана и Бадахшана, которых сближало не только единое географическое пространство, но и общие генеалогические корни их местных правителей. Это и послужило поводом взаимных нападений, часто приводивших к временным территориальным изменениям. К примеру, иногда власть Бадахшана распространялась на соседние территории, расположенные на Западном Памире. Хотя это и не приводило к их полному подчинению, но способствовало тому, что в некоторых исторических источниках они упоминались под общим названием Бадахшан. Это ясно прослеживается в содержаниях нескольких местных сочинений под названиями «История Бадахшана»¹, «Каттаган и Бадахшан»² и исследования учёных³, о которых более подробно речь будет идти в соответствующих разделах данной работы.

I.2. Заселение древнего Памира в археологических, письменных источниках и исторических исследованиях

Основными источниками при изучении древней истории любого региона и государственных образований являются археологические памятники. В этом отношении Памир не может быть исключением. Следует отметить, что до начала XX в., исследователи этого горного региона обратили внимание на наличие многих разрушенных, заброшенных, так также ещё выполняющих своих административно-оборонные функции крепостей, но в силу отсутствия

¹ См.: Курбон Мухаммад-зода (Охун Сулаймон) и Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футур-шо) Таърихи Бадахшон (История Бадахшана). Издание текста, примечания и указатели А.А. Егани. Предисловие и ответственный редактор Б.И. Искандарова.–М.:Наука,1973.- Предисловие на русск. яз.-С.5-29.Краткие текстологические примечания.-33-47 Факсимиле-Лл.3-84;Текст, на тадж.арабск.графике - 87-206с.;Примеч.-С.209-249.:Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Та`рих-и Бадахшан (История бадахшана). Фотографическая репродукция текста рукописи, ведение и указатели подготовил к изданию А.Н.Болдырев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959.-127л.а/б.(203).+предисл. и комментарии А.Н.Болдырева.-68с.

² Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского П.П.Введенского, Б.И. Долгополова и Е.В.Левкиевского. Под редакцией, с предисловием и примечаниям проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1926.-248с.

³ Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – Ташкент: Наука, 1964.-164с.; История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005.-494с.; Муродӣ С. Бадахшон дар таърих. (Бадахшан в истории). - Ч.-II.– Кобул: Интишороти Хайём, 1388х.-С.646-1350 и др.

соответствующих возможностей, не предпринимались серьёзные попытки касательно их изучения.

Начало археологическому исследованию Памира положил известный советский учёный А.Н. Бернштам (1910-1956). Эту работу в качестве руководителя Памиро-Алайской археологической экспедиции он проводил с 1946 по 1956 гг. За этот период в Восточном Памире им были открыты 50 могильников, раскопано 98 курганов¹ древних кочевых племён, обитавших в этом пространстве в раннежелезном веке. В предварительном отчёте результатов экспедиции², А.Н. Бернштам отметил, что заселение Восточного Памира в I тысячелетии до н.э. произошло в результате проникновения на его территорию сакских племён³. Но он не исключил вероятности обитания в этом пространстве и более древних (период каменного века) людей.

После А.Н. Бернштама с 1958 г. Б.А. Литвинский, сформировав Восточно-Памирский отряд, вошедший в состав Таджикской археологической экспедиции, с большим энтузиазмом продолжил изучение Восточного Памира⁴.

Следует отметить, что до этого времени большинство учёных сходились во мнении о том, что первобытные люди не могли существовать в условиях сурового климата Памира. Но, исходя из предположения А.Н.Бернштама о вероятности обнаружения следов каменного века, Б.А. Литвинский под руководством В.А. Ранова организовал специальную группу⁵.

В 1958-1959 гг. на Восточном Памире развернули свою деятельность две экспедиции. Их открытия, позволяющие в известной степени пролить свет на

¹ Пирумшоев М. Древний Памир в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2021. - №2 (91). - С.215-227.

Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской Автономной Области. Восточный Памир (памятники каменного века – XX в.). – Душанбе, 2015. – С. 18.

² Полный отчет проведенный А.Н. Бернштамом экспедиции в связи с его кончиной 18 декабря 1956 не был предствлен. Результаты полевых исследований ученого были опубликованы его учениками, сотрудниками экспедиции.

³ См.: Бернштам А.Н. В горах и долинах Памира и Тянт-Шаня. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С.263-304; он же. Саки Памира // ВДИ 1956. - № 1. – С.121-134; Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской Автономной Области. Восточный Памир (памятники каменного века – XX в.). – Душанбе, 2015. – С. 19.

⁴ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – С. 5.

⁵ См. Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской Автономной Области. Восточный Памир (памятники каменного века – XX в.). – Душанбе, 2015. – С. 18-21.

древнейшую историю края, вскоре стали доступным широкому кругу специалистов и простых читателей. Раскопки были продолжены и в 1960-1961 гг. и последующие годы учениками Б.А. Литвинского М.А Бубновой и А.Д. Бабаевым.

В результате проводимых раскопок этих и последующих экспедиций с целью изучения памятников каменного века, было обнаружено свыше 40 стоянок, большая часть из которых датируется 8-5 тыс. лет до н. э. На этих стоянках собрано около 15 тысяч предметов каменного века. Наиболее важной является стоянка Ошхана (возраст 9600 лет), находившаяся на высоте 4200 м над уровнем моря. На стоянке собрана коллекция каменных орудий, состоящая из 10 тысяч экземпляров¹.

Изучение материалов стоянок привело к выводу о том, что «несмотря на суровые климатические условия, Восточный Памир в отличие от Западного был более благоприятной зоной для его заселения. Прежде всего, Восточный Памир предоставлял в распоряжение первобытного человека подходящие породы камней для изготовления каменных орудий и хорошие охотничьи угодья. Большую роль в жизни древнего человека играли реки и пресноводные озера, к которым приурочены многие пункты каменного века Восточного Памира, поскольку, кроме рыбных запасов в них, с ними была связана основная кормовая база для диких животных – луга»².

Обобщая итоги этих раскопок Б.А. Литвинский написал: «Такое комплексное рассмотрение приводит к непереложному заключению, что история и культура племён Восточного Памира (как и Памира в целом) – неразрывная составная часть культуры среднеазиатских племён и народов, тысячами нитей связанная с культурой племён Южной России и Казахстана (особенно скифов и савроматов). То же показали и раскопки М.А.Бубновой на средневековом восточно-памирском поселении в Базардаре. Открытые нами памятники культуры, черепа древних жителей, исторические свидетельства,

¹ Пирумшоев М. Древний Памир в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2021. - №2 (91). - С.215-227.

² Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской Автономной Области. Восточный Памир. – С. 21.

лингвистические материалы – одним словом, все объективные данные не оставляют ни малейших сомнений в том, что в древности на Памире проживали европеоидные по расовому типу восточноиранские сакские племена, составившие впоследствии один из важных пластов современных памирских народностей»¹.

Данное заключение получило подтверждение и результатами раскопок теперь уже известного специалиста каменного века В.А. Ранова². Согласно его заключению «только на примере Средней Азии может быть рассмотрена динамика заселения горной страны человеком и освоение человеком каменного века различных высотных поясов»³.

Указывая на степень изученности каменного века в Таджикистане следует прежде всего определить его периодизацию⁴. Опираясь на результаты своих многолетних раскопок В.А. Ранов предложил следующая периодизация памятников каменного века в пределах Горно-Бадахшанской автономной области: 1. Отдельные изолированные находки предположительно палеолитические (40-20 тыс. лет). Наиболее древние из них (обнаруженные в Чештепе, террасы Мургаба), могут быть отнесены к мустьерскому, более поздние верхнепалеолитическому времени; 2. Группа открытых стоянок, обнаруженных в Аличурской долине, условно отнесена к концу верхнего палеолита (20-12 тыс. лет назад); 3. Стоянки эпохи мезолита и раннего неолита (12-6 тыс. лет назад), которые представлены двумя культурами (Маркансуйская на стоянке Ошхона и Истыкская в юго-западном углу Восточного Памира (8-5 тыс лет до н.э.); 4. Культура позднего неолита, относящаяся к 3-му тысячелетию до н.э.), представленная материалом открытых стоянок в районе оз. Яшилькуль⁵.

¹ Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – М.: Наука, 1972. – С.6.

² Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир.- М.: Наука, 1975. – С.136- 157.

³ Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века. – С.137.

⁴ История Горно-Бадахшанской автономной области. Том. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд. 2005. – С. 56.

⁵ Ранов В.А. Освоение Высокой Азии человеком каменного века (на примере гор Средней Азии) // Средняя Азия в древности и средневековье. – М, 1977. – С. 11; Он же: Каменный век Южного Таджикистана и Памира. –

В.А.Ранов на основе обнаруженных памятников прослеживая динамику освоения человеком каменного века различных высотных поясов, вместе с тем пытался выявить причины такого “высотного” заселения. Поделившись своим предположением со специалистами и читателями, интересующимися древней историей предков таджиков, пишет: “Каковы были причины, заставлявшие первобытные племена покидать расположенные на низких уровнях благодатные долины, удобные для жизни и передвижения, и предпринимать далёкие и часто небезопасные путешествия в горы? Все данные, которые можно получить, говорят о значительном расчленении рельефа горных долин, ведущих к Памиру, по крайней мере со второй половины плейстоцена. К сожалению, на сегодняшний день ещё нет конкретных материалов для реконструкции действительных причин, вызывавших эти передвижения”¹.

Тем не менее, автор, излагая своё предположение, перечисляет следующие три миграционные причины с подробными их пояснениями: 1. Сезонные миграции охотничьих племён, это подтверждает сезонный характер стоянки, открытой на Памире. Основываясь на этом “можно думать, что в различные эпохи каменного века, люди, жившие в долинах, поднимались в горы в поисках хороших охотничьих угодий”. Далее указывая на разнообразные виды животных и птиц, которые употребляли в пищу, учёный предполагает возможности наличия такого фактора, “что первобытных людей на Памир привлекал не приход сюда животных, на которых они охотились и ниже, и даже не количество этих животных, а возможность использовать более лёгкие и удобные способы охоты на них”²; 2. Экологические причины. Хотя учёный утверждает об отсутствии данных “о влиянии человека каменного века на природу – изменении во внешнем окружении, вызвавшихся скажем ростом населения той или иной области, т.е. возникновения фазы нарушения

Диссерт. на соиск уч. степени доктора ист. наук. – Новосибирск, 1988. – С. 35; Он же: Некоторые вопросы заселения Памира в древности // Памироведение. – Душанбе 1985. – Вып.2. – С.89; Так же см.:История Горно-Бадахшанской автономной области. Том. I. С древнейших времен до новейшего периода. – С.56-57; Пирумшоев М. Древний Памир в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2021.-№2 (91).- С.215-227.

¹Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века. – С.137

² Там же.– С.137-138.

равновесия между человеком и окружающей природой, что должно вызывать изменение жизненного строя общества и, в частности, поиски новых мест для заселения”¹, тем не менее, склонен не исключать этот фактор; 3. Социальные причины. Пытаясь обосновать действия социальных причин В.А. Ранов пишет: “Последующее накопление фактического материала позволит, надо думать, воссоздать реальную картину сосуществования племён в мезо-неолитическое время и в какой-то степени представить их взаимодействие. Известно, что переселение больших масс людей может вызываться двумя основными причинами: перенаселением данной территории и истощением природных ресурсов. К этому нужно добавить ещё и вытеснение основного населения более сильными, многочисленными или лучше вооружёнными пришельцами”.. “Действие всех этих трёх факторов,- пишет он,- теоретически возможно для областей, окружающих Памир, но действие любого из них, которое явилось бы предпосылкой для начала освоения высокогорного Памира, на сегодняшний день реконструировать нельзя. И, наконец, последнее, Мезолитическая эпоха, к которой относятся основные памятники, открытые на Памире, была временем широкого освоения ранее безлюдных территорий”².

Следует подчеркнуть, что автор, хотя и старается излагать свои мысли взвешенно и осторожно, даже в форме гипотез и предположений, его мнение все же трудно опровергнуть или подвергнуть сомнению. Это говорит о высокой требовательности учёного к своим суждениям. Более того, последующие исследователи также не подвергают сомнению эти выводы. Интерес представляют и мнение автора о возможных путях переселенческого процесса на Памир. Основываясь на существующей точке зрения, согласно которой Памирское нагорье со времён людей каменного века поднялось на высоту 600-700 метров³, учёный отмечает следующее “и в этом случае, древним людям приходилось жить на достаточно больших высотах в 3500 – 3700 м над уровнем

¹Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века. – С.138.

² Пирумшоев М. Древний Памир в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2021. - №2 (91). - С.215-227.

³ См.: Бутомо С.В., Ранов В.А., Сидоров Л.Ф. Некоторые вопросы исследования каменного века Памира // Советская археология. – 1964. - № 4. – С.11-17.

моря”. Согласно его обоснованному мнению, несмотря на то, что высокогорье оказывает разностороннее действие на организм человека, “На Памире стоянки каменного века (мезолит – ранний неолит) зафиксированы от высоты 4200 до 3600 м над уровнем моря (Ошхона – около 4200, Каратумшук, Куртеке – 4100, Восточный Пшарт – 4000, Бахмал-Джилга – 3800, Мургаб – 3600 и т.д.). В Алайской долине следы стоянок обнаружены на высоте 2500 м”¹.

Говоря о геологическом росте памирских гор уместно заметить, что согласно палинологическому анализу М.М. Пахомова, в середине великих оледенений, особенно в среднем плейстоцене средняя высота гор Памира по сравнению с нынешней была почти на два километра ниже. Естественно, это способствовало улучшению условий жизни людей в эпоху палеолита².

Таким образом, опираясь на открытия учёными стоянок первобытных людей на Памире, В.А. Ранов приходит к заключению о том, что они относятся к VIII – V тысячелетиям до н.э. т.е. к периоду палеолита³.

Археолог А.Д. Бабаев, указывая на существования двух мнений относительно условий проживания на Памире первобытного человека, пишет, что “первое – природные условия Памира в эпоху каменного века были благоприятными для проживания здесь первобытного человека; второе мнение заключается в том, что аридизация Памира началась значительно раньше, ещё в начале плейстоцена, и к началу голоцена природные условия Памира соответствовали современным”⁴. Далее, автор, выражая свою солидарность с мнениями археологических исследователей Памира пишет: “Археологические исследования, тщательный анализ каменных орудий, техники изготовления позволили наметить пути миграции первобытных племён. Установлено, что путь движения пролегал: 1) с востока, т.е. с памирского нагорья в Бадахшан; 2) в обратном направлении – от хорошо заселённых в каменном веке окраин

¹ Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века. – С.139.

² См.: Пахомов М.М. Первые результаты палинологических исследований кайнозойских отложений Памира // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. – Душанбе, 1962. – С.59-68.

³ Ранов В.А. Археологическое изучение Памира // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С.351.

⁴ Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – Худжанд: Нури маърифат, 2006. – С.256.

Таджикской депрессии – Великого Дарваза, вдоль Пянджа, от Калайхумба до Хорога, Ишкашима и Лянгара. Прослеживается связь маркансуйской культуры с гиссарской. В своём передвижении на Восточный Памир племена гиссарской культуры, часть оседали на землях Западного Памира, и именно они могли принести сюда навыки земледелия и скотоводства. Нельзя отбрасывать и другое направление – заход на эту территорию со стороны Ферганы, где обнаружены памятники с аналогичными орудиями и техникой изготовления»¹.

В. А. Ранов обращает внимание на сложность точного определения времени появления первобытных людей на Памире и указывает, что эта территория изучена археологически лучше, чем другие горные регионы: «Есть все основания предполагать, что в горах «Высокой Азии» – на Тянь-Шане, Памиро-Алае, Куньлуне, Гималаях, Тибете, Сино-Тибетских горах существовала близкая по характеру орудий и технике расщепления камня археологическая культура, которая, охватывая огромные пространства и большой промежуток времени, распадается на ряд локальных культур и хронологических группировок. Памир является одним из центров развития одного из локальных вариантов этой высокогорной культуры, в настоящее время изученным лучше других. Поэтому именно на примере Средней Азии и Памира можно хотя бы в предварительных чертах проследить динамику освоения высокогорной страны людьми каменного века»².

Стоянки людей каменного века были обнаружены по всему Восточному Памиру, где имелись подходящие породы камня для создания орудий труда. Эти орудия труда были обнаружены археологами в Каракуле, долине реки Маркансу, долине Аксу от Тохтамышша до Мургаба и в нижнем течении реки Аличур. Хотя они менее распространены на Западном Памире, это не означает,

¹ Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С.256; См. также: Сорокин С.С. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох) // Тр. Государственного Эрмитажа. – Т.5. – Л.,1961. – С.117-181; Ранов В.А. Некоторые вопросы заселения Памира в древности // Памироведение. – Душанбе: Дониш, 1985. – С.88-102.

² См.: Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века. – С.143.

что их там нет. Об этом свидетельствуют нуклеусы, найденные около села Лянгара.¹

Сравнительно подробное изучение памятников каменного века на Памире в известной мере проливает свет на социальную жизнь первобытных людей этого горного края. Обращая на это внимание, А.Д.Бабаев пишет: «Известно, что в эпоху палеолита уже существовали сложные социальные отношения внутри первобытных объединений. Отсюда надо думать, переселение явилось результатом двух основных причин: первоначеления изучаемой территории и истощения природных ресурсов. Третьей причиной могло быть вытеснение основного населения более сильными и лучше вооружёнными пришельцами. По всей вероятности, мы имеем дело с бродячими охотниками, которые впоследствии, ознакомившись с производящим хозяйством, осели, и основой их хозяйства стало оседлое земледелие и пастушеское скотоводство. Это хозяйство получило дальнейшее развитие в эпоху бронзы, сакского времени, о чём свидетельствуют раскопки могильников Балянд-Киик, Кальта-тур, Южбок (эпоха бронзы)»².

А.Д. Бабаев для бесспорного доказательства своей позиции помимо археологических находок опирается и на содержание сохранившихся частей “Авеста”, где можно обнаружить сведения об общественном строе древности, и племенах, обитавших там, которые заложили основу материальной и духовной культуры в конце II - начале I тысячелетия до н.э. Второй по значимости период в истории сакской культуры – памятники IV–III века до нашей эры³.

Упомянув об истории саков, следует отметить особую заслугу вышеупомянутого историка и археолога Б.А. Литвинского (1923-2010). Вложив немало труда в исследования древности Памира, он сосредоточил внимание на изучении истории появления и их место в этногенезе местного населения. В

¹См.: Жуков В.А. Перспективы изучения каменного века Памира // Палеоэкология древнего человека (Сборник статей). – М.: Наука, 1977. – С.320-334.

² Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – Худжанд: Нури маърифат, 2006. – С.256-257.

³ Пирумшоев М. Древний Памир в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2021.-№2 (91).- С.215-227.

своём фундаментальном труде “Древние кочевники “Крыши мира”¹, написанном на основе множества археологических, раннесредневековых письменных источников и соответствующих заключений советских, а также зарубежных учёных, изучавших древнюю историю Средней Азии в целом, и Памира в частности, он подробно охарактеризует мнения учёных о саках, их этнониме, о местах первоначального обитания и дальнейшего их распространения на просторах Средней Азии².

В целом, Б.А.Литвинский поддерживает мнения ряда исследователей, опирающихся на сведения одной из древнейших частей Авесты, где речь идёт о кочевых племенах туров, подразумеваются саки. «В Авесте, – пишет он, – сакские племена выступают под несколькими именами, из которых наиболее употребительно – *тура*. В Гатах – древнейшей части Авесты, связанной с самим Зороастром, имеется упоминание о турах. Если верить этому свидетельству, то приходится признать, что уже в первой половине VI в. до н.э. (одно из возможных определений времени жизни Зороастра) у пророка имелись последователи среди среднеазиатских туров – саков»³. В древнегреческих источниках (в работах Геродота, Плиния, Диодора и др.) саки упоминаются как скифы⁴.

Указывая на то, что «антропологический аспект всё ещё продолжает оставаться «слабым звеном в проблеме генезиса культуры саков Памира», вместе с тем, опираясь на разнообразные письменные источники, Б.А.Литвинский утверждает существование на северных границах Индии «ещё до ахеменидского времени обширная группировка сакских племён, и памирские племена были частью этой группировки». Что касается процесса формирования сакской культуры, то свои предположения учёный сформулировал следующим образом: «Можно предположить, что формирование сакской культуры протекало одновременно на обширной территории среднеазиатских равнин и

¹Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – М.: Наука, 1972. – 270 с.

²См.: Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – С.156-174.

³Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – С.150.

⁴Более подробно см.: Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – С. 156-158.

высокогорий, причём субстрат этой культуры, и культурный и антропологический, не был однородным. Конкретная историческая и историко-культурная ситуация, многосторонние связи и эколого-географическая среда, с которой в определённой степени были связаны особенности кочевого хозяйства и быта, - всё это привело к тому конкретному разнообразию облика саков в разных областях распространения сакской культуры». Далее, давая антропологическое описание древних памирцев, автор указывает, что памирские саки были люди среднего роста и внешне они очень отличались от своих тянь-шаньских братьев»¹.

А.С. Давыдов в результате тщательного изучения этнической принадлежности горцев Памира к таджикскому народу пишет: «Имеются все основания считать, что древнейшее население Горного Бадахшана было оседлым, имело общее происхождение с населением остальной Бактрии, частью которой являлся Горный Бадахшан»². Что касается степени участия саков в этногенезе таджиков Памира, то А. С. Давыдов почти всецело поддерживает мнения авторитетных учёных, в частности Б. В. Литвинского.

«Саки – восточноиранские, – пишет автор, – по языку кочевое население степей и гор Средней Азии II–I тыс. до н.э. В VII–II вв. до н.э., они составляли три конфедерации, две из которых известная под названием саков-хаомаваргов, охватывала восток Средней Азии, в том числе и Памир. Где-то в середине II в. до н.э. под ударами гуннов двинулись на запад тохары, которые потеснили саков. Тохары вместе с саками разгромили и захватили Греко-Бактрийское государство. Считается, что в это время часть саков проникла в Горный Бадахшан»³.

¹Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – С.186; См. так же. Гинзбург В.В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии (Гунны и саки Тянь-Шанья, Алая и Южного Памира) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (далее – КСИЭ). – 1952. – Вып.11. – С.84; Он же. Антропологическая характеристика саков Южного Памира // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР (далее – КСИИМК). – 1960. – Вып.80. – С. 83-87; Пирумшоев М. Древний Памир в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2021.-№2 (91).- С.215-227.

²Давыдов А.С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Историография вопроса. – Душанбе: Дониш, 2005. – С.34.

³Давыдов А.С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Историография вопроса. – Душанбе: Дониш, 2005. – С.38-39.

Говоря о роли сакского пласта в этнической и культурной истории народов Средней Азии, Восточного Туркестана, Афганистана и Северной Индии, Б.А.Литвинский указывает, что «в этногенезе памирских народностей саки составляют один из компонентов субстратного слоя»¹. В.А. Ранов сформулировал свою точку зрения следующим образом: «Слов нет, – саки сыграли свою важную роль в процессе формирования таджиков Памира, но было бы неправильно думать, что первые, ещё редкие, заходы людей степной бронзы, следы которых обнаружены, например, в долине реки Южбок, фиксируют первое появление древних людей в этом районе Таджикистана. Более логично думать, что Памир был освоен человеком значительно раньше – в эпоху палеолита, а в пост-палеолитическое время, и это хорошо демонстрируют многочисленные стоянки Восточного Памира, эта высокогорная зона использовалась как великолепная зона охоты в течение многих тысяч лет»².

В этом плане довольно важными являются сопоставительный анализ Т.К.Ходжайова и опубликованные данные В.В. Гинзбурга и Т.П. Кияткиной касательно определения место саков в этногенезе памирских таджиков. Согласно его выводам «население, оставшиеся могильники в эпоху бронзы и в I тыс. до н. э. (сакское время), наиболее близки к оседло-земледельческому населению эпохи энеолита и бронзы Север-Восточного Ирана, Южной Туркмении, Северного Пакистана и древней Бактрии, включая сходство с населением намазгинской сапаллинской и вахшской культурами...Видимо Восточный Памир не был полностью изолирован от влияния сакских племён, хотя масштабы этих воздействий были незначительны»³.

Разумеется, при изучении истории Памира и Бадахшана всё же нельзя исключить причастность саков. А.Н. Бернштам исходя из этой реалии, ещё в

¹Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – (270 с.) С.194.

²Ранов В.А. Археологическое изучение Памира // Очерки по истории советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфон, 1981. - С.374.

³Ходжайов Т.Г. Антропологические исследования материалов Восточного и Западного Памира (по территориальным группам) // История Горно-Бадахшанской автономной области.–Душанбе,2005. – Т. I. - С. 144-149

50-е годы писал, что «советские исследователи дали те объективные и неумолимые факты, которые ясно показали, что если Восточный Памир и не был очагом высокой былой культуры сакских племён, то, во всяком случае, был её бережным хранителем. Могильники Тамды (на правом берегу р. Памир – М.П.) и Акбеит (в верховьях р. Ак-су – М.П.) важны не только в этом плане, они важны и потому, что регистрируют реальные связи весьма удалённых областей и отмечают реальные передвижения в глубокой древности племён пастухов-скотоводов, для которых даже Памир не был преградой»¹.

Таким образом, археологические находки свидетельствуют о том, что задолго до прихода сакских кочевников Памир уже был заселён местным оседлым населением с развитой культурой земледелия и скотоводства. Поэтому с учётом имеющихся разногласий среди исследователей этнографического направления, которые, оценивая место саков в исторической судьбе арийской расы, склонны показать его как определяющий компонент в этническом сложении местного таджикского населения, требует более взвешенного подхода.

Как уже говорилось ранее, до прихода кочевых племён саков в этом горном регионе проживали земледельческие племена, по мнению некоторых учёных, возможно, бактрийские. Однако остаётся неясным, на каких фактах основывается этнограф Л. Ф. Моногарова, когда делает однозначный вывод о решающей роли саков в этническом формировании Памира. «На основании лингвистических, археологических материалов, – пишет она, – можно с уверенностью говорить о том, что основным компонентом в этногенезе припамирских (имеется в виду Западный Памир. – М.П.) народностей в античное время (от VI в. до н.э. до второй половины V в. н.э.) были сакские племена, говорившие на восточноиранских языках»².

Это явно противоречит результатам исследований археологов, согласно которым, саки пришли сюда намного позже, когда уже давно по всем

¹Бернштам А.Н. Саки Памира // Вестник древней истории. – М., 1956. - № 1 (стр.122-134). – С.34.

²Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. – М.,1972. – С.235.

этническим показателям, сложилось местное население. Все это говорит о беспочвенности выводов указанного этнографа, явно пытавшегося ввести в заблуждение читателей. Это, по всей вероятности, исходит из её явной исторической неосведомлённости, либо осознанной попытки посеять семена этнической отчуждённости между таджиками. Она также пыталась опираться на наличие сакского компонента, сохранившиеся местные таджикские диалекты и приверженность двум религиозным течениям ислама (суннизму и шиизму), которые, однако, не имеют ничего общего с этнической идентичностью таджиков, проживающих в Таджикистане и в Центральноазиатском регионе в целом.

В этом контексте стоит отметить тщательно аргументированную научную критику подобных абсурдных идей, которую дал известный специалист по этой теме А.С. Давыдов в своей работе «Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира)». Давыдов приводит множество примеров, основанных на авторитетных выводах историков, археологов, этнографов, антропологов, лингвистов и других исследователей Памира, которые однозначно подтверждают этническую идентичность таджиков этого горного региона с остальными таджиками: «Таким образом, все приведённые данные о происхождении населения Горного Бадахшана, его истории, некоторых сторонах культуры показывают, что оно является частью таджикского народа, проявляя особую близость и единство с населением исторической области Бактрии, частью которой и был Горный Бадахшан–Памир. Решающим фактом, определяющим этническую принадлежность горно-бадахшанцев, является наличие у них самоназвания таджик»¹.

Выше мы говорили о значении археологических находок для изучения раннего этапа истории Памира и Бадахшана. Для определения этнической принадлежности жителей Памира необходимо также изучение ценных письменных источников, таких как Авеста и историко-географические труды

¹Давыдов А.С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). – С. 118-119.

античных авторов. Эти источники могут пролить свет на жизнь местного населения в те далёкие времена.

Разумеется, вышеприведённые археологические и письменные источники, хотя сами по себе не могут открыть более ясную панораму жизни обитателей этого горного края в древности, но анализ содержащихся в них материала давал возможность исследователям в определённой мере открыть общий фон их хозяйственной деятельности.

Действительно, когда мы пытаемся понять, каким образом население этого сурового климатического региона с неблагоприятными для земледелия условиями и высокогорным рельефом могло обеспечить себе условия жизни, возникает закономерный вопрос: как же древние обитатели Памира справлялись с этой задачей, имея сравнительно примитивные орудия труда? Мы считаем целесообразным вернуться к этой проблеме и оценить степень её изученности несколько ниже.

1.3. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии

Известно, что вопрос о степени связи населения Памира и Бадахшана с арийской расой занимает важное место в историографии. Особый интерес к этой проблеме проявляли западноевропейские, русские и советские исследователи.

В своё время, изучая вопрос о прародине ариев, известный немецкий географ К. Риттер (1779-1859) на основе грамматического анализа древнего текста «Зенд Авеста», поместившего колыбель иранской расы в район горного узла «Индийского Кавказа»¹, указывал, что под этим следует понимать Памиро-Гиндукушскую горную систему². Английский учёный конца XIX века М. Миллер поддержал такую трактовку текста Авесты и других источников, развив концепцию о том, что первоначальным обиталищем ариев было

¹Риттер К. Иран Ч.1. Перевод и дополнения Н.В Ханькова. – СПб.: Изд. РГО, 1874. – С. 24.

²Риттер К. Иран Ч.1. – С.44.

плоскогорье Памира. По его мнению, во время переселения в XV веке до н. э. они разделились на две группы: первая направилась в сторону Индии, вторая — в Европу. Оставшиеся на Памире арии спустя несколько десятилетий, в XIV веке до н. э., частично переселились в Иран¹.

Формирование мнения о происхождении индоевропейской расы в западноевропейской историографии связано с развитием науки о языке в начале XIX в. Подробный анализ истории европейских языков в конце XVIII в. привёл учёных к выводу о сходстве этих языков с санскритом. Это послужило основанием для утверждения идеи об общности происхождения этих языков. В дальнейшем при выявлении сходных признаков групп европейских языков с авестийским, было доказательно подкреплена гипотеза о едином их происхождении.

При этом, основываясь на сравнительно древнейшем происхождении санскрита и его месте сложения, была выдвинута идея об общности происхождения народов и местонахождения их прародины. Поэтому, исходя из той гипотезы, что в основе европейских языков лежал санскрит, учёные первоначальные места обитания предков индоевропейских народов стали искать в Индии.

В этом поиске не стало исключением и мнение о том, что индоевропейские языки являлись различными ветвями давно исчезнувшего единого праязыка. Это вызвало необходимость искать иные пути определения обитания древних индоевропейских народов.

В этом плане определяющим стало мнение видного немецкого учёного И. Роде. Он в 1820 г., впервые «доказал необоснованность господствовавшего до тех пор мнения, что первая область, сотворённая Ахурамаздой – Айрьянем Веджьо, находилось в Закавказье, и обосновал необходимость искать её в Средней Азии. Основываясь на данных текста о холодном климате и последовательности перечисления областей, Роде помещал родину иранцев –

¹См.: Маковельский А.О. Авеста. – Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. – С. 14.

Айрьянем Вэджо в горной области, лежавшей севернее и восточнее Согдианы»¹.

Следует отметить, что мнение Роде было подхвачено и развито такими последующими исследователями как К. Риттер, А. Потт, А. Шлегель, Х.Лассен² и др. Это привело к сложению гипотезы «о среднеазиатской прародине индоевропейцев, которая стало общепризнанной уже в 30-х годах XIX в. Территория прародины определялась авторами несколько различно, но все сводились на необходимости искать ее, прежде всего в пределах горной области у верховий Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и около Белур-тага, т.е. на Памире и в припамирских областях»³.

Грамматический анализ самого древнего текста Зенд – Авесты, равно как и уяснение того, что рассказано о древнейших миграциях народов, приводили К. Риттера «к мысли поместить колыбель иранской расы в районе мощного узла Индийского Кавказа»⁴. При этом, под «Индийским Кавказом» он подразумевал Памиро-Гиндукушскую горную систему. Изучая научное толкование понятия «Иран», произошедшего от слова «Ария», К. Риттер опирался на сведения Авесты о суровой зиме, длившейся десять месяцев в районе Арианам-Вайджа⁵. Согласно его определению, данная местность охватывала центральную часть Верхней Азии, откуда берут начало Оксус и Яксарт на Памире, Белур на западном Тибете и лежащее за ними плоскогорье, которые соответствуют описаниям «Авесты»⁶. Это привело его к убеждению о

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад: Изд.-во АН ТаджССР, 1957. – С.68-69.

²Ritter K. Erdkunde Asiens. – Bd. I. – Berlin, 1832. – С/436; Pott A. Etymologische Forschungen auf dem Gebitt der Indogermanischen Sprachen. – Bd. I. – Lemgo, 1830. – С. XXI; Indogermanischer Sprachstamm //Aillgemeine Encycloptdie (Ersch und Gruber). – Bd. II. – 1840. – С.19; Schlegel A. De l'origine des Hindous. Transactions of the Royal Society jf Literature. – Vol. II. – London, 1834. – С.444 ; Lassen Ch. Indische Alterhumskunde. – Bd. I. – Bonn, 1847. – С. 512-527.

³См.: RhodeJ. G. Die heilige Sage und das gesamte Relionsystemder alten Bakrer, Meder und Perser oder des Zendvolkes. – Frankfurt, 1820. – С. 687; Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад: Изд.:во АН ТаджССР, 1957. – С.68-69.

⁴Риттер К. Ирань. – Ч. 1. Перевод и дополнения Н.В Ханькова. - СПб.: Изв. Имп. РГО., 1874. – С. 24.

⁵«Арианам Вайджа» или «Иранвеж» неоднократно упоминается в «Авесте» и в пехлевийских источниках. Это понимается как название «Арийский прастор» или «Иранский прастор». Боле подробно об этом понятии и о пределах его географического пространства на основе авестийских сведений древних письменных источников и мнения ведущих специалистов, см.: Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. – Душанбе: Дониш, 2017. – С.198-263.

⁶Риттер К. Ирань. – Ч. 1. Перевод и дополнения Н.В Ханькова. – С. 44

том, что именно в этом пространстве «надо искать первобытное родовое отечество как древнейших иранских, так и индийских народов, как Арийцев, так и Айрийцев, то есть страны, которая по зендски называлась Эериэнэ, а по-санскритски Айрия»¹.

Разумеется, были и учёные, которые сомневались в безупречности данной гипотезы. Например, спустя несколько лет, в 1856 г. высказался о своём сомнении Киперт², а в 1859 г. А. Пиктэ выдвинул идею о том, что прародиной индоевропейцев следует признать Бактрию и прилегающие к ней области³. Как видно, вопрос об определении прародины арийцев всё же не выходил за пределы Центральной Азии.

Несмотря на это всё же были учёные, которые выразили определённые сомнения по этому поводу. А.М. Мандельштам, опираясь в основном на материалы археологических раскопок до 50-х годов прошлого столетия, несколько иначе излагает своё видение данной проблемы. Согласно его мнению, исследования, проведённые в 60-х начале 70-х годов «заставили сторонников «среднеазиатской» гипотезы внести в неё весьма существенную поправку... мифическая «предыстория» Памира, прочно занимавшая весьма солидное место в истории не только Средней Азии, но и вообще всего человечества, была отвергнута наукой, как искусственное построение, не имеющее под собой оснований»⁴.

Следует отметить, что А.М. Мандельштам, судя по приведённым им данным, скрупулёзно подвергая изучению работы наиболее известных западноевропейских учёных XIX в., так или иначе проявлявших интерес к выявлению прародины арийцев, высказывает определённый скепсис относительно приоритетной роли Памира в этом вопросе.

¹Там же. – С. 45.

²Kiepert. Über die geographische Anordnung der Namen arischer Landschaften im ersten Fargard des Vendidad, Monatsberichte der K. Preuss. Akademie der Wissenschaften, 1956. – С. 629-630.

³См.: Pictet. A. Les origines Indo-européennes ou les Aryas primitives. – Т. I – II. – Paris, 1959. – С. 37 и далее.

⁴Мандельштам А.М. К историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.70-71.

Опираясь на мнение Ф. Шпигеля¹, Мандельштам указывает, что «Естественно-географические условия на Памире оказались полностью противоречащими возможности помещать здесь прародину значительной части человечества»². В качестве аргумента он приводит ограниченные данные о населении Памира в периоды палеолита, неолита и бронзового века. Разумеется, как уже было сказано выше, он основывался на имеющихся археологических данных середины 50-х годов XX века. Однако последующие археологические находки фактически сняли эти сомнения. Тем не менее, прежде чем вернуться к материалам археологических раскопок 50-70-х годов, на наш взгляд, стоит рассмотреть точку зрения российских дореволюционных исследователей относительно арийского происхождения коренного населения таджиков, проживавших на Памире и в Бадахшане.

Почти все русские исследователи, дипломаты, представители военных кругов, посетивших Среднюю Азию как до, так и после присоединения края к России, высказали единодушное мнение о том, что таджики как древнейшие аборигены данного пространства, относятся к арийцам и индоевропейской расе.

Первые русские путешественники, изучавшие историю, быт и нравы местного населения Средней Азии, ещё до вхождения региона в состав Российской империи обращали внимание на расовые и антропологические особенности местного населения. Что касается таджиков Памирских владений и Бадахшана, то о них имелись лишь отрывочные сведения, полученные путём расспросов.

К примеру, Е.К. Мейендорф будучи в составе российской посольской миссии в Бухарском эмирате в 1820–1821 гг., с большой симпатией отзывался о таджиках и писал: «Бухарский народ разделяется на две основные группы: первую составляют узбеки, вторую – таджики. Последние рассматривают себя как первоначальное население страны и происходят, вероятно, от древних согдийцев. Таджики отличаются коренастой фигурой, европейскими чертами

¹См.: Spiegel F. Briefe über vergleichende Mythologie/ Ausland, 1869. – С. 272; он же. Das Urland der Indogermanen. – Ausland, 1871. – С. 556; он же. Eranische Alterthumskunde. – Bd. 1. – Leipzig, 1871. – С. 428 и др.

²Мандельштам А.М. К историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.71.

лица, красивым цветом кожи¹. Такая характеристика таджиков в русской научной литературе ранее не встречалась.

Автор считает, что предками таджиков были только древние согдийцы, но это связано с его незнанием исторических связей с древними народами, такими как бактрийцы, хорезмийцы, ферганцы, саки и другими, которые внесли свой вклад в формирование таджикского народа. Судя по поверхностным упоминаниям Каратегина, Дарваза и Бадахшана² Э. К. Мейендорф имел крайне смутное представление о таджиках Памира и Бадахшана. Однако ценность его работы заключается в том, что он впервые познакомил западноевропейских и русских читателей с таджиками.

Спустя двадцать лет после Е.К. Мейендорфа, посетивший Бухарский эмират в составе посольства России во главе с К.Ф. Бутеневым в 1840-1841 гг. Н.В. Ханьков в своей работе «Описание Бухарского ханства»³ существенно дополняет сведения предыдущего автора о таджиках. В частности, он относил их к коренному населению Бухары.

Ссылаясь на книгу Наршахи «История Бухары», Н.В. Ханьков пишет, что таджики пришли в долину Зеравшан, тогда, когда она ещё не была заселена, «густые камыши покрывали то место, где теперь находится Бухара и служили притоном диким зверям. Таджики первые начали обрабатывать берега его и применять тогда ещё богатые воды его к возделыванию полей и садов и вообще должно иметь высокое понятие об их трудолюбии, если верить цветущим описаниям тогдашнего состояния сего края»⁴.

Указывая на отсутствие соответствующих сведений о Памире, он довольствовался лишь описаниями западноевропейских путешественников Марко-Поло, Бенедикта Гоеса, М. Эльфинстона, А. Борнса о Бадахшане и Вахане⁵.

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – С.103 - 105.

² Пирумшоев М. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015.-№6-2 (67).- С.261-265.

³ Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843. – 280 с.

⁴ Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. – С. 53.

⁵ Пирумшоев М. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной

Всё это свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. в русской историографии появляются более конкретные сведения о таджиках. Другими словами, до присоединения Средней Азии к России в востоковедческих кругах России уже появляется представление о таджиках в целом, и в том числе о памирской их части. В этой связи немало сведений о них можно найти в трудах западноевропейских путешественников, сотрудников дипломатических и разведывательных служб.

Среди европейских авторов особый интерес вызывают сведения, приведённые в середине XIX в. А. Вамбери. В своей книге «Очерки Средней Азии»¹ о таджиках он, в частности, пишет: «Таджики, которых называют остатками первоначального населения Средней Азии, теперь встречаются в наибольшем числе в Бухарском ханстве и Бадахшане. Кроме того, их много ещё в городах Коканда, Хивы, Китайской Татарии, и Афганистана...»². А. Вамбери далее рассуждает о древности истории таджиков, об их положении под властью узбеков и указывает, что таджики превосходят турок по своим духовным качествам.

Согласно его мнению, таджики, как «первоначальные обитатели всех городов Средней Азии, встречаются здесь (имеет в виду Бухару. – М.П.) в самом большом числе и потому Бухара – единственное место, где таджик гордится своей национальностью. Он держится ещё границ своего прежнего отечества, древнего Хорасана: на восток – Хотена (в Китае), на запад – Каспийского моря; на север – Ходжента, на юг – Индии»³.

До присоединения Средней Азии к России разбросанные сведения, появлявшиеся в печати, в основном включали фрагментарные антропологические характеристики о таджиках. Как уже отмечено, они лишь подчёркивали внешние отличия таджиков от основной массы населения края, их индоевропейские черты лица и их арийское происхождение.

историографии.//Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015.-№6-2 (67).- С.261-265.

¹ Вамбери А. Очерки Средней Азии. – М., 1868. – 361 с..

² Пирумшоев М. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии.//Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015.-№6-2 (67).- С.261-265.

³ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М., 1867. – С. 306.

Присоединение края к России, несмотря на колониционную политику царизма, открыло широкий простор для исследователей в историческом и в особенности этнографическом плане. В своей совокупности русские исследователи довольно подробно обрисовали картину хозяйственно-бытовой жизни, обряды и другие стороны традиционной самобытной культуры таджиков второй половины XIX - начала XX вв. Но это вовсе не означает, что все исследователи и путешественники, оставляющие в наследство сведения о таджиках, правдивы и безупречны. Они зависели от степени исторической и культурно-бытовой осведомлённости авторов. Поэтому в анализе их наследия следует быть осторожным и вместе с тем должна присутствовать предельная объективность в их оценке.

Одним из первых посетителей Среднюю Азию после присоединения являлся известный путешественник естествоиспытатель А. П. Федченко. Он свои впечатления, полученные от знакомства с таджиками в том числе и горными, передаёт следующими словами: «Таджики, принадлежащие к иранской расе, составляют первобытных жителей страны и до сих пор ещё хорошо сохранили свой тип... Жители долин, напротив, смешались с позднее пришедшими сюда узбеками, народом тюркского племени, резко отличающимся от таджиков своим внешним типом»¹.

Ценные этнографические сведения о горных таджиках содержатся в работе востоковеда-индолога И.Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи»². В отличие от многих авторов, которые, посетив эту горную местность, в основном опираются на свои наблюдения, И.Минаев предпочёл основываться на сведениях предыдущих авторов. Указывая на внешность бадахшанцев, он пишет: «Раса это очень красива; большая часть таджиков если не все, говорят по-персидски и отличаются общительностью»³.

¹Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1869. – С.39-40.

²Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – 270 с. (с картой).

³Пирумшоев М. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015. - №6-2 (67). - С.261-265.

Среди авторов, оставивших довольно интересные сведения этнографического характера о горных таджиках второй половины XIX в. заметное место принадлежит Д.Л. Иванову. В своём довольно обширном докладе «Путешествие на Памир»¹, читанном по частям в общем собрании Императорского Русского Географического общества 11, 20 апреля, 2 мая 1884 г. наряду с географическими, орографическими и другими проблемами ставшими целью поездки этого естествоиспытателя на Памир в 1884 году, приводит немало подробностей и этнографического характера. После информации о памирских киргизах, Д.Л. Иванов переходит к этнографическому освещению населения Западного Памира, главным образом жителей Дарваза, Рушана, Шугнана и отчасти Каратегина. Свои впечатления от наблюдения за таджиками указанных местностей он передавал следующим образом: «Взглянешь на таджика горца, – и прежде всего, сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человек – не киргиз, не монгол. Правильные черты лица, открытые, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу отличают арийское племя»².

Этнографические сведения касательно горных таджиков Памира, приводятся капитаном Кузнецовым. В своей довольно обширной статье «Памиры»³, давая подробности географического расположения местности, маршрутов, климатических условий, вкратце упоминает об этнической особенности памирцев. В частности, он указывает: «Жители западных Памиров, таджики – народ арийского происхождения»⁴.

В начале XX века изучение таджиков русскими учёными существенно активизировалось, что было обусловлено самим фактом вхождения Средней Азии в состав Российской империи и безусловным установлением

¹Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского Русского Географического общества (в дальнейшем: Изв. РГО). – Т. XX. – 1884. – С. 209-252.

²Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Изв. РГО). – Т. XX. – 1884. – С.240.

³Кузнецов. Памиры // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LVI. – СПб., 1894. – С.1-21.

⁴Пирумшоев М. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии. // Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015. - №6-2 (67). - С.261-265.

российского протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Разумеется, визуально антропологическую схожесть всех таджиков региона, исключая тех, которые непосредственно были втянуты в ассимиляционный процесс с кочевыми тюркскими племенами, в ярко выраженной форме отмечены всеми русскими авторами, посетившими край. Поэтому данные ими характеристики одинаково относятся ко всем таджикам региона в том числе и коренному населению Памира. Это подтверждается примерами, приведёнными ими относительно этнически-расовой принадлежности таджиков разных областей Средней Азии.

Например, население города Бухара, который в основном населяли таджики, на Е.Маркова произвели такое впечатление: «Народ в Бухаре – эта картина каждом шагу; куда ни оглянешься красавец на красавце, уж особенно дети и молодые мальчики. Сверкающие как фарфор и огнём горящие чёрные глаза среди матовой белизны слегка смуглого полного лица, с очень правильными чертами оттенённые черной порослью молодых усов и молодой бороды, чувственные румяные губы сразу выдают вам прекрасный иранский тип таджика, коренного обитателя древней Трансоксаны или, так называемого в средние века, Мавар-ель-нагара», то есть «Заречья»¹.

Наблюдая за таджиками Худжанда, автор пишет: «Тип здешнего населения гораздо красивее, чем в Ташкенте и в других городах. Здесь все больше таджики или сарты, переродившиеся из таджиков... Благородный иранский тип своей белой кожей, своими мягкими прекрасными чертами лица... Они гораздо больше похожи на европейцев»².

Что касается его определения таджиков как «племени славянского типа», то он, основываясь на своих наблюдениях, пишет: «К ним нужно отнести часть населения северного Каратегина и Дарваза и часть горцев Вахана, в Южных Памирах. Говорят, в Вахиа-Боло, одной из областей Дарваза, тоже есть целые посёлки горцев этого типа, но нам не пришлось быть

¹Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В двух томах 6-ти частях. Т.1. – СПб., 1901. – С.394-395.

²Марков Е. Очерки путешествия. Т.II. – СПб., 1901. – С.32-33.

там лично. Горцы эти отличаются светло-русыми, довольно часто рыжеватыми, волосами, голубыми и серыми глазами и телосложением в высокой степени напоминают наших крестьян-великорусов»¹.

Русский исследователь А.Н. Самойлович выражая уверенность принадлежности таджиков к арийцам писал: «Насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население её всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов»².

Особое место в этнографическом изучении таджиков занимает работа А.Шишова «Таджики»³. Говоря о значении слово «таджик», он, также поддерживая мнение Н. Ханькова, пишет, что оно «происходит от персидского существительного тадж, корона и означает «коронованный», «увенчанный»⁴. Что касается происхождения таджиков, он, с уверенностью связывая их непосредственно с арийцами, пишет: «Древнейшими источниками сведений о Туркестане служат индийские и иранские религиозно-этнические предания. На них основывается, между прочим, гипотеза, что Памирская высь, ограничивающая Туркестан с юго-востока, была колыбелью арийского племени, которое разошлось отсюда в разные стороны»⁵. Последовательно приведя мнения предыдущих авторов, автор пытается обрисовать «наружные признаки таджиков». В целом его труд содержит те же описания или отличительные черты кочевых тюркских племён, которые были представлены русскими и европейскими исследователями, посетившими Среднюю Азию ранее.⁶

Б.Л. Тагеев, пристально наблюдая за внешностью таджиков Памира, в частности Шугнана, пишет: «Населён Шугнан таджиками – народом чистого

¹Масловский С. Гальча. (Первобытное население Туркестана). – С. 24.

²Самойлович А.Н. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк. – СПб., 1903. – С.34.

³Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. – Ташкент, 1910. – 325 с.

⁴Шишов А. Таджики. – С. 77.

⁵ Пирумшоев М. Памир в древней историографии.//Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015.- №6-2 (67)).- С.243-245.

⁶ См.: Шишов А. Таджики. – С. 92-98.

арийского племени, исповедующими ислам по шиитскому толкованию. Народ очень красивый и в этом отношении их можно считать впереди среднеазиатского населения; в особенно женщины отличаются красотой и появляются с открытыми лицами среди мужского общества»¹.

Как явствует из вышеприведённых сведений, как европейские, так и русские дореволюционные исследователи, вне всякого сомнения, склонны к мнению о том, что таджики являлись коренными древними аборигенами Центральной Азии и прямыми потомками арийцев. Это находит подтверждения в обнаруженных археологами следах древних обитателей Памира.

Анализ наличия имеющегося археологического материала, накопленного в ходе раскопок, проведённых на Памире под руководством А.Н. Бернштама (1946-1948, 1952 и 1956 гг.), В.А.Ранова (1956-1958, 1960, 1972 гг.), Б.А.Литвинского (1958-1961 гг.), А.Н. Зеленского (в 1957-1958 и 1962 гг.), А.Д.Бабаева (1958, 1960-1967, 1969-1975 гг.), М.А. Бубновой (1960, 1962-1966, 1970-1976, 1978-1984, и последующие годы до начала нового столетия) и В.А.Жукова (1972, 1974-1977, 1980 гг.)², полностью подтверждает мнения о принадлежности таджиков Памира к индоевропейской расе.

На наш взгляд, несмотря на это, нельзя ставить вопрос о Памире как о главном, единственно определяющем очагом, положившим начало сложению всех народов, относящихся к индоевропейцам. Определение истоков сложения арийцев, само является архисложным вопросом, на который дать однозначный ответ фактически невозможно. Нельзя также полностью отрицать точку зрения учёных, основанную на гипотезе о наличии множества археологических памятников на Памире, древних письменных источников, анализе антропологических, лингвистических и других показателей, суть

¹Тадеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892-1895. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – С. 99.

² См.: Пирумшоев М. Памир в древней историографии.//Вестник педагогического университета. - Душанбе, 2015.-№6-2 (67).- С.243-245; История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т.І. (С древнейших времен до новейшего периода). – Душанбе: Пайванд, 2005. – С.27-37.

которых состоит в прямой причастности Памира к одному из важных очагов распространения индоевропейских народностей.

Известный археолог-антрополог В.В.Гинзбург, анализируя серию черепов из могильников Западного Памира, указывает, что древние племена, обитавших этой местности относились к европеоидной расе. К данному типу относятся и памирцы¹.

Т.П.Кияткина на основе обнаруженных ею при раскопе могильников Южбока на Западном и Кзыл-рабате на Восточном Памире черепов указывает, что расовый тип населения оставившего могильника Южбок, в антропологическом отношении, не отличается от тех, которые оставили свои могильники в I тысячелетии до н.э. на плато Восточного Памира. Это даёт основание полагать общность происхождения всего населения Памира и его автохтонность².

Таджикский археолог А.Д.Бабаев, долго проводивший раскопки на Памире, опираясь на мнение В.В.Гинзбурга и Т.А.Трофимовой³ и свой материал, касательно антропологической характеристики таджиков Западного Памира пишет: «Таджики Западного Памира произошли от племён, обитавших здесь в эпоху камня, бронзы, раннего средневековья. В антропологическом отношении племена эти очень однородны и относятся к тому же короткоголовому европейскому типу Среднеазиатского междуречья, что и таджики, в особенности горные, но характеризуются полным отсутствием монголоидных черт»⁴.

Затем, поясняя свои выводы, он подчёркивает, что уже в эпоху неолита в Средней Азии и, возможно, на Памире проживало население, принадлежащее

¹См: Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана // народы Средней Азии и Казахстана. Народы мира. Этнографический очерк. М.: Наука, 1962. – Т. I. – С. 159-164; Он же: Антропологическая характеристика саков Южного Памира // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМКА). – М., 1960. – Вып. 80. – С. 29-36.

² Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира // Памироведение. Сб. статей АН ТаджССР. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1.. – С. 140.

³См.: Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии // АН СССР. Институт Этнографии. – М.: Наука, 1972. – С. 314.

⁴Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С. 238.

к древним европеоидным расам. Европеоидная раса представлена двумя типами: северным (протоевропейский) и южным (протосредиземноморский). Восточная ветвь средиземноморской расы является наиболее древним типом на территории Средней Азии. К этому же типу можно отнести и серии черепов из Западного Памира»¹. Также данный автор, основываясь на краниологическом материале эпохи бронзы, сакского времени, кушан и первых веков раннего средневековья, указывает на «много общих характерных признаков, которые свидетельствуют о проживании здесь одного расового типа»², т.е. европеоидной средиземноморской расы.

Мнения вышеуказанных научных авторитетов касательно данной проблемы, сравнительно аргументированно обосновывал и таджикский учёный А.Шохуморов. Сопоставительный анализ имеющихся историко-географических источников, особенностей местной топонимики, лингвистические показатели, сохранившиеся в современных памирских языках, привели автора к заключению о том, что наиболее вероятной является локализация прародин арийских племён на территории всего современного Памира, имеется в виду в пределах ГБАО, провинции Бадахшан Афганистана, северных районов Пакистана и Индии, а также Сарыкол КНР³.

Другой таджикский исследователь, М. Хазраткулов, стремился рассмотреть различные версии учёных, большинство из которых не смогли выйти за рамки гипотетических предположений о месте происхождения арийцев, основных этапах миграционного процесса и ареалах их расселения. В результате, находясь в плену этих мнений, учёный не смог чётко и убедительно сформулировать своё мнение касательно определения места сложения арийских племён и истории их расселения. Но всё же, нельзя не заметить заслуги автора в определении роли арийцев в развитии мировой цивилизации⁴. Он на примере высокого уровня достижения в социально-экономической и культурной жизни

¹Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С.241.

²Там же.– С.247

³ Шохуморов А. Памир – страна Ариев. – Душанбе: Дониш, 1997. – 195 с.

⁴Хазраткулов М. Ориёхо ва тамадуни ориёй (Арии и арийская цивилизация). – Душанбе: Дониш, 2006 – 578 с.

Средней Азии и Ирана периода правления Ахеменидов, пытался обосновать свой тезис о непосредственной причастности их к арийской цивилизации¹. Это, по его мнению, проявилось в подражании Александра Македонского традициям, присущим ахеменидским царям².

Проводя параллель между иранской и Греко-Римской цивилизациями М.Хазраткулов, всецело поддерживает мнения иранского исследователя М.Мухаммади о том, что «подобно тому, какую определяющую роль играла Греко-Римская цивилизация для народов Запада, такую же роль для народов Востока играла Иранская (арийская) цивилизация и этим определяется её влияние на мировую культуру и цивилизации»³.

Таким образом, мнения специалистов позволяют сделать вывод, многие западные, российские, советские и современные исследователи, изучающие историю Памира и Бадахшана, в подавляющем большинстве своём, вполне обоснованно считают это горное пространство одним из важных обиталищ древних арийцев. Это подтверждается многочисленными археологическими материалами.

I.4. Политическая обстановка и хозяйственно-бытовые традиции Памира и Бадахшана в поздней древности (середина II тыс. до н. э. – III в. н. э.)

Основными источниками для изучения истории периодов поздней древности и раннего средневековья Памира являются китайские источники. В отличие от греческих, римских и местных источников китайские тексты более подробно освещают события, происходившие в Средней Азии. Первые более подробные сведения о регионе связаны с усилением борьбы Китая с хунами во II в. до н. э. Китайский посол Чжан Цянь, дважды посетивший Среднюю Азию в 20-30-х годах II в. до н. э., посетил Бактрию. Его сведения впоследствии вошли в исторические труды китайского «отца истории» Сима Цяня (145-86 гг.

¹Хазраткулов М. Ориёхо ва тамаддуни ориёӣ. – Душанбе: Дониш, 2006 – С. 180.

²Там же. – С. 195-196.

³Мухаммади Мухаммади. Фарханги Эрони пеш аз ислом ва осори он дар тамаддуни исломи ва адабиёти араби. – Техрон, 1374. – С. 38; См.: Хазраткулов М. Ориёхо ва тамаддуни ориёӣ. – С. 210.

до н. э.), в частности, в его «Шицзи» («Исторические записки»), написанные в 91 г. до н. э. Они также вошли в книгу историка Бань Гу «Цяньханьшу» («История ранней династии Хань») и в последующие династические истории¹. Они, основываясь на доступных им данных или непосредственных наблюдениях, в разной степени отражают отдельные события в Средней Азии и остаются надёжными источниками для изучения истории региона, включая Памир и Бадахшан.

Как явствует из содержания источников, ещё в первой половине III в. до н.э., в период правления Селевкидов наблюдались передвижения кочевых племён. Согласно сведениям историка Полибия, в 206 г. до н.э., греко-бактрыйский царь Евтидем ещё за 80 лет до того как сакско-юэчжийские племена перешли в наступление и другие группировки кочевых племен нанесли удар по Парфии, сообщал селевкидскому царю Антиоху III, о том, что на границе Греко-Бактрыйского царства «стоят огромные полчища кочевников, угрожающие им обоим и, если только варвары перейдут границу, то страна наверное будет завоёвана ими»². Действительно последующие события показали, насколько верны были эти прогнозы.

Кризис Греко-Бактрыйского государства и захват его территории кочевыми племенами в 141–128 годах до н. э. нашли отражение в записках китайских паломников. В частности, имеются сведения о последнем представителе греческой династии, правивший Бактрией в 141 г. до н.э. В 128 г. до н.э. посол китайского императора Уди (140-86 до н.э.) – Чжан Цянь увидел Бактрию под властью кочевых племён³. Словом, Бактрия после распада Греко-Бактрыйского государства переживала период раздробленности. Передвижения кочевых племён, повлёкшие за собой гибель Греко-Бактрыйского царства, имели непосредственные отголоски на Памире, причём ещё до того, как среднеазиатское междуречье подвергалось вторжению из-за Сир-Дарьи⁴.

¹См.: История таджикского народа. Том. I. Древнейшая и древняя история. – Душанбе: Суруш, 1998.– С. 34.

² Ссылка по: Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука. 1972. – С. 187.

³ История таджикского народа. Т.I. Древнейшая и древняя история. – С.408.

⁴ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с

Среди кочевников, участвовавших в этой военной кампании, племя юэчжи сыграло главную роль в нанесении окончательного удара по Греко-Бактрийскому царству. Согласно информации, содержащейся в китайских источниках, в частности “Цяньханьшу” (“История ранней династии Хан”) историка Бань Гу, юэчжи завоевали не только Бактрию, но также Бадахшан и Вахан, который приводится как Хюми. Судя по данным указанного сочинения в I веке до н.э. в пределах Западного, Южного и Восточного Припамирья существовало несколько небольших владений с оседлым земледельческим населением¹. В этой связи следует заметить, что эти владения сохраняли свою независимость. «Во всяком случае, - пишет А.М.Мандельштам, - мы не имеем данных, свидетельствующего о том, что власть Китая в конце I в. н.э. распространилась на Памир и какие-либо территории, лежащие западнее его»². Согласно предположениям учёного, опиравшегося на письменные источники и археологические материалы, ещё в III в до н.э., независимые владения имели место в пределах Западного Памира³.

Согласно описаниям того же Бань Гу Западное Припамирье и Вахан были подчинены юэчжам. Владения Наньду, находившееся в пределах Южного Припамирья были под властью Гибини (Кашмир и близлежащие земли).

Как известно, в позднеревней истории Средней Азии, да и вообще центральноазиатского региона, особое место принадлежит Кушанскому государству. Главными источниками для изучения истории этого государства являются монеты, чеканившиеся в его пределах, на которых сохранились надписи с именами его царей. Своеобразным является и факт, что нередко кушанские государи носили одинаковые царские имена. Так, было два или три Канишки, один или два Хувишки, два или три Васудевы⁴. Это затрудняет более

древнейших времен до X в. н. э. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. – С.77.

¹ Там же. – С. 80.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.. Труды АН ТаджССР. – Т. LIII. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. – С. 82.

³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА СССР. - № 26. – 1952. С. 281.

⁴ История таджикского народа. Том I. Древнейшая и древняя история. – Душанбе: Суруш, 1998. – С. 417.

достоверно определить хронологию данного государства. Даже при определении годов правления основателя Кушанского царя – Кудзула Кадфиза или самого могущественного царя Канишки, данные весьма противоречивы. Причиной тому было неопределённое летоисчисление, применяемое в Индии. Среди исследователей, пытавшихся разобраться в хронологии периода правления Кушанов, особо выделяется академик Б.Гафуров. Указывая на трудности решения данного вопроса, учёный пишет: «Камнем преткновения остаётся проблема кушанской хронологии, которую учёные оживлённо обсуждают вот уже на протяжении 100 лет. Казалось бы, отправным пунктом должны были служить найденные в Индии и Пакистане надписи с именами кушанских царей. На многих из этих надписей имеются даты, но они не содержат указания, к какой эре они относятся»¹. Далее автор, сопоставляя множество данных и гипотез, указывает, что дискуссии по этому вопросу на состоявшихся дважды в Лондоне (1913 и 1960 гг.) симпозиумах по датировке правления Канишки не дали желаемого результата. Проблема обсуждалась и на Международной конференции по истории, археологии и культуре Средней Азии в кушанскую эпоху, которая проходила в Душанбе в 1968 году, где учёные также не смогли прийти к единому мнению»².

Следует отметить, что после выхода в свет знаменитой книги академика Б. Гафурова «Таджики» прошло почти полвека. За этот большой по исследовательским меркам срок в установлении хронологии периода правления в целом, и его правителей в частности, фактически ничего не изменилось. Совокупность всех мнений привела исследователей к мнению о том, что период сложения и расцвета великой империи Кушан происходил в пределах I-III вв. н.э.

Так же трудно чётко определить границы территории этого государства. Есть мнения о том, что название кушан в Средней Азии проявляется в следующих трех городах: Касан (Кушан?) в Ферганской долине, Кушания в

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С.142.

² Более подробно см. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – С. 142-147.

нынешнем районе Катта-Кургана на Зеравшане и Кеш (Кушания?) в Кашкадарье. Но это лишь предположение. Наиболее вероятным является вхождение в состав Кушанского государства Бактрия, известного в IV веке н.э. уже под названием Тохаристан¹. В надписях Шапура I (241-272 гг.) на «Каабе Зороастра», составленной в 262 г. указывается, что Кушаншахр (страна Кушан) простирается до Пашкабура (Пешовар), Каша (Кашгара), Согда и Чачстана². В целом, имеющиеся источники дают основание полагать, что Кушанское государство развернулось на огромной территории, относящейся к истории ханского Китая, Сасанидского Ирана, государств Индии³.

Точное определение периода, когда кризис усилился и привёл к частым нападениям армий соседних стран и кочевых племён, а также к окончательному упадку Кушанского государства, представляет собой трудную задачу. Хотя бытует мнения о распаде Кушанского государства в конце III в. н.э., но имеются веские аргументы, связанные с управлением представителями кушанской династии в IV в. н. э. Всё это приводит к заключению о том, что распад Кушанского государства нельзя считать одноактным явлением. «Оно протекало длительное время, под воздействием внешних и внутренних причин... Кушанскому государству пришлось вести борьбу на нескольких направлениях: происходили какие-то перегруппировки внутри самих кушан»⁴.

Исходя из цели и задач настоящего исследования, не вдаваясь в подробности истории Кушанского государства, ограничиваемся лишь степенью причастности истории памирских владений к этому обширному государству.

Как отмечено выше, после смерти китайского полководца Бань Чао в начале II в. до н.э. кушаны снова активно стали вмешиваться в события, происходившие восточнее Памира. Восточная граница владения кушанов проходила, по всей вероятности, примерно вблизи Восточного Памира.

¹ См.: Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. – М., 1977. – С. 35, 110-140; История таджикского народа. Том I. – С. 422-423.

² См.: Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблемы кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. – 1969. - № 2. – С.20-44.

³ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 146.

⁴ Там же. – С. 155.

Дальнейшему их распространению препятствовали западные хунну. Что касается территории Памира, имеются только данные вхождения в их состав лишь Вахана, но это не исключает вероятности, что кушаны распространяли свою власть на значительной территории Памира¹.

Политические перипетии поздней древности в Средней Азии в целом, на Памире и Бадахшане в частности, связанные с всеохватывающим потоком движения кочевников и усилением кровавой борьбы между хуннами и юэчжи, до этого обитавшими у границы Монголии, положили начало драматическим событиям и в Средней Азии². События, происходившие вплоть до утверждения власти кушанов и их причастность к Памиру сравнительно детально изложены в трудах Б. Г. Гафурова, А.Н.Бернштама, А.М. Мандельштама, Б.А.Литвинского, М.А Бубновой, А.Д. Бабаева³ и др. Это снимает необходимость очередного повторения их мнений.

¹ См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. – С. 83.

² Об истории хуннов более подробно см.: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.,1951; Гумилев Л.Н. Хунну. Средняя Азия в давние времена. – М.,1960. – 291 с.

³ См.: Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С.65-190. Бернштам А.Н. Археологическая экспедиция на Памире // Вестник ЛГУ. – 1947. - № 14. – С. 135-136; Он же: Археологические исследования на Памире и в Алае в 1948 г. // Вестник ЛГУ. – 1949. - № 11. – С. 175-176; Он же: Историко-географические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М. – Л.,1952. – 364 с.; Он же: В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С. 263-304; Он же: Саки Памира // ВДИ. – 1956. - № 1. – С.121-134; Он же: Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г. Полевые наблюдения // Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1997. – С. 279-283; Мандельштам А.М. Некоторые вопросы сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье // СА. – 1954. – Т. 20. – С. 59-65; Он же: Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.. Труды АН ТаджССР. – Т. LIII. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. – 183 с.; Литвинский Б.А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. // АРТ. – 1961. – Вып.6. – С.37-48; Он же: Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. // АРТ. – 1961. – Вып.7. – С.50-62; Он же: Древние кочевники «Крыши мира». – М. Наука, 1972. – 267 с. ; Литвинский Б.А., Бубнова М.А. Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г. // АРТ. – 1962. – С. 27-34; Бубнова М.А.. Из глубины веков // Крыша мира. – Душанбе, 1965. – С. 124-126; Она же: К истории добычи полезных ископаемых на Памире // Изв. АН Тадж.ССР. ООИ. – 1968. - № 3. - С. 64-69; Она же: Раскопки разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджаная и оз. Яшилькул // АРТ. – 1993. – вып. 24. - - С. 312-326; Она же: Горно-Бадахшанская автономная область . Западный Памир. (Памятники II тыс.до н. э. – XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1997 – С. 279-283. – (Археологическая карта Таджикистана); Она же: К вопросу о саках Памира // Археология и палеоэкология Евразии.- Довосибирск, 2004. – С. 314-321; Исследование памятников на Западном и Восточном Памире в 1989 г. // АРТ. – Душанбе, 2005. – Вып. 30. – С. 117-151; Она же: Вопросы заселения и условия обитания человека на территории Горно-Бадахшанской автономной области (Каменный век – эпоха бронзы) // Арийская цивилизация в контексте евроазиатских культур. – Душанбе, 2006. – С. 208-256; Бубнова М.А., Коновалова Н.А. Древние солнечные календары Памира // Памирские экспедиции (статьи и материалы полевых исследований). – М., 2006. – С. 170-209; Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыша мира». – Худжанд, 2006. – 399 с.

Их вклад в изучении истории двух последних тысячелетий до начала средневекового периода Средней Азии в целом, Памира и Бадахшана в частности, неоценим. Основными источниками, на которые они опирались, это сведения, содержащиеся в тексте священного писания Зороастризма – «Авесте» как в оригинале, так и в переводах известных специалистов, в которой кроме религиозных мотивов упоминаются историко-географические области, где проживали народности арийского происхождения и ряд других сведений, к которым Памир имеет непосредственное отношение. Важные сведения имеются в «Будахишне» и других пехлевийских источниках.

В этом плане следует отметить особую заслугу Н.Ходжаевой, посвятившей свою монографию определению исторической географии Центральной Азии по сообщениям, имеющим место в «Авесте» и других зороастрийских письменных источниках¹. В результате всестороннего анализа «Авесты» автор пришла к заключению, что «сравнительный анализ письменных источников и топонимии горных районов Афганистана и Таджикистана, даёт нам основание предположить, что родина Заратуштры находится в Афганском Бадахшане. Проследив путь странствий пророка, мы можем так же констатировать, что его жизнедеятельность связана с двумя древними государствами – Бактрией и Согдом, так как все оронимы и гидронимы, упомянутые в «Авесте» и других источниках, соотносятся именно с территорией этих государств»².

Что касается событий, развернувшихся в I веке н.э., то, по данным китайских источников, вырисовывается картина образования обширного кушанского государства, с одной стороны, и по-прежнему сохранение влияния юечжи на территории Восточного Туркестана, до границы которого уже простиралась владения Кушан. Завоевав Гибини и подвластное ему владение Наньду, свидетельствует об экспансии части Южного Припамирья. Кушаны вначале выступали в качестве союзников Китая в проведении его активной

¹Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. – Душанбе; Дониш, 2017. – 380 с.

²Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии. – С. 305.

политики в Восточном Туркестане. Это способствовало интенсивному развитию торговых связей между Китаем и западными государствами, главным образом с Парфией¹. В это время граница между китайцами и кушанскими владениями, по всей вероятности, проходила по Восточному Памиру. Но по мере усиления Кушанского государства, в конце I в. н.э. всё больше прослеживается усиление враждебности между ними, что приводило к ряду военных столкновений. Известно, что кушанский царь в 90 г. до н.э., направил против китайского полководца Бань Чао большое войско, но неудачное наступление кушанского войска и победа Бань Чао в 91 г. в Кучаре, означали подчинение всего Восточного Туркестана и отступления кушанских войск, которые преследовались до границ Южного Припамирья.

Хотя Кушанское государство, занявшее обширную территорию в I–III вв. н.э., и получило всеобщее признание в отечественной и зарубежной историографии, тем не менее, как отмечено выше, оно является крайне малоизученным в связи с отсутствием достоверных источников.

Судя по сведениям имеющиеся в “Ханьшу” (“История династии Хан”) и “Хоуханьшу” (“Истории поздней династии Хан”) в которой приводится указ китайского императора, принятый в 95 г. н.э., где отмечено, что после умиротворения Юйтяня (Хотана) и владений, лежащих западнее него, Бань Чао перешёл через Цунлин и дошёл до ”висячего перехода”. Это приводит к мнению о том, что после неудачного вторжения кушанского войска в 90 г. Бань Чао, в свою очередь предпринял поход против Кушан и проник в Южное Припамирье. Но поскольку об этом походе не упоминается, то он по всей видимости был безрезультатным. С другой стороны, вполне вероятно, что, потерпев поражение, кушанские войска преследовались до Южного Припамирья. А.М. Мандельштам, согласно имеющимся в его распоряжение сведениям, анализируя обстоятельство, пишет: “Во всяком случае мы не имеем данных, свидетельствующих о том, что власть Китая в конце I в. н.э.

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. – С. 82.

распространилась на Памир и какие-либо территории, лежащие западнее него»¹.

После смерти Бань Чао, в начале II в. н. э., все завоевания его распались. Восточный Туркестан частично попал в зависимость от северных хуну. Это давало возможность кушанам активизировать свои действия за пределами восточнее Памира. Но из-за отсутствия достоверных источников невозможно определить их успех. Видимо они натолкнулись на сильное сопротивление западных хуну, смогли распространить свою власть лишь на часть Восточного Туркестана. Словом, за исключением Вахана, точно определить территории, входившие в состав Кушанского государства в I-II вв. н.э. на Памире, на основе имеющихся источников практически невозможно.

Касательно этнических корней кушанов, мнения исследователей порою диаметрально расходятся. Афганский историк С. Муроди свой взгляд на сей счёт излагает следующим образом: «Существуют разные точки зрения на этническое происхождение кушанов. Одни считают, что кушаны и сменившие их эфталиты, которых относят к жёлтой расе и представителям династии белых гуннов, являются предками тюркского племени. Однако многие историки считают их арийцами, основываясь на том, что они распространились из региона «Ариана-Вайджа» на юг в Тохаристан и Бактрию, а затем в Среднюю Азию и Индию. Так, первоначально двигаясь от реки Или до Сырдарьи, они продолжили свой путь на юг до реки Окса, после чего переселились в Бадахшан и Тохаристан»².

Отсутствие достоверных источников затрудняет также однозначно определить положение памирских владений. По имеющимся сведениям в I-II вв. н.э. в составе кушанского государства находился лишь Вахан. Это даёт основание полагать, что кушаны в той или иной степени контролировали

¹Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С. 82.

² Муроди С. Бадахшон дар таърих (Бадахшан в истории). Чилди аввал. – Кобул, 1390. – С.281.

значительную часть Памира¹. Что касается состава населения этого горного края, то оно состояло из оседлых ираноязычных племён, включая племя саков.

Независимо от прямых показателей причастности владения Памира к кушанам, ясно одно, государственные образования Памира и Бадахшана, не могли стоять в стороне от влияния этого могущественного и обширного государства. А.М. Мандельштам своё видение на сей счёт формулировал следующим образом: «ввиду крайней ограниченности данных мы не можем установить точно, какие области интересующей нас территории входили в I-II вв. н.э. в состав кушанской империи (прямые указания лишь о Вахане); но, по всей видимости, кушаны в той или иной мере контролировали значительную часть её»².

Втягивание в территориальную сферу кушанского государства Памира и Бадахшана указывается в «Цяньханьшу». Это подтверждается и наличием обнаруженных в Хороге монет I-III вв. т.е. кушанского периода, а также керамической посуды и предметов домашнего обихода в Вахане и Ишкашима³.

Что касается определения степени отношения части Средней Азии в состав кушанского государства, судя по сведениям имеющихся источников, только часть данного пространства оказалось в их подчинении. Даже в период расцвета кушанов в юго-западной части Средней Азии образовалась мощное государство Парфия, которое не только параллельно существовало, но и для достижения своего определяющего места в Ближнем Востоке вело непрерывную борьбу против Римской империи. Она продолжалась до 20-х годов III в., что и считалась главным показателем военно-экономической мощи Парфянского государства. Относительно же Кушан, то обострявшаяся внутренняя междоусобица и дворцовая борьба за власть привели государство к последней черте существования.

¹ См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С. 83.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С.83.

³ Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С.265.

Изучение политических процессов в древности на Памире и вокруг него приводит к вопросу о периоде сложения государственности в этом горном крае. О появлении признаков, присущих государственному устройству, можно судить по сведениям, содержащимся в материальных и письменных источниках. Сам факт обнаружения разных типов до бронзовых и бронзово-железных наконечников стрел относящиеся к II-I тысячелетием до н.э.¹, свидетельствует о наличии армии, что является показателем государственных образований. Одним из важных аргументов сложения института государственного управления является налаживание плодотворных внутренних и внешних связей, что, как правило, в большинство случаев осуществляется и регулируется правительством в лице владетеля государства. Для Памира и Бадахшана это, в частности, проявляется, как отмечено выше, в поставках бадахшанского лазурита в дальние и близлежащие страны.

Это недвусмысленно подтверждается в китайских источниках, относящихся к более позднему периоду. Согласно содержащимся в них сведениям, город Бадиян являлся столицей государства Эфталитов, что по сути является тем же Бадахшаном. Начиная с 445 г. эфталиты поставляли китайскому двору подарки². Эта традиция продолжалась до нанесения поражения эфталитам турками с помощью Сасанидов в 560-562 гг.³ Сведения в подтверждение существования государства в Бадахшане приводятся в путевых заметках китайского паломника Хой Чао, путешествовавшего по Средней Азии в 726 г. Согласно его данным, после захвата арабами Тохаристана, царь убежал и живёт в Бадахшане⁴.

Все это наводит на мысль о том, что государствообразующие условия на Памире и Бадахшане сложились в древности, и в этом отношении если не наравне с первыми древними государственными образованиями в Средней

¹См.: Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – С.83-107.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. второе. – Т. II. – М.-Л., 1950. – С. 268-269.

³ Более подробно о войне между турками и Эфталитов см.: Гоибов Ф. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз (Таърихи сиёсӣ ва ҷуғрофиёи таърихӣ) (История Хатлона от начала до наших дней. Политическая история и историческая география). – Душанбе: Дониш, 2006. – С.104 – 111.

⁴ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972 – С. 228.

Азии, то с учётом географических реалий это могло происходить несколько позже.

Археологические материалы и письменные источники убедительно свидетельствуют о том, что главными жизнеобеспечивающими занятиями древних жители Памира и Бадахшана в основном являлись земледелие, скотоводство и ремесло. Обнаруженные отдельные предметы также свидетельствуют о существовавших торговых связях с соседними и дальними странами.

Наличие следов земледельческой культуры в высокогорных районах привело учёных к мысли о том, как в условиях острой нехватки плодородных земель и суровых природных условий местное население могло удовлетворить свои потребности в продовольствии?

Интересуясь этим вопросом, выдающиеся русские советские естествоиспытатели С.И. Коржинский, Н.И. Вавилов, Н.П. Горбунов и другие¹ в известной мере проливали свет на эту проблему. К примеру, С.И. Коржинский при анализе остатков злаков, отметил, что на Памире с древних времён высевали один из видов кукурузы² (джугара, местный сорт с белыми зёрнами). Академик Н.И. Вавилов в Шугнана первым среди учёных обнаружил доселе неизвестный один из местных сортов пшеницы, получившей широкое распространение в горных условиях в древности³. Это привело учёного к мнению о том, что Памир является одним из очагов появления пшеницы⁴. В 1928 году участник Памирской экспедиции под руководством Н. П. Корженевского Н. П. Горбунов обнаружил в Рушане древний сорт пшеницы, хорошо приспособленный к местным климатическим условиям.⁵

¹ Пирумшоев М. Историография политической и социально-экономической истории древнего Памира. // Историк. - №1 (33) 2023. - С.130-137.

² Ниг.: Коржинский С. Очерки Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения // Сельское хозяйство и лесоводство. – 1898. – Т.189. - № 4. – С.53-76.

³ Вавилов Н.И. Культурная флора Таджикистана в ее прошлом и будущем // проблемы Таджикистана. Труды I конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР. – Л.,1934. – Т.2. – С.13-24.

⁴ Вавилов Н.И. Культурная флора Таджикистана в ее прошлом и будущем // проблемы Таджикистана. Труды I конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР. – Л.,1934. – Т.2. – С.13-24.

⁵ Фляксбергер К. Безлигульные карликовые пшеницы из Рушана и пшеницы Памира // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. – 1929. – Т.20. – С.93-126; также см.: Баранов П.А., Гурский А.В., Остапович Л.Ф. Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской

А. Д. Бабаев, опираясь на материалы своих раскопок, пришёл к выводу, что земледелие на Памире зародилось в глубокой древности. Природные условия этой местности в конце II тысячелетия до н. э. позволяли большому числу населения заниматься как земледелием, так и животноводством. При раскопках в Джавшангазе был обнаружен каменный кетмень (мотыга) среди различных предметов домашнего обихода, костей домашних животных и других артефактов, что свидетельствует о сельскохозяйственной деятельности и разведении скота в конце II — начале I тысячелетия до н. э.¹ По мнению М.А. Бубновой, проводившей многие годы археологические раскопки на Памире «древность земледелия, во всяком случае для заключительного этапа эпохи бронзы (конец II тыс. до н. э.), не вызывает сомнения. К сожалению, период его возникновения остаётся открытым. Пока мы не можем ничего сказать о периоде, связанным с началом II тыс. — серединой II тыс. до н. э.»².

Как известно, во все времена земледелие тесно связано со скотоводством. Касательно освоения пастбищ Восточного Памира, М.А Бубнова, определяя его в пределах трёх хронологических периодов: VII-VI; V-III и II-I вв. до н.э., указывает, что «все приведённые данные могут быть с большой вероятности свидетельствовать о том, что скот на пастбища Восточного Памира пригоняли с территории Западного Памира, где пастухи проживали постоянно. Поэтому сходство глиняной посуды и других предметов, найденных в погребениях на пастбищах, оказывается «копией», далёким воспоминанием по отношению к классической андроновской культуре и её вариантам, обнаруженным в памятниках среднеазиатского и соседних регионов»³.

Одним из главных показателей уровня развития любого народа на тех или иных этапах его истории является достижения материальной культуры. В этом плане Памир и Бадахшан не могут быть исключением. Примером тому могут

ССР. – С.79.

¹ Бобоев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С.222.

² Бубнова М.А. Эпоха бронзы // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т.1. – Душанбе, 2005. – С.122.

³ Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир. – Душанбе: THE CHRISTENSTN FUND, 2015. – С. 30.

служить результаты многолетних раскопок, проводившихся археологами в ГБАО, в ходе которых обнаружены многочисленные хозяйственно-бытовые предметы.

О развитии кузнечного дела свидетельствуют находки бронзовых наконечников стрел, ножи, наконечники копий в могильниках Кальта-тур, Баланд-Киик и Южбок, относящиеся к концу II тыс.– началу I тыс. до н. э. К более позднему периоду (III в. до н. э.) относятся такие железные предметы, как наконечники стрел, ножи, кинжалы, бронзовые и железные браслеты, кольчуги и предметы труда. У древних памирцев широкое развитие получили гончарное производство, деревообрабатывающее ремесло, ткачество и другие виды ремесленного производства¹.

Из других видов занятий, которые прославили жителей Памира и Бадахшана ещё с глубокой древности, являются добыча и распространение почти во всех цивилизованных древних государствах драгоценных камней.

Академик А.Е. Ферсман, досконально исследовавший историю драгоценных камней и их место в жизни древних людей, касательно распространения бадахшанского ляпис-лазури пришёл к твёрдому заключению о том, что этот драгоценный камень разными путями через труднопроходимые караванные дороги попадал в Египет, Китай, Рим, Византию, в которых считался не только эталоном богатства и красоты, но согласно утвердившимся суевериям, являлся надёжным средством, оберегавшим его обладателей от всяких бед².

Исследователь древней истории М.Е. Массон, выделяя лазурит и рубин из драгоценных камней, являвшихся предметом вывоза в древности, указывает, что в инвентаре погребения царицы Шубат, в Месопотамии относящемуся к третьему тысячелетию до н. э., обнаружены такие предметы из бадахшанской

¹ Более подробно о разнообразиях ремесленного производства на Памире поздней древности (II тыс. до н. э. до III в. н. э.), см.: Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С. 225-229; Бубнова, М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир. – С. 29-30; Пирумшоев М. Историография политической и социально-экономической истории древнего Памира.//Историк.-№1 (33) 2023.- С.130-137.

² Ферсман А.Е. Воспоминания о камне. - М.,1958. - С.102; Он же: Очерки истории камня. – М.,1954. – С. 267-268.

ляпис-лазури, как «подставки для стройных золотых бокалов, бисер на одеждах, нити бус в золотом венке головного убора и т.п. Следовательно, если в минералогическом определении не была допущена ошибка, разработка бадахшанских месторождений лазурита началась более чем четыре тысячи лет тому назад»¹. Он для подтверждения заключения о древности распространения данного предмета украшения указывает, что «предметы из бадахшанского лазурита найдены в Мохенджо-Даро (Северная Индия); возраст этого камня археологи определяют в 5 тыс. лет»². Такие же детали из бадахшанского лазурита обнаружены среди вещей для личного пользования египетских фараонов XII династии (II тысячелетие до н.э.) и в гробнице Тутанхамона (XIV в. до н.э.)³.

Египтолог А. Лукас относительно широкой известности бадахшанского лазурита в древнем Египте пишет, что «лазурит (ляпис-лазурь) не встречается в Египте в природном состоянии, хотя некоторые авторы и утверждают противное... Главным источником лазурита в Старом свете является Бадахшан в северо-восточном углу Афганистана... Часто можно встретить утверждения, что лазурит добывался в Персии, но они ничем не подтверждаются»⁴.

Находки изделий из бадахшанского лазурита обозначаются в инвентаре памятников III тысячелетия до н. э. в странах Ближнего Востока, лазуриновые подвески и бусы, обнаруженные на территории Узбекистана из могил, относящиеся к III и II тысячелетий до н. э. и т. д., являются несомненными доказательствами широкого распространения лазуриновых изделий⁵.

Лазуриновые материалы были использованы при постройке знаменитого дворца Ахеменидского царя Дария в Сузах⁶. В надписи Дария I указано, что

¹ Массон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. - Л.: Изд-во АН СССР, 1934. - С.16.

² Пирумшоев М. Историография политической и социально-экономической истории древнего Памира.//Историк.-№1 (33) 2023.- С.130-137.

³ Струве В.В. Новые открытия в царском некрополе Фив // Восток. - М., 1923. - № 3, - С. 154; См. так же: Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. - Ташкент: Наука, 1964. - С.68-69.

⁴ Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. Перевод с английского Б.Н. Савченко. Общая редакция и вступительная статья проф. В.И. Авдеева. - М.: Издательство иностранной литературы, 1958. - С. 600-601..

⁵ История Узбекской ССР. - Т. I. - Кн. Первая. - Ташкент: АН УзССР, 1955. - С. 31.

⁶ Пирумшоев М. Историография политической и социально-экономической истории древнего

«самоцветы лазурит и сердолик, которые использованы здесь, доставлены из Согдианы»¹. Следует заметить, что Согдиана упоминается в надписях, по всей вероятности лишь первоначальным местом, откуда эти камни поступали из Бактрии².

То, что поставщиками лазурита, бирюзы, гранатов и золота издревле являлись горные области Памира и Бадахшана, однозначно подтверждается материальными и письменными источниками. Следует также заметить, что разнообразные самоцветы, обнаруженные в храме Оксана Тахти Сангин и в сокровищнице Айханум, свидетельствуют о процветании их распространения и в более поздние периоды. Существует множество примеров, связанных с большим спросом на бадахшанский лазурит и другие драгоценные камни Памира в древности.³

Бадахшан славился так же добычей серебра. Судя по сведениям древнегреческого историка Ктесия в конце V-первой половине IV вв. до н.э. в Бактрии была налажена разработка серебряных рудников⁴. «Судя по находкам серебряных украшений, - пишет Б.А. Литвинский, - серебряные рудники Бактрии, как и Средней Азии в целом, должны были функционировать уже три с половиной – три тысячи лет назад»⁵.

При раскопках А.Н. Бернштама, Б.А.Литвинского и А.Бабаева в могильниках на Памиро-Алае и Западном Памире обнаружены сердоликовые бусы. Согласно мнению Б.А.Литвинского «в Средней Азии крупных месторождений хорошего сердолика не было. Среднеазиатские ювелиры получали этот камень из Аравии, Ирана и Индии»⁶. Далее учёный установил, что часть бус была изготовлена в мастерских Южной Индии, и Памир был промежуточным этапом в их распространения через Среднюю Азию в другие

Памира.//Историк.-№1 (33) 2023.- С.130-137.

¹ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Древняя культура и экономика Ирана. – М., 1980. – С. 256-257.

² См.: Bernard P., Rapin C. Le Palais. La tresorerie // BEFEO. – 1980. – Т. 68.–С.13.

³ Более подробно см.:Массон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. – С. 18; Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – С.69-71.

⁴ Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. – Душанбе, 1975. – С.101.

⁵ Литвинский Б.А. От редактора. Вступительная статья к кн.: Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – Душанбе: Дониш, 1993. – С.8.

⁶ Литвинский. Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – С. 72.

страны¹. Следовательно, это и определяло важное значение Памира как связующего звена Великого Шёлкового пути между Востоком и Западом. Всё это и наличие других примеров наводит на мысль о сложениях государственных образований на Памире и Бадахшане в той далёкой древности.

М.Е.Массон, отмечая смутные представления о землях, которые входили в пределы нынешней Горно-Бадахшанской автономной области, вместе с тем указывает, что здесь «по представлению классических греко-римских писателей, находилась горная страна Вандабанда, и высились таинственные гряды Имауса, которые должны были пересекать купеческие караваны, проходившие с запада в земли серов и фурунов. По мнению некоторых исследователей, путь их пролегал через Балх, Бадахшан, верховья Пянджа и Восточный Туркестан»².

Вышеприведённые данные свидетельствуют о сложении соответствующих политических реалий в сравнительно поздней древней истории (середины II тыс. до н. э. – II век н. э.) на Памире и Бадахшане, одним из важных аргументов этого являлось сложение института государственного управления. Что касается хозяйственно-бытовых традиций этого периода, то наличие соответствующих показателей указывает на традиционные занятия, характерные для оседлого населения. Они проявлялись в занятии земледелием, животноводством, ремёслами, торговлей и другими показателями экономических отношений.

¹Там же. – С. 81.

²Массон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. – Л.: Ид-во АН СССР, 1934. – С. 11.

ГЛАВА II

ИСТОРИОГРАФИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПАМИРА И БАДАХШАНА (III-VIII ВВ.)

II.1. Политическая обстановка Памира и Бадрахшана в III-VI вв.

Раннесредневековый период согласно периодизации истории таджикского народа в отечественной историографии охватывает III – VIII вв. т. е. с утверждением власти Сасанидов до начала усиления освободительного движения за приобретение независимости от арабского владычества в Хорасане и Мавераннахре.

Как известно, Арташир I Папакан, внук жреца храма богини Анахиты – Сасан в 220 г. ставший правителем владения Истахра (в Фарсе) вскоре в 28 апреля 224 г. разбил армию аршакида Артабана V в битве при Ормуздакане и через два года т.е. в 226г. официально вошел в столицу **Портов, городу Тайсифун**, сел трон, стал полновластным владетелем всей территории Ирана, положив начало Сасанидской династии (224 или 226 –651 гг.).

Разумеется, усиление Сасанидского государства серьёзно угрожало безопасности государства Кушан. К тому же согласно мнению учёных к середине III в. оно оказалось в глубоком политическом кризисе. Всё больше активизируется стремление выхода из состава Кушан Индии. Что действительно было осуществлено в середине III в. Положение Кушан все больше усугубляется ростом военного давления Сасанидов. Тому свидетельствует факт, что в поиске помощи они обратились к китайскому императору Вэй. Для этой цели в 229-230 г. и было отправлено большое посольство ко двору китайского императора. Несмотря на отделение отдельных частей, Кушанское государство продолжает удерживать ещё большое пространство в Центральной Азии, в частности, в его состав кроме Бактрии входили южные области современного Афганистана, Северной Индии и часть Средней Азии. Для противостояния натиску Сасанидов, кушаны так же искали поддержку у римского императора.

«Кушаны, - пишет Б.Я.Ставиский, - поддерживали связь с основным соперником Сасанидского Ирана – Римом. По сообщению римских источников, кушаны (римляне по-прежнему продолжают называть их бактрийцами) просили Сасанидские власти освободить пленённого в 260 г. армией Шапура I римского императора Валериана. По сведениям тех же римских источников, кушанские (бактрийские) послы участвуют в 274 г. в триумфе римского императора Аврелиана, праздновавшего победу над царицей Пальмиры – Зенобией. Вмешивается кушанское царство и во внутренние дела Сатак во время восстания Хормизда, сына сасанидского царя Бахрама II (276-293 гг.), кушаны оказали помощь восставшим. Судя по этим данным, Кушанское государство пережило, как будто бы, и грозные годы второй половины III в.»¹.

На фоне сложной политической обстановки в Средней Азии во второй половине третьего века, Кушаны, несмотря на сохранение своей государственной структуры, не смогли сохранить свою независимость из-за сложившихся обстоятельств. Дальнейшее усиление Сасанидов и завоевание ими центральной части Кушанского государства — Бактрии (Тохаристана) — привели к образованию в IV в. Сасанидского наместничества. С одной стороны, это свидетельствует о полном распаде Кушанского государства, но, с другой стороны, наличие кушано-сасанидских монет позволяет говорить о существовании кушано-сасанидского наместничества. Наличие этих монет в какой-то мере свидетельствует о сохранении традиций кушанского административного управления, однако не может служить бесспорным доказательством продолжения сохранения кушанского государства. Тем не менее, это всё же вызывало немало разногласий во мнениях учёных.

Указывая на существования этих разногласий, Б.Я. Ставиский отмечает, что «из приводимых данных, несомненных свидетельства для реконструкции событий, связанных с кушано - сасанидским наместничеством, в науке пока нет, и мы вынуждены довольствоваться лишь более или менее обоснованными

¹ История Таджикиского народа. – Т. I. Древняя и древнейшая история. – Душанбе, 1998. – С.429.

гипотезами»¹. Словом, существуют различные предположения, и это затрудняет приход учёных к однозначному выводу.

Подавляющее большинство склонно к мнению о том, что Кушанское государство всё же перестало существовать в IV в. Один из специалистов данной проблемы М. Исоматов определил, что период окончательного распада Кушанского государства происходил в 70 – 80-е годы IV в.². Определить безошибочно дату падения данного государства в настоящее время не представляется возможным, но многие исследователи едины во мнении, что оно продолжало существовать в IV в. С учётом этого академик Б.Г.Гафуров писал: «Крушение Кушанского государства не может рассматриваться как одноактное действие: оно протекало длительное время, под воздействием внешних и внутренних причин»³.

История Памира и Бадахшана после распада Кушанского государства остаётся также малоизвестной. Само наименование «Бадахшан» в форме «Бодочана» впервые в исторических источниках появляется лишь в конце VI в. н.э. Исходя из этого, вообразить ясную картину его далёкого прошлого крайне сложно. В этом плане несколько сомнительным является и включение данного труднодоступного края в поле военных действий Александра Македонского⁴.

Политическая история Средней Азии IV-V вв. характеризуется сложным процессом раздробления более известных государственных образований на мелкие владения, между которыми шла непрерывная борьба за расширение сфер влияния. Это не могло не повлиять на этническую историю населения региона. На политическую арену выходили новые группы кочевников – хионитов, кидаритов, эфталитов, активность которых вызвала движение из

¹ Ставиский Б.Я. Средняя Азия в Кушанский период. В кн.: История Таджикиского народа. – Т.1. Древняя и древнейшая история. – Душанбе, 1998. – С.432.

² Исоматов М.М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии. – Душанбе: ТНУ, 2009. – С.96.

³ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 155; Более подробно о падение Кушанского государства см.: История Таджикиского народа. – Т.1. Древняя и древнейшая история. – Душанбе, 1998. – С.427-432; Завьялов В.А. Подражания и инновации в кушано-сасанидской керамике // Центральная Азия. Источники, история и культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А.Литвинского. Москва, 3-5 апреля 2003. г. – М.:ИВЛ РАН, 205 г. – С. 340-359

⁴ История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. – Душанбе: Суруш, 1998. – С.318.

Центральной Азии на запад гуннов. Следует отметить, что и поныне в историографии данного периода отсутствует чёткая дифференциация в определении их этнического происхождения, пространства их обитания. Например, современный специалист по истории данного периода В.С. Соловьёв, опираясь на доступные источники, локализует первоначальное место обитания хионитов северной частью Приаралья. Позже притеснённые гуннами они двинулись на юг. В середине IV в., овладели землями кушан, в качестве столицы избрали город Балх. В дальнейшем они столкнулись с тремя силами: в сражении 359 г. с иранским шахиншахом Шапуром II, хотя спустя некоторое время могли оправиться и нанести ему ответный удар. В дальнейшем по мере усиления кидаритов, а затем и эфталитов хиониты окончательно были вытеснены из политической жизни региона. Касательно этнического происхождения ряд ученых склонен считать их потомками приаральских массагетов¹.

Кидариты – первоначальные обитатели Восточного Туркестана также участники сложившихся реалий общего процесса передвижения племён и народов в Центральной Азии в IV в. В «Бейши» («Северная история»), охватывающей события, происходившие в 386-618 гг., указывается, что «Владелец Большого юэчжи имеет пребывание... по смежности с жужаньцами на севере, отчасти терпел нападение от них, почему перенёс свой двор далее на запад в город Балх... После чего храбрый юэчжийский государь Цидало перешёл со своими войсками через большие горы, напал на Северную Индию и покорил пять государств, лежащих от Гантало к северу»².

По поводу того, что хиониты и эфталиты едины по этническим показателям, также существуют разные мнения. С.П.Толстов, А.М.Мандельштам, Л.Н. Гумилев, Е.Е. Нарзик и другие выдвинули мнение о том, что хионитские племена в условиях передвижения народов европоидного

¹См.: Соловьёв В.С. Средняя Азия в IV-Vвв. // История таджикского народа. Т.I Древнейшая и древняя история. – Душанбе: Суруш, 1998. – С.473.

²Бичурин (Иакинф) Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.,1950. – С. 264.

типа к районам ближе Аралу и Хорезму и смешение их с монголоидными расами Северного Китая, Восточного Туркестана и Тибет способствовало их этническому сложению¹.

Немаловажным вопросом считается определение этнической принадлежности кидаритов. Согласно китайским источникам в этническом плане они близки к эфталитам. В целом поддерживая данное мнение, Н. Пигулевская указывает, что «хиониты, кидариты и эфталиты принадлежали одному этническому типу, но составляли разные орды с различными племенными названиями»². Высказываясь в пользу данного мнения, А.Ю.Якубовский указывает, что белые хунны, хиониты, кидариты и эфталиты относятся к родственным между собой племенам³.

По сравнению с хионитами и кидаритами больше сохранились сведения об эфталитах. Интересуясь корнями происхождения эфталитов, С.П.Толстов считал, что на основе местных и пришлых компонентов, в низовьях Сырдарьи, сложилось хионитско-эфталитское государство⁴. Поддерживая данное мнение, А.Н. Бернштам полагал, что северная группа племён гуннов скрещивалась с сармато-аланским населением Сырдарьи, а далее в связи со скрещиванием гуннов с кумедами на юге в Чон-Алае, и сармато-аланами по Сырдарье создаётся два центра образования эфталитов⁵.

Конечно, можно продолжать обсуждение различных мнений учёных, связанных с определением этнической принадлежности хионитов, кидаритов и эфталитов. Однако в данном случае нас больше интересует их связь с Памиром. В этом контексте нельзя не упомянуть мнение авторитетного исследователя Памира А.М. Мандельштама. Опираясь на соответствующие источники и мнения специалистов, отождествляющих эфталитов с хионитами, он отмечает,

¹Трофимова Т.А. Древнее население Хорезма по данным палеонтопологии // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М.,1959. – Вып. 2. – С.9; По поводу разнообразия взглядов на происхождение хиянитов и их связь с эфталитами см.: Гафуров Б.Ф. Точикон. Табрихи кадимтарин, кадим ва асри миёна (Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история). Китоби якум. – Душанбе: Ирфон.1998. – С. 260 – 279.

²Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.;-Л., 1941. – С. 50.

³Якубовский А.Ю. История Узбекской ССР. – Т.1. – Кн. 1. – Гл. VII. – Ташкент,1955. – С. 103.

⁴Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – С. 200.

⁵Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. – Л., 1951- С. 114.

что в период существования своего государства эфталиты «в значительном количестве расселились на территории Бадахшана, где продолжали вести кочевой образ жизни»¹.

Здесь уместно добавить, что исследователь древней истории Памира Х. Давлатназар² с большой уверенностью пытается доказать этническую общность хионитов с нынешним населением Шугнана. В этом плане он видит этимологическую общность «Шугнана» с «хионитами». Указывает, что данная этимология, постепенно проявляясь в виде «Шикнан», «Шукния» и наконец, получило новое, нынешнее понятие – Шугнан (Шуғнон).

Разумеется, в этом отношении сузить их этническое происхождение лишь в рамках Памира несколько не соответствует их широкой территориальной общности. В период сложения их общеплеменного союза (конец IV- начала V вв.) они уже были известны под общим названием эфталитов. Об этом свидетельствует факт, что на эфталитских монетах имеется надпись: «Хефтал – царь Хионитов»³. Это означало, что эфталиты себя считали представителями политической и этнической групп хионитов. Независимо от разных толкований, однозначно следует считаться с одной реальностью – как хиониты, так эфталиты, независимо от их этнических особенностей и идентичности, имеют непосредственное отношение к Памиру.

Несмотря на отсутствие цельного письменного источника, подробно освещающего историю эфталитского государственного образования, всё же сохранились разбросанные сведения, отражающие отдельные детали их этнического происхождения, образование их государственности, географическое пространство подвластных им территории, процессы их процветания, причины их распада и степень их причастности к этногенезу таджикского народа. Недостаточность источниковедческой базы и породила

¹ Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА. – 1954. – Т. 20. – С. 62.

² Ниг.: Давлатназар Х. Шуғнони бостон дар осори хаттӣ ва шифохӣ. – Душанбе, 1998. – 160 с.; хамин муаллиф: Древний Шугнан в письменных и устных источниках. Автореферат дисс. канд. исторических наук. – Душанбе, 1998. – 40 с.

³ Ghirshman R. Les Chionites-Heptalites // Memoires de la Delegation Archeologique de France en Afghanistan (MDAFA). LeCairo. – Paris, 1948. – Т. 14. – P. 11-14.

противоречия во взглядах исследователей. Не случайно, согласно мнению С.П. Толстова, они являлись племенами, пришедшими из просторов Восточного Туркестана. Л.Н.Гумелев и К.Еноки указали, что их следует считать автохтонным населением Бадахшана и Памира. Э.В. Ртвиладзе и Т.К. Ходжайов высказали мнения о том, что эфталиты являлись частью населения Бактрии-Тохаристана¹. Разумеется, каждый из указанных исследователей пытался обосновывать свои выводы, опираясь на сведения из доступных им письменных источников и археологического материала.

Следует отметить, что в широком круге исследователей, изучавших историю эфталитов, заметное место принадлежит В.М. Массону. Рассматривая процесс сложения эфталитского объединения, учёный, в частности, пишет: «Происхождение хионитских и эфталитских племён, несмотря на обширную литературу, посвящённую этому вопросу, - одна из наиболее неясных проблем раннесредневековой истории Афганистана и соседних стран. Поскольку хиониты и эфталиты наступали на принадлежащий Сасанидам Хорасан с севера, можно считать, что они, скорее всего, являлись одной из групп тех кочевников (занимавших обширные степные пространства от Аральского моря до Восточного Туркестана), чьё вторжение ещё во II в. до н. э. сыграло столь значительную роль в истории Бактрии и соседних с ней стран»². Учёный считает гипотетичным мнение о том, что «эфталиты являются одним из племён, обитавших на территории Бадахшана, внезапно усилившимся в V в. н. э. и создавшим могущественную державу». В этом он исходил из того факта, что хионитско-эфталитское объединение, занимая обширную территорию, видимо не являлось мощным централизованным государством. Оно держало в своём подчинении около 30 мелких владений. Несмотря на то, что политическая власть принадлежала им, они всё же находились под влиянием оседлой традиции и культуры. Это и стало причиной тому, что в одних сообщениях

¹ Мандельштам А.М. Государство Эфталитов. Политическая карта Средней Азии во второй половине VI-VII вв. В кн.: История Таджикского народа. Т. II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С.36.

² Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. – Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. – М.: Наука, 1964. – С. 200.

источников они приводятся как кочевники, а в других как оседлые жители. С другой стороны, это приводит к мнению о том, что области с оседлым населением, признавая политическую власть хионитов-эфталитов, фактически сохраняли свою самостоятельность¹.

Особый интерес вызывает определение расово-этнических показателей эфталитов. Т.К. Ходжайов, анализируя антропологические материалы, обнаруженные в археологических объектах Средней Азии, указывает, что по основным расово-диагностическим признакам серия черепов из эфталитских погребений европеоидная². Продолжая развивать свою мысль, автор более чётко выражает свою позицию, утверждая следующее: «если бы этот народ (эфталиты – М.П.) пришёл из других регионов Центральной Азии, мы наблюдали бы ярких монголоидов, но ведь и на монетных изображениях, и на черепах форма овала их лиц европеоидная»³. Эти антропологические выводы совпадают с описаниями средневекового автора Прокопия Кесарийского в его «Истории войны римлян с персами», где он выделяет эфталитов среди гуннов, отмечая, что «из всех гуннов только эфталиты белокожие и с привлекательными лицами»⁴.

Данная характеристика подтверждается и сведениями, имеющимися в китайских источниках касательно происхождения эфталитов и их языковой особенности. К примеру, в них указано, что эфталиты из одного рода с кушанами и их язык отличается от жужжанского, гаогюйского и тюркского⁵.

Одним из известных историков, приложивших немало усилий в изучение истории эфталитов, Л.Н. Гумилев при разработке своей версии особое внимание уделил на топоним местности, расположенной в афганском Бадахшане, на левом и частично на правом берегах Пяндж – «Ефталъ» или «Яфталъ». «Итак, - пишет он, - территория эфталитов точно локализуется в

¹ Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. – Т.1. С. 200-201.

² Ходжайов Т.К. К палеантропологии древнего Узбекистана. – Ташкент, 1980. – С. 146.

³ Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). – Ташкент, 1987. – С. 47.

⁴ Ссылка дается по: История таджикского народа. – Т.П. – Душанбе, 1999. – С. 37.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; - Л., 1950. – С. 268.

горной стране вокруг Памира, и нет никакой надобности выводить их из стран отдалённых»¹. Выдвигая мнение о том, что на границе с Китаем обитало одно из племени эфталитов – Байди, довольно аргументировано указывает: «В кушанское время I-II вв. одна из ветвей этого племени Хуа, поселившись в долине Ефталъ, получила новое имя: Йеда (китайское), ефталиты (греческое), хайталь (арабское) от названия долины или от имени первого вождя. В конце IV в., это уже организованное племя, а в начале V в. – государство, с претензией на гегемонию во внутренней Азии и Индии. Такое расширение происходит за счёт объединения всех горных племён Памира и Гиндукуша, что связано с расширением понятия эфталит»².

К числу серьёзных исследователей истории эфталитов принадлежит японский учёный К. Еноки. Основываясь на китайских источниках, он также выдвинул идею бадахшанского происхождения эфталитов. Показателем расцвета государства эфталитов К. Еноки считал время участившихся отправок их посольств в Китай. Первое их посольство относится к 456-457 гг. За ним последовало второе посольство в 507 г. Далее они участвовали, и с 507 по 531 г таких посольств насчитывается 13. К середине V в. им подчинялась огромная территория в Средней Азии и Северной Индии. Примерно в 467-473 гг. они завоевали Согд. Затем, совершая поход на юг, присоединили к себе Гандхару, вытеснив оттуда кидаритов. Между 497 и 509 гг. они захватили Карашар и этим подчинили себе весь Восточный Туркестан³. На западе они успешно противостояли Сасанидам.

В этой связи возникает вопрос о принадлежности эфталитов к оседлому, или же кочевому населению. Судя по мнению большинства исследователей, они в начале вели кочевой образ жизни, но затем постепенно перешли к осёдлости. Исходя из того, что эфталитские цари носили тюркскую титулатуру (текин, хакан и др.), некоторые склонны относить их этнические показатели к тюркам.

¹ Гумелев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. – 1959. - № 1. – 136.

² Гумелев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. – С. 140; См. так же: Гумелев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки // ВДИ. – 1967. – № 3. – С. 98; История таджикского народа. – Т. I. – С. 474-475.

³ Enoki K. The Origin of the White Huns of Hephtalites. – 1955, VI. – P. 232-234; Enoki K. On the Nationality of the Ephtalites. – The Toyo Bynko (The Oriental Lidrary). - 18. – Tokyo, 1959. – P.23, 27.

Но, как полагает В.С. Соловьёв, это «объясняется тем, что эфталитские цари, заимствовали титулатуру у вождей какого-то тюркского племени, может быть входящего в конфедерацию племён, которую они возглавили»¹.

При определении Бадахшана одним из главных очагов жизнедеятельности эфталитов, невольно возникает вопрос об их отношении к памирским сакам. Во всяком случае, такое предположение бытует среди учёных².

В отличие от предыдущих веков нашей эры, после распада Кушанского государства сохранилось мало источников, позволяющих описать политическую жизнь Средней Азии в целом, Памира и Бадахшана в частности. Однако, несмотря на фрагментарность сведений, особый интерес представляют китайские источники.³ В сохранившихся отдельных частях записок монахов, совершавших паломничества в Индию в IV-VI вв. и позже, наиболее важными являются биографические сведения одного из известных переводчиков буддийских канонических текстов- Кумарадживы (343-413)⁴. Хотя в этом источнике нет конкретных сведений о политическом состоянии Памира, но по его содержанию можно предположить, что путь Кумарадживы пролегал в Кашмир. «Он, несомненно, следовал по «Гибиньскому» пути Ханьского времени, т. е. по тому пути, который шёл с юго-восточной окраины Памира на юг, через Ясин и Гильгит»⁵.

Несмотря на то, что многие сочинения, путевые заметки буддийских паломников, отчёты посольств и другие письменные материалы не сохранились, имеющиеся источники позволяют составить общее представление о социально-политическом положении владения Памира и Бадахшана в VI-VIII вв. Особую ценность в этом плане представляет «Записки» китайского паломника Сон Юна, державшего путь в Индию через Среднюю Азию в 516-

¹ Соловьёв В.С. Средняя Азия в IV-V вв. // История таджикского народа. – Т. I. – С. 476.

² См.: История таджикского народа. – Т. I. – С. 476-477.

³ См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С. 94-108.

⁴ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С. 87.

⁵ Там же. – С. 87.

522гг. Посетив пределы владения Бохо (Бадахшан) и Вахана, в своих записках он приводит ценные данные об этих владениях, а также восточных и южных припамирских областях. Согласно его сведениям в начале VI в. в этом горном пространстве имелся ряд небольших государственных образований.

В дальнейшем, если не считать отдельные незначительные упоминания индийских монахов Джинагупта и Дхармагупта, державших путь из Северной Индии в Китай (соответственно в 560 и 590 гг.) через Бадахшан, Вахан, Сариколь, до посещения Средней Азии китайским монахом Сюань Цзаном (629-648 гг.), более серьёзные сведения об интересующих нас районах отсутствуют. Сведения в записках Сюань Цзана являются сравнительно более обстоятельными не только по отношению к Памиру и Бадахшану, но и всей Средней Азии.

Определяющей традицией в китайской историографии раннесредневекового и последующего периодов являлись исторические сочинения, написанные с позиции династической хроники. В них даются подробные описания внутренних событий, имевшие место в годы правления соответствующих династий, а также сложившиеся военно-политическое положение в соседних владениях. Примером тому могут послужить династийные хроники «Суйшу» (История династии Суй), «Таншу» - «Цзю Таншу» («Старая история Тан»), «Син Таншу» («Новая история Тан»), «Бейши» («История северных царств»), «Наньши» («История южных царств») и т. д., в которых имеются важные сведения или упоминания о тех или иных событиях, имевших место в раннесредневековой истории Средней Азии, в том числе Памира и Бадахшана. В этой связи нельзя не отметить заслуги русского священнослужителя и ученого китаевода Н.Я.Бичурина (Иакинф). Благодаря переводу которого наиболее ценные исторические сочинения, в той или иной мере содержащие сведения о событиях древней и раннесредневековой истории

Средней Азии в целом, Памира и Бадахшана в частности, стали достоянием специалистов¹.

Немаловажными источниками в этом плане являются археологические материалы, накопленные видными советскими и в том числе таджикскими учёными в результате проведённых на протяжении десятилетий раскопок на территории ГБАО и афганского Бадахшана. Разумеется, исходя из позиции историографического анализа, с целью выявления степени изученности проблемы следует особо отметить заслуги видных советских и зарубежных востоковедов, опиравшихся на достоверные источники на сугубо научной основе раннесредневековой истории Памира и Бадахшана.

В этом плане следует особо отметить заслуги А.М. Мандельштама (1920-1983). Он, больше других исследователей причастных к изучению истории Памира и Бадахшана этого периода вникнувший в суть сведений, на основе доступных ему источников пишет: «На территории собственно Памира для этого времени нам известно только одно владение: Цзябей, Бохо, расположенное в пределах Вахана. Оно существовало уже в ханьский период, составляя часть Кушанской империи, после распада последней это владение, вероятно, составляло часть кидаритского государства»². Касательно сложения истории этих владений в конце V или начала VI вв., автор высказывал мнения о том, что после разгрома Сасанидского царя Пероза (459-484 гг.) эфталитами на территории Согда и Бактрии складывается новое крупное государство, «в состав которого вошла также часть Памира и припамирских областей... Бадахшан целиком входил в состав их владений, так как именно в пределах его находилась столица эфталитского государства – город Бадиянь... О территории, лежавшей севернее Вахана, мы вообще не имеем сведений для IV-VI вв. и, соответственно, не знаем, была ли она подчинена эфталитам или нет»³.

¹Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I-III. – М.: - Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

²Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С 87; Подробно о кидаритах см.: Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 194-195.

³ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С.131-132; Об истории эфталитов и их этнической принадлежности см.:

Выше уже упоминалось, что относительно надёжными источниками для определения древности Памира являются греческие, римские, византийские и другие источники. Однако наиболее достоверными источниками для конца древности и начала средневековья считаются китайские источники, доступ к которым исследователи получили благодаря выдающемуся русскому синологу Н. Я. Бичурину (1777–1853). Наряду с множеством работ, оставленных им в наследство, особое место занимает его источниковедческий труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В трёх объёмистых частях (томах) этого труда даётся перевод с китайского на русский язык важных событий из исторических сочинений, повествующих о династических историях Китайской империи I–X вв. и записки китайских паломников до начала VIII в., путь которых в Индию пролегал через Памир и другие области Средней Азии. О крайней ценности сведений, содержащихся в данном труде, свидетельствует тот факт, что со времени появления их на свет (1851 г.) ни один учёный, изучавший историю I тысячелетия до н. э. - VIII вв. н. э., не оставлял их без внимания. Они и поныне служат ценными источниками в изучении истории Средней Азии, в том числе Памира.

Наряду с имеющимися сведениями в «Исторических записках», крайне ценными источниками в изучении раннесредневековой истории Средней Азии служат описания путешествий китайских буддийских паломников в Индию, путь которых пролегал через Памир. Одним из первых был Фа Сянь (около 400 г. н. э.). В 518–522 гг. н. э., который прошёл через Вахан и Бадахшан во время паломничества в Индию., а также Сон Юн, оставивший своих путевых записках ценные сведения о положении памирских владений.

Таким образом, несмотря на скудность источников, вышеприведённым исследователям в той или иной степени удалось установить отношения таких этнических групп как хунны, хиониты, кидариты, эфталиты к народонаселениям на заре раннесредневекового Памира. В освещении политической обстановки Памира и Бадахшана особую ценность имеют

сведения, содержащиеся в путевых заметках китайских паломников. Они позволяют если не детально, то в общем создать картину политической жизни Памира и Бадхшана в III–VI вв.

II.2. Памир и Бадхшан в круговороте политических событий региона в VII-VIII вв.

Судя по содержанию сохранившихся источников, после распада Эфталитского государства, Вахан, некоторые другие владения Восточного и Южного Припамирья, находившиеся под их властью, обрели независимость. Единственным напоминанием об их былой государственной мощи было сохранение небольшого эфталитского владения в пределах Бадхшана, о котором упоминается в записках паломника Сюань Цзана, относящихся ко второй четверти VII в. (около 639-645 гг.)¹.

Как известно, в дальнейшем в политических событиях Средней Азии непосредственно фигурируют тюрки. Их государственное объединение – Тюркский каганат (551-744 гг.), состоявшее из кочевых племён, сложилось в Алтае. Вскоре они, приступив к активным завоевательным действиям против своих соседей, создали мощную армию. После нанесения поражения жужжанам, преследуя их, вторглись в северные районы Средней Азии, что привело к серьёзному усложнению политической ситуации, главная тяжесть которой пала на долю Эфталитского государства.

Согласно заключению А.М. Мандельштама, эфталиты оказались между двух огней – тюрками и Сасанидами и им пришлось одновременно сражаться против двух могущественных вражеских сил, которые, несмотря на разногласия, вступили в союз против них. В результате, потерпев поражение в 563 г., государство Эфталитов прекратило своё существование: его области, расположенные севернее Амударьи, перешли к западным тюркам, а южные были присоединены к Сасанидскому государству.

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С. 134.

Но этот союз не мог оказаться прочным. Используя усиление их разногласий, перераставших в открытую враждебность, эфталитам удалось некоторое время держать под своей властью южную часть Средней Азии. Желая осветить контуры конфигурации степени влияния и политической активности тюрков в регионе в целом, на Памире и Бадахшане в особенности, А.М.Мандельштам, сопоставляя сведения китайских источников и заключения западноевропейских исследователей, пишет: «Вполне естественно, перед нами встаёт вопрос, весь ли Тохаристан был подчинён тюркам и, в частности, попали ли под их власть Бадахшан и Вахан. В записках Сюань Цзяня мы находим указание, что все 27 владений, составлявших территорию Тухоло, подвластны тюркам. Это позволяет дать положительный ответ на данный вопрос, во всяком случае, относительно Бадахшана. Степень подчинения отдельных владений тюркам была, очевидно, весьма ограничена: все они сохраняли определённую независимость, поскольку Сюань Цзянь описывает каждое из них в отдельности и именуется государствами»¹.

Словом, однозначно судить о степени зависимости Памира и Бадахшана от тюрков в начале VII в. из-за отсутствия достоверных источников крайне трудно. Почти все суждения исследователей на сей счёт не выходят за рамки предположений. Исходя из этого, А.М. Мандельштам указывает, что «когда подчинили себе тюрки эту территорию, в имеющихся в нашем распоряжении источниках не указывается. Но можно предполагать, что это произошло в правление Шэгуи кагана (610-618) ... Таким образом, Западное и Восточное Припамирье в первой четверти VII в. вошло в пределы распространения политической власти западных тюрков. Что касается Южного Припамирья, то о подчинении его тюркам не имеется никаких данных. Находившиеся здесь владения, очевидно, сохранили свою независимость»².

Разумеется, некоторые исследователи в этом отношении опираются на отдельные разбросанные неофициальные упоминания в сведениях личного

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 134.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 135.

характера. Например, в письме Пуло тегина брата ябгу (тюркского владетеля) Тохаристана китайскому императору в 718 г. указывается, что Хуми (Вахан) и Шени (Шугнан) управляют ябгу. Основываясь на подобных упоминаниях, некоторые исследователи, в частности, Шаванн считали, что Памир и Бадахшан находились в полном подчинении тюрков¹. Сопоставительный анализ имеющихся источников позволяет предположить, что это было сделано из желания тюркских ябгу продемонстрировать свое силовое превосходство. Если даже им удавалось склонить местных владетелей признать свою зависимость и в угоду их желаниям принять тюркские титулы, (к примеру «ябгу»), но всё же правление оставалось в руках местных владетелей. Признав эту «зависимость», они выражали свою покорность только на словах и посылали дары.

Сторонником такого мнения являлся и А.М. Мандельштам. Указывая на это, учёный, в частности, писал: «Степень подчинения отдельных владений тюркам была очевидно весьма ограничена: все они сохраняли определённую независимость, поскольку Сюан Цзан описывает каждое из них в отдельности и именуется государствами»². В дальнейшем, после неоднократных поражений от армии китайского императора, в 638 г. Западный Тюркский каганат потерял своё господствующее положение в Средней Азии, и вся подвластная ему территория перешла под номинальную власть Китая. Об этом влиянии свидетельствует факт проведения административной реформы и создания ряда губернаторств и округов.

Согласно административной реформе, проведённой китайским императором в 661 г. было создано 16 губернаторств, наиболее значительным из которых было юечжи. Оно делилось на 25 округов. Вахан был преобразован в особую губернию под названием Няофей, наряду с другими губерниями на рассматриваемой территории, такими как Комед (включая регионы Рашт, Дарваз, Вандж и Рушан). Хотя источники не упоминают Шугнан напрямую, это

¹ См.: Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. – St. Petersburg, 1903. – С. 24, 32 и посл.; Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 133-139.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 134.

говорит о том, что Шугнан, расположенный между Ваханом и Кумедом, мог быть отдельной губернией.¹

В дальнейшем по стечению политических обстоятельств, в VII-VIII вв. и в связи с оживлением торгово-дипломатических отношений между среднеазиатскими владениями и Китаем, появлялись более надёжные и достоверные сведения, среди которых определяющее значение имели путевые заметки китайских путешественников, главным образом, буддийских паломников.

В этот период в регионе наблюдалась значительная эскалация политической и военной активности, совпавшая с растущими экспансионистскими амбициями Тибета. Кроме того, влияние Сасанидов и растущая мощь арабов сыграли решающую роль, ещё более усиливая раздробленность и конфликты. В результате памирские территории оказались глубоко втянутыми в эту сложную и беспокойную политическую обстановку.

А. М. Мандельштам, сопоставляя доступные ему сведения, указывает на участвовавшие посольские визиты правителей владения Памира и Бадахшана к китайскому императорскому двору. Например, известны такие посольства из этих владений в 619 и в 642 годов, а также пышное посольство владетеля Шени (Шугнана) в Китай в 646 г.² По его мнению, отправка таких посольств, с одной стороны, показывает рост политического влияния Китая в этом горном регионе, а с другой – свидетельствует о сохранении независимости этих владений. И даже имеющиеся данные об их зависимости от Китая могут быть несовместимы с политической реальностью того времени. Сам факт отправки посольств и традиции обмена дарами свидетельствует о сохранении самостоятельности Памирских владений. С другой стороны, даже если признание местными правителями своей зависимости от Китайской империи рассматривать как принудительное, оно оставалось в значительной степени номинальным.

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С.136-137.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С.136.

Главным показателем их независимости было сохранение традиционных структур местного управления.

Указывая на сохранение фактической самостоятельности после ликвидации власти тюрков, усиление политического влияния китайцев А.М. Мандельштам пишет: «Непосредственная власть Китая распространялась только на Восточный Туркестан и, в частности, на Восточное Припамирье. Однако она носила ограниченный характер, так как никаких данных о ликвидации или смене местных династий в этот период не имеется. В Тохаристане сохранилась верховная власть ябгу, получившего титул губернатора Юечжи, и никаких реальных изменений подчинённой ему территории не произошло: об этом свидетельствует содержание письма Пуло тегина китайскому императору. Поскольку в этом письме в числе подчинённых тохаристанскому ябгу владений фигурирует не только Бадахшан, но и Хуми (Вахан), можно прийти к заключению, что официальное выделение последнего в качестве отдельного губернаторства явно не имело никаких реальных последствий»¹.

Ликвидации власти тюрков китайцами в определённое время обеспечила политическую стабильность на обширной территории до границ Ирана, что способствовало развитию торговли в Тохаристане и Северной Индии по пути, пролежавшем через Памир и припамирские владения. Но, начиная с середины VII в., участвовавшие арабские нашествия на западную часть Тохаристана привели к тому, что в конце VII — начале VIII вв. арабы смогли установить свою власть на значительной территории Западного Тохаристана.

В создавшейся обстановке китайцы при всём желании, даже несмотря на просьбу Сасанидов о совместной борьбе против арабов, не могли дальше обещаний пойти на решительные действия. Главной причиной тому являлась ведение с 665 г. затяжной войны Китая с Тибетом, войска которого в союзе с тюрками в 670 г. завоевали Восточный Туркестан с частью Восточного Припамирья и прочно держались до начала VIII в.

¹ Мандельштам А.М.– С. 138.

Как отмечено выше, в 670 г. тибетские войска заняли весь Восточный Туркестан и до начала VIII в. держали его владения под своей властью. Переговоры, проведённые Китаем с Тибетом в 696 г. остались безрезультатными. Политическое влияние тибетцев во владениях южного Припамирья сохранилось вплоть до 717 г.

А. М. Мандельштам, основываясь на китайские источники, утверждает, что в 722 году Китай вытеснил тибетцев с южных приграничных территорий Памира, тем самым укрепив свой политический авторитет. Есть основания полагать, что правители двух владений, находившихся под властью Шэни (Шугнана), признали свою зависимость от Китая¹. Но это не может восприниматься как убедительный аргумент, свидетельствующий о распространении власти Китая в этом горном крае. По мнению А. М. Мандельштама, это можно трактовать как доказательство поражения тибетцев и усиления политического влияния на южных приграничных рубежах Припамирья.

Известно, что тибетцы совместно с арабами вторглись в Фергану, свергнутый ими владетель бежал в Восточный Туркестан. Только во втором десятилетии VIII в. Китай смог нанести удар и оправиться от постоянного давления тибетцев. Это вдохновляло владетелей Мавераннахра и Тохаристана с помощью Китая вести борьбу против арабов. С такой надеждой в 719 г. к китайскому двору явились послы ряда их владений с просьбой о помощи. Но будучи не уверенным в своей военной силе китайский император ограничился лишь обещаниями и утверждением царским достоинством ряда их владетелей, среди которых фигурирует и ваханский. Очередная активизация тибетцев и установление их влияния на Южном Припамирье, согласно китайским источникам, происходили к началу 30 – х годов VIII в². Наблюдались и попытки подчинения Вахана и Шугнана тибетцами. В начале 40 -х годов VIII в., тибетцы установили значительное военное присутствие вдоль восточной

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С.142-143.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С.144.

границы Вахана. Однако из-за отсутствия чёткой информации о непосредственном подчинении Малого Болюя¹ и Вахана трудно с уверенностью определить степень их зависимости². Сохранение политического перевеса тибетцев над Китаем сохранялось до конца VIII века, что мешало Китаю поддерживать Тохаристанского ябгу в его борьбе с арабами. Оккупация Восточного Туркестана тибетскими войсками, а также их частые вторжения на китайскую территорию в союзе с турками в 70-90-х годах VIII века свидетельствовали об бессилии Китая в этом регионе. В этот период Восточное Припамирье оставалось под контролем тибетцев.

Во втором десятилетии VIII в. Китай, несколько оправившийся от постоянных военных столкновений с Тибетом и внутренней нестабильности, активизировал свои действия в утверждении своего влияния в Восточном Туркестане и Южном Припамирье. Усиление позиции Китая породило надежду во владениях Мавераннахре и Тохаристане с его помощью активизировать борьбу против арабов, которые к тому времени уже подходили к границам Вахана. Но китайский император, учитывая своё бессилие, ограничивался лишь утверждением в 729 г. бежавшего ябгу Тохаристана в Бадахшан титула царя Ида (эфталитов)³.

Из событий, свидетельствующих об очередной активности Китая, следует упомянуть об удачном походе Гао Сянь-чжи против тибетцев в Кашгар, Малый Болю, Сарикол, Хуми (Вахан) и Шэни (Шугнан). Интерес представляет то, что в походе Гао Сянь-чжи участвовали владетели Хотана и Шугнана, которые погибли в бою с тибетцами. Факт о визитах владетеля Вахана в 749, 753 и 758 гг., несмотря на продолжавшиеся военные действия Тибета, ко двору Китайского императора свидетельствует о заметной степени политического влияния Китая на памирские владения. Но это вовсе не означает потери их самостоятельности. В дальнейшем, в связи с усилением арабской экспансии в Средней Азии и политическими неурядицами в самом Китае, военно-

¹ Владения лежащее на территории современного Гилгита и Ясина.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С.146.

³ См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 143-144.

политическая активность Тибета и Китая на Памире снижается, а затем и вовсе прекращается.¹

Арабы, сосредоточив свою военную силу у приграничных владений Тохаристана, в любое время могли привести её в действие. После захвата арабами Центрального Ирана в середине 40-х годов VII в. шах Йездигерд бежал в Керман, и оттуда в Систан. После занятия их арабами шахиншах искал убежище в Хорасане, в 651 г. он скрылся в Мерв, где был предательски убит. В этом году арабы вторглись в Хорасан, заняли Балх и Мерв. Так, в 50-60-х годах VII века арабы, полностью покорив Хорасан, создали особое наместничество со столицей в городе Мерв, которое стало плацдармом для завоеваний в пределах Мавераннахра. В 654 году, начав захватнические действия, арабы захватили Маймург в Согде. Затем завоевательная деятельность арабов усилилась. Так, в 667 году, напав на чаганцев, они разгромили эфталитов. Аналогичные действия повторились в 671 году.

Следует отметить, что несмотря на нависшую угрозу быть завоёванными арабами, правители государственных образований Мавераннахра вместо того, чтобы сообща бороться против общего врага продолжали враждовать между собой и порою даже с его помощью пытались свести счёты с неудобными им соседними владетелями. Между тем разбойничьи набеги отдельных арабских отрядов регулярно повторялись. «Все военные действия арабов в Мавераннахре, – пишет Б. Гафуров, – до назначения на должность наместника Хорасана Кутейбы ибн Муслима (705 г.) носили, таким образом, разрозненный характер и служили лишь целям обогащения тех или иных арабских предводителей за счёт ограбления захватываемых областей. Разорив и опустошив занятую в результате стремительного набега область, арабские войска возвращались в Мерв»².

¹ Более подробно о действиях Тибетцев и китайцев на Памире и соседних к нему владениях во второй половине VII– середине VIII вв. см.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С.139-151.

² Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и Средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 309.

После назначения Омейядским халифом в 705 г. Кутайбы ибн Муслима хорасанским наместником, завоевание Мавераннахра получило организованный и целенаправленный характер. Несмотря на отчаянное сопротивление местного населения, путём неоднократного совершения карательных походов, ему удалось в течение десяти лет (705-715 гг.)¹, установить власть халифата над Мавераннахром.

Таким образом, в начале VIII в. арабы завоевали Западный Тохаристан. В 20 – 30-е годы с большими потерями заняли Хутталян. Но, судя по непрерывной борьбе, проявлявшейся во всеохватывающих освободительных восстаниях, народы Мавераннахра показали свою непокорность арабским завоевателям².

Разумеется, от необходимости более подробно останавливаться на анализе процесса завоевания арабами **Варазруда** и освободительной борьбы народов халифата мы не считаем нужным, ибо данная проблема занимала особое место в русской, советской, да и современной историографии республик региона, ей посвящены десятки фундаментальных исследований. Кроме того, хорошо известно, что до прихода арабов зороастризм был доминирующей религией в Центральной Азии. Другие верования, включая христианство, буддизм и различные монистические традиции, также были распространены, и эти темы тщательно изучены в многочисленных исследованиях.³

Расширение арабских завоеваний и насильственное порабощение народов Средней Азии в сочетании с распространением ислама укрепили военно-политические позиции арабов, ещё больше подорвав и без того непрочное

¹ В 715 г. он был убит арабскими войнами находившихся в его подчинении и уставший от непрерывных походов. Но в качестве повода послужило подозрение в его неповиновении халифу.

² Об истории завоевание арабами Мавераннахра и последствия включения Средней Азии в Арабский халифат подробно см.: Гафуров Б.Г. Таджики. – С.303-331; История таджикского народа. – Т.II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С.51-86.

³ В том числе см.: Бартольд В.В. История Туркестана // Академик В.В.Бартольд. Сочинения. – Т.II – Ч.1. – М.: Изд.-во восточной литературы, 1963. – С.109-166; Его же: О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. – Т.II. – Ч.2. – М.: Наука, 1964. – С.265-302; Еще о христианстве в Средней Азии // Сочинения. – Т.II. – Ч.2. – С.315-319; Айнӣ С. Исёни Муқаннаъ. Очерки таърихӣ-таджикотӣ. – Сталинобод, 1944; Та же работа // Куллиёт. – Ч.10. – Душанбе, 1966; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя, и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 303-331; История таджикского народа. - Т.II. – Кн. первая. – М., 1964. – С.93-128; История таджикского народа. – Т.II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С.65-86 и др.

положение Китая, а затем и Тибета в регионе. Усиление административного контроля арабов в Средней Азии фактически ликвидировало возможность для Китая и Тибета восстановить своё политическое влияние на Памире¹. Но это не означает полного разрыва их связей. Подтверждением тому служат продолжающиеся торговые отношения Китая со Средней Азией, чему способствовал один из основных маршрутов Великого шёлкового пути, проходивший через Памир на протяжении всего средневековья.

Население Мавераннахра и Тохаристана, оказавшись под арабским гнётом, возлагало надежды на помощь Китая в своей освободительной борьбе. Неслучайно в 719 году некоторые владельцы этих регионов направили своих послов к китайскому императору с просьбой оказать помощь в их борьбе против арабов. Среди них был и посол из области Сюйми (Кумед). В письме его владельца, в частности указано, что арабы разграбили его владения и он просит императора принять соответствующие меры.

Император, не обладая достаточной военной силой для отправки войск, ограничился лишь признанием легитимности власти этих владельцев. Содержание подобных сведений приводит к заключению о том, что: а) Китай не обладал достаточной силой, чтобы уверенно противостоять арабам; б) владения, отправившие своих послов к китайскому двору, являлись вполне самостоятельными и надеялись на помощь Китая как надёжного союзника.

Такая посольская связь с Китаем продолжалась и в последующие годы. Например, в 727 г. владелец Тохаристана отправил посольство в Китай с письмом, содержание которого гласило, что его отец находится в плену у арабов и просит содействия императора в его освобождении. Помощь последнего ограничилась тем, что он был признан царем – Ида (эфталитов)². Этим китайский император, возможно, хотел показать, что признаёт

¹ О процессе политических событий в период завоевание Средней Азии арабами и политика Китая на Памире см.: Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя, и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 303-331; Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С.139-151.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 143-144

независимость Тохаристана, но в его борьбе против арабских завоевателей предпочитает для себя выгодным занять политику невмешательства.

В это время арабы, не боясь китайского вмешательства, продолжали расширять свои завоевания и вплотную подошли к границам Вахана. Оказавшись в отчаянном положении, правитель Вахана всё же надеялся на помощь Китая. С такой надеждой в 728 году он направил в Китай своих послов с драгоценными подарками. В 730 и 732 годах во главе очередных посольств стоял сам владетель Вахана, но вся щедрая «помощь» императора заключалась лишь в присвоении правителю Вахана звания генерала императорской гвардии¹. Эта «награда» была своего рода «духовной поддержкой» императора.

Уместно отметить, что одной из причин военной слабости и нерешительности Китая в оказании помощи соседнему региону в борьбе против арабов, как отмечено, следует видеть в его затяжной войне с тибетцами. Военные действия между ними с особой силой разгорелись в Восточном Туркестане в 30-е годы VIII в. В начале 40-х годов тибетцы смогли временно завоевать Хотан.

Опираясь на китайские источники и результаты исследований европейских учёных, А.М.Мандельштам, характеризуя события 40-х годов в крае, указывает, что в 747 г. в развернувшемся в Кашгаре сражении армия Китая смогла одержать победу над тибетцами. В этом сражении Хотан и Шугнан воевали на стороне Китая². Это может недвусмысленно свидетельствовать о независимости Шугнана.

Таким образом, в 30–40 годы VIII в. между Китаем и Тибетом продолжалась затяжная война, но военный перевес Китая ещё не определял его окончательную победу над тибетцами. Военные столкновения между ними продолжались на протяжении 50-х годов.

Следует отметить, что, несмотря на отсутствие существенных военных действий между арабами и китайцами в Средней Азии, между ними все же

¹ Там же.– С. 144.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 148.

имели место случаи военного конфликта. Ярким примером является поход известного китайского полководца Гао Сянь-чжи на Чач, в ходе которого его войска захватили местного правителя, что стало поводом для нападения арабов на китайские военные отряды.

В довольно крупном, кровопролитном сражении 751 г. в Таласе, арабы с помощью карлуков смогли одержать победу над китайцами. Вмешательство Китая во внутренние дела Западного Туркестана после поражения, нанесённого ему арабским полководцем Зиядом ибн Салехом, окончательно прекратилось. Арабы, в свою очередь, ограничились оказанием давления, стремились освободить Фергану от карлуков до конца VIII века. Они удерживались в пределах северо-восточной части региона и не продвинулись дальше Таласа.¹

После поражения от арабов и усиления восстания в восточной части Китайской империи (Нанчао и Ан Лу-шань в 755 г.), военная мощь Танской империи совершенно ослабла. В этой ситуации Китай стремился любым путём приблизиться к Тибету и с его помощью сохранить своё государство от окончательного распада. Но Тибет в свою очередь совершил в 760 г. нападение на владения его восточной части и в 763 г. завладел его столицей – г. Тан. В середине 60-х годов основная часть Восточного Туркестана перешла в полное подчинение Тибету. В создавшейся ситуации Китай вынужден был в 763 г. заключить мир с Тибетом.

На основании вышеприведённых фактов можно заключить, что до середины 50-х годов VIII в. посольские и торговые связи между Китаем и Памирскими владениями в зависимости от создавшихся политических ситуаций в регионе не прекращались. Тибетцы в 755-797 гг. сумели подчинить себе находившиеся вблизи южных границ Памира Балтистан, Гилгит и Ясин², но не смогли проникнуть в пределы памирских владений.

Завоевательное движение арабов в конце VIII в. достигло ближайших пределов Памира, Судя по сведениям ал-Якуби, арабы в годы наместника

¹ Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Академик В.В.Бартольд. Сочинения. – Т.II. – Ч.1. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С.36.

² См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 175.

Хорасана Фазл ибн Яхя Бармакид, 794/795 г. завоевали Шугнан. До этого они овладели Ваханом, который надеялся с помощью Китая или Тибета сохранить свою независимость. Несколько ранее арабы укрепились в Каратегине (крепость Рашт), защищая его от карлуков, которые намеревались овладеть Сурхобской долиной¹.

Русский синолог Н. Я. Бичурин, который собрал и перевёл китайские источники на русский язык, включая путевые заметки буддийских паломников, сыграл ключевую роль в освещении политической ситуации на Памире и в Бадахшане в VII–VIII веках, несмотря на скудность доступных источников того времени. Кроме того, следует отметить вклад советского исследователя Памира А. М. Мандельштама, который был первым, кто ввёл эти ценные источники по ранней средневековой истории Памира в научный оборот.

В целом, исследования, связанные с анализом имеющихся источников, в известной степени проливали свет на сложную политическую ситуацию, сложившуюся в Средней Азии в связи с началом завоевательных действий арабов, что неизбежно повлияло на владения Памира и Бадахшана. Этот процесс в целом довольно обстоятельно исследован советскими и современными учёными республик региона. Но на этом фоне остаётся немало белых пятен в исследовании процесса окончательного утверждения ислама на Памире, о чём речь будет идти в последующей главе настоящего исследования.

II.3. Степень освещения социально-экономического положения раннесредневекового Памира и Бадахшана

Имеющиеся источники по политической истории раннесредневековых памирцев предоставляют ограниченную информацию об их социально-экономических условиях, что затрудняет любой всесторонний анализ этого важнейшего аспекта жизни в горном регионе в тот период. Наиболее надёжные отчёты, в первую очередь от китайских паломников, фокусируются на политической ситуации в регионе Памира и соседних государствах, включая

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 175.

более мелкие самостоятельные владения. Тем не менее, несмотря на скудность этих источников, их путевые заметки и другие записи предлагают общий обзор социально-экономической жизни раннесредневековых обитателей края.

Сюань Цзян, приводя свои наблюдения о занятиях местного населения Памира, в частности указывает, что в Шицини (Шугнан) много хлеба и овощей, но очень мало риса. Одежда местного населения в основном состоит из шерстяных тканей и кожи¹. Интерес представляют сведения, имеющиеся в записках Хой Чао, совершившего путешествие в 20-х годах VIII в. в Индию. На обратном пути (в 729 г.), пролегавшем через Тохаристан, Памир и Восточный Туркестан, обращая внимание на жизнь и быт населения Хуми (Вахан), указывает, что пища населения в основном состояла из печёных и варёных мучных изделий, они занимаются скотоводством, разводят рогатый скот и овцы. Это наводит на заключение о развитии земледелия и скотоводстве².

В раннесредневековой китайской династической хронике – «Таншу» (История Тан) эпизодически приводятся сведения, касающиеся хозяйственной жизни населения Памирских владений. В частности, указывается, что в Вахане вызревали бобы и пшеница, много фруктовых садов, жители разводили превосходных лошадей³.

Уместно отметить, что в ходе археологических раскопок, прослеживая развитие земледельческой культуры вплоть до начала средневековья, А. Д. Бабаев пришёл к заключению о том, что «разновидности культур, имевшие распространение на Памире в позднем средневековье за некоторыми исключениями, внедрялись ещё далеко до начала средневековья. Характер древнего памирского земледелия, - пишет учёный, - можно представить себе

¹См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С. 112; Пирумшоев М. Историография раннесредневекового Памира.//Национальное единство:история и достижения..-Душанбе,2022.- С.233-241

²Fuchs W. Huei-chao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien// Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (SPAW), 1938. – С. 454; см. так же: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С. 122.

³Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С. 126.

(разумеется, в самых общих чертах и с необходимыми коррективами) на основании памирского земледелия в конце XIX – начале XX вв.»¹.

На Западном Памире до высоты более 3000 м. над уровнем моря земледельцам удавалось возделывать разновидности зерновых злаков. Соответственно природным условиям каждого из владений Западного Памира местное население занималось возделыванием пшеницы, ячменя, ржи проса, гороха, маша, чечевицы и других зерновых культур. Из масленичных и технических культур высевали лён, подсолнечник, хлопок (в Дарвазе, Вандже, Рушане), табак, коноплю. Широкое распространение получили посевы различных культур: дынь, арбузов, тыкв, огурцов, репы, моркови, свёклы, перца, лука, чеснока. Аналогично можно привести примеры развития садоводства и животноводства². Всё это, хотя и с некоторыми трудностями, учитывая климатические условия и ограниченность земельных ресурсов, обеспечивало основные жизненные потребности местных жителей.

Суровые природные условия, географическая изолированность обуславливали в течение длительного времени развитие жизненно важных самобытных традиций ремесленного производства. Разнообразные археологические находки на всём пространстве Памира и Бадахшана свидетельствуют о сложении и развитии ремесленного производства. Этому способствовало наличие железных руд (главным образом, в Вандже и Рушане), драгоценных металлов и камней. Кузнечество было широко распространено на всей территории Памира и Бадахшана. Следует отметить, что домницы (чиндон) для выплавки железных руд в основном находились вблизи копей. При этом важно было наличие соответствующего для выплавки топлива. Очищенное железо, из которого можно было изготовить орудия труда, затем, путём обмена на необходимые товары распространялось во всех городах и селениях, где имелись кузнечные мастерские.

¹Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С. 223.

²Пирумшоев М. Историография раннесредневекового Памира.//Национальное единство:история и достижения.- Душанбе,2022.- С.233-241.

Известный историк и этнограф, большой знаток истории культуры Памира М.С.Андреев, наблюдавший непосредственно способы выплавки железа в Вандже, хотя и не углубляется в историю этого довольно полезного и доходного занятия для местного населения пишет: «Вандж снабжает своим железом все соседние страны, окружающее его. Население последних само приходит в Вандж за покупками. Ванджцы свой товар не развозят. Торговля ведётся исключительно в виде товарообмена. Вахиочи (жители Вахиё), преодолевая громадные перевалы, привозят в Вандж для уплаты за покупку домотканые шерстяные материи (чакман, чодар, то-варза), соль (вся соль получается из Вахиё), дарвазцы привозят в Вандж главным образом «карбос» - местной выделки бумажная бязь, местной выделки чалмы («саля») и соль, покупая её сами из Ныжьгола, в нижнем Вахиё. Язгулямцы привозят чулки (шерстяные) и шерстяные подпруги, сушёный урюк, местную обувь («чорук»). Шугнанцы выменивают, привозя шерстяные халаты, чулки кожу (для выделки обуви). С афганской стороны везут главным образом, бумажную материю (карбос)»¹.

Разумеется, нельзя приравнивать достоверность результатов наблюдения М.С. Андреева к раннесредневековым источникам касательно добычи железа и развития кузнечного ремесла на Памире в прямом смысле. Но, если исходить из той реалии, что в течение почти всего средневекового периода во многом усовершенствовалась техника изготовления железных изделий, происходили качественные изменения в этом виде ремесленного производства, тем не менее, фактически способы добычи и выплавки железа вплоть до конца позднего средневековья почти не претерпели изменения.

Археологические открытия в погребальных сооружениях свидетельствуют о том, что в раннем Средневековье Памир был центром разнообразного производства железа. Найденные предметы включают

¹Андреев М.С. Выработка железа в долине Ванча (Верховья Аму-Дарья). Из материалов собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей в Таджикистане летом 1925 г. – Ташкент, 1926. – С. 17.

инструменты, военное снаряжение и искусно выполненные ювелирные изделия, демонстрирующие передовые металлургические навыки и мастерство.

Согласно мнению специалистов в раннем средневековье в каждой историко-культурной области Средней Азии сформировалась своя керамическая школа. В ходе раскопок археологических памятников на территории Кабадиана, Шумана, Ахаруна, Вахана и других местах, в производства керамических предметов наблюдались характерные особенности их изготовления в этих владениях¹. Гончарное производство получило широкое распространение по всему Памиру. Как отмечено выше, керамическое производство занимало прочное место в жизни памирцев в древности. А.Д. Бабаев, по археологическим материалам прослеживая за развитием этого вида ремесла и его места в хозяйственной жизни населения Памира, в частности пишет: «Интересна керамика раннего средневековья (могильники Зумудк, Ямчун и др.), где в тесто примешивалась слюда, особенно на Западном Памире. Слюда имитировала позолоту, делала керамику более нарядной. Керамическая глина – не всегда высокого качества, часто в неё примешивали песок, зато обжиг – высокого качества»².

Разумеется, в трудных климатических условиях Памира, разбросанности патриархальных семей, деревообрабатывающее ремесло в виде плотницкого, столярного и других его разновидностей, занимало особое место в жизни местного населения. Основываясь на археологических материалах, А.Д.Бабаев указывает, что начиная с древности и на протяжении всего средневековья и последующих периодов, деревообделочное ремесло было одним из главных занятий горцев. Широко практиковалось изготовление разнообразной посуды и другой хозяйственной утвари³.

Судя по разнообразным ювелирным находкам, на Памире соответствующее развитие получило ювелирное дело. Опираясь на материалы,

¹История таджикского народа. Том II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С.101.

²Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С.226.

³Пирумшоев М. Историография раннесредневекового Памира.//Национальное единство:история и достижения:- Душанбе,2022.- С.233-241.

добытые в ходе археологических раскопок, А.Д.Бабаев высказал предположение о развитии ювелирного дела. Украшения изготовлялись из бронзы, железа, кости и стеклянной массы – бус. «Памирские находки – украшения, – пишет учёный, – можно отнести к довольно продолжительному времени- от III в. до н.э. (сакская эпоха) до раннего средневековья (IV-VI вв. н.э.). Это – браслеты (бронзовые – могильники Чильхона, Юль-Мазар: стеклянные – могильник Ямчун), перстни, серьги, намеренные украшения, бусы (могильники Зумудк, Птуп и др.). Анализ бронзовых изделий показал, что бронза привозная. Очевидно, бронза привозилась и обменивалась на другие предметы, и местные ювелиры изготовляли украшения»¹.

Экстремальные погодные условия и горный рельеф Памира могут создать впечатление, что этот регион весьма удален от более развитых мировых центров цивилизации, для тех, кто мало знаком с регионом и его историей. Однако даже при беглом взгляде на историю этого региона, который может показаться довольно бесплодным, здесь сталкивались великие цивилизации как древнего, так и средневекового периодов. Большинство учёных из разных областей, анализирующих историю и культуру Памира, сходятся во мнении, что эта территория является горным регионом, через который на протяжении веков проходил Великий шёлковый путь, обеспечивая связь между Востоком и Западом.²

Подчёркивая обоснованность мнений исследователей о значимости Памира для торговых связей Запада и Востока, А.Д. Бабаев отмечает: «Через Памир проходил один из важнейших и оживлённых путей древности и средневековья, по которому торговые караваны и предприимчивые купцы доставляли большие партии товаров... Памир, через который пролегал Великий шёлковый путь, несомненно, имел торговые пути связи с Индией и Китаем на востоке, с Ираном, Тохаристаном и другими странами на западе»³.

¹Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С.227.

²См.: Зелинский А.Н. Памир и Великий Шелковый путь //Народы Азии и Африки. – 1976. – С. 112-118.

³Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – С. 229.

Имеющиеся источники показывают, что торговые связи Памира и Бадахшана с близкими и дальними странами берут начало с глубокой древности. В этой связи как отмечено выше, слава добычи, обработки и экспорта балахша (рубин) Бадахшана распространилась до Египта и Вавилонии¹. Изделия, изготовленные из рубина и ляпис-лазури в древние времена, обнаружены на территории государств Ближнего Востока².

Указывая на определяющее значение Шёлкового пути в этом отношении, М.А.Бубнова верно заметила, что «на основе археологических материалов выявлены предпосылки зарождения Ваханского и Шугнанского участков Великого Шёлкового пути. В погребениях VII-III вв. до н. э. обнаружены привозные изделия из железа, бронзы, стекла, полудрагоценных камней, сердолика и нефрита»³. Она же, сопоставляя данные археологических материалов с письменными источниками и выводами ведущих специалистов, определила функционирование в I в. до н. э. следующих ветвей Шёлкового пути через Памир и Припамирье: «Шугнанский путь – единственный, пересекавший Памир с востока на запад в широтном направлении. Он шёл по линии: Яркенд – Ташкуртан – Аличур – Гунт – оз. Шива – Файзабад – Балх ... Одновременно Шугнанский путь являлся северной ветвью Южного пути из Китая в страны Запада.

Ваханский путь, проходивший по югу Памира вдоль северных склонов Гиндукуша по линии: Яркенд – Ташкуртан – Вахан – Ишкашим – Зебак – Файзабад – Балх (маршрут из Ташкургана в Вахан проходил тремя путями: по р. Памир, по р. Вахандаря и по р. Вахджир через одноименный перевал. Наиболее удобным был маршрут по р. Памир через оз. Зоркуль). Ваханский путь являлся главной ветвью Южного пути и был, по-видимому, наиболее древним и самым важным путём Памира и Припамирья»⁴.

¹См.: Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. – Т. I. – М., 1954. – С. 266; Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – Ташкент: Наука, 1964. – С. 69-70; Дьяконов И.М. Ассуро-Вавилонские источники по истории Урарту. Приложение // Вестник древней истории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – № 2. – С. 355-356.

² История Узбекской ССР. – Т. I. – Кн. первая. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. – С. 31.

³Бубнова. М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир. – С. 32.

⁴Бубнова. М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир. – С. 33.

Следует отметить, что на рубеже II-I вв. до н.э., когда участились нападения кочевых племён на степных путях Великого Шёлкового пути, особое значение приобрёл торговый путь через Памир. Это способствовало тому, что Ваханский или Великий буддийский путь и Шугнанский торговые пути стали важными частями международных торговых дорог. Они открыли возможность постоянного передвижения буддийских паломников, торговых караванов и посольских связей между государствами. Более пяти веков Памирский путь считался одной из важных ветвей Шёлкового Пути, связующей Восток и Запад. Уместно отметить, что Памир с древних времён был связующим звеном между Средней Азией и северными и северо-западными владениями Тибета. Культурные традиции Ирана, наблюдаемые в Тибете, приводят к мнению о том, что именно через этот путь они могли распространяться в этом крае¹.

После падения Кушанской империи в IV в. международная торговая связь через Памир несколько ослабла. Теперь она чаще проходила через северные, северо-восточные соседние его провинции Средней и Центральной Азии². Ослабление значимости Памирской ветви Великого Шёлкового пути в VI-VIII вв. связано с осложнением политической ситуации в целом в регионе, о которой речь шла несколько выше.

Но это вовсе не может стать поводом к заключению о прекращении функционирования памирской ветви Великого Шёлкового пути. Разумеется, она в той или иной мере зависела от тех политических ситуаций, которые разворачивались не только вокруг Памира и соседних владений, но и всей Центральной Азии в целом. Но, несмотря на все политические перипетии, Памирский торговый путь всегда сохранял свою значимость.

Анализируя письменные исторические источники и опираясь на выводы ученых, связанные с изучением сохранившихся археологических памятников,

¹ См.: Кузнецов Б.И. Культурные связи Памира с Тибетом // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир. – М.: Наука, 1975. – С.298-300; Пирумшоев М. Историография раннесредневекового Памира // Национальное единство: история и достижения: - Душанбе, 2022. - С.233-241.

² См.: Зелинский А.Н. Памир и Великий шелковый путь // Народы Азии и Африки. – 1976. - № 5. – С.112-118; История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С.166.

можно утверждать, что, несмотря на суровые климатические и географические условия Памира и Бадахшана, люди могли обеспечить себя основными потребностями для поддержания жизни. Для этого использовались традиционные методы работы, а также плотность населения, соответствующая природно-климатическим условиям страны. Эти навыки позволили реализовать основные потребности населения и производить различные сельскохозяйственные продукты и товары, связанные с домашним ремеслом. В этом плане заметное место занимали и торговые сношения.

ГЛАВА III

ПАМИР И БАДАХШАН IX – XV ВВ. В СРЕДНЕВЕКОВЫХ СОЧИНЕНИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

III.1. Памир и Бадрахшан в сочинениях эпохи Саманидов и научных трудах посвященных этому времени

Как явствует из содержания предыдущей главы, сведения о Памире, имеющиеся в китайских источниках, дают если не полное, то в известной степени общее представление об истории Памира раннего средневековья. Опираясь на сведения, содержащиеся в путевых заметках китайских паломников исследователи, в частности А.М. Мандельштам, как отмечено выше, мог обрисовать общую политическую картину Памира III-VIII вв.

Сравнение имеющихся источников по истории Памира IX–X вв. с источниками раннего средневековья выявляет значительную раздробленность, что существенно затрудняет изучение исторического контекста и роли этого горного региона в тот период. В результате в своих исследованиях мы вынуждены опираться на ограниченные и разрозненные сведения, содержащиеся в историко-географических сочинениях арабо-персидских авторов того и более позднего времени.

Особую ценность в этом плане представляют сведения, содержащиеся в географическом сочинении арабоязычного географа ибн Хордадбега «Книга путей и государства» составленном примерно в 846 г. В нём впервые упоминаются некоторые Памирские области в перечне сумм податей поступившей в казну Тахиридов в 826/27 г. в таком порядке: Карран – 4000, Шикинан – 40 000, Вахан – 20000, Мунджан – 2000 дирхемов¹. Данное сообщение приводит к мнению о том, что: а) эти области входили состав государства Тахиридов; б) Шугнан и Вахан сравнительно с Карраном и Мунджаном были крупными и богатыми областями этого государства.

¹ Ибн Хурдодбех. Ал-Масолик ва-л-мамолик // Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дуввум (мутуни арабиасл). – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Рахим Чалил, 1998. – С.15.

В данном сочинении ибн Хордадбех второй раз упоминает о Шугнана в связи с оправкой торгового каравана из Хутталя через Памир. Согласно сведениям, караван вблизи Шугнана должен был преодолеть вершину высокой горы и не мог обойтись без помощи местных жителей. Купцы, перевозя свой груз до вершины горы, давали знак шугнанцам, что они прибыли, и только с помощью местных молодых сильных мужчин, способных каждый нести до 30 манов (примерно 70 кг) груза могли спустить свой товар по опасной дороге, непроходимой для нагруженных верблюдов и коней. После заключения договора с торговцами, выполняя эту чрезвычайно тяжёлую работу, наёмные спускали груз до берега бурной речки и оттуда на приученных верблюдах доставляли на другой берег, чтобы продолжить путь в Китай или в Мултан¹.

Ал-Я`куби в своём сочинении «Китаб ал-булдон» («Книга стран») написанном в 891 г., давая географическое описание Балха, перечисляет 47 больших городов, в том числе указывает на Бадахшан и Джирм. В частности, о Бадахшане пишет, что «он является крайним восточным городом Балха, который примыкает к Тибету»². Далее он перечисляет города по северному берегу Амударьи. Перечень основных городов Хутталя доводит до Мунка, который согласно его описаниям «является границей с владениями Рашт, Кумед и Бамир»³. Следует отметить, что, несмотря на поверхностность его описаний, наличие некоторых неточностей в определении географического положения некоторых областей и утверждений о нахождении Бадахшана и Шугнана под властью какой-то тюркской династии, его сообщения всё же имеют значительную источниковую ценность.

А.М.Мандельштам, прослеживая за содержанием сведений ряда арабо-персидских историков и географов того периода, отмечающих о добыче драгоценных камней в Бадахшане, приводит их отрывочные сведения. К примеру, указывает, что у ал-Истахри мы находим первое в арабоязычной

¹ См.:Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С. 153-154.

² Ал-Я`куби. Китаб ал-булдон. Тарчумаи форсии доктор Мухамад Иброхим Оити. – Техрон: Бунгохи тарчума ва нашри китоб, 1354. – С. 64.

³ Ал-Я`куби. Китаб ал-булдон. . – С. 64- 65

географической литературе указание о наличии в Бадахшане драгоценных камней. Согласно его сведениям из Бадахшана вывозились гранат и лазурит, взамен сюда поставляли мускус через Вахан из Тибета. Несколько дополняя эти сведения, ибн Хаукал пишет: «И вывозят из Бадахшана гранат – драгоценный камень, который похож на красные и ярко-красные рубины; а сорта (есть) розовые и красные. И вывозят оттуда высококачественный лазурит; в горах (имеются) рудники, где он добывается. И поступает в него мускус через Вахан из Тибета»¹.

Уместно отметить, что арабские и персидские авторы, как правило, наряду с географическими сведениями отмечают добычу драгоценных камней, золота, серебра, которые составляли главный предмет вывоза, а также особо указывали на распространение ислама среди местного населения. Это в какой-то мере даёт возможность определить политическую атмосферу и социально-хозяйственную жизнь в том или ином владении Памира. В кратком упоминании в сочинении Ибни Хавкаля «Книга путей и стран», составленном примерно около 977 г., в частности указано, что граница Вахша и Хутгалья на востоке доходит до Вахана и Шикниа (Шугнан), которые являются местом обитания неверных (дорулкуфр)².

Особую ценность для исследователей представляет книга неизвестного автора, составленная в 372 х. (982/983 г.) «Худуд-ул-олам» («Границы мира»). Перечисляя провинции, области и города Хорасана, автор указывает на Бадахшан как «богатый город и место торговцев. В нём имеются серебряные копи, добывают золото, гранат и лазурит. Из Тибета туда привозят мускус»³.

По части географического определения областей и городов Мавераннахра автор приводит краткие сведения о владениях, находящихся на территории Памира. Например, о Вахане приводится следующее: «У входа в пределы

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.164.

² Ибн Хаукал. Сура-ул-арз // Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дувум (мутуни арабиасл). – Худжанд, - С.141; см. так же: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.160; Гоиров Ё. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. – С.205.

³ Худуд-ул-олам. Мина-л-машриқ ила-л-мағриб. – Душанбе: Бухоро, 2014. – С.61.

Табата (Тибет) есть селение, имеющее проход в сторону горы. Там мусульмане, они взимают пошлину. Как оттуда выходишь, окажешься в пределах Вахана. Рахтиджаб есть ваханское село, где живут ваханские неверные. Сикашим (Ишкашим) есть город из провинции Вахана. Там обитают как неверные, так и мусульмане. Считается центром, откуда правит владетель Вахана. Там производят конские сбруи и ваханские стрелы. Хумдод является местом обитания ваханских буддистов. Там же проживает небольшая часть тибетцев. На левой его стороне имеется тибетское укрепление. Санглинч (Санглич) находится у подножья горы, где имеются гранатовые и лазуритовые копи, вблизи которых имеется горячий источник, в который невозможно сунуть руки. От этих копий до Табата полтора дня пути. Дальше путь лежит до селения Мулхама (Булджам, Мулджам). Самаркандак является большим селением, где проживают индусы, тибетцы, ваханцы и мусульмане. Это является конечной границей Мавераннахра»¹.

Такие краткие сведения, в основном географического характера, содержатся в сочинениях ал-Истахри, Ибн ал-Факих, ал-Мукаддаси, Ибн Руста и др. Составить по ним ясную картину политического и социально-экономического положения Памира и Бадахшана IX-X в. крайне трудно. В этой связи уместно отметить, что с этим столкнулся А.М. Мандельштам. «Суммируя все эти отрывочные данные, - пишет он, - мы получаем следующий ряд восточных пограничных областей Мавераннахра (с юга на север): Вахан, Шугнан, Рашт, Памир»².

В имеющихся сведениях о Памире часто упоминается Тибет и предполагается, что тибетский царь принял ислам. Однако это утверждение не подкреплено вескими историческими свидетельствами. Более правдоподобное объяснение заключается в том, что союз между арабами и тибетцами был создан для противодействия влиянию Китая в регионе. Логическое

¹ Худуд-ул-олам. – С. 69. Мулхам (Булджам, Мулджам) по всей вероятности есть Мунчан.

² Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.163.

рассмотрение имеющихся фактов приводит к выводу, что тибетская граница представляла собой внешнюю границу контролируемой арабами территории.¹

Логическое сопоставление фактов, имеющихся в источниках того периода, приводит к заключению о том, что в X в. в западных владениях Памира ислам ещё не имел определяющего религиозного влияния.

Указывая на ещё непрочную позицию исламской религии в регионе в X в. иранский историк Джаводи Хирави пишет: «Таким образом, восточные окраины территории государства Саманидов считались местом обитания неверующих, на этой почве возникали противостояния между неверными и мусульманами. Это и приводило к раздору Ферганы, Испиджаба и Бадахшана с жителями Кашгарского Баласагуна и Вахана на религиозной почве»².

Академик Б. Искандаров также не без основания утверждает, что в X в. Шугнан, Вахан и другие владения, хоть и находились под политическим контролем халифата, но ислам не закрепился там окончательно. «Можно предположить, - пишет учёный, - что западные районы Памира – Вахан, Шугнан и Рушан номинально входили в состав владений хорасанского наместничества Арабского халифата в конце IX в. Позднее они стали частью государства Тахиридов и Саманидов. Но эта зависимость не только от Арабского халифата, но даже от Саманидов не была полной. Во главе каждого владения стояли местные потомственные феодалы. В Шугнанае, например, в конце IX в. власть принадлежала Хумор-беку. Во главе Рушана стоял местный правитель, имевший титул дикхан. В Вахане также был свой правитель из местных аристократов.

Однако ислам в IX-X вв. ещё не получил здесь широкого распространения. Население продолжало исповедовать прежнюю религию и исполнять старые культовые обряды. Так, в Вахане ещё существовал храм доисламского происхождения»³.

¹ См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. - С. 177.

² Чаводи Хирави. Таърихи Сомониён (Асри тиллоии Эрони баъд аз ислом) (История Саманидов (Золотой век Ирана после ислама). – Техрон: Амири кабир, 1383. – С. 316-317.

³ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. (X в. –

Но независимо от процесса втягивания в орбиту влияния ислама, главное в это время происходило расширение границы Саманидского государства в пределах Памира. Это создавало благоприятные условия для стабилизации политической обстановки и утверждения ислама во владениях этого горного края.

В исследовании истории Памира и Бадахшана IX-X вв. определяющим является выявление степени политической и территориальной зависимости их от могущественной державы Саманидов.

В этом аспекте одной из ключевых целей является точное определение территориальных границ владений государства Саманидов на Памире. Для этого требуется тщательный сопоставительный анализ данных, найденных в работах современных авторов, а также археологических находок. Тем не менее имеющихся в настоящее время сведений недостаточно для полной реконструкции процесса включения Памира и Бадахшана в государство Саманидов. Кроме того, проведение историографического анализа создаёт дополнительные проблемы, поскольку оно предполагает сравнение различных источников с мнениями исследователей, специализирующихся на изучении истории эпохи Саманидов.

Один из признанных исследователей истории и культуры государства Саманидов, академик Н.Негматов, определяя территориальные показатели государства Саманидов, охватывающие все обширное пространство Мавераннахра и Хорасана пишет: «Саманидское государство включало две крупные страны Центральной Азии и Среднего Востока: Мавераннахр и Хорасан. К Мавераннахру относились все области, расположенные к северу и востоку от Амударьи: Бухара, Самарканд, Уструшана, Чач-Илак, Фергана, Испиджаб, Хафтруд, Кеш Насаф, Чаганиан, Хутталь, Кабадиан, Ахарун, Шуман, Вашгирд, Рашт, Кумед, Бадахшан, Карран, Шикинан, Вахан, Рушан. Не менее крупная часть государства – Хорасан, в широком смысле слова, включала

первая половина XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1983. – С. 35.

область к югу и юго-западу от Амударьи – Балх, Гузган, Гарчистан, Мерв, Герат, Кабул, Бамиан, Гур, Газну, Систан, собственно Хорасан (в узком смысле, с главным городом Нишапуром)»¹.

Автор, давая краткое освещение каждой из этих областей, касательно Памира и Бадахшана в целом поддерживает мнение А. Мандельштама, который опирается на надёжные источники. «В долине Вахандарьи (Верхний Пяндж),- пишет А. Мандельштам,- располагалась область Вахан, её главным городом был Сикашим (Ишкашим), в котором жили как мусульмане, так и последователи древних религий. В Сикашине пребывал «царь Вахана». В Вахане были многочисленные селения, расположенные, вероятно, цепочкой с запада на восток на торговой дороге из Бадахшана в Тибет. К северу от Бадахшана и Вахана располагались области Шикинан (Шугнан), Рушан, Карран (Дарваз) и собственно Памир (по-видимому, Алайская долина)»².

Действительно, как уже отмечалось, вклад А.Мандельштама в изучение древней и средневековой истории Памира и Бадахшана неocenim. Его труд, вышедший в 1957 году, до сих пор остаётся непревзойдённым фундаментальным исследованием. Ни один исследователь, занимающийся историей Памира и Бадахшана, не может не принимать во внимание его труд и другие его работы по этой важной и до сих пор мало разработанной части истории таджикского народа. Без сомнения в то время Мандельштам имел ограниченный доступ к широкому кругу арабо-персидских источников, которые, как уже упоминалось, содержат редкие и разрозненные сведения о Памире и Бадахшане в эпоху Саманидов. Он в основном довольствовался лишь переводами западноевропейских специалистов материалов, содержащихся в серии «Bibliothèque Géographique Arabe» («Библиотека арабских географов»)

¹ История таджикского народа. Т.II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С.341.

² Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). – Душанбе: Дониш, 1977. – С.57; Подробнее о Памирски и припамирских областях см.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. С древнейших времен до X в. н. э. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР. - С. 152-178; Он же: К данным ал-Беруни о Памире и припамирскиобластях // эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. – М., 1967. – С. 186-196; История таджикского народа. Т.II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С.35. .

(BGA). Тем не менее сопоставление его труда с оригинальными и переводными источниками свидетельствует о его высокой эрудиции и научном профессионализме в использовании и цитировании этих материалов.

В связи с тем, что несколько выше, хотя несколько выборочно, дана общая характеристика сведений, имеющих в сочинениях упомянутых авторов, уместно будет сосредоточить основное внимание непосредственно на степень административной зависимости владения Памира и Бадахшана от центральной власти государства Саманидов.

Из содержания сведений, имеющих в исторических и географических сочинениях периода правления Саманидов и последующие периоды средневековья, можно прийти к заключению о том, что владения Памира и Бадахшана находились в состоянии зависимости от центральной власти Саманидов. Но, с другой стороны, сохранение правления этих владений в руках местных правителей, свидетельствует о номинальном их подчинении. К примеру, ал-Якуби в своём сочинении «Книга стран» указывает, что «От Хутталя, дорога в сторону Верхнему Тохаристану ведёт к шахству Хуморбека – правителя Шугнана и Бадахшана»¹.

Уместно заметить, что переводчица указанного сочинения Л.А. Семёнова, в своём комментарии указывает на тюркское происхождения данного правителя. Согласно её мнению, якобы до середины X в. в этом крае сохраняли своё господство тюркские предводители². На наш взгляд достоверность таких выводов, если даже можно сослаться на источник, вызывает большое сомнение. Исходя из логики политических реалий того периода, во главе владения Памира и Бадахшана стояли местные династические представители из коренного населения, на что указывает и вышеупомянутый исследователь Памира Б. Искандаров.

Не вникая в тонкости этого вопроса, можно с уверенностью сказать, что территории Памира и Бадахшана в какой-то мере, пусть и номинально,

¹ ал-Якуби. Книга стран (Китаб ал-булдан) Вступительная статья, перевод, комментарии и указатели Л.А. Семеновой. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 60.

² см.: ал-Якуби. Книга стран (Китаб ал-булдан). – С. 187 (комментарии Л.А. Семеновой - № 303).

сохраняли свою независимость и традиционные религиозные верования. Об этом свидетельствуют данные «Худуд -ул-олам», где указано, что в Сикашиме (Ишкашиме), где находилась резиденция царя Вахана, проживали как мусульмане, так и приверженцы других конфессий (габри).¹

В книге Абуабдуллоха Джайхони (ум. в 942 г.) «Ашкол-ул-олам» Бадахшан упоминается как «небольшой город»² (под городом понимались область или отдельные владения). Это наводит на мысль, что Бадахшан к тому времени не сохранился в прежних пределах или же Джайхони основывался на недостоверных расспросных сведениях. В сочинении Абуисхака Истахри (850-957/58) «Мамолик ва масолик» («Страны и нравы») указывается, что «Бадахшан – есть край, который имеет много городов, провинций и селений»³.

Не вдаваясь в географические особенности Памира и Бадахшана, описанные в имеющихся источниках того периода, уместнее сосредоточиться на изложенных в этих источниках аргументах и точках зрения исследователей относительно степени зависимости горных регионов от центрального правительства Саманидов.

Как уже упоминалось выше, анализ источников и выводы исследователей приводят к однозначному выводу о том, что Памир и Бадахшан входили в территориальные границы государства Саманидов. С другой стороны, слабое влияние ислама и неограниченная власть местных правителей свидетельствуют о непрочности центральной политико-административной власти Саманидов в этом регионе. Другими словами, их зависимость была скорее номинальной.

Вероятно, причиной было следующее: а) географическая изолированность и труднодоступность; б) слабое проявление сепаратизма или его отсутствие; г) незначительная экономическая значимость Памира и Бадахшана для могущественного государства Саманидов.

По имеющимся источникам практически невозможно чётко определить социально-экономическое положение регионов Памира и Бадахшана в эпоху

¹ См.: Худуд-ул-олам . Дар баргардонӣ ва таҳияи Н.Қосимов. – Душанбе, 1983. - С. 76.

² Сомониён дар оинаи таърих. Ҷилди дуввум (мутуни арабиасл).- Хучанд, 1998. – С. 48.

³ Истахрӣ. Мамолик ва масолик. – Техрон, 1961. – С.217.

Саманидов. Приведённые сведения дают лишь ограниченное представление о состоянии сельского хозяйства, которое, за исключением использования орудий труда и развития мелиоративных систем, следы которых обнаружены археологами в республиках Средней Азии, не претерпело существенных изменений по сравнению с ранним средневековьем. Скучные данные письменных и археологических источников дают лишь общее представление о состоянии сельского хозяйства и постепенном внедрении феодальных отношений на Памире и в Бадахшане.

В целом, в государстве Саманидов наблюдались все атрибуты, присущие феодальному обществу. Основная масса земледельческого населения объединилась в сельские общины, состоящие из больших патриархальных и малых семей. Вместе с тем в общине наблюдалось расслоение: выделение из неё категории богатых людей, крестьян среднего достатка и обездолженных зависимых крестьян¹. Говоря о формах владения землёй и процессе их сложения, то анализ имеющегося материала показывает, что уже в IV-VIII вв. в Средней Азии существовали почти все формы землевладения, известные в IX-XII вв.²

«Таким образом, - пишет У. Эшонкулов, - на основе разрозненных сведений письменных и археологических источников выявляется, что земледельцы Хорасана и Мавераннахра IX-X вв. возделывали следующие культуры: зерновые – горох, кунак, маш, просо, пшеница, рис, рожь, фасоль, чечевица, чина, ячмень; масличные – индау, хлопковник, кунжут, лен, мак, оливки; овощи – арбуз, баклажан, дыни, капуста, лук, морковь, огурцы, перец, репа, свёкла, тыква, чеснок и различная зелень; фрукты – абрикос, айва, алыча, виноград, вишня, гранат, груши, джида, инжир, миндаль, орех, персик, слива, тутовник, инаби, черешня, яблоки и др. Кроме них, для текстильного производства, сеяли

¹ История таджикского народа. Т. II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 157.

² Более подр. см.: История таджикского народа. Т. II. – С. 153-155.

много хлопка, льна и красящих растений. Многие из приведённых культур имели по несколько, а некоторые десятки сортов»¹.

Это в прямом смысле относится к Памиру и Бадахшану. «Бадахшан, - пишет Н.Негматов, - делился на рустаки, возделанные под пашни, виноградники и другие культуры. Бадахшан славился прекрасным климатом, великолепными пастбищами, широкими и хорошо обработанными долинами»².

Таким образом, развитие феодальных земельных отношений не могло обойти стороной Памир и Бадахшан. Вместе с тем, природные условия, малоземелье, сохранение патриархальных отношений способствовали сложению характерных особенностей феодальных отношений в данном регионе.

И хотя, в силу ограниченности исторического мировоззрения, средневековые авторы не могли с позиции научного осмысления происходящих процессов анализировать развитие феодальных отношений, их сообщения, основанные на визуальных наблюдениях, служат надёжными источниками для исследователей данной проблемы.

Как уже было сказано ранее, сведения о Памире и Бадахшане достаточно скудны и разрозненны, поэтому и поэтому далеко недостаточны для более полного научного освещения вопроса, тем не менее, тщательный сопоставительный анализ этих данных позволяет обрисовать общую картину социальной жизни населения этого региона.

Исходя из специфики данной работы, следует обратить внимание на социально-экономические аспекты, описанные в историко-географических трудах эпохи Саманидов, а также учесть заключения ведущих специалистов, пытавшихся выявить их источниковую значимость. Следует отметить, что данный подход фокусируется на Памире как на источнике добычи драгоценных камней, драгоценных металлов и их вывоза за пределы Памирских владений.

¹ История таджикского народа. Т. II. – С. 361.

² Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – С.58-59.

В «Худуд-ул-оламе», в частности отмечено, что «Бадахшан – город богатый и место торговцев. В нём добывают золото, серебро, рубин и лазурит. Сюда привозят из Тибета мускус»¹. Примерно такие же сведения приводятся в трактате арабского географа и путешественника X в. ал-Мукаддаси (Макдиси) «Ахсан-ат-такосим фи ма`рифат-ил аколим» («Лучшее распределение для познания климатов»). Упомянув о Бадахшане, автор пишет: «Бадахшан, граница которого примыкает к стране тюрков, находится в верхней части Тохаристана. Там имеются копи драгоценных камней лазурита, кристалла, противоядные и кремнёвые камни»².

Советские исследователи провели сопоставительный анализ разрозненных сведений письменных и археологических источников и обнаружили множество полезных ископаемых и рудников на Памире в эпоху Саманидов. В частности, важные ресурсы для экономического развития и производства, такие как золото, серебро, асбест, рубины, лал (красная шпинель), гранаты, джахонт (возможно, ссылка на драгоценный камень или минерал), хрусталь и лазурит, добывались в Бадахшане с древних времён. Золото, серебро, лал и гранат добывались в Вахане, в то время как рудники в Шугнанае были известны своей добычей серебра и благородной шпинели³.

Подтверждая мнения средневековых и последующих авторов о наличии в Бадахшане и на Памире рубиновых копей А. Борнс писал: «Бадахшан приобрёл большую знаменитость своими рубиновыми копиями, прославившимися с давнего времени и известными делийским императорам. Говорят, что они находятся на берегу Окса, близ Шугнана, при местечке, называемом Гаран»⁴.

¹Худуд-ул-олам (226). Дар тахияи Н.Қосимов. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.68.

²Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-такосим фи ма`рифати-л-ақолим (Лучшее разделение для познания климатов) . – Лейден, 1906. - С.303.

³ См.: Бетгер Е.К. извлечение из книги “Пути и страны” Абу-л-Касима ибн Хаукаля // Тр. САГУ. Археология Средней Азии . – 1957. – вып.3. - № 4 – С. 16-26; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перевод с арабского , комм., иссл. указ. и карты Кайлы Валихановой. Баку, 1986.- С. 139, 337, 338; Бубнова М.А. Древние серебрянные рудники в Шугнанае (Западный Памир), полевые исследования 1971 г. // АРТ. – 1975. – Вып.11 (1971 г.). – С. 236-248; Она же. Изучение памятников, связанных горным промыслом на территории Таджикистана в 1970 г. // АРТ. – 1975. – Вып. 10 (1970 г.) – С. 205-214; Рудник Кух-и-лал // МКТ, 1971. – Вып.2. – С.120-142 и др.

⁴ Борнс А. Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы Александра Борнса. – Часть третья. – М., 1850. – С. 293-293.

“В Бадахшане,- утверждает Н.Негматов,- добывали драгоценные камни – гранат, похожий на красные и ярко-красные рубины (а также их розовые сорта), разрабатывались рудники серебра и золота, высококачественного лазурита, горного хрусталя и асбеста. В Ваханских горах были копи «бадахшанских» гранатов и разных сортов лалов (шпинель), богатые серебряные и золотые рудники. В Карране, Рушане, Шугнани разрабатывались рубиновые и ляпис-лазуревые копи, а также серебряные рудники. В последние годы археологически выявлена крупная рудопромышленная провинция IX-XII вв. на Восточном и Западном Памире, в долине рек Базар-дара, Западный Пшарт и других местах»¹.

При изучении истории горнодобывающей промышленности, особенно добычи серебра на Памире, возникает важный вопрос: как жители таких горняцких поселков, как Базара-Дара и Самаркандак обеспечивали себя продовольствием, учитывая суровые природные условия, не благоприятствующие сельскому хозяйству? Основным источником пищи было мясо, добытое путём охоты на диких животных и выращивания скота и мелких животных. Обширные пастбища помогли частично решить проблему обеспечения продовольствием, но не полностью.

Исследуя возможные пути решения проблемы продовольственного обеспечения горняков, М. А. Бубнова пришла к выводу, что основным источником продовольствия для жителей горняцких посёлков была Ферганская долина. «При раскопках поселения Мунчак-Тепе в ямах-зернохранилищах X-XII вв. были найдены зерна пшеницы, ячменя, проса и риса... Ферганская долина могла обеспечить рудники Восточного Памира практически всеми видами сельскохозяйственных культур. Но это было возможно только в том случае, если бы это было оправдано экономически, то есть если бы туда взамен

¹ Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). – Душанбе: Дониш, 1977. – С.57; См. так же: Беленицкий А.М. Бадахшанский лал // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Труды АН Тадж. ССР. - Т.17. – Сталинабад,1953. – С. 25-3; Бубнова М.А. Рудник Кух-и-лал (к истории бадахшанских лалов) // Материальная культура Таджикистана. – Вып. 2. – Душабе, 1971. – С. 120-142; она же. Изучение памятников, связанных с горным промыслом, на территории Таджикистана в 1970 г. // АРТ. – Вып. 10 (1970 г.). – М.: Наука, ГРВЛ, 1973. – С. 205-214; она же. Древние серебряные рудники в Шугнани (Западный Памир, полевые исследования 1971 г.) // АРТ. – Вып 11 (1971 г.). – Душанбе: Дониш, 1975. – С.236-248.

ввозилось что-то очень ценное. Равноценной и даже блее чем равноценной платой могло быть только серебро или серебросодержащие руды»¹.

Само по себе наличие природных богатств и их использование в производстве не могли развиваться без соответствующих торговых отношений. Хотя торговые сношения между владениями Памира и Бадахшана в основном сохраняли свой меновой характер, но непосредственная причастность к Великому Шёлковому пути свидетельствует о заметной важности места региона в международных торговых связях. Во времена халифата аль-Мамуна на караванном пути на границе Бадахшана и Вахана в одном из узких ущелий были сооружены ворота купцов или Ворота Тибета, в обязанности этого пограничного узлового пункта входил сбор торговых пошлин и обеспечение безопасности следования караванов².

Следует отметить, что в период правления Саманидов и после него экономический потенциал Памира значительно возрос в связи с открытием серебряных рудников в Базар-Даре. Эта ранее неизвестная местность на Восточном Памире, которая обрела известность в начале X века, стала известна своей добычей серебра по всей Средней Азии и за её пределами.

Антропологические исследования могильников в Базар-Даре подтвердили, что останки, обнаруженные там, принадлежали горнякам. Усопшие были представителями памирско-ферганской этнической группы и были отнесены к европейской (европеоидной) расе. «Все базардаринские черепа, – пишет М.А.Бубнова, – чисто европеоидные, без примеси монголоидных черт»³. Это ещё одно веское доказательство, что Восточный Памир с глубокой древности являлся местом обитания арийских племён.

Уместно заметить, что в «Худуд ул-олам» Базар-Дара указана как Самаркандак (Малый Самарканд) и упоминается дважды. Первый раз, когда речь идёт о горах, полезных ископаемых и наличии дорог⁴. Второй раз,

¹ Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – Душанбе: Дониш, 1993. – С. 47.

² Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – С.59.

³ Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – Душанбе: Дониш, 1993. – С. 36-37.

⁴ Худуд-ул- олам. – Составитель текста и автор предисловия А.Хасанов. –Душанбе: Бухара, - С. 21.

упоминает о нём, как о большом селении, в котором живут индусы, тибетцы, ваханцы и мусульмане, и которое является конечной границей Мавераннахра¹.

Главный и пока единственный исследователь истории Базар-Дара М.А. Бубнова (1929-2016) приводит более убедительные аргументы о том, что Самаркандак являлся отдельным центром добычи полезных ископаемых и ремесленного производства. Она поддерживает мнение В.Минорского, указавшего на вероятное местонахождение Самаркандака – район селения Сархад, лежащего на среднем течении Вахан-дарьи, что вполне соответствует его характеристике как пограничного пункта Мавераннахра. «Название его позволяет предполагать, это первоначально была колония, основанная выходцами из Самаркандского Согда»². Что касается происхождения названия Базар-Дара, которое в источниках не упоминается, то автором данного определения является его первооткрыватель М.А.Бубнова. «Таким образом, - пишет учёная, - наше поселение имеет только одно название – Базар-Дара, данное ему нами, и вряд ли когда-нибудь обретёт своё первоначальное название. Хотя, если продолжить раскопки, возможно будет найден единственный, но пока не найденный документ, в котором будет указано собственное наименование нашего поселения»³.

Основной причиной, по которой добыча серебра приобрела большое значение на Памире и привела к появлению горняцких поселений в VIII–XI веках, является истощение серебряных рудников в Средней Азии, что вызвало сокращение производства, имевшего большое значение для экономики региона.

М. А. Бубнова предприняла удачную попытку детально осветить историю Базар-Дары, её места в добычи серебра и появления названия Самаркандак в этой окраинной провинции. Согласно исследованиям учёного, открытие и интенсивное освоение различных регионов Средней Азии, в том числе Илака, Шелджи и Вахана, было обусловлено истощением природных запасов серебра в Афганистане и Иране (Панджшерский и Исфаханский рудники) в VIII–XI вв.

¹ Там же. - С. 70.

² Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – С. 38.

³ Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – С. 38.

Касательно названия Самаркандак Бубнова поддерживает мнения В. Минорского и А. Мандельштама о переселении (не исключено и выселение) опытных горняков в эту местность из Самарканда.¹.

Вышеприведённые факты однозначно свидетельствуют о том, что территориальное пространство государства Саманидов охватывал Памир и Бадахшан. Восточные границы этого могущественного таджикского государства протянулась до границы Тибета. Но в силу упомянутых выше объективных причин владения Памира и Бадахшана не были полностью подчинены центральной власти. Местные владельцы сохранили значительную степень административного контроля. Другими словами, их зависимость от центра была скорее номинальной.

Но это вовсе не означает, что Памир и Бадахшан остались изолированными от значительных преобразований, охвативших центральные регионы государства Саманидов. Независимо от того, с какой точки зрения исследователи его изучают или какие критерии используются для оценки значимости этой великой державы, те, кто подходит к исторической значимости государства Саманидов — намеренно или предвзято — неизбежно сталкиваются с одной неоспоримой истиной: государство Саманидов сыграло ключевую цивилизационную роль в истории Центральной Азии.

Эпоха Саманидов стала периодом завершения формирования таджикского народа и создания могущественной державы, объединившей обширные территории, населённые восточноиранскими и среднеазиатскими народами, т.е. предками таджиков. Таким образом, к X веку была уже налицо территориальная общность складывавшегося таджикского народа. Это однозначно доказано ведущими исследователями, и не нуждается в дополнительных комментариях².

¹ См.: Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – С. 36-39.

² О завершение процесса формирования таджикского народа и его государственности подробнее см: Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя, и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 370-376; История таджикского народа. Т. II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 547-588.

На этом фоне мы ещё раз можем лишь подтвердить истину о прямой причастности таджиков Памира и Бадахшана ко всем этим судьбоносным историческим событиям, происходивших в эпоху Саманидов.

III.2. Политическая обстановка на Памире и Бадахшане в XI-начале XIII вв.

После распада государства Саманидов в 999 г., владения Тохаристан – Бадахшан до возвышения династии Гуридов, если не считать отдельные периоды сохранения свой относительной независимости, оказались под властью тюркских династических правителей.

Хотя имеющиеся источники не дают чёткой и недвусмысленной информации о политической ситуации на Памире и в Бадахшане, тщательный сопоставительный их анализ позволяет в известной степени прояснить общее положение владений этого горного края в постсаманидском пространстве.

Одним из важных источников этого времени является книга «Та'рихи Байхаки» (или «Та'рихи Мас'уди»). Несмотря на отсутствие в этом произведении подробных сведений о завоевании Бадахшана и Памира Газневидами, их подчинение этой династии упоминается неоднократно. Седьмая глава книги, описывающая путешествие эмира Мас'уда из Балха в Газни в конце мая 1031 года, содержит несколько эпизодов, связанных с этим. Отмечается, что Мас'уд, покинув Балх, остановился в роскошном саду одного из своих приближённых, Ходжи Али Макоила, где для него устроили угощения и вручили ценные подарки. Затем Мас'уд приказал своим представителям посетить некоторые области, прежде чем отправиться на охоту и продолжить своё путешествие. Байхаки описывает маршруты этих представителей и районы, которые они посетили, отмечая, что «Хулм¹, Пируз, Нахчир² и Бадахшан посетил Ахмад Алии Нуштагини, назначенный в качестве его

¹ Хулум – владение между Балхом и Тохаристаном.

² По всей вероятности речь идет о Парване и Панджхере, который находился на пути к Балху и Газнин.

представителя в этих областях. В Баглан и Тохаристан отправлен великий хаджиб Билготагин»¹.

В этом разделе книги имеются сведения о поездке эмира Мас`уда из Газни в Кабул 6 октября 1031. После трёхдневного пребывания в Кабуле Мас`уд отправился в Парван, где 5 дней пировал, а затем, перейдя перевал Гузак, отправился к Валволиджу (город в Бадахшане, который находился вблизи Балха). После двухдневного пребывания в этом городе направился в Балх².

Вызывает интерес, что о городе Валволидже, находившемся в Бадахшане, Байхаки упоминает и в восьмой главе своего сочинения. Интерес вызывает причины отправки Мас`удом визиря (ходжаи бузург) Ахмада Хасана в Тохаристан и Балх в 1033 г. Согласно мнению автора, это вызвано тем, что в Хатлоне начались народные волнения, что грозило их распространением и в тех владениях, которые находились в подчинении Газневидов и за их пределами. В частности, опасались, что волнения в Хатлоне могут перекинуться на Кумедж, распространиться до Валволиджа и побережья Пянджа³.

Байхаки снова ссылается на Валволидж, описывая усилия Мас`уда по полному подчинению Балха, учитывая, что административное влияние его представителей там значительно ослабло. В это время туркестанский правитель – Арслан-хан, воспользовавшись случаем, стремился окончательно взять Балх под свой контроль. Чтобы сохранить власть над Балхом, Мас`уд отправил отряд из трёх тысяч всадников из Газни под командованием своего военачальника Олтунташа с приказом, что, если ему не удастся захватить Балх, он должен будет двинуться в Валволидж и занять Тохаристан⁴.

Как явствует из содержания сочинения Байхаки, Валволидж оказавшись в состоянии зависимости Газневидов в Бадахшане не может служить примером, свидетельствующим о зависимости всех владений Памира от Газневидов. По

¹ Хоча Абулфазл Муҳаммад ибни Хусайни Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ (История Байхаки) – Душанбе: Бухоро, 2014. – С. 298-299 (в дальнейшем - Таърихи Байҳақӣ).

² Таърихи Байҳақӣ. – С.338-339.

³ Таърихи Байҳақӣ. – С. 443.

⁴ См.: Таърихи Байҳақӣ. – С.679-681.

всей вероятности, даже признание зависимости не смогло нарушить традиционное административное управление местных правителей. Уместно отметить, что среди исследователей существуют разные мнения относительно распространения власти Газневидов и сохранения независимости памирских владений. «По сведениям письменных источников, - указывает М.А.Бубнова, - на территории Западного Памира были известны области Вахан со столицей в Ишкашине, Шугнан (Ишкинан) со столицей, находящейся на месте современной Рош-Калы (долина реки Шах-Дара) и Рушан. По сведениям тех же источников, эти области имели своих правителей (владельцев) вахан-шаха и шикинан-шаха. Этим, собственно, и ограничена «политическая» история Западного Памира для XI в. Археологические материалы тоже «молчат». Исследование крепостей Рын и Ратм, проведённые А.Д.Бабаевым, не дали материалов, по его мнению, позже X в. Судить по ним о каких-либо социальных, а тем более политических ситуациях на Западном Памире в это время невозможно... Территория Восточного Памира нигде конкретно в средневековых письменных источниках, насколько мне известно не фигурирует, и кому она принадлежала – мы не знаем»¹.

Учёный утверждает, что территория Хоросана нынешнего Афганистана в этот период входила в состав государства Газневидов, но вопрос о вхождении Памира в состав этого государства остаётся не изученным. «Исключить такую возможность для Западного Памира нельзя; для Восточного Памира связь с Газневидами представляется маловероятной»². В этом плане, по мнению исследователя, исключение составляли базардаринские рудники, которые «входили в состав ферганских владений Караханидов, как возможно, и вся территория Восточного Памира в этот период»³.

Таким образом, согласно обоснованному мнению М.А. Бубновой, после падения государства Саманидов владения Западного Памира – Рушан, Шугнан и Вахан могли сохранить свою независимость и ими управляли местные шахи

¹ Бубнова М.А. Древние рудознацы Памира. – С.59-60.

² Бубнова М.А. Древние рудознацы Памира. – С. 60.

³ Бубнова М.А. Древние рудознацы Памира. – С. 61.

(правители). Что касается Бадахшана, то исследователи, основываясь на имеющихся источниках, единодушны во мнении о том, что он был завоёван Газневидами.

К примеру, современный афганский историк Сохибназари Муроди завоевание Бадахшана Газневидами воспринимает как однозначную историческую истину. Согласно его твёрдому убеждению, Газневиды объявили себя полновластными покорителями Хорасана, в качестве столицы своей державы избрали г. Газна. Бадахшан считался административной частью государства Газневидов¹.

После падения государства Саманидов в истории таджикского народа особая роль принадлежит государству Гуридов, в состав которого входили владения Памира и Бадахшана. Это вначале малозаметное государство, сложившееся в пределах горного Гура (север Хорасана) в VIII в., по воле исторических реалий XII-начала XIII вв., могло расширяться в пределах всего Хорасана, южной части Мавераннахра и Северной Индии. Другими словами, Гурский эмират со временем превратился в великий султанат с центром в Фирузкухе.

Основателем государства Гуридов являлся Шинасб, положивший начало династии Шинасбанидов, представители которых управляли этой в последующие периоды огромной державы до её распада в 1215 г. «Гуриды, – пишет Н.Амиршохи, – сыграли важную роль в истории Хорасана и внесли весомый вклад в политическую, экономическую и культурную жизнь обширного региона. Политическую историю Гура можно разделить на два периода: первый, когда Гуром правили местные правители – эмиры; второй – время, когда власть в Гуре была полностью сосредоточена в руках султанов, объединивших соседние государства вокруг Фирузкуха, и создавших мощную державу»².

¹ Сохибназари Муродӣ. Бадахшон дар таърих (Бадахшан в истории). Чилди дуввум. – Кобул, 1390. – С. 646-647.

² История таджикского народа. – Том III. – XI-XV века. – Душанбе:Дониш, 2013. – С. 89.; Более подробно см.: Давлатдории тоҷикон дар асрҳои XI-XIV. Пораҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб (Таджикская государственность в XI-XIV веках. Отрывки из «Равзату-с-сафа» и других книг). Мураттиб ва муҳаққик

В период возвышения Гуридов (1149-1215 гг.) Бадахшан находился в составе этого таджикского государства. Б.Г. Гафуров, основываясь на достоверных источниках писал: «Гуридские султаны представляли собой большую силу. Они имели в своём распоряжении значительное войско, включавшее в себя племенные ополчения. Кроме того, они пользовались поддержкой таджикской феодальной знати горных областей Бадахшана и бассейна Амударьи. К концу XII в. гуриды присоединили к своим владениям южные области нынешнего Таджикистана и Узбекистана, в частности области Вахш, Чаганиан, Шугнан, Вахан»¹.

Не вдаваясь в подробности изложения истории государства Гуридов, считаем уместным вкратце остановиться на историографии вопросов, касающихся вхождения владений Памира и Бадахшана как составной части данного государства, которого исследователи по праву считают таджикским.

В этой связи следует отметить, что несмотря на отсутствие специально посвящённых истории государства Гуридов сочинений средневековых авторов, нельзя не заметить ценность тех фрагментарных сведений, которые имеются в ряде трактатов, ставших достоянием зарубежных востоковедов и отечественных историков, изучающих историю Средней Азии в целом и таджикского народа в частности.

Среди источников, содержащих важные сведения о государстве Гуридов особо выделяется книга Мухаммада Сираджуддина Джузджони (род. в 1193) «Табакоти Носири» («Насыровы разряды»), семнадцатая и восемнадцатая главы которой посвящены истории династии Шинасбанидов – правителей государства Гуридов. О вхождении Памира и Бадахшана в состав этого довольно обширного таджикского государства, в данном сочинении, в частности, пишется: «Алоуддин как освободился от мести газнинцам и разрушения дворцов Буста, в котором находилась постоянная резиденция Махмуда (1150 г.) из Гура, направил свои войска в Тохаристан, и немало

Нурмухаммади Амиршоҳӣ. – Душанбе: Амри илм, 1999. – С. 435-439.

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя, и средневековая история. – С.395.

усилий приложил для покорения его владения. Знаменитости (умаро) Гура в этих сражениях показали чудеса храбрости. Если это видел Рустами Дастон (мифический всепобеждающий богатырь – герой из «Шахнаме» Фирдоуси – М.П.), сочинил бы в их честь хвалебную оду. После покорения их городов на трон Бомиёна посадили Фахруддин Масуда. Фахруддин, вскоре завоевав соседние и дальние государства Шугнана, Тохаристана, пределы Дарваза, Булура и окружности Туркестана до Вахша и Бадахшана, всё приводил в покорность»¹.

Джузджони в своей книге, повествуя о деятельности представителей династии Шинасбанидов (Гуридов), уделяет внимание периоду правления старшего сына Фахруддини – султана Шамсиддина. В частности, отмечено, что его власти были подчинены «все страны Тохаристана. Затем он завоевал Балх, Чаганиан, Вахш, Джурум, Бадахшан и горы Шугнана... После него (в 1210 – М.П.) трон занял Султан Бахаутдин (ибн Гиёсуддин – М.П.) Сом. Он был великим шахом, с большим уважением относился к учёным, по законам справедливости управлял государством»².

Согласно имеющимся сведениям, период наивысшего подъёма государства Гуридов приходился на годы правления братьев Гиясуддин Мухаммада (1163-1202) и Шихобудин Мухаммада (1174-1206). Это могущественное государство, почти одно столетие (вторая половина XII-начала XIII вв.) на всем пространстве Центральной Азии и Индии имело определяющее влияние. При правлении Гиясудина управление Газны, Кабула, Гардеза, Нанганхара и индийских территорий с центром в Газне были переданы эмиру Шихабуддину; Бамиян, Тохаристан, Бадахшан и Балх стали уделом малика Фахруддина и его сыновей. Остальные территории, включая предгорья Гура, Гарчистана, Гератской долине, Нишапур, Систан управлялись султанами

¹ Давлатдории точикон дар асрҳои XI-XIV. Пораҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб. Мураттиб ва муҳаккик Нурмухаммади Амиршоҳӣ. – Душанбе: Амри илм, 1999. – С. 491-492, 499-502.

² Давлатдории точикон дар асрҳои XI-XIV. – С. 503-504

Фирузкуха. Несмотря на наличие двух центров – в Бамиане и Газне, все же функции столицы сохранился за Фирузкухом¹.

Когда Шихабуддин Гурид одержал в Индии несколько побед, Гиясуддин установил свою власть в Мавераннахре и Иране. В числе покорённых им областей оказались Западный Памир и Бадахшан². В.В. Бартольд, интересуясь отношением государства Гуридов к Бадахшану, писал: «Во второй половине VI/XII в. Тохаристан (в широком смысле, с Бадахшаном) находился под властью боковой ветви династии Гуридов, резиденция которой находилась в Бамиане и которая, подобно другим ветвям этой династии, была устранена в начале VII/XIII в. хорезмшахом Мухаммедом»³.

В последние годы правления Шихабуддина и Гиясуддина участились дворцовые интриги и междоусобицы, что ослабило центральную власть. В это же время хорезмшах Алауддин Мухаммад укрепил свою власть в Хорезме и начал сопротивляться династии Гуридов. Он обвинил престарелого Гиясуддина в том, что тот не поддержал его в войне против Караханидов. Ибн ал-Асир приводит текст письма Алауддина Мухаммада Гиясуддина.: «Я надеялся, что ты заменишь мне отца, окажешь мне помощь в борьбе против кара-китаев и изгонишь их из моей страны. Так как ты этого не сделал, то по крайней мере, не вреди мне, захватывая мои земли. Я жду, что ты вернёшь всё, что захватил у меня. Иначе я разгромлю тебя с помощью кара-китаев и других тюрок, так как ты уже стар, чтобы захватить мою страну»⁴.

Требование «вернуть земли» указанное в письме основывалось на том, что в прошлом Гуриды, неоднократно нападая на подвластные Хорезму земли, присоединили их к своим владениям⁵. К середине 1208 г. Хорезмшах Алауддин

¹ Сарханг Поянда Мухаммад. История Афганистана от арабского нашествия до тюркских сельджукидов. 6 Кабул, Изд-во Кабульского университета, 1385 (1987). См. так же: Хабиби А. Таърихи мухтасари Афғонистон аз замонҳои қадим то то хуруҷи Чингиз ва ҳудуди 600 х.қ. (Краткая история Афганистана с древнейших времен до ухода Чингиза и около 600 г.х.) – Т. I. – Кабул, 1346 х.ш. – С.141-163; История таджикского народа. – Том III. – XI-XV века. – С. 95-96.

² История таджикского народа. – Том III. – XI-XV века. – С. 93.

³ Бартольд В.В. Бадахшан. Статьи из «Энциклопедии ислама» //Сочинения. – Т. III. Работы по исторической географии. – М.: Наука, 1965. – С. 344-345.

⁴ Ибн ал-Асир. Комили таърихи бузурги ислом ва Эрон. Тарҷумаи Абулқосим Холат. – Техрон, 1315. – С.83. Цитата приводится по История таджикского народа. – Т. III. XI-XV века – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 94-95.

⁵ Ибн ал-Асир. Ал Комил фит-таърих (Полный свод всеобщей истории). – Т. 9. – Каир, 1983. – С.256-257.

Мухаммад покорил весь Хорасан. Гуридское государство фактически лишилось главных стратегических центров своего государства. Следует отметить, что в результате заговора в 1208 г. Гисуддин II был убит. Занявшие трон после него султаны, сменяя друг друга долго не могли удержать власть. В 1215 г. Мухаммад Хорезмшах захватил Газну, а вскоре овладел всем Гуром. Таким образом, некогда могущественная гурская держава, ядро которого составляли горные таджики, перестала существовать.

Образование и расширение государства Хорезмшахов связано с событиями, происходившими после падения Саманидов в Мавераннахре. В силу закономерностей, присущих феодальному обществу, таджики, теперь лишившиеся политической власти, оказались под игом чужеродных им представителей кочевых тюркских племён – Караханидов, Сельджукидов, Каракитайцев, Газневидов и Хорезмшахов¹. Хотя Памир и Бадахшан напрямую не входили в сферу политической власти кочевых правителей, их тяжёлое негативное воздействие на жизнь и быт горного населения было неизбежным. Можно предположить, что многие таджики, спасаясь от кровавых событий и преследований кочевых правителей, искали убежища в горных районах, в том числе и на Памире, что само по себе говорит о многом. Таджикские горцы, подвижные природной щедростью и гостеприимством, радушно приняли своих собратьев, поделившись с ними и без того скудными запасами продовольствия и предоставив им кров.

Учитывая специфику данной работы, нет необходимости подробно анализировать деятельность правителей Хорезмшахов, история которых насыщена событиями, связанными с их завоеваниями и насильственными захватами чужих территорий. История Хорезмшахов достаточно подробно изложена в ряде солидных трудов и исследований учёных республик Средней

¹ О политическом положении Мавераннахра и Хорасана после падения государства Саманидов до нашествия монголов более подробно см.: История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга первая. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. – С. 238-278; Гафуров Б.Г. Тадики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 387-446; Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинов 1097-1231 гг. – М.: Наука. 1986; История таджикского народа. – Т. III. XI-XV века – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 29-173.

Азии¹, основанных на сведениях известных средневековых историков. Что же касается связи Памира и Бадахшана с государством Хорезмшахов, то об этом имеются лишь эпизодические упоминания. Поэтому, несмотря на их ограниченность, целесообразно проследить степень влияния этого государства в годы его военно-политического могущества на историю Памира и Бадахшана. В этой связи следует отметить, что тщательное сопоставление аргументов источников и выводов ряда авторитетных исследователей приводят к убеждению, что Памир и Бадахшан не могли остаться в стороне от завоевательных действий Хорезмшахов.

Действительно в то время, накануне нашествия монголов в Среднюю Азию, держава Хорезмшаха охватывала обширную территорию Мавераннахра, Хорасана, всего Ирана (кроме Хузистана). Она простиралась от Аральского моря и низовьев реки Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге, и от Памира и Сулаймановых гор на востоке до гор Загроса на Западе². В данной ситуации о полном сохранении независимости владения Памира и Бадахшана не могло быть и речи.

Однако вероятность прямого военного вторжения и занятия Мухаммадом Хорезмшахом Вахана, Ишкашима, Шугнана, Бадахшана и других территорий Памира остаётся сомнительной. Дело в том, что отправка крупных армейских сил в этот отдалённый горный регион, не приносящий экономической выгоды, считалась нецелесообразной.

Тем не менее, угроза нападения оставалась актуальной. Именно поэтому местные правители были вынуждены признать свою зависимость от центральной власти хорезмшахов, отправляя посольства и делая дорогие подарки. Таким образом, они сохраняли свой административный суверенитет.

¹ История Узбекской ССР. Т. I. Книга первая. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. – С. 238-278; Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинов 1097-1231 гг. – М.: Наука. 1986; История таджикского народа. – Т. III. XI-XV века – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 29-173; См. также: Давлатов М. Сопротивление таджикского народа монгльскому завоеванию (1219-1221 гг., по средневековым восточным и западным письменным памятникам). – Душанбе: Деваштич, 2007. – С. 66—108.

² История таджикского народа.- Т. III. XI-XV века. – Душанбе: Дониш, 2013. – С.119.

Исходя из этой логики, можно сделать вывод, что их зависимость была лишь номинальной. Однако это не означает, что традиционный уклад жизни этих владений остался нетронутым. Сам факт серьёзного нарушения торговых отношений с соседними владениями или более крупными государствами свидетельствует о существенном ухудшении социально-экономической ситуации в этом горном регионе.

Что касается дальнейшей судьбы государства Хорезмшахов, то, несмотря на свою державную мощь, оно как конгломерат различных племён и народов не могло оказаться вне действия закономерностей, приводящих к распаду подобных государств. Действительно, состав населения этого обширного государства был пёстрым. Он состоял из разных иранских и тюркских народностей. Не сложившиеся как народ множество кочевых племён, враждовали между собой и фактически не признавали верховенства центральной власти. Мухаммад Хорезмшах, уверенно считавший свою державу могущественной и всесильной в военном отношении, в действительности, в ходе нашествия Чингисхана не смог организовать достойное сопротивление, сравнительно легко отдал страну на растерзание завоевателям.

III.3. Памир и Бадахшан в период владычества монголов в Средней Азии (начала XIII – первой половине XIV вв.)

Этот период считается одним из самых драматичных в истории народов Средней Азии, особенно для таджиков. Историография трагедии, связанной с кровавым нашествием монголов и установлением их жестокой власти, как в странах Азии, так и в Восточной Европе, чрезвычайно обширна. Она начинается с периода становления Монгольского государства и жестоких деяний его основателя Чингисхана в конце XII — начале XIII века.

В условиях сложившихся политических обстоятельств и необходимости создания централизованного государства, в начале XIII века возникло мощное Монгольское государство, созданное силой и кровью под руководством

Чингисхана. За сравнительно короткий срок ему удалось создать одно из самых мобильных войск того времени, основанное на железной дисциплине¹.

Широкий простор для завоевательских действий Чингисхана открыло присоединение им Северного Китая к монгольскому государству. После успешного похода полководца Чингисхана – Джебэ в 1218 монголы заняли Баласагун, столицу Семиречья, а затем Кашгарию². Чингисхан, уже, будучи уверенным в своём военном превосходстве, вынашивал план нападения в Среднюю Азию. Этому предстоящему походу он придавал особое значение и готовился к нему крайне серьёзно. Катализатором этой давно вынашиваемой цели Чингисхана стала так называемая «Отрарская катастрофа». Это и стало поводом к началу нашествия монголов в Среднюю Азию. В 1219 г. Чингисхан, захватив город Отрар, в начале 1220 г. с основными силами предпринял поход на Бухару.

Несмотря на отчаянное сопротивление местного населения, которого удалось жестоко подавить, войско Чингисхана в начале 1220 г. овладело Бухарой. Несмотря на тщательную подготовку Хорезмшаха Мухаммада к обороне Самарканда, он, потерпев окончательное поражение, бежал и скрывался на одном из островов южной части Каспийского моря. Затем, после взятия ряда крупных населённых пунктов, монгольские войска осаждали Худжанд, обороной которого руководил наместник султана Ала ад-дина Мухаммада, бесстрашный таджик Темурмалик, нанёсший ряд ощутимых ударов захватчикам. В неравных боях, когда потерял много своих храбрецов, Темурмалик с остатками своих верных воинов отступая, организовал оборону Хорезма. Соединившись с отрядами сына хорезмшаха Мухаммада-Джелалуддина, они смогли нанести серьёзный урон войскам монголов.

Продолжая свои завоевательные походы, занял Термез, вступив на территорию Хоросана, в 1221 г. разрушил Балх. Одновременно монгольские войска, возглавляемые сыновьями Чингисхана, несмотря на 6-месячное

¹ Чувайни Атомалик. Таърихи Чахогушой (История мирозавоевателя). Барориши Мухамад Қазвини. – Қ.І. – Техрон, 1385 х. – С.238.

² Чувайни Атомалик. Таърихи чахонкушой. Бо энътимому тасхеи Қазвини – Қ.І. – Техрон, 1337. – С.194.

сопротивление завладели столицей Хорезма Гурганджем (Ургенч). Таким образом, монголам удалось создать мощное государство и поработить на долгое время народы, проживающие на их чрезвычайно обширном территориальном пространстве¹.

Источниковед Н. Амиршохи, опираясь на сведения Джувейни, Ибн ал-Асира, ан-Насави, Рашид ад-Дина и др. примерно определил страшный масштаб геноцида городов Мавераннахра и Хорасана: Отрар, Бухара, Самарканд, Сыгнак, Худжанд, Термез, Узгенд, Балх, Ниса, Мерв, Кангурт, Нишапур, Герат, Таликан, Бамиян и др. Он установил примерное число убитых, основную массу которого составляли таджикское население в 10000000 человек².

Этот трагический период в истории народов Центральной Азии и за её пределами естественно не мог оставаться без внимания всех средневековых хронистов и историков-востоковедов последующих поколений.

К числу первых источников, содержащих сведения о процессе образования монгольского государства и завоевательных походах Чингисхана, относятся записи китайских путешественников и хроники историков, непосредственно наблюдавших за ходом событий. Например, среди записей китайских путешественников интерес представляют сведения отшельника Чан-Чуна³, «Сокровенное сказание» Юань-Чао-Би-Ши¹, в котором повествуется о

¹ Подробно о завоевательных военных походах Чингисхана, его преемников, созданное им огромное государство и порабощение народов проживающих на этом чрезвычайно обширном пространстве см.: Григорьев В.В. История монголов от древнейших времён до Тамерлана. – СПб., 1834; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. – Т. I. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С.45-597; Якубовский А.Ю. Мавераннахр и Хорезм под монгльским игом в XIII в. // История народов Узбекистана. – Т. I. С древнейших времен до начала XVIв. (Глава III). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. – С. 306-324; Он же: Образование монгольского государства, завоевание монгольским государством Средней Азии и вторжение татаро-монгольских захватчиков в Закавказье и Восточную Европу // Очерки истории СССР. Период феодализма IX-XV вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 791-828; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 447-453; Турсунов Н.О. Хафт хони темурмалик. Таджикоти илими. Семь подвигов Темурмалика. Научное исследование. – Худжанд: Хуросон, 2003; Давлатов М. Сопротивление таджикского народа монгольскому завоеванию. (1219-1223 гг., по средневековым восточным и западным письменным памятникам). – Душанбе: Деваштич, 2007; История таджикского народа. – Том III. XI-XV века. – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 246 – 389; Пирумшоев М.Х. Памир в период владычества монголов в Средней Азии (начало XIII- первой половины XIV) // Историк . - №2(34) 2023. – С.130-137 и др.

² Ниг.; Давлатдории тоҷикон дар асрҳои XI-XIV. Пораҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб. Мураттиб ва муҳаққик Нурмухаммади Амиршоҳӣ. – Душанбе: Амри илм, 1999. – С. 313; История таджикского народа. – Т. III. XI-XV века. – Душанбе: Дониш, 2013. – С.306-307.

³ Сюю Цзи или описания путешествия на запад. (Перевел с китайского с примечаниями архимандрит Палладий

покорении Чингисханом Северного Китая, Туркестана, Багдадского халифата и Руси.

В историографии, посвящённой завоеваниям Чингисхана и его ближайших преемников, особое место занимают труды таких современников этих трагических событий, как Ибн аль-Асир (1160-1234), автор многотомной хроники «Аль-Камиль фит-та'рих» («Полный свод истории»)², Мухаммад ан-Насави (ум. 1249/50), служивший секретарём последнего представителя династии хорезмшахов Джалалуддина Манкбурни и написавший «Сират ас-султан Джалалуддин Манкбурни» («Жизнь султана Джалалуддина Манкбурни»)³, а также Минходжа Сироджа Джузджани (1193-1259), создавшего двухтомный труд «Табакоти Носири» («Носириовы таблицы»)⁴.

Трактат Ибн аль-Асира в общем содержит ценный материал по важнейшим событиям истории Средней Азии, в том числе связанным с завоеванием края Чингисханом. Следует отметить, что он не был непосредственным участником событий, связанных с нашествием монголов в Среднюю Азию. Написал этот раздел своей книги по расспросным сведениям, по рассказам очевидцев событий. Тем не менее, его сведения, касательно походов монголов в Туркестан, Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Газну, Гур проливают свет в важных деталях этих трагических событий⁵.

В отличие от Ибн аль-Асира, Насави, будучи личным секретарём султана Джалалиддина Манкбурни, принимал непосредственное участие в событиях, связанных с монголами. Его враждебность к монголам отразилась в подробном описании их кровавых действий.

// Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – Сочинения. – Т. IX. – СПб., 1866.

¹ Юань-Чоу Би-Ши. Сокровенное сказание. – Т. I. – Кн.2. Перевод С.А.Козина. – М.-Л., 1941; См. так же: Юань-Чоу Би-Ши. Чингизхан и его империя. – Алматы, 2006.

² Ибн ал-Асир. Ал-Комил фит-та'рих . Полный свод истории. Перевод с арабского языка , примечания и комментарии П.Г.Булгакова. – Ташкент: Узбекистан, 2006.

³ Ан-Насави Шихаб ад-дин Мухаммад. Сират ас-Султан Джала ад-Дин Манкбурни. – М., 1996.

⁴ Минхочуддин Усмон ибни Сирочуддин, маъруф ба Минхоч Сирочи Чузчони. Табақоти Носири. Матни интиқодии Абулчайи Хабиби. – Ч. I. – Кобул 1342 ; Ч. II. – Кобул, 1343.

⁵ Давлатов М. Сопrotивление таджикского народа монгольскому завоеванию – Душанбе: Деваштич, 2007. – С. 9-10.

Что касается сочинения «Насировы таблицы» Джузджани, то его отец занимал высокий государственный пост. Это и послужило тем, что султан Гура Муизуддин Мухаммад ибн Сом назначил его казием в Индии. Сын и преемник Муизиддина Гиясуддин вернул его в Фирузкух, назначив главным казием и хатибом государства Гуридов. Таким образом, Джузджани вырос и получил соответствующие воспитания и знания при гуридском дворе. Затем переселился в Индию и служил при дворах султанов Насируддина Кубочи, Шамсуддина Илтутмиша (1211-1235), Бахрамшаха (1239-1241) и Насируддина Махмуд-шаха (1246-1265) на разных государственных высоких должностях. Книга как указано выше, посвящена Насируддину Махмудшаху и состоит из 23 разделов, начиная от повествования древних святых, древневосточных правителей, пророков, халифов династии Аббасидов, Тахиридов, Саффаридов, Саманидов, Дайламидов, Сельджукидов и др. В заключительных главах имеются важные и сравнительно достоверные описания трагических событий, связанных с нашествиями монголов.

Уместно отметить, что ценные сведения о завоевательных походах и расширении государства монголов имеются в сочинениях последующих средневековых авторов как: находившийся на службе монгольских завоевателей – Джувайни (1226-1283) – «Та`рих-и Джахангушай» («История миропокорителя»), Фазлалах ал-Хамадани (ок.1247-1318) – Джоме` ат-таворих» («Сборник летописей»), Шибангарай (1297/98-1335/36), Мухаммад бин-Банокати – «Та`рихи Банокати» («История Баноката»), Шараф ад-Дин Али Йазди (умер в 1454 г.) – «Зафарнома» («Книга побед»), при участие Мирзо Улугбека в 1425 г. завешена работа «Та`рихи арба`-улус» («История четырёх улусов»), Мирхонд (1433-1498) – «Равзат ус-сафо фи сифат ал-анбиё в-ал мулук ва-л хулафа» («Сад чистоты, относительно жизни пророков, царей и халифов»), Хондамир (XVI в.) – «Хабиб ас-сияр фи-ахбар ва-л-афрад ал-башар» («Друг жизнеописаний в известиях об отдельных людях») и другие.

В этой связи следует отметить, что они в качестве источника (несмотря на компилятивный характер некоторых из них) широко использованы

несколькими поколениям исследователей-востоковедов, в той или иной мере причастные к изучению средневековой истории Центральной Азии. В свою очередь, историографическому анализу их работ так же посвящено немало серьёзных исследований¹. Поэтому, нет необходимости углубляться в определение степени вклада каждого автора к данной, слишком обширной и сложной, проблемы.

Исходя из задач, поставленных во главу угла данного исследования, следует лишь ограничиться выявлением заслуги тех авторов, которые в той или иной мере интересовались причастностью этих событий, к истории Памира и Бадахшана в эпоху монгольского владычества в Средней Азии.

Памир, вернее часть его – Сарыкуль – накануне военных действий между Чингисханом и Хорезмшах Мухаммадом упоминается в некоторых источниках. Это связано с преследованием главы племени наймана Кучлука, который, спасаясь бегством в Семиречье, на развалинах кара-китайской державы от Семиречья до Кашгара, основал своё государство. Войска Чингисхана во главе с Джэбэ в 1218 г., согласно сведениям Рашид ад-Дина, настигли Кучлука и казнили его в Сарыкуле². Но это не может быть прямым доказательством занятия этой части Памира монголами.

В.В. Бартольд недвусмысленно утверждал, что «Бадахшан не был затронут монгольским нашествием и до IX/XV в. оставался под властью местной династии»³. Б.Г. Гафуров, подтверждая мнение В.В.Бартольда пишет: «Из районов, населённых таджиками, не были завоёваны монгольскими войсками лишь Бадахшан и некоторые прилегающие к нему горные княжества

¹ Более подробно об источниковедческо-историографическом анализе нашествия монголов и борьба таджикского народа против этих поработителей см.: Давлатов М. Сопроотивление таджикского народа монгольскому завоеванию – Душанбе: Деваштич, 2007. ? с.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I. – Книга первая. Пер. Л.А.Хетагурова. – М.,-Л., 1952. – С.194; Кн. Вторая. – С. 179.; См. так же Джамал Карши. Мулхакат ас-Сурах. Перевод с арабского и примечания А.Саидова . – Душанбе: Ирфон, 2006 – С.42.

³ Бартольд В.В. Бадахшан. Статьи из «Энциклопедии ислама» //Сочинения. – Т.III. Работы по исторической географии. – М.: Наука, 1965. – С. 345.

Восточного Таджикистана, а так же некоторые местности в Гуре, защищённые сильными крепостями»¹.

Но, имеющиеся сведения в сочинениях средневековых авторов, утверждают обратное. Например, Джувайни в «Истории завоевания мира» пишет: «Как Чингисхан освободился от разрушения Тирмиза, направился в Кангурт и Саман. Оставаясь в течении зимы, он путём убийств, грабежей очистил этот край от ненавистных противников. После направил войска в область (вилоят) Бадахшана, и из крови убитых в этом крае, земля уподобилась обогранным светом яхонты или бадахшанский рубин»².

В «Джами` ат-таворих» («Собрания летописей») Рашид-ад-Дина (1247-1318) указано, что в 1218 г., преследуя кара-китайского хана Кушлук наймана, Чингисхан вдогонку за ним послал Джебе Найона, настигшего хана в пределах Бадахшана и убившего его в ущелье Сарыкол³. В другом месте своего сочинения, Рашил-ад-Дин упоминает о том, что после взятия и разгрома Термеза в 1221 г., Чингисхан послал войска для покорения Бадахшана и его округа. Ему удалось подчинить их «частью ласкою, частью силою»⁴. О том, что Бадахшан находился под властью монголов свидетельствует факт дислокации их войска в Кашмире, Балхе и Бадахшане в середине XIII в.⁵.

Другим фактом, подтверждающим захват Бадахшана монголами, являются сведения, приведённые в сочинение историка Мухаммад Юсуфа Мунши (XVII в.) «Мукимханская история» («Таърихи Мукимхони»). Автор, хорошо знакомый с источниками свыше четырёх столетий спустя этих событий, в период его службы при дворе Мухаммада Мукимхана в Балхе, которому посвятил своё сочинение (написано в 1697-1707 гг.), указывает, что

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 452.

² Чувайни Атомалик. Таърихи чахонкушой. Бо эхтимоми тасхеи Казвини – Қ.І. – Техрон, 1337. – С.68.

³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т.І. – Кн.2. Перевод с персидского О.И. Смирновой. Примечания Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой. Под редакцией А.А.Семенова. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1952. – С. 179-180, 183.

⁴ Пирумшоев М.Х. Памир в период владычества монголов в Средней Азии (начало XIII- первой половины XIV) // Историк . - №2(34) 2023. – С.130-137

⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т.ІІІ. Перевод с персидского А.К. Арендса. Под редакцией А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С. 69.

Чингисхан после завоевания Термеза и его разрушения в 1218-1219 захватил Балх и Бадахшан¹

Указанные факты приводят к однозначному выводу о том, что Бадахшан не мог стоять в стороне от нашествия монголов. Это подтверждается и современным историком Афганистана С. Муроди. Ознакомившись с мнением В.В. Бартольда, учёный так же утверждает, что этот во всех отношениях выдающийся востоковед, по всей вероятности не был знаком с сочинением Джувайни. Для большей убедительности своего мнения, С.Муроди пишет, что в период нашествия монголов Бадахшан являлся частью Тохаристана. Развалины города Хамчан около аэропорта современного Файзабада и всеобщее истребление населения Рустака убедительно свидетельствует о том, что Бадахшан был втянут в пучину кровавого нашествия монголов².

Сын Чингисхана Тулу, назначенный наместником в Хорасане, завладел большей его частью. После захвата городов Мерва и Герат, вступив в Бадахшан, разрушил его до основания. Так же поступил с обустроенным, богатым городом Хамджан и другими районами, находившимися на его пути, продолжал поход в сторону Талекана.

В ходе взятия Талекана, Бамияна и Тохаристана (Бадахшана), войска монголов встретились с ожесточённым сопротивлением местных жителей. Население Рустака (Валволидж) и Талекана было перебито после семимесячного героического сопротивления лютому врагу. В Бамиане после подавления многомесячного сопротивления монголы проводили массовую резню не только по отношению населения, но и всех живых существ, попадавшихся им на глаза³.

¹ Мухаммад Юсуф Мунши. Мукиманская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели А.А. Семенова. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. – С.46; См. в оригинале: Мухаммад Юсуф Муншӣ. Тазкираи Мукимонӣ. (Тасхеҳ ва таҳқиқи Фариштаи Саррофон). – Техрон, 2001. – С. 75-76.

² Муродӣ С. Бадахшон дар таърих. – Ҷ. дуввум. - Кобул: Интишороти Хайём, 1388. – С.692.

³ См.: Муродӣ С. Бадахшон дар таърих. – Ҷ. дуввум. – С.693-695; Давлатов М. Сопротивление таджикского народа монгольскому завоеванию. – Душанбе: Деваштич, 2007. – С.326-329, 350-351.

Чингисхан, завоевав Тохаристан, назначил в качестве своего наместника эмира Казгана или Кадгана, который назвал эту обширную область своим именем Кадаган, в последствие получивший название «Катаган».

Опираясь на источники, Г. Гоибов указывает, что в XII-XIV вв., правителями Тохаристана, Хатлона и Бадахшана являлись представители монгольских эмиров, которые враждовали между собой¹.

Волна нашествия монголов не доходила до владения Дарваза, Ванджа, Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана, вследствие бездорожья и труднодоступности. Но, это вовсе не означает, что эти владения не испытывали трудности и лишения. Спасавшиеся от поголовного истребления со стороны монгольских варваров, таджики были вынуждены поселиться в горных, малопригодных для жизни территориях. «Масштабы миграции, – пишет У.Эшонкулов, – были так велики, что следы проживания их встречаются даже в наиболее суровой и высокогорной части Ягноба, Матчи, Искодара, западных горных районах Памира: Ванджа, Вахъё, Дарваза и других ущельях... Таким образом, монгольское нашествие привело не только к уничтожению большой территории равнинной области Мавераннахра, но и к массовому уходу таджиков в горную зону. Горные же ущелья в связи с приходом равнинных таджиков были перенаселены, что, в свою очередь, привело к дефициту продуктов питания, сырья для производства и т.д.»². Но гостеприимные горные таджики смогли выдержать все тяготы жизни. Многие переселенцы, так и остались на постоянном проживании в горах.

Таким образом, имеющиеся сведения приводят к заключению о том, что в XIII– середины XIV вв. большая часть Бадахшана, оказавшаяся под властью монголов, испытала все кровавые драматические невзгоды, которые по воле

¹ Гоибов Г. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. (Таърихи сиёси ва ҳуҷрофи) – Душанбе: Дониш, 2006. – С. 269-270.

² Более подробно см.: История таджикского народа. Том III. (Период развития феодального общества). – Душанбе: Дониш, 2013. – С.372-375; Пирумшоев М.Х. Памир в период владычества монголов в Средней Азии (начало XIII- первой половины XIV) // Историк . - №2(34) 2023. – С.130-137

исторической реалии той эпохи выпала на долю всех таджиков Мавераннахра и Хорасана. Даже те владения Западного Памира, которые остались в стороне от завоевательных действия монголов, не смогли избежать этих тяжелых испытаний.

Но это отнюдь не означает, что Бадахшан полностью и безвозвратно потерял свою независимость на протяжении всего полуторавекового существования власти монголов в Средней Азии. Судя по имеющимся сведениям, за этот период власть неоднократно переходила в руки представителей местных династических управлений. По наблюдениям Марко Полов 70-х годах XIII в., власть в Бадахшане находилась в руках местных правителей. В частности он указывает, что «в Баласиане (Бадахшан) народ мусульмане. Большое царство. Цари наследственные, произошли они от царя Александра и дочи царя Дария... В той области водятся драгоценные камни балаши (рубин); красивые и дорогие камни... Роят пещеры в горе Шикхинан (Шугнан) и добывают тамбалаши по царскому приказу, для самого царя... Посылает их царь со своими людьми другим царям, князям и знатным людям: одним как дань, другим по дружбе; продаёт он их также за золото и серебро... В этой стране есть и другие горы, где есть камни, из которых добывается лазурь; лазурь прекрасная, самая лучшая в свете, а камни, из которых она добывается, водятся в копиях, также как и другие камни»¹. Эти сведения, основанные на личных наблюдениях Марко Поло, однозначно подтверждают о самостоятельном управлении местных владетелей на Памире и Бадахшане. Вахан в то время находился в подчинении Бадахшана².

Это подтверждается содержанием нумизматических данных, относящихся к XIV в. Например, в Таласском кладе обнаружены монеты

¹ Минаев И.П. Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста. Изд. ИРГО, под ред. В.В.Бартольда. – СПб., 1902. – С. 63-64.

² Путешествие Марко Поло. – С. 67-68. О Путешествие Марко Поло более подробно см.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб, 1879. – С. 70-76.

бадахшанского чекана, что может свидетельствовать о фактически независимом управлении представителей местной династии¹.

Что касается политической обстановки на Западном Памире, то нет прямых показателей распространения власти монголов в этой части Памира. На наш взгляд, причинами тому являлись, прежде всего географическая изолированность и бездорожье, лишавшие возможность монголам направлять через труднопроходимые ущелья, соответствующий для покорения края контингент войска, трудности восполнения необходимого продовольственного запаса для организации такого похода, а также опасения в горных условиях встретиться с сильным противостоянием местного населения.

Однако нельзя исключать, что местные правители Дарваза, Ванджи, Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана, опасаясь возможного нападения монголов после взятия ими Бадахшана, признавали их политическое влияние и даже формальную зависимость. Это могло проявляться в форме уплаты дани, даров или выполнения поручений. Например, хотя нет никаких свидетельств того, что войска Чингисхана или его отряды пересекали территорию Дарваза, это не означает, что это горное владение оставалось полностью вне поля зрения завоевателя.

В селение Кулумбаи Боло, на протяжённости двух километров сохранились следы добычи золота. Согласно преданиям, передававшим из поколения в поколение местным людям, здесь представители Чингисхана развернули производство золота, насильственно используя труд местного населения. Разумеется, этот пример не может служить достоверным источником или аргументом, свидетельствующим о прямом административном подчинении Дарваза монгольским завоевателям, но наводит на предположение его номинальной зависимости².

¹ Массон М.Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов(по поводу Таласского клада монет XIV в.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. Археология Седней Азии. Ташкент: Изд-во САГУ, 1957. – С.85-95.

² См.: Пирумшоев Х. Таърихи Дарвоз (аз қадим то замони муосир). – Душанбе: Ирфон, 2008. – С. 32.

В результате анализа имеющихся сведений можно сделать вывод, что Бадахшан не избежал нашествия монгольских войск и пережил все трагические события, связанные с жестокими действиями этих иноземных захватчиков. Что касается Западного Памира, то хотя он и не подвергался прямым нападениям, но все же ощутил на себе сильное влияние монгольских нашествий на соседние страны и независимые владения. Имеющиеся источники дают основания для твёрдого предположения о том, что степень зависимости местных владетелей от власти монголов была не более чем номинальной. Это давало им возможность местным властям сохранить сложившиеся веками свои традиции административного управления.

III.4. Степень освещения истории Памира и Бадахшана во второй половине XIV- XV вв.

Несмотря на создание обширного централизованного государства, монголы, исходя из действия закона непрочности конгломеративного управления, присущего древним и средневековым державам, не могли надолго и прочно удержать под своей властью огромные пространства. Этому не помогло принятие ими ислама, концентрация вокруг себя представителей духовенства и поддержки крупных местных феодалов, а также купцов. Уже в первой половине начали усиливаться дворцовые интриги и сепаратистские движения представителей тюркской аристократии. Всё это происходило на фоне усиления эксплуатации трудового народа, что постоянно служило поводом к выступлению против бесчинства монгольской административной власти и произвола местных феодалов.

Монгольские власти, потомки Чагатая, исчерпав свои возможности управлять сравнительно стабильно, фактически потеряли своё политическое влияние в Мавераннахре. В создавшейся ситуации все тяготы и неурядицы в социально-экономической жизни региона падали на плечи местного таджикского населения. Желая ослабить напряжение и несколько стабилизировать положение, хан Моголистана Туглук Тимур, который с целью

покончить с усиливавшимися распрями между монгольскими эмирами покинул Мавераннахр и перебрался в Моголистан. Но, в 1360 г. он вновь решил вернуться, чтобы положить конец междоусобицам и укрепить свою позицию в Мавераннахре¹.

Используя сложившиеся обстоятельства, на арену политической борьбы выходит Тимур – сын одного из представителей монгольского племени барлоса Тарагая, перешедшего как и многие другие соплеменники в начале XIV в. к осёдлости в долине Кашкадарьи. В 17 лет он был взят на службу правителем Мавераннахра Казаганом, а после его смерти в 1358 г., когда в Мавераннахре усилились смуты и беспорядки, Тимур в качестве предводителя различных разбойничьих шаяк в Кеше и его окрестности занимался набегами и грабежами².

Начиная с 1360 г. Тимур удалось объединить вокруг себя своих соплеменников из рода барлоса. После занятия Самарканда и Кеша ханом Моголистана Туглук-Тимуром, Тимур, изъявив свою преданность, поступил к нему на службу, где за усердную службу был назначен правителем Кеша. Но вскоре авантюристические интересы Тимур привели его к тайному сговору с правителем Балха эмиром Хусейном, против Туглук-Тимура. С намерением захватить власть, они подняли мятеж, но, потерпев поражение, бежали в Систан, где могли создать сравнительно мобильное войско. Совершив поход в 1364 г. в Мавераннахр им удалось одержать победу над войсками сына Туглук-Тимура, Ильяс Ходжой³.

Этим им удалось временно установить свою власть в Мавераннахре. Но весной 1365 г. Ильяс Ходжа с большим войском совершил поход на Мавераннахр. В разгоревшийся между Ташкентом и Чиназом битве, получившей название «Джанги лой» (Грязевая битва) Ильяс Ходжа одержал

¹ История таджикского народа. Том III. (Период развития феодального общества). – Душанбе: Дониш, 2013. – С. . 422-425.

² История таджикского народа. Том III. (Период развития феодального общества). – Душанбе: Дониш, 2013. – С. . 428-434.

³ Там же: . 434

победу¹. Хусейн и Тимур с оставшимися воинами отправились в Самарканд, а затем в Кеш. Понимая свое бессилие в борьбе с вражескими силами, они решили бросить население города на произвол судьбы и бежать в Балх.

Тем временем, обстановка накалялась до предела, горожане, которые называли себя сарбадарами (готовыми пойти на виселицу), под руководством ученика медресе Мавлана-заде организовали оборону города. На призыв Мавлана-заде мужественно бороться против ненавистных монголов, откликнулись около 10 тысяч жители города и его окрестностей. Отчаянные попытки Ильяс-ходжи окончились для его войска поражением. Потеряв большую часть своего войска, он вынужден был покинуть пределы Мавераннахра.

Власть в Самарканде и его окрестностей перешла в руки сарбадаров. Хусайн и Тимур, узнав об этом, весной 1366 г. со своим войском подошли к Самарканду. Обманным путём они вошли в доверии сарбадаров, сумели захватить власть. Для окончательного обеспечения своей безопасности по приказу Хусейна были казнены все организаторы и вдохновители победоносного освободительного движения сарбадаров, кроме Мавлана-заде за которого заступился Тимур².

При взятии Самарканда, и начале их правления, политический перевес эмира Хусейна был очевидным. Он, кроме Самарканда, считался правителем Балха, Кундуза, Хулма и Кабула. Тимур оказался лишь владельцем Кеша и Карши. Их отношения постепенно ухудшались и достигли крайней степени враждебности. Воспользовавшись случаем, Тимур организовал переворот в Самарканде в 1370 году, в результате которого Хусейн был убит³. После этого Тимур стал эмиром всей Мавераннахра и выбрал город Самарканд столицей своего государства. Постепенно накапливая политическую и военную мощь, он

¹ Там же: . 437-440.

² История таджикского народа. Том III. (Период развития феодального общества). – Душанбе: Дониш, 2013. – С. . 441-446.

³ История таджикского народа. Том III. (Период развития феодального общества). – Душанбе: Дониш, 2013. – С. . 447.

начал проводить завоевательную политику, направленную не только на Мавераннахр и Хорасан, но и на другие регионы.

Кровавые захватнические деяния Тимура, несмотря на панегирический характер их основной части и порой противоречивости оценки его личности, отражены в многочисленных сочинениях современников, которые являлись непосредственными исполнителями его воли при написании хроники его действий. Эту традицию продолжали и последующие поколения средневековых историков. К их числу относятся авторы трактатов: «Зафарнаме» («Книга побед») Низамуддина аш-Шами (ум. 1431 г), написанная по поручению самого Тимура, «Зафарнаме» Шарафуддина Али Йезди (ум. 1454 г.), «Зайл и джами ат-таварих-и Рашиди» («Дополнение к собранию истории Рашиди»), Хафиз-и Абру (ум. В 1430 г.), «Рӯзномаи ғазовоти Ҳиндустон» («Дневник похода Тимура в Индию») Гиясуддина Али, «Матла` ас-Са`дайн ва маджма` ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых звёзд и место слияния двух морей») Абдураззака Самарканди, написанная с 1467 по 1471 гг., «Равзат ас-сафа фи сират ал-анбиё ва-л-мулук ва-л хулафо» («Сад чистоты в жизнеописаниях пророков, царей и халифов») Мирхонда Мухаммада ибн Хованшаха (1433-1498 гг.), «Хабиб ас-сияр» («Друг жизнеописаний») Хондемира, написанный в 1521- 1524 гг., «Таърихи Рашиди» («История Рашиди») Мирза Мухаммада Хайдар Доглата (XVI век), «Бабурнаме» Бабура Захириддина Мухаммада и др¹.

В этой связи следует особо отметить ценность сочинения Абулаббаса Ахмада ал-Ханафи известного под псевдонимом Ибн Арабшах (1389-1450) «Аджайиб ал-макдур фи ахбори Тимур» («Странности судьбы в истории Тимура») написанного в 1436/37 г. Арабшах родился в Дамаске, в двенадцать лет он вместе с семьёй оказался в плену армии Тимура при захвате Сирии и вывезен в Самарканд. Спустя три года после смерти Тимура в 1408 ему удалось прибыть в Хорезм и оттуда в 1412 через Крым добраться до Турции, где он

¹ См.: История таджикского народа. Том III. (Период развития феодального общества). – Душанбе: Дониш, 2013. – С. . 422-451.

десять лет служил при дворе османского султана Мухаммада I. Ибн Арабшах был непосредственным свидетелем событий, связанных с завоевательскими походами Тимура, сопровождавшимися невиданными злодеяниями в отношении народов завоёванных стран. Описания событий он доводит до 1436 г. т.е. периода правления ближайших преемников Тимура. Арабшах отличается от других авторов сочинений тем, что он сравнительно беспристрастно и правдиво пишет о кровавых деяниях Тимура¹.

Историография эпохи Тимуридов обширна и всегда находилась в поле интересов средневекowych историков, западноевропейских, русских востоковедов, советских исследователей средневекового периода, а также современных историков. Особый вклад в изучение этого периода внесли европейские востоковеды. Начало этому положили Руй Гонсалес де Клавихо², и Иоганн Шильтбергер³, а также более поздние исследователи, такие как Эдвард Гиббон, Ф. Шлоссер, Г. Вебер, Л. Каен, М. Брандт, Э. Шмидт, Г. Шурц и другие⁴, в той или иной степени осветившие исторические реалии того трагического периода. В этом плане особую ценность представляют исследования Жан-Поля Ру⁵, В.Люсьена⁶. Уместно также упомянуть о заслугах иранских и афганских исследователей А.Зарринкуба⁷ и М.Губара⁸, С.Муроди⁹ и др.

В историографии периода Тимуридов особая заслуга принадлежит русским и советским исследователям. По сути, начало научного изучения

¹ См.: Ахмад ибни Мухаммад ибни Арабшоҳ. Зиндагии шигифтовари Темур (Ачойбу-л-мақдур фи ахбори Темур. Мутарчим Мухаммад Али Начоти. Баргардонанда ба хати кирилли А.Муродзода. Зери назари Хамза Камол – Душанбе: ЭР-граф, 2018.

² Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403-1406 гг.). – М., 1990. – 211 с.

³ Иоган Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 года.. Перевод с старонемецкого Ф.К.Бруна. Издание, редакция и примеч. З.М.Буниятова. – Баку: Элм, 1984.

⁴ См.: Турсунова Г.Н. Из истории изучения деяний Амира Темура в Западной Европе и России // Ирано – Славика. – М., 2006. - № 1. – С. 46-49.

⁵ Жан-Поль Ру. Тамерлан. – М., 2007.

⁶ Лусиен Б. (Люсьен Б.). Таърихи муғулҳо. Темириён. Тарчумаи форси, М.Бехфурузи. – Техрон, 1384 х.

⁷ Заринкуб Абдулхусайн. Таърихи Эрон аз оғоз то сукути салтанати Пахлави (Истоия Ирана от начала до распада царства Пехлеви). – Техрон, 1383 г.ш.

⁸ Губор Мирғулум Мухаммад. Афғонистон дар масири таърих (Афганистан на пути истории). Барориши 7-ум. – Техрон, 1383 г.ш.

⁹ Муроди Сохибназар. Бадахшон дар таърих. - Ч.I-II. – Кобул: Интишороти Хайём, 1390 х. (2011 м.)

данной проблемы положил академик В.В. Бартольд. В своих трудах автор на основе первоисточников аргументированно высказывает мнения о предпосылках и причинах прихода Тимура к власти, его завоеваниях, создании жёсткой централизованной власти, а также социально-экономическом положении и культурной жизни Мавераннахра и Хорасана в период правления его преемников.¹

Об особом внимании к эпохе Тимура и тимуридов в советской историографии следует судить по работам исследователей А.Ю. Якубовского², Б.Г. Гафурова³, А.М. Беленицкого⁴, В.М. Массона, В.А. Ромодина⁵, Н. Махмудова⁶ и др. Это так же довольно заметно прослеживается в таких сводных, обобщающих трудах как «История Узбекской ССР»⁷ и «История таджикского народа»⁸.

Новый этап в исследовании истории периода Тимуридов начался после распада СССР и обретения республиками региона государственной независимости. Причиной тому, на наш взгляд, является стремление отдельных историков из соседней братской республики определить особое место Тимура не только в региональном, но и в мировом масштабе. В этом плане явно прослеживается абсолютизация личности Тимура, как выдающегося полководца и государственного деятеля. При этом, на передний план выводят только его «созидательную» деятельность, и этим желают скрыть невиданные

¹ См.: Бартольд В.В. История Туркестана // Сочинения. – Т. II. Общие работы по Средней Азии. – Кн. 1. – М.: Изд. Восточной литературы, 1963. – С. 109-166; Бартольд В.В. Народное движение в Самарканде в 1365 г. // Сочинения Т. II. – Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – С. 362-379; Его же: Улугбек и его время. – Там же. – С. 25-119; Мир Али-Шир и политическая жизнь. – Там же. – С. 199-260.

² Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах. – Л., 1933; его же Государство Темура // История Узбекской ССР. – Т. I. – Ташкент, 1967. – С. 435-508.

³ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 476-517..

⁴ Беленицкий А.М. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV-XV) // Историк-марксист. - № 4. – 1941.

⁵ Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. – Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. – М.: Наука, 1964.

⁶ Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV-XV вв. – Душанбе: Дониш, 1966.

⁷ История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга певая. – Ташкент: Изд. АН УзССР, 1956. – С. 313-379.

⁸ История таджикского народа. – Т. III. XI-XV вв. – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 422-451.

до той поры злодеяния, которые он совершил в отношении покорённых народов¹.

Для других, в частности таджикских исследователей, которые в основном исходя из позиции подлинного историзма, на основе достоверных источников, стремятся создавать подлинную картину эпохи, история не может оправдать страшный геноцид Тимура в отношении населения, захваченных им территории, в том числе и таджикского народа.²

Не вдаваясь в подробности анализа тех противоречий, которые прослеживаются в вышедших за последние три десятилетия исторических работ в этом направлении, дабы не выходить за рамки требований настоящего исследования, следует ограничиться лишь упоминанием содержания третьего тома из фундаментальной 6-томной «Истории Таджикского народа», в которой три последних главы посвящены анализу истории Мавераннахра и Хорасана периода Тимуридов.

Следует отметить, что в отличие от других увидевших свет работ, в той или иной степени относящихся к истории Тимуридов, в данном исследовании, на основе достоверных источников, более детально анализируются предпосылки и причины прихода к власти Тимура, его кровавые деяния, и вместе с тем, освещены основные параметры административного управления, социально экономического положения и культурной жизни Мавераннахра и Хорасана периода Тимуридов³.

Разумеется, события, связанные с периодом управления обширными территориями Мавераннахра, Хорасана и далеко за их пределами, не могли оставить в стороне владения Памира и Бадахшана. Степень втягивания в водоворот событий периода Тимура и тимуридов Памира можно определить при тщательном анализе содержания имеющихся источников.

¹ См.: Ахмедов Б.А. Сохибкиран Тимур (Владыка Тимур). – Тошкент, 1996.; Ахмедов Б.А., Мукминова Р.Г., Пугаченкова Г.А. Амир Темур. Жизнь и общественно-политическая деятельность. – Ташкент: Университет, 1999; Турсунова Г.Н. Амир Темур. Основные этапы деятельности (1360-1405 гг.). – Худжанд: Хуросон, 2006. – 200 с.; Пирумшоев М., Артыков А. Памир и Бадахшан во второй половине XIV-XVI вв.//Историк.- №1(37) 2024. – С.108-116

² См: История таджикского народа. – Т.III. XI-XV вв. – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 422-451.

³ История таджикского народа. – Т.III. XI-XV века. – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 422-549.

Как отмечено выше после того, как эмир Хусейн и эмир Тимур совершили совместный поход в Гиссар, его правитель Баён Сулдуз спасся бегством в Бадахшан. Преследуя его, они приближались к Бадахшану. Шах Бахоуддин без сопротивления покинул Бадахшан, и он оказался под властью эмира Хусейна¹.

В этом отношении особую важность представляет тот факт, что, находясь под властью эмира Хусейна, местное население, не желая примириться, продолжало борьбу за восстановление власти прежних представителей династии местных шахов.

В 1367-1368 гг. вспыхнуло восстание, охватившее весь Бадахшан. Для его подавления эмир Хусейн и Тимур снова совершили поход в Бадахшан. Низомуддин Шоми касательно данного похода пишет, что в очередной раз Хусейн и Тимур во главе войск совершили поход в Бадахшан. Эмир Хусейн в местности Кишм во главе войска поставил своего сына Джахонмалика и отдал в распоряжение Тимура, который преследовал отступившего шаха Алии Бадахшани. После нанесения ему поражения, Тимур велел разграбить его табуны лошадей и отары овец. Тимур, учитывая благополучное для себя обстоятельство, дал распоряжение о захвате всей области².

В этой связи следует отметить, что в одной из операций в ходе преследования оказавших сопротивления местных отрядов, Тимур вместе со своей небольшой охраной (всего 13 бойцов) забрался на вершину горы Добон, чтобы пересечь дорогу нескольким людям, продолжавшим оказывать сопротивление. В это время им на помощь подоспел отряд из 50 вооружённых лиц. Разгорелась схватка, к сопротивляющимся присоединились ещё 20 человек. В этой схватке Тимур чудом спасся от верной смерти от рук бадахшанских «тожиков» (таджиков)³. Прибыв к месту сражения, посланник местного владетеля смог остановить инцидент, объяснив, что они имеют дело с самим Тимуром. Впоследствии, вспоминая это, Тимур

¹ Ғоибов Ғ. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. (Таърихи сиёси ва ҳуҷрофи) – Душанбе: Дониш, 2006. – С. 269-270.

² Низомуддини Шоми. Зафарнома. Баргардонандаи матн А.Муродзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2019. – С.90.

³ Низомуддини Шоми. Зафарнома.– С.90.

говорил: «Из всех моих сражений и всё то, что довелось испытать, по степени трудности нельзя сравнить с этим»¹.

Одержав победу, Тимур ненадолго задержался в Бадахшане. Эмир Хусейн сделал крепость Балх своей постоянной резиденцией, что вызвало недовольство Тимура. Это стало одной из причин растущего недоверия между ними, перешедшего в открытую вражду. В результате Тимур захватил и разрушил Балх, а эмир Хусейн погиб².

Г. Гоибов выделяет три основные причины, приведшие к открытому конфликту Тимура и эмира Хусейна: 1) чрезмерная жадность Хусейна, требовавшего от правителей подчинённых ему областей выплаты непомерных налогов в его казну; 2) подстрекательство враждебно настроенных вельмож к противостоянию сторон; 3) каждая из сторон стремилась взять в свои руки всю полноту власти в Мавераннахре³.

Судя по имеющимся сведениям в источниках, Тимур до восшествия на престол и после, неоднократно совершал походы в Бадахшан. «В момент своего возвышения, - пишет Б. Искандаров, - Тимур не раз совершал походы в районы левобережья Амударьи. Он нередко достигал Балха, Кундуза, Бадахшана, доходил до Кабула и разорял эти районы»⁴.

О зависимости Бадахшана от Тимура ещё накануне восшествия его на престол Мавераннахра свидетельствует факт присутствия владетеля Бадахшана шаха Шайхмухаммада на церемонии коронации Тимура в качестве эмира (1369-1370)⁵. В этом плане можно предположить, что он хотя и был ставленником Тимура, но нельзя исключить вероятности принадлежности его к местному династическому роду.

О том, что Бадахшан находился в подчинении эмира Тимура, можно судить по сведениям, имевшим в «Книге побед» Шарафуддина Али и Язди. В частности,

¹ Пирумшоев М., Артыков А. Памир и Бадахшан во второй половине XIV-XVI вв.//Историк .- №1(37) 2024. – С.108-116

² См.: Низомудини Шоми. Зафарнома. – С.96-102.

³ Гоибов Ф. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. – С. 277.

⁴ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. X в. – первая половина XIX в.). - Душанбе: Дониш, 1983. – С. 44.

⁵ Гоибов Ф. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. – С.285.

там указано, что эмир Тимур, готовясь к войне с Тохтамишханом, собрал войско со всего Мавераннахра, в том числе из Бадахшана, Хатлона и Гиссара¹.

Бадахшан после смерти Тимура также находился во власти его преемников. По имевшимся сведениям, бадахшанский владетель Бахоутдин стремился получить полную независимость от власти Тимуридов при Шохрухе (1409-1447), но эти попытки не увенчались успехом. Бадахшан при правлении других представителей Тимуридов оставался в положении зависимости от них². Известно, что Шохрух, назначив своего сына Улугбека владетелем Мавераннахра, сам вернулся в Герат. То, что Бадахшан считался частью его владений, нетрудно заметить по сведениям, имеющимся в сочинениях Хондемира и Абдураззака Самарканди. В них, когда речь идёт о подготовке к походу в Герат, указывается, что сын Улугбека – Абдулатиф мобилизовал войска, находившиеся в Хатлоне, Кундузе, Баглане, Арханге, Сарае до Бадахшана и районах долины реки Мургаб, присоединив их к войскам своего отца в 852 г. (1448/49) и им удалось одержать победу³.

В 1451 г. власть в Мавераннахре перешла в руки правнука Тимура (внук Мираншаха) – султана Абуса`ида. Он не скрывал желания распространить свою власть и на Хорасан, правителем которого был сын Байсункуры (внук Шохруха) – Абулькасим Бабур. Только после смерти последнего в 1457 г. Абуса`иду удалось лишь на время объединить Хорасан с Мавераннахром и в качестве столицы избрать Герат.

После смерти Абуса`ида (1469 г.) правление Мавераннахром перешло к его старшему сыну Ахмад султану, который до этого был наместником в Самарканде и Бухаре. В этой связи уместно отметить, что в это же время наместником Термеза, Чаганиана, Гиссара, Хуталана, Кундуза и Бадахшана протянувшихся до гор Гиндукуша, являлся третий сын Абусаида – Махмуд

¹ Шарафуддин Али Язди. Зафарнома. Подготовка к печати, предисловие примечания и указатели А.Урунбаева. – Ташкент: Фан, 1972. - Л.199 а.

² Материалы по истории Туркмении и туркмен. Труды ИВ АН СССР. – Т.1. – М.,-Л.: Издание АН СССР, 1939. – С.520.

³ См.: Гоибов Ф. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. – С. 299-300

султан¹. Описывая события 1494–1495 гг., Захируддин Бабур, указывает, что султан Махмуд мирза «два раза ходил походом в Кафиристан, в южной части Бадахшана»². Фактически подтверждая это, Хафиз-и Таныш указывает, что за султан Махмудом мирза была закреплена власть над Хисаром, Кундузом, Багланом, Хутталяном и Бадахшаном³.

В своё время Абуса`ид своего четвёртого сына – Умара Шейха назначил наместником Ферганы, Ташкента и Сайрама. Впоследствии границы его правления ограничились лишь Ферганой, Худжандом и Ура-Тюбе⁴. Умар Шейх по стечению обстоятельств, умер 8 июня 1494 г. Захируддин Бабур так описывал причину его смерти: «В этом году в понедельник четвёртого числа месяца рамазана Омар Шейх Мирза вместе голубями и голубятней полетел в овраг и умер. Прожил он тридцать девять лет»⁵.

О нахождении Бадахшана в состоянии зависимости последних представителей Тимуридов, в частности Захируддина Мухаммеда Бабура имеются ценные сведения в его «Бабурнаме» («Записки Бабура») ⁶.

Как известно, под влиянием естественного процесса, характерного для феодального способа производства и выразившегося в бесконечных дворцовых интригах, сепаратизме, братоубийственных войнах, разрушавших экономику, они усугублялись и в конце концов довели до политического кризиса в бывшей могущественной империи Тимура в конце XV — начале XVI века, а затем наступил полный крах.

Не вдаваясь в подробности процесса усиления всеобъемлющего кризиса государственной власти Тимуридов, уместно вкратце проследить причины

¹ Захируддин Бабур. Бабур-наме. Перевод М. Салье. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – С. 39 (л. 26 б).

² Пирумшоев М., Артыков А. Памир и Бадахшан во второй половине XIV-XVI вв.//Историк .- №1(37) 2024. – С.108-116

³ Хафиз-и Таныш. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Перевод с персидского, введение, примечания и указатели М.А.Салахетдиновой. – Ч.1. – М.: Наука, 1983. – С.81.

⁴ Там же. – С. 18 (л.8а).

⁵ Захируддин Бабур. Бабур-наме. Записки Бабура. Перевод М. Салье. Ответственный редактор и автор предисловия С.А. Азимджановой – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. –С.40; Хафиз-и Таныш. Шараф-нама-йи шахи. Перевод с персидского, введение, примечания и указатели М.А.Салахетдиновой. – Ч.1. – М.: Наука, 1983. – С.16 (л. 6 б).

⁶ Захируддин Бабур. Бабур-наме. Записки Бабура. Перевод М. Салье. Ответственный редактор и автор предисловия С.А. Азимджановой – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 530 с.

сохранения власти последних представителей Тимуридов в Бадахшане, опираясь в основном на сведения такого надёжного источника как «Бабурнаме». В это время надёжные рычаги власти всё больше ускользают из рук Тимуридов, а в Средней Азии в конце XV — начале XVI вв. укрепляется власть кочевников-даштикипчаков во главе с Шейбани-ханом.

Вышеприведённые факты, недвусмысленно свидетельствуют о том, что накануне завоевание Средней Азии шейбанидами и в ходе его, Бадахшан продолжал находиться под властью Тимуридов, но согласно содержанию источников, она фактически не выходила за рамки условности или номинальной зависимости.

После окончательного поражения от Шейбанидов, Бадахшан как бы ещё долго оставался надёжным форпостом Тимуридов в их борьбе против Шейбанидов. Благодаря такому стечению обстоятельств, последнему тимуриду, боровшемуся за сохранение династической власти – Захируддину Бабуру, после поражения от Шейбанидов, удалось сохранить своё верховенство в Бадахшане, и затем ему суждено было утвердить власть Тимуридов под названием «Великие моголы» в Индии.

О месте Бадахшана в политической жизни последних Тимуридов после падения их государства в Мавераннахре и Хорасане, свидетельствуют многократные упоминания Захируддина Бабура о нём. В частности, в «Бабурнаме» указано, что младшая дочь чингизида Юнус хана – деда Бабура по материнской линии, Даулат Султан Ханум «во время беспорядков в Ташкенте досталась сыну Шебани хана Тимур Султану. У неё была от него одна дочь. Вместе со мной (с Бабуром) они ушли из Самарканда. Три – четыре года они провели в области Бадахшана, после чего отправились в Кашгар, к Султану Са`ид хану»¹.

Этот эпизод встречается и в «Таърихи Рашиди» (История Рашиди) Мирзо Мухаммеда Хайдара Дуглота. В частности, он указывает, что младшая дочь Юнус хана Даулат Султан Ханум, содержавшаяся в гареме Тимур Султана ибн Шахибек хана, теперь оказалась среди развалин Ташкента. Бабур, заняв

¹ Захируддин Бабур. Бабур-наме. – Л. 12а. – С.22.

Самарканд, объявил себя законным шахом. Во время своего похода в Кабул, Бабур, взял с собой Давлат Султан Ханум и отправил её вместе с другим её племянником Мирза ханом (Увайс мирза) в Бадахшан, который в то время считался его правителем. Там её пышно встречали. Прожив некоторое время, Даулат Султан Ханум переселилась в Яркенд. Вернувшись из похода против киргизов, Мирза хан поспешно с многочисленными племянниками отправился в Яркенд, чтобы навестить любимую тётю. Все радовались этой встрече. Она до конца жизни пользовалась особым уважением, как близких родственников, так и всего населения Яркенда¹.

Это свидетельствует о том, что после утверждения власти Шейбанидов, ещё долгое время вплоть до 1584 г. Бадахшан оставался во власти Тимуридов. Согласно сведениям, приведённым тем же Мирзо Мухаммедом Хайдаром Дуглотом, после занятия трона в Самарканде Бабур мирза, назначил своего двоюродного брата по материнской линии Мирза-хана (он же, Ханмирза или султан Вайс) правителем Гиссара, Бадахшана, Кундуза, Термеза и Хутталана.

Мирза-хан продолжал управлять Бадахшаном и частью Хутталана с центром в Кал`аи Зафар (на левобережье р. Пяндж) до самой смерти – 926 г.х. (1519/20), успешно защищая целостность своего владения от нашествия узбеков². После смерти Мирза-хана, Бабур, опекавший его сына Сулайман-шаха, взял с собой в Кабул. Правителем Бадахшана назначил своего сына Хумаюна³. По истечении некоторого времени, Бабур вызвал Хумаюна в Индию с намерением держать его при себе в качестве наследника трона, на его место правителем Бадахшана назначил некоего Факира Али. Но этот бездарный правитель, не сумел обеспечить надёжную защиту вверенного ему владения.

Это вызвало недовольство населения и вынудило Хумаюна поспешно отправить из Кабула в Бадахшан своего младшего брата Хунбал-мирза. Узнав об этом, Бабур отозвал его и назначил правителем данного владения Сулайман-

¹ Мирзо Мухамад Хайдари Дуглот. Таърихи Рашиди (История Рашиди). – Тасхеги Аббоскули Гаффорифар. – Техрон: Мероси мактуб, 1373 (2004 м.). – С. 512-513.

² Мирзо Мухамад Хайдари Дуглот. Таърихи Рашиди. – С. 348.

³ Там же. – С.553.

шаха¹. Следует отметить, что согласно данному источнику в 951 г.Х. (1544/45) Хумаюн был вытеснен из Хиндустана. Пробыв некоторое время в Кабуле, он совершил поход в Бадахшан, заняв место Сулайман-шаха. Но несколько позже Хумаюн вновь вернул к власти Сулайман-шаха². Таким образом, согласно имеющимся сведениям, власть представителей династии Тимуридов в Бадахшане продолжалась до 1584 г.

В этой связи уместно отметить, что, согласно мнению авторитетных исследователей, зависимость Памира и Бадахшана всё же была номинальной. В частности, знакомство с источниками, привело Б. Искандарова к заключению о том, что до прихода к власти в Средней Азии Шейбанидов, «Бадахшан имел некоторую самостоятельность, номинально находясь в подчинении династии Тимуридов»³. При этом учёный указывает на прямую причастность владений Западного Памира к этим событиям. В частности, опираясь на сведения, имеющиеся в «Та`рихи Рашиди» Мирзо Мухаммад Хайдар Дуглата, своё мнение обосновывает тем, что после Султан-Махмуда Бадахшаном управлял его сын Султан Мирза (Мирзо-хан), ставший летом 1518 полновластным правителем Бадахшана и подчинивший Гунт, Парваз (очевидно Дарваз), Ша-и-Шугнан, населённые пункты Рушана. Захватив приграничную территорию между Бадахшаном и Ваханом, своим центром он избрал крепость Зафар. После его смерти (1520 г.) владельцем страны стал его сын Сулайман, которого усыновил султан Бабур. Затем правителем Бадахшана был сын Бабура – Хумайюн, которого в 1528–1529 г. Бабур отозвал в Индию и на его место снова назначил Сулаймана. Согласно мнению учёного, в этот период владения Вахан, Зебак, Ишкашим то входили в состав Бадахшана, то отделялись от него⁴.

В плане изучения истории средневекового Памира и Бадахшана, нельзя не заметить значимость «Очерков истории Бадахшана» Т. Г. Абаевой⁵. Хотя автор и

¹ Там же. – С. 553-555.

² Пирумшоев М., Артыков А. Памир и Бадахшан во второй половине XIV-XVI вв.//Историк.- №1(37) 2024. – С.108-116

³ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. – С.46.

⁴ Там же. – С. 46-47.

⁵ Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – Ташкент: Наука, 1964. – 164 с.

хотела в основном сосредоточить своё внимание лишь на истории левобережного Бадахшана, но естественно не могла отделять её от общего контекста истории других владений, входивших в общее географическое пространство Памира. В этой связи, автором уделено особое внимание в определение степени политико-административной зависимости Бадахшана от власти Тимуридов. Автор, опираясь на надёжные источники, главным образом на «Бабурнаме», сравнительно подробно описывает основные политические перипетии, связанные с подвластным подчинением Бадахшана Тимуром и его наследниками.

Т. Г. Абаева достаточно убедительно отмечает важное стратегическое и экономическое значение пространства Памира в разгоревшейся борьбе между Тимуридами и Шейбанидами. В частности автор, верно заметила, что их стремлениям присоединить Бадахшан к своим владениям в XV в. противостоял бадахшанский мир Баха ад-Дин, который пытался освободить свою страну от тимуридской зависимости ещё при правителе Герата Шохрухе (11409–1447. В дальнейшем правитель Мавераннахра султан Абу-Са`ид-мирза (1452–1469) сумел низложить местного бадахшанского династа Ша-Султана. Всё это, и другие содержащихся в источниках факты, свидетельствует о том, что Бадахшан до начала XVI в. фигурировал в междоусобных распрях Тимуридов¹.

В дальнейшем, по мере ослабления управленческого могущества Тимуридов, вытеснения их даштикипчакскими кочевыми племенами во главе с Шейбаниханом и его наследниками, продолжалась борьба последнего представителя Тимуридов Бабура мирза и его наследниками за удержание своей политико-административной позиции в Бадахшане и других владений Памира, как империи Великих Моголов в Индии и позже. Но это не могло ослабить завоевательное стремление Шейбанидов в отношении Памира и Бадахшана.

¹ Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана . – Ташкент: Наука, 1964. – С. 100.

ГЛАВА IV

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПАМИРА И БАДАХШАНА (XVI – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.)

IV.1. Памир и Бадрахшан в контексте политической истории Средней Азии XVI–XVII вв.

Непрерывные феодальные войны между Тимуридами, так или иначе, имели причастность к политической, социально-экономической и культурной жизни горных владений края, большинство из которых были в положении номинальной от них зависимости. Политическая обстановка ещё больше обострилась в годы правления Шейбанидов, то есть, на всем протяжении XVI в.

Шейбаниды умело использовали неухающие раздоры между Тимуридами. Они после вторичного и окончательного захвата Самарканда в 1501 г., всё больше расширяли пределы своих владений. Один из более могущественных правителей Тимуридов Хусравшах, являясь правителем Гиссара, оставив своё владение, бежал. Почти вся Восточная Бухара, часть Северного Хоросана, бывшая в его подчинении, без особого труда достались Шейбани-хану.

Бабуру не помогла и помощь, оказанная им персидским шахом Исмаилом I. На неэффективности помощи сказывались постоянная борьба между суннитами и шиитами, в качестве опоры последним выступал и персидский шах из династии Сефевидов, которые пришли к власти при помощи кочевых тюркских племён иранского Азербайджана – кызылбашей. Вскоре через полгода, когда уже стало очевидным, что Бабуру прочно не может удержать власть, весной 1512 г., молодой энергичный племянник Шейбани хана Убайдуллах-султан с небольшим отрядом одержал победу над войском Бабура, во много раз превосходившим его отряд.

Бабуру бежал в Гиссар. Следующая попытка, предпринятая им с целью вернуть свою власть с помощью персидских кызылбашей, в конце этого года была неудачной. Местное население Самарканда теперь поддерживало

Шейбанидов, увидев жестокость кызылбашей и их преступления в Самарканде и Карши.

Таким образом, Шейбаниды окончательно отвоевали все области Средней Азии. Вся эта почти непрерывная борьба между последними Тимуридами, а затем и между Бабуром и Шейбанидами, стали причиной разорения края. Шейбаниды разграбили и разорили всю Гиссарскую область, отняли у населения весь хлеб и скот. Начался ужасающий голод, в результате которого погибло много людей¹. Насильственное вытеснение оседлого населения из обжитых мест привело к сокращению посевных площадей².

При первых правителях Шейбанидов было заведено почти правило делить государство на уделы, во главе которых назначались представители этой династии поочередно до середины XVI в. Они носили титул хана или хакана. Самыми крупными уделами являлись Бухара, Самарканд, Ташкент, Балх, Гиссар и др. Только с 1560 г. столица ханства окончательно перешла в Бухару. Эта тенденция, разумеется, мешала укреплению центральной власти, что было главной причиной всё усиливающейся междоусобицы. Если не считать относительную стабильность в период правления первых трёх Шейбанидов (Кучкунчи-хана 1510–1530, его сына Абу-Саид-хана (1530-1533) и Убайдалла-хана (1533-1539), начиная с 40-х годов, вновь обострились феодальные междоусобицы и войны между владетелями уделов.

Путём больших усилий Абдаллах-хану удалось собрать уделы после того, как занял Бухару в 1557 г. В 1573 г. ему удалось занять Балх, в 1574 г. – Гиссар, в 1558 г. – Самарканд, в 1582 г. – Ташкент. Хотя Абдаллах фактическим законным правителем считал своего отца Искандара, но управлял в действительности сам в 1583-1598 г.. В 1583 г. после смерти отца он был провозглашён полноправным государем.

¹ Семенов А.А. Шейбанихан и завоевание империи Тимуридов //Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1, - Сталинабад, 1954. – С. 139; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972. – С. 528.

² Абдурахимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX вв. – Т. 1, - Ташкент, 1966. – С. 260.

Абдаллах-хан II вскоре взялся за распространение своей власти на все владения, в своё время завоёванные Шейбани-ханом. Разумеется, в этих завоевательных действиях не могли остаться в стороне владения Восточной Бухары и Памира, которые заняли в 1584 г.

Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что как при правлении Тимуридов, так и при Шейбанидах вопрос о присоединении Гиссара как самого богатого края среди всех других владений Восточной Бухары, стоял особняком. Гиссар привлекал их внимание и в стратегическом плане. Он служил надёжным препятствием на пути к завоеванию Хатлона, Каратегина и других независимых горных владений вплоть до Бадахшана.

Неслучайно последние Тимуриды, главным образом Бабур, тратили много сил и терпения, чтобы укрепиться в Гиссаре и продолжить сопротивление против Шейбанидов. В своём труде «Бабурнаме» Бабур мирза посвятил немало страниц освещению политической ситуации в этом владении, его экономической значимости и предпринятые Бабуrom попытки удержать под своей властью этой край и использовать его в качестве надёжного плацдарма для отвоевания перешедших тимуридских земель под власть шейбанидов.¹

«Гиссар, – пишет А. Мухторов, – неоднократно становился надёжным убежищем и оплотом Бабура в его борьбе против Шейбанидов».² Но измена владельца Гиссара Хусрав-шаха, на помощь которого надеялся Бабур, привела к утверждению власти Шейбанидов. В 1504 г. Шейбани-хан завладел Гиссаром и назначил его владельцем Хамза-султана и Махди-султана. По мнению В.В. Бартольда, в это время Бадахшаном и Хатлоном правил брат Хусрав-шаха – Валибек, который, также потерпев поражение в 910 г. (1504-1505), был казнён Шейбани-ханом.³

Бабур мирза, спустя два года после Шейбани-хана (1510 г.) выступил из Кабула в поход, занял Карши, Бухару и Самарканд, но эта победа не была

¹ См.: Бабур, Бабур-наме. Записки Бабура (Перев.М.Салье) – Ташкент, 1958. – С. 38, 39, 42, 63, 89, 109-112 и посл. стр.

² Мухторов А. Хисор. – Душанбе, 1995. – С. 46.

³ Бартольд В.В. Хуттал. Из цикла Статьи из энциклопедии ислама //соч., Т. 3.-М.: Наука, 1963. – С. 556.

прочной. Племянник Шейбани-хана Убайдулло-султан в 1512 г. предпринял внезапный поход в Бухару и нанёс поражение Бабуру. Последний в качестве плацдарма избрал Гиссар. Бабур на этот раз надеялся на помощь кизылбашей Ирана. Это подорвало его авторитет как сторонника шиизма, последователем которого были кизылбаши. После того как одержал победу шах Ирана Тахмос над шейбанидским султаном в 1528–1529 гг., усилилась надежда Бабура на успех. Но последующие события показали несбыточность его надежды. Так или иначе сам факт, что Бабур-Мирзо больше всего опирался и надеялся на Гиссар, свидетельствует о ведущей его роли среди других владений Восточной Бухары, Памира и Бадахшана.

Следует также отметить, что до завоевания Гиссара Абдаллах-ханом его подчинение шейбанидам носило номинальный характер. В 1573 г. Абдаллах-хан предпринял поход в Гиссар. Гиссарские султаны, Абулкасим-султан, Мухаммад-Касим-султан и Факир-султан, покинув Гиссар, переехали в Куляб. Тем не менее, жители города организовали сильную оборону и отчаянно сопротивлялись. После неоднократных атак и долгой осады Абдаллах-хану удалось захватить город. Владетели Гиссара Хошим-султан и Мухаммад Шариф-султан попали в плен и были казнены. Назначив своим наместником в Гиссаре Узбек-султана, Абдаллах-хан вернулся в Бухару.¹

Ознакомление с источниками приводит к убеждению о том, что Гиссар, имеющий определяющее значение среди других владений Восточной Бухары, всегда находился в центре завоевательной политики как Тимуридов, так и Шейбанидов. «Абдаллах-хан, – пишет А. Мухторов, – без завоевания Гиссара не мог создать своё централизованное государство. Ему нужен был Гиссар не только как новое богатое природными и людскими ресурсами пространство, но и обладавшим достаточной военной и стратегической мощью»².

Следует отметить, что Гиссар, будучи частью огромного государства Шейбанидов, все же в известной мере сохранял свою самостоятельность. На это

¹ Мухторов А. Хисор, - С. 69-70.

² Мухторов А. Хисор, - С. 73.

указывает и В.В. Бартольд. По его мнению, владения Шахрисабза и Гиссара течение века по отношению к Бухаре сохраняли свою независимость.¹ Об экономической самостоятельности и мощи Гиссара свидетельствует факт чеканки серебряных монет в этом владении в конце XV – и в XVI вв.²

Порой под непосредственным подчинением Гиссара оказывались Кундуз, Баглан, Термез, Кубадан, Хуттал, Бадахшан. Как это было в XVI в., на это указывают авторы исторических сочинений: Бабур Мирзо, Хафиз Таниш, Хандемир и др.³

В начале XVI в. установилась династия Шейбанидов в Мавераннахре. К этому же времени утвердили своё влияние в Хорасане представители Сефевидов. В водоворот эти события были втянуты владения Западного Памира и Бадахшана, которые стали яблоком раздора между правителями династии Тимуридов, Шейбанидов и отчасти Сефевидов⁴. Всё же тимуридам в известной степени удалось с помощью местного населения, которое по сравнению с их соперниками несколько благосклонно относившихся к ним, сохранить свою позицию в регионе. Указывая на это Б.Искандаров отметил, что «до прихода к власти в Средней Азии Шейбанидов Бадахшан имел некоторую самостоятельность, номинально находясь в подчинении династии Тимуридов»⁵.

Касательно историографии Памира и Бадахшана XVI в., в особенности периода противоборства последних представителей Тимуридов и утверждения в Мавераннахре власти Шейбанидов, следует отметить о наличии ценных сведений в сочинениях таджикско-персидских, тюркских историков и географов того периода, независимо от их панегирического характера. Их содержания лежат в основе заключения региональных, русских и европейских исследователей данного периода.

¹ Бартольд В.В. Хуттал //соч., Т. 3. – С. 392.

² Давидович Е.А. История денежного обращения Средневековой Средней Азии. – М., 1983. – С. 264.

³ Там же. С. 202-203.

⁴ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты быта истории Памирских княжеств. – Душанбе: Дониш, 1983. – С. 46; Азимджанова С.А. Государство Бабура в Кабуле Индии. – М., 1977. – С.34-35.

⁵ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты быта истории Памирских княжеств. – С.46.

В этом плане интерес представляет сочинение Камал ад-Дина Бинаи (1453-1512) «Шейбани-наме» («Книга о Шейбани»). В данном трактате, предположительно написанном между 911-913 г. х. (соответственно 1505-1507 гг.) даются ценные сведения о политических событиях, происходивших в Дашти Кипчаке и Мавераннахре как до, так и на начальном этапе завоевания Шейбанидом Мавераннахра¹. Важным источником является и другое сочинение Бинаи «Футухоти хани» («Ханские завоевания»), написанный между 1504-1510 годами. Это расширенный вариант «Шейбани-наме»².

Под таким же названием – «Шейбани-наме» имеется сочинение другого хрониста этого времени Мухаммада Салиха. Характеризуя этот трактат, известный источниковед Б. Ахмедов пишет: «Стихотворная хроника Мухаммад Салиха, как по своим основным целям, так и по содержанию аналогична вышеупомянутому сочинению Камала ад-Дина Бинаи, но имеет перед ним ряд преимуществ – она значительно полнее в освещении всей политической обстановки Мавераннахра и сопредельных с ним стран, в частности Хорезма, Ферганы, Ташкента и подвластных ему в те времена округов, а так же Шахрухийи, Ходжента, Ура-теппе и областей, расположенных к югу от Амударьи, в период после завоевания Самарканда войсками Шейбани-хана»³. Несколько глав данного сочинения посвящено событиям, связанным с походом кочевых узбеков на Гиссар, Термез, левобережья Амударьи и завоевание ими Кундуза, Таликана, Бадахшана и Балха⁴. Мухаммад Салиху также принадлежит сочинение «Таварихи гузида – Нусрат-наме». Книга, написанная на тюркском языке, состоит из трёх частей, посвящённых событиям, происходившим в периоды правления монголов, Тимуридов и

¹ См.: Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии в XVI-XVIII вв.. (Письменные памятники). – Ташкент: Фан, 1985. – С. 17-24.

² Ахмедов Б.А. Указ соч. – С. 21-22. Хотя отдельные сведения имеющиеся в в рукописи этих сочинений Бинаи широко введены в научный оборот исследователи причастны к позднесредневековой истории Средней Азии, но полный их текст и поныне не издан.

³ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии в XVI-XVIII вв.. – С. 24.

⁴ См.: Мухаммад Салих. Шейбани-наме. Джагатайский текст. Посмертное издание П.М. Мелиоранского. – СПб., 1908; Мухаммад Солих. Шайбанийнома. Нашрга тайёрловчи Насрулло Даврон. – Тошкент, 1961.

прихода к власти Шейбани-хана. В отличие от компилятивного изложения, третья часть имеет самостоятельный характер.

Следует подчеркнуть, что в указанных сочинениях как Камала ад-Дина Бинаи, так и Мухаммад Салиха, в хронологическом плане изложены события, связанные с возвышением и завоевательными действиями Шейбани-хана, в которых имеются лишь отрывочные сведения о Памире и Бадахшане. Такие эпизодические сведения о Бадахшане приводятся в сочинение бухарского историка и поэта XVI в. Хафиз-и Таныша «Шараф-наме-йи-шахи» написанное в между 1584-1590 гг. Сведения, имеющиеся в данной рукописи, ввели в научный оборот широкий круг исследователей востоковедов В.В. Вельяминов-Зернов (1830-1904), В.В. Бартольд (1869-1930), С. Мирзаев (1885-1961), И.И. Умняков (1890-1975) и более поздние советские исследователи М.А. Салахетдинова, Н. Сайфиев, Б. Ахмедов.

Во второй части приводятся эпизоды военных действий за Бадахшан и Куляб. Несмотря на панегирический характер сочинения, все же нетрудно проследить в его содержание ожесточённое сопротивление местных народов против захватчиков, оказавшихся под властью шейбанидов, их тяжёлое положение. Б. Ахмедов, анализирувавший содержание данного сочинения пишет, что «при внимательном прочтении в нём обнаруживаются данные, свидетельствующие о тяжёлом и бесправном положении трудящихся масс, о волнениях и беспорядках в захваченных Абдаллах-ханом странах (например, волнения в Меймане и Гарчистане в 991 (1583) г. и в Бадахшане 993 (1585) г.; дороговизна и голод, охватившие Бухару в 997-998 (1588/89-1590 гг.) и др.)¹».

В отличие от вышеперечисленных источников, события, в той или иной мере относящиеся к данному горному региону, более подробно изложены в вышеупомянутом сочинении «Бабур-наме»². В нём, в частности, указано на героическую борьбу бадахшанцев против чужеродных захватчиков. Излагая события 910 г. х. (1504-1505), автор пишет, что «Шейбани хан отдал Кундуз

¹ Ахмедов Б.А. Шараф-наме-йи-шахи (Книга шахской славы) // Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. (Письменные памятники) – Ташкент: Фан, 1985. – С. 51.

² Бабурнаме. Записки Бабура (Перев. М.Салье) – Ташкент: Наука, 1958.

Камбар бию¹, а сам ушёл в Хорезм. Камбар бий, желая склонить к себе жителей Бадахшана, послал в Бадахшан сына Мухаммеда Махдуми по имени Махмуд. Муборак шах, предки которого принадлежали к числу беков бадахшанских шахов, поднял голову, обезглавил Махдуми и ещё нескольких узбеков и укрепил крепость Зафар. Раньше она называлась Шаф-Тивар, но он дал этой крепости наименование Зафар»², что означает «Крепость Победы»³. В это же время население Рустака во главе с Мухаммадом Курчи, один из оруженосцев Хусравшаха, из Рога под руководством Зубайри Роги, предки которого так же были беками у бадахшанских миров организовано выступили против войска Шейбани-хана, что привело к его полному поражению⁴. Это свидетельствует о неудачной попытке Шейбани хана занять Бадахшан.

Уместно заметить, что предотвращение вероятности попадания под власть Шейбанидов, не стало уроком для политического объединения всего населения Бадахшана. Борьба между претендентами на престол по-прежнему не утихала, что была главной причиной усиления сепаратизма. Попытка младшего брата Бабура Насир-мирза, внука Шах-Бегим - дочери последнего бадахшанского правителя Шах-Султан Мухаммада, казнённого в 1466-1467 г. тимуридом Султан Абу-Са'идом-мирзой, к которому обратились предводители сопротивления Муборак-шах и Зубайр Роги, так же не привела к серьёзному результату.

Чтобы укрепить свою власть, предводители сопротивления Муборак-шах и Зубайр Роги обратились к младшему брату Бабура Насир-мирзе. Последний был провозглашён правителем Бадахшана, но через два года из за возникшего противостояния между ними и местными жителями, он был изгнан.

Таким образом, хотя в результате упорного сопротивления местного народа, Шейбани хан, потерпев поражение, выводил остатки своего войска из Бадахшана, но сохранял твёрдое намерение завладеть им. Наблюдая за

¹ Камбар бий, узбек, правитель Мерва, сын одного из приближенных лиц Шейбани-хана назначенного в 1506 правителем Кундуза Купак бия. См.: Бабурнаме. – С. 178-180.

² Бабурнаме. – С. 179.

³ Крепость располагалась на левом берегу реки Кокча.

⁴ Бабурнаме. – С. 179.

продолжением политической нестабильности, Шейбани хан в 1507 г. заново организовал военный поход четырёхтысячного отряда в Бадахшан. В создавшейся ситуации Мубарак-шах и Зубайр Роги вынуждены были прекратить разногласия и присоединиться к войскам Насир-мирзы. Им удалось в сражении под Кишмом в местности Шахдан (Шахидан) наголову разбить войска Шейбани-хана.

Разумеется, можно кратко изложить лишь результат данного сражения, но, чтобы более ясно представить решимость местного населения против чужеродных и чужеземных захватчиков, целесообразнее будет привести оригинальный текст источника, свидетельствующего о свободолобивом духе местного населения. Итак, Бабур, характеризуя ход и результаты данного сражения, пишет: «Шейбани хан послал двух-трёх султанов с тремя-четырьмя тысячами человек в набег на Бадахшан. Между тем, Мубарак шах и Зубайр опять пришли к Насир мирзе и присоединились к нему, хотя раньше между ними были раздоры и неудовольствия. Они стояли с войском в Шахдане, под Кишмом, на восточном берегу реки Кишм, и вдруг те узбеки под утро учинили на них нападение и, перейдя реку Кишм, пошли на Насир-мирзу. Насир-мирза тот час же подтянулся к холму. Собрав людей, находившихся на холме, и приказав трубить поход, он немедленно двинулся вперёд, на ходу забирая узбеков в плен. Вода в Кишме стояла высоко; узбеки пришли, перейдя эту реку. Множество их людей погибло от стрел и сабель, много попало в руки [людей Насир-мирзы], в воде тоже погибло немало воинов.

Мубарак шах и Зубайр стояли выше мирзы, в направлении к Кишму. Посланные против них узбеки погнало их к холму. Насир-мирза узнал об этом, когда гнал врагов, и пошёл на тех людей. Когда кухистанские беки, собрав конных и пеших, то же пошли сверху, [узбеки] не смогли устоять и побежали. Из этого отряда тоже попало в плен много людей, немало погибло от стрел и

шашек и утонуло в реке; вероятно, пропало тысяча-тысяча пятьсот узбеков. То была славная победа Насир-мирзы»¹.

Вскоре после вероломного убийства руководителей народного волнения и ослабления накала борьбы, Насир-мирза в 1507 г. был вновь назначен владетелем Бадахшана. Но он, в силу своего может быть своевольного характера, долго не мог продержаться у власти. Усилилось его противостояние с местными беками Мухаммадом Курчи, Мубарак-шахом, Зубайром Роги и одним из нукеров брата Хусрав шаха Джахангиром Туркменом. В результате между ними у Хамгана на равнине, ведущей к Яфталу и Рогу, произошло сражение, приведшее к поражению и бегству Насира мирзы в Кабул².

«Бадахшанцы, - писал Бабур, - разбив Насир мирзу, разорили и ограбили его приверженцев и приспешников. Насир мирза со своими приближенными, разбитыми и ограбленными, пошёл через Ишкамиш и Нарын в Кила-Гахи. Он поднялся вверх по Кизил-Су, вышел на дорогу в Аб-Дара и, перевалив через Шиберту, явился в Кабул; с ним было семьдесят-восемьдесят нукеров и слуг, разбитых, ограбленных, голых и голодных. Удивительная у него судьба! Два-три года назад Насир мирза поднял и погнал все кочевые племена, восстал и вышел из Кабула. Достигнув Бадахшана, он укрепился в горах и долинах, и каких только у него не было замыслов! Он пришёл, повесив голову, стыдясь своих прежних дел, и был смущён и сконфужен из-за своей измены»³. Смысл данной информации приводит к заключению, что народ в отличие от той ненависти, которую испытывал по отношению к Шейбанидам, благосклонно относился к нему. Не будь того высокомерного, деспотического отношения к ним, он мог долго и спокойно удержаться у власти в Бадахшане.

Бадахшан и Хутгалан до 1584 г. был под властью тимуридов. После того как Бабур сел на трон власти в Савмарканде, он отдал своему двоюродному брату (по линии матери) Мимрза-хану (или по другому Ханмирзе) или султан Вайсу- сыну султан Махмуд мирзы – правитель Хисара, Бадахшана, Кундуза,

¹ Бабур-наме. – С. 216.

² Бабур-наме. - С.217.

³ Бабурнаме. – С. 235.

Термеза и Хутталана, который занимал трон Самарканда после смерти брата Ахмад мирзы (с июня 1494г. до начала 1495г.) области Хисар-и Шадман, Хутталан и Бадахшан. После захвата Шейбани-ханом Хисар-и Шадмана и части Хутталана с 926 г.х./1507-1508гг. до самой смерти 926 г.х./1519-1520 гг. Мирза-хан был правителем Бадахшана с центром в Кал'аи Зафар. Узбеки несколько раз пытались захватить Кал'аи Зафар, но безуспешно¹.

После смерти Мирза-хана, Бабур владетелем Бадахшана назначил своего старшего сына Наср-ад-Дина Мухаммада Хумаюна (с 926 г.х./1519-1520г. до 935 г.х./1528-1529 гг²). В дальнейшем Хумаюн был вызван Бабуром к себе в Хиндустан в качестве наследника трона. Правителем Бадахшана был назначен некий Факир Али, но в силу неспособности последнего Хумаюн отправил из Кабула в Бадахшан своего младшего брата Хунбал мирзу. Однако по приказу Бабура Хунбал мирза был отозван, а правителем Бадахшана назначен Сулайман-шах - сына Мирза-хана³. В 951 г.х./1544-1545 гг. Хумаюн будучи вытеснен из Хиндустана в Кабул, совершил поход на Бадахшан в сторону Кал'аи Зафар. Сулайман-шах без сопротивления бежал, однако спустя время Хумаюн обратно отдал Кал'аи Зафар Сулайман-шах. Таким образом, вплоть до 1584г. Бадахшан и Хутталан оставались под властью тимуридов⁴.

Т.Г. Абаева, верно оценивая заинтересованность Бабура к Бадахшану пишет: «Бабур, основавший могущественное государство в Индии (1526-1530 гг.), отлично понимал значение стратегического положения Бадахшана по отношению к своим новым владениям; кроме того, через Бадахшан шли удобные торговые пути в северо-западную Индию. По-видимому, этими соображениями и руководствовался Бабур, стараясь закрепить Бадахшан за своим старшим сыном»⁵.

¹ Хамза К. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчак в Мавераннахр и Хорасан (XVIв.).- Душанбе: Дониш, 2012.- С.223.

² Хамза К. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчак в Мавераннахр и Хорасан (XVIв.).- С.224.

³ Там же.- С.224.

⁴ Там же.- С.224.

⁵ Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана . – С. 102-103.

Сохранение позиции Тимуридов в Бадахшане после распада их государства в Мавераннахре, если с одной стороны было следствием их примиренческой позиции с местным населением, то с другой, как бы надёжным барьером на пути нашествия Шайбанидов, которые находились в ожидание удобного момента для нападения и присоединения его к своим владениям.

Чрезмерная активность в отношении Бадахшана наблюдается в годы правления Шейбанида Абдуллах-хана II (1557-1598). По времени она совпадала с периодом правления Индии шаха Акбара (1556-1605), который так же имел особое тяготение к Бадахшану. Абдулла-хан твёрдо решил присоединить к своим владениям Балх и Бадахшан. С этой целью, совершив поход в феврале 1584 г., нанёс поражение миру Бадахшана Мирза Сулайману. Последний обратился за помощью к шаху Акбару¹. Хотя Акбар и намеревался расширять свои границы в пределах Мавераннахра - родины своих предков², но не смог предпринимать соответствующие действия.

Между тем, Абдуллах-хан благодаря умелому использованию противостояния между Сулайманом и его внуком Шахрухом, сумел окончательно присоединить к своим владениям Бадахшан³. Для того, чтобы более прочно удержать власть в Бадахшане, Абдуллах-хан в качестве икта раздал соответствующие участки из покорённой земли своим воинам. Но эти меры не могли окончательно сломить сопротивление местного населения.

Таким образом, согласно имеющимся сведениям, начало утверждения власти узбеков в Бадахшане и Хатлоне положено в 1584 г. Город Балх, откуда они управляли, считался главным административным центром. После смерти Абдуллах хана II (2 раджаба 1006 г.х./8 февраля 1598 г.)⁴, борьба многочисленных представителей из династии Шейбанидов за власть обострилась. Троном в Балхе овладел сын Абдуллах-хана - Абдулмумин. Но в

¹ Антонова К.А. Очерки общественных отношений и политического строя Монгольской Индии времен Акбара (1556-1605). – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 235.

² Там же.-С.235.

³ Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – С. 105.

⁴ Хамза К. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчак в Мавераннахр и Хорасан (XVIв.).- С.231.

результате заговора (23 зулка'да 1006 г.х./27 июня 1598 г.)¹ был убит. Власть в Бухаре сосредоточил в своих руках двоюродный брат Абдуллах-хана II Пирмухаммад-хан II, так же погибший в этом раздоре². Этим и закончилось господство Шейбанидов в Бадахшане, взамен которого в Мавераннахре утвердилась власть другой династии – «Джанидов» или «Аштарханидов». В этот политический водоворот, в той или иной мере были втянуты Памир и Бадахшан.

С 1599 г. начала своё господство в Мавераннахре династия Джанидов, получившая в научной литературе название Аштарханиды. Сталицей ханства оставалась Бухара. Джанидам в наследство досталась разорённая страна. Ташкент и Самарканд находились под влиянием казахских султанов. В Фергане и Андижане правили потомки чингизида Барак-хана (Амин-султан и др.). Гиссар, Чаганиан и Хуталян оказались в руках Мухаммад-Салим султана, потомка шейбанида Джанибек-султана. Балхом правил до 1601 г. Сефевидский ставленник Мухаммад Ибрахим. Джанидам после сосредоточения власти в своих руках удалось за короткое время относительно стабилизировать положение³.

В 1601 г. Балх и Бадахшан оказались под властью Аштарханида Вали Мухаммада. После смерти Баки Мухаммада в 1605 г. на бухарский трон был возведён его брат Вали Мухаммад (1605-1611 гг.). Это стало поводом к тому, что население Бадахшана, Кундуза, Куляба и Гиссара восстало против Аштарханидов. Повстанцы требовали, чтобы правителем вышеназванных областей стал представитель шейбанидов Абдулла султан. Это приводит к убеждению о том, что подстрекателями восставших были сами Шейбаниды. Вали Мухаммад, мобилизовав отряды своих приближенных, братьев Имам-

¹ Там же.-С.131.

² Гоилов Г., Холов М. Пешгуфтор ба нашри нави «Таърихи Бадахшон». Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Туърихи Бадахшон. Муаллифони пешгуфтор, баргардони матн, Кисме аз тавзеҳот Г.Гоилов ва М.Холов. – Душанбе: Дониш, 2007. – С. 24.; Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI-первой половине XVIII вв.-Душанбе:Дониш,2010.-С.45.; Хамза К. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчак в Мавераннахр и Хорасан (XVIв.).- Душанбе: Дониш, 2012.- С.232.

³ Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI-первой половине XVIII вв.-Душанбе:Дониш, 2010.-С.47.

Кули-султана и Надир-Мухаммад-султана (сыновья Баки-Мухаммада) подавил восстание. Эта победа укрепила позиции Имам-Кули-хана в армии, что насторожило и стало причиной вражды последнего с Вали Мухаммад-ханом. Вместе с тем за Имам-Кули-ханом и Надир-Мухаммадом как и прежде было оставлено управление Самаркандом и Кешем¹.

Согласно сведениям в трактате Мухаммад Шарифа ибн Мухаммада Наки «Тодж-ат-таворих», в битве при Баги шимале 1611 г.² Имам-Кули-хан одержал победу и был проваггласен верховным ханом. Наместником Балха был назначен Надир-Мухаммад с присвоением ему титула хана. В одном из сражений Вали-Мухаммад потерпел поражение и был казнен³.

При правлении Имамкули Бухарой, продолжавшемся свыше 30 лет, хотя Балх и Бадахшан и считались частью его владений, но, Надирмухаммад, имел в этих областях неограниченную власть⁴. Следует отметить, что в 30 – 40-е годы XVII в. он распространил свою власть почти на все близлежащие владения, в том числе Рушан, Шахдара, Рог, Чатрар и др. были подчинены Балху⁵.

Таким образом, Бадахшан оказался в полном подчинении Аштарханидов, о чем свидетельствует сохранившийся ярлык бухарского хана Аштарханида Надир-Мухаммада к русскому царю Михаилу Фёдоровичу в 1643, где Бадахшан указывается в качестве его владения⁶.

Следует отметить, что намерения Тимуридов вернуть себе бадахшанский трон, и в дальнейшем не ослабевали. К примеру, бежавший в Индию сын Шахруха Бади-аз-заман, намеревался очистить Бадахшан от Аштарханидов и вернуть себе трон, якобы принадлежавший тимуридам. Но его усилия кончились безрезультатно. «В начале XVII в., - пишет Б. Искандаров, - в Бадахшане и соседних с ним районах произошло восстание, возглавленное

¹ Там же.-С.50.

² Там же.С.53.

³ Мухаммад Шарифа ибн Мухаммада Наки «Тодж-ат-таворих» (Венец историй).Рук. № 2282. Центра письменного наследия при НАНТ.Л.81а - 82а; Ахмедов История Балха.(XVI- первой половины XVIII вв.). – Ташкент: Фан, 1982 – С. 104-107.; Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI-первой половине XVIII вв.-Душанбе:Дониш, 2010.-С.52-53.

⁴ Гоибов Г., Холов М. Пешгугтор ба нашри нави «Таърихи Бадахшон». В кн.: Таърихи Бадахшон. – С.25.

⁵ Ахмедов Б. История Балха.(XVI- первой половины XVIII вв.). – Ташкент: Фан, 1982 – С. 107-108.

⁶ Сборник князя Хилкова. – СПб., 1879 – С. 491-492.

Бади-аз-заманом, сыном Шахруха. В 1645 г. Бабуриды снова завладели Балхом и Бадахшаном, но осенью 1647 г. обе провинции были окончательно захвачены шейбанидскими правителями. К этому периоду они завладели обширной территорией, протянувшейся далеко на юг от Амударьи»¹.

В период правления Имам-Кули-хана его брат Надир-Мухаммад со своими сыновьями более чем тридцать лет являлся наместником Балха. В этот период в стране царил относительное спокойствие, и укрепилась ханская власть в Бухаре. Но эта относительная централизованность долго не могла продолжаться. По мере сосредоточения в руках племенных вождей обширных владений набирают темп и центробежные силы, что в конце концов привело к распаду государства Джанидов.²

В конце жизни Имам-Кули-хан ослеп и отказался от престола в пользу своего брата, правителя Балха Надир-Мухаммада. Последний правил всего три года (1642-1645), используя недовольство местных феодалов его правлением, большой отряд казахов напал на Худжанд. Одновременно феодалы под руководством Баки-бия из племени юз организовали заговор и возвели на престол сына Надир-Мухаммада Абдал-Азиза (1645-1680). Надир Мухаммад бежал в Балх³.

Надир Мухаммад, с целью укрепления своих позиций и возвращения потерянных территорий, отдал сыновьям и своим близким отдельные районы в качестве уделов. Таким образом, Гур отдал Хусрав-султану, Куляб – Бахрам-султану, Салу-Чехариак – Субхон-Кули-султану, Кутлук – султана отправил в Кундуз. Меймане и Андхоя отдал Касым-султану.⁴ Вследствие этого, ещё больше ослаблялось положение Надир-Мухаммада. Сыновья вышли из его подчинения. В создавшейся ситуации Надир-Мухаммад был вынужден

¹ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (X в. – первая половина XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1983. – С.49-50.

² История народов Узбекистана. – Т.2, - Ташкент, 1947. – С. 85.

³ Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI-первой половине XVIII вв.-Душанбе:Дониш, 2010.-С.54.

⁴ Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. – С. 95; Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI-первой половине XVIII вв.-Душанбе:Дониш, 2010.-С.55.

обратиться за помощью к государю из династии «Великих моголов» шаху Джахану. Тем временем шах Джахан, используя этот благоприятный момент, хотел отомстить Надир Мухаммаду за набеги в Кабул и в случае победы присоединить Балх и Бадахшан к своим владениям. С этой целью он послал войско во главе со своими сыновьями Мурад-Бахшом и Аврангзебом.

Узнав о намерении шах-Джахана, Надир-Мухаммад дал ему бой, но, потерпев поражение, нашёл убежище в Иране у шаха Аббаса II. Бабуридам удалось завладеть всеми провинциями Балха. Назначенные в них правители в течение двух лет занимались только грабежами и насилием над местным населением, что вызвало бурю негодования. Для усмирения народа, шах-Джахан снова послал своего сына Аврангзеба.

Используя создавшуюся ситуацию, Абдал-Азиз-хан с большим войском выступил против Аврангзеба и нанёс ему поражение. Перед тем как отступить, шах-Джахан объявил Балх владением Надир-Мухаммада, который находился в Иране. Узнав о восстановлении Надир-Мухаммада на престол Балха, против него объединились его сыновья. Абдал-Азиз-хан, объявив Субхон-Кули-хана наследником престола, последнему удалось занять Балх. Надир-Мухаммад отправился в паломничество и умер в пути¹.

В дальнейшем, несмотря на враждебное отношение его брата Абдал-Азиз-хана, Субхон-Кули-хан, укрепив свою власть, долго управлял Балхом и Бадахшаном вне зависимости от Бухары. Впоследствии при поддержке большинства эмиров и влиятельных лиц Мавераннахра, Балха, Бадахшана и Кундуза, Субхон-Кули-хан захватил престол в Бухаре.

При всем желании Субхон-Кули-хану (1680-1702гг.) не удалось создать сильную централизованную власть. Те военачальники, опираясь на которых, он расширял свои владения и упрочил свою власть теперь служившие в качестве

¹ Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. – С. 101-102; Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI-первой половине XVIII вв.-Душанбе:Дониш, 2010.-С.56. Ахмедов Б. История Балха.(XVI- первой половины XVIII вв.). – Ташкент: Фан, 1982 – С. 113; Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI-первой половине XVIII вв.-Душанбе:Дониш, 2010.-С.56.

наместников, стремились выйти из под его контроля и управлять самостоятельно. Например, одним из них являлся Махмуд-бий оталик. После усмирения мятежных эмиров Балха он был назначен наместником Балха и Бадахшана. Но Бадахшан в это время был фактически независимым, им правил Яр-бек¹.

При Абул-Файз-хане (1711-1747 гг.) центральная власть окончательно потеряла своё значение: ханства распались на отдельные самостоятельные владения, управление страной переходило в руки от одного из вождей мангитских племён, возвысившихся при Абул-Файз-хане до высочайшего военно-государственного чина - аталыка Мухаммад-Хакимбия. В этом так называемом династическом переходе, ещё выпуклее наблюдается самостоятельность правления горных владений, в частности Памира и Бадахшана. Но относительная самостоятельность отнюдь не могла стать явным признаком стабильности. Присущие феодальному периоду закономерности, стремление к сепаратизму и политической раздробленности постоянно сохраняли в независимых и полузависимых владениях очаги напряжённости. Это предельно ясно наблюдалось во владениях Памира и Бадахшана.

Согласно имеющимся сведениям, в середине XVII в. активизировались набеги племени катагаган из Кундуза во главе с правителем Балха Махмуд-бием, являвшимся вассалом бухарского хана Субхан-кули (1680-1702) и назначенного им в звании аталыка бадахшанским наместником, за услуги в борьбе против хивинцев². Последний хотел держать в полном подчинении родовитых правителей Бадахшана, что вызывало недовольство местного населения.

Уместно отметить, что в отличие от предшествующих периодов Средневековья, когда историки лишь изредка касались отдельных сторон истории Памира и Бадахшана, в ряде произведений позднесредневекового

¹ Ахмедов Б. История Балха.(XVI- первой половины XVIII вв.). – Ташкент: Фан, 1982 – С. 113; Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI-первой половине XVIII вв.- Душанбе:Дониш, 2010.-С.56.

² Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – С. 106.

периода, таких как «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахьяр» Махмуда ибн Вали и «Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура, имеются более подробные сведения.

Таким образом, сведения, имеющиеся в источниках и заключениях исследователей, основывающихся на их содержании, сравнительно ясно освещают политическое состояние владения Памира и Бадахшана XVI-XVII вв. Ставшее яблоком раздора между династическими представителями Тимуридов, Шейбанидов и Аштарханидов, свободолюбивое население этого горного края, несмотря на все трагические трудности, отчаянно отстаивало свою независимость. Свидетельством тому является тот факт, что, несмотря на попадание в фактическую зависимость от этих им чуждых династических управлений, они стремились сохранить свои устоявшиеся традиции политическо-административного управления.

IV.2. Памир и Бадахшан XVIII – середины XIX вв.

в сочинениях местных авторов

Как отмечено выше, несмотря на отсутствие сочинений, последовательно освещающих историю позднесредневекового Памира и Бадахшана всё же, нельзя не отметить важность сведений, содержащихся в работах Махмуда ибн Вали, Камал-ад Дина Бинаи, Мухаммада Салиха, Хафиза Таныша, Захириддина Мухаммада Бабура, которые в контексте освещения региональных событий содержат ценные сведения по истории Памира и Бадахшана до конца XVII в. Что касается освещения последующих периодов, то, особую ценность имеют сочинения местных авторов «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана») Сангмухаммади Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара, освещающая события в хронологических рамках 1068 г.х./1657-1658 – 1325г.х./1907-1908гг., «Каттаган и Бадахшан» Бурхан-уд-дина Кушкеки, рукописи «История Бадахшана» («Таърихи Бадахшон») Курбана Мухаммад-зода (охун Сулайманом) и Мухаббатом Шох-зода (Сейид - Футур-шо), а так же «Таърихи мулки Шуғнон» («Истории владения Шугнана») Саида Хайдаршоха Муборакшох-зода.

Как явствует из хронологических рамок указанных сочинений, они охватывают события, происходившие в конце позднего средневековья и нового времени на Памире. В этом плане, несмотря на порою произвольное изложение событий, опираясь лишь на устные сообщения местных знатоков истории, они являются ценными источниками, позволяющими исследователям при сопоставительном анализе с другими доступными им материалами осветить реальную историю Памира и Бадахшана вплоть до утверждения Советской власти в этом горном крае. Значимость этих работ в историографии Памира и Бадахшана, отмечена во введении. К этому следует добавить, что в них освещены основные штрихи сложной политической обстановки, связанной с неутраченной борьбой между соседними владениями за расширение сфер влияния. Ситуация на Памире значительно осложнилась в связи с усилением агрессивных намерений афганского правительства при поддержке английских колонизаторов. Своего пика эта ситуация достигла в период завоевания и последующего присоединения Средней Азии к России.

В этом плане особую ценность представляет «История Бадахшана», Сангмухаммади Бадахши и Фазлалибек Сурхафсар. При этом Сангмухаммади Бадахши – автор первой части рукописи, охватывающей в хронологическом плане историю Бадахшана в рамках 1068г.х./1657-1658 – 1223г.х./1808-1809, а составитель второй завершающей части («татимма») – Фазлалибек доводит изложение событий до 1325г.х./1907-1908 г. Согласно содержанию текста, автор первой части основывался на доступных им источниках. В отличие от него второй автор в основном приводит сведения, полученные из уст знатоков истории края, что и стало причиной допущения ряда неточностей в тексте. В предисловии к факсимильному изданию текста «Истории Бадахшана», подготовленному в 1959 году на основе рукописи, хранящейся в библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, известный советский востоковед А.Н. Болдырев отмечал: «Вероятно, устный характер

источников Фазл Али-бека привёл к значительной хронологической путанице, устранить которую он даже не пытался».¹

Отрадно отметить, что указанное сочинение подготовлено и издано на кириллице, с обширным введением и комментариями таджикскими источниковедами Г. Гойбовым и М. Холовым². Это издание и стало достоянием широкого круга специалистов, занимающихся изучением истории Памира и Бадахшана.

Среди источников, содержащих сведения о более поздней истории Памира и Бадахшана, особое место занимает книга, написанная афганским чиновником Бурхан-уд-дином Кушкеки «Катаган и Бадахшан»³. В оригинале она имеет название «Путеводитель по Каттагану и Бадахшану», т. е. «Извлечение из описания путешествия, совершённого в 1301г.х./1883-1884гг., сипахсаларом, газии и сардаром Мухаммед-Надир-ханом, военным министром, сделанное в г. Мовляви – Бурхан уд-Дин-ханом Кушкекием»⁴.

Разумеется, автор, состоявший на службе у афганского шаха, в угоду ему сосредоточил внимание главным образом на географическом положении Бадахшана и афганской части Западного Памира, насильственно присоединённых к Афганистану при непосредственной помощи английских колонизаторов, и на степени их экономической полезности для этого государства.⁵ Тем не менее, следует признать имеющиеся «краткие справки по истории Бадахшана (начиная с 1068г.х./1657-1658 г.), Каттагана, Памиров и Вахана, Шугнана Дарваза и Рустака»⁶ полезными для исследователей позднесредневековой и новой истории Памира и Бадахшана.

¹ Болдырев А.Н. Введение к фотографической репродукции рукописного текста, Таърих-и Бадахшан «История Бадахшана». – Л. 1959. – С. 21.

² Мирзо Сангмухаммади Бадахши и Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. Муаллифи пешгуфтор, баргардони матн, қисме аз тавзеъот, мураатибони феҳристҳои номҳои хос ва мавзеъҳои ҷуғрофи Ғ.Ғойбов ва М. Холов. Ғ Душанбе: Дониш, 2007. – 275 с.

³ Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского П.П.Введенского, Б.И. Долгополова и Е.В.Левкиевского. Под редакцией, с предисловием и примечаниям проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1926. – 348 с.

⁴ Семенов А. Предисловие к кн.: Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. - С. X.

⁵ Болдырев А.Н. Введение к фотографической репродукции рукописного текста, Таърих-и Бадахшан «История Бадахшана». – Л. 1959. – С. 5.

⁶ Там же.

В этом плане следует отметить значимость рукописи «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана»), написанной в конце 30-х годов учителями из Хорога Курбаном Мухаммад-зода (охун Сулайманом) и Мухаббатом Шох-зода (сейид- Футур-шо), подготовку и издание которой по инициативе академика Б.И. Искандарова осуществил А. Егани¹. Несмотря на то, что у них не было формального образования, полученного в высших религиозных учебных заведениях, и они не понимали многого, кроме местной духовной школы, у них была врожденная жажда знаний, они увлекались классической литературой, имели контакты с краеведами и дореволюционными путешественниками, что позволило им достичь самостоятельного понимания того, что происходило в прошлом и что происходило в современном им времени.

Наряду с вышеуказанными источниками, достойно упоминания и состоящее из нескольких (в пределах двух десятков) страниц сочинение местного знатока истории Саида Хайдаршоха Муборакшоха-зода «Таърихи мулки Шугнон» («История владения Шугнан») написанное по просьбе известного востоковеда А.А. Семенова в 1912 г. Учёный, проявивший большой интерес, перевёл текст рукописи на русский язык с предисловием и обширными примечаниями и издал его в Ташкенте в 1915 г. Книжка на таджикском языке издана в 1992 г.² Уместно отметить, что чрезмерно краткую историю Шугнана, до присоединения Памира к России, автор изложил, основываясь на доступных ему устных и несколько палеографических сведениях. Следовательно, он допустил ряд хронологических неточностей. Следуя неточным сведениям информаторов, автор указывает на ложное утверждение о том, что «в древности Шугнан находился под властью китайского хакана»³. Что касается приводимых им сведений о положении Шугнана после присоединения Памира к России, они

¹ Курбан Мухаммад-зода (охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид Футур-шо). Таърихи Бадахшон. Ба чоп тайёркунандаи дастхат, тартибдиҳандаи эзохот, феҳрастхо А.А.Егани. муаллифи муқаддима ва муҳаррири масъул Б.И.Искандаров. – М.: Наука, 1973. – Факсимиле – 74 с., текст, на тадж. арабск графике – 84 с., Предисловие – С. 5-29.

² Саид Хайдаршоҳ Муборакшоҳзода. Таърихи мулки Шугнон. Тарҷума ва таҳияи Н.Чонбобоев ва А.Мирхольа. – Хоруғ: Помир, 1992. – 37 с.

³ Саид Хайдаршоҳ Муборакшоҳзода. Таърихи мулки Шугнон. – С.6.

основаны на достоверных фактах, дополняемых А.А. Семеновым в примечаниях, комментариях и пояснениях к публикации данной рукописи¹

Указывая на источниковедческую ценность упомянутых сочинений, уместно несколько подробно охарактеризовать их содержание. Как отмечено выше, «История Бадахшана» действительно является уникальным источником, содержащим сведения о политической, социально-экономической жизни Памира и Бадахшана XVII-XIX вв. В хронологическом порядке историю Бадахшана Сангмухаммад Бадахши изложил в пределах 1068г.х./1657-1658гг.– 1223г.х./1808-1809гг., а Фазлалибек- Сурхафсар доводил описания событий до 1325г.х./1907-1908гг. Первый автор – Санг Мухаммад известный поэт, по некоторым данным, прибывший из Афганистана в столицу Бадахшана – Файзабад в 1790 г., служил в качестве секретаря (мирза) у бадахшанского правителя Мухаммад-хана². Что касается личности другого автора Фазл-Алибека, то о нём не сохранились сведения.

Указывая на источниковую ценность «Истории Бадахшана», А.Н. Болдырев пишет: «Хотя оба автора «Тарихи Бадахшан» представляли себе историю страны, прежде всего как историю её царей, «Тарихи Бадахшон» содержит большое количество данных для суждения о жизни народов Бадахшана и соседних областей в XVII-XIX вв., общественных отношениях, хозяйстве, исторической географии и этнографии, об обычаях и нравах. Существенно, что «Тарихи Бадахшан» - единственное историографическое сочинение о Бадахшане, созданное бадахшанцами в самом Бадахшане на основании местной, как письменной, так и устной, традиции, подчас отражавшей интересы и точки зрения не только узкой феодальной верхушки, но и гораздо более широких слоёв населения. Выдающийся интерес представляют сведения «Тарихи Бадахшан» о культурной и литературной жизни страны»³.

¹ См. там же. – С. 20-31.

² Абибов А. Ганљи Бадахшон. – Душанбе: Ирфон 1972. – С.177.

³ Болдырев А.Н. Введение к публикации факсимильного текста рукописи «Истории Бадахшана». – С.22.

В работе особый интерес представляет утверждение власти из местных династических представителей. В частности, сравнительно подробно приводятся сведения о приходе к власти Яр-бека и обеспечении им независимого управления во владениях Памира и Бадахшана.

Согласно приведённым данным, в годы правления Бадахшаном ставленника Субханкули-хана владетеля Каттагана Махмуд-бия с особой силой обострилась борьба местного населения против частых набегов племени каттагана из Кундуза. Воспользовавшись этим, против Махмуд-бия выступил владетель Яфтала Яр-бек (1068г.х./1657-1658гг.-1116г.х./1704-1705гг.) из рода Самаркандских сейидов, которого местное население желало видеть достойным претендентом на бадахшанский престол, поскольку с бадахшанцами его связывали родственные отношения.

Что касается степени родства яфталцев с коренным населением Памира и Бадахшана, и степени их участия в его управлении, то уместно привести мнения авторов «Истории Бадахшана». Согласно доступным им сведениям, жители Яфтала¹ имели бадахшанские корни. Эмир Яр-бек хан ибн Шахбек ибн мир Захид хан являлся одним из наследников местных владетелей (династии), которые имели непосредственные родственные связи с яфталцами и на протяжении примерно жизни двух поколений местом их пребывания было селение Дахбед Самаркандской области. За всё это время желание вернуться в Бадахшан не покидало их. С появлением удобного случая они во главе с предводителем амир Яр-бек ханом переселились из Самарканда в Хами Мир (Равнина мира), избрав его местом постоянного проживания.

Яр-бек благодаря своей мудрости, примерному поведению и стремлением очистить край от чужеземцев – узбеков, вскоре снискал уважение всего населения Бадахшана, признавшего его в качестве своего правителя. Но, несмотря на это, некоторые жители Нижнего Яфтала, поддаваясь провокации ряда недоброжелателей Яр-бека, объявили некоего Шах Имада правителем

¹ Яфтал-название речки, которая берет начала на севере Файзабада и впадает в реке Кокча. Жителей долина этой реки и получила известность как Яфтал, а жители – яфталыцы.

Яфталя и для него в местности Лойоба построили крепость. Обидевшись, Яр-бек, без какого-либо открытого проявления недовольства, переселился в Индию. Узнав об этом, владетель Катагана Махмуд бий предпринял военный поход на Бадахшан. Для укрепления своей позиции он построил крепость в одной из областей Бадахшана – Джурм, для постоянного размещения отдельного своего отряда. Население Бадахшана убедившись, что без непосредственного содействия Яр-бек хана невозможно освободиться от бесчинства катаганцев, пригласили из каждого района делегацию снискавших почтение и особое уважение жителей для отправки их в Индию с целью просить Яр-бека вернуться в Бадахшан и занять престол.

Итак, делегация из тринадцати избранных людей с большим трудом смогла получить согласие Яр-бека. Возвращение Яр-бека было встречено населением с триумфом. Положение требовало, чтобы Яр-бек встретился с Субханкули-ханом в Балхе и заручился его поддержкой для управления Бадахшаном. После прохождения этой процедуры, удалось добиться утверждения политической самостоятельности Бадахшана и Памирских владений.

Согласно сведениям, имеющимся в «Истории Бадахшана», Яр-беку удалось управлять Бадахшаном в течение 50 лет¹. За это время он воспитал способных для управления отдельных владений Памира и Бадахшана сыновей. В частности старшему сыну Шах Сулайман беку он поручил управление Джурма, второму сыну – Юсуфали хану, владения Садда и Пасокух, третьему и четвёртому – Ходжа Ниёзу и Ходжа Исхаку – Зардев, Саргулам и Шева, пятому – Шаху Исмаилу беку от Кишма до Фархар с Варсаджоми Танги Дарун, шестому – Зияуддину – Аргунджхах, седьмому – Мирзо Канду – Куррон и

¹ Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. Автор предисловия, подготовки текста на кириллице и составители примечания Г.Гоибов ва М.Холов. – Душанбе: Дониш, 2007. – С.78 (В дальнейшем – Таърихи Бадахшон); См. так же: Элчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С. 121.

Мунджан, восьмому сыну – Мир Улугбеку доверял управлять Боги Джурм (Сад Джурма)¹.

После смерти Мир Яр-бека (1116г.х./1704-1705гг.) все братья единодушно предлагали в качестве прямого наследника трона утвердить его старшего сына Шах Сулайман-бека (1707-1713). Услышав о смерти Мир Яр-бека. Владетель Каттагана Махмуд-бий, предпринял военный поход для завладения Бадахшана, но на подступах к Файзабаду потерпел полное поражение, остатки его войска спаслись бегством². После смерти Сулайман-бека (он был убит неким Камарадином в Джурме) на трон Бадахшана возведён его брат Юсуф-Али хан³. Обладая достаточной смелостью, Юсуф Али хан за короткое время смог дать решительный отпор вылазкам каттаганских узбеков и присоединил к своим владениям Таликан, Ишкамиш, Гур, Хазрати Имам, Хинджан, добился подчинения Кундуза⁴, но в 1130г.х./1717-1718 гг. он был отравлен⁵. Управление Бадахшана взял в свои руки его сын Мир-Падшах. Затем власть перешла в руки брата Сулейман шаха Зияуддина (1130г.х./1717-1718гг. – 1149г.х./1736-1737гг.), который так же был убит в 1736-37 г. яфталцем Кази Асад ханом. За ним последовательно обладателями власти Бадахшана, и порою находившихся в его подчинении соседних владений, до 1864 г. были потомки Мир-Яр-бек хана Мирзои Калон, Мир Султан шах, Мир Бурхануддин, Мирзои Калон II его сын Мир Ахмед-шах-хан, затем Мирзои Калон III и его сын Шах – Замону-уд-дин⁶.

Согласно приводимым Кушкеки сведениям, после Шах-Земан-уд-Дина осталось трое его сыновей: Мир-шах, Мир-Юсуф-Али-хан и Мир- Насруллахан. В конце правления Земан-уд-Дин-хана каттаганский мир, Мир-Мурад-бек, имевший титул «аталыка» от Бухарского эмира, овладел Бадахшаном и

¹ Мирзо Сангмухаммади Бадахшй, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С.78-79.

² Таърихи Бадахшон. – С. 79-80.

³ Таърихи Бадахшон. – С. 81-82

⁴ Там же. – С. 83.

⁵ Там же. – С.84.

⁶ См.: Таърихи Бадахшон. – С. 83-94; Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 97-98; Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских князев (X в.- первая половина XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1983. – С. 55; Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С. 121-123.

заклучил в тюрьму этих трех сыновей Шах-Земан-уд-дина. Но они смогли бежать и вернуть себе власти. Мир-Шах назначил своих братьев Юсуф-Али-хана, правителем Рустака, Насрулла-хана – правителем Кишма, а сам вернувшись в Бадахшан, поселился в Файзабада и «стал главой и старейшиной народа. Его сыновья: Джахандар-шах, Мир Шуджает и Мир-Шахзаде-Хасан, достигши совершеннолетия, стали повсюду собирать войска и овладевать окрестными землями, так что во времена правления Мир-Шаха Бадахшан расширился в сторону Ханабада, Варседжа, Ферхара, Гульфегана и Талекана, а с другой стороны подчинил себе Шугнан, Вахан, Читрал, Сарыкол и Памир до Яркенда, беря с них дань и подати»¹.

Уместно отметить, что Мир-Шах назначил правителем Шугнана Мир Шуджаета, престолонаследник Бадахшана Джахендар-шах после смерти отца находился всего два года в звании мира. В связи с подчинением Бадахшана эмиром Афганистана Шерали-ханом и назначение Наиб-Мухаммад-Алам-хана его владетелем, Джахендар-шах, не имея сил сопротивляться, переселился в Куляб, а затем в Бухару, чтобы устроится на службу у эмира Музаффара (1860-1885). Но, видимо не находя соответствующего приюта, Джахендар-шах через некоторое время, переселился в Самарканд. Не задерживаясь там долго, отправился в Коканд к Худояр-хану, а затем в 1296 г.х./1878-1879гг. отправился в Шугнан, правителем которого был Юсуф-Али-хана. По каким-то причинам, опасаясь явиться к нему, он предпочёл через Вахан добраться Четрар, где проживал четыре года.

За всё это время его не покидала мысль вернуться в Шугнан или Бадахшан. В надежде осуществить это желание, он решил податься на службу Туркестанскому генерал-губернатору Кауфману. Ему было разрешено выделить место в Уч-Кургане Ферганской области. В результате неизвестного разногласия Джахендар-шах примерно в 1295г.х./1878-1879гг. был убит своим сыном Шердил-ханом (по Кушкеки – Мир-Дил-хан). После того, как

¹ Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – и С. 98.

Джахандар-шах покинул Самарканд, его сын Джахангир-хан и его братья решили остаться в этом городе¹.

Все вышеприведённые события определяют источниковую значимость сочинения «Истории Бадахшана», а также «Каттаган и Бадахшан» для позднесредневековой истории Бадахшана. Такую же ценность они представляют и для истории других самостоятельных феодальных владений: Шугнан, Рушан, Шахдара, Вахан, Ишкашим, Горан, да и Дарваз, расположенных в верховьях Пянджа или Западного Памира.

Академик Б. Искандаров, объективно оценивая эти работы, вместе с тем подчёркивая особую значимость «Истории Бадахшана», в частности пишет: «В отличие от «Каттагана и Бадахшана» Бурхан-уд-дина-хана Кушкеки здесь (в «Истории Бадахшана» - М.П.) содержатся весьма ценные и интересные сведения, касающиеся истории образования феодального владения Бадахшана, и довольно подробно описываются взаимоотношения бадахшанских миров с соседними феодальными владетелями. Одновременно подчёркивается зависимость в первой половине XIX в. Бадахшана от Кундуза, а Шугнана, Рушана и Вахана – от самого Бадахшана. В сочинении приводится также родословная (начиная с XVII в.) бадахшанских миров»².

Генеалогия бадахшанских миров, начиная от Султаншо (правивший с 1748 по 1744 г., под прозвищем Аждахо – Дракон) до Мир Аламхана (середины 70-х годов XIX в.), приводится на основе собранных устных сведений М.С. Андреевым и А.А. Половцевым для «Сборника Музея по антропологии и этнографии при Императорской академии наук», в начале XXв.

В составленной ими таблице из уст последнего представителя династии бадахшанских миров Искандар-хана, проживавшего в то время в Бухаре, владетели Бадахшана приведены в следующем порядке: султан Аждахар, султан Мухаммад-шо, султан Мирярбек хан, Шо-Сулайманбек, Миришо,

¹ О скитаниях Джахандар-шаха и другими представителями династии Яр-Бека, См.: Мирзо Сангмуъаммади Бадахшӣ, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 146-149; Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С.98-99

² Искандаров Б.И. Предисловие к кн.: Курбана Мухаммад-зода, Мухаббат шох-зода. Истрия Бадахшана. Издание текста, примечания и указатели А.А.Егани. – М.: Наука, 1973. – С.9.

Джандаршо, Шозода Хасан, Махмудшо, Мир Аламхан (до занятия Бадахшана афганцами). Авторы приводят и таблицу миров Вахана, в то время фактически находившегося в подчинении Бадахшана. В неё включены Мир Маска, Мир Хаджа, Мир Махди, Мир Мансур, Мир Джахан, Джаханхан, Фатх Алишо и Али Марданшо. Хотя и не указаны даты их нахождения у власти, но предположительно, можно в целом, определить их правление серединой XVIII – конца 70-х годов XIX в.¹

В «Истории Бадахшана» особое внимание уделено событиям, связанным с нападениями бадахшанских, дарвазских, шугнанских шахов на соседние владения, которые им удавалось временно держать в состоянии зависимости². В этом плане интерес представляет генеалогия шахов и миров Шугнанского владения³.

Автор, перечисляя генеалогию миров Шугнана, от Адама до прямых потомков пророка Мухаммада, от его внука имам Хусайна, сына Али и Фатимату-з-Захро (дочери Пророка) и последующих сейидов, из числа которых эмир Сейид Хасан Шах Хамуш (459г.х./1066-1067гг. - 531г.х./1136-1137гг)⁴ положил начало управления шахством Шугнана из числа представителей местной династии. Согласно имеющимся сведениям, Шах Хамуш из рода Сейидов родился в Исфагане. Получив соответствующее образование в течение 21 года, направился в Багдад, оттуда решил посетить Хатлон, где покоился прах султан Санджар Мози, одного из известных сельджукдских султанов, правителя Хорасана и Мавераннахра (1097-1157)⁵. Затем, Шах-Хамуш вместе с четырьмя друзьями и единомышленниками направился в Индию. Путешествуя

¹ Андреев М.С., Половцов А.А. Ишканим и Вахан //Материалы по этнографии Иранских племен Средней Азии. Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. – СПб.,1911. – С. 6-7.

² См.: Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 83-94, 95-106, 126-128

³ См. там же. – С.161-171.

⁴ Мирзо Сангмухаммади Бадахши и Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон (История Бадахшана). Муаллифи пешгуфтор, баргардони матн, қисме аз тавзеҳот, мурағибони феҳристонӣ номҳои ҳос ва мавзӯҳои ҷуғрофи. – Ғоибов ва М. Холов. – Душанбе: Дониш, 2007. – С.164-170.

⁵ Согласно мнению Г.Гоибова, прах султан Санджари Мози покоится в развалинах Султан-кала, вблизи города Байрамали в Туркмении. Гробница находящейся в село Лангара Муминабадского района, исходит из неверного предания распространившееся среди местного населения. См.: Гоибов Г. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. – Душанбе: Дониш, 2006. – С. 246-247; Он же. Мазори Шох Хомуш // Чахордах мазор. – Душанбе: Бунёди фарҳанги Тоҷикистон, 2001. – С. 124-136.

через перевалы Дардистана во владения Чатрара, друзья добрались до берегов Пянджаба (р. Пяндж), вступили в пределы владения Шугнана, владельцем которого являлся Саидон из Кашгара, захвативший Шугнан. По прибытию в Шугнан, местное население вместе со своими представителями с триумфом встречая Шах-Хамуша, изъявили желание подчиниться его святой воле¹.

В Шугнани Шах-Хамуш излечил тяжелобольную дочь местного правителя, четырнадцатилетнюю Биби-Гульшакар, которая, согласно её желанию и благословию родителей, стала его женой. Появившийся от них наследник и положил начало местного династического управления Шугнанского шахства².

По преданию Шах-Хамуш, согласно поставленной перед собой цели из Шугнана держал путь в Хатлон. По окончании территории Шугнанского шахства, в подчинение которого, вероятно, в то время находился Рушан, вступил в пределы Ванджа и некоторое время жил в этом шахстве. В знак уважения правитель Ванджа с охотой согласился на брачную связь своей дочери с Шахом Хамуш. От этого брака появился на свет сын Абуюсуф-шах, положивший начало местной династии правителей шахства Ванджа³.

Добравшись через Дарваз в Хатлон, Шах-Хамуш был встречен в городе Муминабаде с особым торжеством. Правитель Хатлона Саид Алишох-Вали, в знак особого почтения предложил ему в жены одну из трёх своих дочерей. Некоторое время Шах-Хамуш оставался в местности Дараи Туркия, которую стали называть «Лангари Шохи Хомуш» (Местопробывание Шаха-Хамуш), ныне село Лангар⁴. В книге «Таърихи Бадахшон», подробно приводятся генеалогия и потомки Саида Али-шоха Вали⁵.

¹ Мирзо Сангмухаммади Бадахшӣ, Мирзо Фазлалибекӣ Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 168.

² Мирзо Сангмухаммади Бадахшӣ, Мирзо Фазлалибекӣ Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 168-170.

³ Уместно отметить, что самостоятельность Ванчского шахства продолжалось до добровольного его присоединения с Дарвазским шахством в начале 40-х годов XIX. См.: Пирумшоев Х. Ванч (очерки илми-оммави. – М., 2004. – С.33-34; Его же: Таърихи Дарвоз. Аз қадим то замони муосир. – Душанбе: Ирфон, 2008. – С. 54-59; Его же: Ванчи ману ганчи ман. (Очерки таърихӣ). – Душанбе: Ирфон, 2013. – С. 42-43.

⁴ Мирзо Сангмухаммади Бадахшӣ, Мирзо Фазлалибекӣ Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С.169-170.

⁵ См. там же – С. 170-171.

Важные сведения для освещения позднесредневекового политического и экономического состояния владения Западного Памира даются, как отмечено, в работе Кушкеки «Каттаган и Бадахшан». Следует также отметить, что автор сосредоточил внимание на той части этих бывших независимых владений, которая охватывала оба берега реки Пяндж. Теперь, согласно Договору о разграничении Памира 1895 года, эта территория вошла в состав Афганистана. В ней довольно подробно приводятся сведения географического, социально-экономического характера о левобережной части Ишкашима, Вахана, Шугнана, Дарваза, порою с некоторой увязкой с историей их правобережных частей¹.

Не вдаваясь в подробности анализа содержания данной книги, тем более что автор в основном ограничивался лишь сведениями, касающимися левобережной части Западного Памира, следует ограничиться лишь определением значимости содержащихся в ней сведений для более обстоятельного анализа истории Памира и Бадахшана позднесредневекового и нового периодов.

Наряду с «Историей Бадахшана» и «Каттаган и Бадахшана», следует отметить значимость рукописи сочинения «История Бадахшана» Курбона Мухаммад-зода (Охун Сулаймон) и Мухаббата Шох-зода (Сейид-Футур-шо)². Однако специалисты считают, что его источниковая ценность не может сравниться с вышеупомянутыми работами.

В этом плане, предельно объективно оценивая источниковую значимость данного сочинения, академик Б. Искандаров пишет: «Название самой рукописи – «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана») надо понимать условно. Фактически в ней речь идёт лишь о Шугнанском феодальном владении и событиях, происходивших в нём. Что же касается других районов, в частности Вахана, Ишкашима, не говоря уже о части Бадахшана в пределах современного Афганистана, то истории, связанной с этими районами, авторы касались

¹ См.: Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 168-197.

² Курбон Мухаммад-зода (охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид Футур-шо). История Бадахшана (Таърихи Бадахшон). Издание текста, примечания и указатели А.А.Егани. автор предисловия и ответственный редактор – Б.И. Искандаров. – М.: Наука, 1973. – Факсимиле – 74 с., текст, на тадж. арабск графике – 84 с., Предисловие – С. 5-29. В дальнейшем приводится как История Бадахшана

мимоходом. Между тем подлинное изучение истории Шугнана невозможно без учёта развития соседних районов, не говоря уже о Вахане и Дарвазе, в которых происходили аналогичные исторические процессы... В изложении исторических фактов лишь на основе устного пересказа, естественно, допускались некоторые неточности»¹.

Несмотря на наличие этих недостатков, отмеченных учёным, всё же он в общей оценке рукописи недвусмысленно пишет о необходимости использования сведений, содержащихся в ней при исследовании истории Памира и Бадахшана XIX- начала XX вв. В частности, указывая на наличие в рукописи материала, «касавшегося главным образом, взимания феодальной ренты, купли-продажи земли, продажи людей в рабство, деспотического произвола представителей господствующего класса, что, несомненно, являются важным для освещения социально-экономических аспектов истории главным образом западной части Памира»². Этим учёный подчёркивает их значимость в исследовании позднесредневековой истории Памира и Бадахшана.

Рукопись «Истории Бадахшана» Курбона Мухаммад-зода (Охун-Сулаймон) и Мухаббата Шох-зода (Сейид Футур-шо) состоит из 4-х тетрадей. Первая тетрадь – «Период до Абдурахим-хана», охватывает период до правления шугнанского шаха Абдурахим-хана (охватывает события до прихода к власти Абдурахим-хана около 1845 год.); вторая тетрадь посвящена периоду правления сына Кубад-хана (1820-1844), Абдурахим-хана (1845-1869), и Юсуф-Али-хана (1871- 1883); третья тетрадь – событиям завоевательных действий афганцев на Памире, борьбе населения Шугнана и Рушана против них; последняя – четвертая тетрадь - «Николаевский период», посвящается периоду укрепления позиции России на Памире, созданию Российского пограничного поста в Хороге, особенности административной структуры на Памире и установлению Советской власти на Памире (1917-1920)³.

¹ Искандаров Б.И. Предисловие к кн.: Курбон Мухаммад-зода (охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид Футур-шо). История Бадахшана. – С. 11.

² Там же. – С. 10-11.

³ См.: Искандаров Б.И. Предисловие к «Истории Бадахшана» // Курбон Мухаммад-зода (охун Сулаймон),

Согласно мнению К. Эльчибекова, в первой и второй тетрадах допущено много неточностей в последовательном изложении Шугнанских правителей. «Первая тетрадь, - пишет он, - из 11 листов охватывает самый значительный период шугнанской истории; XI век – середина XIX в. (до правления Абдуррахим-хана), материалы, изложенные в первой тетради – наименее известный и почти неизученный период истории Шугнана. Сам размер тетради свидетельствует о том, что у авторов не было достаточных материалов для его написания»¹. При этом автор путём сопоставления с другими источниками, довольно обстоятельно приводит допущенные в рукописи неточности². Такие же недостатки прослеживаются и во второй тетради (в общем тексте рукописи «Истории Бадахшана занимает 12-73 лл.³), в которой приводятся сведения о событиях полувекового периода (1845-1895 гг.) истории Бадахшана, преимущественно Шугнана. Несмотря на то, что авторы упоминают о многих событиях, происходивших в этот период, но сопоставительный анализ К. Эльчибекова показал наличие неверных датировок годы правления ряда шугнанских шахов (Абдуррахим-хана, Мухаббат-хана, Юсуф-Али-хан) и отдельных событий⁴.

В третьей (л.74-104) и четвертой тетради (л. 105-157) данной рукописи⁵, освещены события, связанные с завоевательными действиями афганцев, подстрекаемых английскими колонизаторами, присоединением Памира к России и утверждением Советской власти на «Крыше мира». Особенность их изложения заключается в том, что авторы сами в какой-то степени были очевидцами описываемых событий. Эти произведения превосходят

Мухаббат Шох-зода (Сейид Футур-шо). Таърихи Бадахшон. – С. 10-29; Ғолибов Ғ., Холов М.. Пешгуфтор (Предисловие) к кн.: Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхасфар. Таърихи Бадахшон. – Душанбе: Дониш, 2007. – С. 47-48; Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С.17-44.

¹Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 18.

²См. там же. – С. 18-26.

³См.: Курбон Мухаммад-зода (охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид Футур-шо). История Бадахшана (Таърихи Бадахшон). – М.:ИВЛ, 1973. – С.94-132.

⁴Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 26-29.

⁵Курбон Мухаммад-зода (охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид Футур-шо). История Бадахшана (Таърихи Бадахшон). – В части факсимильного издания данной книги. – Л. 74-157, в печатной части данной кн. – С. 132-206.

предыдущие тетради как по объёму, так и по количеству представленных событий и фактов.

К. Эльчибеков, скрупулёзно сопоставляя содержание этих тетрадей с сочинениями Санг-Мухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсар «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана»), Бурхан-ад-Дина Кушкеки «Каттаган и Бадахшан» и Муборак-шохозода «Таърихи мулки Шугнон» («История владения Шугнана»), выявляет имеющиеся в них отдельные упущения и вместе с тем, отмечает их достоинства как важных источников¹.

По мнению К. Эльчибекова, причинами особого контраста в изложение событий, имевшем место в сочинении Курбона Мухаммад-зода и Мухаббата Шох-зода «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана»), заключаются в том, что: «1) Источниками для написания первой тетради явились легенды и предания, передаваемые из поколения в поколение, услышанные авторами рукописи от своих отцов и дедов; 2) Источники второй и третьей тетрадью – рассказы участников и очевидцев описанных событий, воспоминания отцов и дедов, и частично, самих авторов; 3) Источник четвёртой тетради – воспоминания самих авторов, их друзей и родственников о событиях, свидетелями и участниками которых они были»².

Что касается «Таърихи мулки Шугнон» («История владения Шугнана») Сейида Хайдаршоха Муборакшохозода, то, как отмечено выше, неудачная, ничем не обоснованная попытка автора заключается лишь в вводной части этой книжки, где указано, что «Шугнан – горная область вокруг реки Аму. В древности находился в полном подчинении Китайского хакана (императора – М.П.)» и далее пытается огульно доказать сохранившиеся якобы следы этой зависимости³. Более достоверными являются приводимые автором сведения,

¹См.: Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 27-43.

²Там же. – С. 44.

³См.: Саид Хайдаршох Муборакшохозода. Таърихи мулки Бадахшон. – Хоруғ: Помир, 1992. – С. 6-7. О том, что Шугнанское шахство кроме отдельных эпизодов номинального подчинения чужеземным захватчикам, всегда сохранял свою независимость. Что касается китайским владычеством над этим шахством, то оно совершенно беспочвенно. Подробно см.: Пирумшо Х. Помиру Бадахшон: назаре ба чуғрофиё ва таърихи сиёси (ахди қадим асрҳои миёна ва давраи нав). – Душанбе: Ганчи хирад, 2021.

касающиеся положения Шугнана более позднего периода, главным образом конца XIX — начала XX вв.

Автор так же родоначальниками управления местных шахов считает потомков Шах-Хамуша. В частности, он указывает, что Шах-Амирбек из потомков Шах-Хамуша в течение девяти лет своего управления шахством, приложил много усилий для процветания Шугнана. Он построил канал для орошения Шугнанской степи. Но особое развитие Шугнана приходилось на годы правления сына Шах-Амирбека – Шах-Вандж-хана II (примерно 1784-1793 гг.). Ему удалось распространить свою власть над всей территории Шугнана, так же он, проведя канал, расширил оросительную систему Шугнана¹. Сведения о Шах-Вандж-хане более подробно приводятся в книге Сангмухамада Бадахши и Фазлали-бека Сурхафсара «Истории Бадахшана», где последовательно изложено генеалогическое древо Шах-Вандж-хана и его потомков².

Наряду с вышеприведёнными источниками следует упомянуть и о «Маснави о шугнанских шахах» Сейида Фаррух-шо. В этой небольшой по объёму (7 страниц) поэме, написанной примерно в конце XIX в., приводятся сведения о периоде правления некоторых шугнанских шахов, начиная с правления Шах-Хамуша его сына Шах-Худодода, до конца правления последнего шугнанского правителя Юсуф-Али-хана (1869-1883 г.)³.

Таким образом, несмотря на отдельные вышеупомянутые недостатки, всё же нельзя недооценивать содержащиеся в указанных работах того важного материала, который крайне необходим для исследования позднесредневековой истории Памира и Бадахшана.

Сам факт возросшего интереса исследователей к содержащимся в них сведениям служит надёжным индикатором, определяющим их значимость для

¹Саид Хайдаршо Муборакшохода. Таърихи мулки Шугнон. – Хоруғ: Помир, 1992. – С. 9-10.

²См.: Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С.161-162

³См.: Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959-1963 гг. – М., 1967. – С.37. О жизни и литературной деятельности Сейида Фаррух-шо см.: Абибов А. Аз таърихи адабиёти толик дар Бадахшон. (Асри XIX ва аввали асри XX). – Душанбе, Дониш.1971. – С. 105-113.

более глубокого изучения истории этого горного региона, издревле входившего в обширный ареал проживания предков таджикского народа.

Разумеется, можно более детально анализировать содержание каждого вышеприведённого источника, исходя из того, что они являются плодами изысканий местных знатоков истории Памира и Бадахшана. Но, ограниченность объёма диссертационной работы, с одной стороны, и увидевшая свет монография К.Эльчибекова¹ с другой, стали причинами довольствоваться общей их характеристикой. Тем более, что в книге К. Эльчибекова, в которой, основываясь на сведениях, содержащихся в источниках, автор в той или иной мере описывает положение соседних с Шугнаном и Рушаном владений (Бадахшан, Вахан, Дарваз, Куляб) и более дальних (Северный Гиндукуш, Фергана, Кашгар, Хутан и др.).

Данная книга не ограничивается источниковедческим анализом лишь истории Шугнана и Рушана. Автор намного шире охватывает пространство своего суждения. Об этом убедительно свидетельствует структура работы. Первая глава «Сопоставление «Истории Бадахшана» с другими источниками по истории Шугнана и Рушана» недвусмысленно указывает на широту охвата проблемы. Вторая глава – «История Бадахшана» как источник по социально-экономическим отношениям в Шугнани и Рушане», так же не даёт ограничиться лишь этими двумя владениями. Это подтверждается и в содержании третьей главы - «История Бадахшана» как источник по истории Шугнана и Бадахшана», и пяти приложениях к данной книге, которые также подтверждают широкий охват, выходящий за рамки этих двух владений. К примеру, Приложение №1 «Генеалогическая таблица бадахшанских правителей XVIII-XIX вв.»² подтверждает данное мнение.

С другой стороны, такой подход вытекает от общего содержания текста источников, в которых рассматривается история Бадахшана. И действительно, трудно выделить Шугнан и Рушан из общего контекста содержания

¹ Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф. 2020. – 180 с.

² См.: Эльчибеков К. Шугнани Рушан в исторических источниках. – С. 121-123.

источников. На наш взгляд, в этом и есть научная ценность и своеобразие работы К. Эльчибекова.

Словом, в своей совокупности сведения, содержащиеся в вышеприведённых сочинениях местных авторов, представляют особую ценность в исследовании позднесредневековой и новой истории всех владений Памира и Бадахшана.

Таким образом, несмотря на отсутствие обстоятельного анализа событий, позднего средневековья, порою их фрагментарного изложения, основанного на расспросных сведениях, сочинения местных авторов для освещения истории позднесредневекового Памира и Бадахшана бесспорно являются ценными источниками. Значимость содержавшегося в них материала в особенности возрастает при исследовании политической обстановки, социально-экономического состояния Памира во второй половине XIX — начале XX вв.

IV.3. Освещение политического положения Памира и Бадахшана XVIII — середины XIX вв.

Согласно сведениям, имеющихся в источниках, независимо от присущей фактически общей управленческой традиции во всех владениях Памира и Бадахшана, междоусобицы, частые нападения друг на друга, приводившие к временному изменению их границ и потери самостоятельности, продолжали быть характерными явлениями политической истории этих небольших государственных образований вплоть до конца XIX в.

Уместно отметить, что Бадахшан, согласно сведениям, приведённым в «Истории Бадахшана», как самостоятельное государственное образование со своей столицей – Файзабад, насчитывавшее 230 лет, сложился во второй половине XVII в., точнее в 1068г.х./1657-1658 гг. Основателем его, как отмечено выше, был один из представителей самаркандских сейидов Ярибекхан, правивший в течение 50 лет. Он перед смертью (умер в 1116г.х. / 1704–1705 г.) разделил Бадахшан между 8-ми сыновьям.

После смерти Мир Яр-бека (1116г.х./1704-1705гг.) все братья единодушно предлагали в качестве прямого наследника трона утвердить его старшего сына Сулайман-шах (1118г.х./1706-1707гг. по 1125г.х./1713). Ему удалось разбить наголову катаганских захватчиков во главе с Махмуд-бийем.¹ После смерти Сулайман-бека (он был убит неким Камарадином в Джурме) на трон Бадахшана возведён его брат Юсуф-Али хан². Обладая достаточной смелостью, Юсуф Али хан за короткое время смог дать решительный отпор вылазкам каттаганских узбеков и присоединил к своим владениям Таликан, Ишкамиш, Гур, Хазрати Имам, Хинджан, добился подчинения Кундуза³, но в 1130г.х./1717-1718 гг. он был отравлен⁴. Управление Бадахшана взял в свои руки его сын Мир-Падшах. Затем власть перешла в руки брата Сулейман шаха Зияуддина (1130г.х./1717-1718гг. – 1149г.х./1736-1737гг.), который так же был убит в 1736-37 г. яфталцем Кази Асад ханом. За ним последовательно обладателями власти Бадахшана, и порою находившихся в его подчинении соседних владений, до 1864 г. были потомки Мир-Яр-бек хана Мирзои Калон, Мир Султан шах, Мир Бурхануддин, Мирзои Калон II его сын Мир Ахмед-шах-хан, затем Мирзои Калон III и его сын Шах – Замону-уд-дин⁵

Все это не могло не повлиять на политическое положение Бадахшана. Согласно мнению Кушкеки «в государстве поднялась большая смута и в конце концов Бадахшаном овладел Сулейман-бек. Вследствие этого постепенно власть над страной упрочилась преемственно за его потомками, пока в свою очередь, не перешла впоследствии к Мирза-и-Кляну, потомку Яр-Бек-хана. От Мирза-Каляна власть перешла к его сыну Мир-Султан-шаху, от него – к его сыну Мир-Бурхан-уд-Дину, от Мир-Бурхан-уд-Дина – к Мирза-и-Келяну второму, от этого последнего – к его сыну и наследнику Мир-Ахмед-Шах-хану,

¹ Таърихи Бадахшон. – С. 79-80.

² Таърихи Бадахшон. – С. 81-82

³ Там же. – С. 83.

⁴ Там же. – С.84.

⁵ См.: Таърихи Бадахшон. – С. 83-94; Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 97-98; Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (X в.- первая половина XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1983. – С. 55; Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С. 121-123.

от Мир-Ахмед-Шах-хана власть перешла к его сыну Мирза-и-Келяну третьему, от него к его сыну Шах-Заман-уд-Дин-хану»¹. Далее автор перечисляет последующих владетелей Бадахшана в той последовательности, которая изложена в «Истории Бадахшана».

Авторы «Истории Бадахшана» Сангмухаммади Бадахши и Фазлалибеки Сурхафсар положительно отзывались о Султан-шахе, который с уважением относился к учёным, поэтам и другим деятелям, прославившимся своими достижениями. Он часто встречался с такими видными личностями, как мавлави Абдул-Джаббар, окончивший медресе (высшую религиозную школу) в Лахуре (Индии), преподавал в главном медресе Файзабада, знаток шариата Гиясуддин, врач Мухаммад-Носири хахим, поэты мирза Абдуррахман, мирза Андалеб (из Ирана), мулла Абдуллах, мирза Ходжа-джан Рустаки, мулла Ориф и др. Организуя пышные приёмы, вручал им подарки. Например, за сочинения экспромтом стихов, эмир Султан-шах вручил мирза Абдуррахману дорогой с золотой вышивкой халат и 10 тыс. таньга².

Однако частые развлечения и пиршества в итоге стали причиной того, что султан-шах опустошил казну и ушёл с государственной службы.³ Это привело к тому, что Султан-шах фактически окончательно лишился поддержки соотечественников. Этим воспользовались калмыки и кашгарцы, совершая нападения на Бадахшан. В «Истории Бадахшана» Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара приводятся сравнительно подробные сведения о создавшейся ситуации. В частности пишется, что Султан-шаху вначале удалось удержать власть путём назначения на многие ключевые посты калмыков и кашгарцев. Сам несколько успокоившись, предался пьянству и разврату, чем ещё больше отделял от себя близких к своему кругу друзей и местное население⁴.

¹ Кушкеки Б. Каттаган и Бадахшан. – С. 97-98.

² Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 110-114.

³ Там же. – С. 116-117.

⁴ Там же. – С. 116-117.

На всё это не мог безучастно смотреть уже вполне укрепивший свою власть афганский правитель Ахмад-шах, намереваясь подчинить Бадахшан и назначить правителем одного из дружественных к Афганистану владетелей. Т. Г. Абаева, опираясь на доступные ей источники, указывает, что Ахмад-шах Дуррани в 1182г.х./1768-1769 гг. под начальством Шах-Вали-хана послал в Бадахшан войска. К ним для совместного выступления присоединился кундузский правитель Кубад-хана, находившийся во враждебных отношениях с правителями Бадахшана¹.

Сопоставляя сведения, имеющиеся в источниках, Т. Г. Абаева обнаружила противоречия в определении даты нападения афганцев на Бадахшан. Она указывает, что в «Истории Бадахшана» и сочинении Файз Мухаммад Котиб Хазора «Сирадж ат-таварих» дата афганского похода в Бадахшан указана 1182г.х./1768-1769гг., а русский исследователь Ю.В. Ганковский, опираясь на архивные документы, указывает, что нападение произошло в 1765 г.² Согласно мнению афганского исследователя С. Муроди, также опиравшегося на доступные ему источники, Вали-хан совершил поход в 1182г.х./1768-1769гг., но это было вторым его вторжением в Бадахшан³.

Несмотря на наличие некоторых противоречий в различных источниках, можно предположить, что после первого похода афганского визиря Вали-хана в союзе с правителем Кундуза Кубад-ханом, хотя Бадахшан и пережил разрушение, Султан-шах не был свергнут. Сохранение власти Султан-шаха объясняется тем, что для Вали-хана главной целью было вырвать из рук Султан-шаха священную Хирку (плащ пророка). Достигнув этой цели, он вернулся обратно.

Между тем, Султан-шах не извлекая урок из всего того, что пришлось ему пережить, по-прежнему продолжал вести беспутную жизнь, что вызывало ещё большее недовольство народа. Против него вспыхнуло восстание во главе с его братом, владетелем Рустака Тюра Бас-ханом (сын Мир-Падшаха), который

¹ Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – С. 112.

² Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. –

³ Муроди С. Бадахшон дар таърих. – Чилди дувум. – Кобул, 1390. – С. 822.

был в сговоре с Кубад-ханом против Султан-шаха. Воспользовавшись этим, Кубад-хан в 1181г.х./1767-1768гг.) (по другим данным 1182г.х./1768-1769гг.) с большим войском вторгся в Бадахшан. В результате захвата им Файзабада из 12 тысяч постоянно проживающих в городе семейств, после разорения и пленения осталось всего 4 или 5 семейств¹. Кубад-шах после этого, казнив Султан-шаха, покинул город. Уместно отметить, что относительно времени казни Султан-шаха в «Истории Бадахшана приводится две даты. Сангмухаммад Бадахши – автор первой части сочинения указывает на 1179 г.х./1765-1766гг., а второй автор – Фазл-Али-бек на полях рукописи приводит дату – 1184г.х./1770-1771гг.². К. Эльчибеков предпочтение отдаёт первой дате³, что так же требует окончательного уточнения.

В год казни Султан-шаха его сыну, вероятному престолонаследнику Мухаммад-шаху, едва исполнилось 14 лет. Услышав в Чахобе (или Чаёб – провинция на левом берегу Пянджа, между горами Рустака и Шахр Бузурга в современном Тахоре Афганистана) о смерти отца, чтобы спастись от преследования претендентов на престол перебрался в Такнов (провинция вблизи Яфталя), затем после долгих скитаний был задержан и содержался при дворе Кундузского правителя, убийцы его отца – Кубад-хана. Его освободил при помощи афганцев, совершивший нападение на Кундуз владетель Катагана Худойназар-бек, находившийся во враждебных отношениях с Кубад-ханом. В итоге Мухаммад-шаху удалось лишь при помощи дарвазского шаха Шах Мансура в 1207г.х./1792-1793гг.. вернуть себе отцовский трон в Бадахшане и, отмстив за смерть отца, он убил Шах-Мансура⁴. Таким образом, после смерти Султан-шаха Бадахшан более двух десятилетий оставался в состоянии политической нестабильности, находясь под влиянием и зависимостью от правителей Катагана или Кундуза, пока к власти не пришёл Мухаммад-шах.

¹ Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С.121.

² Там же. – С. 119-120.

³ Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 122.

⁴ Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 140.

За 30-летнее правление (1207г.х./1792-1793–1237г.х./1821-1822гг.) Мухаммад-шаху удалось сравнительно стабилизировать положение Бадахшана. В 1822 году Султан-шах решил уйти из государственных дел и передал управление своим сыновьям. Он прожил ещё 30 лет, до своей смерти в 1850 году в возрасте 101 года. Старший сын Султан-шах, который был до этого назначен отцом командующим войском, занял престол и правил Бадахшаном с 1237г.х./1821-1822гг. по 1267г.х./1850-1851гг. Второй – Мир Калон правил четыре года (1268г.х./1851-1852гг.– 1272г.х./1855-1856гг.), потерпев поражение от правителя Катагана Мурад-бека, убежал в Шугнан. Ему удалось вернуться через 5 лет и вновь занять трон. Второе его восшествие на престол продолжалось 6 лет (1277г.х./1860-1861гг. – 1283г.х./1866-1867гг.). Третьему сыну Мухаммад-шаха – Мир-Сулаймон-шо суждено было править Бадахшаном всего два года (1283г.х./1866-1867гг. – 1285г.х./1868-1869гг.). В 1868-1869гг. владетель Катагана Мухаммад Мурад-бек завоевал всю территорию Бадахшана, который до 1300г.х./1882-1883гг.) находился под властью Катагана¹.

Разумеется, дальнейшая судьба Бадахшана тесно переплетена с политической обстановкой, сложившейся в Афганистане, при непосредственном вмешательстве Англии до середины 70-х годов XIX в., т. е. до завоевания его Афганистаном. Что касается политического положения владений Западного Памира, то оно было тесно связано с теми событиями, которые происходили в Бадахшане.

Сведения, содержащиеся в «История Бадахшана» и «История Шугнана» свидетельствуют о том, что правители Шугнана были вовлечены в междоусобные конфликты в первой половине XIX века за контроль над Рушаном, Ваханом, Шахдарой и Ишкашимом. Но особенно ярко этот факт проявляется во время правления Ша Вандж-хана II (1784–1800) и Кубад-хана (1820-1844).².

¹ См.: Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 142-143.

² См.: Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С.124-134; Таърихи мулки Шугнон. – С. 8-10; Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 181.

Следует отметить, что политическое положение Памира и Бадахшана в первой половине XIX века наиболее достоверно отражено в трудах русских и европейских исследователей, которые руководствовались геополитическими интересами Англии и России в Средней Азии. Однако прежде, чем приступить к более подробному историографическому анализу их наследия в последующих главах данного исследования, следует использовать их данные для характеристики политических событий, происходивших на Памире до присоединения Средней Азии Россией.

Как отмечено, несмотря на родственные связи между правителями владений Памира и Бадахшана, исходя из закономерностей, присущих периоду феодальной раздробленности, фактически они всегда находились в состоянии политического противостояния, которые нередко приводили к военным столкновениям. В результате чего часто менялись территориальные границы владений. Менее мощные владения, попадались зачастую в положение зависимости от соседнего шахства. По истечению определённого времени им удавалось опять вернуть свою прежнюю самостоятельность. Например, шаху Шугнана Вандж-хану удалось организовать поход и подчинить Горон, Ишкашим, Вардудж, Бахорак до Файзабада, затем вернуться в Шугнан¹. Опираясь на сведения, имеющиеся в источниках касательно Шугнана, Х. Пирумшоев пишет: «В годы своего управления Шо Вандж-хану удалось создать мощное централизованное шугнанское государство, в подчинении которого находились миры Вахана, Зебака, Мунджана, Ишкашима. Но вскоре это образование, в силу тех же обстоятельств, присущих феодальному обществу периода его раздробленности, распалось на прежние мелкие княжества. Подобные междоусобные распри продолжались вплоть до середины XIX в.»².

¹ Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 141.

² Пирумшоев Х. Политическая обстановка на Памире в первой половине XIX в. //Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. Сборник избранных статей. – Ч.1. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 272.

Всё это, а также множество другой информации содержится в трудах участников военно-дипломатических и научных экспедиций из России, которые в силу обстоятельств побывали в Восточной Бухаре и на Памире, став непосредственными свидетелями событий, происходивших в этом регионе в последней четверти XIX века. столетие.

При оценке накопленных сведений по истории Памира и Бадахшана становится очевидным, что наличие соответствующих источников и исследований указывает на необходимость сосредоточиться на анализе уровня изученности ситуации, связанной с Западным Памиром и Бадахшаном в позднесредневековый период.

В изучении истории Памира и Бадахшана авторы зачастую в географическом плане отделяют Дарваз и Вандж от других владений Памира и Бадахшана. Но обстоятельное знакомство с историей этого горного края приводит к убеждению о том, что как в географическом, так и в историческом отношении история Дарваза и Ванджа является неотъемлемой частью общей истории Памира и Бадахшана. Об этом свидетельствует факт о том, что правители Дарвазского и Ванджского (до 40-х годов XIX Вандж являлся самостоятельным) шахства, являлись представителями той династии, которая управляла во всех владениях (шахствах) Памира и Бадахшана. С другой стороны, Вандж и Дарваз всегда были вовлечены в водоворот событий, происходивших на протяжении всего средневековья на Памире, в Бадахшане и других соседних западных владениях, таких как Куляб и Каратегин.

Как известно, Дарвазское шахство не могло оставаться в стороне от политических событий, происходивших в регионе в целом и на Памире и Бадахшане в частности. Аштарханид Надир-Мухаммад-хан, окончательно утвердившись в Балхе и Бадахшане в 30-40-х годах XVII века, решил завоевать Дарваз. Опасаясь его нападения, правитель Дарваза Шах-Гариб начал тщательно готовиться к обороне.

Войска Надир-Мухаммада под командованием Садикбия Парваначи, Аллах-Берди-бия и Хаджама Аталика, начав наступление на подступах к Калай-

Хумбу, натолкнулись на ожесточённое сопротивление войск Шах-Гариба и местного населения. Во время попытки штурма крепости войска Надир-Мухаммада понесли значительные потери и были вынуждены прибегнуть к длительной осаде. Только после истощения запасов продовольствия в 1048г.х./1638-1639 году Шах-Гариб был вынужден принять предложенные условия мира и согласиться погасить податный долг за четыре года, в течение которых он отказывался платить соответствующую налоговую подать. Кроме того, Шах-Гариб согласился поручить всем своим подданным читать хутбу в честь Надир-Мухаммада во время намаза и отдать в залог одного из своих сыновей. Однако позже ему удалось выдать своего брата Шах-Киргиза в качестве заложника вместо сына, которого увезли в Балх¹. Следует отметить, что волею судеб Шах-Киргизу суждено было впоследствии стать шахом Дарваза.²

Судя по содержанию соответствующих источников, в позднесредневековом периоде Дарваз не только сохранял свою независимость, но и в некоторое время ему удалось расширить свою территорию за счёт соседних владений. В середине XVIII в. Дарваз превратился в мощное и влиятельное шахство в пределах Памира, Бадахшана и других соседних владений. Об этом убедительно указано в «Истории Бадахшана» Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара. В данном сочинении, в частности, отмечено, что в 1162г.х./1748-1749гг., шахи владения Дарваза: Тугма-шах и Шах-Дарваз и Мансур-хан и Азиз-хан и Шахрух-Мирзо и Саодат-шах и Султан-Махмуд из сыновей Шах-Гарибуллаха³ с войском оказались в пределах Шугнана, совершив нападение на войска мира Султан-шаха (по

¹ Ёоибов Ё., Холов М. Пешгуфтор (Введение). См.: Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 25-26.

² См.: Пирумшоев Х. Таърихи Дарвоз (История Дарваза.). – С. 50.

³ Следует отметить, что вышеуказанные лица, перечисленные в «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана») как дарвазские шахи кроме Шах-Давазы и Мансур-хана другие не приводятся в перечне имен шахов. Что касается Султан-Махмуда, то годы его правления определены 1830-1839. То же самое в источниках не приводится имя их отца – Шах-Гарибуллах. См. и ср.: Пирумшоев Х. Таърихи Дарвоз (аз қадим то замони муосир). – Душанбе: Ирфон, 2008. – С. 63-66.

прозвищу Султан-Дракон). Бадахшанцы потерпели поражение. Многие вместе с Мирзо Калоном попали в плен.

Захватив военную добычу, оружие, доспехи и конскую упряжь, за исключением Мирзо Калона, они освободили остальных пленников и вернулись в свою столицу Калаи Хумб. Султан-шах, чтобы добиться его освобождения, отправил посольство с дорогими дарами ко двору дарвазского шазха. Тугма-шах радушно принял послов, устроил пышный пир и одарил их соответствующими дарами, после чего отпустил Мирзо Калона.¹

Имеется также немало сведений о возвышении Дарваза в первой половине XIX в. В этом плане достоверные сведения содержатся в работах русских авторов, которым в ходе своих поездок удалось собрать информацию из первых рук после присоединения Средней Азии к России. К примеру, представитель военно-административных кругов в Туркестане, управляющий нагорным районом Г.А. Арандаренко, приведя данные, согласно расспросным сведениям, о шахах Дарваза, перечисляет их в следующем порядке: Музраб-шо (1812-1822), Шо-Турк (1822-1830), Ибрагим-шо (1845-1837), Султон-шо (1837-1945), Исмаил-шо (1845-1863), Шо-Дарваз (1863-1870) и Сираджиддин-шо (1870-1876)².

Несколько позже, в 1893 г. другой, русский офицер, П.А. Кузнецов, посетив Дарваз по долгу службы, не указывая на годы его правителей, приводит их в такой последовательности: Махмуд-шо, Танаи Фудза-шо, Мухаммадхон-шо, Мизроб-шо, Шо-Дарвоз, Мансур-хан, Шо-Турк, Мизроб-шо II, Шо-Сулайман-хан, Ибрагим-хан, Султан-Махмуд-шо, Ахмад-шо, Исмаил-шо, Ибрагим-шо и Сироджиддин-шо³. При этом автор указывает, что Бадахшан, Вахан и Шугнан отделились от Дарваза, и управлялись своим ша. С того времени Вахан и Шугнан платили дань Бадахшану или Дарвазу, смотря по

¹ Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 95-96.

² Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. (Этнографический очерк) // Военный сборник. – Т. 154. – 1883. – . . . № 11. – С. 146.

³ Кузнецов П.А. Дарвоз (рекогносцировка ген. Штаба капитана Кузнецова в 1893). – г. Новый Маргелан, 1893. – С. 2-6.

тому, какое ханство в данное время было сильнее. Кроме того, ежегодно посылали подарки кокандскому хану¹.

Согласно имеющимся сведениям, со второй половины XIX Дарваз потерял былое политическое влияние в отношении соседних владений. В частности редактор «Туркестанских ведомостей» Н.А. Маев, описавший результаты своей поездки 1875 г. в Гиссар, пишет: «После счастливого похода в Гиссарский край, похода завершившегося занятием Куляба и Курган-Тюбе (1870 – М.П.), Каратегин и Дарваз также признали себя вассалами Бухары, и их владельцы (ша) ежегодно являются «на салям» (т.е., на поклон – М.П.) к эмиру». Как бы подтверждая это, Г.А. Арандаренко указывает, что после Исмоил-шо, Дарваз с трудом удерживая свою самостоятельность, постепенно оказался под влиянием Бухары. В годы правления Сироджиддин-шо он уже находился в вассальной зависимости от Бухары. Преемники Исмаил-шо, стараясь удержать за собой хотя бы Центральный Дарваз, начинали искать покровительство у эмира Бухарского. При Сироджиддин-шо Дарваз превратился сначала в вассала эмира, а впоследствии, утратил всякую самостоятельность»². Такую же картину наблюдали П.А. Кузнецов и Б.Н. Литвинов. «Два последние Дарвазские ша, - писал П.А.Кузнецов, - были люди слабые, неспособные, и чтобы поддержать свою власть искали помощи у эмира бухарского и хана Кокандского, а в благодарность за поддержку посылали им дорогие подарки»³. Согласно сведениям Б.Н. Литвинова, преемники Исмаил-шо, почувствовав, что Дарваз не может устоять против усилившихся соседей, наконец, стали искать номинальной зависимости от Бухары⁴.

Отсутствие соответствующих письменных источников значительно затрудняет более детальное изучение истории Восточного Памира. Поэтому и поныне сохраняется немало разногласий в работах востоковедов, изучавших историю киргизов Памира и процессы их переселения.

¹ Кузнецов П.А. Дарвоз. – С.2.

² Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. – С. 146.

³ Кузнецов П.А. Дарвоз. – С.5.

⁴ Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. – Т. 98. – СПб., 1994. – С. 716.

Основными источниками для изучения Восточного Памира (ныне Мургабский район) до его заселения кочевыми киргизами являются археологические находки. По мнению специалистов, Восточный Памир в середине I тысячелетия до н. э., до резкого изменения климатических условий, был обиталищем предков таджиков. Видные советские археологи В. А. Ранов и Л. Ф. Сидоров на основе результатов своих раскопок утверждали, что «около двух тысяч лет назад общепланетарные факторы в сочетании с дальнейшим поднятием Памирского нагорья и окружающей его горной завесы привели к формированию современного, чрезвычайно сухого и холодного природного комплекса, сопоставимого лишь с таковым в Тибете»¹.

Таким образом, как явствует из содержания источников и мнения авторитетных исследователей, Памир и Бадахшан в период средневековой и в особенности позднесредневековой истории нередко переживал трагические моменты, обусловленные феодальной раздробленностью, междоусобными войнами и притязаниями со стороны более могущественных соседних государств. В результате чего часто на время менялись территориальные границы владений. Подобная ситуация, отмечалась и во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Всё это не могло не отражаться негативно на социально-экономической и культурной жизни региона.

IV.4. Социально-экономическое положение позднесредневекового Памира и Бадахшана в источниках и исторических исследованиях

Распад государства Тимуридов и установление власти Шейбанидов в Мавереннахре и отчасти в Хорасане, как отмечено выше, совпали с утверждением в 1502 году династии Сефевидов в Иране. Эти династические перемены, происходившие далеко не мирным путём, не могли не сказаться на политической, социально-экономической обстановке владений Памира и Бадахшана. Эти высокогорные шахства стали объектом внимания наследников

¹ Ранов В.А., Сидоров Л.Ф. Развитие природы Памира как среды существования человека // Страны и народы Востока. – Вып.IV. – М., 1965. – С. 124-126.

Тимура (сыновей и внуков Бабура мирзо), которые использовали их как удобный плацдарм для проникновения в Индию и установления своей власти, что в итоге привело к созданию Империи Великих Моголов. На Памир, порою не безуспешно, организовали поход Шейбаниды, к ним прибавились и притязания Сефевидов¹.

Словом, частые опустошительные походы, стремление утвердиться в этом горном крае представителей упомянутых династий, нападения со стороны Кундуза на Бадахшан, непрекращающиеся междоусобицы, дворцовые перевороты, внутренние хозяйственные неурядицы, а также постоянная вражда между правителями владений Западного Памира, находившихся между собой в родственных отношениях, являлись причинами постоянного застоя и порою упадка социально-экономической жизни населения. Но, несмотря на это благодаря упорному труду местных жителей удавалось обеспечить производство жизненно важной продовольственной продукции, сохранить и развивать традиционное кустарное производство, необходимые торговые отношения.

Сведения, имеющиеся в письменных источниках, сочинениях местных авторов, работах посетивших край европейских и русских представителей военно-дипломатических кругов дают возможность в той или иной степени освещать социально-экономическое положение Памира и Бадахшана в позднем средневековье. В этом контексте историографический анализ данного вопроса может пролить свет на степень его изученности и выявить существующие пробелы в исследованиях.

Следует отметить, что почти все сочинения местных авторов, упомянутые выше, посвящены политической жизни в шахствах Памира и Бадахшана. На этом фоне, за исключением эпизодических упоминаний о состоянии сельского хозяйства и стремлении авторов выделить управленческие способности отдельных правителей, которые способствовали обеспечению мирных условий

¹ См.: Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты, - С. 46; Аримджанова С.А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. – М., 1977. – С. 34-35

и стабильности для повышения сельскохозяйственного производства, данные о социально-экономической ситуации в этих горных владениях в позднем Средневековье и новое время, как правило, отсутствуют. Например, в «Истории Бадахшана» Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара говорится о могуществе Бадахшана во времена правления Султан-шаха (1738-1756 гг.), когда ему удалось сохранить контроль над всеми владениями (шахствами) Западного Памира, включая Дарваз. «В это время с каждым годом больше и больше увеличивалось богатство страны, что позволяло Эмиру Султан-шаху обеспечить жизненные потребности людей. Он смог создать соответствующие условия для плодотворного занятия учёным, ремесленникам во всех направлениях их занятий»¹.

На благоприятный период экономического развития Шугнанского шахства в годы правления шаха Амир-бека II (1768–1783) указывает автор «Истории Шугнана» Муборак-шох-зода. В частности, он пишет, что в годы его правления в результате постройки канала для орошения Хорогской Степи (Дашти Хоруғ) процветало сельское хозяйство, в этой связи заметно улучшилось продовольственное обеспечение населения².

В «Истории Бадахшана» Охун-Сулаймона и Сеид-Футур-шо также приводятся скудные материалы касательно социальной структуры владения Шугнана. Тем не менее, они представляют значительную ценность для исследования данной проблемы. Важно отметить, что приведённые им сведения о формах землевладения, системе налогообложения и основных видах трудовой повинности местного населения, а также краткие сведения о социальном устройстве, административном управлении, сохранении института рабства, формах землевладения и налоговой системе стали объектом плодотворного источниковедческого анализа, проведённого К. Эльчибековым.³ Можно сделать вывод, что сопоставительный анализ этих сведений с другими источниками, в частности с работами российских исследователей, позволяет

¹ Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 96-97.

² Хайдаршох Муборакшохзода. Таърихи мулки Шугнон. – Хоруғ: Помир, 1992. – С8.

³ См. Эльчибеков К. Шугнани Рушан в исторических источниках.

более детально понять общую картину социально-экономического положения в Шугнани и других шахствах в период позднего средневековья и нового времени.

Книга Бурханддина Кушкеки «Каттаган и Бадахшан» содержит более подробную информацию о социально-экономическом положении Памира и Бадахшана во второй половине XIX — начале XX веков, особенно в отношении левобережной части Памира до и после раздела Памира и Бадахшана, который перешёл под власть Афганистана. Учитывая, что на протяжении всего позднесредневековья в условиях сохранения патриархальных отношений, устоев натурального хозяйства, сведения, содержащиеся в данной книге, в известной мере отражают экономические реалии владения Западного Памира и преимущественно Бадахшана позднефеодального периода.

Согласно имеющимся сведениям, политическая власть и присущее феодальному периоду административное управление, фактически не претерпели изменений до последней четверти XIX в., т. е. до потери самостоятельности.

Во главе административно-иерархической системы стояли шахи, которые началом своего генеалогического происхождения считали Искандара Руми (имея в виду Александра Македонского). В «Истории Бадахшана» Курбана Мухаммад-зода и Мухаббат Шох-зода представлена подробная генеалогия шугнанских шахов¹. Они имели неограниченную власть. За ними в административной лестнице по нисходящей занимали миры — правители бывших самостоятельных соседних владений, которых управлялись представителями той же династии. После потери независимости управление переходило к сыновьям, братьям и другим близким родственникам шаха. Сформулировав это более чётко, М.С. Андреев писал: «Шугнан, соседствующий с Рушаном, в административный состав которого входил и маленький Хуф, являлся почти всегда более сильным. Он побеждал в

¹ См.: Курбан Мухаммад-зода, Мухаббат Шох-зода. История Бадахшана. — М.: Наука, 1973. — В факсимиле. — Л. 12-13. В печатном изд. (на арбском шрифте). — С.94-96.

столкновениях Рушан, который был вынужден признать власть шугнанских «ша»... В вассальном Рушане правил в старое время, от имени шугнанского «ша» его наместник, проживавший в Кала-и Вомаре, носивший титул «мир»¹.

Подтверждая это, Б.Искандаров указывает, что «Шугнан и Рушан, как Вахан и Ишкашим, составляли, в сущности, единое феодальное владение. Рушаном управляли младшие братья или сыновья шугнанских правителей. Эти правители зачастую находились в родственных связях с правителями соседних владений. Нередко это являлось основанием для притязаний на чужие земли». Далее в качестве примера приводит Шо-Вандж хана, одного из сыновей Абдурахмон хана, который, используя родственные связи, с помощью дарвазского шаха (мать которого была родом из Дарваза), организовал поход и занял Шугнанский трон. Ему удалось временно подчинить себе Вахан, Зебак, Мунджан, Ишкашим².

Уместно упомянуть, что М. С. Андреев, ознакомившись с родословным документом, находившимся у сына последнего шугнанского ша Юсуф-Али хана – Абдул-Гияс-хана, утверждал, что почти все ша Шугнана были суннитами. «Во всяком случае, - писал учёный, -если это так, то мы имеем здесь ясное подчёркивание существования в Бадахшане, Шугнана и Рушане чужеземной династии правителей, не слившейся со своими подданными даже в вопросах веры, но в то же время не навязывавшей им свои суннитские убеждения... Может быть, этим и объясняется то, что они могли не тревожа свою религиозную совесть, спокойно обращать в рабство, продавать в неволю своих собственных подданных, иноверцев для них (исмаилитов), чего они не могли бы делать по своим религиозным воззрениям, если бы эти подданные были суннитами»³.

В этом плане уместно привести мнение Б.Искандарова по данному вопросу. Основываясь на предании о том, что в 1581 г. под видом

¹ Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Выпуск 1. // Андреев М.С. Таджики долины Хуф. – Вып. I-II. Переизд Б.: ООО Джем Кей Джи. 2020.- С. 25-26.

² Искандаров Б. Социально-экономические и политические аспекты, - С. 60-61.

³ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. – Вып.1. – С.28-29. (Приводится оригинальный текст родословны шугнанаских ша.См. с.27-28).

путешественников из Исфахана в Шугнан прибыли четыре брата: Сейид Мухаммед Исфагани, по прозвищу Шои Кошон, Сейид Шо-Маланг, Шо-Бурхан и Шо-Хомуш - Абдурахман (существует и мнения об их прибытии в Шугнан в XI-XII вв., т.е. в период распространение ислама в Западном Памире), учёный пишет: «Не исключено, что прибывшие в Шугнан лица были сторонниками этой ветви (шиизма – М.П.) ислама. Ряд рукописных источников указывает, что братья, особенно при правлении Аббаса I (1587-1628 гг.), были яркими пропагандистами исмаилизма, проникавшего в этот период в селения припамирских княжеств... Утверждению шиизма способствовало то обстоятельство, что жители горных долин боролись против захватчиков Шейбанидов, которые враждебно относились к шиизму... Таким образом, по мнению местных жителей, пришельцы стали во главе не только Шугнана, Вахана, но даже Дарваза и Канджута»¹.

В целом, учёный склонен так же к мнению о том, что шахи были суннитами. Он несколько раньше, в начале 60-х годов, определяя наличие таких социальных сословий как шахи, миры, духовенство (сейиды, пиры и их родственники), военные (акобиры), райяты или подданные, указывает на наличие противоречий, порою приводящих к конфликтной ситуации между аристократическими сословиями и шахом. Причину он видит в их вероисповедании. «Нередко, - пишет учёный, - аристократические сословия вступали в конфликт с правителем. Феодалные властители стремились к тому, чтобы поддерживать нормальные отношения с этими сословиями, используя их поддержку. Особенно это характерно для Шугнана, шахи которого по своему вероисповеданию в отличие от аристократических сословий (исмаилитов) были суннитами. На этой почве часто происходили конфликты между шахами и аристократами»². Нетрудно заметить, что он так же подтверждает мнение М. С. Андреева, касательно различия религиозных верований шахов и остального

¹ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (X в. в первая половина XIX в). – Душанбе: Дониш, 1983. – С. 57-60.

² Искандаров Б. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. (Издание третье). – Душанбе: Андалеб Р, 2015. – С. 126.

населения Памира. Подчёркивая данную религиозную рознь, К. Элчибеков указывает, что «правители Шугнана были суннитами, а остальное население Шугнана, Рушана и Вахана – шиитами»¹. В этой связи уместно сказать, что несмотря на однозначное мнение о суннитском вероисповедании шахов, Б. Искандаров в другой своей работе выразил некоторое сомнение в абсолютной точности этих сведений².

Что касается истории распространения исмаилизма на Памире, уместно упомянуть мнение известного источниковеда, подготовившего к печати «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана») Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара Г.Гоибова о том, что у истоков распространения исмаилизма на Памире стоял выдающийся таджикский учёный, поэт, философ и богослов Носир Хусрав (1004–1088)³. Это подтверждается и другими исследователями. В данном случае некоторое сомнение вызывает мнение о принадлежности всех шахов с начала образования Шугнанского, Рушанского и Ваханского шахств до потери их самостоятельности, в конце XIX в. к данной религиозной ветви.

Таким образом, мнения этих авторитетных учёных свидетельствуют о необходимости более обстоятельного сопоставительного анализа сведений источников со сложившейся политической и религиозной обстановкой на Памире и в Бадахшане позднесредневекового периода.

Что касается административной структуры управления, то согласно сведениям, имеющимся в «Истории Бадахшана», в административной иерархии имели место следующие должностные лица: кушбеги (после шаха второе лицо), диванбеги (чиновник по финансовой части), лашкар-баши (военачальник), казы (судья), саркор-баши (надсмотрщик за обработкой, посевом, сбором урожая с

¹ Эльчибеков К. Шугнани Рушан в исторических источниках. – С. 52.

² Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты. – С.60.

³ Гоиров Г., Холов М. Пешгуфтор ба «Таърихи Бадахшон». Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – Душанбе: Дониш, 2007. – С. 17.

шахских земель), аксакал (сельский староста), арбоб (помощник аксакала) и навкары (военные отряды шаха и мира)¹.

Главным экономическим показателем Памира и Бадахшана в позднем средневековье, как и в прежние времена, было земледелие. Разумеется, авторы местных сочинений, исходя из своей научной ограниченности, кроме перечисления разновидностей сельхозкультур, которые в основном приводили в связи с выплатой налогов и податей, не могли подробно освещать основные формы земельной собственности. Это и стало причиной сравнительно слабого научного изучения вопроса в отечественной историографии.

В этом плане уместно замечание К. Эльчибекова о том, что за исключением работы Б.Искандарова² и двух статей З.Бахромова³, которые опирались на сведения в сочинениях местных авторов и свидетельства старожилов, этот вопрос фактически остаётся неизученным. «Отсутствие исследований, - пишет К.Эльчибеков, - объясняется необычайной скудностью материалов, по которым никак нельзя получить полное представление о формах земельной собственности и системе налогообложения для периода шугнанской истории, предшествовавшего правлению Абдуррахим-хана (1845-1869)..., для этого периода не написана надёжная политическая история. Авторы истории Бадахшана» не сообщили нам даже легенд и преданий, из которых можно было бы извлечь какой-нибудь материал о формах земельной собственности и земельного владения в Шугнана в этот период»⁴.

Тем не менее, тщательный анализ материала вышеуказанных сочинений и других документальных источников позволил исследователям прийти к заключению о наличии в середине XIX в. следующих категорий земельной

¹ См. Курбон Мухаммад-зода, Мухаббат Шох-зода. История Бадахшана. – С. 13-18; Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 50-51.

² См.: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. I. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. – С. 77-119; Указанная работа. Издание третье. – Душанбе: Андалеб Р. – 2015. – С. 88-121; см. так же: Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты. – С. 147-152.

³ Бахрамов З. Земельные отношения в Шугнана в конце XIX- начале XX вв. (1895-1920) // Очерки по истории Таджикистана. – Сталинабад: Госпединститут им. Т.Г.Шевченко, 1957. – Т. I. – С. 47-86; его же: К вопросу о состоянии хозяйств Шугнана в дореволюционный период // Очерки по истории Таджикистана. – Сталинабад: Госпединститут им. Т.Г.Шевченко, 1959. – Т. II. – С. 11-30.

⁴ Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 45-46.

собственности: 1) шахские (находившиеся в частной собственности духовных и светских феодалов); 2) наследственные или потомственные, находившиеся в пользовании крестьянства; 3) вакуфные земли (собственность пожертвованная кем-либо в пользу религиозных учреждений - мечетей, медресе и мазаров); 4) общинные земли¹, также в качестве 5 категорий приводится и вакуфные земли. Б. Искандаров, анализируя документы, обнаруженные им, определил в их содержании такие земельные пожалования как временные, дарственные и наследственные танхо (доход от воды и земли)². В рукописи сочинения «Истории Бадахшана», указывается лишь на первые две категории земельной собственности – шахские и наследственно- владельческие. Нет упоминаний о вакуфных и общинных землях.

Согласно сложившейся традиции, исходящей из требований шариата во всём мусульманском мире, земля принадлежала богу, верховный владетель государства (шах или султан) считался его наместником, с полным правом обладания землёй. В этом отношении владения (шахства) Памира и Бадахшана не могли быть исключением. Они могли свободно распоряжаться всеми категориями собственности на землю, но лично владели обширными плодородными полями, фруктовыми садами. Собственность шахов на землю, в частности, выражалась в том, что он в любое время мог отнять у крестьянина землю и передать в собственность сеидам, крупному феодалу или по своему усмотрению навкарам.

«Отдельные документы, - пишет Б. Искандаров, - свидетельствуют о том, что, наряду с крупными светскими феодалами, обладателями больших земельных участков являлись представители духовной власти. При этом вакуфная земля не всегда обрабатывалась теми благотворительными учреждениями, коим она была завещана, наиболее приемлемой формой её эксплуатации была сдача в аренду, которая в некоторых случаях принимала

¹ См.: Бахрамов В. Земельные отношения в Шугнане. – С. 49-54.

² См.: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в (изд. третье). – Душанбе: Андалеб, 2015. – С. 99-106.

бессрочный наследственный характер»¹. Соответственно сведениям, имеющимся в «Истории Бадахшана», сейиды так же считались крупными обладателями земли. При этом обработка их земли входила в обязанности раиятов – поданных сословий, которые, не получая ничего взамен, довольствовались в лучшем случае, лишь благословением сейида или его слуг.

Благодаря неимоверным усилиям местного населения, несмотря на ограниченность земли, пригодной для посева, алчность местных феодалов и представителей административно-религиозных кругов, присваивавших в виде налогов большую часть выращенного урожая, оставшаяся часть, с большой натяжкой удовлетворяла минимальную продовольственную потребность трудового населения.

Согласно сведениям Бурхануд-дина Кушкеки из сельскохозяйственных культур в Бадахшане широкое распространение получили пшеница, ячмень, горох, бобы, мак, лен, келюл (одна из разновидностей гороха), мушунг (маш), просо и др. Бадахшан так же славился разнообразными фруктами и животноводством². Характерной особенностью работы Кушкеки «Каттаган и Бадахшан» является то, что автор, приведя соответствующие географические и социально-экономические сведения, касающиеся всех районов и местностей Бадахшана (Файзабад, Аргу, Яфтель, Кишм, Раг, Зебак и др.), особое внимание уделяет состоянию сельского хозяйства, в частности производству разновидностей зерновых культур³. В этой связи следует отметить, что данные приведены на основе наблюдения самого автора и относятся к началу XX в. Но с учётом того обстоятельства, что время не могло изменить устоявшиеся веками социальные и хозяйственно-бытовые традиции, приводимые им сведения характеризуют реалии всего позднесредневекового и нового периодов хозяйственной жизни Памира и Бадахшана.

Такие же сведения содержатся в данной книге относительно шахства Западного Памира. К примеру, он указывает, что в Ишкашине в самое

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – С. 102.

² Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 88.

³ См.: Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 88-146.

непродолжительное время может быть получено две-три тысячи джерибов¹ с культурной плодородной земли»².

Следует отметить, что в условиях горного климата и нехватки земли для посева, строительство каналов для орошения земли требовало от местных жителей невероятного труда для сносного обеспечения продовольственных ресурсов. Академик Б. Искандаров, не понаслышке знавший особенности земледельческого труда в горных условиях, пишет: «Орошали поля арыки, по которым вода обычно проходила по боковым ущельям из горных речек и ручьёв, впадающих в большие реки – Шахдару, Гунт, Вандж, Бартанг и Пяндж. Нередко приходилось проводить воду издалека, затрачивая немалый труд для рытья арыка, а в отдельных случаях, в частности, когда арыки огибали скалы, прибегали к устройству искусственных оснований для арыков или проводили воду по деревянным желобам, положенным на выступы в скалах или же поддерживаемым деревянными подпорками из жердей и брёвен»³.

В сочинениях и других письменных источниках имеется немало сведений о строительстве оросительной системы. Они обнаруживаются и в эпиграфических памятниках. Например, хорошо сохранилась надпись на камне в кишлаке Шидз, свидетельствующая о строительстве канала в 1764 г. В другой надписи на камне, датируемой 12196г.х./1878-187гг., речь идёт о постройке канала в Шугнанае в местности Сарои Бахор⁴.

В книге «Каттаган и Бадахшан» автор приводит сведения о состоянии сельского хозяйственного производства, ремёсел и торговли для каждого из следующих районов, находящихся в административном подчинении Бадахшана: Джерм, Рустак, Зейбак (Зебак), Ишкашим, Шугнан, Вахан, Раг, Шахри Бузург, Яфтель, Кишм и Дераим⁵.

¹ Джериб – мера измерения площадей, примерно равен 400 кв сажням или одному танапу (1/3 га).

² Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 146.

³ Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. - С. 116.

⁴ Более подробно о текстах см.: Касимов Н. Эпиграфические памятники Памира //Памироведение . – Вып.І. – Душанбе: Дониш, 1984. – С.10-18.

⁵ См.: Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 101- 167.

Согласно его наблюдениям в Вахане «вследствие холодного климата, снегов и сильных ветров здесь сеют в апреле и мае «мушенг», пшеницу, ячмень, бобы и келюл зерновой злак, который здесь называют «патек»; урожай же собирают в конце августа и сентября»¹. В Шугнанае также производились посеы пшеницы, ячменя, проса, бобов и других злаков с апреля по июнь, а время сбора определялось в зависимости от вызревания культур в августе и сентябре. Далее согласно информации автора, «ввиду того, что в Шугнанае мало земель, удобных для посевов, то и хлебных злаков собирается там мало и не достаёт населению до следующего урожая, так что оно вынуждено в конце зимы и в начале весны употреблять в пищу сушёный тут (шелковица)»².

В Дарвазе в основном сеяли пшеницу, ячмень просо, бобы и мушенг. В отличие от других владениях Западного Памира здесь возделывали хлопок. Время сева – март и апрель, и жатва в августе. Отмечено, что в этом владении (после его присоединения к Бухарскому эмирату в 1878, бекство) «в большом количестве произрастают: тут (шелковица), черешня, «шахтут» (особый сорт тута. – М.П.), абрикосы, сливы, яблоки, груши, персики, виноград, дыни, арбузы, винные ягоды, гранат и айва». Это несколько отличало земледельческие возможности Дарвазского бекства, особенно в его Ванджском амлякдарстве, где по сравнению с Шугнаном и Ваханом, были более просторные земли, пригодные для посева.

Известно, что в социально-экономической жизни любого народа до индустриального периода, особую роль играет ремесленное производство. Памир и Бадахшан в этом отношении не могут быть исключением. В предыдущих главах кратко говорилось об особенностях развития этой важной стороны жизни населения в древности и средневековье с точки зрения исторического подхода к проблеме. Традиции народных промыслов сохранялись и в позднее средневековье этого горного региона.

¹ Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 157.

² Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 171.

Говоря о степени освещении ремесленного производства во владениях Памира и Бадахшана в позднем средневековье, следует отметить, что в таких сочинениях как: «История Бадахшана» Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара, «История Бадахшана» Курбона Мухаммад-зода и Мухаббата Шох-зода, так же «История Шугнана», основное внимание авторов сосредоточено на описании политических событий, развернувшихся в этих и соседних к ним владениях. В отличие от них ценные сведения касательно данного вопроса приводятся в работе Кушкеки «Каттаган и Бадахшан».

Указывая на развития различного рода кустарного производства, Кушкеки пишет: «В Бадахшане, - пишет автор, - некоторые вещи вырабатывают в большем количестве, чем в других местах: выделяются шерстяные ткани, в особенности материя известная здесь под именем «нехи» (особого рода тонкая бумажная ткань), в горных же районах выделяются только шерстяные ткани. Местное население, в большинстве, изготавливают халаты из шерстяной ткани «берек», вывозя их для продажи на сторону»¹. В данной работе приводятся ценные сведения об основных видах ремесленных изделий, производимых в городах и крупных селениях Бадахшана².

Описывая состояние традиционного ремесла в Вахане, Кушкеки указывает, что здесь из козьей и ячьей шерсти ткнут паласы, чулки. Изготовлением ниток из шерсти занимались женщины, а ткачеством – мужчины. Обувь изготавливали из коровьих кож, кож диких коз и других животных³. Согласно сведениям Кушкеки «Население Шугнана, – пишет он, – выделяет из овечьей шерсти «берек», чулки, перчатки, а из козьей – паласы. Из «берека» местной выработки шьют для себя и для продажи верхние халаты (чекмени) и «барзу» (вид кожаного халата – М.П.). Эти же вещи изготавливают и из шерсти горных козлов»⁴. Согласно его наблюдениям, наиболее распространёнными видами ремесла в Дарвазе, являлись ткачество «берека»,

¹ Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 88-89.

² См.: Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 96-146.

³ Там же. – С. 157.

⁴ Там же. – С. 171.

вязание чулок, выделывание паласов, мат и алачи и другие разновидности ткацкого производства¹.

Разумеется, ремесленные изделия, изготавливаемые мастерами центров владения Памира и Бадахшана в позднем средневековье, не могли занять особо заметное место в региональной торговле. Географическая изолированность, незначительный спрос на изготавливаемые местными мастерами изделия, являлись главной причиной застойного характера ремесленного производства. Но это вовсе не означает их отсутствия в торговых связях. Файзабад славился как одним из крупных торговых центров Бадахшана. Согласно сведениям Кушкеки, в этом городе было много купцов и ремесленников. Сюда привозили товары из Пешавара, Читрала, Яркенда и Кашгара. На Файзабадском базаре насчитывалось до 300 торговых лавок².

По сравнению с крайне скудным освещением особенностей земельных отношений, формы земельной собственности, ремесленного производства и торговых отношений в сочинениях местных авторов, в частности, в «Истории Бадахшана» более подробно характеризуются система налогообложения и трудовые повинности.

В местных источниках, хотя и указывается на основные виды налогов (андоз), взимаемых с населения в виде харадж, ушр, бор, тухмбар и других, а также выполняемые повинности³, но в силу своей ограниченности понять особенности патриархально-феодалных экономических отношений трудно, не даётся ясной классификации особенностей налогов, поборов и повинностей.

Особый интерес представляет текст рукописи Курбаншо Зухурбек-зода и Кази-зода Гариб-Мухаммада «Исторические заметки», которую как в оригинале, так и в переводе на русский язык в качестве Приложение (№ 3), поместил в своей книге К.Эльчибеков⁴. В «Заметках» авторы, указывая на то, что знают прошлую историю Шугнана и Рушана с 1857 г., приводят наглядные

¹ Там же. – С. 189.

² Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. – С. 102.

³ См.: Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 67-

⁴ Исторические заметки. Приложение к кн.: Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 135-146. «Заметки» составлены после установление Советской власти на Памире.

примеры о вопиющим произволе шахов во взимании налогов. В частности, в самом начале «Заметок» указано: «Абдуррахим-хан в период своего управления (1845-1869) подвергал насилию и эксплуатации бедный народ Памира. Абдуррахим-хан, находясь у власти, обирал угнетённый народ [посредством] очень больших налогов. А именно: с хозяйства [каждого] бедняка на свои личные нужды забирал 6 голов скота, 12 кило масла, 100 кило зерна»¹. Кроме того, с каждого хозяйства под видом закупки брал быка за полцены².

В данной рукописи (во втором листе), авторы, указывая на более тяжёлое бремя налогообложения периода правления Мухаббат-хана пишут: «Мухаббат-хан брал [с каждого хозяйства] 6 голов баранов, 8 килограммов масла, 150 килограммов зерна и одного быка, до двух пар шерстяных чулок, ткани для одеял и дрова»³.

Также авторы «Исторических заметок», указывая на увеличение взимаемых налогов, для сравнения приводят порядок налогообложения в годы правления Юсуф Али-хана (1871–1883). «Юсуф-Али-хан, - пишут они, - в период своего правления ещё больше творил насилий и несправедливостей чем его отец и брат. С хозяйства бедных дехкан брал в год до 8 голов баранов, до 12 килограммов масла, 180 килограммов зерна, , одного большого быка, и если какой-то бедный дехканин чем-то провинился или если имели тяжбу, то кто давал больше взятку, чиновники Юсуф-Али-хана решали спор в пользу того (рукопись, л. 3а) человека. Вообще бедных дехкан сильно мучили по ложным обвинениям и эксплуатировали при помощи разных хитростей»⁴.

Одним из самых вопиющих явлений в налоговой системе Памира (за исключением Дарваза и Ванджа, находившихся под властью Бухарского эмирата) была передача подростков за налоговые долги или в качестве приношения, превращения их в рабов. Этот позорный средневековый институт, якобы соответствующий шариату для суннитской ветви ислама по отношению

¹ Исторические заметки // Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 139.

² Там же. – С.139-140.

³ Там же. – 140.

⁴ Там же. – С.142.

к последователям шиитского направления, продолжался вплоть до присоединения Памира к России. Существующие источники, особенно упомянутые выше работы местных авторов, приводят многочисленные примеры купли-продажи молодых людей, чаще всего подростков, в качестве уплаты налоговых долгов или приношений более влиятельным соседним правителям.

В «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана») Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара, имеются данные о том, что шахи памирских владений, при завоевании соседних владений, население которых являлось шиитами (исмаилитами), пленников обращали в рабов, а при захвате пленных на территории с суннитским населением такого не наблюдалось. В худшем случае их казнили. Например, шугнанский ша Мир-Султан-шах, совершая нашествие на Читрал в 1165г.х./1751-1752гг., захватил 15 тысяч пленников (К. Эльчибеков, считает это число явно завышенным) в качестве рабов. Но при победоносном нападении на Хатлон в 1753 г., не брал ни одного в качестве раба, приказал казнить более 200 пленников¹.

Судя по содержанию рукописи «Истории Бадахшана», продажа людей в рабство считалось обычным явлением. Например, шугнанский правитель, посещая Кундуз в 1209 г.х./1794-1795гг. в качестве подношения его владельцу Мурад-беку подарил около 100 мальчиков и девочек, насильственно отобранных у родителей в Шугнани и Рушани². Авторы данного сочинения приводят примеры о том, как шугнанский правитель Абдуррахим-хан ежегодно насильно брал с Рушана, Хуфа, Баджува, Бартанга и Шугнана мальчиков и девочек для продажи их в Бадахшан, Яркенд и Кашгар. На вырученные от их продажи средства покупали дорогостоящих лошадей, ткани для халатов, сапоги, чай и другие товары³.

Автор «Истории Шугнана» Муборакшох-зода, на основе воспоминаний старожилов – знатоков местной истории, касательно продажи рабов приводит в

¹ Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С.107-108.

² Курбон Мухаммад-зода, Мухаббат Шох-зода. История Бадахшана. – С. 96 (л. 15 рукописи)

³ См. там же. – С, 94-95.

качестве примера следующее: «У Абдурахим-хана в должности диванбеги служил некий калмык по имени Махмадкарим, рассказывают, что он был настоящим деспотом. Казнил и продал в рабство много безвинных людей. В селение Хуф во владении Рушана однажды из числа мужчин, женщин и детей продал 600 душ. Люди, не выдерживая насилия Махмадкарима, бежали в Шахдару»¹. Мухаммад-Карим был убит в 1856 г. ходе восстания под предводительством мир-бека, против Абдурахим-хана, в котором участвовали и недовольные его правлением шугнанцы².

В своём примечании к этому небольшому по объёму сочинению А.А. Семенов, указывая на существование работорговли во владениях Западного Памира, как традиционном явлении, писал: «Торговля людей в рабство в Шугнани, Рушани и Вахани до конца XIX в. было обычным явлением. Оно подтверждается почти всеми европейскими путешественниками, в своих записях относительно этих стран (владений – М.П.)»³. Особое развитие продажи невольников и невольниц получило в годы оккупации владения Западного Памира афганцами 1883-1885 гг.

Конечно, можно и дальше приводить подобные примеры из местных источников, но стоит отметить, что к этим примерам придётся вернуться в будущем. Это обусловлено необходимостью историографического анализа многочисленных трудов российских исследователей, чему и посвящена следующая глава данного исследования. В этом контексте следует подчеркнуть, что в трудах местных авторов и других источниках, ставших доступными как отечественным, так и зарубежным исследователям истории таджикского народа, содержится чрезвычайно ценная информация. Эти источники, обладая значительной исторической ценностью, будут и впредь служить будущим поколениям исследователей.

¹ Саид Хайдаршо Муборакшохозода. Таърихи мулки Шугнон. – Хоруғ: Помир, 1992. – С. 11.

² Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. – С. 84.

³ Таърихи мулки Шугнон. - С. 26 (примеч. 19).

ГЛАВА V
ИСТОРИОГРАФИЯ ПАМИРА И БАДАХШАНА
КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

V.1. Исследователи о геополитических интересах

Англии и России на Памире

Противостояние Англии и России на Памире в русской историографии. Судя по имеющимся в работах европейских и русских исследователей сведениям, берёт начало далеко до завоевания и присоединения края к России. В этом плане Памир и Бадахшан с выгодным для них стратегическом положении не могли остаться в стороне. Англия, превратившая Индию в свою колонию, стремилась втянуть в свою обширную колониальную орбиту Афганистан, а затем и Среднюю Азию. Это и стало побудительным мотивом как можно больше собирать сведения о географическом, политическом и социально-экономическом положении региона. Намерение через Памир проникнуть вглубь Средней Азии, давала возможность англичанам фактически до середины XIX века, сохранить своё ведущее местов в исследованиях Памира и Бадахшана.

Исходя из этого, Россия не могла оставаться в стороне, когда Англия активно действовала в стратегически важном районе Южной Средней Азии, известной как «Крыша мира». С 60-х годов XIX века ведущую роль в комплексном изучении Памира стали играть русские исследователи, в основном путешественники и представители военных и дипломатических кругов.

В процессе обстоятельного знакомства с политическим, и социально-экономическим положением Средней Азии у английских политических и военных кругов всё больше возросла тревога о вероятности нападения России на «главную жемчужину» британской короны – Индию. При различном направлении вероятности военного вторжения России, постепенно на передний план выходило памирское направление. Разумеется, для такого опасения у англичан были и достаточно веские причины. Они проявлялись в создание

проектов нападения на Индию. В этой связи уместно отметить, что в отличие от дипломатических служб, которые не давали таким фактам широкой огласки, исследователи, по мере своей осведомлённости, пытались анализировать эти намерения правителей и высших военных кругов, при освещении внешней политики России на том или ином этапе истории англо-русского соперничества.

Изучение сохранившихся документальных источников и научной литературы, посвященных внешней политике Британской и Российской империй до начала XX века, позволяет сделать вывод о том, что их противостояние продолжалось более двух столетий.

Мы не станем подробно останавливаться на истории англо-русского противостояния в Средней Азии и противоречиях среди исследователей, поскольку это выходит за рамки данного исследования, а также для того, чтобы не превышать требуемый объем диссертации. Исходя из этого, целесообразнее будет ограничиться лишь историографией русско-английского противостояния на Памире, хотя вырвать её от общего среднеазиатского контекста практически невозможно. К тому же, в данном случае сложность заключается и в том, что в многочисленном своём наследии, как русские, так и английские авторы, стремились приводить соответствующие аргументы в оправдание официальной политики своего государства в этом направлении. В этой связи мы считаем, что было бы более целесообразно кратко рассмотреть степень изученности проблемы для каждой из этих сторон отдельно друг от друга.

Соперничество этих двух империй в Средней Азии в целом, и за овладением Памира в частности, занимало важное место в русской дореволюционной историографии. В этом плане особую ценность имеют работы М. Венюкова¹, М.А. Терентьева², И.Минаева³, Баторского⁴, Б.Л.

¹ Венюков М. Исследования англичан в бассейне Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. – 1875. – № 51; его же: Очерк международных вопросов в Азии // Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб., 1877. – 297 с.

² Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875. – 361 с.; он же: История завоевания Средней Азии. – Т. I-III. – СПб., 1906. – соответственно: 510, 547, 496 сс.

³ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – 242 с. + VIII стр. предисл.

⁴ Баторский Поект экспедиции в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807-1808 гг. // Сборник географических, топографических и статистических

Громбчевского¹, Лобысевича², Б.Л.Тагеева (Рустам-бек)³, Серебренникова⁴, Ф.И. В.Н.Зайцева⁵, П.А.Риттиха⁶, А.Е.Снесарева⁷, М.Грулева⁸, А.К. Разгонова⁹, Муханова¹⁰, В.В. Бартольда¹¹ и др.

Хотя каждый из перечисленных авторов заслуживает внимательного изучения их работ, в рамках данного исследования будет достаточно кратко рассмотреть сведения, касающиеся противостояния Англии и России на Памире.

М.Венюков в контексте других проблем, лишь несколько поверхностно упоминая о англо-русских отношениях на Памире, если с одной стороны осознаёт необходимость «протянуть линию русских осёдлостей по северному подножью Гиндукуша и Паропамиза», то с другой, недвусмысленно указывает на невозможность пойти на такой шаг в силу того, что «после переговоров 1869-1873 годов с Англией у России, если не юридически, то нравственно и политически связаны руки»¹².

М.А. Терентьев в своей книге «Россия и Англия в Средней Азии»¹³, довольно подробно характеризуя их политику в отношении региона, от её истоков до середины 70-х годов XIX века, приложил максимум старания, чтобы

материалов по Азии. – Вып. XIII. – СПб., 1886. – С. 1-104.

¹ Громбчевский Б.Л. О путешествии 1889-1890 гг. (Доклад капитана Б.Л. Громбчевского, читано в экстерном собрании РГО, 10 января 1891 г.) // Изв.РГО.- Т. XXVII. – Вып. 1891. – С. 97-118; Он же: Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Новый Маргелан, 1891. – 58 с.

² Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал из истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников). – СПб., 1900. – 205 с.

³ Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – 163 с. Предисловие. – I-VIIIс.; Перечень трудов Б.Л.Тагеева (Рустам-Бека), о Памирских походах см. в данную книгу. – С. VII-VIII.

⁴ Серебренников капитан. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып LXX. – СПб., 1903. – С. 1-52.

⁵ Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903 г.. – г. Новый Маргелан, 1903. – 78 с.

⁶ Риттих П.А. Штабс-капитан. Авганский вопрос (военно-географический и политический этюды). На правах рукописи. – СПб., 1905. – 89 с.

⁷ Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. – СПб., 1906. – 173 с.

⁸ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – 380 с.

⁹ Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент 1910. – 230 с. Приложением карт.

¹⁰ Муханов. Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 86 с. (Копия из Облгосархива ГБАО, Республики Таджикистан).

¹¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинени. – Т.IX. – М.: Наука, 1977. – С. 197-482.

¹² Венюков М. Очерк международных вопросов в Азии. – С.277.

¹³ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875. – 361 с.;

выявить причины обоюдных интересов, приведших до уровня конфронтации между двумя империями. Связывая начало ревнивого отношения к России с захватническим процессом Англии в Индии, автор обращает внимание на традиционный авантюристический подход английских правителей в расширение своих колониальных владений, и пишет: «Англия пользовалась всяким случаем затевать на континенте Европы, какую-нибудь ссору с государствами, имевшими колонии в Индии, и тотчас забирала эти колонии, устраняя таким нехитрым способом всех конкурентов»¹. «Нельзя сказать, – пишет он, – чтобы вслед за голландцами, французами и англичанами не думали и мы (т.е. Россия - М.П.) добраться когда-нибудь до Индии»². В качестве аргумента он приводит многие эпизоды из действий России в осуществление данного намерения³.

Словом, в указанной работе, автор довольно подробно характеризует историю англо-русского противостояния в Средней Азии. Но ввиду того, что она увидела свет до присоединения Памира, то естественно, в ней нет сведений о непосредственном противостоянии этих империй на Памире. Ценность данного исследования заключается в объективном анализе этой геополитической борьбы великих колониальных держав в Средней Азии, что в известной степени имеет отношение к Памиру и Бадахшану до начала 70-х годов.

Сравнительно более подробно о вероятности совместного похода Франции и России против Англии на военном театре Индии посвящена книга подполковника Баторского «Проект экспедиции в Индию»⁴. Опираясь на многочисленные работы европейских, русских исследователей и документальные источники, автор обстоятельно излагал наиболее важные исторические события, связанные с возвышением у власти Наполеона и

¹ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – С. 197.

² Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – С. 197.

³ Там же. – С. 197-203.

⁴ Баторский. Проект экспедиции в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807-1808 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XIII. – СПб., 1886. – С. 1-104. Приложения к данной работе. - С.105-170.

положение Индии под английским владычеством в конце XVIII- начале XIX вв. Изложены причины и суть подготовки совместного военного похода Франции и России на Индию, приводится проект экспедиции, представленный Наполеоном российскому императору Павлу,¹ суть которой состоялась взамен английского владычества утверждению французской колониальной власти в Индии, приводятся подробности намерения императоров России и Франции осуществить совместный военный поход на Индию².

Следует отметить, что противостояние Англии и России не прекратилось и после завершения присоединения Средней Азии к России. В этом плане представители военных кругов, проявляя свою готовность в случае необходимости вооружённого конфликта, нанесении удара по Англии на индийском направлении военных действий.

Особый интерес в этом отношении представляет Дневник известного российского дипломата, военного деятеля и исследователя Памира Б. Громбчевского, составленного им в ходе экспедиции 1889-1890 гг.³ Судя по содержанию, сведениям, имеющимся в отчётах, дневнике и путевых заметках, Б.Громбчевский, ревностно охранял интересы России на Памире. Он неоднократно обращался к высшим представителям дипломатических и военных кругов о необходимости оперативного военного решения вопроса касательно принадлежности территории Памира к России. Например, выступая в Николаевской Академии Генерального штаба 14 марта 1891 г. с лекцией по теме «Наши интересы на Памире», он однозначно высказал мнение о возможности военного столкновения с Англией и призывал противостоять

¹ Баторский. Проект экспедиции в Индию. – С. 40.

² Баторский. Проект экспедиции в Индию. – С. 63-64.

³ Громбчевский Б. Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет 1889-1890. – Познан, 2017. – 601 с., с приложением карт путешествия. Рукопись подготовлена к изданию с обширными вступительными статьями: Адам Плескачиньски «Нигде нет следов торпинки». Центроазиатские странствования Бронислава Громбчевского: 1876-1896. – С. VIII-XXXI; Вавжинец Попель-Махницкий. Путевые записки, или литературные размышления о среднеазиатской экспедиции Бронислава Громбчевского. – С. XXXII-LI; Констанция Плескачиньска. Дневник, написанный изображением. Анализ фотографий Бронислава Громбчевского снятых в ходе экспедиции 1889-1890. – С. LII-LXVII. Уместно отметить, что рукопись копии Дневника хранится в Научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге (Фонд 45, опись 1, № 6).

британской экспансии на Памире¹. Его уверенность в том, что Памир по праву принадлежит России ясно прослеживается и в содержании его письма российскому послу в Пекине графу Артуру Кассини, в котором, указывая на переговоры английского представителя Янгхазбенда с китайцами, касательно принадлежности Памира, он решительно подчёркивает, что согласно праву и истории данная территория является владением России².

Особенно выпукло англо-русское противостояние на Памире прослеживается в военно-политическом очерке Б.Л. Громбчевского «Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром»³. Тщательно наблюдая политическую обстановку в ходе своей экспедиции 1889-1890 гг. на Памире, он пришёл к заключению о том, что «занятие англичанами в течении 1889 г. Чатрара, Канджута и Кашмира, словом, движение вперёд по всей приграничной линии составляет не случайное явление, а строго обдуманый план обороны Индии, систематически приводимой в исполнение»⁴.

Согласно мнению Б.Л. Громбчевского, утверждение России в Средней Азии, усилило опасение Англии, что привело к поспешному решению не только прочно укрепиться к югу от Гиндукуша, но и захватить всё, что удастся к северу от этого горного хребта»⁵. Поддержка Афганистана в занятии не только Чар-Вилаета, Бадахшана, Памирских ханств: Вахана, Шугнана, Рошана и Кафиристана, исходила из намерения Англии обезопасить северные рубежи Индии. Уместно отметить, что это шло в нарушение англо-русского соглашения 1872-1873 г., согласно которому обусловлено было нераспространение России на левый берег Пянджа, а влияние Англии или Афганистана на правый берег⁶.

¹ Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи, Алетея. – СПб., 2013. – С. 178-180.

² Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский... - С. 174-175.

³ Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. – Г. Новый Маргелан, 1891. – 58 с.

⁴ Там же.. – С. 48.

⁵ Там же.. – С. 48.

⁶ Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с

Англия, осознавая трудности распространения своей власти на Памире, предпринимала усилия для укрепления позиции Китая и Афганистана на Памире. Для этой цели летом 1890 г. отправила в Яркент экспедицию под начальством небезызвестного разведчика Янгхасбэнда, цель поездки которого состоялась в ведении переговоров с представителями китайских властей о разделении Памира между Афганистаном и Китаем. Согласно мнению Б.Л. Громбчевского, это не могло не затрагивать интересы России, считавшей Памир своим законным владением, поскольку «заняв Кокандское ханство, Россия естественно имела полное право занять и Памиры, т. е. встать твёрдой ногой на Гиндукуш»¹. Ко времени пребывания Б.Л. Громбчевского (1890-1891 гг.), согласно его наблюдениям политические условия благоприятствовали для решительных действий России на Памире².

Что касается слухов о невозможности совершения военного похода через Памир в Индии вследствие разрежённости атмосферы и непроходимости горных ущелий, то Б.Л. Громбчевский однозначно считает их неверными. «Дороги по Памирам, – пишет он, – настолько удобны, что при самой незначительной разработке перевалов и некоторых подъёмов и спусков, допускают возможность движения даже орудий в запряжке»³.

Анализ сведений, содержащихся в работах Б.Л. Громбчевского, свидетельствуют о взвешенном логическом анализе автора в отношении сложившихся в то время взаимно подозрительных отношений Англии России упорно защищающих своих геополитических интересы на Памире и вокруг него.

Ценные сведения, накопленные капитаном Серебренниковым в ходе своего пребывания на Памире (в середине 90-х годов), по политической истории и социально-экономическом положении Шугнанского шахства, а также о стратегическом его значении, как важный форпост, на приграничном

Кашмир. – Г. Новый Маргелан, 1891. – С. 49.

¹ Там же. – С.51.

² Там же. – С. 52-53.

³ Там же.– С. 54-55.

рубеже главной колонии Великобритании – Индии, содержатся в его работе «Очерки Шугнана»¹,

Указывая на стратегическую важность Памира для России, Серебренников приводит убедительный аргумент о том, что «благодаря своему выдающемуся положению между китайским Кашгаром и северными провинциями Афганистана, он может иметь огромное значение в случае столкновения нашего с этими соседями». Ещё более важно, то обстоятельство, что «Памир граничит на юге с Индией, и таким образом, здесь мы входим в непосредственное соприкосновение с индийскими владениями Англии. Последнее обстоятельство, весьма нежелательное для Англии, имеет громадное значение и может оказать существенное влияние на характер наших отношений к Англии в Средней Азии»².

В отношении вероятности военного столкновения с Англией, автор придерживается мнения о возможности такого похода в Индию на том основании, что «некоторые перевалы в Гиндукуше удобоприходимы, а население ханств, расположенных на южных склонах этого хребта, относится к нам сочувственно». Далее указывает, что в случае военных действий, трудно переоценить значение Шугнана, который в стратегическом отношении находится в узле дорог, ведущих от Пянджа на Памир³.

Вопросы, связанные с англо-русским противостоянием в Средней Азии, занимают заметное место и в работе русского исследователя Ф.И. Лобысевича «Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях»⁴. Приведя историю намерения Наполеона Бонапарта и русского императора Павла над осуществления совместного военного похода в Индию и приостановление реализации данного проекта, по причине смерти Павла (1801), автор пишет, что «он послужил поводом к зарождению в Англии

¹ Серебренников капитан. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып LXX. – СПб., 1896. – С. 1-52.

² Серебренников капитан. Очерки Шугнана. – С. 50.

³ Серебренников капитан. Очерки Шугнана. – С. 50-51.

⁴ Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников). – СПб., 1900. – 205 с.

того, худо скрываемого страха перед призраком нашествия русских на Индию, который до сих пор не перестаёт отуманивать в делах азиатской политики даже самые лучшие умы Великобритании»¹.

В целом, ценность материала, касающегося российско-среднеазиатских отношений, как до присоединения края, так и в ходе водворения российской власти до конца 70-х годов, содержащегося в работе Ф.И. Лобысевича не вызывает сомнения. Естественно, события, связанные с завершением присоединения края и усиление противостояния этих двух империй на Памире, оказались вне хронологических рамок книги указанного автора.

Особый интерес в историографии Памира представляет книга начальника Памирского отряда и «заведующего Памирским населением» на правах уездного начальника, полковника (впоследствии генерал-майора) В.Н. Зайцева (1851-1931) «Памирская страна – центр Туркестана»². В книге автор лаконично и последовательно приводит сведения древних и средневековых путешественников, посетивших Памир и в той или иной степени оставивших сведений об этом загадочном горном крае.

Интересные сведения приводятся о непрекращающемся противодействии Англии в ходе присоединения Памира к России. Российские наступательные действия в этом направлении серьёзно усилили опасения Англии. «В последнее десятилетие (середины 80 – первой половине 90-х годов – М.П.), - пишет В.Н. Зайцев, - Памир наделал много шума только потому, что там, в узле границ Китая, Индии, Афганистана и Бухары столкнулись весьма условные интересы двух великих держав России и Англии»³.

Англия, прикрывая свою истинную цель в отношении к Памиру, постоянно поднимала шум о российской угрозе в направлении северной границы Индии. Якобы в противовес вероятного наступления России, со стороны Памира, она в 1889 году предприняла военную экспедицию из

¹ Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. – С. 61.

² Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903 г. – г. Новый Маргелан, 1903. – 78 с.

³ Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – С. 66.

Гильгита в Канджут и подчинила своему влиянию это ханство, оставив небольшой англо-индийский отряд в Гунза-Нагаре (Бальтите). В этом же году афганские войска с поддержкой Англии, заняли Вахан, Шугнан и Рушан¹.

Автор, на основе опубликованных статей в периодических изданиях, приводит мнения ряда английских представителей из военно-дипломатических кругов (Н.В.Ганн, Ричард Темплъ, Чельмздорф и др.), которые пытались доказать явный перевес Англии в защите Индии от вероятного нападения русских. С другой стороны, В.Н. Зайцев поддерживает мнения русских представителей, хорошо знакомых с политическим положением Памира. В частности, всецело выражает согласие с мнением знатока Памира Д.Л. Иванова о том, что наряду с укреплением позиции русских отрядов на Памире, нужно использовать доверие и симпатии местного населения к русским, которое станет залогом успеха².

Что касается бытовавшего мнения о том, что русско-английское соперничество в Средней Азии, в частности на Памире может быть разрешено мирным путём в осуществление которого имеется «достаточно места для обеих держав», В.Н. Зайцев, выражая недоверие к традиционному самомнению англичан, пишет: «Большинство англичан, к сожалению, до сих пор страдают болезненной национальной гордостью и чрезмерно-эгоистическими надеждами и ожиданиями»³.

В заключение В.Н. Зайцев, как бы подытоживая своё видение о необходимости твёрдого присутствия России на Памире, пишет, что хотя Памир и не представляет важного государственного пункта, но «нам на Памирской вышке необходимо всегда иметь культурного сторожа и утверждать своё влияние до естественной границы Гиндукуша»⁴.

¹ Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – С. 31.

² См.: Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – С. 66-68.

³ Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – С. 74.

⁴ Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – С. 75.

Историю русско-английского противостояния не обошёл и русский штабс-капитан П.А. Риттих¹. Перечисляя неосуществлённые проекты вторжения России совместно с Францией на Индию для нанесения поражения Англии на этом театре военных действий² и обострение противостояния в ходе присоединения Средней Азии к России, он указывает на неизбежность военного столкновения России с Англией. П.А. Риттих пишет: «Когда состоится наш поход на Индию неизвестно, но твёрдо известно всем и каждому, что покуда существует Россия и Англия, вековая рознь между обеими государствами неизбежна. В течение истекшего столетия (XIX век – М.П.) 6 раз отношения между обоими государствами были так обострены, что или приводили к открытому разрыву, или к закулисной участию Англии в войнах с Россией...

Если мы хотим фактического мира с Англией или вернее хотим, чтобы она была сговорчивей и послушной в Европе, то нам нет для этого другого выхода и средства, как только готовиться к войне с Англией или к походу на Индию»³.

Интерес представляет анализ российско-английских противостояний, содержащийся в работе известного русского и советского востоковеда, председателя Среднеазиатского отдела Общества востоковедения А.Е. Снесарева (1865-1937) «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе»⁴. Автор, довольно подробно прослеживая историю российско-английского противостояния в Азии в целом, и Средней Азии в частности, пишет: «Три века тому назад Россия и Англия начали проникать на территорию огромного материка Азии: первая - с запада, вторая – с юга; поступательные движения обеих первоклассных стран, сильно различающиеся по мотивам и руководящим причинам, но значительно сходные по внешним признакам,

¹ Риттих П.А. Авганский вопрос (Военно-географический и политический этюды, на правах рукописи). – СПб., 1905. – 89 с.

² См.: Риттих П.А. Авганский вопрос. – С. 8-13.

³ Риттих П.А. Авганский вопрос. – С.85.

⁴ Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. – СПб., 1906. – 173 с.; Пирумшоев М.Х. А.Е.Снесарев – Исследователь Средней Азии.// Вестник педагогического университета.- Душанбе, 2021.- №5(94).- С.190-198.

каковы, например, одинаковость политических и военных поводов, движение по линиям наименьшего сопротивления и т. п., привели их в первой половине прошлого столетия к политическому соприкосновению на территории Средней Азии; в некоторых же частях последней, а именно в районе восточного Гиндукуша, на юге Памира, произошло и географическое соприкосновение»¹.

Проследивая историю геополитической заинтересованности Англии в Средней Азии, учёный указывает на её успехи в обширном изучении края со стороны английских офицеров, путешественников-добровольцев и, наконец, пундитов, которые «искрестили территорию Средней Азии по всем интересным направлениям»². Далее автор последовательно приводит сведения о поездках Эльфинстона с группой исследователей: Р.Страчей, Фрезер, Макартней, Кёнингейм, Ирвин в 1809 г.; Муркрофт, Требек, Массон и Стирлинг в двадцатые годы; Вин и Бёрнс, которых сопровождали доктор Лорд, лейтенант Вуд в тридцатые годы, которым удалось собрать ценные сведения о Средней Азии в целом и Памире в частности. В этом плане как выразился А.Е.Снесарев, в сравнение с ними, наши сведения «едва ли выдержат сравнительную критику»³.

Согласно мнению А.Е. Снесарева несмотря на обширное знакомство с краем, единственное, что настораживает Англии, это вероятность нашего завоевания Индии, хотя «со стороны России на официальном уровне не выдвигались резкие выпады касательно практического осуществления данного намерения»⁴.

Анализу англо-русского противостояния в Средней Азии, в частности на Памире, посвящена работа М. Грулева «Соперничество России и Англии в Средней Азии»⁵. В книге последовательно изложена история противостояния этих колониальных империй в регионе, начиная с краткого исторического очерка «водворения России и Англии на материке Азии», начало

¹ Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. – С. 5.

² Там же. – С. 9.

³ Там же. – С. 9.

⁴ Там же. – С. С.27.

⁵ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – 380 с.

«поступательного движения России и Англии на материке Азии» с XVI века до утверждения колониальной власти Англии в Индии, положившее начало соперничеству двух империй в Средней Азии. Далее речь идёт о нарастании взаимных подозрений до начала и в ходе присоединения Средней Азии к России. Особое место в работе отведено противостоянию Англии и России на Памире вплоть до окончания разграничительной линии.

Автор, прослеживая за расширением Российского государства, проводит параллели с действиями Англии за создание своего чрезмерно обширного колониального владения и пытался выявлять различия их колониальных стремлений. Касательно особенности колониального расширения России автор пишет: «Благоприятные географические условия, в соединении – как сейчас увидим – с основным характером исторического роста России на её окраинах, и привели к созданию обширнейшего сплошного государства, в котором окраины и ядро связаны между собой так же крепко и органически, как ветви и ствол одного дерева»¹. В отличие от России, М.Грулев видит совершенно другие условия обретения Англией колоний в Азии. Согласно его мнению, благодаря сложившимся обстоятельствам, Индия стала колонией Англии, но, «колония эта все-таки остаётся поныне для своей метрополии посторонним телом, не связанным с ней никакими жизненными артериями и чуждым во всех отношениях»². Это и придавало российским властям уверенности в прочности своей административной власти на всем обширном колониальном пространстве.

Автор, указывая на второй период поступательного движения России в Среднюю Азию, начавшийся с 1864 года, пишет, что оно «закончилось двумя разграничениями в 1888 и 1895 гг.... Затем, в Среднюю Азию, Россия широким фронтом столкнулась с Афганистаном, за спиной которого стояла уже Англия, как непосредственный соперник России»³.

¹ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – С. 2.

² Там же. – С. 2.

³ Там же. – С. 9-10.

М. Грулев для убедительного показания опасений Англии о вероятности военного нападения России на Индию через Памир¹, опирался на мнение вице-короля Индии лорда Керзона о том, что «русские стали твёрдой ногой в очень близком соседстве с нами, и будет непростительной оплошностью прозевать их вблизи»². Как видно, Англия опасалась вероятности нашествия России на Индию даже после разграничительного договора 1895 г.

Капитан А. К. Разгонов в своей книге «По Восточной Бухаре и Памиру» также рассматривал вопрос англо-русского противостояния³. Согласно мнению автора, важность политического и военного значения Памира «заключается в его географическом положении в месте встречи трёх империи: России, Китая и Англо-Индии с Афганистаном. Такое срединное положение Памира является причиной того политического и военного интереса, который он представляет. Протягиваясь от наших границ на юг к стороне Индии, он является нашим (русским – М.П.) естественным окном туда»⁴. Вместе с тем А.К. Разгонов указывает на имеющее место неопределённость границ этих государств с Россией, даже после соглашения с Англией в 1895 г. В качестве примера он приводит неопределённости в договоре, заключённом в 1884 г. с Китаем, по которому граница была доведена лишь до перевала Уз-беля⁵.

Согласно мнению автора, Англия сохранила желание расширить северные границы Индии за счёт Памира. Осуществляя этот план, англичане намеревались овладеть Бадахшаном, Ваханом и Сарыколом. Заняв Памир, они могли приобрести тактическое преимущество по отношению к российскому «операционному направлению Куляб-Файзабад-Пешавар. Если мы (т.е. русские – М.П.) перейдём на Памир в наступление, то получаем те же выгоды; роняя престиж англичан в северной Индии, мы можем поднять там восстание и угрожать их тылу у Пешавера»⁶.

¹ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – С. 65.

² Там же. – С. 69-70.

³ Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент 1910. – 230 с. Приложением карт.

⁴ Там же. – С. 95.

⁵ Там же. – С. 95-96.

⁶ Там же. – С. 111-112.

Ценность книги А.К. Разгонова заключается так же в том, что в ней даётся описание путей с обстоятельным анализом их стратегической значимости в случае возникновения необходимости военных операций.

Знающий Памир не понаслышке, Б.Л. Тагеев (Рустам-Бек) не мог обходить вопросы, касающиеся англо-русского противостояния на Памире. За своё двенадцатилетнее пребывание в Туркестане и участие в Памирском походе ему удалось накопить соответствующий материал о политической, социально-экономической жизни Средней Азии в целом, Памира в особенности. Это позволило ему написать десятки статей, касающихся Памирских походов русских отрядов, изданных в периодической печати. Среди его работ, особую ценность представляет книга «Памирские походы 1892-1895 гг.»¹.

Пытаясь разобраться в причинах появления памирского вопроса, автор указывает: «Что послужило поводом к зарождению нового пресловутого памирского вопроса, повлёкшего за собой целый ряд военных движений в дебри Памира и сложную дипломатическую работу. На это есть ответ – англичане»². Затем, прослеживая историю ревностного отношения к политике России в Средней Азии после неудачного похода Перовского в Хиву в 1839 г., указывает, что в ходе завоевания и присоединения края к России англо-русские отношения дошли до уровня военного противостояния. Это особенно выпукло прослеживалось на Памире. «С тех пор (по мере присоединения края к России – М.П.), - пишет Б.Л. Тагеев, - страх за безопасность своих азиатских владений, как галлюцинация, начал преследовать англичан; в каждом движении русских они видели поход на Индию»³.

Не решаясь военным путём оградить продвижение России в Средней Азии, Англия поспешно закрепила свою позицию во владениях Северной Индии и подчинила себе часть Афганистана. Опираясь на поддержку Англии,

¹ Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. - 163 с. Предисловие. – I-VIII с.; Перечень трудов Б.Л. Тагеева (Рустам-Бека), о Памирских походах см. в данную книгу. – С. VII-VIII.

² Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892-1895 г. – С. 6.

³ Там же. – С. 12.

афганские отряды в 1883 заняли Памирские шахства Шугнан, Рушан и, насаждая свою власть в Бадахшане, изгнали оттуда местных правителей¹.

В исследовании дана подробная информация о жестоких действиях афганцев на Памире, а также об ожиданиях местных жителей, связанных с приходом российских военных, которые в ходе разведывательных операций вытеснили англичан и одержали победу в боях с афганцами.

Автором подробно изложены результаты рекогносцировочной работы русских военных отрядов в главе с полковником М.Е. Ионовым, капитаном Скерским и С.П.Ванновским. С ними связаны постройки первых русских укреплений на Памире. В работе уделено особое внимание мужественным поступкам Б.Л.Громбчевского и М.Е. ИONOва, поручика Бржезицкого, капитана Кузнецова в выдворении английского офицера – разведчика Янгхазбенда, а также нанесению ощутимого удара по афганским отрядам и ослаблению противостояния Китая на Памире². Заключительная часть книги, посвящена общему обзору вопросов, связанных с разграничением Памира в 1895 г.

Заинтересовавшись англо-русским противостоянием на Памире, русская путешественница Ю.Д. Головнина в своих записках «На Памире»³, пишет, что «благодаря поступательному движению России вглубь Азии, интересы России и Англии столкнулись именно на Памирах. Страх Англии перед этим настойчивым движением вперед, и по направлению к Индии, заставляет её зорко следить за каждым шагом этого движения, тормозя всеми доступными ей средствами. Она не может сознавать, какого страшного соседа она получила бы в случае захвата Россией афганских владений, служащих в настоящее время буфером между Памирами и Индией. Ввиду этого Англия всячески старалась оттеснить Россию от Памиров, поделив эту область между Китаем и Афганистаном, и захватив в свои руки бассейн Вахан-Дарьи, составляющей южную границу Памирского нагорья»⁴.

¹ Там же. – С. 16-17.

² Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892-1895 г. – С. 19-80.

³ Головнина Ю.Д. На памирах. Записки русской путешественницы. – М., 1902. – 244 с.

⁴ Головнина Ю.Д. На памирах. – С. 204-205.

Вышеприведённые мнения русских авторов о причинах и ходе сложения англо-русского противостояния на Памире всецело поддерживает полковник Муханов. В своей работе «Памирский район»¹, наряду с географическим и социально-экономическим положением Памира конца XIX-начала XX вв., приводятся ценные сведения касательно стратегической значимости Памира в случае обострения англо-русского военного противостояния. Автор, упоминая ревностное отношение между этими двумя державами, указывает на опасения Англии о вероятности начала военных действий России со стороны Памира в направлении северных провинции Индии. «Угроза походом в Индию, - пишет он, – это наш естественный отпор Англии на посягательства её на наши интересы. К вопросу о походе в Индию каждый раз подходили, когда нужно было оказывать давление на Англию. Вот почему близкое соседство Памира с Индией, от которой он отделяется узкой полосой Афганского Вахана, достигающей в некоторых местах едва лишь 15 вёрст, придаёт особый интерес рассматриваемому району»². Далее указывая на то, что в 90-е годы обстановка на Памире сильно изменилась в благоприятную для России сторону, он предлагает, что следует использовать это как средство давления на Англию. «Памирский район, - отмечает он, - имеет для нас выдающееся значение, как и всё то, что связано с походом в Индию. Поход этот единственный рычаг, коим мы можем в нужных случаях оказывать давление на Англию»³. Он исходит из того факта, что опасение вероятного военного столкновения России и Англии в пределах Памира и подвластных Англии северных районах Индии не ослабло и после присоединения Памира к России.

Разумеется, можно продолжить перечень работ, которые в той или иной степени содержат сведения о соперничестве и порою военном противостоянии Англии и России на Памире. Но их смысл в совокупности сводится к повторению содержания работ вышеприведённых авторов. К тому же,

¹ Муханов. Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 86 с. (Копия из Облгосархива ГБАО, Республики Таджикистан).

² Муханов. Памирский район. – С. 13.

³ Муханов. Памирский район. – С. 32.

материалы, содержащиеся в работах вышеприведённых и других авторов, большинство которых были соучастниками или очевидцами событий, послужили важными источниками для последующих исследователей, изучавших историю англо-русского соперничества в Средней Азии в целом, и на Памире в частности. Это ярко выражено в содержании серьёзных монографических исследований Б.Г. Гафурова¹, Н.А.Халфина², Б.И. Искандарова³, Г.А. Хидоятова⁴, О.Б. Бокиева⁵, А.В. Постникова⁶, Х.Пирумшоева⁷ и др. В совокупности, указанные авторы, путём сопоставительного анализа, объективно и обстоятельно раскрыли причины англо-русского противостояния и детально освещали схватку этих держав на «Крыше мира», вплоть до заключения соглашения о памирском разграничении 1895 г. и после. Также уместно упомянуть нашу работу «Памир в русской историографии второй половины XIX- начала XX вв.», в которой в известной степени даётся историографический анализ англо-русского противостояния на Памире⁸.

Данная проблема занимает заметное место и в обобщающих коллективных фундаментальных трудах республик Средней Азии советского и постсоветского периодов⁹. Она продолжает привлекать пристальное внимание

¹ Гафуров Б. Г. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав. (нашри 4-ум). – Душанбе: Нашриёти муосир. 2020. – С. 689-694, 715-727.

² Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857 – 1868 гг.). – М.: Изд-ва Восточной литературы, 1960. – 272 с.; Он же: Присоединение Средней Азии к России (60 – 90-е годы XIX в.). – М.: Наука, 1965. – 468 с.; Он же. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1974. – 408 с. и др.

³ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. (Издание третье) – Душанбе: Андалеб Р, 2015. – 664 с.;

⁴ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIXв. (60 – 70-х гг.). – Ташкент: Фан, 1969. – 456 с.

⁵ Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 272 с.

⁶ Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX в. М.: РИПОЛ классик, 2005. – 512 с.

⁷ Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI–середины XIX веков в русской историографии. – Душанбе: Маориф, 2000. – С. 287-30; Пирумшоев Х., Маликов М. Россия Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 173-187, 285-314.

⁸ Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – С. 73-128.

⁹ См.: История народов Узбекистана. – Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской Социалистической Революции, - Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. – С. 245-252; История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга вторая. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. – С. 54-59; История таджикского народа. – Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 461-469, 654-665, 692-696.

современных исследователей, свидетельством тому являются диссертационные работы более молодого поколения учёных¹.

Но, несмотря на кажущееся обилие работ, посвящённых англо-русскому противостоянию в Средней Азии, всё же, современная историческая реальность в очередной раз свидетельствует о ревностном сохранении геополитических намерений Англии, идущие в разрез с интересами России в регионе. Всё это диктует необходимость более обстоятельного поэтапного исследования истории противостояния этих двух держав в Средней Азии в целом, на Памире в частности. Только при таком подходе можно выявить причины продолжения геополитических интересов Англии в регионе после распада её колонии.

Как явствует из содержания вышеупомянутых работ русских авторов, Средняя Азия в поле интересов России и Великобритании находилась с середины XVI в. Но, их более явное противостояние в этом регионе берёт начало с XVIII в. Несмотря на отдельные призывы к совместным доброжелательным действиям Англии и России в колониальном захвате восточных регионов, в том числе и Средней Азии, всё же, наблюдается явный перевес во мнениях русских авторов о необходимости ведения непримиримой борьбы против колониальных намерений Англии в регионе. Эта борьба набирала особый оборот по мере полного утверждения колониальной зависимости Индии от Англии и присоединения Средней Азии к России. В этом контексте Памир считался одним из важных ключевых объектов их геополитического противостояния. По мере приближения России к Памиру в британских правительственных и военно-дипломатических кругах нарастала

¹ См.: Каландарова М.С. Геополитика Англии в Центральной Азии в 20 – 30-е годы XIX в. (По материалам экспедиции А. Бёрнса в Бухару в 1831 г.). Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1995. – 19 с.; Смирнова Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70 – 90-е годы XIX века. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб., 2004. – 27 с.; Кубанов К.Х. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII-начало XX вв. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Нижневартовск, 2007. – 29 с.; Данков А. Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.). Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск, 2008. – 27 с.; Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX- начале XX века. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Иваново, 2009. – 23 с.; Гарбузарова Е.Г. Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Бишкек, 2010. – 23 с. и др.

паника относительно вероятности организации военного похода с целью завоевания Индии, главный маршрут которого пролегал через Памир в северные районы этой главной колонии Англии.

В совокупности в имеющихся работах русских очевидцев событий, связанные с русско-английским противостоянием на Памире, если не считать отдельной предвзятости присущей колониальным амбициям, которые в конечном итоге привели к искусственному разделению таджиков верховья Пянджа, в целом, детально освещены события связанные с сравнительно удачной борьбой России против английских происков на Памире.

Западноевропейская историография об англо-русском соперничестве на Памире. До середины XIX века в качестве основных сведений о географическом положении Памира для европейцев, как отмечено выше, служили сообщения средневековых путешественников, купцов и религиозных паломников. Что касается самих европейцев, первым прошёл через Памир венецианский торговец и путешественник Марко Поло (1254-1324). В 1274 г. побывал в Бадахшане, затем направился на юг к Пасиай (Читрал). Далее он посетил Вахан, находившийся в то время в подчинении Бадахшана¹.

Из европейцев, оставивших след в географическом изучении Памира до начала XIX в. является португальский иезуит Бенедикт Гоёс. Начав путешествие из Лагора (Индии) в 1603 г., совместно с обществом купцов под видом армянского торговца, его путь лежал в Кабул, Бадахшан, Кашгар и Китай. Пересекая Гиндукуш по ущелью Тангии Бадахшан (узкий проход Бадахшана) он продолжил свой путь в долине Окса (Амударьи). Преодолевая немало трудностей, в составе каравана достиг Ярканд.

Пристально изучая его маршрут, по части верховьев Амударьи И. Минаев писал: «Особенно не ясен путь Гоёса между Кабулом и Яркендом. При переходе через Гиндукуш, в первой половине пути он называет несколько мест,

¹Путешествие Марко Поло. – С. 67-68. О Путешествие Марко Поло более подробно см.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. –СПб, 1879. – С. 70-76; Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии.//Ученые записки (Номай Донишгох) Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. Серия гуманитарнообщественных наук.-№3(?) 2024.- С.???

которые трудно отождествить с вероятием; то же самое нужно заметить относительно второй части пути при следовании из Бадахшана на плоскогорье Памира и оттуда в Яркенд... Та же трудность повторяется при рассмотрении пути от Талихана (Таликан – М.П.) до Памира... Весьма вероятно, что Гоёс следовал тем же путём, как (в последствии – М.П.) и Вуд»¹. Ему не было суждено издать свои путевые записки. Он умер в Китае. Часть его писем и другие материалы были сохранены иезуитом Жарриком. Они вошли в коллекцию под названием «Гезаурис», опубликованную в 1615 г. Таким образом, сведения о Памире впервые появились в европейской печати².

Следует отметить, что до начала XIX века наблюдается картографическое изучение Памира европейскими миссионерами-иезуитами (религиозно - миссионерское общество). Работая в угоду своим европейским хозяевам, они охотно представляли картографические съёмки Китая, который не скрывал свои экспансионистские интересы на Памире³. Суть картографической деятельности европейских иезуитов в регионе, заключалась в представлении военно-дипломатическим кругам подробного описания рельефа местности или составления карт. Это было необходимо для возможных экспансионистских действий Англии и Китая, а так же впоследствии примкнувшего к ним Афганистана. Уместно заметить, что услугами европейских иезуитов, в частности португальцев Феликса да Роша (1713-1781), Жоа де Эспинья (1722-1788), французского Мишеля Бено (1715-1774) и др., составлявших карту Памира и прилегающих к нему районов, Англия и Китай широко использовали в своих экспансионистских действиях на Памире⁴.

Не случайно в XVIII веке, помимо указанного картографического материала, трудно было обнаружить более заметные исторические работы, отражавшие политические и социально-экономические реалии Памира и Бадахшана в европейской историографии. Поэтому, довольно удачно

¹Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. –СПб, 1879. – С. 87.

²Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 58.

³Поробно см.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 58-61.

⁴Там же. – С. 59-60.

характеризуя пробелы в этом плане, А.В. Постников пишет: «Географические сведения о Памире в XVIII- начале XIX века в соседних с ними государствах собирались главным образом в форме описаний дорог путешествующими купцами, и эти сведения легли в основу начальных географических представлений об этом районе в европейских государствах»¹. К их сведениям, естественно следует присовокупить и съёмки иезуитов. Всё это создавало соответствующие предпосылки для усиления экспансионистских интересов Англии и Китая, что послужило, как отмечено выше, побудительным мотивом активизации внешнеполитического курса России в регионе.

Вопросы, связанные с англо-русском соперничеством в Средней Азии в той или иной мере присутствуют почти во всех западноевропейских и русских исследованиях, имеющих отношение к истории Среднеазиатских ханств XIX в. Но для определения соперничества Англии и России на Памире в силу прямого соучастия особую значимость имеют работы английских исследователей.

Среди путешественников-исследователей первой половины XIX в., оставивших ценные сведения о Памире и Бадахшане особое место занимает шотландец, капитан британской армии, Александр Бёрнс (1805-1841). В 1831-1833 гг. он совершил путешествие по Инду до Лахора и проник в Кабул и Бухару. Через три года (1836-1838) он вторично предпринял путешествие. На этот раз вместе с Вудом пробрался к истокам Амударьи². Результаты первого путешествия и наблюдения А. Бёрнса обобщены в его трёхтомной книге «Путешествие в Бухару»³, изданной в Лондоне в 1834 г. Целью этой поездки был сбор достоверных сведений о положении Средней Азии для возможного укрепления влияния политической позиции Англии в регионе.

Сам факт описания им важнейших путей через Памир и для того периода подробное освещение географического, политического и экономического

¹Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 61.

² Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии. // Ученые записки (Номаи Донишгох) Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. - №2 (79) 2024. - С.60-69.

³ Бёрнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками британского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Перси, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг.: в 3-х томах. – Т. I-III. – М.: Издание П.В.Голубкова, 1848, 1849.

положения ханств Средней Азии, отвечали стратегическим планам Англии, как могущественная держава безудержно желавшая ещё больше расширить своё колониальное пространство. Это было выгодно с одной стороны экономическим интересам Англии, а с другой, создание надёжного барьера на пути возможного продвижения России к границам её главной колонии, то есть, Индии. В этом отношении согласно мнению А. Бёрнса, бассейн Амударьи бесспорно являлся выгодным, как в экономическом, так и в военно-стратегическом плане¹.

Среди европейских исследователей, непосредственно посетивших Памир в первой половине XIX века, был офицер английского военно-морского флота Джон Вуд. Уместно отметить, что Вуду впервые из англичан удалось посетить верховья Амударьи².

В соответствии с полученным заданием, Вуд начал своё путешествие в 1838 году с Кабула, а через Кундуз и Бадахшан продолжил свой путь на Памир. Побывал у озера Зоркуль и истоков Амударьи, проведя съёмку реки до Ишкашима. Затем через левый берег Пянджа дошёл до Канджута и Калаи Пяндж (Калаи Барпяндж). Отсюда продолжил свой путь на Лянгар-Кишт и направился к долине Сарыкола.

Учитывая чрезмерную возвышенность этой долины, Вуд называл её «Боми Дуньё», т. е. «Крышей Мира», а Зоркуль дал имя английской императрицы Виктории, которые прочно вошли в научный обиход (после утверждения российского правления на Памире, установлено вновь название Зоркуль). Вуд вместе с сопровождавшим его врачом Лордом в ходе путешествия собрали важные сведения, в частности о памирских киргизах.

¹ Бёрнс А. Путешествие в Бухару. – Т. II. – М., 1848. – С. 357. О путешествии А.Бёрнса более подробно см.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – С. 95-101.

² Wood Captain John, I.N. A personal ofa Journey to the Indus, Kabul and Badakhshan in 1836, 1837, 1838. – London, 1841; Wood J. Journey to the source of the river Oxus. By Cartain John Wood. New adition, ed. By his son. – London, 1872. О Вуде более подробно см.: Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. – Изд.2. – Пт.,1915. – С.116-126; Зайцев В.Н. Памирская страна, центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. Вып.II. – Новый Маргелан, 1903. – С.27-31.

Изданный им материал является ценным источником в изучении англо-русского соперничества в регионе¹.

Из английских исследователей, причастных к вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии, в частности на Памире, особое место занимал государственный деятель, востоковед и географ Генри Роулинсон (1810-1895). Являясь автором ряд работ, касающихся территориального расширения России в Средней Азии, он довольно обстоятельно описывает отношение Англии к военно-политическим действиям России в регионе. Среди его наследия в этом плане особо выделяется работа «Англия и Россия на Востоке»². В ней приведены его доклады о политическом положении Центральной Азии. Он неустанно твердил мысль о расширении британских владений на севере Индии, дабы опередить Россию в её стремлении к завоеванию Центральной Азии. Для более ясного представления военно-государственных кругов, о положении соседних с Северной Индией государственных образований, автор давал подробный анализ трудов европейских путешественников, исследовавших этот регион, в частности Памир, вплоть до 1875 года³.

Следует отметить, что всестороннее изучение Памира и соседних владений представителями политических, военных кругов Англии с широким использованием исследований географов путешественников, главным образом пундитов, картографов, продолжалось в ходе завоевания и присоединения Средней Азии к России, и после, вплоть до памирского разграничения 1895 г. По-прежнему в центре их интересов находились вопросы, связанные с защитой интересов Англии от вероятности захватнических намерений России в индийском направлении военных действий.

В этом плане следует отметить роль пундитов, которые посылались правительственным Топографическим департаментом Индии во многих

¹ См.: Wood J. Journey to the source of the river Oxus. By Captain John Wood/ New edition, ed. By hisson – London, 1872; Morgan Gerald. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895. – London, 1981. – P. 55. О маршруте путешествия Джона Вуда сравнительно подробно см.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – С. 110-125.

² Rawlinson, Sir Henry C. England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. – London, 1875.

³ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 32, 69.

направлениях к северу от Гималаев и Гиндукуша. Побывав на Памире и его окрестностях, они предоставляли не только картографические материалы, но и занимались проанглийской пропагандой среды местного населения.

Одним из таких пундитов был Мирза Шуджа¹, который согласно инструкции заместителя начальника Большой Тригонометрической Съёмки Индии майора Т.Г.Монтгомери в 1868 г. по пути в Кашгар пересекал Памир с юга на восток. Мирза помимо географических сведений представлял важную военно-политическую информацию о Китайском Туркестане, Афганистане и владениях между Кабулом и Амударьей². Но без источниковой информации, указывая на это, А.В.Постников пишет: «В Вахане Мирза всеми силами старался произвести впечатление на местного правителя рассказами о могуществе англичан, их телеграфе и паровой машине и противопоставить британские достижения «нецивилизованности» русских»³.

Другим в этом плане видным пундитом являлся офицер бенгальских инженерных войск – Хайдар-шах (родом из г. Кохата, южнее Пешавара), получивший конспиративное имя по названию своей бывшей должности – Хавильдар, что означал сипай, т.е. офицер. По поручению Монтгомери он в августе 1870 г. был отправлен в первый поход для исследования Малого Тибета, расположенного к югу от Гиндукуша, Бадахшана и владений к северу от Окса. В Файзабаде собрал ценные сведения о политической ситуации, в частности о действиях русских в Средней Азии. В 1872 г., совершив второе путешествие, целью которого было исследование пути от Кабула через Балх и Карши к Бухаре. Третье его путешествие (1873-1874 гг.) посвящено изучению географии владений, расположенных к северу от Индии. На этом маршруте Хавилдар и его спутники посетили Хавалинг, Сагирдашт, Калаи хумб, Калаи Вандж. Получив отказ на посещение Шугнана, Хавилдар повернул обратно из

¹ Мирза Шуджа (Мырза Седж, Шади Миза) родом был из Мешхеда, мать персиянка, сам тюркского происхождения, получившее отчасти английское воспитание. См.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – С. 132.

² О маршруте путешествия Мирза Шуджа более подробно см.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – С. 132-142; Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 115,117, 121-122 и посл.

³ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С.116.

Файзабада через Кабул в Пешавар¹. К собранному им материалу «впоследствии не раз обращались британские дипломаты и военные при подготовке аргументации в дискуссиях с Россией по разграничению сфер влияния на Памире»².

В плане более обстоятельного географического и исторического знакомства с владениями Верховьев Амударьи для английских и русских военно-политических кругов, а также учёных, исследователей особый интерес представлял «Очерк географии и истории верховьев Амударьи» Генри Юля³. Описание истории изучения Памира и достоверные географические сведения содержащиеся в его книге, являлись важными в определении геополитической значимости Памира, как для Англии, так и для России.

Явное намерение оправдать военно-политические стремления Англии, идущие вразрез с интересами России на Памире, прослеживается в работах капитана Троттера, Дугласа Форсайта, Джона Летльделя, Дельмара Моргана, Янгхазбенда, Чельнсфорда, Лепеля Грифина, Георга Кюрзона и др.

В обязанности капитана Генри Троттера входило тщательное изучение карт, составленных пундитами, кажущиеся сомнительными с учётом их сопоставления со сведениями, накопленными русскими путешественниками и представителями военных кругов, имевших знакомство с географией Памира и близлежащих районов, с намерением представить точную информацию английским военно-дипломатическим специалистам.

Следует отметить, что результаты участия Троттера в составе экспедициях, в частности миссии Дугласа Форсайта, анализе имеющихся других сведений, обобщены в Трудах Королевского Географического общества Великобритании, книге доктора Белью – врача, участника посольства Дугласа

¹ О маршрутах путешествия Хавельдара подробнее см.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи. – С. 142-146; Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 121-126.

² Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии. // Ученые записки (Номаи Донишгох) Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. - №2 (79) 2024. - С.60-69; Он же: Историография присоединения Памира к России. // Полтора века общего пути: - Душанбе, 2014. - С.3-16

³ Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Перевод с английского О.А.Федченко. С дополнениями и примечаниями А.П.Федченко, Н.В.Ханыков и Г. Юля. (приложение к Изв. ИРГО.–1873. - № 6). – СПб., 1873. – 82 с.

Форсайта в Кашгар «Кашмир и Кашгар: рассказ о путешествии посольства в Кашгар в 1873-1874 гг.», а также отдельные работы самого Форсайта¹.

Опасение Англии о вероятности вторжения России в Индию прослеживается в сообщениях, связанных с посольскими миссиями в Кашгар (1870 и 1873 гг.) и экспедициями Дугласа Форсайта в 60 – 70-е годы. Форсайт как представитель официальных дипломатических кругов Англии, был одним из инициаторов определения пределов влияния России, пытался яростно защищать колониальные интересы Английской империи за пределами северной границы Индии. Хотя основной целью этой миссии было заключение торгового контракта с кашгарским эмиром, в задачу членов экспедиции входило также и «собрание по возможности полных и достоверных сведений о всяком предмете, относящемся к современному состоянию истории, географии, торговли Яркенда и соседних стран»².

Уместно отметить, что в состав экспедиции было включено шесть европейских военных инженеров и учёных; отряд и караван из 550 вьючных животных сопровождали 350 солдат. Специалистами по различным направлениям науки, которые считались и ближайшими помощниками Форсайта, являлись подполковник Т.Е.Гордон, капитан Биддалф (адъютант вице-короля Индии), доктор Белью (медицинский офицер и историк), капитан Чапман (секретарь и интендант миссии), геолог доктор Столичка и капитан инженерной службы Генри Троттер³.

Главной целью миссии Форсайта было выявление путей, которые бы не позволили России приблизиться к границам Индии и вовлечь Кашгарию в это

¹ Trotter, Cart.H.R.E. On The Geographical Results of the Mission to Kashgar under Sir T. Douglas Forsyth in 1873-1876. Proceedings of the Royal Geographical Society. Vol. XXII, Session 1877-1878. Nos. Itovi. – London, 1878; Белью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873-1874 гг. Переводанглийского. – СПб., 1877; Trotter, Cart. H.R.E. Secret and Confidential Reports on the Trahs-Himalayan Exploration by the Great Trisonometrikal Survey of India During 1873-1875. – Calcutta, 1876; Trotter, Cart. H.R.E. “On the Geographical ResultsResults of the Mission to Kashgar under Sir T. Douglas Forsyth in 1873-1876”// Journal of the Royal Geographical Society. – Vol. XLVIII. – 1878. – P. 173-334; Более подробно о деятельности Генри Троттера см.:Постников А.В.Схватка на «Крыше мира» - С. 124-129, 138-139, 140-154 и посл.

² Forsyth, T.D. Report of a mission to Yarkund in 1873. Calcutta, 1875.

³ Постников. А.В. Схватка на «крыше мира.– С.138.

противостояние. Результатом этой миссии стал обширный том¹, содержащий все наблюдения и исследовательские данные участников миссии.

Из числа членов второго посольства Форсайта в Кашгар, в 1873 была организована также специальная экспедиция на Памир во главе с подполковником Гордоном. Экспедиция Гордона, перевалив Сархад, опустилась в Вахан, откуда выслала своих представителей в Шугнан и в Восточный Памир². Результатом данной экспедиции, как отмечено, стало издание в 1875 г. обстоятельного труда охватывающего множество разнообразных сведений о Кашгаре и соседних странах³, а также отдельная книга Гордона, включавшей описание его путешествия на Памир, главы из которого были изданы в русском переводе М.И. Венюковым⁴.

Все усилия англичан привлечь на свою сторону население владения (шахства) Западного Памира, которое в то время не скрывало надежду на присоединение края к России, не увенчались успехом. То, что удалось Форсайту, это укрепление влияния Англии в Кашгарии и изучение возможных проходов со стороны Памира в Индии через Гиндукуш⁵.

С учётом создавшейся благоприятной для России ситуации в ходе завоевания Средней Азии, ещё в 1869 г. Англия выступила с инициативой начать переговоры с Россией о разделе сфер влияния и создании буферной зоны в Центральной Азии. На заключительном этапе переговоров, которые прошли в Москве, принимал участие Д. Форсайт. Он предложил в качестве рубежа, разделяющего сферы влияния двух империй определить северную границу Афганистана. Но из-за отсутствия аргументов для точного определения северные, вернее памирские границы Афганистана, откладывались до заключения соглашения 1872-1873 года⁶.

¹ Report of a mission to Yarkund in 1873 under command of Sir N.D. Forsyth, K. C. S. I., C. B. Bengal Civil Service, with Historical and Geographical information regarding the possessions of the Ameer of Yarkund. – Calcutta, 1875.

² Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIXв.. – Ч.I. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. – С. 99.

³ См.: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи. – С. 161.

⁴ См.: Венюков М. Исследования англичан в бассейне Аму-дарьи // Туркестанские ведомости. – 1875. – № 51.

⁵ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIXв.. – Ч.I. – С. 200.

⁶ О причинах разногласия в определении рубежи сферы влияния до заключения договора 1872-1873 г. более

Особое место в аналитической историографии Англии занимает работа генерал-майора, служившего в должности генерал-квартирмейстера в Индии, Мак-Грегора (Чарльз Макгрегор) «Оборона Индии». Книга была написана и опубликована в Англии под грифом «Секретно» в 1884 г. В русском переводе она увидела свет в 1891 г.¹ В целом, её содержание довольно убедительно отражает основные параметры противостояния и рекомендации о возможности их решения.

Автор, определяя цель и задачи своего труда, с твёрдым убеждением предостерегает англичан о грозящей опасности для Индии со стороны России². Исходя из этого, свою задачу он видел в рекомендации целесообразности предлагаемых им мер «для встречи русской угрозы». При этом даёт соотечественникам знать, что «помочь, по мере сил и возможности, приведению в исполнение того, что признаётся нами необходимым и уместным»³. Мак-Грегор, давая статистический анализ военного потенциала России, примерно определил, что для вероятного нападения на Индию Россия может привести в «в действие около 185.000 пехоты, 40.000 кавалерии и 191 орудий, не считая войск государств, находящихся в зависимости от России: Сербии, Болгарии и пр.»⁴.

Своему видению решения этой проблемы автор посвятил вторую главу работы «Внутренняя оборона Индии»⁵. Обдуманый, кажущийся объективным анализ приводит автора к выводу о явном превосходстве России в военном решении данной проблемы. Но, как бы утешая соотечественников, утверждает,

подробно см.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира» - С. 154-164.

¹ Мак-Грегор. Оборона Индии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XLIII. – СПб., 1891. – 264 с.

² Мак-Грегор. Оборона Индии. – С. 1.

³ Мак-Грегор. Оборона Индии. – С. 2.

⁴ Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии. // Ученые записки (Номаи Донишгох) Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. - №2 (79) 2024. - С.60-69; Он же: Историография присоединения Памира к России. // Полтора века общего пути: - Душанбе, 2014. - С.3-16

⁵ Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии. // Ученые записки (Номаи Донишгох) Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. - №2 (79) 2024. - С.60-69.

что есть другой способ решение вопроса – это «необходимые дипломатические меры», которым посвящена третья глава работы Мак-Грегора¹.

Далее, неоднократно повторяя о необходимости времени для подготовки к беспроигрышной борьбе против России, Мак-Грегор рекомендует привлечь внимание России к необходимости наладить торговые отношения с Англией. Согласно его мнению при таком варианте действия, Россия не сможет выдержать торговую конкуренцию, а Англия тем временем может наращивать свой экономический потенциал, что это напрямую связана с поднятием её обороноспособности, что так необходимо для успешного ведения военных действий против России². Он предлагает Англии использовать все доступные ей средства для расчленения России, и создать коалицию из Англии, Германии, Австрии, Турции, Персии, Туркестана, Афганистана и Китая, предложив каждому государству, в качестве вознаграждения какую-то часть русской территории³.

Касательно уязвимости северной границы Индии, соприкасающейся с Памиром, в работе кроме мимоходного упоминания о владениях Рошана, Шугнана и Дарваза, находящихся по соседству с крайним севером Индии, другие сведения отсутствуют. Это было связано, видимо с тем, что к тому времени ещё чётко не были определены пограничные сферы Англии и России на Памире.

Из общего содержания книги Мак-Грегора явствует, что опасение русского нападения на Индию постоянно присутствовало в кругах английских властей. В противовес этому они ставили мнимую демонстрацию своего военного превосходства, создание антироссийской коалиции, организацию сопротивления местного населения и тех владений, через которые пролегает военный поход против Индии, а также обеспечение внешнеторгового превосходства Британии и во избежание прямого военного столкновения приоритетное место уделить мирному переговорному процессу.

¹ См.: Мак-Грегор. Оборона Индии. – С. 175, 146-211.

² Там же.. – С. 180-202.

³ Мак-Грегор. Оборона Индии. – С. 207.

Интерес представляет мнение английского путешественника, побывавшего на Памире со своими спутниками из 8 человек в мае 1890 г. Георга Литльдейла (Джорж Литльдейл). Указывая на степень заинтересованности Англии в этом, по его мнению, до сих пор крайне малоизвестном горном крае, в частности пишет: «Некоторые части Памира более или менее связаны с Афганистаном. Теперь эмир предъявляет права на провинции Вахан, Шугнан и Рошан, лежащие по верховьям Амударьи. Очевидно, Англия может по праву быть заинтересована в этом, но, вероятно, благодаря отсутствию точных знаний географии страны, мы до сих пор ещё не заявляли определённо наших прав»¹.

Касательно отношения России к Памиру он пишет: «Случайное присутствие русских официальных путешественников, конечно не доказательство права, и район путешествий Громбчевского, низводит этот аргумент ad absurdum»². Далее предлагает сохранить традиционные территории памирских владений. «Было бы ошибочно, - пишет он, - изменить естественные границы, которые определены положением Памира, лишением самостоятельности местных пограничных владетелей; для мира Англии и России полезно, напротив того, усиливать автономию этих правителей»³.

Литльдейл, выступив с докладом на заседании Географического общества, высказал мнение о том, что якобы Памир не стоит того противоборства, которое возникло между Россией и Англией⁴. Смысл такого заключения сводится к тому, что для безопасности Англии сохранить Памир как безопасную буферную зону.

О вероятности военного столкновения России и Англии высказывали свои мнения и сведущие специалисты, больше всего из военно-дипломатических кругов. Примером тому служит статья французского автора

¹ Извлечение из описания путешествия через Памир совершенного Литльделем (с английского перевел подполковник Генерального штаба Десин) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. L. – СПб., 1892. – С. 1-13. Извлечение из описания путешествия через Памир Литльдейла. – С. 11.

² Извлечение из описания путешествия через Памир Литльдейла. – С. 11.

³ Там же. – С. 13

⁴ Извлечение из описания путешествия через Памир Литльдейла. – С. 12.

Militairedeletranger «Англо-русский вопрос в Азии и оборона Индии»¹. В статье приводится последовательный обзор истории совершённых завоевательных походов в Индии в древности, средневековье и новое время, включая утверждение власти Англии в этом обширном и богатом пространстве. Не вдаваясь в подробности изложения содержания работы, логичнее будет привести примеры о существовании различных вариантов и маршрутов вероятной организации похода для нанесения удара по Англии на индийском направлении военных действия, выдвигаемых представителями военно-дипломатических кругов в Европе. В частности, в данной статье автор, указывая на необходимость создания мощной линии обороны по защите Индии, британцы не без затруднений утверждали своё влияние в Афганистане и Персии, «влияние России распространилось гораздо быстрее в Центральной Азии»². Это привело к тому, что «престиж России значительно увеличился в этих обширных странах и англичане хорошо понимают это. Причины этого развития весьма разнообразны, главное заключается в разумной последовательности русских в их наступательном движении»³. Этот аргумент считали веским в перевесе военного престижа России. С другой стороны, согласно мнению автора, успех сопутствует России в силу того, что русские более снисходительно и гуманно относятся к народам завоёванных ими территорий. «Общеизвестно – пишет он, – что английские чиновники никогда не старались смягчить преграды, которая их отделяют от индусского племени; обе расы продолжают жить вместе, не смешиваясь. Поэтому неудивительно, что несмотря на недавнее покорение Самарканд выглядит более русским, чем Бенарес или Пешавар английскими»⁴.

Далее упоминая о несостоявшихся совместных проектах Франции и России организовать военные экспедиции в Индии, автор указывает на

¹ Militairedeletranger Англо-русский вопрос в Азии и оборона Индии. Май 1891. В переводе с французского поручика Плацбек-Кокума // Сборник географических, топографических и статистических по Азии. – Вып. XLVII. – СПб., 1891. – С. 143-167.

² Militairedeletranger Англо-русский вопрос в Азии и оборона Индии. – С. 146.

³ Militairedeletranger Англо-русский вопрос в Азии и оборона Индии. – С. 151

⁴ Militairedeletranger Англо-русский вопрос в Азии и оборона Индии. – С. 151-152.

присутствие данной проблемы во внешнеполитическом курсе российского правительства. Сам факт что «этот проект был возобновлён в последнюю восточную войну (1877-1878 г.); в 1876 г. Скобелев, тогда ферганский губернатор, послал генералу Кауфману, Туркестанскому генерал-губернатору, совсем готовый план вторжения в Индию. В 1878 г., перед заключением Берлинского трактата, активные действия должны были начаться в Афганистане»¹.

Согласно мнению автора, вопрос о вероятности нападения России на Индию в официальных кругах Англии не воспринимался однозначно. С сомнением на это смотрели некоторые высокопоставленные англичане. Например, в 1869 г. в документе, опубликованном в лондонском Waroffice, приводилось о несостоятельном мнении беспочвенного слуха, будто бы, русская армия серьёзно угрожает британскому владычеству. По мнению упомянутого известного государственного деятеля, востоковеда и географа Генри Роулинсона (1810-1895) «Англии следует опасаться не вторжения русских в Индию, о котором серьёзно могут говорить лишь болтуны и алармисты Лондона и Калькуты, а создания на севере Гиндукуша русской провинции..., которая бы могла сделаться со временем довольно сильным соперником Индийской империи»². Этот же автор приводит мнение лорда Керзона о том, что цель завоевания России «будет не Калькутта, а Константинополь; - не берега Ганга, а Золотой Рог»³. Вместе с тем, этот же автор приводит мнения ряда английских представителей средств массовой информации о наступлении России из «русского Туркестана на Афганистан и даже на Индию»⁴.

В статье приводятся различные варианты предположения о вероятности похода России в Индии, маршруты, состав наступательной экспедиционной

¹ Там же. – С. 153.

² Там же. – С. 155

³ Militairede l'etranger Англо-русский вопрос в Азии и оборона Индии. – С. 155.

⁴ Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии. // Ученые записки (Номаи Донишгох) Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук.- №2 (79) 2024.- С.60-69; Он же: Историография присоединения Памира к России. // Полтора века общего пути: - Душанбе, 2014. - С.3-16

армии и якобы обороняющиеся англо-индийские войска¹. Как видно, все эти слухи, нагнетая соперническую напряжённость, и создавали тревожную атмосферу, как в Англии, так и в России.

Об особом географическом и политическом положении Памира по отношению России и Индии приводится в работе английского географа Дельмара Моргана «Памир- географическо-политический очерк»². На карте, приложенной к этой статье, показана русская граница в соответствии с соглашением между Англией и России в 1973 г. Приведя географический обзор Памира, автор указывает, что незначительное население Памира состоит из кочевых киргизов, а на западе в верхних долинах Амударьи или Пянджа, находятся поселения ваханцев, шугнанцев и рошанцев, принадлежащих к иранской расе, встречающейся также и на востоке в Ташкургансой долине или Сарыколском округе. Далее вкратце излагая о поступательном движении русских к границам Индии и о мерах Англии для его воспрепятствования. Касательно стремления Китая утвердиться на Памире указано, что ему нелегко будет делать это, ввиду крайне отрицательного отношения местного населения к ним.

Пристальное внимание англо-русскому противостоянию на Памире уделил английский географ и разведчик Френсис Эдуард Янгхасбэнд³ (1863-1942). В своей обширной статье «Нашествие русских в Индию»⁴, он с явной предвзятостью пытается оправдать геополитические интересы Англии, которая неустанно ратовала об обеспечении надёжной защиты Индии от вторжения России.

¹ Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии. // Ученые записки (Номаи Донишгох) Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. - №2 (79) 2024. - С.60-69.

² Morgan Delmar E. The Pamir: A Geographical and Political Sketch. The Scottish Geographical Magazine. Vol. VIII. – Edinburgh, 1892. – P. 12-23; Извлечение данной статьи в переводе подполковника Российского Генерального штаба Десино // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIII. – СПб., 1893. – С. 175-182.

³ В некоторых исследованиях приводится как Юнгхезбанд или Янгхэзбэнд. См.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира. Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX в. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С.37, 233, 236 и последующие.

⁴ Юнгхезбанд (в работе так приводится его фамилии как Янгхазбэнд) . Нашествие русских в Индию. (Перевод с английского подполковник Генштаба России Десино) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIII. – СПб., 1893. – С. 183-215.

По своему разумению определяя вероятные маршруты столкновения двух империи на подступах Индии, автор с уверенностью указывает на военной перевес Англии, которая в состоянии обеспечить свою победу в случае начала военных действий, несмотря на любые природные препятствия. На бытующее у русских мнение о том, что англичане после небольшой борьбы покинули обширный американский континент и так же они поступят, когда их прижмут в Индии, автор как бы оправдывая действия англичан пишет: «Я прошу отличать от борьбы моих сограждан: положение не в точности аналогично, потому что, в одном случае происходила борьба между народами одной и той же крови, того же языка, того же происхождения, и причина ссоры домашняя, – в другом случае, – это будет жестокое, выдержанное и неотступное столкновение между двумя смертельными врагами и награда победившему будет не менее как господство над Азией»¹.

Вопросы, касающиеся обороны Индии, хотя и составляют основу статьи лорда Чельнсфорда «Оборона Индии»², но приводят автора к такому утешительному выводу о том, что в случае захвата Россией Афганистана, Индии не угрожает никакой опасности. В этом случае только будут приняты меры усиления естественной обороны границы и обеспечение неприкосновенности Индии»³.

В плане обеспечения безопасности Индии, интерес представляет и статья Лепела Гриффина (LepelGriffin'a) «В безопасности ли Индия?»⁴. Статья изобилует самоуверенностью тона автора о могуществе Англии и нерешительности России развязать с нею войну, хотя при практическом её осуществления будет длительной, и в итоге разрешится не в пользу России. «Англо-русская война, – пишет автор – за господство в Азии или, вернее,

¹ Юнхезбанд. Нашествие русских в Индию. – С.214-215.

² Чельнсфорд. Оборона Индии (в переводе с английского языка на русский подполковника Генерального штаба России Дмитриева) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIV. – СПб., 1893. – С. 156-168.

³ Чельнсфорд. Оборона Индии. – С. 168.

⁴ Лепель Гриффин. В безопасности - ли Индия? (Перевод с англ. Подполковник Генштаба России Дмитриева) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIV. – 1893.–С. 156-168.

владычество над Индией, не могла бы разрешиться одной кампанией; она продолжалась бы до полного истощения одной или обеих сторон. Причём крайне невероятно, чтобы слово «довольно» было произнесено Англией первой»¹.

Среди работ, в той или иной мере характеризующих англо-русское противостояние на Памире, небезынттересная и статья английского дипломата Георга Кюрзона «Индия между двумя огнями»². В ней автор как бы повторяет мнения предыдущих внешнеполитических аналитиков Англии.

По мнению Кюрзона, утверждение такого грозного соперника на Памире или в Афганистане как Россия напрашивается усилить пограничные гарнизоны Индии. Указывая на опасную перспективу такого оборота событий, он пишет: «Если бы России позволено было двинуться к Гиндукушу, или севернее Кабула, или южнее Вахана, то страшно подумать, сколько потребовалось бы напряжений от индийской армии для удержания, с одной стороны, линий Кабул – Джелалабад – Пешавер и Кабул – Газни – Кандагар, а с другой стороны линии Читрал – Яссин – Гильгит – Гунза»³.

Суммируя своё видение уязвимости границы от нападения России и Франции, автор призывает Англию, быть готовой к их отпору. Указывая на опасность совместного приближения России и Франции к границам Индии, он пишет, что «безопасность Индии должна быть главной целью нашей политики»⁴.

Разумеется, можно продолжить историографический анализ работ других английских авторов, в той или иной степени причастных к изложению причин англо-русского военно-политического противостояния в Средней Азии в целом, и на Памире в частности. Но общее содержание их, как и сведения

¹ Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии. // Ученые записки (Номаи Донишгох) Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. - №2 (79) 2024. - С.60-69.

² Кюрзон Георг. Индия между двумя огнями. (Перев. с английского подполковник Генштаба России Десина) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIV. – СПб., 1893. – С. 178-190.

³ Там же. – С. 187.

⁴ Там же. – С. 189.

вышеприведённых авторов, сводится к оправданию политики, и порою в практические плоскости действия Англии в расширения своих колониальных владений за счёт близлежащих к Индии территорий. Причём, эти авторы вцеплялись в один единственный для себя ни чём не оправдываемый «аргумент» - защита от вероятного военного вторжения России в пределы Индии. Как видно, это чувство страха не уменьшалось после присоединения Средней Азии и в ходе подготовки к Памирскому разграничению.

Данный вопрос продолжает вызывать интерес исследователей и в современной английской историографии. Среди работ, посвящённых анализу противостояния России и Англии на Памире, особое место занимают книги Питера Хопкирка «Нарушители на Крыше мира. Гонка за Ахасой»¹ и «Большая игра: на секретной службе в высокогорной Азии»². Последняя переведена на русский язык под названием «Большая игра против России»³. Она охватывает двухвековое противостояние (от Петра I до Николая II) Англии и России в Центральной Азии. Книга написана на основе широкого круга многочисленных источников и исследований (преимущественно английских авторов).

Во вступительной части книги «Большая игра продолжается» профессор Ю.П. Баденков, указывая на научную ценность данного труда, пишет: «Предлагаемая читателю книга «Большая Игра», очевидно вызовет разную реакцию у читателей. Многие покажутся спорным и тенденциозным, со многими оценками можно не соглашаться, но многие события и факты для русскоязычного читателя окажутся новыми и ранее неизвестными, потребуют их осмысления и раздумий. На достижение этих же целей направлено и издание всей серии «Большой Игры»⁴.

Как видно, автор вступительной статьи пытается несколько сгладить тенденциозный пафос содержание книги. Но в книге с нескрываемым дефицитом соответствующих аргументов, ясно прослеживается оправдание

¹ Hopkirk Peter. Trespass on the Roof of the World. The Race for Lhasa. – London, 1982

² Hopkirk Peter. The Great Game: On the Secret Service in High Asia. – London, 1990.

³ Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром (в переводе И.И. Кубадыко). – М.: Рипол Классик, 2004. – 266 с.

⁴ Хопкирк П. Большая игра против России. – С. 3-4.

колониальных намерений Англии в Средней Азии в целом, и её действия на Памире в особенности. На этом фоне автор не скрывает своего критически осуждающего мнения к геополитическим интересам России в регионе, как в прошлом, так и нынешнее время.

«Оглядываясь в прошлое, современные историки, - пишет Хопкирк, - могут спросить: а была ли реальной российской угроза Индии? ...для Бёрнса и Поттинджера, Барнаби и Роулинсона она казалась достаточно реальной и постоянной. И история Индии, казалось, подтверждала их опасения... Люди подобные Кауфману и Скобелеву, Алиханову и Громбчевскому, в равной степени боялись, что, если они умерят российские притязания на среднеазиатские ханства, англичане в конечном счёте присоединят эмираты к своей Индийской империи»¹.

Как видно из содержания работ, многие английские авторы придерживаются мнения, что, с одной стороны, Англия имеет мнимое военное превосходство, а с другой стороны, чувствуя превосходство наступательного потенциала русской армии, она постоянно находится в поиске мирных методов удержать Россию от наступательных действий против Англии на Индийском театре военных действий.

Таким образом, англо-русское противостояние в Средней Азии, в том числе на Памире, в европейской, главным образом в английской историографии XVIII– начала XX вв., занимало особое место. Сравнительный анализ содержания работ, связанных с изучением данной проблемы приводит к выводу о том, что они охватывают следующие периоды:

1. истоки эти противостояния, хотя берут начала намного раньше (XVI–XVII вв.), но их признаки более заметно наблюдались по мере утверждения колониальной власти Англии в Индии, и более оживлённого развития торгово-посольских связей России с ханствами Средней Азии в XVIII в.;

2. первая половина XIX в. – обострение отношений между Великобританией и Россией. Подготовки проектов о совместных русско-

¹ Хопкирк П. Большая игра против России. – С. 258.

французских военных походах на Индию, интенсивное картографическое изучение северных приграничных районов Индии и Памира. Для этой цели представители английской власти и военно-дипломатических кругов широко использовали географов-разведчиков и пундитов для выявления удобных оборонительных рубежей;

3. 60 – 80-е годы XIX в., в процессе завоевания и присоединения Средней Азии к России, англо-русское противостояние переросло в открытую конфронтацию. Опасаясь непосредственного вторжения России в Индию, Англия все больше втягивала Афганистан и Китай в свою геополитическую орбиту с целью создать безопасную буферную зону от вероятного нападения России на Индию.

4. конец 80 – 90-е годы XIX в. – особое место в военно-дипломатическом противостоянии Англии и России занимал Памир. Опасение Англии о вероятности вторжения России в Индию через труднопроходимые ущелья Памира вынуждало представителей колониальной английской администрации в Индии яростно защищать интересы этой империи за пределами северной границы Индии, вплоть до введения в действие англо-русского соглашения о Памирском разграничении.

Хотя Англия ясно ощущала свою уязвимость в случае нападения на Индию, тем не менее, судя по содержанию работ представителей её историографических кругов, всячески стремилась показать свою военную мощь, готовность дать сокрушительный отпор российской армии в случае её вторжения в Индию.

По стечению обстоятельств конфронтационное противостояние и порою стычки отдельных русских, английских, китайских и афганских отрядов на Памире не разрослось до более крупного вооружённого конфликта, благодаря мужественному отпору со стороны русских рекогносцировочных отрядов и борьбе местного населения против ненавистных афганских оккупантов опиравшихся на непосредственную военную помощь англичан.

V.2. Исследование истории присоединения Памира к России

Российско-британское соглашение 1872-1873 гг.

Этот вопрос привлекал интерес как дореволюционных, так и советских исследователей, о чём свидетельствует вышеприведённый анализ, касающийся англо-русского противостояния в Средней Азии в целом, на Памире в особенности. В своей совокупности они довольно ясно освещают усиление продолжавшегося англо-русского противостояния в условиях успешных военных действий России в Средней Азии. Её приближение к северным границам Индии всё больше беспокоило Англию. В сложившейся ситуации, она лихорадочно искала пути налаживания мирных взаимоотношений с Россией. Англия хотела, если не остановить завоевательные планы России, то хотя бы повлиять на её продвижение в Средней Азии таким образом, чтобы это было безопасно для Индии.

В этом плане фактически все исследовали, изучавшие историю Российско-британского соглашения 1872-1873 года, опираясь на содержание официальных документов, солидарны с мнением о том, что ещё в 1869 г. Англия выступила с инициативой начать переговоры с Россией о разделе сфер влияния в Средней Азии и создании буферной зоны между владениями России и Великобритании. Их переговоры продолжались до заключения вышеуказанного соглашения.

Вопрос о необходимости мирного решения пограничных вопросов между двумя империями был поднят 1 августа 1869 г. при встрече российского канцлера князя А.М. Горчакова с представителем Англии Дугласом Форсайтом в Баден – Бадене. Горчаков, в качестве буферной зоны предлагая Афганистан, высказал мнение о том, что к границам Афганистана, сложившимся к данному моменту, у России нет никаких претензий. Это совпадало и с намерением Англии. Данное мнение, Горчаковым было изложено и при повторной беседе с Форсайтом в Петербурге 20 октября 1869 г. в которой было выдвинуто условие, что британское правительство будет удерживать афганского эмира Шир-Али-хана от стремления расширить свою границу за счёт соседних владений.

Согласно содержанию официального документа принятого в этой встрече обе стороны пришли к следующему решению:

«1) Пределами Афганистана считаются те местности, которыми в настоящее время действительно владеет Шир-Али-хан. Англия употребит все зависимые от неё средства, чтобы не дозволить расширить свои границы к северу;

2) Со своей стороны Россия употребит своё влияние, чтобы воспрепятствовать Бухаре, расширить свои пределы за счёт Афганистана;

3) Если бы впоследствии Россия была вынуждена действовать враждебно против Бухары и вопреки своему желанию заняла бы все это ханство или часть его, она не предпримет завоевания в направлении Афганистана, а Англия со своей стороны не допустит афганского владетеля тревожить своих северных соседей»¹.

Следует отметить, что подготовительная процедура окончательного определения текста соглашения проходила два этапа: первый этап – 1869-1871 гг. и второй, по результатам достижение условия соглашения – октябрь 1872 г.- январь 1873 г.

Условия соглашения, определенные на первом этапе переговоров сформулированы в следующем порядке:

«1. Территория Афганистана признается обеими сторонами «нейтральной зоной», долженствующей служить «буфером» между владениями британской короны в Индии и владениями Российской империи в Средней Азии.

2. Определение пределов Афганистана на севере, т.е. разграничение земель Кабульского эмирата с владениями Хивы и Бухары в Средней Азии, должно быть достигнуто после изучения этого вопроса обеими сторонами и по согласованию между ним.

3. Ханство Бадахшан признается независимым и не подлежащим к Афганистану»².

¹ РГВИА. – Ф.ВУА, 1869 г. – Д. 6810. – Л. 37-38.

² Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. – М.: Гос. изд. пол. лит., 1952. – С. 111.

Россия в то время ещё не имела чёткого представления о владениях, расположенных в верховьях Пянджа. К тому же военные действия в Средней Азии продолжались и их приближение к северной границы Индии усиливало опасения Англии. Поэтому как Англия, так и Россия были заинтересованы в получении более достоверной информации, для мирного определения границ на Памире. Используя недостаточную осведомлённость русских о пределах афганской границы в близлежащих к Памиру районах, Англия, взяв инициативу в свои руки, поручила своему послу в Петербурге представить русскому правительству депешу министра иностранных дел Великобритании лорда Гранвилля от 17 октября 1872 г. Согласно этому документу, так были обозначены пределы Афганистана:

«1) Бадахшан, с зависимым от него районом Вахана от Сариколя (озеро Вуда) на востоке до слияния реки Кокча с Оксом (или Пянджем), представляющим собой северную границу этой афганской провинции на всём её протяжении.

2) Афганский Туркестан, включающий Кундуз, Кульм и Балх, северной границей которых будет линия Окса от селения с рекой Кокча до поста Ходжа Салех включительно, на дороге из Бухары в Балх. Афганский эмир не будет ничего требовать на левом берегу Окса ниже Ходжа Салех.

3) Внутренние районы Акша (Акча), Серипуль (Сарыкул), Майменат (Маймана), Шиберджан (Шиберган) и Андкой (Андхой), последний из которых будет крайним пограничным афганским владением на северо-западе, причём пустыни за границей принадлежат независимым туркменским племенам.

4) Западная граница Афганистана между зависимым от него Гератом и персидской провинцией Хорасан хорошо известна и не нуждается в определении»¹.

В ответ министр иностранных дел России А.М. Горчаков своему английскому коллеге Гранвиллю от 7 декабря 1872 г. выразил несогласие ввиду

¹ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872-1885. – СПб.:Изд. министерства иностранных дел, 1886. – С. 2-5; См. так же: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 160-161.

того, что основатель афганского государства Дост Мухаммед - хан не оставил после себя точные очертания присоединённые к Афганистану им территории¹.

Исходя из этого, А.М. Горчаков уточнение реальной границы Афганистана поручил Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману. Последний в своей предварительной записке А.М. Горчакову высказал опасение, что при занятии афганским эмиром Бадахшан и Вахан, может привести его линии соприкосновения с Бухарой, этим окажется в соседстве с Каратегинном, находящимся вблизи кокандских владений, что приведёт к столкновению с Россией².

После поспешного определения линии границы Афганистана К.П. Кауфман представил обширное заключение, с соответствующими аргументами, берущими под сомнение мнение англичан касательно точного определения реальной границы Афганистана в целом, а на Памире в особенности. В завершающей части своего текста заключения Кауфман указывает³: «Нам представляется более соответствующим этой цели [поддержание мира], позволить сохранить существующее положение вещей. Бадахшан и Вахан таким образом, будут представлять собой барьер между северными и южными государствами Центральной Азии, и этот барьер, усиленный объединёнными действиями, которые Англия и Россия способны применить в отношении приемлющих их влияние государств, будет эффективно противостоять любым опасным контактам и способствовать, по нашему мнению, обеспечению мира в этих странах настолько, насколько что бы то ни было вообще может его обеспечить»⁴. Чтобы не вызывать кривотолков у английской стороны, Кауфман подчёркивает, что он при подготовке справки для МИДа России опирался на

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 161.

² ЦГА РУзб. Дипломатическая часть при Туркестанском генерал-губернаторстве. – Д.830/263. – Л.16; См. так же: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 163.

³ Подробный текст заключения Кауфмана см.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира» - С. 161-163. Из-за труднодоступности подлинников документов по вопросу сложившихся и противоречивых мнений русских и английских властей, и военно-дипломатических кругов, мы вынуждены довольствоваться заимствованием содержания отдельных текстов документов из книги добросовестного и замечательного исследователя В.А. Постникова «Схватка на «Крыше мира», с указанием источника и страницы по книге этого автора. Тем более, что она в прямом смысле, как указывает исследователь, является «монографией в документах».

⁴ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира» - С. 162-163..

сведения, добытые в Центральной Азии Карлом Струве по результатам его длительной экспедиции в Туркестане¹.

Уместно отметить, что англичане, умело используя недостаточную осведомлённость России о Памире и окружающем его владении, в ходе переговоров всячески старались исходить из своих интересов. Несмотря на множество неточностей и разногласий по поводу определения границы между сферами влияния России и Великобритании, обе стороны вынуждены были пойти на соглашение, чтобы на время удержаться от чрезмерной конфронтации. Россию вдобавок к этому беспокоила излишняя агрессивность эмира Афганистана (разумеется, проявляемая не без подстрекательства английских властей) в отношении Бадахшана и памирских шахств, которого можно было удержать путём заключения соответствующего соглашения с Англией. Другой важной причиной, побудившей русские власти пойти на компромисс с Англией касательно признания принадлежности Вахана и Бадахшана афганскому эмиру, был предстоявший крупный поход России против Хивы². Исходя из этих соображений, князь А.М. Горчаков уведомил английское правительство о готовности подписать соглашение.

Таким образом, в начале 1873 г. между двумя державами была достигнута договорённость, согласно которой Россия согласилась на предлагаемые английской стороной условия, вернее, не отказалась признать английскую линию демаркации условной границей, которая отдавала Бадахшан и Вахан афганскому эмиру³.

Текст условия соглашения, достигнутого на втором этапе переговоров (октябрь 1872-январь 1873) гласит: «1. Россия согласна признать в качестве северо-западной границы Афганистана линию, проходящую севернее городов Акча – Сарыпуль – Маймене – Шиберган – Андхой, т. е. по границе с пустыней, которая принадлежит независимым туркменским племенам, но в то же время,

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира» - С. 163.

² Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. – СПб., 1903. – Т. 2. – С. 122.

³ Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С.309.

включает в состав Кабульского эмирата округа Балх, Хульм, Кундуз, откуда ведут караванные пути на Кабул и Бухару, т. е. готова согласиться с границей, предложенной Англией.

Хотя Российское правительство считает, что ханство Бадахшан и связанный с ним округ Вахан являются независимыми от Афганистана территориями, и тем самым образуют нейтральный пояс между афганскими и среднеазиатскими владениями, тем не менее, учитывая желание английского правительства видеть эти ханства под властью афганского эмира, на которого Англия имеет решающее влияние и потому гарантирует установление прочного мира в Средней Азии, Россия не отказывается от принятия предложенной Англией пограничной линии, т. е. включения Бадахшана и Вахана в состав Афганской территории»¹. Из содержания текста явствует, что соглашение 1872-1873 гг., переговоры о котором длились с 1869 по 1873 г., по сути, показало колониальные намерения обеих империй. Оно было заведомо беспочвенным и не могло остановить противоборство русских и британских властей на Памире.

Несмотря на это, Соглашение 1872-1873 гг. дало возможность России продолжить свои наступательные действия в Средней Азии. В 1873 г. России удалось завоевать Хиву и установить свой протекторат над ней. В 1875-1876 гг. было покорено Кокандское ханство. Завоевание Ферганы фактически открыло русским властям доступ к Памиру. Теперь для России настало благоприятное время, чтобы укрепить свою власть на Памире. В то же время Англия, всерьёз перепуганная этими успехами России, главным образом, её приближением к северным границам Индии и Гиндукуша, предпринимала соответствующие меры, чтобы удержать её дальше от северных границ Индии.

Процесс русско-английских переговоров 1869-1873 гг. в той или иной мере нашёл своё отражение в работах русских дореволюционных авторов М.И. Венюкова², Д.Д.Семенова¹, С.Уманьца², В.Острогова³, Б.Л. Тагеева⁴, М.Н.

¹ Полные тексты переговоров между Россией и Великобританией о «буферном поясе» в Средней Азии. Октябрь 1872- январь-1873 см.: Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. – М.: Гос. изд. полит. Лит., 1952. – С. 111-123. .

² Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб., 1877. – С.195-198.

Каткова⁵, М.Грулева⁶, Ю.Д.Головиной⁷, И.Слущкого и др.⁸. Но, они, по сути, ограничились приведением общего содержания переговоров и отметили их важности в связи со сложившейся в то время реалии русско-английских интересов на Памире. Исходя из этого, во избежание повторения содержания их мнения, которые в основном совпадают, нет надобности в подробном анализе сведений каждого из них. Целесообразно ограничиться лишь приведением мнения отдельных авторов касательно необходимости переговорного процесса, заключения соглашения 1872-1873 г. и невыгодности для России практического осуществления данного документа.

В этом плане интерес представляет мнение М. Венюкова, высказанное им четыре года спустя после заключению вышеупомянутого соглашения, когда ещё не созрела необходимость присоединения Памира к России и создания надёжного форпоста у северных границ Индии. Он с одной стороны, целиком поддерживая завоевательную политику России в Средней Азии, с другой призывает осторожно действовать в отношении расширения границы империи на окраинах региона, требующее больших расходов для содержания армии и достижения доверительного отношения местного населения к русским. Всё же, по его мнению, для беспрепятственного осуществления этого плана, важно не давать повода для волнения кочевого населения. «Чтобы сделать эти волнения невозможными, нет другого средства, - пишет автор, - как протянуть линию русских осёдлостей по северному подножью Гиндукуша и Пропомиза, где только встречаются оазисы, годные для культуры. Но после переговоров 1869-

¹ Семенов Д.Д. Туркестанский край. – М., 1877. – С. 235-236.

² Уманьц С. Памирский вопрос и его значение // Исторический вестник. – Т. 47. – СПб., 1892. – № 1. – С. 196-202.

³ Острогова В. Памиры и памирский вопрос // Наблюдатель. – 1894. – № 6. – С. 65-178.

⁴ Тагеев Б.Л. (Рустам-Бек). Памирские походы 1892-1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – С. 13-14.

⁵ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1869 год. М., 1897. – С. 201-221.

⁶ Грулев М. некоторые географико-статистические данные относящиеся к участку Аму-Дарьи между Чарджуем и Патта-Гиссаром // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (в дальнейшем – ИТОИРГО). – Ташкент, 1890. – Т.2. – Вып. 1. – С. 56-65.

⁷ Головина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы. – М., 1902. – С. 204-207.

⁸ Слущкий И. Памиры в политическом отношении // Средняя Азия. – Ташкент, 1910. – № 2. – С. 73-74; См. так же: Афганские разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872- 1885 гг. – СПб., 1886. – С. 1-25.; Дипломатическая переписка между Россией и Англией // Биржевые ведомости . – СПб., 1874. – 23 марта (4 апреля) и др.

1873 годов с Англией у России, если не юридически, то нравственно и политически связаны руки. С одной стороны, мы обещали англичанам признать кабульского эмира бесспорным владельцем областей (имеется ввиду: Хулм, Балх, Андхой, Бадахшан и Кундуз – М.П.) и в 1875 не возражали против завоевания им Маймене. С другой, перешагнув за Окс, мы не зависимо от этих переговоров, по расчётам политики, должны будем заботиться о том, чтобы приобрести в Афганах друзей, а не врагов»¹.

Этим автор как бы указывает на невыгодность для России соглашения 1872-1873 года. С другой стороны, он берёт под сомнение экономическую целесообразность расширения границы России за пределами Туркмении и Бухары. «Все остальные за тем среднеазиатские владения, - пишет он, - могут быть оставлены вне господства русской власти не только в ущерб, но даже к выгоде России. Таковы особенно мелкие мирства: Вахан, Шигнан, Дарваз и Каратегин. Оставаясь самостоятельными, они по ничтожеству своему и по особенному положению в горных долинах, ни в каком случае не могут сделаться опасными для России»². М. Венюков рекомендует туркестанскому генерал-губернатору применять дипломатическое искусство для того, чтобы эти владения самостоятельно охраняли свои границы. Этим они освобождают Россию от лишних затрат³. Как бы суммируя взгляд М. Венюкова в отношении соглашения 1872-1873 г., можно сказать, что его неопределённость не находит поддержки со стороны других авторов, изучающих данный вопрос.

К примеру, указывая на важность определения границы России и Англии на Памире, Ю.Д. Головина пишет: «Англо-русским соглашением 1872-1873 гг. впервые определены границы влияния России и Англии. С завоеванием Кокандского ханства в 1876 г., всё пространство Памиров, принадлежавшее ханству, было закреплено за Россией, но ввиду бедности и малой доступности нагорья, Россия фактически заняла его лишь после 1891 г.; между тем Англия

¹ Венюков М. Очерк международных вопросов в Азии // Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб., 1877. – С. 277.

² Там же. – С.281-282.

³ Венюков М. Очерк международных вопросов в Азии. – С. 282.

не покидала мечты о разделе Памиров между Афганистаном и Китаем и усиленно работала в этом направлении»¹.

Ход и итоги русско-английского переговорного процесса, начавшегося в 1869 г. и продолжавшегося до заключения соглашения 1872-1873 г., привлекали пристальное внимание советских исследователей и нынешнего поколения историков. В этом плане особая заслуга принадлежит Н.А.Халфину², Б.И.Искандарову³, А.В. Постникову⁴, О. Бокиеву⁵, Х.Пирумшоеву⁶, М. Пирумшоеву⁷ и др. В результате обстоятельного изучения источников и сведений русских исследователей, непосредственно знакомых с переговорным процессом, они в целом, раскрыли причины, несостоятельности Англо-русского соглашения 1872-1873 г.

Совокупность мнений вышеупомянутых авторов сводится к тому, что, несмотря на некоторые дипломатические промахи России, всё же соглашение 1872-1873 гг. способствовало наступательным действиям России в Средней Азии. В этом плане следует отметить, что в 1873 г. было завершено завоевание Хивы и по договору от 12 августа того же года Россия установила свой протекторат над ней. Далее, подавив волнение в Кокандском ханстве, Туркестанский генерал-губернатор Кауфман 19 февраля 1876 г. упразднил Кокандское ханство. Вместо него была образована Ферганская область. Таким образом, создавшаяся благоприятная для России ситуация позволила ей пересмотреть заведомо беспочвенное, лишённое объективных оснований

¹ Гловнина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы. – М., 1902. – С. 205.

² Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60 – 90-е годы XIX в.). – М.: Наука, 1965. – С. 371-407; Он же: Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – М.: Наука, 1975., – 126 с.

³ Искандаров Б.И. Англо-русское разграничение 1872-1873 г. // Ученые записки Душанбинского государственного университета им. Т.Г.Шевченко. Серия обществ. Наук. – Душанбе, 1961. – Т. 26. – Вып. 4. – С. 84-103; Он же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.–Ч.І. – Душанбе: Изд-во АН таджССР, 1962. – С. 174-183;

⁴ Постникова А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, Разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX в. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С. 104-180.

⁵ Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. – Душанбе: Ирфон, 1994. – С. 157-191.

⁶ Пирумшоев Х., Маликов М. Россия и Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 285-311; Он же: Англо-русское соперничество на Памире во второй половине XIX в., // Вестник Педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни. - № 5 (88). – Душанбе:ТГПУ, 2020. – С. 332-337; См. также. Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX- начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – С. 73-89.

⁷ Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. – Душанбе: 2012. – С. 73-88.

соглашение 1872-1873 гг. В результате появились необходимые условия для отпора афганским завоевателям и присоединению Памира к России. К тому же стремление Англии использовать захватнические действия афганцев в целях осуществления своего антироссийского стратегического плана в регионе, стало главным катализатором военной активности России на Памире.

Историография захватнических действий афганцев и Памирского разграничения 1895 г. Как уже отмечалось, российско-английское соглашение 1873 года частично подтвердило преимущество России в установлении своих границ на Памире. По данным дипломата Туркестанского генерал-губернатора А. А. Семенова, граница афганской провинции Бадахшан с прилегающим к ней Ваханским округом определялась от озера Зоркуль (Виктория) по реке Пяндж до впадения реки Кокчи в Амударью. Все земли, расположенные к югу от этой черты, т. е. часть Вахана и Шугнана и весь Рушан с Памиром (имеется в виду Восточный Памир – М. П.), оставлены были за Кокандским ханством или за Бухарой»¹. После ликвидации Кокандского ханства в 1876 г., подвластные им памирские земли в границах от оседлых селений Вахана и Рушана, до оседлых селений Кашгара, были присоединены к владениям России. Но в виду недостаточной территориальной осведомлённости, трудности финансовых расходов, а также в связи с русско-турецкой войны (1877-1878 гг.) на несколько лет задержали процесс укрепления границы России на Памире. Это привело к тому, что в 1883 при прямом содействии Англии эмир Афганистана Абдурахман-хан захватил шахства Шугнан, Рушан и Вахан.

В создавшейся ситуации при назревавшей необходимости военно-политического решения данного вопроса, Россия должна была, по крайней мере, решать две довольно трудные и опасные задачи: а) перехватить инициативу и выиграть дипломатическое единоборство с Англией; б) пойти на большие финансовые расходы ради удержания этого важного стратегического форпоста, каким являлся Памир. «В обоих случаях, – пишет Х. Пирумшоев, – риск был немалый... Так или иначе, период между российско-английскими

¹ ЦГА Республики Узбекистан. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 535. – Л. 17-18.

соглашениями (1873 и 1895 гг.) являлся самым трагическим в судьбе населения Западного Памира»¹.

Ситуация, связанная с бесчинством афганских оккупантов в шахствах Западного Памира до их присоединения к России, в целом, освещена в работах местных авторов, русских административных и военно-дипломатических кругов, непосредственно принимавших участие в изгнании ненавистных афганских оккупантов. Оставленные ими в наследство сведения, служили и служат надёжными источниками для последующих поколений учёных исследующих историю этого трагического для населения Западного Памира периода.

Присоединение Бадахшана к Афганистану и потеря его самостоятельности, если, с одной стороны, искусственно отделило его от общего географического пространства, получившего известность в мировой ориенталистике как Памир, с другой, исходя из интересов Англии и Афганистана, Бадахшан превратился в плацдарм для продолжения осуществления завоевательного плана захвата всего Памира.

В дальнейшем при поддержке англичан Шер Али-хан усилил военные действия в Бадахшане, используя противостояние владетеля Махмуд-шаха и сторонников изгнанного из Бадахшана Джахандар-ша. Шер Али-хан отдал приказ правителю Мазари Шарифа Мухаммад Алим-хану занять Бадахшан, отстранить Махмуд-шаха и взять управление в свои руки. Но вскоре за стремление проявлять независимость, он так же был отстранён от управления Бадахшаном и спасся бегством в Шугнан, затем, в Дарваз и позже переселился в Бухару ко двору эмира Музаффара².

После мира Алим-хана Бадахшан в течение пяти лет находился под властью эмира Шерали-хана. Когда англичане заняли Кабул и его окрестности,

¹ Пирумшоев Х. Горный Бадахшан и Русский Памирский пограничный отряд в конце XIX- начале XX веков // Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 291.

² Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – Душанбе: Дониш, 2007. – С. 150; См. так же: АбаеваТ.Г. Очерки истории Бадахшана. – С. 128

эмир Шерали-хан, перебрался в Мазари Шариф и умер естественной смертью в 1296г.х./1878-1879 г.¹.

Как явствует из содержания местных источников, в 70-е годы хотя и были попытки завоевания Бадахшана афганцами, местные правители часто менялись в связи с их вмешательством, подстрекаемые англичанами. Последним правителем из представителей местной династии Яридов являлся Алам-хан, который удержался у власти до начала 1881 г. С этого времени власть в Бадахшане перешла в руки афганского наместника. Используя Бадахшан в качестве военно-стратегического плацдарма, афганский эмир Абдуррахман-хан, принялся за распространение своей власти в пределах Западного Памира.

Таким образом, итогом дипломатической переписки Англии и России с 1869 по 1873 г., являлось «афганское разграничение», согласно которому, Россия признала право афганского эмира на Бадахшан и Вахан. Это показало явный перевес влияния Англии в достижении желаемого для Афганистана результата, в решении данного вопроса. Оно должным образом способствовало установлению тесных связей афганского эмира с английским правительством. Вышеприведённые сведения касательно насаждения власти афганцев в Бадахшане, занятия им левобережной части Пянджа, оккупационные их действия на Западном Памире, осуществлялись при прямом содействии англичан. Всё это, по сути, являлось последствием неудачного как для России, так и для населения Памира, англо- русского соглашения 1872-1873 гг.

Трагические события, связанные с захватническими действиями афганцев во владениях (шахствах) Западного Памира, довольно обстоятельно освещены как в ряде сочинений местных авторов, имеющих описательный характер, так и в многочисленных работах русских учёных, дипломатов и представителей военных кругов, являвшихся непосредственными участниками и свидетелями событий, связанных с оккупационными действиями афганцев.

Следует отметить, что в местных источниках сведения, относящиеся к процессу присоединения Бадахшана к Афганистану и оккупационные действия

¹Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С. 150.

афганцев на Западном Памире, в основном содержатся в вышеприведённых сочинениях Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара «История Бадахшана»¹, Курбона Мухаммад-зода и Мухаббата Шох-зода «История Бадахшана»², Муборака Шох-зода «История Шугнана»³, Кушкеки «Каттаган и Бадахшан»⁴.

Авторы этих сочинений в ходе изложения события более ранних периодов основывались на существующих преданиях, а в описании истории позднего средневековья в основном довольствовались сведениями, полученными от своих дедов и отцов. Отсутствие достоверных источников, стало причиной допущения ими ряда неточностей. Что касается изложения положения на Памире в последней четверти XIX-начало XX вв., то авторы, имели возможность получить сведения из уст непосредственных участников событий, либо сами являлись свидетелями трагических реалий, имевших место после окончательного присоединения Бадахшана к Афганистану и оккупационных действий афганцев на территории шахств Западного Памира. В этом плане, достоверность их сведений, касающихся политической ситуации на Памире в конце XIX- начале XX не вызывает сомнения.

Вместе с тем, в содержаниях работ местных авторов прослеживается некоторая противоречивость. Например, автор книги «Каттаган и Бадахшан», написавший её по заданию военного министра Афганистана, в силу своего служебного положения не мог объективно оценивать ситуацию. Пытаясь оправдать трагедию оккупации афганцев, выдаёт их за «освободительную» миссию, якобы освободившую население от тирании местных правителей.

¹ Таърих-и Бадахшан (История Бадахшана). Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготвил к изданию А.Н. Болдырев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1959. – 127 л. с обор. (253 с.) + введение, указатели – 68 с. Данная рукопись изд. на кириллице: Мирзо Сангмухаммади Бадахши ва Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. Муаллифони пешгуфтор, баргардони матн, тавзахот, мураттибони феҳристон Голиб Гоибов ва Махмудчон Холов. – Душанбе: Дониш, 2007. – 274 с.

² Курбон Мухаммад-зода, Мухаббат Шох-зода. История Бадахшана Издание текста, примечания и указатели А.А. Егани, предисловие Б.И.Искандарова. – М.: Главная редакция Восточной литературы, 1973. – Факсимил и изд. текст, 248 с. + предисл. И текстол. примеч. 48 с.

³ Саид Хайдаршоҳ Муборакшоҳзода. Таърихи мулки Шугнон. (Перевод русского текста «История Шугнана», подготовленного с оригинала, с ведением и примеч. А.А. Семенова. – Ташкент, 1916). Тарчума (аз руси), тахияи Н. Чонбобоев ва А.Мирхоља – Хоруғ: ПОМИР, 1992. – 36 с.

⁴ Бурхан уд-дин-Хан-и- Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского Введенского, Долгополова и Левкиевского. Под ред. с примеч. А.А. Семенова. – Ташкент, 1926. – 248 с.

Кушкеки, описывая ход смещения Юсуф-Али-хана с шугнанского престола афганцами (1883), указывает, что афганскую власть не любили лишь двое-трое из влиятельных лиц Шугнана «за то, что она не позволяла им бесчинствовать и творить несправедливости. Один из них был Фаррух-шах, пир Шугнана, другой Назар-шах, рошанец, и некоторые другие. Эти лица, подстрекая к возмущению несколько человек аксакалов и «арбабов», склонили их на свою сторону»¹.

Но как явствует из других источников, в частности авторов «Истории Бадахшана» и «Истории Шугнана» против ненавистных афганских оккупантов выступало все население Западного Памира. Касательно причины смещения Юсуф-Али-хана с престола Шугнана Кушкеки всё же видел в его бесчинствах в отношении податных сословий. Разумеется, хотя и чувствуется предвзятость автора, видеть в этом причину якобы «освободительной миссии» афганского эмира Абдуррахман-хана занять Шугнан. Но, с другой стороны, приводит примеры о бесчинствах Юсуф-Али-хана, который «не стеснялся убивать людей, грабить их имущество, продавать жён, сыновей и дочерей их и дарить их в подарок знатым лицам»². Это отмечено и другими местными авторами. Автор «Истории Шугнана» Муборак-Шах-заде, несколько подробнее освещая события, связанные с причинами сравнительно лёгкого смещения, Юсуф-Али-хана с правлением независимого Шугнанского шахства, видит в его чрезмерной эксплуатации местного населения³. Поэтому, когда его обманным путём увезли на встречу с эмиром Абдуррахман-ханом в Кабул, народ не встал на его защиту⁴. Вместе с тем автор также с досадой отметил, что, освободившись от беспредела Юсуф-Али-хана, при власти афганцев люди оказались в намного худшем положении⁵.

Сам факт отправки письмо авторитетных представителей Шугнана и Рушана бухарскому эмиру встать на их защиту и с этой же целью в январе 1884 г. аксакалы Шугнана и Рушана Мухаммад Насир и Мухаммад-Назарбек с

¹ Бурхан уд-дин-Хан-и- Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 183.

² Бурхан уд-дин-Хан-и- Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 181.

³ См.: Саид Хайдаршох Муборакшохзода. Таърихи мулки Шугнон. – Хоруғ: ПОМИР, 1992. – С. 12-13.

⁴ Там же. – С. 12.

⁵ Там же. – С. 14.

письмом исмаилитского духовного наставника (пира) Сейид Фаррух-шаха и мира Манзаршо отправились к Туркестанскому генерал-губернатору¹, свидетельствует об отчаянном положении местного населения.

Тщательно сопоставляя сведения, имеющиеся в источниках и сочинениях местных авторов, а также работах русских авторов, К. Эльчибеков пишет: «На самом же деле ничего кроме грабежа и насилия шугнанцы не видели от афганских правителей. Об этом красноречиво говорят факты: в период с 1883 по 1885 г. шугнанцы неоднократно обращались к русскому правительству и русским путешественникам с просьбами взять Шугнан под свою опеку и избавить от афганского ига»².

Занятие Шугнана афганскими отрядами более убедительно приводится в «Истории Бадахшана». Отмечая о сравнительно лёгком захвате Шугнана афганцами, в книге указано на нарастающее сопротивление местного населения в годы правления назначенного эмиром Абдуррахман-ханом Гульзар-хана (родом из Кундуза) хакимом Шугнана. В 1885 г. местные феодалы и знатные люди, защищая свои интересы, выступили против афганского управленческого режима. Вскоре к ним примкнули широкие народные массы. Испугавшись размаха восстания, зачинщики мятежа, переметнулись на сторону афганцев. Для подавления восстания из Бадахшана была мобилизована шеститысячная афганская армия во главе с генералом Сейид Олим-ханом, который не только силой военного отряда, а также путём уговора и обещания смог подавить восстание³. Сведения об этом восстании шугнанцев приводились и в русской газете «Окраина», где причиной указано доведение народа до отчаянного состояния⁴.

Согласно имеющимся в указанных источниках сведениям, вторая заметная волна освободительного движения наблюдалась в 1888 г. в связи с восстанием Исхак-хана в Чорвилояте, когда войска во главе с афганским

¹ Там же. – С. 14-15

² Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 107.

³ См.: Курбон Мухаммад-зода, Мухаббат Шох-зода. История Бадахшана. – С. 81-85.

⁴ Окраина. – 1894. - № 96. – 14 декабря.

генералом Сейид Олим-ханом ушли из Шугнана. «В это время, - пишет Кушкеки, - некоторые из жителей Шугнана, привели Сейид-Акбара, племянника Юсуф-Али-шаха, убежавшего раньше в Бухарский Дарваз, и избрали его своим правителем»¹. Однако, по мнению автора, вскоре, из-за конфискации имущества и продажи в рабство детей и жён тех, кто выступал против его правления, народ стал выражать недовольство. Несмотря на попытки местного населения воспрепятствовать продвижению афганских войск, Акбар-хан, лишённый народной поддержки и опасаясь наказания, тайно покинул Шугнан после прибытия в Бадахшан афганского генерала Сеид-Шах-хана.

Хотя, по свидетельству Кушкеки, после взятия Шугнана Сеид-шах-ханом, несмотря на сопротивление местных жителей, с помощью старейшин и вельмож ему удалось частично успокоить население², другие источники свидетельствуют, что сопротивление народа афганским захватчикам, надеясь на помощь русских отрядов, появившихся к тому времени на Памире, продолжало расти с небывалой силой.

Политическая обстановка в памирских владениях в 80-х — первой половине 90-х годов XIX века, а также события, связанные с афганской оккупацией, подробно освещены в трудах русских дипломатов и военных. Они мужественно защищали местное население, рискуя собой, и оберегали его от зверств оккупантов.

В этом плане особую ценность представляют книги, статьи, очерки, путевые заметки и отчёты участников военно-научных экспедиций, посетивших Памир в 80–90-х годы А.Э. Регеля, Д.В. Путяты, Д.Л. Иванова, С.Н. Южакова, Б.Л. Громбчевского, Б.Л. Тагеева, А.Г. Серебренникова³ и др.,

¹ Бурхан уд-дин-Хан-и- Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 184.

² Бурхан уд-дин-Хан-и- Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 184-185.

³ Регель А.Е. Путешествие в Шугнан // Известии Императорского Русского географического общества (в дальнейшем Известия ИРГО). – СПб., 1884. – Т. XX. – Вып. 3. – С. 269-274; Путята Д.В. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкуль, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (в дальнейшем СГТСМА). – СПб., 1854. – Вып. 10. – С. 1-88; Он же: Очерк экспедиции 1883 г. под командой капитана Путяты. ЦГВИА РФ. – Ф. 143. – Оп.1. – Ед. хр. 144. – Лл. 1- 60 об.; Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки // Вестник Европы. – СПб., 1885. – Т. III. - № 6. – С. 612-658; Т. IV. - № 7. – С. 48-

которым пришлось приложить неимоверные усилия для освобождения Западного Памира от афганских оккупантов, и принимать активное участие в определении границ, которые легли в основу Договора о памирском разграничении 1895 г. Сведения, содержащиеся в их работах, являлись надёжными источниками для последующих поколений исследователей, изучавших политическую обстановку Памира накануне и в ходе его присоединения к России.

Капитан Ванновский в своём отчёте о ходе рекогносцировочной работы в Рушане и Дарвазе в 1893г. приводит краткую характеристику родословной династии шугнанских и рушанских шахов. Его сведения касательно Юсуфа-Али-хана, вызывают интерес. В частности, автор, упоминая время пребывания Юсуф-Али-хана в Сары-коле, указывает на его постоянную переписку с преданными ему лицами из местных влиятельных рушанцев, с помощью которых ему удалось вернуть себе управление Шугнаном и Рушаном. Далее согласно мнению автора, он «занялся устройством страны, расширял свои владения» и при нём были в некоторой степени прекращены междоусобицы. Но это продолжалось недолго. «В 1883 году после упорной защиты, Шугнан и Рушан перешли в руки афганцев.

В Шугнан и Рушан были назначены уездные начальники. Афганец Гульзар-хан был первым хакимом Рушана и пробыл на этой должности до 1886 года. По его смерти хакимом Рушана в 1886 году был назначен афганцами

97; Он же: Путешествие на Памир // Известия ИРГО. – СПб., 1886. – Т. XXI. – Вып. 6. – С. 579-582; Он же: Памир(Пуп земли) // Новь - СПб., 1885. – Т. 6. - №23. – С.315-342; Он же: Что называть Памиром? // Известия ИРГО. – СПб., 1885. – Т. XXI. – Вып. 2. – С. 131-145; Он же: Очерк экспедиции горного инженера Д.Л. Иванова в 1883 в Вахан // ЦГВИА РФ. – Ф. 483. – Оп. 1. – Ед.хр. 144. – Лл. 22-42; Южаков С.Н. Англо-русская распря. – СПб., 1885. – 106 с.; Он же: Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. – СПб., 1885. – 187 с.; Громбчевский Б.Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Громбчевского. На правах рукописи. Секретно. – Новый Маргелан . – Без даты издания. – 158 с.; Он же: Доклад капитана Б.Л. Громбчевского о путешествии в 1889-1890 гг. (Читан взкстерном собрании ИИРГО, 10 января 1891 г.) Известия ИРГО. – СПб., 1891. – Т. XXVII. – Вып. 2. – С. 97-118; Он же: Современное политическое положение Памирских занств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Г. Новый Маргелан, 1891. – 58 с.; Он же: Наши интересы на Памире. Поенно-политический очерк. – СПб., 1891. – 29 с.; Он же: Экспедиции капитана Б.Л. Громбчевского на Памиры // Известия ИРГО. – СПб., 1899. – Т. XXV. – Вып. 5. – С. 423-426; Тагеев Б.Л. Через Алай и Памир. Очерк // Всемирная иллюстриация . – СПб., 1895. - № 1370. – С. 338-342; № 1379. – С. 11-12; № 1380. – С. 25-30; Он же: Памирский поход. (Воспоминания очевидца) // Исторический вестник. – СПб., 1898. – Т. 73. - № 7. – С. 111-138; Серебренников А.Г. Очерки Шугнана // СГТСМА. – СПб., 1896 – Вып. 70. – С. 30-51; Он же: Памир. Краткий очерк // Ежегодник Ферганской области. – Вып. 1. - . – Г. Новый Маргелан, 1892. – С. 90-158.

Сеид-Акбар-ша, брат Юсуф-Али-хана»¹. Уместно отметить, что Сейид-Акбар-ша в 1887 г. поднял знамя восстания против афганцев.

В 1882 г. с учётом пожелания Императорского Русского географического общества, Туркестанским генерал-губернатором с научной целью был командирован в Шугнан и Бадахшан русский доктор, чувский уездный врач А.Э. Регель. Основной целью поездки А.Э. Регеля было непосредственное знакомство с политической ситуацией Бадахшана, оказавшегося под властью афганского эмира, и положение владения Западного Памира, главным образом, Шугнана, находившегося под угрозой афганского вторжения².

Во время пребывания в Шугнани, А.Э. Регель³ при содействии его правителя Юсуф Али-хана, в то время владевшего также Рушаном и рядом близлежащих районов Памира, удалось совершить путешествие в Шах-дарью, долину Гунта и побывать в Гороне⁴. Это и вызывало подозрение афганских властей об усилении влияния России на Памире, и послужило поводом к захватническим действиям афганцев.

Сам А.Э. Регель о реакции афганцев на его пребывание в Шугнани пишет: «В январе 1883 г., после моего возвращения в Бар-Пянджу, туда прибыл афганский офицер и при нём чиновник и 12 солдат, требовавшие моего возвращения по тому же направлению, откуда я прибыл. Так как это было в то время невозможно, то я выговорил себе отсрочку, и отправился в путь только в феврале»⁵.

Согласно некоторым данным, не дождавшись обещанного отъезда А.Э. Регеля, с этой целью в феврале 1883 г. из Бадахшана был направлен в Шугнан афганский полковник Гульзар-хан с отрядом из 22 сарбазов (солдат) с требованием отъезда А.Э. Регеля из Шугнана. В качестве аргумента для

¹ Ванновский. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушан и Дарваз. 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVI. – СПб., 1894. – С. 79.

² История Таджикского народа. Т.IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 659.

³ Регель А.Э. Путешествие в Шугнан // Известия ИРГО). – СПб., 1884. – Т. XX. – Вып. 3. – С.268-274; См. так же.Регель А.Э. Путешествие в Шугнан // Туркестанские ведомости . – 1884. - № 17.

⁴ Регель А.Э. Путешествие в Шугнан // Известия ИРГО). – СПб., 1884. – Т. XX. – Вып. 3. – С. 272-273.

⁵ Там же – С. 274.

обвинения Юсуф Али-хана послужило разрешение им русского врача, разведать в Гороне рубиновые копи, якобы в освоении которых была заинтересована русская администрация. Но всё же, обратный отъезд А.Э. Регеля не мог ослабить захватнические намерения афганцев.

Согласно мнению А.А. Семенова, приведённому в его комментариях к «Истории Шугнана» Сейида Хайдаршо, не только визит А.Э. Регеля в Шугнан, но и чрезмерная эксплуатация Юсуф Али-хана, вызвавшая недовольство местного населения, а также враждебное отношение к нему местного духовенства, послужили поводом к тому, что политически влиятельные лица во главе с Сейидом Фаррух-шахом из Шугнана, Манзар-шахом из Рушана, Мираваз-беком из Сучана и Ходжадил Махзумом из Барпанджа, отправили с Гульзар-ханом письмо Абдуррахман-хану с просьбой о смещении Юсуф Али-хана¹.

Но, независимо от вышеуказанных причин, Абдурахман-хан вынашивал план наказания Юсуф Али, за то, что он не следовал за бадахшанским правителем, признавшим после занятия им престола афганским эмиром и верховенства над Бадахшаном. Теперь, по мере укрепления своей политической власти в Афганистане, при помощи англичан, Абдуррахман покорив Бадахшан, Герат, Кандагар, намеревался занять владения Западного Памира.

Свои действия Абдуррахман-хан начал осуществлять с занятия Вахана, владетель которого, Али Мардан-хан, управлял самостоятельно и держал в своём подчинении Зебак с Ишкашимом. В 1882 г. войска афганского эмира вторглись в Вахан. Али Мардан спасся бегством. Затем захватнические его намерения непосредственно были направлены на Шугнан. Особую активность в их осуществлении проявлял ставленник эмира – бадахшанский мир Абдулладжан, желавший воспользоваться действиями противников Юсуф Али-

¹ Саид Хайдаршо Муборакшохозда. Таърихи мулки Шуѓнон. – Хоруѓ: Шуѓнон, 1992. – С. 29. Следует отметить, что «История Шугнана», написанная по просьбе А.А. Семенова, местным знатоком истории Сейидом Хайдаршо по приданиям и по собственным воспоминаниям в 1912 г. Русский перевод текста с комментариями принадлежит А.А.Семенову. См. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XXI. – Ташкент, 1917. – 23 с. Отдельный его оттиск. – Ташкент, 1916. Нами использован таджикский перевод «Таърихи мулки Шуѓнон» подготовленными Н. Джонбабаевым и А. Мирходжа. - Хоруѓ: Шуѓнон, 1992. – 36 с. с комментариями.

хана. В качестве прямого повода для наступления войск Абдурахман-хана на Шугнан как отмечено, стало пребывания русского врача А.Э. Регеля и любезного его приёма Юсуфом Али-ханом, а также вышеупомянутое письмо, отправленное в октябре 1883 г. эмиру влиятельными лица Шугнана.

Получив указание Эмира Абдурахмана, мир Бадахшана Абдулладжан (по данным Кушкеки сердар Абдулла-хан) с тайным намерением арестовать и отправить Юсуф Али-хана в Кабул, пригласил его вместе с миром Вахана Али-Марданом к себе в Файзабад. Юсуф Али-хан, чувствуя трагический для него исход, этой поездки всячески откладывал её и даже принял решение бежать в русский Туркестан. Для этого он отправил свою семью и часть имущества в Рушан. Но всяческие уговоры мира Бадахшана Абдулладжана, согласие о совместной поездке с ним владетеля Вахана Али Мардана и заверения представителей местного духовенства во главе с ишаном Фарухзаде о том, что ему ничего не грозит. Более того, после встречи и поклона эмиру с его благословением может вернуться и продолжить правление Шугнанским шахством, Юсуф Али-хан дал согласие на эту поездку.

После Регеля сведения о событиях вторжения афганцев в Шугнан приводятся в работе руководителя научной экспедиции Генерального штаба России Путяты «Очерк экспедиции в Памир, Сарыколь, Вахан и Шугнан»¹.

Согласно его мнению, со времени утраты Бадахшаном самостоятельности отношения Шугнанского правителя и Бадахшанского мира существенно изменились. Теперь традиционный годовой подарок Шугнана был заменён на обязательную подать из нескольких лошадей, железа и некоторого числа женщин. В остальном Шугнан был независим и пользовался до начала афганской экспансии полной самостоятельностью. При этом шугнанцы всегда пытали скрытую ненависть к афганцам².

Что касается личности и методов правления Юсуфа-Али, то Путята в отличие от Ванновского, который, как отмечено выше, «занялся устройством

¹ Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыколь, Вахан и Шугнан 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. X. – СПб., 1884. – С. 40-89.

² Там же. – С. 72-73

страны, расширял свои владения» и при нём были в какой-то мере прекращены междоусобицы, указывает на его алчность и жестокое отношение к своим подданным¹. Кроме того, по мнению Путяты «сами жители», пытались препятствовать осуществлению плана побега Юсуф-Али хана.

Сведения, приведённые в работах Путяты, касательно занятия Шугнана афганцами, во многом подтверждаются другим участником экспедиции Д.Л. Ивановым в ряде его статей². Согласно наблюдениям Д.Л. Иванова, прибывшего в августе 1883 г. в Сардым, Шугнаном фактически управляли афганцы.

К изучению политического состояния Шугнана и событий, происходивших в годы правления Юсуфа-Али хана до афганской оккупации, причастен и русский военный инженер, капитан А.Г. Серебренников. В ходе своей работы по рекогносцировке Шугнана в 1894 г, довольно пристально интересуясь событиями, происходившими в 70 – 80-х годах на Памире, главным образом в Шугнана, на основе доступного ему материала, в том числе из упомянутого «Очерка» Путяты и свои наблюдения, подготовил и издал ряд статей и «Очерки Шугнана»³.

А.Г. Серебренников в изложении события разворачивавшихся вокруг Юсуф-Али-хана вплоть до его пленения Бадахшанским миром и отправки в Кабул, фактически повторяет вышеизложенные сведения капитана Путяты⁴, но в отличие от него несколько подробнее приводит детали пленения и казни последнего шугнанского шаха. «Юсуф-Али-хан, - пишет он, - был отправлен в

¹ Там же. – С. 76.

² Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки // Вестник Европы. – СПб., 1885. – Т. III. - № 6. – С. 612-658; Т.IV. - № 7. – С. 48-97; Он же: Путешествие на Памир // Изв. ИРГО. – СПб., 1886. – Т. XXI. – Вып. 6. – С. 679-582; Он же: Памир (Пуп земли) // Новь. – СПб., 1885. – Т. VI. - № 23. – С. 315-342; Он же: Путешествие на Памир и Орографический характер Памира // Известия ИРГО – Т. XX. – 1884. – С. 209-268; Он же: Что называть Памиром // Известия ИРГО. – СПб., 1985. – Т.XXI. – Вып. 2. – С.131-145; Он же: Очерки экспедиции в 1883 в Вахан // ЦГВИА РФ. – Ф. 483. – Оп. – 1. – Ед. хр. 144. – Лл. 22-42.

³ Серебренников А.Г. Рекогносцировка Шугнана в 1894 г. (Страничка из истории Памирского вопроса) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1896. – 7 июля; 25 июля; 11 августа; 15 августа; Он же: Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1896. – Вып. LXX– 1896. – С. 1-52.

⁴ См. и ср.: Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыколь, Вахан и Шугнан 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. X. – СПб., 1884. – С. 40-89

Кабул, вместе со всем своим семейством, вызванным из Шугнана 60 уважаемыми шугнанцами, взятыми в качестве заложников.

По прибытии в Кабул Юсуф-Али-хан вскоре был казнён лютой казнью, он был зарыт живым в землю и рассказывают, что палачи, посадив его в яму, засыпали её землёй с утрамбованием и поливанием водой, чтобы причинить страдальцу возможно больше мучений»¹.

Далее автор, указывая на проявления недовольства местным населением захватом власти афганцев и наложением многих повинностей, в числе которых была насильственная мобилизация шугнанцев для разработки дороги от Файзабада до Калаи Бар-Пянджа, пишет, что это совпало со временем нахождения на Памире русской экспедиции в составе капитана Путяты, инженера Иванова и топографа Бендерского.

Зная об этом, авторитетные представители местного народа, обратились к ним за помощью. Их просьба, изложенная в письме с надеждой, что будет доведена до сведения Туркестанского генерал-губернатора, в частности гласила: «Все жители Шугнана и Рушана от мала до велика, объясняют Вам, что афганцы хотят нас себе подчинить, но мы желаем отдаться русским»².

Касательно ответа русских на эту просьбу А.Г. Серебрянников ссылается на аргументы, приведённые Путятой о том, что члены этой научной экспедиции не имеют полномочий выступать против афганцев. Поэтому рекомендовали им обратиться за помощью к дарвазскому беку³. Словом, согласно мнению Путяты «захват афганцами Шугнана, Вахана и Зебакского округа должно признать свершившимся фактом»⁴.

Таким образом, сведения, содержащиеся в вышеприведённых «Очерках» Путяты, Д.Л. Иванова и А.Г. Серебрянникова, при сопоставлении с работами местных авторов, более реально обрисовывают суть событий, связанных с началом оккупационных действий афганцев на Западном Памире. В отличие от

¹ Серебрянников А.Г. Очерки Шугнана. – С. 38.

² Серебрянников А.Г. Очерки Шугнана. – С. 37-38.

³ См. и ср.: Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыколь, Вахан и Шугнан 1883 г. – С. 78-80; Серебрянников А.Г. Очерки Шугнана. – С. 38-40.

⁴ Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыколь, Вахан и Шугнан 1883 г. – С. 79-80.

работ русских очевидцев, события, связанные с захватом афганцами Бадахшана и их оккупационные действия на Западном Памире, сочинения местных авторов¹ составлены на несколько десятилетий позже.

В целом, несмотря на некоторую политическую предвзятость в отношении к захватнической политике Афганистана на Памире и отсутствие указания точной даты, происхождения тех или иных событий, связанных с действиями афганских оккупантов, всё же, имеющиеся в работе Кушкеки данные существенно дополняют или утверждают достоверность сведений вышеприведённых авторов.

В ходе сопоставительного анализа сведений, содержащихся в вышеприведённых местных источниках, которые в своей совокупности проливают свет на причины оккупационных действий Афганистана, подстрекаемого англичанами, на Памире, подтверждается и сведениями самого эмира Афганистана Абдуррахман-хана. Из его содержания явствует, что захват Шугнана намного раньше находился в поле зрения афганского эмира².

Борьба свободолюбивых горцев против чрезмерных злодеяний афганских оккупантов в 1883-1895 гг., занимает особое место в историографии Памира и Бадахшана конца XIX-начала XX вв. В этом плане определяющая заслуга принадлежит русским представителям военно-дипломатических кругов, учёных и путешественников, побывавших на Памире и вставших на защиту местного населения. В их наследии в виде очерков, дневников, путевых заметок, официальных документов (отчёты, донесения, рапорты), посвящённых тем или иным событиям, в совокупности своей отражена общая картина происходивших в данном драматическом периоде истории Памира событий. В

¹ Мирзо Сангмухаммали Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърих-и Бадахшан. Фотографическая репродукция текста рукописи, введение и указатели подготовил к изданию А.Н.Болдырев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959. – 127 л. а/б. (203 с.). + 68 предисл. и комментарии А.Н. Болдырева, 68 с.; Новое издание данной работы на кириллице: Таърихи Бадахшон. Муаллифони пешгуфтор, баргардони матн, қисме аз тавзеъот, муттибони феҳристыо (авторы предисл. и примеч.) Г.Г.Голибов и М.Холов. – Душанбе: Дониш, 2007. – 275 с.

² Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Перевод с английского М. Грулева. В двух томах. – СПб., 1901. – Т.1. – С. 316-317. Ссылка дается по: Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С. 104.

этом плане особую ценность представляют вышеуказанные работы А.Э.Регеля¹, Д.В.Путяты², Д.Л. Иванова³, С.Н Южакова⁴, Б.Л. Громбчевского⁵, А.Г.Серебренникова⁶, Тагеев (Рустам-бек)⁷, Б.В. Станкевича⁸ и др.

В историографии трагического периода оккупации Памира афганцами особое место занимают отчёты и статьи военно-административного чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства, дипломата и отважного путешественника Б.Л. Громбчевского⁹. Он был свидетелем вопиющего бесчинства афганцев в отношении местного населения.

¹ Регель А.Э. Путешествие в Шугнан // Изв.ИРГО. – СПб., 1889. – Т. XX. – Вып. 3. – С. 268-274.

² Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник материалов по Азии. – СПб., 1884. Вып.Х. – С. 1-92; Он же: Очерк экспедиции 1883 г. под командой капитана Путяты. – РГВИА. – Ф. 483. – Оп. 1. – Ед. хр.144. – Лл. 1-60 об.

³ Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки // Вестник Европы. – СПб., 1885. – Т. III. - № 6. – С. 612-658; Т.IV. - № 7. – С. 48-97; Он же: Путешествие на Памир // Изв. ИРГО. – СПб., 1886. – Т. XXI. – Вып. 6. – С. 679-582; Он же: Памир (Пуп земли) // Новь. – СПб., 1885. – Т. VI. - № 23. – С. 315-342; Он же: Путешествие на Памир и Орографический характер Памира // Известия ИРГО – Т. XX. – 1884. – С. 209-268; Он же: Что называть Памиром // Известия ИРГО. – СПб., 1985. – Т. XXI. – Вып. 2. – С.131-145; Он же: Очерки экспедиции в 1883 в Вахан // ЦГВИА РФ. – Ф. 483. – Оп. – 1. – Ед. хр. 144. – Лл. 22-42.

⁴ Южаков С.Н. Англо-русская распря. – СПб., 1885. – 106 с.; Он же: Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. – СПб., 1885. – 187 с.

⁵ Громбчевский Б.Л. Громбчевский Б.Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Громбчевского. На равах рукописи. Секретно. – Новый Маргелан. – Без даты издания. – 158 с.; Он же: Доклад капитана Б.Л. Громбчевского о путешествии в 1889-1890 гг. (Читан вэкстерном собрании ИРГО, 10 января 1891 г.) Известия ИРГО. – СПб., 1891. – Т. XXVII. – Вып. 2. – С. 97-118; Он же: Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Г. Новый Маргелан, 1891. – 58 с.; Он же: Наши интересы на Памире. Поенно-политический очерк. – СПб., 1891. – 29 с.; Он же: Экспедиция капитана Б.Л. Громбчевского на Памиры // Известия ИРГО. – СПб., 1899. – Т. XXV. – Вып. 5. – С. 423-426; Тагеев Б.Л. Через Алай и Памир. Очерк // Всемирная иллюстрация. – СПб., 1895. - № 1370. – С. 338-342; № 1379. – С. 11-12; № 1380. – С. 25-30; Он же: Памирский поход. (Воспоминания очевидца) // Исторический вестник. – СПб., 1898. – Т. 73. - № 7. – С. 111-138; Серебренников А.Г. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии (в дальнейшем: СГТСМА). – СПб., 1896 – Вып. 70. – С. 30-51; Он же: Памир. Краткий очерк // Ежегодник Ферганской области. – Вып. 1. - Новый Маргелан, 1892. – С. 90-158.

⁶ Серебренников А.Г. Рекогносцировка Шугнана в 1894 г. (Страничка из истории Памирского вопроса) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1896. – 7 июля; 25 июля; 11 августа; 15 августа; Он же: Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1896. – Вып. LXX– 1896. – С. 1-52.

⁷ Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892-1895. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – 151 с.

⁸ Станкевич Б.В. По Памиру. Путевые заметки // Русский вестник. – 1904. - № 8. – С. 624-657; № 9. – С. 235-269; № 19. – С. 456-499; № 11. – С. 3-28.

⁹ Громбчевский Б.Л. Доклад о путешествии в 1889-1890 гг., прочитанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891(на правах рукописи). – СПб., 1891. – 29 с.; См. также Известия ИРГО. – СПб., 1891. – Т. XXVII. – вып. 2. – С. 97-118; Он же: Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Г. Новый Маргелан, 1891. – 58 с.; Он же: Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк.. – СПб., 29 с.; Он же: Экспедиция на Памиры // Известия ИРГО. – СПб., 1899. – Т. XXV. – Вып. 5. – 423-426. О Б.Л. Громбчевском более подробно см.: Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. – Душанбе: Дониш, 1975. – 131 с.; Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики,

В своём отчёте, прочитанном в Николаевской академии Генерального штаба о поездке на Памир в 1889-1890 гг., Б. Л. Громбчевский отмечал неоправданную оккупацию Западного Памира афганскими войсками, подстрекаемыми англичанами. Упомянув об афганских беспорядках 1888 г., он уверенно подчёркивал: «Если бы не беспримерное в истории великодушие и бескорыстие России, весь Северный Афганистан вошёл бы в состав Империи. Россия, оказав защиту и покровительство отложившимся провинциям, встала бы твёрдой ногой на Гиндукуше, вступив тем самым в непосредственное соседство с Кашмиром и другими областями внутренней Индии»¹.

Уместно заметить, что на это упущение России указали и другие исследователи, например, позже ознакомившись с реальным положением Памира, как до захватнических действий эмира Афганистана, так и в годы его оккупации афганцами, А.А. Семенов, указывая на возможности России, учитывая неоднократные просьбы местного населения взять его под свою защиту и подданство, писал, что «ни одна из этих просьб не получила удовлетворения вследствие наших тогдашних отношений с Англией. Телеграммой от 14 декабря (1883 г. – М.П.) за №1347 Туркестанскому генерал-губернатору, генерал-лейтенанту Черняеву, было объявлено Высочайшее повеление воздерживаться от всякого шага, который бы мог повести нас к вооружённому вмешательству в попытке афганцев занять Шугнан, заботы о котором «составляют вопрос дипломатический». Эта точка зрения тогдашних наших министерств была подтверждена и в 1884 г., в депеше от 10 марта за № 256 начальника Главного Штаба генерала Обручева, на имя Туркестанского генерал-губернатора). Таким образом, нарушение пограничной линии Англо-Русского соглашения 1872-1873 г. со стороны афганцев произошло с молчаливой санкции нашего правительства»².

разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С.435-439

¹ Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Г. Новый Маргелан, 1891. – С. 1.

² Семенов А.А. История Шугнана // Семенов А.А. Избранные сочинения. – Душанбе: Офсет-Империя, 2013. – С. 283-284.

Тем не менее, независимо от решения определителей государственной политики, в работах представителей военно-дипломатических кругов, побывавших на Памире в то время, довольно ясно прослеживается особая симпатия авторов к местному населению и желание освободить его от невыносимого произвола и насилия афганских оккупантов. К ним без сомнения относится Б.Л.Громбчевский. Автор во вступительной части своего «Военно-политического очерка» хотя и не призывает русские власти к решительным действиям, когда такая возможность имела место в ходе вспыхнувшего нового восстания против афганцев в Шугнанах и Рушанах в 1887 и так называемом «афганском бунте» 1888 г. в Северном Афганистане, но его заслуга заключается в объективном освещении происходивших событий.

Ознакомившись со сведениями Б.Л.Громбчевского невольно возникает вопрос о причинах полного бездействия России в стремлении определить границы на Памире и в Бадахшане в соответствии со своими интересами. Согласно его мнению, следовало бы использовать восстание шугнанцев летом 1889 г., которое приняло широкий размах и вынуждало афганцев направить в Шугнан войска, расположенные в Ишкашимах и Зебаке¹. Правитель Шугнана Саид Акбаршо решил защищаться до последнего. Но потерпел поражение и Шугнан вновь оказался под владычеством афганского эмира².

Несмотря на драматичность положения, Сеид-Акбар-ша мужественно продолжал борьбу против афганских захватчиков.

Б. Л. Громбчевский, тщательно собрав сведения о происходивших событиях и непреклонной воле Сеид-Акбар-шаха, предоставил более подробные сведения³. В этих условиях экспедиция Громбчевского подошла к границам Рушана. Узнав об этом, Сеид-Акбар-шах направил ему письмо с просьбой передать его российскому императору.

¹ ЦГА РУ. – Ф.11/с. – Оп.3. – Д. 680. – Лл. 39-40. Копия из «Сборника документов по Истории Памира (1883-1931 гг.)». Государственный архив ГБАО. – Ф. 25. – Оп.3. Ед. хр. 12.

² Там же.

³ Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств... - С. 16-17.

Получение помощи от русской экспедиции в той ситуации, в которой оказался Б. Л. Громбчевский, было невозможно ввиду ограниченности военных возможностей, а также потому, что это не входило в её задачи. К тому же враждебное отношение афганцев к его экспедиции и нежелание их раздражать стали причиной тому, что Б.Л. Громбчевский «воздержался от всяких рекогносцировок в незанятом ещё афганцами Рошане»¹.

Б. Л. Громбчевский приводит многочисленные примеры жестокости, проявленной афганцами по отношению к шугнанцам, выражая при этом своё сочувствие и признавая невозможность оказания какой-либо помощи в создавшейся ситуации. Указывая на это, он пишет: «...я должен всеми силами избегать крупного столкновения как с афганскими, так и с китайскими отрядами, чтобы не возбуждать как тех, так и других против экспедиции».²

В указанной работе Б.Л. Громбчевского, приводится немало аргументов, основанных на его непосредственных наблюдениях, или полученной от свидетелей информации о бесчинствах афганских оккупантов, творимых в Шугнанах и Рушанах³. Более того, автор приводит немало примеров, свидетельствующих о симпатии местного населения к русским, и верой в их освободительную миссию⁴.

Работа Б. Л. Громбчевского показывает, что она существенно отличается от других исследований по степени информативности и объективности в оценке сложной политической истории Памира 80–90-х годов XIX века, что и привлекло внимание последующих поколений историков, изучавших историю Памира и Бадахшана в конце XIX — начале XX века.

О ходе и последствиях восстания в Рушанах и Шугнанах Б.Н. Станкевич, получивший информацию от участников события, пишет: «В 1887 . в Рушанах и Шугнанах вспыхнуло новое восстание, но, несмотря на всё геройство восставших таджиков, несмотря на неприступность их страны, многочисленные

¹ Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств... - С. 22.

² Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств... - С. 23.

³ Там же. - С. 27.

⁴ См.: Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств... - С. 17, 22, 24 и далее.

афганские полчища всё же быстро справились с горстью храбрецов, вооружённых одним лишь холодным оружием... Афганские репрессии были ужасные: после подавления восстания страна окончательно была разрушена»¹.

Среди работ русских авторов, так или иначе причастных к изучению политических событий 80 – первой половине 90-х годов XIX в. заметное место занимает «Памирские походы» Б.Л. Тагеева (Рустам бек)². В предисловии издателя к книге, отмечена её важность и пишется: «Б.Л. Тагеев явился первым и единственным повествователем Памирских походов, посвящая им свои талантливые очерки в нашей современной печати³, перепечатававшиеся даже в заграничных изданиях»⁴. Согласно мнению издателя, ценность труда Б.Л. Тагеева «Памирские походы» определяет факт участия автора в Памирском походе и его двенадцатилетнее пребывание в Туркестане⁵.

В своей работе автор охватывает широкий круг вопросов, связанных с возникновением «памирского вопроса». Он подробно рассматривает англо-русское противостояние на Памире, использование Англией афганского и китайского факторов при определении российских границ в этом регионе, а также оккупацию афганцами памирских территорий, фактически принадлежавших России. Особое внимание уделено обострению борьбы между Англией и Россией по «памирскому вопросу», рекогносцировочным экспедициям полковника Ионова, капитана Скерского и С.П. Ванновского на Памире, а также бесчинствам афганских оккупантов в Шугнанах и Рушанах. Кроме того, автор освещает антиафганские восстания местного населения и

¹ Станкевич Б.В. По Памиру. Путевые заметки). – СПб., 1904. – С. 6-7; см. также: Станкевич Б.В. По Памиру путевые записки // Русский вестник. – 1904. - № 9. – С. 267; Данная работа Б.В. станкевича подробно см.: Русский вестник. – 1904. - № 8.- С. 624-657; № 9. – С. 235-269; № 10 – С. 456-499; № 11. – С. 3-28.

² Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892-1895. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – 151 с.

³ Первые очерки Б.Л. Тагеева посвященные памирским походам печатались в периодических изданиях: «Новое время». – 1900 г. - № 8747; «Русский инвалид». – 1900 г. - № 110; «Разведчик». – 1900 г. - № 497; «Варшавский дневник». – 1901 г. - № 247; «Исторический вестник» - 1900 г. – Кн. V; «Свет». – 1901 г. - №№ 247, 271. Перечень работ посвященных памирским походам см.: Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892-1895. – С. VII-VIII.

⁴ Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892-1895. – С. IV.

⁵ Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892-1895. – С. VI.

роль русских отрядов в изгнании афганцев с правобережья Пянджа, а также вопросы, связанные с разграничением Памира в 1895 году.

Автор лично наблюдал, как население Шугнана и Рошана страдало от грабежей и насилия со стороны афганских солдат. Афганские власти, ревностно относясь к симпатиям горных таджиков к русским, подстрекали своих сарбозов к совершению возмутительных преступлений. Русские не могли оставаться равнодушными к происходящему и принимали решительные меры против афганских оккупантов.¹

В данной работе Б.Л. Тагеева подробно изложены сведения об успешных походах генерала Ионова и отрядов подполковника Юденича, капитана Скерского, итогом которых явилось принудительное вытеснение афганских оккупантов со всей территории левобережной части Шугнана и Рушана. Процесс полного очищения указанной территории от афганцев фактически завершился в октябре 1894 г. «С этого времени, - пишет Б.Л. Тагеев, - афганцы уже не появлялись в наших владениях. Шугнан и Рошан были очищены от них навсегда, а эмир Абдурахман обязался не переступать русской границы»².

В работах русских авторов имеется немало сведений, связанных с вытеснением афганцев русскими из правобережья Пянджа. В этом плане особо указывают на личные заслуги Ионова. В частности В.Н. Зайцев пишет: «В 1891 и 1892 г через весь Памир прошла рекогносцировочная партия под начальством полковника (позже генерала) Ионова, оттеснившего афганцев и китайцев для прочного занятия страны русскими войсками. Дарваз обследован капитаном Генерального Штаба Кузнецовым»³.

Англия, наблюдавшая за постепенным перевесом сил в пользу России, вынуждена была в спешном порядке пойти на переговоры с Россией для решения «Памирского вопроса», затянувшегося почти на 4 года. После обмена

¹ Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892-1895. – С. 92-93.

² Там же. – С. 141.

³ Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – Т. II. Вып. 1903. – Г. Новый Маргелан, 1903. – С. 33.

нотами 11 марта 1895 г. в Лондоне, было определено, что «границей между русскими и афганскими владениями должна служить река Пяндж»¹.

Конечно, можно привести дополнительные достоверные сведения о зверских действиях афганцев в отношении населения Западного Памира в период его оккупации, опираясь на труды других российских авторов, непосредственно наблюдавших события. Однако, поскольку сведения, предоставленные этими авторами, убедительно описывают картину происшедших событий, и учитывая ограниченность объёма настоящего исследования, нет необходимости проводить подробный анализ всех работ, содержание которых в основном подтверждает точку зрения вышеназванных авторов. Кроме того, в соответствии с логикой анализа проблем, связанных с процессом подготовки к подписанию соглашения о разграничении Памира, некоторые вопросы будут в определенной мере затронуты в рамках данной проблематики.

Историография Памирского разграничения 1895 г. Несмотря на все промахи военно-дипломатических кругов царской России в решение «Памирского вопроса», всё же присоединение этого древнего горного обиталища предков и последующих поколений таджиков к России имело судьбоносное историческое значение. Оно и определяет место данной проблемы в дореволюционной русской, западноевропейской, советской и современной отечественной историографии.

История памирского разграничения и определения особого статуса его административного управления, находит подробное освещение в официальных документах, составленных в ходе русско-английских переговоров, обмена нотами, протоколами совместных совещаний, письмами, рапортами и другими документами. Но главным источником всё же является сам текст Договора 1895 о Памирском разграничении. Анализ данного процесса в той или иной степени имеет место во многих из вышеприведённых работах русских

¹ Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л. Памирские походы 1892-1895. – С. 141.

дореволюционных, советских и современных исследователей истории Памира конца XIX-начала XX вв.

Следует отметить, что данный вопрос, как в историческом, так и в историографическом плане стал объектом изучения ряда известных отечественных и зарубежных исследователей. Это несколько освобождает нас от обширного многопланового историографического анализа. К тому же ограниченность объёма данного исследования диктует такой подход, хотя создание фундаментального труда по данной проблеме, по-прежнему остаётся одной из актуальных задач отечественной историографии.

Ход военно-дипломатических усилий России с Англией, Афганистаном и Китаем, приведший к заключительному этапу присоединения Памира к России, занимает особое место как отмечено выше, в официальных документах, очерках, путевых записках, статьях участников Памирских экспедиций и походов, а так же в научно-популярных работах русских дореволюционных авторов.

Проблемы, связанные с событиями в ходе подготовительного этапа и ход переговорного процесса до заключительного этапа – заключения договора о Памирском разграничении наиболее заметно присутствуют в работах С.Н. Южакова¹, Б.Л. Громбчевского², С.Уманца³, В. Баньковского⁴, Ванновского⁵, В.Острогова⁶, Б.Л. Тагеева⁷, А.Г. Серебренникова¹, М. Герцулина², Зайченко³, В.Н. Зайцева⁴ и др.

¹ Южаков С.Н. Англо-русская распря. – СПб., 1885. – 106 с.; Он же: Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. – СПб., 1885. – 187 с.

² Громбчевский Б.Л. Доклад о путешествии в 1889-1890 гг., прочитанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891(на правах рукописи). – СПб., 1891. – 29 с.; См. также Известия ИРГО. – СПб., 1891. – Т. XXVII. – вып. 2. – С. 97-118; Он же: Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Г. Новый Маргелан, 1891. – 58 с.; Он же: Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк.. – СПб., 29 с.; Он же. Экспедиция на Памиры // Известия ИРГО. – СПб., 1899. – Т. XXV. – Вып. 5. – 423-426.

³ Уманец С. Памирский вопрос и его значение // исторический вестник. – СПб., 1892. – С.196-208.

⁴ Баньковский В. С Памиров, с Рушана в Шугнан и обратно // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1894. – 13 и 24 февраля.

⁵ Ванновский. Извлечение из отчета капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1893 г. // СГТСМА (в дальнейшем Сборник материалов по Азии) – СПб., 1894. – Вып. 56. – С. 73-95.

⁶ Острогов В. Памиры и памирский вопрос // Наблюдатель. – СПб., 1894. - № 6. – С. 65-94.

⁷ Тагеев Б.Л. Воспоминание о Памирском походе 1892 г. (Записка очевидца) // НиваСПб, 1893. - № 49. – С. 192-194; № 49. – С. 1120-1123; Он же: Памирский поход (воспоминания очевидца) // Исторический вестник. – СПб., 1898. – Т. 73. - № 7. – С. 111-138; № 14. – С.497-519; Т. 74. - № 10. – С.142-163; Тагеев (Рустам-Бек) Б.Л.

В вышеизложенной предыстории Англо-русского соглашения 1895 г. в известной мере определено значение сведений, имеющих в работах указанных авторов в освещении политических событий Памира 80-х – начала 90-х годов. Исходя из этого, в данном разделе, целесообразнее будет ограничиться лишь анализом их сведений, непосредственно относящихся к процессу подготовки и завершающему этапу подписания данного соглашения.

Договор, заключённый между Россией и Англией в 1872-1873 г. и дававший возможность России продолжить наступательные действия в Средней Азии, установление протектората над Хивой в 1873 г, и покорение Кокандского ханства в 1875-1876, явно препятствовал дальнейшему её расширению на Памире до северных границ Индии. Вскоре по мере осознания невыгодности данного договора, согласно на наш взгляд верному определению Х. Пирумшоева «заведомо беспочвенное, лишённое объективного основания соглашение 1872-1873 гг. не могло решать возникших проблем. Оно давало возможность русским и британским властям продолжать противоборство не только в отношении дальнейшего словесного уточнения географических «недоразумений», допущенных в ходе переговоров и заключения договора, но и бороться за малоисследованные и «ничейные» земли под обобщающим названием «Памир». В этом англичане умело использовали афганские власти, которые к тому времени превратились в их послушных вассалов»⁵.

О стратегическом значении Памира, как для Англии, так и для России в зависимости от интересов сторон высказано немало взаимоисключающих мнений, о которых выше приведены примеры. Что касается заинтересованности

Памирские походы 1892-1895. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – 151 с. и др.

¹ Серебренников А.Г. Рекогносцировка Шугнана в 1894 г. (Страничка из истории Памирского вопроса) // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1896. – 7 июля; 25 июля; 11 августа; 15 августа; Он же: Очерки Шугнана // СГТСМА (Сборник материалов по Азии). – СПб., 1896. – Вып. 70. – С. 1-52; Он же: Очерк Памира. – СПб, 1890. – С. 3-15.

² Герцулин М. Движение летучего отряда подполковника Ионова в Рошан в 1893 г. // Военный сборник, - СПб., 1900. – Т. 252. - . - Кн. 4. – С.272-289; Он же: Яшиль-Кульская схватка на Памире 12 июля 1892 // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1902. – 11 июля.

³ Зайченко. Памиры и Сарыколь. (Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения памирского вопроса). – Ташкент, 1903. – С. 49-118.

⁴ Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана// Ежегодник Ферганской облсти. – Т.П. – Вып. 1903. – Г. Навый маргелан, 1903. – С. 1-78.

⁵ Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – С. 310.

России, то спустя 15 лет после заключения договора А.К. Разгонов писал: «Политическое и военное значение Памира заключается в его географическом положении в месте трех империи: России, Китая и Англо-Индии с Афганистаном. Такое срединное положение Памира и является причиной того политического и военного интереса, который он представляет. Протягиваясь от наших границ на юг к стороне Индии, он является нашим естественным окном туда»¹. Согласно его мнению «природными границами Памирского нагорья являются: Заалайский хребет на севере, хребет Муз-Таг на востоке, Гиндукуш на юге и р. Пяндж с Бартанго-Язгулямским хребтом на западе. Государственные границы наши, однако, не вполне совпадают с естественными границами, а местами наша государственная граница даже не определена»².

Граница с Китаем не была точно определена даже после завоевания Коканда и вхождение его в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Указывая на это, полковник Генерального штаба Ласточкин писал: «Неполная осведомлённость администрации Туркестанского края в размерах недавно завоёванного Кокандского ханства, незнание его границ на юге и юго-востоке и неправильная оценка значения спорных территории привели к тому, что разграничительная комиссия получила не отвечающие обстановке инструкции, а наша уступчивость ещё более увеличила притязания китайцев, не желавших признавать границу даже в тех скромных пределах, в которые она влилась в настоящее время»³.

Всё это способствовало тому, что англичане, содействуя появлению афганских и маньчжурских постов, заявляли о том, что расположенные земли по южную сторону р. Мургаб принадлежат афганцам, а к северу от этой реки являются маньчжурскими. Подстрекая Афганистан и Китай к непосредственному участию в разделе Памира, английское правительство

¹ Разгонов А.К. ПО Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент, 1910. – С. 95.

² Там же. – С. 95.

³ Ласточкин. Восточный Туркестан. Кашгария.. – Ташкент, 1911. – С. 85; см. так же Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX - начала XX вв. – С. 109; Он же: Историография англо-русского соглашения о Памирском разграничении 1895 г.//Пмирское разграничение 1895 года:история и современность.- Душанбе,2011.-С.186-190.

пыталось упрочить свою позицию, и этим поставить заслон продвижению русских в сторону Канджут, Яшин и Читрал. В создавшейся ситуации у России не было другого выхода кроме как активизировать свои действия в этом районе.

А.В. Постников, опираясь на достоверные источники, пишет: «Российское правительство, первоначально не придавало Памиру большого значения, однако сведения, добытые экспедицией Громбчевского, и особенно сделанный им вывод о решимости британских властей осуществить раздел Памира между Китаем и Афганистаном, принудили военное руководство России предпринять шаги для выяснения истинного положения дел на Памирах и обеспечения геополитических интересов империи в этом районе. Началась подготовка специальной военно-рекогносцировочной экспедиции на Памир, активное участие в которой принимал Б.А. Громбчевский¹».

Судя по содержанию рапорта Громбчевского на имя начальника Главного штаба от 6 апреля 1891 г. рекогносцировочный отряд у оз. Ранг-Куля, при впадении р. Ак-байтал в р. Мургаб, на урочище Ак-Таш, на верховья р. Ак-су, близ перевала Баш-Гумбез и на восточных склонах оз. Яшиль-Куля по реке Али-Чур встретился с киргизскими беками, с небольшими отрядами вооружённых киргизов назначаемых китайцами. Вывод Б.Л. Громбчевского однозначен: «Права России на урочище Базай-и-Гумбез несомненны»².

Согласно решению Туркестанского генерал-губернатора, летом 1891 г. с целью определения российской границы, под начальством командира 2-го Туркестанского линейного батальона полковника М.Е. Ионова был командирован разведывательный отряд в составе 8 офицеров, 80 рядовых пехотинцев, 33 казаков, врача и топографа на Памир. «Основной целью похода, – пишет А.В. Постников, – были съёмка памирских земель и выяснение военно-

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира. – С. 314.

² РГВИА. Ф. 846. – Оп. 1. - № 106. О предложении английского правительства разграничить Памир между Китаем и Афганистаном. – 15 декабря 1890 – 19 декабря 1891 г. – Записка подполковника Б.Л. Громбчевского начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву от 6 апреля 1891 г. - № 1419. – Лл. 28-29.; См.: Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира. – С. 314-315; Так же: Пирумшоев М.Х. Памирская звезда русского генерала М.Е.Ионова.//Россия-Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений:-Душанбе:РТСУ,2022.- С.241-253.

политической обстановки в этом районе»¹. Обеспокоившись этим, для наблюдения за действиями Ионова из Кашгара на Памир был послан английский агент капитан Фрэнсис Янгхасбенд². За действием М.Е. Ионова следил другой английский разведчик – лейтенант Дэвисон, находившийся в Яшиль-Куле.

Подробно не вдаваясь в процедуру встречи М.Е.Ионова с Ф. Янгхасбендом, состоявшейся в августе 1891 г. в Бозай-Гумбазе, суть которой изложена в двух письмах самого Янгхасбенда, твёрдое заявление М.Е.Ионова о принадлежности России данной территории, заставило англичан подчиняться воле М.Е. Ионова и перевести разговор в дружественное русло. Что касается Дэвидсона, то он был арестован, Ионовым, а затем ему разрешено было свободно описать свой маршрут, под наблюдением русских.³

Результат данной экспедиции М.Е. Ионова и его решительные действия вызвали беспокойство и раздражение в Великобритании, что официально выразилось в протестах Министерства иностранных дел Великобритании внешнеполитическому ведомству России.

Это не могло не усилить беспокойство России. 15-25 апреля 1892 г. в Петербурге созвано Особое решение по «Памирскому вопросу». Было принято решение об отправке на Памир нового русского военного отряда, для определения границы между Китаем и Россией на Памире. Она должна проходить по Сарыкольскому хребту до Мустага. Данное решение было принято к исполнению 5 мая 1892 г. Начальником отряда снова был назначен полковник М.Е. Ионов, в распоряжение которого выделено 53 офицера и 902 нижних чина, следовавший из Маргелана через Алтайского хребта и долину в Рангкул.

Результат военного похода М.Е. Ионова, приводится в рапорте командующего войсками Туркестанского военного округа военному министру

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 316.

² О жизни и деятельности Фрэнсиса Янгхасбенда см.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С.443-446.

³ Пирумшоев М. Памирская звезда русского генерала М.Е.Ионова.//Россия-Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений: -Душанбе:РТСУ,2022.- С.241-253.

от 16 ноября 1892 г., (Текст документа хранится в Российском военно-историческом архиве), где говорится, что: «Командованием отряда на Памиры достигнуты следующие результаты:

а) китайцы, занимавшие своими войсками Ранг-Кульскую котловину, узнав о приготовлениях к движению нашего отряда на Памиры, не только ушли обратно за Сарыкольский хребет и поспешно увезли заготовленные в огромных количествах припасы около оз. Ранг-Куль, но и до сих пор не обнаруживают никакого намерения на обратный захват этой местности»¹.

В этой связи следует упомянуть, что во время экспедиции Ионова было организовано управление местным населением Памира. В 1892 г. заведующим памирским населением был назначен подполковник Б.Л. Громбчевский. Ему было поручено также исследовать вопрос о принадлежности Кокандскому ханству Алая и Сарыкола до захвата Якуб-Бекем этих районов.

Весной 1892 г. явившиеся у оз. Яшил-Куля афганцы прогнали китайцев и разрушили их укрепления. Расположившись лагерем у Сома-Таша, афганцы, посылали разъезды до Ак-Су и Мургаба. Уместно отметить, что оставленную китайцами в Сома-Таше надпись в ходе зимовки продолжали использовать как показатель простираения своей территории в этом пределе, и, по сути, всегда использовали «этот аргумент», который является абсолютно беспочвенным².

Между тем афганцы держали свой отряд близ впадения р. Аличура в оз. Яшил-куль, у Сума-таша³. Прибывшие к начальнику отряда аличурские киргизы жаловались на грабежи и поборы афганцев, не имевших никакого отношения к местным киргизам. Узнав об этом, полковник М.Е. Ионов во главе с разъездом сам направился для выяснения обстоятельств. Афганцы во главе с капитаном Гулям-Хайдар-ханом, не желая добровольно сложить оружие, в ночь 11 на 12 июля 1892 г. вступили в бой. В результате из 17 человек составляющих афганский пост 10 чел., в том числе Гулям-Хайдар-хан, были убиты и два

¹ РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 1. - № 117. – Л. 1 оборот – 2. Ссылка дана по: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 348.

² Надписи и комментарии к ним см.: Постников А.В. Схватка на Крыше Мира». – С. 296.

³ Тагеев Б.Л. Воспоминание о памирском походе 1892 г. (Записка очевидца). Б.Л.Тагеев. // Нива. – СПб., 1893 . - № 49 . – С. 120-122.

тяжело ранены. Любопытен факт, у афганского капитана было обнаружено письмо бадахшанского мира, в котором указывалось, что по договорённости с правительством Китая весь Памир уступлен афганцам¹.

Летом 1892 г. всё больше расплзались слухи об отправке Русского Памирского отряда. Китайцы, не дожидаясь его прихода, добровольно покинули Ранг-Кул и Ак-Таш и перевели за Сарыкольский хребет свои продовольственные запасы.

Утверждение позиции России на Памире, осуществлено благодаря выработке твёрдой политики в отношении определения границ на Восточном Памире, и вывода афганских войск из правобережной части Западного Памира.

Подробно не вдаваясь в анализ всех деталей переговоров, порою стычек с китайскими, афганскими отрядами и встреч с представителями английских военно-дипломатических кругов, которые проводились для уточнения пограничной линии, в виду того, что они освещены на документальной основе А.А.Постниковым², целесообразнее будет перейти к процедуре, которой придерживались разграничительные комиссии России и Великобритании в ходе работы над делимитацией и демаркацией южной границы Памира.

Перед началом процесса разграничения Памира в 1893 году были тщательно изучены интересы России и Великобритании, на основе данных, представленных в специально подготовленном докладе английского эксперта майора Э.Г. Барроу под названием «Военная география Афганистана. Часть 1 – Бадахшан». При составлении справки Е.Г. Бэрроу использовал полученные им во время неоднократных путешествий по Афганистану, Бадахшану и северным провинциям Индии сведения, а также данные, собранные колониальным правительством Индии в течение 20 лет³.

Переговоры продолжались около двух лет. Наконец, по настоянию России, требовавшей неукоснительного соблюдения соглашения 1873 г.

¹ Зайченко, капитан Генерального штаба. Памиры и Сарыколь. (Очерк возникновения последовательного развития и современного положения памирского вопроса). – Ташкент, 1903. – С. 68-69.

² См.: Постников А.В. Схватка на Крыше Мира». – С. 224-386.

³ А.В. Постников Схватка на Крыше Мира». – С. 380-381.

получен соответствующий компромисс. В марте 1895 г., между Британским и Русским правительствами был осуществлён обмен нотами, завершающими заключение Памирского соглашения. Достигнута договорённость об освобождении всех районов, удерживаемых Афганистаном к северу от Пянджа, в обмен Дарвазской части, расположенной к югу от этой реки. 28 марта 1895 г. вице-король Англии направил в адрес эмира Афганистана письмо с изложением сути русско-британской договорённости. Следует подчеркнуть, что решительная позиция России, основанная на героической борьбе местного населения с афганскими захватчиками, привела к вынужденному сближению позиций Великобритании в вопросе подписания Договора о разграничении Памира.

Проблемы, в той или иной мере связанные с процессом подготовки и подписания соглашения о памирском разграничении, в своей совокупности довольно обстоятельно освещены в многочисленных официальных документах (рапорты, донесения, доклады, отчёты и др.) русских военно-дипломатических кругов, работах дореволюционных русских и последующих поколений исследователей. Знакомство с обилием источников и литературы приводит к мнению о том, что реалии, сложившиеся в тот период, подготовили соответствующие условия для решения данной проблемы. В этом нельзя не заметить решительные действия М.А. Ионова¹ и тяготения местного населения к русскому подданству², а также убеждения Англии в исходе вероятного военного конфликта с Россией на Памире не в её пользу.

Всё это вызывало необходимость решать проблему путём переговоров с Англией и заключением соответствующего соглашения по определению пограничной линии между Россией с Афганистаном и Китаем, за которыми стояла Англия, исходя из защиты своих интересов.

¹ Более подробно о походах М.Е. Ионова см.: Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX- начала XX вв. – Дешанбе: РТСУ, 2012. – С. 111-117; Он же: Историография англо-русского соглашения о Памирском разграничении 1895 г.//Памирское разграничение 1895 года:история и современность:- Душанбе,2011.-С.186-190.

² Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. – С. 228.

Вопросы, связанные с ходом подготовки и заключением соглашения о англо-русском разграничении на Памире в 1895 г. занимают особое место в российской историографии 90-х годов XIX– начала XX вв. Помимо официальных сведений, содержащихся в отчётах, докладных записках, текстах нот, рапортах сведущих лиц¹, этот важный военно-дипломатический акт стал объектом пристального внимания русских дореволюционных авторов, так или иначе связанные с этим процессом. Он нашёл своё отражение в работах А.Г. Серебренникова, Б.Л. Тагеева, М. Грулева, Зайченко, Б.Н. Литвинова, А.А. Бобринского Н.А. Бендерского, М.А. Терентьева, А.А. Семенова² и др. Общее содержание их работ сводится к освещению трудностей, исходящих из множества противоречивых суждений касательно защиты геополитических и военно-стратегических интересов Англии и России на Памире. Причём, как отмечено выше, это противостояние двух колониальных империй разрасталось до опасной конфронтационной черты. В данной ситуации Англия для практического осуществления своего влияния, всячески стремилась втянуть Афганистан и Китай.

В этом плане надо отдать должное вышеуказанным авторам, которые независимо от колониальных интересов Российского царизма, довольно объективно анализируя ситуацию, с большой симпатией относились к местным таджикам. Русские пытались помочь местному населению в борьбе с афганской

¹ РГВИА. – Ф. 1896. – Оп.2. – Ед. хр. 13. Отчет начальника Памирского отряда капитана Туркестанской конно-горной батареи Сулицкого за время с 14 мая 1895г. по 17 августа 1896 г. – Лл. 4-23 об.; РГВИА. – Ф. 1896. – Оп.2. – Ед. хр. 1525. Письмо Российско политического агента в Бухаре Туркестанскому генерал-губернатору А.Б. Вревскому от 4 декабря 1896 г. – Лл. 112-128 и др.

² Серебренников А.Г. Очерки Шугнана // Сборник материалов по Азии. – СПб., 1896. – Вып. 70. – С. 49-52; Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). Памирские походы 1892-1895. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава 1902. – С. 40-41; Он же: Еще о памиском соглашении // Туркестанские ведомости. – 1895. – 14 май; Он же: Результаты работы памирской разграничительной комиссии // Туркестанские ведомости. – 1899. – 24 и 27 июнь; Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – 83-92; Он же: Наши интересы на Памире // Русский вестник. – М., 1896. – Т. 243. – № 3. – С. 317-324; Зайченко. Памиры и Сарыколь (Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения памирского вопроса). – Ташкент, 1903. – С.82-85; Литвинов Б.Н. Через Алай на Памиры // Исторический вестник. – 1904. – Т. 98. - № 10. – С. 298-300; № 11. – С. 708-711; Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – М., 1908. – С. 4-6; Бендерский Н.А. Памир в географическом и историческом отношениях // Известия Туркестанского отдела Императорского русского географического общества (в дальнейшем – Известия ТОРГО). – Ташкент, 1907. – Т. VII. – С. 192-193; Терентьев М.А История завоевания Средней Азии. – СПб., 1903. – Т. – III. – С. 3-419; Семенов А.А. Отзыв о диссертационной работе Н.А. Халфина «Борьба за Памир 1883-1895 гг. (по официальным данным)» // Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН. РТ. (ныне НАНТ). – Ф. Семенова А.А.. – Оп. 1. – Ед хр. 237. – Лл. 16-18; Он же: Русское завоевание Средней Азии. Тамже. – Ед. хр. 137. – Лл. 13-14.

оккупацией Западного Памира и китайскими агрессивными амбициями на востоке региона. Благодаря этому они завоевали уважение местных жителей и усилили их желание добровольно присоединиться к России.

Так как одной из важных определяющих сторон игроков схватки на «Крыше Мира» была Англия, нельзя представлять данный вопрос вне историографии Англии и ряда других западноевропейских государств. Проблемы, связанные с процессом подготовительного этапа и самой процедуры памирского разграничения, занимают важное место в официальных донесениях и работах представителей английских военно-дипломатических кругов Стюарта Бейли, лорда Керзона, английского посла в России Р. Мориера, Чарльза Макгрегора, посла Британии в Пекине Джона Уолшема, исследователя Дж. Олдера, географа и разведчика Фрэнсиса Янгхасбэнда, лорда Данмора, Делмара Моргана, майора Е.Г. Бэрроу, генерала М. Дж. Герерда¹ и др. В этом плане следует особо отметить доклад шведского путешественника Гедина Свена в Парижском географическом обществе и его книгу «В сердце Азии»², а так же книга немецкого исследователя М. Вартенберга «Россия в Средней Азии»³.

Не вдаваясь в подробности анализа материалов, вытекающих из документальных источников и содержание работ вышеперечисленных английских авторов, которое само по себе требует отдельного солидного

¹ Из изд. Их работ см.: Curzon Hon. George Nathaniel. The Pamirs and the Source of the Oxus // The Royal Geographical Society Geographical Journal N 8. – P. 96-119, 39-263; Он же: The Pamirs and the Source of the Oxus. - London, 1897; Мак-Греггор. Оборона Индии. – Ч. I // Сборник материалов по Азии. – В. XLIII. – СПб., 1891. – 264 с.; Продолжение данной работы. – Вып. XLIV. – Ч. II. – СПб., 1891. – 212 с.; Younghusband, Sir Francis Edward. Confidential Report of a Mission to the Northern part of Kashmir in 1889. – Kalkutta, 1890; Он же. The Heart of a Continent: A Narrative of Travels in Manchuria, across the Gobi Desert, through the Himalayas, the Pamirs, and Hunza 1884-1894. 2nd edn. – London: John Murray, 1897; Revised edn. – London, 1937; New edn. – London, 1985; Он же: India and Tibet. – London, 1910; О результатах путешествия и описания политического положения Памира лордом Данмором имеется подробное описание в: Danmore, Earl of. The Pamirs. A Narrative of a Years Expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia. Vol. 2. – London, 1895 (содержание см.: Постникова А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 316-373); Morgan Delmaqr E. The Pamir: A Geographical and Political Sketch. The Scottish Geographical Magazine. Vol. VIII / - Edinburgh, 1892; Осправке майора Е.Г. Бэрроу The Military Geography of Afganistan. Part I. Badakhshan. By Major E. G. Barrow, Indian Staff Corps («Военная география Афганистана . Часть 1 – Бадахшан») см.: Постникова А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 380-385. М. Дж. Герард возглавлял британскую часть Памирской Пограничной комиссии. Материалы работы Комиссии под названием «Отчет о трудах Помирской Пограничной комиссии» опубликованы в 1897 в Калкуте (Индии). Об основных вопросах содержащихся в отчете Комиссии см.: Постникова А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 387-416.

² Гедин Свен. Через центральную Азию (1894-1897 гг.). Доклад в Парижском географическом обществе // Землеведение. – М., 1898. – Т. X. – Кн. 1-2. – С. 199-221; Он же: В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Перевод со шведского А. и П. Ганзен. – Т. – I. – СПб., 1899. – 487 с.; Т. II. – С. 12-25.

³ Вартенберг М. Россия в Средней Азии. Перевод с нем. М. Грулева – Ташкент, 1900

исследования, следует ограничиться лишь их обобщающей оценкой. В целом она заключается в том, что английская историография особое внимание уделяет ревностно охранительной геополитической позиции Англии на Памире, с одной стороны, и непримиримому отношению к укреплению позиций России, что, по их мнению, может вызвать опасения возможного нападения на Индию, с другой стороны. О чём выше в разделе английской историографии 70 – первой половине 90-х годов XIX в. приведены достаточно убедительные примеры.

Ключевые вопросы, определяющие содержание работ английских авторов, в своей совокупности являются показателями амбициозно-колониального высокомерия британского правительства, пытавшегося «обосновать» своё право на всё соседнее пространство её главной колонии – Индии, куда входил и Памир. Уместно отметить, что документальное и исследовательское наследие английских авторов, причастных к процессу подготовки заключения соглашения памирского разграничения в сопоставительном плане со сведениями, содержащимися в российских официальных источниках, довольно обстоятельно и объективно анализировано А.В. Постниковым¹, что свидетельствует о заметной заслуге учёного в исследовании данной проблемы.

Проблемы, связанные с памирским разграничением и присоединением части этого горного края к России крайне скудно освещены в сочинениях местных авторов. К примеру, в «Исторических заметках» Курбаншо Зухурбек-зода и Гариб Мухаммад Кази-зода упомянуто лишь, что после 15 летнего правления афганцев, войска русского царя Николая во главе с Бржезицским и сыном министра Ванновским (в тексте эти фамилии трудно читаются) пришли по дороге Коканд и Оршор для уничтожения власти афганцев. Одна часть войск пришла через дорогу Мургаба и починила себе крепость (в тексте – отряд) Хорог. Другая часть пришла по дороге через Бартанг и в кишлаке Емс начала воевать с афганцами и, разгромив их, захватила Калаи Вомар. И до 1920 года

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С. 283-420.

Горный Памир оставался в подчинении у русского царя¹. При этом, как видно, неверно указывается на победу революции на Памире.

То же самое наблюдается в сочинении Саида Хайдаршо Муборакшозода «История Шугнана». Можно предположить, что по совету и информации самого А.А. Семенова в очерк включены некоторые подробности о памирском разграничении. По тексту заметно, что они идут из уст ученого².

По сравнению двух вышеупомянутых сочинений, несколько заметнее отражены события начала 90-х годов, в частности проникновение на Памир английских агентов, военные походы ИONOва, неоднократное обращение местного населения к представителям России о принятии их в русское подданство, поездки капитана Ванновского, а так же и об англо-русском соглашении 1895 г. в «Таърихи Бадахшон»³.

Как отмечено несколько выше, другим более заметным из местных источников является работа Бурхануддин-хана Кушкеки «Катаган и Бадахшан», В книге, автор лишь упоминая об итогах разграничительной комиссии на Памире, пишет: «Во время действий разграничительной комиссии покойный эмир Абдуррахмахан назначил в Шугнан правителем Дараб-Шах-хана: В силу постановлений этой комиссии половина (имеется ввиду правобережья р. Пянджа – М.П.) Шугнана, Рошана и долины Шах-Дары, Гунда и Бартанга отошли к России, а половина Дарваза (левобережная часть – М.П.), являвшегося владением Бухары, отошла к Афганистану»⁴.

На наш взгляд, причиной чрезмерно лаконичных сведений вышеуказанных местных авторов является ограниченность их информационного поля, и в целом, неподготовленность к научному

¹ Это небольшое сочинения всего на 8 листах ученической тетради, как в оригинале, так и в русском переводе приводится в качестве приложения кн.: Эльчибеов К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. В оригинале (на фарси-таджикском). – С. 135- 138; в русском переводе. – С. 139-146.

² Саид Хайдаршо Муборакшозода. Таърихи мулки Шугнон. – Хоруғ: Помир, 1992. – С.15-16; Семенов А.А. История Шугнана // А.А. Семенов. Избранные сочинения. – Душанбе, 2013. – С. 284-285.

³ См.: Курбон Муъаммадзода (Охун Сулаймон), Мухаббат Шохзода (Сайид Футуршо). – Таърихи Бадахшон. Факсимиле и изд. текст. А.А. Егани Отв. Редактор Б.И. Искандаров. – М.: Наука, 1973. – С. 100- 123.

⁴ Бурхан-уд-Дин- хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 186.

восприятию политических реалий, присущих Памиру и Бадахшану того периода.

Ценность наследия вышеприведённых русских, европейских и местных авторов о памирском разграничении состоит в том, что содержащиеся в их работах сведения из сохранившихся официальных документальных источников, открыли широкий простор для исследователей истории Памира конца XIX-начала XX вв. в целом, проблемы связанные с Памирским разграничением 1895 г. в частности. Это довольно убедительно прослеживается в книгах Б.Искандарова, А.В. Постникова, О. Бокиева, Х.Пирумшоева и других¹.

Начало процедуре непосредственной подготовки к соглашению было положено нотой российского посла в Лондоне Стааля к статс-секретарю по иностранным делам Великобритании графу Кимберлею от 27 февраля (11 марта) 1895 г. В ноте на основе предварительных переговоров с учётом возможной приемлемости для обеих держав условия, сформулированы статьи соглашения «по предмету разграничения сфер влияния России и Великобритании в области Памиров, на восток от озера Зор-Куль (Виктория)».

Проект соглашения состоял из 5 статей (пунктов) в которых российской стороной были перечислены следующие подготовленные условия договора:

1) определялись сферы влияния России и Англии на востоке от озера Зор-Куль;

2) точные направления пограничной черты должны были определены смешанной комиссией в чисто техническом аспекте. Комиссия должна была состоять из «русских и английских делегатов с необходимыми помощниками

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. . – Ч. I. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. – С. 309-335; Данная работа. (Издание третье). – Душанбе: Андалеб Р, 2015. – С. 278-300; Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С. 380-386; Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. – С.229-247; Пирумшоев Х.Пирумшоев Х., Маликов М. Россия Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 360-366. См. так же: Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX- XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – С. 119-128; Он же: Историография англо-русского соглашения о Памирском разграничении 1895 г.//Пмирское разграничение 1895 года:история и современность.-Душанбе,2011.-С.186-190.

по технической части». При этом, английская часть комиссии должна была решать условия представительства афганского эмира в данной комиссии;

3) предложено было уполномочить совместную комиссию для изучения положения китайской границы «с целью дать возможность обеим правительствам войти в соглашение тем способом, какой будет признан наиболее удобным, с китайским правительством относительно пределов китайской территории, соседней с пограничной чертой»;

4) правительства договаривающихся сторон должны брать на себя обязательства «воздерживаться от всякого политического контроля или влияния – первое к югу, второе к северу от разграничительной линии»;

5) правительство Британии «принимает на себя обязательства в том, что территория, входящая в сферу английского влияния между Гиндукушем и чертой, идущей от восточной оконечности озера Виктории до китайской границы, войдёт в состав владений эмира афганского, что эта территория не будет присоединена к Великобритании, и что на ней не будет возведено ни военных постов, ни укреплений». В этот же пункт было включено обязательства об очищении эмиром Афганистана «всех территории, занятых им на правом берегу Пянджа, и от очищения эмиром бухарским части Дарваза, расположенной к югу от Амударьи». Для практического решения вопроса правительства России и Британии «согласились употребить в этом отношении своё влияние на обоих эмиров»¹. Таким образом, указанный документ был принят за основу англо-русского договора о памирском разграничении.

Для детального определения разграничительной линии на конечном этапе переговорного процесса с обеих сторон были созданы комиссии. Британскую Пограничную комиссию возглавил генерал-майор М. Дж. Герард. В состав

¹ Нота Российско-Императорского посла в Лондоне Действительного Тайного Советника Стаала к Великобританскому Статс-секретарю по Иностранным делам графу Кимберлею // Собрание трактатов и конвенции, заключенных Россией с иностранными державами. По поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс, непременный член Совета Министерства иностранных дел. – Т. XII. Трактаты с Англией 1832-1895. – СПб., 1898. – С.498-501.; Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния в области Памиров. Лондон 27 февраля / 11 марта 1895 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. – М.: Гос. изд. полит. Лит., 1959.- С. 284-286; См. так же: Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX- начала XX вв. – С. 119-120.

комиссии были включены: офицеры-топографы – полковник Т.Х. Холдич, майор Р.А. Вахаб; офицер разведки капитан Е.Ф.Х. Мак Суини (секретарь комиссии и комендант); хирург и натуралист капитан А.У. Алкок. Для проведения топографических съёмок к Комиссии были прикреплены пундиты Хан Сахиб Абдул Джафар, Асматулла-хан и Дан Синг с 29 носильщиками; военный конвой из 10 индийских офицеров и сипаев, а также 9 солдат-топографов. Транспортировку соответствующих грузов обеспечивал караван из 800 кашмирских пони (низкорослые лошади)¹. К тому же следует добавить и привлечение до 200 солдат индийской армии, индусов, афродиев и канджутцев².

Российскую Комиссию, состоявший из 11 офицеров и 33 рядовых солдат с военным оркестром, возглавлял российский полномочный комиссар, военный губернатор Ферганской области Туркестанского края генерал-лейтенант Повало-Швейковский. В состав отряда входили: представитель Министерства иностранных дел России советник Понафидин, полковник Генерального штаба Галкин, капитаны Круторожин и Катотинский, врач Вельман, французский профессор Стейфель, астроном-геодезист полковник Залесский, Топографы Бедерский и Александрович, переводчик лейтенант Оракулов³. Уместно отметить, что в работе разграничительной комиссии участвовал и эскорт русских, состоящий из 40 казаков, военный оркестр из 18 человек. К работе так же была привлечена большая группа местных джигитов и караванных проводников⁴.

После проведения соответствующих работ⁵, члены комиссии России и Великобритании в назначенный день – 22 июля 1895 г. встретились у озера

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 387.

² Свен Гедин. В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Путешествие в 1893-1897 годах. Перевод со шведского А. и П. Ганзен. – Том II. – СПб., 1899. – С. 16

³ О работе русских и английских Пограничных комиссии боле поробно см.: Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 387-414; См. так же: Свен Гедин. В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Путешествие в 1893-1897 годах. Перевод со шведского А. и П. Ганзен. – Том II. – СПб., 1899. – С. 14-25; Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX– XX вв. – С. 120-125; Он же: Историография англо-русского соглашения о Памирском разграничении 1895 г.//Пмирское разграничение 1895 года:история и современность.-Душанбе,2011.-С.186-190.

⁴ Свен Гедин. В сердце Азии. – Т. II. – С. 16.

⁵ О проделанных членов обеих Комисии работ см.: Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 388-414.

Виктория. На следующий день, 23 июля не дожидаясь прибытия афганского представителя, без учёта его мнения приступили к обсуждению и одобрению демаркации границы в соответствии с соглашением правительств двух держав¹. Это означает, что мнения Афганистана и Китая на сей счёт практически ничего не значили.

После внесения ряда уточнений, 2 августа в палатке российского представителя в 26 милях от озера Виктория в Ярти-Гумбазе был подписан протокол демаркации памирской границы. Позже 17 августа на объединённой сессии членов Пограничной комиссии было выяснено расхождение во взглядах между делегациями в отношении дальнейшего прохождения линии границы с Китаем. Это требовало тщательной рекогносцировки. Несмотря на наличие разногласий по уточнению отдельных деталей границы, члены обеих комиссии были дружелюбными. После детального уточнения 8-10 сентября 1895 г. был подписан последний, девятый протокол. 10 сентября состоялась заключительная конференция делегаций².

Судя по содержанию официальных документов и работ членов совместной Комиссии по разграничению Памира, проделана большая работа. Свидетельством тому являются опубликованные в 1897 г. материалы работы британской части Пограничной комиссии под названием «Отчёт о трудах Памирской Пограничной комиссии». Этот обширный отчёт и поныне не стал достоянием широкого круга исследователей, поскольку он был предназначен для служебного пользования. По мнению А.В. Постникова в этот солидный документ, помимо общих наблюдений, включены систематическое описание зоологической коллекции, список растений, образцы горных пород, собранных на Памире, описания особенности пути от Кашгара до Памира и ряд других показателей. К публикациям приложены иллюстрации и карты³. Даже одно упоминание о комплексе работ, связанных с британской частью пограничной

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 392.

² Перипетии неоднократного обсуждения и уточнения деталей при определении пограничной линии см.: Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 391-414.

³ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 415-416.

Комиссии на Памире, свидетельствует о громадном объёме проделанной её членами работ не только по части детального уточнения пограничной линии, с учетом интересов Англии, но и в плане естественно-географических изысканий.

Таким образом, в ходе подготовки проекта соглашения по демаркационной линии на Памире, членами обоюдной Комиссии проделана большая подготовительная работа. Результаты делимитации и демаркации границы России с Афганистаном на Памире были ратифицированы правительствами Великобритании и России весной 1896 г.

Как отмечено выше, после долгих и упорных политико-дипломатических переговоров, порою доходивших до откровенной конфронтации, удалось официально определить сферы влияния двух империй на Памире. Кроме сохранения многочисленных официальных источников, это ярко заметное событие в Центральной Азии занимало и поныне занимает особое место в региональной, российской и западноевропейской историографии. При этом, сведущие читатели, не могут не заметить на сей счёт противоречивых суждений. Зачастую как английские, так и русские авторы, являвшиеся современниками данного процесса и позже, в зависимости их причастности к государственной службе (чиновники, представители военно-дипломатических кругов) при анализе проблемы, исходили из требований официальных государственных геополитических интересов. Такой подход в особенности явно прослеживается в английской историографии данного вопроса. В этом плане английские авторы, с присущим им традиционным высокомерием, почти всегда исходили из защиты колониальных интересов Великобритании¹.

Разноречивые суждения заметны и в работах русских дореволюционных авторов. В этом плане, если представители военно-дипломатических кругов итоги памирского разграничения считали единственно верным решением и победой русской дипломатии, то учёные – востоковеды, достаточно хорошо разбиравшиеся в истории и культуре таджиков, с недоумением смотрели на

¹ Содержания работ английских авторов, имеющие непосредственные отношения к памирскому разграничению и тексты многих соответствующих официальных документов приведены в указанной монографии А.В. Постникова «Схватка на «Крыше Мира». См. с.380-431.

явно несправедливом решении памирского разграничения, результатом которого стало искусственное деление исконной территории таджиков. На сей счёт имеется немало критических и осуждающих мнений авторитетных учёных.

Русские исследователи, указывали на трагедию искусственного разделения таджиков как результат геополитических амбиций Английской и Российской колониальных империй. В результате чего Бадахшан в 70-х годах XIX в. и левобережная часть Памира, согласно разграничительному договору 1895 г. были переданы Афганистану. По географическим меркам всё это занимало обширную территорию. В Бадахшанскую область Афганистана входят Файзабад, Кишм, Джурм, Бахорак, Курран, Мунджан, Рог, Шахри Бузург, Кули Шива и левобережные части Вахана, Шугнана, Рушана и Дарваза. Уместно так же отметить, что в территориальное пространство Бадахшана порою входили Баглан и Бамиян¹. Исходя из позиций реального анализа событий, связанных с итогами такого территориального деления таджиков Памира, ряд исследователей видели причину в нерешительном действии российских властей.

Наблюдавший за ходом подготовки и принятия англо-русского соглашения о Памирском разграничении, М. Арьев писал: «Очень странно, что при последнем соглашении выбрали границей реку Пяндж, так как долина этой реки скорее образует естественный путь сообщения, чем разделяющее препятствие... Как на юге Гиндукуш, так на западе горная цепь западнее озера Шива-куль, была бы более естественной границей между русским Памиром и афганским Бадахшаном, тем более, тогда и области Горон, Шугнан и Рушан отошли бы целиком к России, что соответствовало бы совершенно и географическому, и политическому положению их»².

Исследователь В.В. Станкевич, ознакомившись в ходе своего путешествия по Памиру в 1900 г. с памирской разграничительной линией,

¹ Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX- начала XX вв. – С. 125; Он же: Историография англо-русского соглашения о Памирском разграничении 1895 г.//Памирское разграничение 1895 года:история и современность:-Душанбе,2011.-С.186-190.

² Арьев М. Россия и Англия на Памире // Русский вестник. – М., 1895. – Т. 241. – № 11. – С. 252-253.

писал: «Нам русским людям, приходится говорить правду, что наши представители в русско-английском разграничении сделали уступку Англии. Мы сделали своей южной границей реки Пяндж, и Памир, и озеро Зор-Куль и разрешили закрепить между собой и Британской Индии афганский «буфер». Мы отдали Афганистану могучий горный хребет, лежащий между рекой Памиром и озером Зор-Куль с одной стороны, и Вахан-Дарьей с другой стороны, горный хребет, получивший наименование хребет императора Николая II. Южный склон этого хребта, под которым течёт Вахан-Дарья, представляет плодородный оазис, довольно густонаселённый, отданный Афганистану, а оставили за собой только дикую горную пустыню, каковую представляет из себя ложбина Зор-куля и долина реки Памира»¹.

Известный этнограф А.А. Бобринской в своей сравнительно солидной книге «Горцы верховьев Пянджа», указывая на несправедливый итог англо-русского соглашения о памирском разграничении, писал: «С 1895 года река Пяндж имеет особое значение для России. В соглашении с Англией, с этого года она служит от реки Памир вниз государственным рубежом, отделяя наши (т.е.-русские – М.П.) владения от Афганистана. На основании этого соглашения Вахан, Ишкашим, Горон, Шугнан, Рошан были все разбиты пополам. Части их, расположенные на правом берегу Пянджа, отошли к нам; на левом – к Афганистану. От Вахана отошла к нам только четвертая его часть, т. е. тот участок, который лежит на правом берегу, ниже реки Памир; правый берег выше этой реки остался, как и левый, за Афганистаном. Эта новая граница, которая разрешила эти общества на две части, создала для них такое неуклюжее положение, какое получилось бы, если бы кто выдумал поделить русскую деревню вдоль по улице между двумя государствами... Между обоими берегам было постоянное общение, часть семьи жила на одном берегу, иногда обладала летними пастбищами на островах, отошедших с левому берегу к афганцам.

¹ Станкевич В.В. По Памиру (Путевые заметки) // Русский вестник – СПб., 1904. – Т. 292. - № 8. – С. 630

Кроме этих неудобств, новая граница на первых порах отозвалась отчасти неблагоприятно и на других проявлениях хозяйственного быта горцев»¹.

А.А. Бобринской причину такого исхода данной проблемы видел в военно-дипломатических промахах определителей российской геополитической стратегии. По его мнению, в первой половине 90-х годов позиции России на Памире были прочными, и она бесспорно могла победоносно отстаивать свои интересы².

Указывая на неудачный исход для России памирского разграничения, Д.Н. Логофет приводит примеры о возможности в 70 и 80-е годы XIX в. закрепить свою позицию на северном Афганистане, но представители власти «дождались времени, когда тёмные тучи, отнеся политический горизонт, в половине девяти-десятих годов поставили в необходимость согласиться на некоторые крайне невыгодные для нас требования Англии, что повело к установлению русско-афганской разграничительной комиссии, образованной почти тотчас же после крайне удачного дела генерала Ионова на Памирах и низведшую почти на нет весь успех этого дела, проведением новой государственной границы с Афганистаном не по хребтам гор Гиндукуша как бы это следовало, а по рекам Памиру, Вахан-Дарье, Пянджу и Аму-Дарье... Причём взаимное родственное тяготение этих разрезанных племён совершенно не было принято во внимание»³.

Имея ввиду выигрышную позицию Англии по итогам памирского разграничения, русский исследователь В.И. Масальский писал: «Согласно договору (1895 г. – М.П.), к Афганистану отошли бухарские владения на левом берегу Пянджа (часть Дарваза), взамен чего к Бухаре были присоединены Рушан, Шугнан и часть Вахана, лежащая выше впадения р. Памир в Пяндж

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерк быта по путевым заметкам. – М., 1908. – С. 4-6.

² Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 4-5 (примеч. 6).

³ Логофет Д.Н. Страна безправия. Бухарское ханство и его современное состояние. – СПб., 1909. – С. 183-184.

(Вахан-Дарьи), осталась за Афганистаном, и таким образом Англии все-таки удалось отделить Россию от Гиндукуша узкой полосой афганских владений»¹.

Академик В.В. Бартольд, с сожалением указывая на итоги памирского разграничения, писал: «Памирское разграничение 1895 г. довершило процесс уничтожения политической независимости таджиков и разделения этих областей между Россией, Афганистаном и Бухарой. Экономически это разграничение было невыгодно для населений уже потому, что Бадахшан был отделен в политическом отношении от областей, с которыми он всегда был связан экономически: от Куляба – на западе, от Шугнана – на востоке»².

Передача левобережной части Памира Афганистану обернулась трагедии для её жителей. Указывая на это, М. Арьев писал: «Что значит владычество Афганистана, видно по Шугнану и Рушану, где осталось по несколько сот человек совершенно нищих. То же самое ждёт пока и Дарваз»³.

По наблюдениям А.А. Семенова печальная участь, постигшая жителей афганского Дарваза не имела предела. «Неистовства новых хозяев южного Дарваза, афганцев -пишет он, - были причиной того, что началось, чуть ли не массовое бегство местных туземцев в бухарские владения». Только в 1898 г. в Бухару бежало 400 таджикской семей из афганского Дарваза⁴, большинство из которых поселилось на территории Кулябского бекства⁵.

Всё это и множество других примеров из работ русских дореволюционных авторов, свидетельствует о нерешительности царских властей в защите своих геополитических интересов на Памире, что привело к нежелательным итогам памирского разграничения и печальному исходу данного акта для таджиков, оказавшиеся по ту сторону реки Пянджа. Это

¹ Масальский В.И. (Составитель). Туркестанский край. Полное географическое описание нашего отечества. – Т. XIX. – СПб., 1913. – С. 314.

² Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Соч. – Т. II. – Ч. 1. – М.: Наука, 1963. – С. 467.

³ Арьев М. Россия и Англия на Памирах // Русский вестник. – М., 1895. – Т. 247. - № 11. – С. 353.

⁴ Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. (Путевые очерки) // Исторический вестник. – Т. LXXXVIII (88). – СПб., 1902. – № 4. – С. 108.

⁵ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. . – Ч. I. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. – С. 334-335.

однозначно находит подтверждение в трудах как советских, так и постсоветских исследователей.

Б.И. Искандаров, указывая на несправедливое соглашение о памирском разграничении, писал: «Памирское разграничение 1895 г. было осуществлено вопреки интересам местного населения, так как в его основу был положен не этнический, а географический принцип... в результате разграничения общие исторические судьбы народа не были приняты во внимание, и он фактически искусственно разделён. Преследуя свою главную цель, а именно – обеспечение своих политических интересов, представители двух колониальных держав не вникали в сущность интересов народных масс»¹.

Колониальную сущность памирского разграничения не без основания подтверждает О.Бокиев. «Весь процесс присоединения Памира и Горного Бадахшана к России показал, что царская Россия прежде всего преследовала колонизаторскую политику, а не освобождение их жителей из под власти маньчжурской династии Китая и афганского эмира... Царское правительство безразлично и несочувственно отнеслось к жителям Горного Бадахшана и после присоединения его к России. Вопреки их желанию через год после присоединения, 26 июня 1896 г. последовало решение царского правительства о передачи Горного Бадахшана (т. е. Рушана, Шугнана и Вахана) Бухарскому эмирату»².

«Процесс подготовки и заключения англо-русского соглашения,- пишет Х. Пирумшоев,- по разграничению Памира ярко раскрывает суть колониальной политики обеих держав в этой части Центральной Азии. В результате этого соглашения коренное население – таджики, на протяжении всей многовековой истории жившие в рамках определённых государственных образований, были искусственно разделены»³.

¹ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. I. – Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962. – С. 354.

² Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного бадахшана к России. – Душанбе: Ирфон, 1994. – С. 242-243.

³ История таджикского народа. – Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010. – С.695.

Проследивая за содержанием соответствующих источников касательно данной проблемы, нельзя не заметить, что данное соглашение не могло считаться последним аккордом в истории памирского разграничения. В этом плане особняком стояло и определение русско-китайской границы. В этом отношении в известной мере наблюдалась излишняя уступчивость России. Хотя по результатам обмена нотами между Китаем и Россией ещё весной 1894 г. и привело к фактическому разграничению между Россией и Китаем на Памире. Но китайская сторона позже неоднократно подчёркивала, что не считает «Памирский вопрос» разрешённым. К тому же, Китай отказался признать результаты русско-английского соглашения касательно афганской границы на Памире, хотя ещё в марте 1895 г. об этом получил уведомление со стороны Англии. Следует отметить, что Россия аргументировала свои права по факту принадлежности этой части Восточного Памира Кокандскому ханству, которая теперь считается официальным территориальным владением России. Несмотря на китайские протесты, Россия в 1898 г. установила временный пост в Ташкургане (Сарыколь), и только в 1901 году получила китайское согласие на постоянном функционировании данного поста¹.

Через десять лет, в связи с Синхайской революцией 1910-1911 гг. правительственные круги Китая и России вновь подняли вопрос окончательного решения вопроса об уточнении пограничных между ними линий. Для этого летом 1911 г. российской стороной была выделена экспедиция в составе разведывательных групп (партий) во главе с полковником Егоровым и капитаном Шпилько. Но их обоснованные результаты обследования не привели к окончательному решению вопроса². Здесь явно заметно необоснованная претензия Китая, не желавшего считаться с принадлежностью этой части территорией Кокандского ханства, которая целиком перешла под юрисдикции России в результате ликвидации ханства в 1876 г.

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 418-419.

² Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 431; См также: История таджикского народа . – Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 695; Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX- начала XX вв. – С. 121-122.

Можно и дальше рассматривать критические взгляды учёных, так или иначе связанных с изучением истории размежевания на Памире. Однако, несмотря на критику, направленную на: а) колониальную политику Англии и России на Памире; б) нерешительность действий русского царизма в продвижении своих интересов в этом стратегически важном для России горном регионе; в) невозможность установления власти империи на естественных границах Памира; г) искусственное разделение исторически независимых владений, следует отметить особую историческую значимость этого процесса для горных таджиков.¹

Таким образом, сравнительный историографический анализ источников и исследований, посвящённых истории присоединения Памира к России, демонстрирует большой интерес специалистов к этой теме. Несмотря на различия в подходах авторов к описанию процесса подготовки и заключения договора о разграничении Памира, обусловленные политической обстановкой или степенью приверженности принципу историзма, в совокупности их работы позволяют воссоздать объективную картину этого исторического события.

V.3. Освещение особенностей административного устройства Памира после его присоединения к России

Сведения об административном устройстве Памира после присоединения его к России в той или иной степени отражены в трудах русских дореволюционных авторов, непосредственно участвовавших в этом процессе или ставших его свидетелями по совпадению. Однако их разбросанность, как и официальных документов, хранящихся ныне в государственных архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Ташкента, не получила должного внимания и анализа. В то же время информационное преимущество документальных источников явно просматривается.

Среди работ, содержащих сведения относительно административной структуры Памира, интерес представляет историко-географический очерк

¹ Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX- начала XX вв. – С. 126-127.

полковника В.Н. Зайцева «Памирская страна – центр Туркестана»¹. В годы своей службе в должностях начальника Памирского отряда и «заведующего памирским населением» на правах уездного начальника (1893-1894) и начальником Ошского уездного полка (1895-1901), он имел возможность непосредственно наблюдать за ходом событий, связанных с памирским разграничением. В своей работе автор приводит ценные сведения об административном переустройстве Памира после его присоединения к России.

Особую ценность представляют составленные В.Н. Зайцевым статистические таблицы, включённые в качестве приложения к работе. В них приводятся данные об административном делении Восточного Памира в состав, которого входили: 1) Памирская волость с её аминствами (Мургабское, Акташское, Рангульское и Аличурское) и 2) Оршорская волость с обществами (Оршорское, Ташкурганское, Насурское и Саррезское). То же самое о бекствах Восточного Памира: Ваханское, Шугнанское и Рушанское с их обществами (амлякдарств), которые входили в номинальное подчинение Бухары, но фактически находились под административным управлением Памирского русского отряда.² В таблицах автор приводит данные о численности населения и некоторые другие хозяйственные показатели³. Что касается левобережной части Памира, несколько ранее, оккупированная афганцами, она оставалась за ними. Такое административное деление в целом соответствовало интересам России и исходило из сложившейся политической ситуации того периода.

Среди работ, относящихся к данной проблеме, выделяются обширные комментарии известного востоковеда А.А. Семенова к переведённому им на русский язык вышеупомянутому небольшому сочинению местного автора Муборак-шох зода «История Шугнана»⁴. Он в частности указывает, что после подписания англо-русского соглашения о памирском разграничении 1895 г. у

¹Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903. – Новый Маргелан, 1903. – 78 с.

² Пирумшоев М.Х., Артыков А.А. Первый российский форпост на «Крыше мира» // Историк. - №4(32) 2022. - С.51-58.

³См.: Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – С.76-78.

⁴Саид Хайдаршох Муборкшохзода. Таърихи мулки Шугнон. – Хоруғ: Помир, 1992; Семенов А.А. История Шугнана // А.А. Семенов. Избранные сочинения. – Душанбе, 2013. – С. 265-288.

рядя представителей власти России возникло мнение о том, чтобы снять русские посты и разъезды, находившиеся на Западном Памире. «Когда западные Памиры отошли к Бухаре, - пишет А.А. Семенов, - то бывший Туркестанский генерал-губернатор, барон Вревский, предполагал было снять оттуда все наши посты и разъезды, но военное министерство признало это преждевременным, ибо, по его мнению, наши посты могут быть там полезны для наблюдения за бухарскими властями в смысле выполнения принятых ими обязательств, вроде освобождения на три года от всяких денежных повинностей передаваемого бухарцам обнищавшего населения, которое неизвестно, как отнесётся к бухарскому владычеству... Вследствие этого посты нами были на Бухарских Памирах оставлены»¹.

Далее приводятся примеры усиления ненависти местного населения к представителям бухарских властей за их излишние поборы и непримиримой религиозной розни. Исходя из этого командующим войсками Туркестанского военного округа 27 сентября 1902 г. была утверждена инструкция, согласно которой начальник Памирского отряда, проживающий в Хороге, пользуясь правами уездного начальника Памирской и Ошской волостей, непосредственно подчинялся военному губернатору Ферганской области и имел право снять и утверждать в должности лиц бухарской администрации. Должность шугнанского бека упразднялась, а вместо него при начальнике отряда назначался бухарский чиновник, представитель гиссарского бека, который находился в прямом подчинении начальника отряда. На этой основе 12 января 1905 г. была утверждена Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа генералом Тевяшевым «Временная инструкция начальнику Памирского отряда», которая через год была утверждена царём. Таким образом, закреплялось инструктивное управление России на Памире².

¹ Семенов А.А. История Шугнана // Избранные сочинения. – Душанбе, 2013. – С.285

² Семенов А.А. История Шугнана // Избранные сочинения. – С. 286-288; Пирумшоев М.Х., Артыков А.А. Первый российский форпост на «Крыше мира» // Историк. - №4(32) 2022. - С.51-58.

Будучи и. о. дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Семенов в своём уведомлении канцелярии генерал-губернатора об административно-политическом и юридическом положении Западного Памира от 20 мая 1914 г.¹ приводит краткое описание административно-территориального положения Памира после его присоединения к России. В документе в частности пишется, что «Памиры, входящие в сферу русского влияния, разделяются названной пограничной чертой на две части: Западный Памир, юридически принадлежащий Бухаре, и Восточный Памир, принадлежащий нам, состоящий из двух волостей: Памирской, населённой киргизами, и Оршорской, населённой таджиками»².

В данном документе А.А.Семенов, указывая на причины неповиновения местного населения бухарским чиновникам пишет: «Вскоре (после административного переустройства – М. П.) однако стали обнаруживаться нелады в административном управлении Западными Памирами: ряд крупных столкновений наших офицеров с бухарскими властями, ненависть населения к бухарцам, обуславливавшаяся отчасти склонностью последних взимать поборы, а главное – непримиримой [религиозной] рознью (местное население принадлежит к крайней рационалистической мусульманской секте исмаилитов, а бухарцы – сунниты), – все это породило на целые годы ряд нескончаемых обоюдных жалоб и споров»³.

Проблемы, связанные с особенностями административного управления Памира вызывали интерес А.Г. Разгонова. В своей работе «По Восточной Бухаре и Памиру» в частности писал: «Чтобы сохранить здесь (на Памире – М.П.) официальные признаки бухарского правления, в Хороге держится бухарский чиновник под названием шугнанского бека, фактически с 1905 года подчинённый начальнику Памирского отряда. Для внешнего декорума беку

¹ ЦГА Республики Узбекистан (в дальнейшем ЦГАУ). И. – Оп. 3.- Д. 535.- Лл. 17-20. Данный документ на ряду с другими 7 документами (доклады, донесения, отчеты, уведомления) включены в качестве приложения к кн.: Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1975. – С.77-126. Ссылка дается по приложению к данной книге. – С. 125.

²ЦГА Республики Узбекистан (в дальнейшем ЦГАУ). И. – Оп. 3.- Д. 535

³Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – Приложение № 8. – С. 125.

разрешается взимать в свою пользу с купцов зякет и прикладывать свою печать к разным туземным документам. Негласное присоединение к русскому управлению Западного Памира состоялось в 1905 году»¹.

В этом плане заметное место также занимает работа полковника Муханова «Памирский район»². Несмотря на то, что он представляет составителем работы, но знакомство с её содержанием, убеждает о вполне самостоятельном исследовании, освещающем административное, экономическое и военно-статистическое положение Памира после его присоединения к России. Так как работа была предназначена только для служебного пользования и «не подлежала оглашению», автор имел возможность, более свободно изложить своё мнение. Это наблюдается в правдиво - критическом изложении вопросов, касавшихся административного управления и социально-экономического положения Памира конца XIX- начала XX вв. Анализ особенностей административного управления Памира посвящена третья глава книги «Военно-стратегический очерк».

Муханов также указывает, что в административном отношении Памир находится в ведение начальника отряда, который на правах начальника уезда непосредственно подчиняется военному губернатору Ферганской области. Он разделён на 4 района: Восточных постов, Хорогский, Ишкашимский и Лангарский. Они в свою очередь делятся на волости, а последние на аксакальства.

Муханов по сравнению с другими авторами даёт более детально структуру административного деления Памира. Согласно его данным, в состав Восточных постов входили Памирская и Оршорская волости. Оршорская волость состоял из 4 аксакальств: Оршорское, Сау-новское, Нисорвское, Сарезское. Хорогский район состоял из Шугнанской и Рушанской волости. В состав Шугнанской волости входили следующие 5 аксакальств: Гунтское,

¹Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент, 1910. – С. 96.

²Муханов Памирский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. – Ташкент. Изд-е штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 73 с. + Приложение. – С. 75-86; добавление к данной книге: «Маршруты». – С. 1-112.

Хорогское, Сучанское, Шахдаринское и Поршневленное. Рушанская волость объединяла 19 аксакальств: Калаи-Вамарское, Барзудское, Дерзудское, Баррушанское, Дерушанское, Вамтское, Хидское (Шидзское), Вазнаудское, Раухарвское, Сучанское, Имцское, Баджувское, Раумидское, Сыпунджское, Бигравдское, Басидское, Бар-дарайское, Хуфское и Баджуиское.

Лангарский район состоял из Ваханской волости, в состав которой входили аксакальства: Лангарское, Зунгское, Врангское, Змудское и Шитхарвское. В состав Ишкашимского района входили аксакальства: Намадгутское, Андаробское и Дарморахтское. Во главе административного управления районов стояли офицеры Памирского отряда, которые пользовались правами участковых приставов.

Обязанности главы административного управления были возложены на самого начальника отряда, который одновременно считался начальником Хорогского района. Во главе остальных районов стояли начальники постов. В отличие от Лангарского и Ишкашимского постов, начальник района Восточных постов считался так же заведующим памирским (имеется в виду Восточный Памир – М.П.) населением¹.

Что касается участия местных представителей в административном управлении Памира, то согласно сведениям Муханова, они избирались и утверждались начальством Памирского отряда. В должности помощников у начальников памирских районов, служили волостные, казии и аксакалы с арбобами (на Восточных постах – амины и иллик-баши). Кроме казиев, получавших с населения то, что им было положено по шариату, другие без каких-либо официальных жалований служили «на Западных постах только за честь»². «Хотя номинально, - пишет Муханов, - район Западных постов (Хорогский, Ишкашимский и Лянгарские районы) и считаются во владении эмира Бухарского, тем не менее, бухарская власть там сведена к нулю.

¹Муханов. Памирский район. – С. 34-35.

²Там же. – С. 36.

Ради соблюдения дипломатических «конвенансов» в составе администрации Западного Памира числится исполняющий должность бека, избираемый и назначаемый эмиром Бухарским по соглашению с нашим политическим агентом в Бухаре.

Вся роль его, однако, заключается лишь в том, чтобы каждое утро вместе с прочими чинами туземной администрации является на «салам» (приветствие – М.П.), после которого он присутствует на разборе дел без права голоса.

Лишь в случае письменных сношений начальника Памирского отряда с пограничными властями сопредельных стран он прикладывает к бумагам свою печать в дополнение к печати [начальника] Памирского отряда»¹. Деловые бумаги с одной лишь его печатью не считались официальными и не принимались к исполнению.

Со ссылкой на законодательную основу административного управления Памира, Муханов писал: «В отношении внутреннего управления Памирами начальник отряда руководствуется особой временной инструкцией утверждённой командующим войсками Туркестанского военного округа (Инструкции 1905 г. – М.П.), согласно которой он определяет и обязанности начальников районов»².

Другим автором, изучавшим данную проблему, является известный русский востоковед И.И. Зарубин. Но уместно отметить, что учёный, хотя несколько в другой форме, всё же, в своей работе³ повторяет предыдущего автора. Примерно в таком же порядке приводятся описания (или же краткие упоминания) об административном устройстве Памира после его присоединения к России в работах или сообщениях других очевидцев и современников данного события. Намного подробнее данная проблема

¹Муханов. Памирский район. – С. 36-37; См. так же: Пирумшоев М. Памир в Русской историографии второй половины XIX-XX вв. – С. 134-136; Он же: Пирумшоев М.Х., Артыков А.А. Первый российский форпост на «Крыше мира» // Историк. - №4(32) 2022. - С.51-58.

²Муханов. Памирский район. – С. 37.

³Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков долины бартанга. Отдельный оттиск из V тома: «Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук». – Пг.: Типография Российской Академии наук, 1917. – С. 97-148.

отражена в сохранившихся официальных архивных документах, на которые ссылались советские и современные исследователи.

Особенности административного управления Памира после его присоединения к России сравнительно обстоятельно освещены в официальных документах, в частности в военно-статистических и политических сведениях, представленных начальниками отряда и его постов на Памире, хранившиеся в Военно-историческом архиве РФ¹. Согласно их содержаниям на Памире, исходя из реальной обстановки, была создана особая структура управления. Административное управление населением сосредоточивалось в руках Памирского отряда, начальник которого пользовался правами начальника уезда, и находилось в непосредственном подчинении военного губернатора Ферганской области. Помощниками начальника отряда по управлению населением являлись: на Восточном Памире – начальник восточных постов, а на Западном Памире – начальник Ишкашимского и Лянгарского постов. В отношении управления населением эти чины пользовались правами участкового пристава и непосредственно подчинялись начальнику отряда.

В административно-территориальном отношении Памир был разделён на следующие административно-управленческие районы:

1. Начальник Памирского отряда ведал через своих помощников (начальников постов) всей территорией Восточного и Западного Памира и, кроме того, непосредственно управлял Шугнанской и Рушанской волостями (бывшими Шугнанским и Рушанским бекствами Бухарского ханства).

2. Начальник Ишкашимского поста управлял Ишкашимским районом.

3. Начальник Лянгарского поста управлял Ваханом.

4. Начальник восточных постов управлял населением Восточного Памира².

В основе административного управления Памира лежала «Временная инструкция Памирского отряда», утверждённая командующим войсками

¹РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр.1496; Оп. 2. – Ед. хр. 1455. Лл. 4-8; Оп. 2. – Ед. хр. 31. – Лл. 66-80 об.

² РГВИА. – Ф. 1396. – Ед. хр. 1455. –Л. 78-78об.

Туркестанского военного округа в 1905 г. Согласно данной инструкции при начальнике отряда в Хороге находился бухарский чиновник от гиссарского бека, который, по сложившимся обстоятельствам, во всех отношениях находился в его распоряжении. В отчёте начальника отряда недвусмысленно подчёркивается ненужность этого административного поста,¹ тем более, что представитель эмира оплачивался из российской казны.

Судопроизводство проводилось в соответствии с местными обычаями, причём низшими представителями юстиции являлись казии (народные, вернее шариатские судьи). Ни показания, ни приговор не записывались. Лишь в разделе имущества и утверждении права наследства составлялись письменные приговоры – васики, которые представлялись на утверждение начальнику отряда. Разбор дела, произведённый начальником отряда, признавался окончательным и решение его в высшие инстанции на утверждение не посылалось².

Что касается административного управления Восточного Памира, то пределы этого района, названного Памирским участком, при Ошском уезде, который разделился на две волости: Восточно-Памирскую (или просто Памирскую) и Орошорскую. Для управления Памирским участком была введена должность второго помощника уездного начальника, со званием уездного начальника по управлению Памирским участком. Памирская волость, расположенная к северу от Мургаба, состояла из двух аульских аминств – Мургабского и Ранкульского, Аксуйская волость, расположенная к югу от Мургаба, также состояла из двух аминств – Акташского и Аличурского. По другим данным Памирская волость разделялась в административном отношении на три аминства – Мургабское, Аксуйское и Ранкульское.³ Орошорская волость делилась на такие аминства, как Орошорское, Ташкурганское, Нусайское, Сарезское. Таким образом, административное

¹ РГВИА. – Ф. 1396. – Ед. хр. 1455. –Л. 79.

² РГВИА. – Ф. 1396. – Ед. хр. 1455. –Л. 80-80об.

³ РГВИА. – Ф. 400. – Д. 24. – Л. 17.

управление волостей Восточного Памира полностью было сосредоточено в руках русского военно-чиновничьего аппарата.

В целом деятельность Памирского отряда следует условно разделить на: а) военно-административное и б) культурно-просветительное направления. Если первое исходило из официальной обязанности командного состава, представлявшего колониальные интересы русского царизма в крае, то второе осуществлялось в большей степени по личной инициативе, почти на добровольной основе, что справедливо вызывало чувство симпатии и доверительного отношения местного населения к личному составу отряда¹.

В этом отношении особую ценность представляют 8 документов, хранящиеся в Государственном архиве Республики Узбекистан, включённые Н.А. Халфиным в работу «Россия и Бухарский эмират на Западном Памире» в качестве приложения. Они содержат важнейшие сведения, исходящие из официальных представителей, главным образом от Российского политического агента в Бухаре касательно особенностей административного управления, социально-экономического положения Западного Памира после его присоединения к России и введения номинального административного управления Бухарского эмирата².

Уместно отметить, что примером сравнительно подробного освещения присоединения Памира к России и особенностей его административного

¹Более подробно см.: Пирумшоев Х.. Горный Бадахшан и Русский Памирский пограничный отряд в конце XIX – начале XX веков // Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. Сборник избранных статей. – Душанбе; Ирфон, 2014. – С. 287-323; Пирумшоев М.Х., Артыков А.А. Первый российский форпост на «Крыше мира» // Историк.-№4(32) 2022.-С.51-58.

²См.: Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). Приложения. – С.77-126. В данной работе архивные материалы приведены в следующем порядке: 1) Доклад дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе, от 25 сентября 1903 г. – ЦГА УзССР (ныне Республика Узбекистан). – Ф. И (история) – 3. – Оп. 2. – Д. 77. – Лл. 193-197; 2) Докладная записка капитана генерального штаба А.Е. Снесарева о зякате в Западном Памире (ноябрь 1903 г. – Там же. Лл. – 202-214; 3) Донесение секретаря Российского политического агента в Бухаре А. Черкасова от 7 августа 1904 г. – там же – Оп. 2. – Д. 2660. – Лл. 47-55; 4) Донесение коллежского асессора А. Черкасова российскому политическому агенту в Бухаре от 9 августа 1904. Там же. – Лл. 1-2; 5) Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. Там же. – Д. 97. – Лл. 46-77; 6) Донесение секретаря Российского политического агентства в Бухаре А.А. Черкасова политическому агенту в Бухаре Я.Лютшу от 1 ноября 1905 г. – там же. – Д. 101. – Лл. 18-19; 7) Донесение А. Черкасова российскому политическому агенту в Бухаре от 6 ноября 1905 г. – Там же И-2. – Д. 236. – Лл. 7-8; 8) Отношение и.о. дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе А.А. Семенова в канцелярию генерал-губернатора об административно-политическом и юридическом положении Западного Памира от 20 мая 1914 г. – Там же. – Д. 535. – Лл. 17-20.

управления является содержание копий официальных документов по истории Памира (1883-1931 гг.) из Фонда Российского Политагентства в Бухаре Государственного архива Узбекистана, которые хранятся в Областном архиве ГБАО¹. Из этой коллекции особый интерес представляет обширный доклад Дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе от 21 июля 1902г. В нём изложена суть всех важных документов касательно истории договора о памирском разграничении и особенностей административного управления края². Приводится множество фактов о причинах передачи Вахана, Шугнана и Рушана в административное подчинение Бухарского эмирата, об освобождении местного населения в течение 3-х лет от незаконных поборов, взимаемые бухарскими чиновниками и неповиновениях населения, перераставших в волнения и восстания против бухарских представителей администрации. Не вдаваясь в подробности анализа всех сведений, содержащихся в докладе, уместно отметить, что, чувствуя непрочность своего положения и экономической невыгодности этих вновь образованных памирских владений, эмир неоднократно изъявлял о своей готовности передать их полностью под юрисдикцию России³.

К тому же, в данном докладе, ссылаясь на донесение политического агента в Бухаре от 25 июня 1902 г. в Канцелярию генерал-губернатора, А.А. Семенов пишет, что «в Шугнана местное население возмутилось против бека Ишан-кула, окружило его дом, угрожая ему и другим бухарским чиновникам разными насилиями... Эмир усматривает в происшедших в Шугнана беспорядках ещё доказательство тому, что управлять ему памирскими бекствами не под силу... Отдалённость этих бекств и малая их доступность лишает эмира возможности иметь... Это служит основной причиной

¹ См.: Архив ГБАО. – Ф. 25- Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл. 1-167.

² Копия доклада дипломатического чиновника при Туркестанском Генерал-губернаторе от 21 июля 1902. Архив ГБАО. – Ф. 25- Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл. 85- 155.

³ Архив ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл. 103-104.

возбуждённого эмиром ходатайства в разрешении ему возвратить России Шугнана, Рошана и Вахана»¹.

Таким образом, нежелание местного населения быть под властью бухарских чиновников продолжало расти. Волнения против притеснения бухарских чиновников, происходившее в 1905 г. в Шугнана приводятся в тексте донесения Российского политагента в Бухаре Туркестанскому генерал-губернатору². Но Россия, всё же, не спешила в решении данного вопроса, как отмечено выше, по политико-дипломатическим соображениям и финансовым затруднениям, вплоть до 1907 г.

В коллекции документов хранящаяся в Архиве ГБАО, особый интерес представляет также «Инструкция начальнику Памирского отряда», утверждённую командующим войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенантом Ивановым 27 сентября 1902 г.³ В ней указан состав Памирского отряда, состоявший из «7 офицеров (включая начальника отряда), 1 врача, 100 человек пехоты, 72 казаков, 4 фельдшеров и некоторого числа отрядных джигитов». Во главе отряда стоял командир с правами уездного начальника и находящийся в непосредственном подчинении военного губернатора Ферганской области⁴.

В инструкции определены обязанности начальника отряда, состоящие из 14 пунктов. В частности второй пункт (б) гласит: «Охранять спокойствие и безопасность на территории русского и бухарского Памиров, ограждать местное население как русских подданных, так и бухарских от грабежей и насилия и оберегать границы Памира как от вооружённых шаек в мирное время, так и от вторжения неприятеля в военное время, принимая сообразные с обстановкой меры и донося затем о своих действиях по команде». Другим пунктом (в) идёт «изучать сопредельные страны». Далее автор перечисляет другие пункты, входящие в круг его обязанностей. В заключительном (о)

¹Архив ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл. 154-155.

²Архив ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл. 166-167.

³Архив ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл. 156-165.

⁴Архив ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл. 156.

пункте указано на необходимость частого посещения начальника Памирского отряда, постов, расположенных как на восточном (Памирский, Рангульский и Акташский), так и на Западном Памире (Хорогский, Ишкашимский и Лянгарский), с целью обеспечения постоянной их боеспособности¹. При этом, в обязанности начальника поста, который пользовался правами ротного командира, а в отношении местного населения правами участкового пристава, так же входило «знать точно прилегающий район, т.е. населённые пункты, их приблизительное богатство (скотом, хлебом, топливом), дороги и их состояние в зависимости от времени года, природу гор и перевалов, прилегающую полосу неприятельской территории, насколько её можно изучить, не переходя границы»².

Как явствует из содержания вышеприведённых документов, создание такой своеобразной административной структуры после памирского разграничения, исходило с одной стороны из колониальных интересов царской России, а с другой, финансовые затруднения, так же военно-политической обстановкой связанной с подстрекательскими действиями Англии в регионе.

Сведения об административном устройстве Памира имеют место и в местных сочинениях, связанных с историей Памира и Бадахшана. Такие сведения прослеживаются в упомянутом сочинении «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана») Курбона Мухаммад-зода и Мухаббата Шох-зода³. Авторы, будучи наблюдателями событий, происходивших в данный период, сравнительно подробно освещают перемены, происходившие в жизни владения Западного Памира после его присоединения к России, который называют «Периодом Николая» (даврай Николай) или «Пришли к повествованию периода Николая»⁴. Хотя в данном сочинении и приводятся ценные сведения, но, ввиду недостаточной информации и ограниченности познания политической реалии

¹Архив ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл. 156-160.

²Архив ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед.хр. 12. – Лл.156-

³Курбон Мухаммад-зода (Охун Сулаймон) и Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футур-шо) Таърихи Бадахшон (История Бадахшана). Издание текста, примечания и указатели А.А. Егани. Предисловие Б.И. Искандарова. – М.: Наука, 1973. – Факсимиле и печатное изд. на арабском шрифте. – 249 с. + Предисловие и текстологические примечания – С. 5-47.

⁴История Бадахшана. – С. 115-116.

того периода, авторы не углублялись в анализ причин присоединения Памира к России. Они ограничились лишь описаниями организации постоянного русского поста в Хороге, строительства укрепленного лагеря для русского отряда в 1896 г., деятельности отдельных начальников Памирского отряда, степени участия бухарских чиновников и представителей местного населения в административном управлении Памира в 1895-1917 гг.

После передачи левобережной части Западного Памира Афганистану, как бы прерывается поступление информации об этой части в Русской историографии. Этот недостаток в известной степени восполняет вышеупомянутое сочинение Кушкеки «Каттаган и Бадахшан». После того, как последний правитель Бадахшана Махмуд-шах, как пишет В.В. Бартольд «уже в 1873 г. был низложен афганским правительством и увезён в Кабул, где оставался до самой смерти; его владения были присоединены к Афганистану»¹. Согласно Кушкеки: «С тех пор власть в Бадахшане и его округах не переходила больше к местным мирам»². В данной работе, автор сравнительно подробно приводит административное деление теперь уже афганского Бадахшана, соответственно государственно-административной структуры управления Афганистана. Интерес представляют приводимые автором сведения о Бадахшане с последовательно перечисленными именами хакимов с периода захвата его афганцами. Ценность представляют статистические данные о хозяйственно-экономической жизни каждого района Бадахшанского округа и их селений, а также об их исторически сложившиеся народных традициях³. Такие же ценные данные в книге имеются по левобережной части Западного Памира, которая с 1883 г. находясь под афганской оккупацией и по итогам Памирского разграничения 1895 г., была передана Афганистану⁴. Кроме того, приводятся важные статистические данные касательно административного деления, хозяйственной жизни, а также присущей местному населению

¹Бартольд В.В. Бадахшан // Сочинения Т. III. Работы по исторической географии.- М.: Наука, 1965. – С. 346.

² Бурхан-уд-дин-хан-и Кушкеки. Катаган и Бадахшан. В переводе А.А. Семенова. – Ташкент, 1926. – С. 101.

³См.: Кушкеки. Катаган и Бадахшан. – С. 88-146.

⁴Кушкеки. Катаган и Бадахшан. – С. 186.

культурной традиции по афганской части Западного Памира (Вахан, Шугнан, Рушан) и левобережье Дарваза¹.

В работе известного советского исследователя истории присоединение Средней Азии к России Н.А. Халфина «Россия и Бухарский эмират на Западном Памире» указывается на факторы, побудившие российского правительства на решение политико-административного устройства. Н.А.Халфин пишет: «Утвердившись на Памире, царское правительство занялось политическим устройством его территорий. В этом процессе чётко отразились факторы, определявшие общий подход Петербурга к своим азиатским владениям: стремление избегать внешнеполитических осложнений и крупных финансовых затрат, желание поднять и укрепить престиж Российского государства среди народов Средней Азии»². В этом плане, Н.А. Халфин склонен утверждать особую значимость экономического фактора в решении проблемы. «Ещё в период борьбы за Памир, - пишет он, - царское правительство неоднократно отказывалось от удовлетворения просьб населения Западного Памира о принятии их в русское подданство, не желая затрачивать средств на устройство этого отдалённого и глухого района»³. Следует так же отметить, что необходимость передачи правобережной части Западного Памира Афганистану была связана и с тем, что Бухара являлась одним из признанных религиозных центров в Центральной Азии, и с этим нельзя было не считаться. Такое решение могло поднять престиж Афганистана как «самостоятельной» дружественной России страны.

Проявляя в этом решении дипломатическую деликатность, царские власти выдавали это в виде компенсации за передачу левобережные земли (амлякдарства Хогонское, Куфское, Шикайское, Моймайское и Джумарчское) Дарвазского бекства Бухарского эмирата Афганистану. Вопрос о передаче

¹См.:Кушкеки. Катаган и Бадахшан. – С. 168-197.

²Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1975. – С.3.

³Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – С. 8-9.

Афганистану запянджских земель Дарваза и правобережные владения Бухаре был решён согласно повелению царя 29 июня 1896 г.¹.

Несмотря на то, что представители бухарского эмира летом 1896 года приступили к управлению своими территориями, теперь бекствами Рушана и Шугнана, но они фактически находились под полным контролем русских властей. К тому же, соглашение с эмиром об освобождении населения Западного Памира на три года от податей и налогов, лишало представителей администрации эмира источников дохода. Они вынуждены были брать у населения продовольствие в долг, который фактически не возвращали. Пустили в ход различные поборы, проявляя алчность, присущую бухарским чиновникам. Это и вызвало недовольство население.

Н.А. Халфин, основываясь на достоверных источниках, довольно ясно характеризует отношение местного населения к эмирским чиновникам Западного Памира. «Памирские таджики, - пишет он, - ни в коей мере не собирались играть роль бессловесных жертв алчности бухарских управителей и терпеть гнет феодальной Бухары. На протяжении всего периода пребывания припамирских бекств в системе Бухарского ханства они использовали все формы борьбы с ненавистным бухарским управлением – от подачи устных и письменных жалоб на беков русским властям на первых порах до открытого вооружённого восстания»².

Всё это и частое обращение начальника Памирского отряда и других военно-административных русских чиновников, знакомых с положением дел, Туркестанскому генерал-губернатору о создавшейся ситуации и просьбы местного населения о введении непосредственного русского управления на Памире, в конечном итоге привело к принятию соответствующего решения. На специальном совещании, созванном в январе 1905 г. в Ташкенте с участием сведущих знатоков «памирского вопроса» военно-административных кругов из сведущих знатоков «памирского вопроса» была создана комиссия. Комиссия

¹ЦГАУ. – И-3. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 209.

²Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – С. 29.

считала целесообразным изъять Шугнанское бекство из ведения бухарского правительства, и установить там российское управление. У бухарского чиновника (махрам) не должно быть никаких «самостоятельных функций, он лишь должен был прикладывать свою печать»¹.

Прослеживая за историографией вопроса в целом, следует отметить, что данная проблема в качестве подраздела или параграфа присутствует в трудах Б.И.Искандарова², О. Бокиева³, Х. Пирумшоева⁴, К. Эльчибекова⁵, М. Пирумшоева⁶, Т.С.Каландарова⁷ и др. Они в меру своего доступа к документальным архивным источникам и материалам, содержащимся в работах русских дореволюционных исследователей, вносили свою заметную лепту в научное изучение административной структуры. На основе сопоставительного анализа вышеуказанные исследователи в известной степени освещали её особенности. Но, всё же основная суть проблемы более ёмко и убедительно изложена Н.А.Халфиным. Во избежание излишнего повторения его обоснованных мнений и превышения допустимого объёма данной диссертации, целесообразнее будет ограничиться признанием их непосредственной причастности к изучению данной проблемы. Такая выборочная необходимость продиктована и тем, что существенных разногласий или дополнений к этой проблеме в работах вышеупомянутых исследователей не прослеживается.

Таким образом, вышеприведённые факты, имеющиеся в источниках, работах очевидцев событий и трудах последующих поколений исследователей,

¹Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – С. 69.

²Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. I. – Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962. – С. 335-352; Там же: Ч. II. – Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962. – С. 143-177; Указанная книга (издание третье).- Душанбе: «Андалеб Р», 2015. – Ч. I – С. 300-314; Ч. II – С. 434-440; Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Политико административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской социалистической революции. // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С.53-75.

³Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного бадахшана к России. – Душанбе: Ирфон, 1994. – С. 237-247.

⁴Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С.366. - 376

⁵Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 50-51.

⁶Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX- начала XX вв. – С. 129-138; Он же: Пирумшоев М.Х., Артыков А.А. Первый российский форпост на «Крыше мира»//Историк.-№4(32) 2022.-С.51-58.

⁷Каландаров Т. С. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). – М., 2004. – С.72-75.

приводят к заключению о том, что на своеобразное решение административного управления Памира после его присоединения к России повлияли: а) нерешительные действия политического и военно-дипломатического руководства царской России; б) вероятность военной активизации Англии, связанной с опасением оккупационного действия России на подвластных ей территориях, что вызвало необходимость передачи правого побережья Западного Памира Бухарскому эмирату и этим создание дополнительной буферной зоны; в) опасения излишних финансовых расходов по управлению краем.

V.4. Степень освещения социально-экономического положения Памира второй половины XIX-начала XX вв.

Сведения, связанные с социально-экономической жизнью Памира и Бадахшана второй половины XIX-начала XX вв. в той или иной степени встречаются в сочинениях таких местных вышеприведённых авторов, как: «История Бадахшана» Курбона Мухаммад-заде Ахунд Салмана и Мухаббат Шахзаде Сайид Шахфутура, «История Шугнана», составленная Сейидом Хайдаршахом, «Каттаган и Бадахшан» Бурхан уд-Дина Кушкеки. Но отсутствие научного восприятия закономерностей сложения аграрных отношений, присущих феодальному способу производства, не давало им возможность раскрывать суть проблемы.

Ограниченность их взгляда прослеживается в довольно поверхностном упоминании ими отдельных эпизодов о социальной структуре шахств Памира и Бадахшана, о формах земельной собственности. Сравнительно подробнее авторы изложили систему налогообложения и трудовые повинности местного населения.

Несмотря на это, по их сведениям можно определить иерархическую лестницу общества на примере Шугнанского шахства, которое довольно точно отражала специфическую структуру всех владений Западного Памира до его присоединения к России. Согласно имеющимся в «Истории Бадахшана» и

других источниках сведениям, во главе иерархии стоял шах, вторую ступеньку занимали миры (управляющие подчинённых областей), и последующие ступени за ними духовенство (сейиди и пиры), военное сословие, акобиры и райяты (все податное население)¹.

В кругу административного аппарата при шахе, состояли миры, кушбеги (второе лицо после шаха в его администрации, диванбеги (ведавший финансами и казной шаха), лашкар-баши (военачальник), казы (судья), саркор-баши (надсмотрщик за шахскими землями), аксакал (сельский староста), арбоб (помощник амлякдара в сборе налогов) и нукеры или навкары (военизированная охрана при шахе и миров)².

Крайне скудную информацию, имеющуюся в местных источниках по административной структуре и социально-политическом положении Памира второй половины XIX- начала XX вв., существенно дополнили русские представители военно-дипломатических кругов и учёных различного научного направления науки, которые по долгу службы, посетив Памир, оставили в наследство множество ценных в научно-познавательном смысле работ.

Политические и административные преобразования на Памире, связанные с его присоединением к России, о которых речь шла в предыдущей главе, открыли широкий простор для научного освещения истории Памира и Бадахшана, в частности, социально-экономическое положение во второй половине XIX в., вплоть до перехода памирских бекств непосредственно под юрисдикции России.

Особая заслуга научного освещения вопросов, касающихся аграрных отношений позднесредневекового и нового времени Памира, принадлежит советским и современным исследователям истории таджикского народа.

¹Курбон Мухаммад-зода, Мухаббат Шохзода. Таърихи Бадашон. – Л. 12; См. также. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Часть I. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. – С.24; Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С. 48-49.

²Курбон Мухаммад-зода, Мухаббат Шохзода. Таърихи Бадахшон. – Л. 13-14; Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч.I. – С. 120-129; Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 50-51. Об институте наукар или наукар-пиша более подробно см. Примечания А.А. Семенова к кн.: Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – Ташкент, 1926. – С. 196. – Примеч. 2, а так же: Андреев М.С. Таджики долины Хуф. – Вып. I-II. Переизд. Б.: ОсОО Джем Кей Джи, 2020. – С. 37.

Следует отметить, что многие сведения, содержащиеся в работах как местных, так и русских дореволюционных авторов, послужили в качестве важных источников для последующих поколений учёных, причастных к исследованию истории Памира и Бадахшана второй половине XIX – начала XX вв. Это прослеживается в исследованиях Б.И. Искандарова¹, М. Назаршоева², Н.А. Халфина³, Н. Акрамова⁴, Х. Пирумшоева⁵, М. Пирумшоева⁶, К. Эльчибекова⁷. Уместно отметить, что работы этих исследователей отличаются научными сопоставительными анализами, но в качестве главных источников им служили сочинения местных авторов, официальные документы, преимущественно архивные, работы русских и зарубежных авторов в той или иной мере причастных к изучению социально-экономического положения Памира конца XIX – начала XX вв.

Население численность и этнический состав. Памир с глубокой древности являлся обиталищем предков таджиков, таковым остался и в средние века. В эпоху позднего средневековья киргизы были вынуждены переселиться в восточную часть региона (Мургаб), где климат был более суровым и пригодным только для кочевого скотоводства. В остальном исторически сложившееся народонаселение не претерпело никаких изменений и во второй половине XIX- начале XX вв.

Исходя из этого, русские исследователи, посетившие Памир в последней четверти XIX–начало XX вв., наблюдали этнические различия Восточного и

¹Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Часть II. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1963. – С. 143-177.

²Назаршоев М. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира.–Душанбе: Ирфон, 1975. – 296 с.

³Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на западном Памире (конецXIX – началоXX в.), - М.: Наука, 1975. – 76 с. + Приложения. – С. 77-126.

⁴Акрамов Н. Русские исследователи о Памире и Припомирье //Таджики в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половинаXIX – началоXX вв. – Душанбе: Дониш, 1990. – С. 216-232 .

⁵Пирумшоев Х. Памир в первой половинеXIX - начале XXвв. // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. Душанбе: Пайванд, 2005. – 330-378; Он же: Присоединение Памира к России // История таджикского народа. – Т.IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. -1917 г.). – Душанбе Дониш, 2010 С. 649-732; Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 265-273, 376-382.

⁶ Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX– началаXX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – С.129-168; Он же: Н.А. Северцев – исследователь Средней Азии.//Вестник педагогического университета.-Душанбе,2021.-№4(93).-С.206-213;Он же:Н.А. Северцев – исследователь Памира.//Вестник педагогического университета.-Душанбе,2021.-№3(92).-С.234-245.

⁷ Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С.48-80.

Западного Памира. Побывавший в середине 90-х годов XIX в. на Памире А. Серебренников свои впечатления касательно этнических показателей Западного Памира описывал следующим образом: «Народонаселение памирских ханств Шугнана, Рошана и Вахана резко отличается от народонаселения восточной части Памира... Тогда как в восточной части Памира обитают исключительно кочевники – киргизы, принадлежащие к монгольскому племени, западную его часть, ханства Шугнан, Рошан и Вахан населяют таджики, принадлежащие к племени арийскому, ведущие оседлый образ жизни и занимающиеся земледелием»¹.

Несмотря на отдельные противоречия в определении численности населения Памира, в силу того, что традиционно не проводились переписи, об этом, если не считать примерное количество селений, дворов и редких попыток определения численности населения, приведённые в «Каттаган и Бадахшане» Кушкеки, фактически отсутствуют какие-либо данные в местных сочинениях. Кушкеки, не указывая численность населения, определил общее количество дворов в Шугнана и Рушана, принадлежащие России в 760². Что касается населения афганского Шугнана, по его подсчётам оно достигало до 6.000 человек. Пытаясь сравнивать этот показатель с правобережным Шугнаном, он пишет, что «количество населения русской части Шугнана по ту сторону (Амударьи)..., приблизительно втрое больше населения Афганского Шугнана»³. Это значит, что население правобережного Шугнана примерно исчислялось 18.000 ч.

Все имеющиеся данные об особенностях населения Восточного и Западного Памира, приблизительной численности и этническом составе населения Памира конца XIX — начала XX вв. получены в результате исследований российских учёных, непосредственно посетивших этот регион. В частности, интерес представляют сведения, имеющиеся в работе капитана

¹ Серебренников А. Очерк Памира. – С. 69-70.

² См.: Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – Ташкент, 1926. (таблица название селения и количество дворов. – С. 175-176.

³ Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – Ташкент, 1926. – С. 171.

Скерского «Краткий очерк Памира»¹. В ней приводятся сравнительно важные сведения о киргизах, населявших Восточный Памир, и количестве принадлежащих им кибиток (юрт). Согласно его данным, памирские киргизы принадлежали к пяти родам. Кочевали они главным образом в Ранг-кульской котловине, по долине Ак-су, в верховьях и по всей долине Аличура и в Кударе, Полизе, Кок-джаре и по Кокуй-бель-су. По его подсчётам, у киргизов, населявших этой части Памира было всего 340 кибиток (юрт).²

В отличие от Скерского, капитан Кузнецов, прикомандированный в 1892 г. для исследования путей, ведущих из Каратегина через Дарваз на Памир, сравнительно обстоятельно определил численность киргизов Восточного Памира. «Жители восточных Памиров, – пишет Кузнецов, – киргизы – народ монгольского племени; занимаются исключительно скотоводством и то в незначительных сравнительно размерах. По переписи, произведённой мною в 1893 году: мужчин – 255, женщин – 307, мальчиков – 299 и девочек – 194»³.

Несколько позже посетив Восточный Памир Б.Л.Тагеев (Рустам Бек) – участник Памирского похода, пытаясь определить численность киргизов, повторяет сведения предыдущего автора. «Памиры, – пишет он, – занимают площадь около 73 тысяч квадратных вёрст с народонаселением по исчислениям 1893 года: 255 мужчин, 307 женщин, 299 мальчиков и 194 девочки, живущих приблизительно в 227 юртах»⁴. Следует отметить, что приводимые подсчёты последующих авторов, побывавших на Восточном Памире в конце XIX-начале XX вв., хотя и несколько не совпадают с показателями Кузнецова и Тагеева, но фактически разница не существенная. По подсчётам Ю. Д. Головниной, совершившей путешествие по Памиру в 1892г., численность коренного

¹Скерский. Краткий очерк Памира // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. L. – СПб., 1892. – С.14-40.

²Скерский. Краткий очерк Памира. – С. 37-38.

³Кузнецов. Памиры // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LVI. – СПб., 1894. – С.12-13.

⁴Тагеев Б.Л. (Рустам Бек) Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава. 1902. – С. 1.

населения Восточного Памира, состоявшего из каракиргизов, «в русских пределах нагорья не превышает 1.000 – 1.200 душ обоего пола»¹.

В этом плане небезынтересны сведения шведского путешественника Свена Гедина, побывавшего на Памире в середине 90-х годов XIX в. В своей книге «В сердце Азии»², опираясь в основном на данные Зайцева и Кузнецова, определил численность населения Восточного Памира, принадлежавшего России в 1,232 человек³. Согласно приблизительным подсчётам А. Серебренникова, численность населения Восточного Памира «едва достигает скромной цифры 1,200 – 1,500 человек и 225 кибиток»⁴.

Как видно, согласно подсчётам вышеприведённых авторов, к концу XIX в. киргизское население Восточного Памира варьировалось между 1,200 – 1,500 человек обоего пола. По данным авторов, относящихся к началу XX в. этот показатель изменяется в сторону увеличения.

Что касается населения бекства Западного Памира, то капитан Путята в ходе своей экспедиции в 1883 г. определил численность населения Вахана в 1,700⁵, а количество домов в Шугнанае свыше 4 тыс., при численности его населения – 28 тыс. человек обоего пола⁶. Это показатель за 12 лет до Памирского разграничения и относится к обоим берегам Шугнанского владения. Если сравнить данную цифру с подсчётами Кушкеки, относящимся к обоим берегам Шугнана, после памирского разграничения (18 тыс.), то нетрудно заметить, сокращение численности населения Шугнана в годы афганской оккупации, которая в первые годы присоединения Памира к России, не достигла прежнего уровня.

Согласно сведениям Скерского, в 1889 г. население Западного Памира доходило до 35 тысяч душ обоего пола, но в годы афганской оккупации

¹ Головнина Ю.Д. На памирах. Записки русской путешественницы. – М., 1902. – С. 231.

² Гедин Свен. В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Путешествие в 1893-1897 годах. Перевод со шведского А. и П. Ганзен. – Т. I. - СПб., 1899. – 487 с.

³ Гедин Свен. В сердце Азии. – С. 128.

⁴ Серебренников А. Очерк Памира. – С. 65.

⁵ Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. X.. – СПб., 1884. – С. 66.

⁶ Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. X.. – СПб., 1884. – С. 73.

«вероятно сильно уменьшилось: часть жителей Шугнана бежала в Тагарму, часть взята в плен и уведена во внутренние провинции Афганистана, наконец масса населения подверглась беспощадной резне»¹.

Основываясь на данных, полученных в ходе рекогносцировочной работы в 1894 г., А. Серебренников определяет кишлаков Шугнана в 101, дворов – 626, жителей – 3,779 чел., а поголовье скота – 11,896². Это подтверждает мнение Скерского об уменьшении численности населения Западного Памира.

После вхождения в состав Бухарского эмирата и сферу влияния России, население Западного Памира по данным В.Н. Зайцева, относящимися к началу XX века, насчитывалось 13 802 чел. (из них по бекствам: Рушана – 5920, Шугнана – 5448 и Вахана – 2434 чел.). К тому следует также добавить 3025 чел. населения Восточного Памира. Исходя из этого, по мнению автора, общая численность населения Памира составляла не менее 16827 чел.³. А, по данным А.А. Бобринского, численность населения только правобережья Западного Памира (Вахан, Ишкашим, Шугнан и Рушан) к началу XX в. (1901 г.), равнялась 13.796 чел.⁴.

Сопоставительный анализ вышеприведённых сведений приводит к выводу о том, что за 10 лет до Памирского разграничения 1895 г. население владений Западного Памира сократилось более чем вдвое. Причины такого резкого спада, согласно мнению очевидцев следует видеть в вопиющем насилии афганских оккупантов и передаче левобережной части Западного Памира Афганистану согласно русско-английскому договору 1895 г.

Среди приведённых выше сведений, и неохваченных других источников касательно определения численности населения Памира в начале XX в., ценность представляют данные, имеющиеся в «Отчёте» секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова, добытые им путём расспросов

¹Скерский. Краткий очерк Памира. – С. 38.

²Серебренников А. Очерк Памира. – С. 87.

³Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – Новый Маргелан, 1903. – С. 48, 77-78.

⁴Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта. – М., 1908. – С. 42.

в ходе его командировки в бекствах Западного Памира в 1904 г.¹ Хотя, он и выразил сомнения по поводу их полной достоверности, но вместе с тем, указал, что «они не далеки от действительности». Не вдаваясь в приведение его информации по всем бекствам Бухарского эмирата и Западного Памира, входящих в сферу влияния России², достаточно довольствоваться лишь итоговыми показателями о том, что в целом, численность населения составляла 14190 чел.³ Если к тому добавить киргизское население Восточного Памира в количестве 2.272 чел. и Оршорской волости, где жили таджики – 836 чел.⁴, то общее количество населения Памира согласно таким подсчётам, составляло 17.298 чел.

Среди подобных сведений, особую ценность составляют данные, приведённые начальником Памирского отряда (1908-1912) подполковником Мухановым. Интерес представляет составленная им таблица, относящаяся к 1908 г. «О племенном составе населения» Памира, в которой приведены, согласно волостям, данные о численности народонаселения по этническим показателям, составляющей в общем 21648 чел. При этом, согласно приведённой им статистике из этого количества: таджики составляли 19136, киргизы – 2488, сарты – 10, афганцы – 12 чел.(таджики, киргизы, сарты, индусы, афганцы), при этом⁵, согласно которой, свыше 80% составляли таджики⁶.

Сравнительный анализ вышеприведённых сведений русскими авторами и других источников приводит к однозначному мнению о том, что население Западного Памира по сравнению с периодом независимости в период

¹ЦГИА Р Уз.. – Ф.И-3. – Оп.2. – Д.97. – Лл.46-77. Настоящий документ приведена в качестве приложения к кн.: Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – М.: Наука, 1975. Приложение. № 5.– С.98-118.. При цитировании ссылаемся на данную книгу.

²Более подробно см.: Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX–начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – С.141-142.

³ Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – С. 141-142.

⁴ЦГИА Р.Уз. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 4476. – Л.13-14.

⁵ См.: Муханов Памирский район . Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. – Ташкент: Изд. Штаба Туркестанского военного округа, 1912. Приложение. (Таблица № 2). – С. 78; См. так же, . Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX–начала XX вв. – С. 142-143.

⁶ Муханов Памирский район . Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. – Таблица № 6. – С. 80. В таблице число дворов долины Бартанга обозначена цифрой 2 523, что вероятно поизошла техническая ошибка.

афганской оккупации сократилось примерно на половину. Несмотря на сравнительный рост после присоединения Памира к России вплоть до победы Советской власти, так и не был достигнут прежний уровень численности населения¹.

В этой связи уместно также упомянуть о положении и Дарвазского бекства, согласно вышеупомянутому договору 1895 г. левобережная часть которого также была передана Афганистану, а правобережная, как и прежде осталась в составе Бухарского эмирата. Первые сведения о Дарвазе в русской печати были расспросными и принадлежали Е.К. Миддендорфу², Г.А.Арендаренко³, И. Минаеву⁴.

Первым из русских путешественников посетил Дарваз С.М. Смирнов, но он не оставил никаких сведений. После него, в 80-годах XIX в., в Дарвазе побывали Л.Ф.Костенко и В.Ф. Ошанин, которые ограничились лишь скудными сведениями⁵. В 80-х годах XIX в. в Дарвазе побывали русские путешественники и исследователи: А.Э.Регель (1881), П.Е. Косяков (1882), Г.А. Арендаренко (1882), оставившие ценные сведения об истории и социально-экономическом положении Дарваза к моменту их посещения. Последующие русские посетители Дарваза П. А. Кузнецов, В.И. Липский, А.А. Семенов, Б.Н. Литвинов в своих работах оставили более обстоятельные сведения⁶, мимо которых не проходил ни один из последующих исследователей, в той или иной мере причастных к изучению истории Восточной Бухары и Памира.

¹ Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX–начала XX вв. – С. 145.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – С. 79.

³ Арендаренко Г.А. Журналы командировок. Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века. – М.: Наука, 1974. – С. 94. Следует отметить, что кроме указанных «Журналов», фамилия автора во всех работах опубликованных им при жизни, дается как Арендаренко.

⁴ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – С. 34.

⁵ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа // Материалы для географии и статистики России. – Т. II. – СПб., 1880. – С. 203; Ошанин В.Ф. Каратегин и Дарваз // Известия ИРГО. – Т. XVII. – Вып. 1. – 1881. – С. 52-56.

⁶ См.: Кузнецов П.А. Дарвоз (рекогносцировка ген. Штаба капитана Кузнецова в 1893 (В книге не указаны инициалы автора. Они уточнены нами по рукописи «Материалов по указанию историко-этнографической литературы о Таджикистане», подготовленной под руководством известного библиографа Е.К. Бетгера, не опубликованной и поныне); Липский В.И. Горная Бухара. – Ч. II. – СПб., 1902. – С. 407-428; Семенов А.А. Этнографический очерк Зарафшанских гор, Каратегина, Дарваза. – м., 1903; Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. – Т. 98. – СПб., 1904. – С. 698-729; Пирумшоев М.Х. А.А. Семенов об этнографии таджиков Каратегина и Дарваза.//Вклад А.А. Семенова в изучении истории и культуры таджикского народа.-Душанбе,2014.-С.142-150.

Материалы, касающиеся Дарваза, имеются в работах В.В.Бартольда, Д.Н. Логофета, А. Шишова, В. И. Масальского¹ и др.

Согласно подсчётам совокупности сведений, имеющихся в вышеприведённых и работах других авторов общее количество населения Дарвазского бекства в конце XIX в. примерно составляло 51 тысячу². Несколько в этот плане отличаются подсчёты П.А. Кузнецова, о том, что в Дарвазе в 1892 «проживало 55.000 душ обоего пола»³. Посетивший в 1882 Каратегин и Дарваз Арандаренко Г.А. определил количество всех селений Дарваза до 360 и общее число домов в них 6 000⁴. При среднем подсчёте 9 человека в семье (доме)⁵, то общий показатель населения Дарвазского бекства равнялся 54 000 чел. Это приводит к заключению о том, что до начала 90-х годов население Дарваза примерно насчитывалось 51-55 тыс. человек. Но вскоре, после разграничения 1895 г., когда вся левобережная часть Дарвазского бекства перешла к Афганистану, этот показатель сократился почти вдвое. По некоторым подсчётам к 1914 г., население правобережья, т. е бухарской части Дарваза составляло 28800 человек⁶, что, вероятно, несколько занижено. По сведениям А. Шишова, численность населения Дарваза составляла 35 000, Рушана – 5000, Шугнана – 5448 и Вахана – 3000 чел.⁷.

Следует отметить, что вопросы, связанные с народонаселением Памира конца XIX- начала XX вв. занимают особое место в труде Б.И. Искандарова. Учёный из числа таджикских исследователей первым ввёл в научный оборот

¹ Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Соч. – Т.П. – Ч. 1 – М.: Наука, 449-459; Он же. Таджики из цикла «Энциклопедии ислама» // Указ соч. – Т.П. – Ч. 1. – С. 469-473; Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. (Очерки Средней Азии). – СПб., 1913. – С. 344-411; Шишов А. Таджики (этнографическое и антропологическое исследование) // Средняя Азия. – Кн. XI. – Ташкент, 1910. – С. 49-50; Масальский В.И. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова – Тянь-Шанского. – Т. XIX. – СПб., 1913. – С. 742.

² Более подробно об общей по бекству численности населения и по амякдарствам на основе подсчетов в вышеуказанных русских авторов см.: Пирумшоев Х. Таърихи Дарвоз. (аз қадим то замони муосир). История Дарваза (от древности до наших дней). – Душанбе: Ирфон, 2008. – С.117-120.

³ Кузнецов П.А. Дарвоз. – С. 15.

⁴ Арандаренко Г.А. В горах Дарваза-Каратегина. (На верховьях Аму-Дарьи) // Г.А. Арандаренко Досуги в Туркестане 1874-1889 – СПб., 1889. – С. 474. Примеч. 1.

⁵ Русские исследователи исходили из того факта, что семьи были многодетными и все его члены жили в одном большом доме, как правило определили средний показатель жителей 1 дома в пределах 8-10 человек.

⁶ Пославский Ю.И. Экономические очерки Таджикистана // Таджикистан. – Ташкент, 1925. – С. 181. – Табл. №1.

⁷ Шишов А. Таджики. – Ташкент, 1910. – С. 91.

сведения из ряда работ русских авторов. Особую ценность составляют их сопоставления с данными, приведёнными учёным из официальных документов, хранившихся в государственных архивах Москвы и Ташкента¹. Мнение Б.И. Искандарова касательно численности населения существенно дополнял и Х. и М. Пирумшоевы. Главными источниками указанных и ряда других исследователей послужили сведения, содержащиеся в приведённых работах русских авторов, а также официальные архивные материалы².

Таким образом, несмотря на отдельные разногласия, связанные с не проведением официальной переписи населения, сведения, содержащиеся в местных сочинениях, работах русских авторов и доступных архивных материалах для исследователей служили, и будут служить в качестве особо ценных источников. Они в своей совокупности давали возможность исследователям определить примерное количество населения Памира, причины его спада и относительной стабилизации, что является одним из важных показателей социально-экономического положения этого горного края в конце XIX–начале XX вв.

Земельные отношения. Во второй половине XIX в. на Памире в целом, сохранялись традиционные земельные отношения, присущие феодальному способу производства, но, как и по всей Восточной Бухаре, имели свои особенности, исходя из сохранения патриархальных отношений. Эти особенности, в той или иной степени прослеживаются как в сочинениях местных авторов, так и работах русских исследователей и путешественников, посетивших край.

Известно, что анализ аграрных отношений Памира до присоединения, и те изменения, которые происходили после его присоединения к России, основывались и будут основываться на широком вовлечении в научный оборот

¹ См.: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Часть I. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. – С. 23-28, 325, 339-340, 345

² См.: Пирумшоев Х., Маликов М. Россия Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 226-229, 378-382; История таджикского народа. – Т. IV. Позднее средневековье ир новое время (XVI в – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 674, 703-706; Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половине XIX – начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 138-145.

материалов, содержащихся в работах дореволюционных авторов и архивных источников. Исходя из чрезмерной обширности проблемы, ставшей объектом пристального внимания не одного поколения учёных, целесообразнее будет ограничиться определением степени изученности данной проблемы.

По имеющимся сведениям очевидцев, в отличие от равнинных районов, в Восточной Бухаре и на Памире функционировал институт «буна» (или «бана»), согласно которому всё селение фактически могло находиться в зависимости от феодала. Согласно мнению Г.А. Арандаренко господство феодала при такой форме выражалась не только в «тягости податей, но даже в фактическом очередном крепостничестве (буна), выражавшемся в подпадании целого ряда селений в полное повиновение или подневольное подчинение служилым людям (сипаям)»¹

Имеющиеся сведения в своей совокупности подтверждают, что во всей Средней Азии издавна имели место такие традиционные категории земельной собственности, как амляковые, мулковые, хараджные, вакуфные земли и танхо. В этом отношении Памир, если не считать некоторые особенности, не мог быть исключением. Амляковые земли считались государственными, они не подлежали отчуждению. Мулковые земли, или мулки – хурри – холис считались обелёнными частными землями, с которых государство не взимало налогов. Их владельцев называли мулкдорами. Мулковые земли, воду и другое имущество мулкдор по своему усмотрению мог пожертвовать в вакуф, потому что эти земли и др. были наследственными. Вакуфные земли делились на земли, пожертвованные религиозным учреждениям, на общественные и семейные земли. Что касается танхо, то это были земли, пожалованные феодалам и другим людям за военную или гражданскую службу, или же это было возмещением, которое давалось чиновникам и военным за счёт государственных налогов, взывавшихся с населения, или за счёт государственных земель, а также с других доходных объектов².

¹ РГВИА. – ФВУА. – Д. 6931. – Л. 93.

² Более подробно см.: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Часть I. –

Следует отметить, что крайне незначительные сведения местных авторов не давали возможности исследователям для систематизации земельной собственности. В этом плане определяющим подспорьем являются сведения, содержащиеся в работах авторов, посетивших Памир в последней четверти XIX–начала XX вв. Именно их сведения в сопоставлении с доступными источниками по истории Шугнана, привело в конце 50 – начале 60-х годов прошлого столетия местного учёного В. Бахрамова к мнению о том, что на Памире в XIX в. имелись следующие категории земельной собственности: шахские земли, находившиеся в частной собственности духовных и светских феодалов; наследственно-владельческие или потомственные, находившиеся в пользование крестьянства; вакуфные земли; общинные земли.

После присоединения Шугнана к России и его временной передачи в под юрисдикцию Бухары, появилась новая категория земельной собственности – султанские земли. Они образовались за счёт земли тех людей, которые, не выдержав притеснения афганских властей, покинули их и переселились в другие места¹.

В «Истории Бадахшана» имеются примеры о присвоении шахом плодородных земель, которые обрабатывали местные крестьяне, но весь урожай доставляли в резиденцию шаха. Шахскими землями считались пустующие земли, которые орошались по указанию шаха².

Сопоставительный анализ содержащихся в работах русских исследователей сведений приводит к однозначному мнению о том, что природная изолированность края, ограниченность посевных площадей, сохранение патриархального уклада, господства натурального хозяйства при

Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. – С. 23-29; История таджикского народа. – Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2020 С. 673-677; Пирумшоев Х., Маликов М. Россия Таджикистан: история взаимоотношений. - Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 265-272.

¹ См.: Бахрамов З. Земельные отношения в Шугнана в конце XIX- начале XX вв. // Очерки по истории Таджикистана. (С. Статей). – Том I. – Сталинабад: Госпед институт им. Т.Г. Шевченко, 1957. – С. 49-54; Его же: К вопросу о состоянии хозяйств Шугнана в дореволюционный период // Очерки по истории Таджикистана. (С. Статей). – Том II. – Сталинабад: Госпед институт им. Т.Г. Шевченко, 1959. – С. 11-30; См. также: Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С. 60-67.

² Курбон Мухаммадзода, Мухаббат Шохзода. Таърихи Бадахшон. Издание текста, примечания и указатели А.А.Егани. - М.: Наука, 1973. – Факсимиле, Лл. 14-15. – Изд. текста. – С. 95-96.

фактическом отсутствии товарно-денежных отношений, наложили существенный отпечаток на социально-экономическую жизнь этого горного края.

Согласно имеющимся сведениям, жизненно важными традиционными занятиями для кочевого населения Восточного Памира являлось скотоводство, а для оседлого населения Западного Памира во второй половине XIX в., как и в предыдущие периоды, оставались земледелие, животноводство и за ними идёт ремесленное производство.

Как явствует из сведений почти всех вышеприведённых авторов, испокон веков в долинах Дарваза, Ванджа, Рушана, отчасти Шугнана выращивали почти все разновидности сельхозкультур, включая гузу (местный сорт хлопка), бахчевые, занимались садоводством. Но малоподходящий для возделывания сельхозкультур климат, малоземелье, постоянные междоусобицы с одной стороны, и непосильное налоговое бремя с другой, делали труд крестьянина малопродуктивным. К тому же из-за отсутствия технических средств население не имело возможности оросить все более или менее пригодные для этого земли.

Но, несмотря на это, по арыкам, проложенным несколькими поколениями горцев, которые проходили по боковым ущельям и были проложены от притоков, впадающих в реки Шахдару, Гунт, Бартанг, Язгулям, Вандж и Пяндж, можно судить о неизмеримо большой трудолюбии и хорошем знании тонкостей ирригации жителей горных местностей. Посетившие край российские и европейские путешественники с изумлением смотрели, как воду проводили через скалы деревянным жёлобом, положенным на выступы в скалах или же поддерживали деревянными подпорками из жердей и брёвен¹.

Наблюдая этот невероятный труд в Вахане, Скерский пишет: «В долине Вахан-дарьи, начиная от Сархада и далее каждый клочок земли, сколько-

¹ Военный сборник. – 1885. – № 12. – С. 408; Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. – Л., 1929. – С. 89-90.

нибудь удобный, обработан, и несмотря на крайне незначительную площадь пашни, ввиду тесноты всей долины, ваханские селения встречаются часто»¹.

А. Серебренников, наблюдая за вложением неимоверного труда горца, чтобы каким-то образом обеспечить скудную семейную продовольственную потребность писал: «Главнейшие особенности характера таджиков памирских ханств составляют их замечательная способность к упорному труду и любовь к осёдлости и к земледелию. Упорство таджиков в борьбе с природой поистине удивительно. Чтобы обработать даже ничтожный клочок плодородной земли, встречающейся в узких долинах рек в весьма ограниченном количестве, им приходится предварительно совершить гигантскую работу, чтобы очистить поле от крупных и мелких камней, удобрить его и оросить»². На трудности возделывания земли на Памире, в Дарвазе и Шугнана указывали Н.В. Богоявленский³, А.К. Разгонов⁴, Путята⁵ и А. Серебренников⁶.

В работах русских исследователей, несмотря на отдельные противоречия, всё же раскрывается общая картина производительных показателей и степень обеспеченности населения продовольственной продукцией местного производства. Ванновский относительно хозяйственной жизни Рушана пишет, что его жители занимаются исключительно хлебопашеством и садоводством, разводят баранов, быков, коров и коз. Интерес представляет составленная им таблица, в которой по каждому из 26 селений Рушана приводятся данные о сборе зерновых культур и наличии скота, в период его рекогносцировочной работы в 1893 г.⁷

Можно продолжить подобные примеры о производстве зерновых культур. Причина несовпадения их подсчётов по различным цифровым

¹ Скерский. Краткий очерк Памира // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. L. – СПб., 1892. – С. 27-28

² Серебренников А. Очерк Памира. – СПб., 1900 – С. 71.

³ Богоявленский Н. В верховьях реки Аму-Дарьи // «Землеведение». Периодическое издание Географического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Книжка I-II. – М., 1901. – С. 24.

⁴ Разгонов А.К. В Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент, 1910. – С. 35.

⁵ Путята. Очерки экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан. – С. 73.

⁶ Серебренников А. Очерки Памира. – С. 73.

⁷ Ванновский. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г. – С. 92.

показателям исходит от времени посещения края и получения информации. Несмотря на это, все авторы едины во мнении о природных условиях высокогорья, ограниченности земель, пригодных для посева, низкая урожайность и т.п. Вместе с тем, их поразила крайне высокая степень трудолюбия местного населения, которое, несмотря на все неблагоприятные для сельскохозяйственного производства условия, могло получить для удовлетворения своих нужд зерновые злаки, садоводческую, бахчевую и животноводческую продукцию.

В отчёте секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова об итогах его командировки на Памир в 1904 г. наряду с другими важными сведениями, касающимися различных аспектов жизни его населения, приводятся и средние показатели размеров пахотной земли на душу населения Шугнана, Гарана, Ишкашима Вахана и Рушана. Согласно полученной им информации, общее хозяйство перечисленных в то время бегствах Бухары составляло «1303 хозяйства, 14190 душ населения, 3071 десятина пахотной земли или в среднем 0,2016 десятины на душу. Скота во всех Припамирских (имеется в виду Западного Памира – М.П.) имеется: рогатого около 8500 голов, овец до 33 тыс., лошадей около 800, верблюдов менее 100. Из всех хозяйств по 8 десятин земли и более имеют всего 37 хозяйств. В Рушане нет ни одного таджика, имеющего такой земельный надел. От 4 до 8 десятин имеют 280 домохозяев, а все остальные, в числе 986, имеют земли менее 4 десятин каждый»¹.

Среди имевшихся сведений относительно производственных показателей особый интерес представляют данные, приведённые полковником Мухановым. Исходя из своей военно-административной должности начальника Памирского отряда (1908–1912) при составлении общей информации под названием «Памирский район»², он приводил соответствующие статистические данные о социально - экономическом положении Памира к 1908 г. Хотя, согласно его

¹Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). – М.: Наука. – С. 113. 1975 (Приложение № 5)

²Муханов. Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Турк. Военного округа, 1912. – 86 с.

признанию, приведённые им в таблице (№ 7) цифры, исходя из техники подворных списков, которые лежат в основе его подсчётов, «далеко не могут быть признаны точными»¹.

Таким образом, вышеприведённые сведения из работ русских авторов и официальных документов представителей русских административных кругов на Памире, свидетельствуют об определяющей их заслуге в изучении земельных отношений Памира во второй половине XIX– начале XX вв. Именно их материалы составляют источниковедческую основу советских и современных исследователей, изучающих позднесредневековый и новый периоды истории Памира и Бадахшана.

Ремесленное производство. В показателях социально-экономического положения любого государства и народов особое место занимают ремесленное производство и торговые отношения. В этом Памир не может быть исключением. Географическая изолированность наложила ярко заметный отпечаток, как на производство ремесленных изделий, так и на торговлю.

В этой связи уместно заметить, что много веков назад, показатели ремесленного производства на Памире были на порядок выше, чем к началу XIX в. Этому свидетельствуют археологические материалы древнего, средневекового периодов и письменных источников, о которых речь шла в соответствующих главах данной работы.

В древности Великий Шёлковый путь играл важную роль в вовлечении региона в международную торговлю. Одна из его ветвей проходила на Памире, известном в то время, как главный поставщик драгоценных камней и металлов. Но в позднесредневековый период усиление феодальной раздробленности, вечные междоусобицы, в частности нашествия тюрко-монгольских племён, привели к резкому ослаблению международных торговых связей, что повлекло за собой упадок ремесленного производства.

Судя по материалам, содержащимся в местных источниках и работах русских исследователей, качество ремесленных изделий Памирских владений

¹Муханов. Памирский район. – С. 56.

как до присоединения их к России, так и после, оставаясь на уровне хозяйственно-бытовой потребности местного населения, не могло составлять заметную конкуренцию с привозными товарами, в частности русскими промышленными изделиями. Это довольно ясно прослеживается в имевшихся местных источниках и работах русских исследователей.

Из местных источников наиболее ценные сведения по ремесленному производству содержатся в вышеупомянутой работе Кушкеки «Катаган и Бадахшан». Давая сравнительно обширные описания как правобережной, так и левобережной частей Западного Памира, он по каждому району отдельно приводит соответствующие данные о разновидностях местных ремесленных изделий. Указывая на традиционные виды ремесла ваханцев, он пишет, что в Вахане «из козьей и ячьей шерсти ткнут паласы, «берек» и чулки. Сучение ниток из шерсти лежит на плечах женщин, а ткачеством занимаются мужчины. Обувь делается из коровьих кож, из кож диких коз и других. Шкуры дубят своими средствами»¹.

В Шугнанае согласно его данным, также из овечьей шерсти изготавливали берек (шерстяная ткань для верхней зимней одежды), чулки, перчатки, а из козьей – паласы². До присоединения к России шугнанские мастера изготавливали фитильные ружья. Но в годы афганской оккупации, когда местные жители восстали против захватчиков, эти ружья были конфискованы³. Также, согласно его сведениям, в Дарвазе получили широкое распространение такие ремесла как: тканье берека, вязанье чулок, выделывание паласов, мат и алачи⁴. О том, что Калаихумб считался одним из известных центров ремесленного производства Восточной Бухары, писали многие русские авторы, посетившие его в разное время. Г.Е. Грум-Гржимайло, выступая с докладом на общем собрании Русского географического общества 4 декабря 1885 г. сказал: «Калай-Хумб, например, главный центр Дарвазского бекства, далеко славится своими

¹Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – Ташкент, 1926. – С. 157.

²Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. – С. 171.

³Там же. – С. 172.

⁴Там же. – С. 189.

железными изделиями, и изготовляемые там ножи действительно хороши»¹. 11 апреля 1884 г., выступая на том же общем собрании с докладом «Путешествие на Памир», Д.Л.Иванов, указывая на развитие кустарного промысла на Памире, сказал: «Характерным отличием жизни этих горцев является развитие у них кустарного промысла. Живя вдали от базаров, не имея сносных дорог, встречая лишь редкого торговца с весьма немногими предметами и притом крайне дорогими, они волей-неволей должны сами научиться делать всё для себя необходимое. И в этих самодельных кустарях вы будете поражены стремлением к художественности. Горшки, плошки и вся прочая гончарная посуда делается женскими руками; станка у них нет. И все это сделано гладко, тонко, прочно и довольно красиво»².

Наблюдая за состоянием ремесленного производства на Памире в годы афганской оккупации, Ванновский заметил, что всех их изделий едва хватило для сносного удовлетворения местного населения, их домашнего обихода³.

Важные сведения о кустарном производстве жителей Памира содержатся и в работе А. Серебренникова «Очерк Памир» где автор, указывая на повсеместное распространение среди населения Памира кустарного производства и значительных успехов в этом, отмечает, что «первое место занимают гончарное и ткацкое, а затем следуют кожевенное, изготовление седел, пороха, жерновов для мельниц и т. п.»⁴.

Н. В. Богоявленский, наблюдая за своеобразными народными промыслами таджиков долин Хингоу и Ванджа, для примера выделяет некоторые вышивки и вязание чулок местных мастериц. Указывая на общую сходность их кустарных изделий с другими горными таджиками, **вместе** с тем, отметил, что они «свято хранят, как пережиток, может быть, весьма отдалённой, но, во всяком случае, своей, собственной культуры. Это орнамент на лицевых занавесках, орнамент оригинальный по своей тесной связи с

¹Грум-Гржимайло. Очерки При-памирских стран //Известия ИРГО. – Т. XXII. – СПб., 1887. – С. 104.

²Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского русского географического общества. – Т. XX. – 1884. – С. 444

³Ванновский. Извлечение из отчета о регоноскировке в Рушане и Дарвазе 1893 г. – С. 96.

⁴Серебренников А. Очерки Памира. – С. 73.

орнаментом русским, состоящим из расшитых петухов и иных птиц; другой орнамент – на чулках. Узоры этих чулок свято хранятся в каждой семье и передаются наследственно от матери к дочери»¹.

Несмотря на наличие природных богатств, драгоценных камней и металлов за исключение добычи железа для местного обихода и промывки золота в незначительном количестве в верховьях Бартанга примитивным путём, который при удаче можно было промыть за день в стоимости равной 1 рублю, добыча и обработка других видов фактически не практиковалась. Исходя из этого, согласно мнению Муханова, «обрабатывающей промышленности в Памирском районе не существовало вовсе», причину этого он видел в удалённости края от культурных центров и бедность населения².

Довольно обширную информацию о кустарных промыслах в Вахане и Ишкашине приводит А.А. Бобринский. «Наиболее цветущая отрасль кустарного производства в Вахане и отчасти в Ишкашине, – пишет он, – бесспорно, – выделка шерстяных тканей. Вырабатывается несколько видов ткани: прочная и толстая идёт на тёплую верхнюю одежду, менее грубая — на головные уборы, самая тонкая — на нижнее белье для мужчин и женщин, заменяющая бумажную одежду, которую постепенно вытесняет более тёплая и прочная шерсть.»³.

Согласно его наблюдениям, «жители долины Ванджа, благодаря, вероятно, долгому времени, так хорошо приспособились к своему железному производству, что выделывают не только крупные, грубые вещи вроде лемехов, кирок и топоров, но даже такие мелкие вещи, как складные ножи, бритвы и ножницы. Эти железные изделия славятся в соседних горах и желающие выменять их на свои местные произведения являются из самых разнообразных местностей, принося с собой для обмена: из Дарваза, с долины Пянджа – бумажные ткани, из Бадахшана – лёгкие шерстяные полосатые одеяла, с Язгуляма, из Шугнана и Рушана – прекрасной работы вязаные шерстяные

¹Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи // Землеведение. – Кн. I-II. – М., 1901. – С. 18-19.

²Муханов. Памирский район. – С. 67.

³Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 84.

чулки и плотные, прочные шерстяные материи (часть которых делается из шерсти диких козлов и баранов)»¹.

Интерес представляют также отдельные эпизоды, приведённые этнографами М.С. Андреевым и А.А. Половцовым. Согласно приведённым им сведениям в Ишкашине и Вахане сшивали верхнюю одежду из материалов своего производства. Жители этих земель обменивали у жителей Читрала и Зебака шерстяные материалы, медные изделия, глиняную посуду и порох на коз. Хотя в старину, до начала XIX века, они добывали рубины, к началу XX века они практически перестали этим заниматься и знали только, что когда-то в Гороне, в местности Кухи Лал, добывали и продавали этот драгоценный минерал.²

Исследования М.С. Андреева, касающиеся разновидностей ремесленного производства, изготавливаемые местными мастерами Западного Памира на примере народных промыслов долины Хуфа, Рушана, Шугнана и Язгуляма, на основе собранного им материала, как до революции, так и в годы Советской власти занимают достойное место в таджикской историко-этнографической науки. Его панорамное описание фактически всех видов производства, в частности, добычи железа и изготовления железных изделий, глиняной, деревянной посуды и другой утвари, валяния кошм, ткачество и прядение, крашение шерсти, выделка бумаги, пошив одежды, женские украшения и т. п. Особую ценность представляет его сопоставительный анализ проблемы земледелия и скотоводства³.

¹Бобринской А.А. Орнамент горных таджиков Дарваза . – С. 10 ; более подробно о способах добычи железа см: Андреев М.С. Выработка железа в долине Ванча. (Верховья Аму-Дарьи). Из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Средазкостариса, бывшей в Таджикистане летом 1925 г. – Ташкент, 1926. – 17 с.

²Ишкашим и Вахан. Составители М.С Андрев и А.А. Половцов // Материалы по этнографии иранских племен в Средней Азии. – СПб., 1911. – С 37-38.

³ О степени вклада М.С. Андреева подробно см.: Андрев М.С. Иаджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Выпуск I. Под редакцией А.К. Писарчик. Ответственный редактор А.А. Семенов. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953. – 251 с.; Он же: Таджики долины Хуф (верховья Амударьи). Ответредактор А.К. Писарчик. – Вып. II. - Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1958. – 522 с.; Новое переиздание объединенных прежних двух выпусков см.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф. – Вып. I-II. Под ред. Э Кочумкуловой. – Бишкек: ОсОО Джем Кей Джи, 2020. – 794 с. См. Вып. II. – С. 21-35, 180-212, 286-310, 345-379, 398-419.

Торговля. О совершенно слабом состоянии товарно-денежных отношений свидетельствует тот факт, что по наблюдениям Г.А. Арандаренко в начале 80-х годов XIX в. единственный базар в Каратегине и Дарвазе находился в Гарме, где «торговые сделки совершаются преимущественно обменом местных продуктов хозяйства и охотничий добычи на товары (бязь, алача-крашенина, ситцы, кисея индейская, жевательный сакич, нюхательный табак, перец, лекарства)»¹.

То же самое наблюдалось и во владениях Западного Памира. Наблюдая за примитивностью товарно-денежных отношений Путята писал: «Страна ничего не производит для вывоза и не имела до сих пор ни в одном из своих кишлаков базара; но со вступлением афганского гарнизона, главной заботой нового наместника было устройство базара в Бар-Пяндже»².

О низком уровне торговых отношений свидетельствует тот факт, что во всём Рушане в начале 90-х годов XIX в. «имелся только один базар в г. Калаи-Вамаре, да и то благодаря присутствию там афганцев. Торговля исключительно внутренняя и меновая, о деньгах имеют смутное представление, да и только о серебряных афганских и бухарских, а наших (русских – М.П.) никогда не видели, и не знали, что с ним делать, когда мы им давали за какие-нибудь оказанные услуги»³.

«Необходимые предметы для незатейливого хозяйства, – пишет А.А. Бобринской, – горцы Вахана и Ишкашима приобретают на стороне. В прежние времена самое оживлённое сношение горцы поддерживали с Бадахшаном, откуда получали железо и железные изделия, бумажные ткани, алача материю для халатов, тюбетейки, мату (грубая бумажная ткань)... Глиняную посуду приобретали в Зебаке, где она намного лучше Ваханской. Киргизы доставляли кашгарские кумганы, свои кошмы, ковры, русские ситцы, фарфоровую посуду и сапожную кожу. Теперь, когда торговля с Бадахшаном закрыта афганцами,

¹ Арандаренко Г.А. В горах Дарваза и Каратегина. – С. 457.

² Путята. Очерки экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан. – С. 73.

³ Ванновский. Извлечение из отчета о регоносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г. – С. 96.

киргизы доставляют ваханцам с озера Рангуль соль, а железо и другие товары из Ферганы¹.

Несколько оживлённее шла торговля железом в Вандже. Указывая на это М.С. Андреев писал: «Вандж снабжает своим железом все соседние страны, окружающие его. Население последних само приходит в Вандж за покупками. Ванджцы свой товар не развозят. Торговля ведётся исключительно в виде товарообмена»². В Вандже изготовляли для обмена также такие железные изделия как наконечники для плугов, топоры, мотыги, серпы, ножи, подпилки, подковы, ножницы и пр.³

Согласно имеющимся сведениям, торговля существенно оживлялась после присоединения Памира к России. По сообщению Муханова это было заметно и на Восточном Памире, где киргизы получили возможность всё больше торговать незатейливыми продуктами своего производства⁴. Что касается Западного Памира, автор считает главным тормозом развития торговли бедность местного населения с одной стороны, и с другой незнание реальной цены своего товара.

Согласно наблюдениям автора, по мере улучшения благосостояния жителей, после присоединения Памира к России, появились и местные купцы, «которые открывали более или менее постоянную торговлю, и, наконец, устройство базара в Хороге положило начало упорядочению торгового дела на Западном Памире»⁵. Основными предметами торговли на базаре, являлись привозимые из Кашгара и отчасти из Оша русские ситцы, мата, железные подковы, мыло, шёлковые платки и другие мелочи. Торговля велась преимущественно меновая. Вместе с тем постепенно возрастало число денежных сделок⁶.

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 85-86

² Андреев М.С. Выработка железа в долине Ванча (Верховья Аму-Дарья). Из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Среднеазиатского края, бывшей в Таджикистане летом 1925 г. – Ташкент, 1926. – С. 17.

³ Там же. – С. 17.

⁴ Муханов. Памирский район. – С. 68-69.

⁵ Там же. – С. 69.

⁶ Муханов. Памирский район. – С. 70.

Налоги и подати. Вопросы, связанные с налогообложением, взиманием податей и поборов хотя в той или иной степени присутствуют фактически во всех доступных сочинениях местных авторов, работах русских авторов, исследованиях советских учёных, изучавших историю Памира и Бадахшана, но всё же и поныне данная проблема является одной из нерешённых в отечественной историографии. Это связано с отсутствием законодательной основы на протяжении всего средневекового периода. Предусмотренное шариатом правило взимания налогов зачастую нарушалось представителями властей исходя из своих интересов.

Согласно требованиям шариата в мусульманских государствах неукоснительно должны соблюдаться следующие виды взимаемых налогов: 1) хумс – налогообложение собственности с $\frac{1}{5}$ части дохода; 2) закят (закот) – мусульманский налог, взимаемый с имущество богатых мусульман в пользу бедных; 3) закот ал-фитр, милостыня по случаю окончания поста – руза; 4) садака – пожертвование бедным; 5) джизья – подушный налог, которые должны платить иноверцы в мусульманских странах; 6) херадж – поземельная подать; ушр – поземельная подать (десятина)¹.

Среди указанных видов налогов особое место занимали закот и херадж, которые должны взиматься в рамках, предусмотренных шариатом, согласно которым уточнены размеры данных налога со скота и земли².

Исходя из этих критериев, определить общее число налогов и повинностей как в Бухарском эмирате, в том числе в его восточной части, так и в шахствах Памира и Бадахшана, в связи с постоянным нарушением требования

¹См.: Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. – М.: Наука, 1978. – С.173; Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: История взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С.206.

²Подробно о правилах взимания налогов и податей, а также призывов в ходе их взимания в Восточной Бухаре и Памира см.: Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX века. - Душанбе – Алма-Ата, 1967 – С. 193-207; Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. II. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1963. – С.50-93, 151-177; Пирумшоев Х. Социально-экономическая, общественно-политическая и культурная жизнь Восточной Бухары // Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей. – Душанбе: Дониш, 1990. – С. 137-145; Он же: История изучения восстания Воссе. – Душанбе: Маориф, 1998. – С. 20-33; Пирумшоев Х., М. Маликов Россия – Таджикистан: История взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 206-313, 326-337; Пирумшо Х. Табли озода дар ахди бедоди. – Душанбе: ДДОТ, 2018. – С. 93 – 118; Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – С. 150-156.

шариата крайне трудно, практически невозможно. Исходя из того, что число налогов и поборов в бекствах Восточной Бухары и Памире до его присоединения к России фактически превышало 40 видов, в имеющихся сведениях прослеживаются разногласия в подсчётах их разновидностей. Но это не может повлиять на степень важности доступных исследователям сведений.

Авторы местных источников, хотя и приводят некоторые факты взимания налогов, но они не систематизированы и приведены, несколько разбросаны в большей степени в «Истории Бадахшане» и рукописи под названием «Исторические заметки». К примеру, в первой приводится, что «раияти платили «харадж и бор». Авторы вместо «хараджа» и «ушра»¹ порою приводят общее понятие «андоз» (налог)².

Согласно имеющимся данным, налоговые повинности во владениях Западного Памира были непомерно тяжёлыми в силу малоземелья, трудности обработки полей, низкой урожайности. Они многократно возрастали при вторжении бадахшанских миров и кундузских правителей. Б.И. Искандаров, на основе доступных ему местных источников и сведений русских авторов, наряду с различными формами эксплуатации трудового населения (фукаро), определил налоги, взимаемые из следующих категории налогоплательщиков: 1) мирские фукаро или раият (безземельные дехкане, обрабатывающие мирские или шахские земли на правах издольщика; 2) фукарои танхо или буна (содержатели танходоров); 3) фукарои холис (владельцы земли, принадлежащей миру); 4) кадыки (наиболее разорённая часть дехканства, обрабатывающая земли обладателей мульков); 5) фукарои обхур, означало «бедняк, пьющую воду» (абсолютно безземельные дехкане, живущие на случайные работы, чаще сезонные)³.

¹Харадж (Хародж или Хиродж) налог с земли и земельной продукции, первоначально введен для тех, которые не принимали добровольно ислам. Позже стал традиционным налогом, хотя больше под названием «ушр» с $\frac{1}{10}$ часть земельной продукции.

²Курбон Мухаммадзода, Мухаббат Шохзода. Таърихи Бадахшон. – Лл. 14-15.

³Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.151-152; См. также: Латыпов Н. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве // Тр. Кулябского госпединститута. – Сталинабад, 1957. – С. 106-108.

Многие русские исследователи, в силу ограниченности своей профессиональной подготовленности, не углублялись в анализ социальной сущности налогового бремени, присущего феодальному обществу, в целом и проявление его особенностей во владениях Западного Памира, в частности. Но описываемые ими собственные визуальные наблюдения касательно взимания налогов и выполнения различных повинностей, являются крайне ценными источниками в исследование данной проблемы.

Посетив Каратегин и Дарваз в 1882 г., Г.А. Арандаренко наблюдал, что в этих бекствах система податей фактически к этому периоду не претерпела изменений. «Амлякдор, – пишет он, – получая в своё ведение уезд из нескольких десятков или сотни селений (кишлак), собирает через своих людей во время жатвы херадж в 1/10 часть с урожая каждого хлебного продукта и с собираемых плодов тута (шелковица), а также по одному барану, независимо от их количества в хозяйстве, с каждого домовладельца (танха)». Кроме того, он указывает на другие виды не предусмотренных шариатом поборов¹.

Согласно наблюдениям Д.Л. Иванова, в Дарвазе в обязанности земледельца входило беспрекословное выполнение барщины и оброка. Барщина состояла из обработки «казённых» земель от посева до уборки и перетаскивание зерновых в указанное место. Также из состава населения бралась прислуга, на несколько месяцев по очереди из каждой деревни, в основном женщин, для службы во дворе владельца. Оброк накладывался на каждый дом в таком виде: баран или козел, суконный халат, пару башмаков, одна деревянная чашка, лопата, 2-3 вязанки дров, одна чашка масла, один мешок мякины (мягкий кром), один аркан, одна курица, шерстяной или бумажный халат. Кроме того, в Дарвазе была введена подать железом в размере 7,5 фунт (1 ф. – 409, 5 грамм), так как в Вандже производилась добыча железной руды².

¹Арандаренко Г.А. В горах и долинах Дарваза-Каратегина (На верховьях Аму-Дпръи) //Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. – СПб., 1889. – С. 449.

²Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия ИРГО. – Т. XX. – 1884. – С. 241-242.

Согласно наблюдениям Путяты в ходе его экспедиции в 1883 г. в Вахане «Подати взимались натурой. С 15 голов баранов брали один. Бедные, имеющие не более 7-8 баранов, давали одного барана через год. От продуктов земледелия взимали $\frac{1}{10}$ часть урожая. Все взимаемые подати, согласно полученной автором информации, отправляли в Файзабад бадахшанскому правителю. Ваханский хан этими доходами не пользовался. Он «подобно всем жителям имел свой скот и землю»¹.

Скерский, наблюдавший за беспощадной эксплуатацией населения в годы афганской оккупации пишет: «Налоги, которые наложили афганцы на население, тяжёлым бременем ложатся на него: подушная подать в Вахане составляет 12 рупий (около 8 рублей); кроме того, каждый хлебопашец обязан сдать в казну то количество хлеба, который посеял, и наконец, в нынешнем году местная администрация, собрала с каждых двух дворов по одной лошади. Население Рошана и Шугнана, в особенности последнего недавнего восстания, обложено, вероятно не менее»².

Б.Л. Громбчевский, в период своей командировки на Памире в 1890 г. путём расспросов выяснил, что на Памире «афганцы дерут налоги с живого и мёртвого». К примеру, приводит полученные им сведения о том, что за право промывки золота в реке Бартанг, жители селения Басит, платят афганцам в год до 260 тиллей (1 тилля равнялась около 2-х золотников)³. Согласно данным В.Н. Зайцева, афганцы, зная о россыпях золота, обнаруженных в селениях Басит и Бадурт (Бардара), где жители этих кишлаков традиционно занимались промывкой довольно примитивным способом, платили подать афганцам золотой песок стоимостью в 20 тиллей (60-70 руб)⁴.

¹ Путята Очерки экспедиции в Памир, Сарыкал, Вахан и Шугнан. 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. X. – СПб., 1884. – С. 65.

² Скерский Краткий очерк Памира // Сборник, географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. L. – СПб., 1892. – С. 38-39.

³ Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Г. Говыц маргелан, 1891. – С. 24. Примеч. 2.; Пирумшоев М.Х. Вклад Б.Громбчевского в изучении Памира. // Вклад русской интеллигенции в развитие науки и культуры Таджикистана. – Душанбе, 2018. – С. 292-300.

⁴ Зайцев В.Н. – Памирская страна – центр Туркестана. – С. 44.

В.Н. Зайцев, также интересуясь системой налогообложения Западного Памира до присоединения его к России, наряду с другими видами налогов указывает, что в случае нехватки выплаты налогов, часть его компенсировалась передачей в рабство людей¹.

Согласно сведениям А. Серебренникова, учитывая бедственное положение памирских киргизов, согласно утверждённому царём решению Государственного Совета с 1 января 1901 население Памира было освобождено от государственного поземельного налога и земских сборов. Для содержания волостного управителя и трех аминов отчислялись ежегодно по 1.250 р. из земских сборов Туркестанского края².

После присоединения Памира к России, учитывая бедственное положение местного населения, русское правительство освободило их от выплаты налогов и податей. Но, несмотря на это бухарские беки и другие чиновники, видимо не без согласия эмира бухарского, считавшего для себя экономически невыгодной передачу ему бекств (бывших шахств) Западного Памира, разными способами взымали налоги и незаконные сборы с местного населения. Это и вызывало недовольство народа и частое обращение к начальнику Русского пограничного отряда на Памире. Длительные переговоры эмира с Туркестанским Генерал-губернатором привели к договорённости о размерах взимаемых налогов и определении времени их сбора. В мае 1900 г. начальник Памирского отряда капитан Аносов с представителями Бухары доводили до сведения местного населения проект договорённости русских и бухарских властей о «размере и порядке взимания податей бухарским правительством с подвластного ему населения Рошана, Шугнана и Вахана». Во вводной части текста данного документа приводится, что население Рушана, Шугнана и Вахана обязуется платить «ежегодную подать, состоящую из хараджа, зякета, амалиота и других, указанных ниже видов денежной и натуральной повинности»³.

¹ Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. – С. 56.

² Серебренников А. Очерки Памира. – С. 65-66.

³ ЦГВИА РФ. – Ф. 400. – Азиатская часть, 1898-1905 гг. – Д. 291. – Л. 76.

Полный текст данного документа приводится в работе Б.И. Искандарова «Восточная Бухара и Памир»¹ и это снимает необходимость его повторения. Остаётся лишь отметить, что после взимания всех налогов и поборов у дехкана оставались излишки продуктов, едва хватающих для удовлетворения минимальной продовольственной потребности его семьи.

Ввиду того, что в каждом из владений Памира производственные показатели в зависимости от климатических условий были разные, отсутствовала и единая система налогообложения. Согласно наблюдениям русских, посетивших Памир до его присоединения к России, у каждого владения были свои правила взимания налогов и поборов, а также выполнения повинностей. Это наблюдалось в вышеприведённых сведениях авторов и архивных документов. В частности, А.А. Бобринской, интересуясь порядком взимания налогов в Вахане, при беседе с местными жителями выяснил, что источники дохода мира составляли: а) из собственных земель, при которых от посева до сбора и поставки зерна безвозмездно вложили труд дехкане; б) от принадлежащих ему больших стад скота; в) от получения с каждого дома по одному барану, по чашке масла, а также необходимых для угощения гостей продуктов и подарков. При необходимости он посылал своих нукеров в каждый дом для сбора необходимых для мира предметов². При мире находилась стража из 20-25 нукеров. Должность нукеров была наследственная. Каждый из них платил миру по одному быку и должен был или одеваться сам или для этого приносить миру два шерстяных чекменя. Мир со своей стороны, давал каждому из них по халату и чалме. Некоторым давал лошадь, седло и уздечку и кормил во время прохождения дежурства³.

К числу доходов мира, А.А. Бобринской причисляет и получение его в виде подарков от торговых караванов, которые через его владения следовали в Пешавар, Афганистан и Китайский Туркестан. Когда они проходили через

¹См.: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Часть II. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР. – 1963 – С. 150-153.

²Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 65.

³Там же. – С. 64.

Вахан, купцы, как правило, извещали мира о своём приходе. Он посылал им в подарок три пуда ячменя, два пуда муки и одного барана, а знакомым купцам посылал больше. За это и за взятые на себя обязательства по обеспечению безопасного прохождения торговых караванов через свою территорию купцы подносили миру подарки на сумму от 20 до 50 рублей¹. Этот же автор в качестве важной статьи дохода мира Вахона приводит охоту на диких козлов и других диких зверей².

Подобные показатели прослеживаются и в других шахствах Памира. Например, по данным того же автора, в Рушане «правителю платили следующую подать: с каждого дома 2 барана, 2 чашки масла, 1 кауш пшеницы, 1 чекмень, 1 пару чулок и кроме того работали на казённых землях»³.

Те же самые сведения приводит по Ишкашиму и М.С. Андреев, где согласно его данным, каждое хозяйство кроме традиционных херадж и зякетов обязано было преподносить правителю по одному аркану, четыре подковы и по одному куску бычьей шкуры на пару чоруков (обувь), по одному халату с четырёх домов. Кроме того, в обязанности райята входило нести службу в доме владельца посменно⁴.

Одним из ярких показателей взимания налогов и податей на Западном Памире является приведённые их перечни и размеры М.С. Андреевым на примере одной из административных единиц Шугнанского шахства – долины Хуф, насчитывающей примерно 50-60 дворов⁵. Кроме вышеупомянутых налогов, взимаемых с населения в пользу ша, взимался ещё налог в пользу служившего сословия - нукер (наукар), которого называли «наукарона», а также

¹Там же. – С. 65-66.

²Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 68-69.

³Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 65. – примеч. 144.

⁴Андреев М.С., Половцев А. Ишкашим и Вахан // Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. – СПб., 1911. – С. 9.

⁵Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховьев Аму-Дарьи). – Вып. 1. Материалы к изучению культуры и быта таджиков. Тр. АН ТаджССР. — 1958. – Т. 61. – С. 42-45; См. также Андреев М.С. Таджики долины Хуф переизд. Отделом культурного наследия гуманитарных наук Высшей школы развития Университета Центральной Азии. – ОсОО Джем Кей Джи, 2020. – С. 42-45.

целый ряд других обязанностей, возлагавшихся на это и другие селения Шугнана¹.

Говоря о феодальной повинности в целом на Памире и в Бадахшане, приравниваемой к русской барщине, Д. Иванов указывал, что «горцы не только выставляли нужное количество рабочих рук для обработки казённых земель, т.е. для пахоты, посева, жатвы и уборки с поля хлеба, но и в их обязанности входило безвозмездное построение или исправление дорог, мостов, возведение различных построек для хозяйственной нужды ша». Он верно заметил: «Всё что могло раздражать завистливые глаза мелких властителей, что могло понравиться им, так или иначе, выманивалось от горца»².

Сведения, содержащиеся в работах русских исследователей и архивных документах, приводят к убеждению о нелёгкой участи земледельца и скотовода на Памире и Бадахшане. Низкая урожайность, безземелье, непосильные налоги порою приводили на грань отчаяния местное население. Его положение многократно ухудшилось и стало фактически невыносимым в годы афганской оккупации (1883-1895). В целом, по довольно объективной оценке А.А. Семенова, жизнь горного таджика, проходила в постоянной борьбе за кусок хлеба³.

Самой чёрной страницей в истории налогообложения на Памире считалась отдача в рабство из местных людей взамен недостающего количества хераджа или зякета (закот) или торговля людьми. Хотя в шахствах Западного Памира, сам по себе не существовал институт рабовладения. В шахствах Западного Памира, как отмечено выше, людей из числа бедных слоёв населения со стороны шахских кругов и иностранных торговцев могли использовать в качестве товара при торговых сделках.

Существенные изменения в системе налогообложения происходили после передачи бекства Западного Памира в состав Бухарского эмирата. Это,

¹ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. – С. 44.

² Иванов Д. Шугнан. Афганские очерки // ВЕ. –1885. – №7. – С. 561.

³ Пирумшоев М.Х. А.А. Семенов об этнографии таджиков Каратегина и Дарваза.//Вклад А.А. Семенова в изучении истории и культуры таджикского народа.-Душанбе,2014.-С.142-150.

как отмечено выше, привело к недовольству местного населения. Оно отчасти и послужило поводом полного перевода Западного Памира под юрисдикцию России. Этот процесс довольно ясно прослеживается в работах русских исследователей, официальных архивных материалов, на основе которых и обстоятельно анализируется в исследованиях советских и постсоветских исследователей.

Говоря о системе налогообложения, следует заметить ещё одну особенность, присущую исмаилитскому течению ислама, последователями которого является население Западного Памира и Бадахшана, где по традиции собирали закят под названиями «назр» (обет), «воджибот» (необходимое), «моли саркори» (уважительное добро) и отправляли Иمامу Ага-хану. В отличие от обязательных по шариату налогов этот зякет собирали не принудительно, а сугубо добровольно. Видимо по этой причине этот вид зякета фактически не оказался в поле зрения русских, побывавших на Памире во второй половине XIX — начала XX вв. Даже такой отменный знаток истории исмаилизма, каким был А.А. Бобринской¹, фактически обходил данный вопрос.

В этой связи важно отметить то внимание, которое уделяли этому вопросу как советские, так и современные исследователи, занимавшиеся позднесредневековой и современной историей Памира и Бадахшана. Среди них особо выделяется работа Э. Ходжибекова «Исмаилитские духовные наставники (пиры), их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана»². В ней сравнительно подробно приводится генеалогия исмаилитских пиров Шугнана и их роль в политической жизни Памира до его присоединения к России и после³. Наряду с другими вопросами, автор освещает порядок и

¹ См.: Бобринской А.А. Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. – М., 1902. – 18 с. ; См. также: Карамшоев Д., Харкавчук И. Выдержки из бесед А. Бобринского с пирами Памира // Пограничники и жители Памира. – С. 103-112; Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 240 с.

² Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пиры), их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана (вторая половина XIX–30-е годы XX вв.). – Душанбе: Бухоро, 2015. – 283 с.

³ См.: Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники. – С. 17-131.

общего объёма взимаемого зякета, предназначенного для имама, на примере Шугнана¹.

После присоединения Памира к России порядок взимания налогов и поборов не только существенно изменился, но и фактически был отменен. В докладе дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе Шаховского от 21 июля 1902 г. отмечено, что кочевое население Памира с января 1901 г. освобождено от всяких податей. Он вносил предложение о том, что нужно пойти на подобный шаг и в отношении жителей Шугнана и Рушана. На содержание волостных правителей рекомендовано выделять ежегодно 2 000 р из земских средств Туркестанского края.²

Наиболее достоверно и подробно уже об официальном действии вышеприведённого положения о налогообложении в бекствах Западного Памира, входящих в административное управление эмирата до 1905 г., приводится в «Докладной записке о зякете в Западном Памире» начальника Памирского отряда капитана А.Е. Снесарева, составленной в ноябре 1903 г.

Согласно содержанию документа, суть зякета, представленная беком Шугнана Мирза Юлдаш бием, являлась разорительной для населения. Автор записки кроме объёма зякета приводит также много примеров о трудновыносимых повинностях, возложенных на местное население³.

Действительно, создавшаяся в дальнейшем ситуация привела русское правительство к пересмотру и окончательному решению административного устройства в бекствах Западного Памира. С этой целью в начале 1905 г. в Ташкенте проводилось совещание с участием представителей военно-административного руководства Туркестанского генерал-губернаторства, секретаря Российского политического агентства в Бухаре по вопросу «о

¹ См.: Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники. – С. 140-149.

² ЦГА РУз. – Ф. Российское Политическое агентство в Бухаре. – Д. 45, - Л.17. Копия из «Сборника документов по истории Памира (1883-1931) ГА ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед хр. 12. – Л. 132.

³ ЦГА Р уз. – Ф. И-3. – Оп. 2. – Д. 77. – Лл 11-12. ; Приложение к кн.: Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX - начало XX в.). – М.: Наука, 1975. – Приложение № 2. – С. 88 ; См. так же: Докладная записка капитана Генерального штаба А.Е. Снесарева о зякете на Западном Памире // Карамшоев Д., Харкавчук И. Пограничники и жители Памира. – Душанбе: Изд-во Памир, 1995. – С. 45-51; Пирумшоев М.Х. К вопросу о последствиях присоединения Средней Азии к России.//Вестник педагогического университета.- Душанбе,2019.-№5(82).- С.213-219.

присоединении к России земель, входящих в составе Шугнанского бекства». Переход к прямому подчинению России в известной степени избавил население этого горного края от всех невзгод, сначала связанных с хищническими оккупационными действиями афганцев (с 1883 по 1895 г.), а затем и введенным административным режимом бухарских властей (1895-1905). Одним из наиболее заметных результатов этого акта стало освобождение местного населения от обременительных налогов и поборов, которыми оно было обложено в течение многих лет правления бухарского режима.

В целом, историографический анализ соответствующих архивных документов, работ дореволюционных авторов, изучавших социально-экономическое положение памирских владений при последнем шахском правлении, в годы афганской оккупации, впоследствии при бухарском, а затем и российском административном управлении, приводят к заключению о том, что, несмотря на их источниковедческую ценность, они не лишены противоречивых показателей. Но это нельзя относить к их недостаткам, ибо в силу обстоятельства в большинстве случаев эти сведения получены путём расспросов. Это несколько затрудняет выделение среди множества различных статистических подсчётов наиболее достоверных из них. Особенно это прослеживается в их сведениях, касательно статистического определения численности населения, объёма сбора зерновых, поголовья скота, взимания налогов, податей, выполняемые повинности и т. п. показатели.

Но, всё же путём сопоставительного анализа соответствующих источников и работ дореволюционных авторов, советским и современным исследователям удалось в целом обрисовать целостную картину политического положения и социально-экономической жизни Памира в конце XIX — начале XX вв. Как уже отмечено выше, в этом следует отметить особую научную ценность работ М. С. Андреева, Б. И. Искандарова, А. Маджлисова, Н. А.

Халфина, Н. Латыпова, З. Бахрамова, Н. Акрамова, М. Назаршоева, Х.Пирумшоева, К. Эльчибекова¹ и др.

Заслуга вышепречисленных исследователей состоит в сравнительно объективной оценке огромного наследия, оставленного путешественниками и теми труженниками, которые по долгу службы посетив Памир, оставили результаты своих наблюдений для последующих поколений учёных, интересующихся историей и культурой этого поистине сказочного края – Памира, обиталища древних и современных таджиков. Но это вовсе не значит, что все проблемы, касающиеся истории Памира и Бадахшана решены. Историографический анализ существующих источников и исследований показывает, что всё ещё остаётся много нерешённых вопросов, требующих научного исследования. Для их освещения и решения требуется тщательное изучение огромного количества материала, большая часть которого ещё не интегрирована в орбиту исследовательского процесса.

¹См.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). – Вып. 1. Материалы к изучению культуры и быта таджиков. Тр. АН ТаджССР. — Сталинабад, 1953. – Т. 7. – С. 42-45; Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIXв. – Ч.П. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1963. – С.50-93, 151-180; Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XXвека. - Душанбе – Алма-Ата, 1967 – С. 193-207; Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX вв.). – М.: Наука, 1973. – 127 с.; Латыпов Н К вопросу о социальных отношений в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти // Ученые записки Кулябского пединститута. – Вып. III. – Куляб, 1957. – С. 112-122; Он же: К вопросу социальных отношений в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти // Ученые записки Кулябского педагогического института. – Вып. IV. – Куляб, 1958. – С. 77-129; Бахрамов З. Земельные отношения в Шугнани в конце XIX и начале XX вв. (1895-1920 гг.) // Очерки по истории Таджикистана. – Т. I. – Сталинабад, : АН ТаджССР, 1957. – С. 47-85; Он же: К вопросу о состоянии хозяйства Шугнана в дореволюционный период // Очерки по истории Таджикистана. – Т. II. – Сталинабад, 1959. – С. 11-30; Акрамов Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. – Душанбе: Дониш, 1975. – 131 с.; Его же: Акрамов Н. Русские исследователи о Памире и Припамирье //Таджики в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половинаXIX – началоXX вв. – Душанбе: Дониш, 1990. – С. 216-232; Назаршоев М. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира.–Душанбе: Ирфон, 1975. – 296 с.; Пирумшоев Х. Памир в первой половинеXIX - начале XXвв. // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. – Душанбе: Пайванд, 2005. – 330-378; Он же: Присоединение Памира к России // История таджикского народа. – Т.IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. -1917 г.). – Душанбе Дониш, 2010 С. 649-732; Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 265-273, 376-382. X. Социально-экономическая, общественно-политическая и культурная жизнь Восточной Бухары // Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей. – Душанбе: Дониш, 1990. – С. 137-145; Он же: История изучения восстания Воссе. – Душанбе: Маориф, 1998. – С. 20-33; Пирумшо Х. Табли озода дар ахди бедоди. – Душанбе: ДДОТ, 2018. – С. 93 – 118; Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С.48-80; См. так же. Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половиныXIX – начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – С. 150-156.

V.5. Культура Памира и Бадахшана XIX – начала XX вв. в историко-этнографической литературе

Культура населявших издревле таджиков Памира, за исключением восточной его части, которую в позднем средневековье заселили кочевые племена киргизов, на протяжении всей истории была связана с общекультурным процессом таджикского народа на обширной территории Центральной Азии. Об определяющем месте таджикской культуры в эпоху средневековья в регионе написано немало. Существует много специальных исследований истории культуры таджикского народа в те или иные периоды, но изучение только тех разделов, с которыми связан интересующий нас период, позволит определить направление дальнейшего изучения других связанных с ней вопросов. Но, исходя из особенностей настоящего исследования, определённое внимание уделяется лишь историографии культурной жизни населения Памира более позднего средневековья и нового времени.

Характерной особенностью данной проблемы является то, что географическая изолированность края, отдалённость его от главных таджикских культурных центров, хотя и несколько препятствовали росту самобытной материальной и духовной культуры, но не могли полностью изолировать Памир и Бадахшан от достижений таджикского народа в этом направлении.

В данном контексте особенность изучения культурной жизни Памира и Бадахшана, как предыдущих эпох, так и периода пребывания русских военно-дипломатических и научных кругов в этом горном крае, состояла в том, что они в силу своей профессиональной ограниченности, за исключением А.А. Семенова, М.С. Андреева А.А. Бобринского, были не в состоянии научно обосновать особенности культурных показателей и не могли выходить за рамки этнографического описания хозяйственно-бытовой жизни местного населения. Эти ограничения также сказались на их взгляде на художественные произведения местных поэтов, они не смогли сделать полный анализ и оценить многие из них..

Независимо от этого, хотя несколько разбросанно, но всё же в работах авторов конца XIX — начала XX вв. прослеживаются важные сведения о сложившихся культурных традициях жителей Памира и Бадахшана. Интересуясь материальной культурой шугнанцев, рушанцев и дарвазцев, Д. Л. Иванов особое внимание уделял своеобразию их домашнего хозяйства, главным образом строению жилых помещений. Согласно его мнению, несмотря на кажущиеся с наружи примитивность строений, интерес вызывает их внутреннее убранство¹.

Приводя подробное описание жилых помещений Западного Памира, включающее поэтапное рассмотрение процесса строительства, внутренней планировки и других деталей домов², М. С. Андреев в частности пишет, что «характерные черты припамирского жилища – это бревенчатый купол «чор-хона» над центральной частью жилого помещения; высокие нары, окружающее углубленное пространство «пога», «пойга» в центральной части дома, под куполом «чор-хона», соединенное с входом в дом узким проходом; нары с очагом, имеющие форму двух широких ступеней, на верхней из которых находится открытый в сторону «пога» и суживающийся кверху очаг. Этот тип жилища, бытует по-видимому, от Вахана до небольшой долины Пшихарв, лежащей ниже Ванджа»³.

В жилых помещениях колонны, держащие бревенчатые купола домов, традиционно покрывались резьбой. «Деревянные части жилища, – писал И. И. Зарубин, – почти всегда покрыты резьбой. В особенности часто резьба встречается на перекладинах при входе и на перилах у нар. Орнаментированные двери я видел только в Кала-и-Вамаре. В соседних с Рушаном областях резьба по дереву распространена, по-видимому, не менее. В

¹Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского русского географического общества. – Т. XX. – 1884. – С. 243-244.

²См.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). – Вып. II. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958. – С. 420-486.

³ Пирумшоев М.Х. Традиционная культура Памира конца XIX-начала XX вв. в русской историографии. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2019. – №10. – С. 5-10.

Кала-и-Хумбе (в Дарвазе) и в Поршнёве (в Шугнани) я видел образцы замечательной резьбы»¹.

Как известно, в средневековых городских строениях на мусульманском Востоке придерживались традиционной планировке, согласно которой все города состояли из крепости (цитадель), шахристана (собственно город), и рабата (предместье). Цитадель (арк) считалась центром города и находилась на возвышенном месте (при отсутствии холма, сооружали искусственную насыпь). Цитадель обнесена высокой стеной. Вокруг неё располагался шахристан, обнесённый так же стеной с несколькими воротами. Пространство вне городских стен – рабат, так же считался оживленной частью города². Но в некоторых городах Восточной Бухары и на Памире исходя из горного рельефа, не соблюдалась указанная общепринятая планировка города.

Сравнительно подробные сведения о горных крепостных построениях приводятся в работе А.А. Бобринского «Горцы верховьев Пянджа». Указывая на планировку древних построек, развалины которых встречаются в Вахане, Ишкашине, Гороне, Шугнани, Рушане, а также по притокам рек Шах-дары и Гунта, указывает, что в качестве основного материала для их постройки повсюду использовались камни и деревянные балки. «Памятники старины, – пишет автор, – можно разделить на две категории: на развалины сторожевых башен, застав или по-местному топхана и на развалины и полууцелевшие более или менее обширные замки беков, ханов и других полусамостоятельных владык небольших волостей, на которые были разбиты долины Пянджа и его притоков. К этим замкам следует перечислить убежища для жителей, во время какого-либо местного всполоха»³.

¹Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея Антропологии и этнографии им. Петра Великого при Российской Академии Наук. – Т. V. – Вып. I. – 1918. – С. 123.

²Более подробно см.: Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город // Древний Восток. Города и торговля. – Ереван, 1973. – С. 99-100.; Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. – С. 163-165; Пирумшоев М.Х. Традиционная культура Памира конца XIX-начала XX вв. в русской историографии. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2019. – №10. – С. 5-10.

³См.: Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908 – С. 117-120.

В целом, согласно имеющимся сведениям в работах посетивших Памир авторов, все крепостные сооружения являлись каменными строениями. При построении крепостей издавна не учитывалась особая роскошь, как это наблюдалось в более развитых городах. В зависимости от местных жизненных условий и горного рельефа на передний план традиционно выходила их оборонительная значимость. Но после присоединения края к России отпала эта необходимость и постепенно эти сооружения превратились в полуразвалившиеся строения. Указывая на положение этих замков-крепостей, И. И. Зарубин писал, что «они не так давно – всего лет двадцать назад – имели большое значение для населения, спасающегося в них от постоянных набегов киргизов и афганцев. После занятия края русскими войсками замки потеряли свой прежний оборонительный характер, и жители пользуется ими как жилищами... Значительно лучше других сохранившихся и лучше построенный замок в Кала-и-Вамаре, служил раньше резиденцией местного бека, ныне же, вместе с окружающим его роскошным садом, находится в ведении русской военной администрации Памира»¹.

Что касается показателей духовных культурных традиций населения Памира и Бадахшана, то недостаточное владение местным языком ограничивало возможности исследователей в глубоком изучении этих традиций. В результате они в основном полагались на визуальные наблюдения за культурными мероприятиями, где местные жители демонстрировали своё мастерство в пении и танцах.. «У горцев, - пишет Д.Л. Иванов,- существуют общественные праздники, на которые сходятся женщины и мужчины, но в танцы пускаются одни мужчины, женщины же присутствуют только в качестве зрителей, хотя участвуют в подпевании общественным песням и бьют в ладоши. Песен у горцев (я слышал их в Рошане) очень много и песни их крайне

¹ Пирумшоев М.Х. Традиционная культура Памира конца XIX-начала XX вв. в русской историографии./Вестник Таджикского национального университета.-Душанбе:Сино,2019.-№10.-С.5-10.

характерны и мелодичны, причём многие напоминают совершенно итальянские серенады»¹.

Ванновский, наблюдая за местной традиционной культурой Рушана, свои впечатления изложил следующим образом: «Увеселения рушанцев состоят в игре на различных инструментах, пении, танцах; изредка устраиваются между молодёжью состязания в борьбе... Песни исполняются под аккомпанемент бубна и гитары (дутара, домбра)... В своих песнях таджик воспекает несчастья страны, притенения афганцев, времена бунта и восстаний в Рушане, жалуется на свою судьбу. Есть, впрочем, хоровая песнь, вызывающая улыбки и весёлый смех в слушателях туземцах; размер этой песни несколько оживленнее прочих... Пляска состоит в том, что танцующий изгибается довольно грациозно корпусом, поднимая и плавно размахивая руками над головой и прищёлкивая в такт пальцами»².

Как бы обрисовав нравственно-духовную культуру горца А. А. Бобринской писал: «Замкнутость дала возможность горцам сохранить до последнего времени свою индивидуальность, свою самобытность и заставила их дорожить всем своим достоянием прошлого: преданиями, обычаями, нравами»³.

Одним из показателей духовной культуры того или иного народа в том или ином периоде его истории является состояния народного образования. На Памире, как и во всем обширном пространстве исламского мира, основные уровни образования получали в частных школах в домах местных грамотных учителей или при мечети, где дети получали начальное и среднее религиозное образование., Более способные ученики из обеспеченных слоёв населения могли продолжить обучение в средних, а зачастую и высших учебных заведениях - медресе - в крупных городах региона. Это давало возможность

¹Иванов Д.Л. Путешествие на Памир. – С. 247; Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX-начала XX вв. – Душанбе: Дониш, 1992. – С. 99. – Примеч. 12. .

²Ванновский. Извлечение из отчета о регоносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г. – С. 91

³Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта. – М., 1908. – С. 49.

получить углубленное религиозное и научное образование. В этом плане и Памирские шахства не могли быть исключением¹.

Но всё же в какой-то мере изолированность от культурных центров не могла не сказываться на показателях уровня грамотности населения. В ходе своего пребывания на Памире в Вахане Д.В. Путята заметил, что «грамотность вовсе не развита в стране. Редкий мулла умеет читать. Даже казий, занимающий в стране второе лицо после хана (шаха – М.П.), не умеет ни читать, ни писать»². Капитан Ванновский в своем отчете о результатах рекогносцировки в Рушане и Дарвазе в 1893 г, фактически подтверждая мнения Путяты, писал: «Школы существуют, но преподаватели в них сами малограмотны, да и родители по своей бедности не имеют возможности подолгу держать ребенка в школе, так, как 6 – 7-летний мальчик считается уже работником»³.

Особое место в развитии традиционной культуры и образования на Памире играли пиры – религиозно-духовные наставники местного населения. Но в работах местных и русских дореволюционных авторов, посетивших Памир в конце XIX – начале XX вв., за исключением А.А. Бобринского, который непосредственно имел беседы с такими авторитетными пирами как Саид Юсуф Али Шо, Саид Ахмед, Саид Мурсал, сравнительно обстоятельно изложил историю сложения исмаилитской общины⁴, приводятся лишь разбросанные эпизодические сведения об исмаилитских пирах.

К сожалению, в отечественной историографии советского периода, по известным причинам научное изучение роли исмаилитских пиров в истории шахства Западного Памира и Бадахшана, также фактически выпало из поля зрения исследователей.

¹ См.: Убайдуллоев Н. История народного образования Таджикистана второй половины XIX- начала XX вв. - Душанбе, 2005.- 176с.; его же: Историография народного образования Таджикистана второй XIX- первой половины XX вв.- Душанбе, 2016.- 410с.- С.124-125.

² Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г. // Сборник материалов по Азии. – Вып. X. – СПб., 1884. – С. 64.

³ Ванновский. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LVI. – СПб., 1894. – С. 87 .

⁴ См.: Бобринской А.А. Секта исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. – М., 1902. – 18 с.

Обнадеживает тот факт, что в начале XXI века Э. Ходжибеков первым занялся исследованием этой проблемы¹. В своей монографии, основанной на достоверных источниках, он тщательно анализирует генеалогию исмаилитских пиров, показывая, как они влияли на жизнь местного населения фактически во всех сферах жизни местного населения. Особый интерес представляет заключительная – третья глава работы, в которой содержится анализ художественного наследия исмаилитских пиров Шугнана². Это очень важно для научного восприятия малосведущего читателя, у которого исмаилитские пиры представляются лишь религиозными наставниками.

Следуя реалиям средневекового образовательного процесса, который в основном курировался религиозными структурами, как и в других ханствах среднеазиатского региона в шахствах Западного Памира до присоединения к России и вплоть до начала XX века важнейшую роль в образовании играли духовные лидеры (пиры). Особого внимания заслуживает их весомый вклад в распространение и передачу элементов религиозных знаний на всех уровнях, а также руководство и лидерство местных общин в духовных и образовательных вопросах. Их жилые помещения являлись образцовыми как по архитектурному строению, так и по художественному оформлению. «Вызывало восхищение, – пишет Э. Ходжибеков, – художественное оформление домов и построек во дворе исмаилитских пиров Шугнана в Поршневе, где совершались религиозные обряды и праздничные представления»³. Их дома считались местами обучения многочисленных их мюридов, по-сути походили на настоящие школы обучения и воспитания. Особое внимание уделялись переписыванию и изящному оформлению религиозных книг и редких рукописей классиков персидско-таджикской литературы⁴.

¹ Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пиры), их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана (вторая половина XIX – 30-е годы XX вв.). – Душанбе: Бухоро, 2015. – 283 с.; См. его же: Накши пируни Шугнондар ихтиёран хамрох кардани Помир ба Россия // Шугнон. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 218-226.

² См.: Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пиры). – С. 210-223.

³ Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пиры). – С. 217.

⁴ См. там же – С. 215-218.

Согласно имеющимся в работах дореволюционных авторов и архивных материалах сведениям, после присоединения Памира к России, наряду с Туркестанским генерал-губернаторством, существенные перемены происходили в образовательном процессе этого горного края. Принятые меры в этом отношении, прежде всего, соответствовали интересам царской России и её администрации на Памире. В ходе своей командировки барон А. Черкасов, пришёл к выводу о необходимости открытия русско-туземной школы в Хороге¹. В 1909 г. при русском отряде в Хороге была открыта первая и единственная до революции русско-туземная школа. Вначале в ней обучались 8 человек. В отличие от русско-туземных школ, открытых в других городах Средней Азии, первоначально большинство воспитанников Хорогской школы составляли дети бедных таджиков.

Согласно содержанию письма начальника Памирского отряда полковника Муханова Военному губернатору Туркестана от 2 января 1910 г. «Существование школы пока обеспечено добровольными пожертвованиями, которых набралось 168 рублей 52 копейки и к которым я добавляю 300 рублей из сумм на экстраординарные надобности, находящиеся в моём распоряжении. Если с будущего учебного года число учеников увеличится, то придётся подумать о более прочном обеспечении существования школы, о чём не замедлю своевременно войти с ходатайством»². В связи с увеличением числа учеников потребовались дополнительные ассигнования на содержание школы. Поэтому 15 ноября 1911 г. полковник Муханов обратился с просьбой к военному губернатору Ферганской области оказать содействие в том, чтобы Министерство просвещения выделило на содержание школы ассигнования в размере 1540 рублей. Однако просьбу эту не удовлетворили.

Несмотря на это, начальник Памирского отряда предпринял ряд мер по укреплению школы. По его настоянию, в декабре 1911 г. в Хорог из Ташкента прибыл учитель, имевший специальное педагогическое образование. С

¹ГА ГБАО. – Ф. 1. – Оп. 30. – Л. 285-286.

²РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – №518. – Л. 113-114.

приходом нового учителя были засвидетельствованы способности таджикских детей к усвоению русского языка и их стремление к школьным занятиям. Школа всё более и более пользовалась симпатией местного населения¹. В 1912 г. Памирский отряд выделил для школы помещение, содержал при школе на полном продовольственном обеспечении 23 ученика. Наиболее нуждающимся выдавали обувь и одежду. Оплату учителю в размере 75 рублей в месяц согласилось взять на себя Министерство народного просвещения России и возместило отряду 500 руб. Туркестанские власти выделили в 1912 г. 100 руб. на приобретение учебных пособий².

При непосредственной инициативе и содействии начальника Памирского отряда росла численность учащихся. Осенью 1914 г. вновь назначенный начальник Памирского отряда полковник И. Д. Ягелло посетил Хорогскую школу. К тому времени численность учеников достигла 30 человек. Он считал необходимым ускорить постройку нового здания³. В 1916–1917 учебном году численность учащихся увеличилась до 40 человек. При школе был открыт интернат. Разумеется, одна школа на всём Западном Памире не могла решать проблему народного образования. Хотя данная школа функционировала всего до 1918 г., но всё же она сыграла заметную роль в истории развития просвещения Памира. Её первые ученики Ш. Шотемур, А. Наврузбеков С. Абдуллоев, И. Исмоилов, Х. Кирмоншоев, А. Зиннатшоев, Б. Мирзобеков, Ш. Амдинов, С. Саидмахсумов и др. были в первых рядах начала возрождения таджикской государственности.

Руководство Памирского пограничного отряда принимало активное участие во всех сферах экономической и культурной жизни населения Памира. Оно, наряду с другими представителями учёных различного направления науки, стояло у истоков научного исследования истории, этнографии, антропологии, географии и других естественных наук этого горного края.

¹ Там же: № 1845. – Л. 94.

² Карамшоев Д., Харкавчук И. Пограничники и жители Памира. – Душанбе: Памир, 1995. – С. 76

³ РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – № 2147. – Л. 95.

Одним из важных показателей культурной жизни того или иного народа, является достижение его художественного творчества. Таджики всегда в этом отношении держали пальму первенства в регионе, а Памир и Бадахшан не были исключением. Местные представители поэзии всегда придерживались классических традиций художественного творчества, в частности, поэтического жанра, хотя география их существования и политическая разобщённость в определённой степени препятствовали расширению круга читателей. Это стало одной из причин, по которой многие из этих произведений не были включены в антологии средневековой поэзии примерно до середины позднего Средневековья. С другой стороны, многие исследователи, не знали таджикский язык и поэтому не могли по достоинству оценить всю широту и колорит классической таджикско-персидской поэзии, без энтузиазма относились к исследованию этими аспектами истории таджикской литературы.

Настоящие научные поиски в истории художественной литературы Памира и Бадахшана начались в советский период. В этом плане особая заслуга принадлежит литературоведу А. Абибову (1916–1998). Он по крупицам собрал из разных источников сведения о жизни местных поэтов и их сохранившихся стихов, которые затем составили основу его исследований: "Из истории таджикской литературы в Бадахшане», «Сокровища Бадахшана», «Литературные круги Восточной Бухары (XIX–начало XX в.)», «Из истории литературных связей Бадахшана и Индии (XVI-XVIII вв.)¹. Согласно его мнению, хотя не сохранились какие-либо источники, свидетельствующие о литературных творениях местного населения, но можно предположить, что в XI в. в Бадахшане и других Памирских владениях, имела место письменная литература. Свидетельством тому является снискавший особый авторитет известный средневековый философ и поэт Носир Хусрав (1004-1088), который после долгих лет скитания избрал местом для постоянного жительства эту

¹Абибов А. Аз таърихи адабиёти толик дар Бадахшон (асри XIX ва аввали асри XX). – Душанбе: Дониш, 1971. – 197 с.; Хабибов А. Ганљи Бадахшон. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 320 с.; Абибов А. Доираҳои адабии Бухорои Шарқи (Асри XIX ва ибтидои асри XX). – Душанбе: Дониш, 1984. – 240 с.; Хабибов А. Аз таърихи равобити адабии Бадахшон бо Хиндустон (асриҳои XVI-XVIII). – Душанбе: Дониш, 1991. – 172 с.

горную местность (бадахшанский Юмгон). Можно предположить, что его ученики и последователи из числа местного населения, были достаточно образованными людьми¹.

Доступные этому исследователю источники содержат соответствующие сведения, начиная с XV в. Опираясь на сведения, имеющиеся в «Антологии поэзии» («Тазкират-уш-шуаро») Давлятшаха Самарканди и «Собрания художественного изящества» («Маджолис-ун-нафоис») Алишера Навои последний бадахшанский шах из местной династии Султанмухаммад, потерпевший поражение от Тимурида Абусаида (середина XVв.), был известным поэтом, сочинявший стихи под псевдонимом Ла'ли. При дворе он организовал постоянно действующий литературный центр, в котором участвовали представители местных и соседних поэтических кругов. В частности, поэт Шарифи Балхи из Балха, Зариф из Фархара, побывав в указанном центре, сочинили стихи, в которых восхваляли бадахшанского шаха.

Из Бадахшана такие поэты как Мавлоно Мухамади Бадахши, Абдусамади Бадахши, Мавлоно Камоли Бадахши, Кабулии Бадахшани и др. участвовали в литературных кругах Герата и Самарканда. Всё это приводит А. Хабибова к заключению о том, что литература Бадахшана в XV в. являлась неотъемлемой частью таджикско-персидской классической литературы².

Такая тенденция продолжалась и в годы правления Бадахшаном тимурида Сулайман-шаха, его сына Мирза Ибрахима в первой половине XVI в. но в последующие годы, борьба Шейбанидов с Тимуридами за Бадахшан³ негативно повлияла на сложившиеся литературные традиции. Политическая нестабильность вынуждала часть представителей литературных кругов Памира и Бадахшана покинуть родные места, продолжить свою творческую деятельность на чужбине, прежде всего в Индии.

¹ Пирумшоев М.Х. Традиционная культура Памира конца XIX-начала XX вв. в русской историографии.//Вестник Таджикского национального университета.-Душанбе:Сино,2019.-№10.-С.5-10.

² См.: Абибов А. Аз таърихи адабиёти тоълик дар Бадахшон. – С. 27-31; Хабибов А. Ганъли Бадахшон. – С. 20-40.

³Более подробно см.: История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С. 263-268.

Согласно доступным А.Хабибову источникам, в XVI в. сравнительно с предыдущим XV в., число известных поэтов, вошедших в антологию литературы значительно выросло. По подсчётам автора в XV в. приводятся сведения лишь об 11 поэтах. В XVI в. этот показатель равен 29, которые вошли в антологии поэзии этих двух веков. В действительности их могло быть намного больше. Подтверждая это предположение, автор пишет: «Из 40 поэтов, входящих в бадахшанский литературный круг 17 переселились в Индию и вошли в литературную антологию того периода»¹.

Из указанного числа бадахшанских поэтов удалось найти информацию о творчестве лишь четырнадцати из них: Мирза Ибрахим (сын Сулайманшаха), Ибрахими Бадахши, Дустии Бадахши, Восили, Мавджии Бадахшони, Мавлоно Ниязии Бадахши, Амани, Абтари, Назри, Вакифи, Мухлиси, Бенаваи, Джунуни, Махви. При этом А. Хабибов приводит отдельные образцы из их творчества, демонстрирующие высокий уровень мастерства, характерный для всемирно известной таджикско-персидской поэзии.²

Нельзя не сказать и о том, что некоторые представители литературных кругов Бадахшана XVI века были вынуждены переехать в Индию из-за сложившихся обстоятельств. Десять из указанных 29 бадахшанских поэтов: Мирзоалибеки Дабир, Дустии Бадахши, Касимхани Мавджи, Мудомии Бадахши, Мир Махмуд Накибхан (Махви), Мавлоно Ниязи, Музаффариддин, Мулло Хасани Сабухи, Саиди Бадахши, Кази Низоми Бадахши переселись в Индию³. Данный факт свидетельствует о том, что в этой стране при власти представителей тимуридской династии или Великих моголов, для функционирования персидско-таджикской языковой среды, в особенности широкого внедрения художественной традиции, появились более благоприятные условия.

Более того, дальнейшие показатели литературного творчества в Бадахшане и Западном Памире также зависели от политических условий в

¹ Хабибов А. Аз таърихи равобити адабии Бадахшон бо Хиндустон. – С. 16.

² См.: Хабибов А. Ганчи Бадахшон. – С. 49-93.

³ См.: Хабибов А. Аз таърихи равобити адабии Бадахшон бо Хиндустон. – С. 26-30

Средней Азии, особенно в отношении возвышения Аштарханидов и возрастающей опасности для сохранения независимости. Конечно же, такие изменения тем или иным образом повлияли на общую атмосферу литературной жизни. Упомянутый литературовед, используя доступные ему материалы, подсчитал, что творчество десяти бадахшанских поэтов XVII века было перенесено в Индию. Из девятнадцати поэтов Бадахшана только семь сохранили часть своего творческого наследия, а десять переехали в Индию. Автор подробно описывает жизнь и творческие достижения этих поэтов, а затем упоминает о степени признания и славы, которых они достигли в своё время¹.

Ценным исследованием также следует считать главу книги А. Хабибова «Сокровища Бадахшана», посвящённую литературной жизни Памира и Бадахшана XVIII в. Особенность этого периода заключалась в переходе власти от династических представителей Тимуридов и Аштарханидов к Ярбеку и восстановление полной независимости Бадахшана в период правления Яридов, в особенности при Султаншахе (1756-1770), который покровительствовал представителям литературных кругов. Неродственную причастность к их двору имели такие известные таджикские поэты как Гиясиддин Джирми, Мирза Абдурахман, Мирза Андалиб, Мирза Сангмухаммад, Вахши (под псевдонимом Тамкин), Мухаммад (псевд. Ошик), Назми, Дарди, Хашмат, Комил и др.²

Литературные традиции в Бадахшане и владениях Западного Памира в предыдущие периоды продолжались, несмотря на сложности политических перипетий XIX–начала XX вв. Как отмечено выше, в исследовании литературы Бадахшана и Памира данного, как и предыдущих периодов, особая заслуга принадлежит А. Хабибову. В его довольно солидном труде «Из истории таджикской литературы XIX – начала XX вв. в Бадахшане» и частично в «Сокровища Бадахшана», впервые в таджикской историографии и литературоведении на основе доступных автору источников обрисована

¹ Пирумшоев М.Х. Традиционная культура Памира конца XIX-начала XX вв. в русской историографии.//Вестник Таджикского национального университета.-Душанбе:Сино,2019.-№10.-С.5-10.

²Хабибов А.Ганчи Бадахшон. – С. 162-202.

цельная панорама литературной жизни Бадахшана до его завоевания афганцами.

В первой книге даётся обширный анализ жизни, литературного наследия, тематические проблемы и характерные особенности литературного наследия бадахшано-памирских известных на основе доступных источников поэтов как Мухлиси, Хиджри и поэтесса Махфи из Бадахшана, Муборак и Мулла Шамшер из Вахана, Джафар из Поршнева, Мирзо Ибад из Шидза, Фаррухшах, Мирзо Кучак и Шоабдуллах из Сучана, Шохфутур из Хорога и др.¹.

В книгу также включены сведения о жизни и творчестве свыше десяти поэтов, о которых имеются разбросанные сведения в соответствующих сочинениях антологического характера, отдельные письменные источники и устные сведения местных знатоков истории и культуры². Последняя (третья) глава посвящена анализу особенностей литературных творений местных поэтов³.

Этому периоду также посвящена последняя (пятая) глава второй книги автора «Сокровища Бадахшана» В отличие от первого труда, в ней автор приводит лаконичный сбор сведений о жизни и творчестве многих из вышеупомянутых поэтов⁴.

В целом, как с досадой подчёркивает автор, что хотя в X-XIV вв. и были известные поэты, но, к сожалению, кроме наследия Носира Хусрава (1004-1080), ему не удалось обнаружить о них более достоверных сведений в источниках или образцы их поэтических дарований. В этих двух его вышеуказанных книгах, по утверждению автора, согласно историческим периодам литературной жизни Памира и Бадахшана приводятся сведения об 11 поэтах XV в., 28 – относящиеся к XVI в., 20 – XVII, 14 – XVIII в., 60 поэтов XIX и начало XX вв.⁵

¹Абибов А. Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон. – С. 40-118.

² Там же. – С. 118-140

³Там же. – С. 141-181.

⁴Хабибов А. Ганчи Бадахшон. – С. 203-319.

⁵Абибов А. Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон. – С. 180; более подробно см.: Хабибов А. Ганчи Бадахшон. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 320 с.

На основе материалов, представленных в этом разделе, посвящённом культурной жизни памирцев и бадахшанцев в позднесредневековый и новый периоды, можно утверждать, что рассматриваемый регион был органической частью материальной и духовной культуры всего таджикского народа. В заключение можно утверждать, что горные таджики Бадахшана и Западного Памира в XVI – середине XIX веков в целом разделили трагическую судьбу, выпавшую на долю всего многострадального таджикского народа. Культурная преемственность, а также политические и социально-экономические связи никогда не были полностью прерваны, даже в сложных условиях. Несмотря на всю сложность исторической реалии того или иного периода горные таджики, как и другие их этнические сородичи, стремились максимально использовать все краткие благоприятные моменты, способствующие их развитию в различных сферах, делясь своими достижениями с другими народами обширного региона Центральной Азии,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Памира и Бадахшана как неотъемлемая часть истории таджикского народа, занимает достойное место в национальной историографии. Несмотря на наличие многочисленных источников и литературы, и поныне существует отдельные разногласия касательно точного определения географического пространства этого горного региона, издревле являющегося местом обиталища таджикского этноса.

В данном исследовании, основанном на анализе содержания источников и мнениях видных исследователей географии региона, автор сделал попытку дать точное определение природного пространства, исторически называемого Памиром, которую часто метафорически описывают как «Крышу мира». Включение в это пространство, Бадахшана, ныне входящего в состав Афганистана, также соответствует мнениям ведущих специалистов - памироведов.

Сведения о Памире и Бадахшане в той или иной мере прослеживаются в античных и китайских источниках, что в совокупности с археологическими материалами, проливает свет на древнюю историю коренных обитателей. Наличие источников, анализ антропологических, лингвистических и других показателей приводили исследователей к обоснованному мнению о том, что Памир в указанных пределах являлся одним из важных очагов распространения индоевропейских народностей и прародиной арийских племён.

Памир и Бадахшан не могли остаться в стороне от политических событий, происходивших в Средней Азии, связанных с передвижениями кочевых племён и усилением кровавой борьбы между хуннами и юэцжи, до этого обитавших у границ Монголии. Они, по сути, положили начало драматическим событиям в Средней Азии до утверждения власти Кушанов, восточная граница которых проходила примерно вблизи Восточного Памира. Хотя известно, что Вахан был втянут в орбиту их власти, но большинство исследователи склонны к мнению о том, что Кушаны распространили свою власть на значительной территории Памира. Это подтверждается и наличием обнаруженных на Памире монет,

керамической посуды и предметов домашнего обихода, относящихся к I-III вв., т.е. к кушанскому периоду. Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что главными занятиями древних жителей Памира и Бадахшана являлись земледелие, скотоводство и ремесло. Обнаруженные отдельные предметы приводили исследователей к мнению о существовавших торговых связях с соседними и дальними странами.

Путевые заметки китайских паломников, отчёты посольств и другие письменные источники раннего средневековья свидетельствуют о том, что государствообразующие условия на Памире и Бадахшане сложились в древности. Подтверждением тому является существование в этом горном пространстве, далеко до начала средневековья, вполне сложившихся государственных образований.

Как явствует из содержания источников и заключения исследователей, изучавших средневековую историю Памира и Бадахшана, несмотря на сложные политические перипетии начала средневековья, памирские владения смогли сохранить свою независимость. Согласно сохранившимся сведениям, завоевательное движение арабов простиралось на Памир в конце VIII в., но окончательное утверждение ислама из-за географических условий и политических событий, развернувшихся в этом горном пространстве, занимало более длительный период по сравнению с центральными районами региона.

Археологические материалы и письменные источники, дают возможность составить общую картину социально - хозяйственной жизни раннесредневековых обитателей Памира. Они наводят на заключение о развитии в горных условиях земледелия и скотоводства. На Западном Памире до высоты более 3000 м. над уровнем моря земледельцам удавалось заниматься возделыванием пшеницы, ячменя, ржи, проса, гороха, маша, чечевицы и других зерновых культур. Из масленичных и технических высевали лён, подсолнечник, хлопок (в Дарвазе, Вандже, Рушане), табак, коноплю. Широко практиковались посевы таких бахчевых культур и овощей как дыня, арбуз, тыква, огурцы, репа, морковь, свёкла, перец, лук и чеснок. Можно также

привести такие же примеры в плане развития садоводства и животноводства. Словом, несмотря на трудности климатических условий и малоземелья местное население обеспечивало свои жизненно необходимые продовольственные потребности.

Разнообразные археологические находки на всем пространстве Памира и Бадахшана, свидетельствует о сложении и развитии ремесленного производства. Этому способствовало наличие железных руд (главным образом, в Вандже и Рушане), драгоценных металлов и камней. Кузнечество было широко распространено на всей территории Памира и Бадахшана. Судя по разнообразным ювелирным находкам, этот вид производство получил на Памире соответствующее развитие. Одним из ярких социально-экономических показателей раннесредневекового Памира является его прямая причастность к Великому шёлковому пути.

Сопоставляя наличие сохранившихся источников касательно истории Памира IX-X вв. с раннесредневековым периодом, нетрудно заметить их явную эпизодичность, что предельно затрудняет анализ исторической реальности положение владений этого горного края в данной эпохе. Исходя из этого, следует довольствоваться лишь крайне редкими и разбросанными сведениями, имеющимися в исторических и географических сочинениях арабо-персидских авторов до начала позднего средневековья. В своей совокупности их содержание приводит к мнению о том, что, несмотря на зависимость владений Памира и Бадахшана от центральной власти Саманидов, сохранение власти местных правителей свидетельствует о номинальном их подчинении.

Причина тому, по всей вероятности, кроилась в географической изолированности и труднодоступности, слабое, вернее, отсутствие проявления сепаратизма и незначительная экономическая значимость Памира и Бадахшана для государства Саманидов.

Имеющиеся крайне редкие сведения в письменных и археологических источниках дают лишь общее представление о состоянии сельского хозяйства и внедрении феодальных отношений на Памире и в Бадахшане. Они приводят к

заклучению о том, что в целом, в государстве Саманидов развитие феодальных земельных отношений не могло обойти стороной Памир и Бадахшан. Вместе с тем, природные условия, малоземелье, сохранение патриархальных отношений способствовали сложению характерных особенностей феодальных отношений в данном регионе. Сопоставительный анализ имеющихся источников даёт всестороннее представление о социальной жизни населения этого горного региона. Несмотря на трудности, связанные с суровыми климатическими условиями, ограниченностью пахотных земель и феодальной эксплуатацией, местное население смогло удовлетворить свои основные жизненные потребности.

Анализ источников показывает, что в эпоху Саманидов на Памире и в Бадахшане были известны и применялись в хозяйственной деятельности такие драгоценные минералы, как золото, серебро, асбест, рубины, лалы, гранаты, яшмовые камни, хрустальные камни и лазурит. Наличие такого природного богатства и использование его в производственной сфере, не могло развиваться без соответствующих торговых отношений. В этом плане, несмотря на в основном меновой характер торговых отношений между владениями Памира и Бадахшана, их непосредственное отношение к Великому шёлковому пути свидетельствует о большой значимости региона для международных торговых связей.

После падения государства Саманидов, хотя не имеется точных сведений о завоевании Памира и Бадахшана Газневидами, но встречаются отдельные упоминания (в частности, в «Таърихи Мас`уди») об их зависимости от Газневидов. Но в то же время отмечено наличие их самостоятельного управления. Это свидетельствует лишь о номинальном признании власти Газневидов местными правителями.

После падения государства Саманидов, в истории таджикского народа, особая роль принадлежит государству Гуридов (1149–1215), в состав которого входили владения Памира и Бадахшана. После овладения Гура Мухаммадом

Хорезмшахом в 1215 г., это горное таджикское государство перестало существовать.

Несмотря на то, что регион Памира и Бадахшана не был полностью включён в политическую сферу Хорезмшахов, но не мог избежать крайне негативных последствий этого влияния на горное население. Государство Хорезмшахов охватывала обширную территорию Мавераннахра, Хорасана, всего Ирана (кроме Хузистана). Естественно, нет никаких свидетельств о прямом военном походе на Памир и непосредственной оккупации Вахана, Ишкашима, Шугнана, Бадахшана, видимо исходя из-за труднодоступности и невыгодности в экономическом плане, но это вовсе не означает о полном сохранении независимости этих владений.

Содержание имеющихся источников показывает, что угроза нападения вынуждала местных владетелей признать свою зависимость от центральной власти Хорезмшахов. Они путём отправки посольства и дорогих подарков сохраняли свой управленческий суверенитет. Но всё же традиционный ритм жизни этих владений, в том числе их торговые связи с соседними и дальними государствами были серьёзно нарушены, что не могли не привести к ухудшению социально-экономической обстановки в этом горном крае.

Крайне скудные сведения имеются в отношении Памира и Бадахшана периода нашествия монголов. В.В. Бартольд и Б. Г. Гафуров высказали мнения о том, что Бадахшан и некоторые прилегающие к нему горные княжества не были затронуты монголами. Но согласно утверждениям средневековых авторов, в частности Джувайни, Рашид-ад-Дина, Мухаммада Юсуфа Мунши, после разрушения Термеза и ряда других областей, монгольские войска были направлены в Бадахшан и с жестокостью покорили его.

Несмотря на отсутствие прямых сведений о том, что волна нашествия монголов не доходила до владений Дарваза, Ванджа, Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана, вследствие бездорожья и труднодоступности, ясно, что эти регионы тоже пострадали от трудностей и лишений. Равнинным таджикам, спасавшимся от массовых убийств со стороны монгольских варваров,

пришлось переселиться в горные, малопригодные для жизни территории, что ещё больше усугубляло и без того непростое социально-экономическое положение местного населения.

В целом, сопоставление имеющихся сведений приводит к заключению о том, что Бадахшан не мог избежать нашествия монгольского войска и испытал все драматические события, связанные с кровавыми злодеяниями этих иноземных чужеродных захватчиков на протяжении всего полуторавекового (XIII– середины XIV вв.) существования их власти. Что касается владений Западного Памира, то хотя они и оказались в стороне от прямого захватнического нападения, но не могли не испытать тяжкое давление, связанное с нашествиями монголов в соседние государства и независимые владения. Имеющиеся источники дают основания для твёрдого предположения о том, что степень зависимости местных владетелей от власти монголов была не более чем номинальной. Это давало возможность местным властям сохранить сложившиеся веками свои традиции административного управления.

Как известно, обширна историография эпохи Тимуридов. Эта тема неизменно привлекает внимание средневековых историков, а также западноевропейских и российских востоковедов. Она была тщательно изучена советскими исследователями средневекового периода и остаётся предметом детального исследования современных историков.

Судя по имеющимся сведениям в источниках, Тимур до восшествия на престол и после, неоднократно совершал походы в Бадахшан. В период своего возвышения у власти он неоднократно совершал походы в районы левобережья Амударьи, нередко достигал Балха, Кундуза, Бадахшана, доходил до Кабула и разорял эти районы. Согласно имеющимся сведениям, управление Бадахшана в этот период находилось в руках ставленников Тимура из местного династического рода. После смерти Тимура Бадахшан находился во власти его преемников.

Накануне завоевание Мавераннахра Шейбанидами и в ходе его, Бадахшан продолжал находится под властью Тимуридов, но согласно содержанию

источников, она фактически не выходила за рамки условности или номинальной зависимости. После окончательного поражения от Шейбанидов, Бадахшан, ещё долго оставался надёжным форпостом Тимуридов в их борьбе против Шейбанидов. Благодаря такому стечению обстоятельств, последнему тимуриду, боровшемуся за сохранение династической власти – Захируддину Бабуру, после поражения от Шейбанидов удалось сохранить своё верховенство в Бадахшане и затем ему суждено было утвердить власть Тимуридов под названием «Великие моголы» в Индии.

Согласно содержанию имеющихся источников, и основанных на них мнениях исследователей, в начале XVI в. в Мавераннахре окончательно установилась династия Шейбанидов. К этому же времени утвердили своё влияние в Хорасане представители сефевидов. В создавшейся политической обстановке в водоворот этих событий были втянуты владения Западного Памира и Бадахшан, которые стали яблоком раздора между правителями династии Тимуридов, Шейбанидов и отчасти Сефевидов. Тимуридам с помощью местного населения, которое несколько благосклонно относилось к ним, удалось сохранить свою позицию в регионе.

С 1599 г. начала своё господство в Мавераннахре династия Джанидов, получившая в научной литературе название Аштарханиды. Судя по содержанию имеющихся источников и обоснованному мнению исследователей, по воле обстоятельств Бадахшан оказался в полном подчинении Аштарханидов. Субханкули-хан (1680–1702 гг.) укрепив свою власть, долго управлял Балхом и Бадахшаном. Но при всем желании, ему не удалось создать сильную централизованную власть. Его военачальники постепенно превратились в наёмников, самостоятельно управлявших областями, находившимися в его подчинении. Один из них Махмуд-бий оталик, был назначен наместником Балха и Бадахшана, который в то время фактически был самостоятельным и им правил Яр-бек.

При Абулфайз-хане (1711–1747 гг.) ханство фактически распалось на отдельные самостоятельные владения, и власть перешла к одному из лидеров

племени мангытов, Мухаммад Хакимбию, который получил высокий военный и государственный чин аталыка благодаря Абулфайз-хану. В создавшейся обстановке династического перехода власти ещё более ясно наблюдается самостоятельность владения горных владений, в частности Памира и Бадахшана.

В освещение позднесредневековой истории Памира и Бадахшана, наряду с сочинениями Махмуда ибн Вали, Захириддина Бобура, которые содержат более обстоятельные сведения, по истории Памира и Бадахшана XVI в. для этого и последующего дореволюционного периодов их истории, особую ценность имеют сочинения местных авторов «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана») Сангмухаммади Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара, освещающие события в хронологических рамках 1068/1657 – 1325/1907 гг., «Каттаган и Бадахшан» Бурхан-уд-дина Кушкеки, рукописи «История Бадахшана» Курбана Мухаммад-зода (охун Сулайман) и Мухаббата Шох-зода (Сейид- Футур-шо), а так же «Таърихи мулки Шугнон» («История владения Шугнана») Саида Хайдаршоха Муборакшох-зода и др.

Хотя указанные авторы опираются в основном на устаревшие сведения местных знатоков истории, в сравнении с другими доступными материалами они дают чёткое представление о подлинной истории Памира и Бадахшана вплоть до утверждения Советской власти.

Как явствует из содержания источников и мнения авторитетных исследователей Бадахшан в период его позднесредневековой истории нередко переживал трагические моменты, присущие феодальной раздробленности, междоусобным войнам и притязаниям со стороны более могущественных соседних государств. Подобная ситуация, отмечалась и во второй половине XVIII- первой половине XIX вв. Всё это не могло не отражаться негативно на социально-экономической и культурной жизни во владениях, расположенных на Западном Памире – в Вахане, Шугнана, Вандже и Дарвазе.

Согласно сведениям, содержащимся в источниках, в частности, в «Истории Бадахшана» и «Истории Шугнана», определяющее место в

междоусобных раздорах первой половины XIX в. принадлежало правителям Шугнана, пытавшимся удержать в своём подчинении Рушан, Вахан, Шахдару и Ишкашим. Это особо прослеживается в годы правления Ша Вандж-хана II (1784-1800) и Кубад-хана (1820-1844).

В истории Памира и Бадахшана, особое место занимает Дарвазское шахство. В познесредневековый период Дарваз не только сохранял свою независимость, но и некоторое время ему удалось расширить свою территорию за счёт соседних владений.

Следует отметить, что политическое положение Памира и Бадахшана первой половине XIX в. более достоверно отражено в работах русских и европейских исследователей, которыми двигали геополитические интересы Англии и России в Средней Азии. Сравнительно обстоятельный историографический анализ их наследия не только даёт возможность выявлять источниковую ценность местных исторических сочинений и степень научного анализа события в трудах исследователей, но и на основе их содержания создавать реальную картину политической, социально экономической жизни владений Памира и Бадахшана в первой половине XIX в.

Анализ имеющихся источников показывает, что несмотря на родственные связи между правителями владений Памира и Бадахшана, исходя из закономерностей, присущих периоду феодальной раздробленности, фактически они всегда находились в состоянии политического противостояния, которое нередко приводило к военным столкновениям. В результате чего часто менялись территориальные границы владений. Менее мощные владения попадали зачастую в положение зависимости от соседнего шахства. Подобные междоусобные распри продолжались вплоть до середины XIX в.

К сожалению, крайняя скудность, вернее даже отсутствие соответствующих письменных источников фактически лишает возможности более обстоятельно изучать историю Восточного Памира.

Политическая власть и присущее феодальному периоду административное управление в памирских владениях и Бадахшане, как

явствует из содержания источников и соответствующих исследований, фактически не претерпели изменений до последней четверти XIX в., т.е. до потери самостоятельности.

Местные источники и мнения исследователей, довольно ясно обрисовывают социально-экономическое положение населения до присоединения Памира к России. Имеющиеся факты однозначно свидетельствуют о том, что благодаря неимоверным усилиям местного населения, несмотря на ограниченность земель, пригодных для посева, алчность местных феодалов и представителей административно-религиозных кругов, присваивавших в виде налогов большую часть выращенного урожая, оставшаяся часть с большой натяжкой удовлетворяла минимальную продовольственную потребность трудового населения.

Разумеется, ремесленные изделия, изготовленные мастерами центров владений Памира и Бадахшана в позднем средневековье и новом времени не могли занять особое место в региональной и более широкой торговой связи. Географическая изолированность и незначительный спрос на изготавливаемые местными мастерами изделия являлась главной причиной застойного характера ремесленного производства. Но судя по содержащимся в сочинениях местных, европейских и главным образом русских авторов сведениям, это вовсе не исключает их участие в торговых связях. Файзабад славился как один из крупных торговых центров Бадахшана. Сюда привозили товары из Пешавера, Читрала, Яркенда и Кашгара. На Файзабадском базаре насчитывалось до 300 торговых лавок.

В позднесредневековой и новой истории Памира особое место занимают вопросы, связанные с англо-русским соперничеством на Памире, усиливавшимся до состояния серьёзного геополитического противостояния. Анализ сохранившихся документов и научных материалов, касающихся внешней политики Британской и Российской империй до начала XX века, позволяет сделать вывод, что их соперничество продолжалось более двух столетий.

Русские и английские авторы посвятили немало работ, в той или иной мере освещающих историю соперничества этих двух мощных держав в Средней Азии в целом, на Памире в особенности. Сведения, имеющиеся в работах представителей русских и английских военно-дипломатических кругов, причастных к защите интересов своих правительств в данном регионе, а также исследования учёных, в совокупности приводят к мнению о том, что борьба этих двух империй за утверждение своих интересов на Памире особенно возросла в ходе присоединения Средней Азии к России. По мере приближения России к Памиру, среди английских правительственных и военных дипломатов усилилась паника относительно возможности начала русскими военного похода по завоеванию Индии. Они считали, что главный маршрут для этого похода пройдёт через Памир к северным регионам этой важной английской колонии. По стечению обстоятельств конфронтационное противостояние и порою стычки отдельных русских, английских, китайских и афганских отрядов на Памире не разрослись до более крупного вооружённого конфликта благодаря мужественному отпору со стороны русских рекогносцировочных отрядов на Памире.

Обширен круг работ, в той или иной мере связанных с анализом процесса присоединения Памира к России. Этот вопрос привлекал интерес как дореволюционных, так и советских исследователей, они довольно конкретно освещают усиление продолжавшегося англо-русского противостояния в условиях успешных военных действий России в Средней Азии. Её приближение к северным границам Индии всё больше беспокоило Англию. В намерение Англии входило приложить максимум усилий, чтобы изменить продвижения России в Средней Азии в безопасном для Индии направлении.

Ещё в 1869 г. Англия выступила с инициативой начать переговоры с Россией о разделе сфер влияния в Средней Азии и создании буферной зоны между владениями России и Великобритании. Подготовительная процедура окончательного определения текста соглашения проходила два этапа: первый

этап – 1869-1871 гг. и второй, по результатам достижения условия соглашения – октябрь 1872 г.- январь 1873 г.

Трагические события, связанные с захватническими действиями афганцев во владениях (шахствах) Западного Памира, довольно обстоятельно освещены как в ряде сочинений местных авторов, имеющих описательный характер, так и в многочисленных работах русских учёных, дипломатов и представителей военных кругов, являвшихся непосредственными участниками и свидетелями событий, связанный с афганскими оккупационными действиями на Памире.

Уместно заметить, что авторы местных сочинений в ходе изложения событий более ранних периодов основывались на существующих преданиях, а в описании истории позднего средневековья в основном довольствовались сведениями, полученными от своих дедов и отцов. Отсутствие достоверных источников стало причиной допущения ими ряда неточностей. Особенно это наблюдается в определении дат отдельных событий и периодов правления независимых владений Западного Памира представителями местных династических кругов.

Что касается освещения событий, имевших место на Памире в последней четверти XIX-начале XX вв., то местные авторы имели возможность получить сведения из уст непосредственных участников событий, либо сами являлись свидетелями трагических реалий, имевших место после окончательного присоединения Бадахшана к Афганистану и оккупационных действий афганцев на территории шахств Западного Памира. В этом плане достоверность их сведений, касающихся политической ситуации на Памире в конце XIX- начале XX вв., не вызывает сомнения.

Борьба свободолюбивых горцев против чрезмерных злодеяний афганских оккупантов в 1883–1895 гг., занимает особое место в историографии Памира и Бадахшана конца XIX-начала XX вв. В этом плане особая заслуга принадлежит представителям русских военно-дипломатических кругов, учёным и путешественникам, побывавшим на Памире и вставшим на защиту местного населения. В оставшиеся их наследия в виде очерков, дневников, путевых

заметок, официальных документов (отчёты, донесения, рапорты), посвящённых тем или иным событиям, в совокупности своей отражена общая картина происходивших на данном драматическом этапе истории Памира событий. При этом, они, смело вступая на защиту местного населения, с риском для себя ограждали его от злодеяний оккупантов.

В историографии оккупационного периода Памира афганскими войсками и китайцами Памира особую роль следует отводить советским и современным исследователям. Им принадлежит заслуга введения в научный оборот огромного пласта материала, содержащихся в работах русских исследователей и сохранившихся в архивах соответствующих источников. На их основе отображают ясную картину драматической обстановки Памира и Бадахшана 80 – 90-х годов XIX в. Захват Западного Памира афганскими войсками и его восточной части – маньчжурскими отрядами, их бесчинства и насилие ещё более обострили освободительную борьбу горцев за свою независимость. Господство афганцев на Западном Памире (1883-1895 гг.) является самым трагическим периодом в истории края. Несмотря на постоянные притеснения и лишения со стороны афганских оккупантов, местное население не склонило головы перед захватчиками.

История памирского разграничения 1895 г. и определение особого статуса его административного управления находит подробное освещение в официальных документах, составленных в ходе русско-английских переговоров, обмена нотами, протоколами совместных совещаний, письмами, рапортами и другими документами. Но главным источником всё же является сам текст Договора 1895 о Памирском разграничении.

Ход военно-дипломатических усилий России с Англией, Афганистаном и Китаем, приведший к заключительному этапу присоединения Памира к России, занимает особое место как в официальных документах, очерках, путевых записках, статьях участников Памирских экспедиций и походов, так и в научно-популярных работах русских дореволюционных авторов. Они и лежат в основе обширного круга исследований истории присоединения Памира к России.

Так как одной из важных определяющих сторон игроков схватки на «Крыше Мира» была Англия, нельзя представлять данный вопрос вне историографии Англии и ряда других западноевропейских государств. Проблемы, связанные с процессом подготовительного этапа и самой процедуры памирского разграничения, занимают важное место в официальных донесениях и работах английских военно-дипломатических кругов. Важно отметить, что острый геополитический интерес Англии к Памиру отражает её постоянное противодействие растущему влиянию России в регионе. По мнению английских исследователей, это усиление российского присутствия рассматривалось как потенциальная угроза, которая, возможно, открывает путь для российского вторжения в Индию. С точки зрения здравого смысла, многие утверждения об этом страхе в английской историографии кажутся неубедительными.

Другими словами, общее содержание произведений английских авторов отражает амбициозное колониальное высокомерие британского правительства, которое стремилось «оправдать» свои притязания на господство во всем соседнем регионе своей главной колонии, Индии, включая Памир. По сравнению со сведениями, имеющимся в русских и английских изданиях, проблемы, связанные с памирским разграничением и присоединением части этого горного края к России крайне скудно освещены в сочинениях местных авторов. На наш взгляд, причиной чрезмерно лаконичных сведений местных авторов является ограниченность их информационного поля, и в целом, неподготовленности к научному восприятию политических реалий Памира и Бадахшана того периода.

Но всё же, несмотря на противоречивость во взглядах или ограниченность в суждениях, сведения, имеющихся в местных сочинениях, работах русских и европейских авторов, а так же сохранившихся в официальных документальных источниках, в своей совокупности открыли широкий простор для исследователей истории Памира и Бадахшана конца XIX-начала XX вв.

Вместе с тем, следует заметить, что содержание работ русских дореволюционных авторов, свидетельствует о нерешительности царских властей в защите своих геополитических интересов на Памире, что привело к нежелательным итогам памирского разграничения и печальному исходу данного акта для таджиков, оказавшиеся по ту сторону реки Пяндж.

Это однозначно находит подтверждение в трудах как советских, так и постсоветских исследователей. Памирское разграничение 1895 г. было осуществлено вопреки интересам местного населения, так как в его основу был положен не этнический, а географический принцип. В результате этого соглашения коренное население – таджики, на протяжении всей многовековой истории жившие в рамках определённых государственных образований, были искусственно разделены. Но, несмотря на вышеуказанные нежелательные издержки, присоединение правобережной части Памира к России для местного народа имело судьбоносное значение.

Особенности административного управления Памира после его присоединения к России, сравнительно обстоятельно освещены в официальных документах, в частности в военно-статистических и политических сведениях, представленных начальниками отряда и его постов на Памире, хранящихся в архивных фондах Российской Федерации и Республики Узбекистан, а также в работах дореволюционных русских авторов, изучавших данную проблему.

Согласно официальному решению правительства Российской империи административное управление населением сосредоточивалось в руках Памирского отряда, начальник которого пользовался правами начальника уезда, и находился в непосредственном подчинении военного губернатора Ферганской области. Помощниками начальника отряда по управлению населением являлись: на Восточном Памире – начальник восточных постов, а на Западном Памире – начальник Ишкашимского и Лянгарского постов.

В основе административного управления Памира лежала «Временная инструкция Памирского отряда», утверждённая командующим войсками Туркестанского военного округа в 1905 г. Согласно данной инструкции при

начальнике отряда в Хороге находился бухарский чиновник от гиссарского бека, который, по сложившимся обстоятельствам, во всех отношениях находился в его распоряжении.

Судопроизводство проводилось в соответствии с местными обычаями, причём низшими представителями юстиции являлись казии (народные, вернее шариатские судьи), решение которых представлялись на утверждение начальнику отряда. Разбор дела, произведённый начальником отряда, признавался окончательным. Что касается административного управления волостей Восточного Памира, то оно полностью было сосредоточено в руках русского военно-чиновничьего аппарата.

В дальнейшем сама обстановка диктовала Туркестанскому генерал-губернатору Тевяшева принять 12 января 1905 г. «Временную инструкцию начальнику Памирского отряда», которая через год (11 января 1906) была утверждена царём. согласно содержанию данного документа, при видимости сохранения бухарской власти (дабы не вызывать недовольство Британской империи), Памирские бекства фактически были переведены под юрисдикцию России. Это существенно облегчило положение местного населения.

Политические и административные преобразования на Памире связанные с его присоединением к России, открыли широкий простор для научного освещения истории Памира и Бадахшана в частности социально-экономического положения второй половине XIX – начала XX вв.

Особая заслуга научного освещения вопросов, касающихся аграрных отношений позднесредневекового и нового времени Памира, принадлежит советским и современным исследователям истории таджикского народа. В этой связи уместно отметить, что многие сведения, содержащиеся в работах как местных, так и русских дореволюционных авторов, послужили в качестве важных источников для последующих поколений учёных, причастных к исследованию новой истории Памира и Бадахшана.

Сопоставительный анализ содержащихся в работах русских исследователей сведений, приводит к однозначному мнению о том, что

природная изолированность края, ограниченность посевных площадей, сохранение патриархального уклада, господство натурального хозяйства при фактическом отсутствии товарно-денежных отношений, наложили существенный отпечаток на социально-экономическую жизнь этого горного края.

Согласно имеющимся сведениям, жизненно важными традиционными занятиями для кочевого населения Восточного Памира являлось скотоводство, а для оседлого населения Западного Памира во второй половине XIX в. как и в предыдущие периоды, оставались земледелие, животноводство и за ними идёт ремесленное производство.

Несмотря на это, все авторы едины во мнении о природной сложности высокогорья, ограниченности земель, пригодных для посева, низкая урожайность и т.п. Вместе с тем, их поразило крайне высокая степень трудолюбия местного населения, которое, несмотря на все неблагоприятные для сельскохозяйственного производства условия могли получить соответствующий урожай, хотя и с трудом, но всё же удовлетворяли свои потребности в зерновых культурах, садоводческой, бахчеводческой и животноводческой продукции.

Судя по материалам, содержащимся в местных источниках и работах русских исследователей, качество ремесленных изделий Памирских владений как до присоединения их к России, так и после, оставались на уровне хозяйственно-бытовой потребности местного населения. Они не могли составлять заметную конкуренцию с привозными товарами, в частности, с русскими промышленными изделиями.

Указывая повсеместное распространение кустарного производства, дореволюционные авторы, отметили сравнительное развитие гончарного, кузнечного, кожевенного и ткацкого производства. Заметное место занимали вышивка и вязание чулок. Также приведя примеры об искусстве местных мастеров ювелирного дела, вместе с тем, очевидцы указывали на узость внутреннего рынка, ставшей причиной его застоя. Поэтому такие предметы, как

женские украшения, серебряные, медные и каменные повески, серьги, кольца, браслеты, ожерелья, шёлковые материи и платки и т. п., большей частью местные купцы привозили из других городов.

В результате именно природные условия, удалённость от торговых центров и примитивность товарно-денежных отношений обусловили то, что торговые операции осуществлялись прежде всего путём обмена местными продуктами. В начале 80-х годов XIX в. единственный базар в Каратегине и Дарвазе находился в Гарме. Только в конце XIX в. в Калаи-Барпандже, Калаи-Вамаре, Хороге, Калай-Хумбе появились небольшие базары, на которых основными продавцами и покупателями были зажиточные из числа местного населения, бухарские и афганские солдаты. Торговые сделки, как на базаре, так и селениях, как правило, проводились или заключались на меновой основе.

Согласно имеющимся сведениям, торговля существенно стала оживляться после присоединения Памира к России. Это было заметно и на Восточном Памире, где местные жители получили возможность всё больше торговать незатейливыми продуктами своего производства. Что касается Западного Памира, то после открытия базара в Хороге были несколько упорядочены торговые сделки. Появились местные купцы. Основными товарами являлись привозимые из Кашгара и отчасти из Оша русские ситцы, мата, железные подковы, мыло, шёлковые платки и другие мелочи. Хотя торговля велась преимущественно меновая. Но постепенно наблюдалось и возрастание денежных сделок.

Вопросы связанные налогообложением, взимания податей и поборов в той или иной степени присутствуют фактически во всех доступных местных сочинениях, работах русских авторов, исследованиях советских учёных, изучавших историю Памира и Бадахшана. Но всё же, донныне данная проблема является одной из нерешённых в отечественной историографии. Это связано с отсутствием законодательной основы на протяжении всего средневекового периода.

Предусмотренное шариатом правило взимания налогов зачастую нарушалось представителями властей, исходивших из своих интересов. Это практически делает невозможным определить общее число налогов и повинностей как в Бухарском эмирате, в том числе его восточной части, так и в шахствах Памира и Бадахшана. Исходя из того, что число налогов и поборов в бекствах Восточной Бухары и Памира до его присоединения к России фактически превышало 40 видов, в имеющихся сведениях прослеживаются разногласия в подсчётах их разновидностей. До присоединения Памира к России, налоговые повинности с учётом малоземелья и трудностью обработки полей, низкой урожайности были непомерно тяжёлыми. Они многократно возрастали при вторжении бадахшанских миров и кундузских правителей в памирские владения и Бадахшана.

Традиционная многовековая культура таджиков Памира, за исключением восточной его части, в которую в позднем средневековье вселились кочевые племена киргизов, на протяжении всей истории была связана с общекультурным процессом таджикского народа на обширной территории Центральной Азии. Исходя из особенностей настоящего исследования, определённое внимание уделяется лишь историографией культурной жизни таджиков Памира и отчасти киргизов более позднего средневековья и нового времени.

Была одна очень важная причина, по которой изучение культурной жизни Памира и Бадахшана было необходимо: прежде всего, большинство дореволюционных европейских и русских учёных занимались этнонаучными описаниями хозяйственно-бытовой жизни местного населения — за исключением А. А. Семенова, М. С. Андреева и А. А. Бобринского. Свидетельством тому является отсутствие в их работах сведений о местных художественных творениях. Но это вовсе не умаляет ценности их сведений касательно богатой материальной и духовной культуры местного народа.

Интересуясь материальной культурой таджиков Западного Памира, исследователи, непосредственно наблюдавшие жизнь и быт населения, особое

внимание уделяли своеобразию их домашнего хозяйства, главным образом жилых помещений. Согласно мнению большинства из них, несмотря на кажущуюся примитивность строения снаружи, интерес вызывало их внутреннее убранство, которое являлось показателем удобства, уютности, красоты и любви жителей к своему хозяйству. Двери и колонны, державшие бревенчатые купола домов традиционно покрывались резьбой.

Согласно имеющимся сведениям в работах посетивших Памир авторов, все крепостные сооружения являлись каменными строениями. При строительстве крепостей не было особого внимания к роскоши, как в более развитых городах. В зависимости от местных жизненных условий и горного рельефа на первый план традиционно выходила их оборонительная значимость. Но после присоединения края к России отпала эта необходимость и постепенно крепостные сооружения превратились в полуразвалившиеся строения. Значительно лучше других сохранившийся и лучше построенный замок в Кала-и-Вамаре служил раньше резиденцией местного бека. После присоединения к России этот замок вместе с окружающим его садом, находился в ведении русской военной администрации Памира.

Несмотря на свою сравнительную изолированность от крупных культурных центров таджикской цивилизации, памирцы не могли оставаться в стороне от общей тенденции её развития. Они всегда показывали себя надёжными хранителями традиционной культуры. Это ясно заметили путешественники и учёные, побывавшие в этом горном крае. Давая описания проведённых культурных мероприятий, они отмечали изящность их танцев и высокую мелодичность их песен. Приводится немало сведений о чистоте нравственно-духовной культуры, чувстве самоуважения горцев. Одним из основных показателей культуры любого народа является состояние народного образования. В этом плане и Памирские шахства не могли быть исключением.

Особое место в развитии образования на Памире играли пиры – религиозно-духовные наставники местного населения. Их дома считались

местами обучения многочисленных их мюридов, по сути, они походили на настоящие школы обучения и воспитания.

Согласно имеющимся сведениям в работах дореволюционных авторов и архивных материалах после присоединения Памира к России, наряду с Туркестанским генерал-губернаторством, существенные перемены происходили в образовательном процессе этого горного края. В 1909 г. при русском отряде в Хороге была открыта первая и единственная до революции русско-туземная школа, в которой большинство её учеников составляли дети бедных таджиков. Данная школа функционировала до 1918 г. Её первые ученики Ш. Шотемур, А. Наврузбеков С. Абдуллоев, И. Исмоилов, Х. Кирмоншоев, А. Зиннатшоев, Б. Мирзобеков, Ш. Амдинов, С. Саидмахсумов и др. были в первых рядах начала возрождения таджикской государственности.

Несмотря на то, что местные представители поэзии на Памире и в Бадахшане всегда придерживались классических традиций художественных творений, главным образом поэтического жанра, но всё же, в некоторой степени, географическая изолированность, политическая раздробленность в той или иной мере препятствовали их выходу на более обширное читательское пространство. Это и стало главной причиной того, что многие из них не были включены в известные поэтические антологии вплоть до конца позднего средневековья. Они остались фактически незамеченными европейскими и русскими исследователями края вплоть до победы Советской власти на Памире. Причина тому кроется в том, что многие исследователи, не зная таджикского языка и не чувствуя естественный колорит таджико-персидской классической поэзии, не особо охотно интересовались этой стороной истории художественного творения таджиков Памира.

Научные поиски и изучение истории художественной литературы Памира и Бадахшана начались в годы Советской власти. В этом плане особая заслуга принадлежит замечательному литературоведу А. Абибову (1916-1998). Собирая по крупицам из разных источников сведения о жизни, творчества местных поэтов и сохранившихся их стихов, он внёс определяющий вклад в

отечественную историографию и литературоведение. В работах учёного приводятся обстоятельные биографические данные о жизни и творчестве 11 поэтов XV в., 28 – относящихся к XVI в., 20 – XVII в, 14 – XVIII в. и 60 поэтов XIX и начала XX вв. Памира и Бадахшана.

Как явствует из содержания работ, посвящённых культурной жизни Памира и Бадахшана далёкого прошлого, позднесредневекового и нового периодов, литература являлась, по сути, неотъемлемой частью материальной и духовной культурной традиции всего таджикского народа.

Таким образом, настоящее исследование, показало, что крайне сложно охватить чрезвычайно широкий круг проблем, решение каждой в отдельности требует более обстоятельного историографического анализа. Но даже в таком сравнительно ограниченном объёме, оно подтверждает мнения ведущих исследователей востоковедов о том, что история Памира и Бадахшана, является неотъемлемой частью истории таджикского народа, как автохтонного населения Центральной Азии, берущего начало в глубокой древности и стоявшего у истоков региональной цивилизации.

Углубление и расширение историографического анализа имеет решающее значение в современных условиях, особенно когда, несмотря на установленные и научно обоснованные исторические корни таджикского народа на мировом уровне востоковедения, среди сторонников неконтролируемой глобализации набирает силу тенденция - не имея на то никаких легитимных оснований, они стремятся глубже «раскрыть» свои исторические корни, вытесняя настоящих коренных жителей региона, к которым принадлежат предки таджиков. Эту тенденцию можно охарактеризовать только как форму «исторической экспансии».

Исходя из назревшей необходимости объективного выявления вклада исследователей в изучение истории Памира и Бадахшана, как неотъемлемой части истории таджикского народа, следует определить перспективу её развития. В этом плане необходимо сосредоточить внимание на выполнение следующих на наш взгляд приоритетных задач:

1. Проводить тематические историографические исследования с целью определения заслуг учёных, изучавших проблемы древней и средневековой истории Памира и Бадахшана;

2. Уделить особое внимание объективному анализу огромного пласта архивных документов и наследия русских исследователей, изучавших позднесредневековую и новую историю Памира.

3. Осуществить сравнительный анализ наследия представителей западноевропейских военно-дипломатических кругов, которые в своих работах пытались оправдать геополитические интересы Англии на Памире и Бадахшане.

4. Более обстоятельного изучения требует история расселения кочевых киргизов на восточно-памирском пространстве и их взаимосвязь с коренным населением Памира.

5. Для большей доступности исследователям и широкому кругу читателей, интересующихся историей Памира и Бадахшана, следует издать в оригинале или переводе на таджикский язык многочисленные неопубликованные ранее источники и исследования, ставшие библиографической редкостью. В этом плане целесообразнее будет издавать цикл книг под названием «Памир в источниках и исследованиях». Или же серии: «Памир в трудах русских дореволюционных исследователей», или «Исследователи «Крыши мира» и т. п.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). (Бывший Архив Ленинградского отделения востоковедов ИВАН СССР. (АВ ИВР РАН СПб.):
2. АВ ИВР РАН СПб. – Ф. 115. – – Оп. 1. – Ед. хр. 117. Отчет по Алайскому резервному отряду и движению «летучего отряда» на р. Бартанг и Рушан. – Лл. 8–30 об.
3. Ф. 115. – Оп. 1. – Ед. хр. 18. Рапорт начальника разъезда в Рушане капитана Ванновского начальнику войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памире от 21 августа 1893 г. – Лл. 56–58 об.
4. Ф. 115. – Оп. 1. – Ед. хр. 117. – Рапорт Ванновского от 30 августа 1893 г. – Лл. 58–59 об.
5. Ф. 115. – Оп. 1. – Ед. хр. 117. Рапорт Ванновского от 2 сентября 1893 г. Лл. 60–62
6. Ф. 115. – Оп. 1. – Ед. хр. 117. Рапорт начальника войск расположенных за Алайским хребтом и на Памирах от 20 сентября 1893 и др. рапорты. – Лл. 64–66, 67–70, 72–73

Архив ГБАО:

7. Ф.25 Сборник документов по истории Памира (1882–1936 гг.). – Оп. 3. – Ед.хр. 12. – С. 1–167. В данном Фонде хранятся копии документов из соответствующих фондов ЦГА РУз., в том числе из фондов Дипломатической части при Туркестанском генерал-губернаторстве Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 263; Канцелярии Туркестанского Генерал-губернатора (Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 535; Оп. 34. – Д. 575; из фонда Российского Политического агентства в Бухаре. Инструкции начальнику Памирского отряда, и другие документы.
8. Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). (бывший ЦГВИА СССР)

9. РГВИА. – Ф. 143. – Оп.1. – Ед. хр. 144. Путята Д.В. Очерк экспедиции 1883 г. под командой капитана Путяты. – Лл. 1–60 об.
10. РГВИА. – Ф. 400. – Азиатская часть. – Д. 24. – Л. 17.
11. РГВИА. – Ф. 400. – Азиатская часть, 1898–1905 гг. – Д. 291. – Л. 76–79.
12. РГВИА. – Ф. Военно-ученый архив (далее, РГВИА. Ф. ВУА). – Оп.1. – Д.7304. – Л.88.
13. РГВИА. Ф.483 (ВУА). – Оп.1. – Д.7304. – Л.88.
14. РГВИА. Ф.483 (ВУА). – Д. 6931. – Л. 93.
15. РГВИА. – Ф. 483(ВУА). – Ед. хр. 53. Очерк деятельности Памирской экспедиции. – Лл. 3–12 об.
16. РГВИА. – Ф. 483 (ВУА). – Оп. – 1. – Ед. хр. 144. Очерки экспедиции в 1883 Д.Л. Иванова в Вахан. – Лл. 22–42.
17. РГВИА. – Ф. 483 (ВУА). – Оп. – 1. – Ед. хр. 144. Иванов Д.Л. Очерки экспедиции в 1883 в Вахан. – Лл. 22–42.
18. РГВИА. – Ф. 483 (ВУА). – Оп. 1. – Ед. хр. 144. Путята. Очерк экспедиции 1883 г. под командой капитана Путяты. – Лл. 1–60 об.
19. РГВИА. Ф. 846. – Оп. 1. – № 106. О предложении английского правительства разграничить Памир между Китаем и Афганистаном. – 15 декабря 1890 – 19 декабря 1891 г. – Записка подполковника Б.Л. Громбчевского начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву от 6 апреля 1891 г. – № 1419. – Лл. 28–29.
20. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 1. – № 117. – Л. 1 об. – 2. Ссылка дана по: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». – С. 348.
21. ЦГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 186. Письмо Б. Л. Громбчевского от 9 июля 1889 г. из Калаи-Хумба. – Лл. 1–4 об.
22. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. Ед. хр. 956. – Рапорт командующего войсками Ферганской области, генерал-майора Повало Швецовского Командующего войсками Туркестанского военного округа от 14 октября 1893 г. – Лл.47–47 об.
23. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 956. Письмо Туркестанского генерал-

- губернатора, барона А.В. Вревскогoвоенному министру П.С. Ванновскому от 21 сентября 1893 г. – Л. 62–66.
24. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. Ед. хр. 956. – Рапорт командующего войсками Ферганской области, генерал-майора Повало Швецовского Командующего войсками Туркестанского военного округаот 14 октября 1893 г. – Лл.47–47 об.
25. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 956. Письмо Туркестанского генерал-губернатора, барона А.В. Вревскогoвоенному министру П.С. Ванновскому от 21 сентября 1893 г. – Л. 62–66.
26. РГВИА. – Ф. 1896. – Оп. 2. – Ед. хр. 12. – Л. 32;
27. РГВИА. – Ф. 1896. – Оп.2. – Ед. хр. 13. Отчет начальника Памирского отрядакапитана Туркестанской конно-горной батареи Сулицкого за время с 14 мая 1895г. по 17 августа 1896 г. – Лл. 4–23 об.
28. РГВИА. – Ф. 1896. – Оп.2. – Ед. хр. 1525. Письмо Российско политического агента в БухареТуркестанскому генерал-губернатору А.Б. Вревскому от 4 декабря 1896 г. – Лл. 112–128 и др.
29. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 1496; Оп. 2. – Ед. хр. 1455. Лл. 4–8; Оп. 2. – Ед. хр. 31. – Лл. 66–80 об.
30. РГВИА. – Ф. 1396. – Ед. хр. 1455. – Л. 78–80 об.
31. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 31. – Л. 82.
32. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 31. – Л. 81 об.
33. РГВИА. – Ф.1396. – Оп. 2. – Д. № 530. – Л. 55.
34. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – № 518. – Л. 113–114.
35. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – № 1845. – Л. 94.
36. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – № 2147. – Л.95.
37. РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 12. Отчет о действиях Памирского отряда капитана Зайцева в период с 26 апреля1893 г. по октябрь 1894 г.

**Центральный государственный архив
Республики Узбекистан (далее. ЦГА РУз).**

38. ЦГА РУз. Дипломатическая часть при Туркестанском генерал-губернаторстве. – Д.830/263. – Л.16.
39. ЦГА РУз. – Ф. И-2. (Канцелярии Туркестанского Генерал – губернатора). – Оп. 3. – Д. 535. – Л. 17–18.
40. ЦГА РУзФ. И-3. (Канцелярии Туркестанского Генерал – губернатора). – Оп. 34. – Д. 575. – Л. 32.
41. ЦГА РУз. – И-3. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 209.
42. ЦГА РУз. – Ф.11. – Оп.3. – Д. 680. – Лл. 39–40.
43. Последующие документы ЦГА РУз, содержание которых использованы в данной диссертационной работе, приводятся из кн.: Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XXв.) – М.: «Наука, 1975.В ней, в качестве «Приложения» (с.77–126) включены их оригинальный вариант, в следующем порядке:
44. ЦГА УзССР (далее название архива дается согласно нынешнему наименованию): ЦГА РУз). – Ф. И (история). 3. – Оп. 2. – Д. 77. Доклад дипломатического чиновникапри Туркестанском генерал-губернаторе, от25 сентября 1903 г. – Лл. 193–197.
45. ЦГА РУз. – Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 77. Докладнаязаписка капитана генерального штаба А.Е. Снесарева о зякате в Западном Памире (ноябрь 1903 г. – Лл. – 202–214.
46. ЦГА РУз. – Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 2660. Донесение секретаря Российского политического агента в Бухаре А. Черкасова от 7 августа 1904 г. – Лл. 47–55.
47. ЦГА РУз. – Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 2660. Донесение коллежского асессора А. Черкасова российскому политическому агенту в Бухаре от 9 августа 1904. – Лл. 1–2.
48. ЦГА РУз. – Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 97. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировкев Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. – Лл. 46–77.
49. ЦГА РУз. – Ф. И-3. – Оп.2. – Д. 101. Донесение секретаря Российского

- политического агентства в Бухаре А.А. Черкасова политическому агенту в Бухаре Я. Лютшу от 1 ноября 1905 г. – Лл. 18–19.
50. ЦГА РУз. – Ф. И-2. – Оп.2. – Д. 236. Донесение А. Черкасова российскому политическому агенту в Бухаре от 6 ноября 1905 г. – Там же И-2. – Д. 236. – Лл. 7–10.
51. ЦГА РУз. – Ф. И-2. – Оп. 3. – Д. 535. Отношение и.о. дипломатического чиновника при Туркестаском генерал-губернаторе А.А. Семенова в канцелярию генерал-губернатора об административно-политическом и юридическом положении Западного Памира от 20 мая 1914 г. – Лл. 17–20.
52. Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Республики Таджикистан (НАНТ).
53. Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (НАНТ). – Ф. А.А. Семенова. – Оп. 1. – Ед. хр. 237. Семенов А.А. Отзыв о диссертационной работе Н.А. Халфина «Борьба за Памир 1883–1895 гг. (по официальным данным)» – Лл. 16–18.
54. Архив института Истории НАНТ Ф. А.А. Семенова. – Оп. 1. – Ед. хр. 137. Семенов А.А. Русское завоевание Средней Азии. – Лл. 13–14.
55. Копии архивных материалов диссертанту любезно предоставлены профессором Х. Пирумшоевым.

II. Источники

56. Александрович. Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 г. (Сообщение корпуса военных топографов капитана Александровича 3 декабря 1894 г. в Ташкентском собрании) / Александрович // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1895. – 16 февраля.
57. Ал-Йа'куби. Книга стран (Китаб ал-булдан) / Ал-Йа'куби; вступ. ст., пер., комм. и указ. Л. А. Семеновой. – М.: Восточная литература, 2011. – 372 с.
58. Ал-Муккаддаси. Ахсан ат-такассим фи маърифати-л-аколим / Ал-Муккаддаси. – Лейден, 1906. – 498 с.

59. Ал-Я'куби. Китаб ал-булдон / Ал-Я'куби; пер. на перс. Мухамад Иброхим Оити. – Техрон: Бунгохи тарчима ва нашри китоб, 1354. – 156 с.
60. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи). Вып. I / М. С. Андреев; под ред. А. К. Писарчика; отв. ред. А. А. Семенов. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953. – 251 с.
61. Андреев, М. С. Выработка железа в долине Ванджа (Верховья Амударьи): из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей в Таджикистане летом 1925 г. / М. С. Андреев. – Ташкент, 1926. – 17 с.
62. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи). Вып. II / М. С. Андреев; отв. ред. А. К. Писарчик. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1958. – 522 с.
63. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф. Вып. I–II / М. С. Андреев; под ред. Э. Кочумкуловой. – Бишкек, 2020. – 794 с.
64. Андреев, М. С., Половцов, А. А. Ишкашим и Вахан / М. С. Андреев, А. А. Половцов // Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. – СПб., 1911. – 41 с. (+ 6 иллюстр.).
65. Ан-Насави, Шихаб ад-Дин. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурни / Ан-Насави Шихаб ад-Дин. – М., 1996. – 798 с.
66. Арандаренко, Г. А. Досуги в Туркестане: 1874–1889 / Г. А. Арандаренко. – СПб., 1889. – 666 с.
67. Арандаренко, Г. А. В горах и долинах Дарваза-Каратегина (На верховьях Амударьи) / Г. А. Арандаренко // Досуги в Туркестане: 1874–1889. – СПб., 1889. – С. 427–479.
68. Арандаренко, Г. А. Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) / Г. А. Арандаренко // Военный сборник. – 1883. – Т. 154. – № 11–12. – С. 51–311.
69. Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н. А. Аристов // Живая

- старина. – 1896. – Вып. III–IV. – 182 с.
70. Аристов, Н. А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям / Н. А. Аристов // Русский антропологический журнал: изд. Антропол. отдела Имп. Общ. любит. естествоиспыт., антропол. и этногр. при Моск. университете. – М., 1901. – № 2. – С. 33–61; №№ 3–4. – С. 108–164.
71. Арьев, М. Россия и Англия на Памире / М. Арьев // Русский вестник. – М., 1895. – № 11. – С. 340–362.
72. Афганские разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. / – СПб., 1886. – С. 1–25.
73. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 / – СПб.: Изд. Министерства иностранных дел, 1886. – С. 1–25.
74. Ахмад ибни Мухаммад ибни Арабшоҳ. Зиндагии шигифтовари Темур (Ачоибу-л-мақдур фи ахбори Темур) / Ахмад ибни Мухаммад ибни Арабшоҳ; пер. Мухаммад Алй Начотй; под ред. Хамза Камол; адаптация на кириллицу А. Муродзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2018. – 400 с.
75. Ахмедов, Б. А. Шараф-наме-йи-шахи (Книга шахской славы) / Б. А. Ахмедов // Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). – Ташкент: Фан, 1985. – С. 47–57.
76. Бабур. Бабур-наме. Записки Бабура / Бабур; пер. М. Салье. – Ташкент, 1958. – 534 с.
77. Баньковский, В. С Памиров, с Рушана в Шугнан и обратно / В. Баньковский // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1894. – 13 и 24 февраля.
78. Баторский, подполковник Генерального штаба. Проект экспедиции в Индию, предложенный Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807–1808 гг. / Баторский // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии.

- Вып. XIII. – СПб., 1886. – С. 1–104. Приложения к данной работе. – С. 105–170.
79. Белью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873–1874 гг. / Белью; пер. с англ. – СПб., 1877. – 309 с.
80. Бендерский, Н. А. Памир в географическом и историческом отношении / Н. А. Бендерский // Известия Туркестанского отдела Императорского русского географического общества (Известия ТОРГО). – Ташкент, 1907. – Т. VII. – С. 187–193.
81. Бёрнс, А. Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компании Александра Бёрнса / А. Бёрнс. – Ч. 3. – М., 1850. – 628 с.
82. Бёрнс, А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лахора с подарками британского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 гг.: в 3 т. / А. Бёрнс. – Т. I–III. – М.: Изд. П. В. Голубкова, 1848–1849. Ч. 1: XXXII, 528 с., 5 л. ил., портр.; Ч. 2: [2], VI, 502 с., 2 ил., 1 л. карта; Ч. 3: [2], 628 с., 5 л. ил.
83. Бетгер, Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касима ибн Хакаля / Е. К. Бетгер // Труды САГУ. Археология Средней Азии. – 1957. – Вып. 3. – № 4. – С. 16–26.
84. Бируни, Абу Рейхан. Индия / Абу Рейхан Бируни. – М.: Ладомир, 1995. – 729 с.
85. Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы): Очерки быта по путевым заметкам / А. А. Бобринской. – М., 1908. – 152 с.
86. Бобринской, А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара) / А. А. Бобринской. – М., 1900. – 18 с. + XX табл. образцов орнамента чулков.
87. Бобринской, А. А. Секта исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии: Географическое распространение и организация / А. А. Бобринской. – М., 1902. – 18 с.
88. Богоявленский, Н. В верховьях реки Амударьи / Н. Богоявленский //

- Землеведение: периодическое издание Географического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1901. – Кн. I–II. – С. 1–26.
89. Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан / пер. с персид. П. П. Введенский, Б. И. Долгополов, Е. В. Левкиевский; под ред., с предисл. и примеч. проф. А. А. Семенова. – Ташкент, 1926. – 248 с.
90. Вамбери, А. Очерки Средней Азии (дополнение к Путешествию по Средней Азии) / А. Вамбери. – М., 1868. – 361 с.
91. Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште / А. Вамбери. – М., 1867. – 369 с.
92. Ванновский. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе, 1893 г. / Ванновский // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1894. – Вып. LVI. – С. 73–95.
93. Вартенберг, М. Россия в Средней Азии / М. Вартенберг; пер. с нем. М. Грулев. – Ташкент, 1900. – С. 94–110.
94. Венюков, М. И. Исследования англичан в бассейне Амударьи / М. И. Венюков // Туркестанские ведомости. – 1875. – № 51.
95. Венюков, М. И. Мелкие государства по верховьям Окса / М. И. Венюков // Русский инвалид. – СПб., 1875. – 27 марта.
96. Венюков, М. И. Очерк международных вопросов в Азии / М. И. Венюков // Россия и Восток: собрание географических и политических статей. – СПб., 1877. – С. 276–285.
97. Гедин, С. В сердце Азии: Памир – Тибет – Восточный Туркестан / С. Гедин; пер. с швед. А. и П. Ганзен. – СПб., 1899. – Т. I. – 487 с.; Т. II. – 455 с.
98. Гедин, Свен. Через Центральную Азию (1894–1897 гг.): Доклад в

- Парижском географическом обществе / С. Гедин // Землеведение. – М., 1898. – Т. X. – Кн. 1–2. – С. 199–221.
99. Геродот. История в девяти томах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – М., 1999. – 729 с.
100. Герцулин, М. Движение летучего отряда подполковника Ионова в Рошан в 1893 г. / М. Герцулин // Военный сборник. – СПб., 1900. – Т. 252. – Кн. 4. – С. 272–289.
101. Герцулин, М. Яшиль-Кульская схватка на Памире 12 июля 1892 / М. Герцулин // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1902. – 11 июля.
102. Головнина, Ю. Д. На Памирах. Записки русской путешественницы / Ю. Д. Головнина. – М., 1902. – VIII, 244 с., 3 л. ил., карт., портр.
103. Головнина, Ю. Д. На Памирах: записки русской путешественницы / Ю. Д. Головнина. – М., 1902. – 244 с.
104. Голосов, Д. Поход в Хиву в 1839 / Д. Голосов // Военный сборник. – СПб., 1863. – Т. XXIX. – № 1. – С. 3–72; Т. XXIX. – № 2. – С. 309–358; Т. XXX. – № 3. – С. 3–71.
105. Григорьев, С. Г. Крыша мира (Памир) / С. Г. Григорьев. – М., 1905. – 49 с.
106. Григорьев, В. В. История монголов от древнейших времен до Тамерлана / В. В. Григорьев. – СПб., 1834. – 171 с.
107. Громбчевский, Б. Л. Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет, 1889–1890 / Б. Л. Громбчевский. – Познань, 2017. – 601 с.
108. Громбчевский, Б. Л. Доклад о путешествии в 1889–1890 гг., прочитанный в экстренном собрании РГО 10 января 1891 г. и в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891 г. / Б. Л. Громбчевский // Известия ИРГО. – СПб., 1891. – Т. XXVII. – Вып. 2. – С. 97–118.
109. Громбчевский, Б. Л. Наши интересы на Памире: военно-политический очерк / Б. Л. Громбчевский. – СПб., 1891. – 29 с.
110. Громбчевский, Б. Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном

- губернаторе Ферганской области поручика Б. Л. Громбчевского. – Новый Маргелан, [б. г.]. – 158 с.
111. Громбчевский, Б. Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром: военно-политический очерк / Б. Л. Громбчевский. – Новый Маргелан, 1891. – 58 с.
 112. Громбчевский, Б. Л. Экспедиции на Памиры / Б. Л. Громбчевский // Известия ИРГО. – СПб., 1899. – Т. XXV. – Вып. 5. – С. 423–426.
 113. Грулев, М. Наши интересы на Памире / М. Грулев // Русский вестник. – М., 1896. – Т. 243. – № 3. – С. 317–324.
 114. Грулев, М. Некоторые географико-статистические данные, относящиеся к участку Амударьи между Чарджуем и Патта-Гиссаром / М. Грулев // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (ИТОИРГО). – Ташкент, 1890. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 56–65.
 115. Грулев, М. Соперничество России и Англии в Средней Азии / М. Грулев. – СПб., 1909. – 380 с.
 116. Грум-Гржимайло, Г. Е. Очерки Припамирских стран / Г. Е. Грум-Гржимайло // Известия ИРГО. – 1886. – Т. 22. – Вып. 2. – С. 81–109.
 117. Грум-Гржимайло, Г. Е. Очерки Припамирских стран / Г. Е. Грум-Гржимайло // Известия ИРГО. – Т. XXII. – СПб., 1887. – С. 81–109.
 118. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край / Г. Е. Грумм-Гржимайло. – Л.: Изд-во Ученого комитета МНР, 1926. – Т. 1. – 898 с.
 119. Джамал Карши. Мулхакат ас-Сурах / пер. с арабского и примеч. А. Саидова. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 266 с.
 120. Дипломатическая переписка между Россией и Англией. / Биржевые ведомости. – СПб., 1874. – 23 марта (4 апреля).
 121. Зайцев, В. Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк / В. Н. Зайцев // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903 г. – Новый Маргелан, 1903. – 78 с.

122. Зайченко, капитан Генерального штаба. Памиры и Сарыколь (Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения памирского вопроса) / Зайченко . – Ташкент, 1903. – 118 с.
123. Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков долины Бартанга / И. И. Зарубин // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при Российской Академии наук. – Т. V. – Пг.: Типография Российской Академии наук, 1917. – С. 97–148.
124. Захируддин Бабур. Бабур-наме. Записки Бабура / Захируддин Бабур; пер. М. Салье; отв. ред. и автор предисловия С. А. Азимджанова. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 530 с.
125. Зухурбек-зода, К., Кази-зада, Г. Исторические заметки / К. Зухурбек-зода, Г. Кази-зада // Приложение № 3 к кн.: Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – Оригинальный текст. – С. 135–138; перевод на рус. – С. 139–146.
126. Ибн ал-Асир. Ал-Комил фит-таърих / Ибн ал-Асир. – Т. 9. – Каир, 1983. – 504 с.
127. Ибн ал-Асир. Ал-Комил фит-таърих. Полный свод истории / пер. с араб., примеч. и коммент. П. Г. Булгакова. – Ташкент: Узбекистан, 2006. – 562 с.
128. Ибн ал-Асир. Комили таърихи бузурги ислом ва Эрон / пер. Абулқосим Холат. – Техрон, 1315.
129. Ибн ал-Асир. Полный свод истории / пер. П. Г. Булгакова. – Ташкент, 2006. – 560 с.
130. Ибн Хаукал. Сурат-ул-арз / Ибн Хаукал // Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дувум (мутуни арабиасл). – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Рахим Чалил, 1998. – С. 141–150.
131. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исслед., указ. и карты Наили Валихановой. – Баку: Элм, 1986. – 428 с.
132. Ибн Хурдодбех. Ал-Масолик ва-л-мамолик / Ибн Хурдодбех // Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дувум (мутуни арабиасл). –

- Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Рахим Чалил, 1998. – С. 4–7.
133. Иванов, Д. Л. Памир (Пуп земли) / Д. Л. Иванов // Новь. – СПб., 1885. – Т. VI. – № 23. – С. 315–342.
134. Иванов, Д. Л. Путешествие на Памир / Д. Л. Иванов // Известия Императорского Русского Географического Общества. – СПб., 1884. – Т. XX. – С. 209–252; 1886. – Т. XXI. – Вып. 6. – С. 579–582.
135. Иванов, Д. Л. Путешествие на Памир и орографический характер Памира / Д. Л. Иванов // Известия ИРГО. – 1884. – Т. XX. – С. 209–268.
136. Иванов, Д. Л. Что называть Памиром / Д. Л. Иванов // Известия Императорского Русского Географического Общества. – СПб., 1885. – Т. XXI. – Вып. 2. – С. 131–145.
137. Иванов, Д. Л. Шугнан. Афганские очерки / Д. Л. Иванов // Вестник Европы. – СПб., 1885. – Т. III. – № 6. – С. 612–658; Т. IV. – № 7. – С. 48–97.
138. Истахри. Мамолик ва масолик / Истахри. – Техрон, 1961.
139. Катков, М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1869 год / М. Н. Катков. – М., 1897. – С. 201–221.
140. Кауфман, К. П. Приказ командующего Туркестанского военного округа от 26 июля 1876 г. / К. П. Кауфман // Голос. – СПб., 1876. – 22 сент.
141. Коржинский, С. Очерки Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения / С. Коржинский // Сельское хозяйство и лесоводство. – 1898. – Т. 189. – № 4. – С. 53–76.
142. Косиненко, Н. По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза (Из путевых заметок) / Н. Косиненко. – Пг., 1916. – С. 117–138.
143. Костенко, Л. Ф. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир / Л. Ф. Костенко // Военный сборник. – СПб., 1877. – Т. 114. – № 4. – С. 357–382.
144. Костенко, Л. Ф. Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии / Л. Ф. Костенко // Военный сборник. – 1877. – Т. 176. – № 8. – С. 146–178; Т. 177. – № 9. – С. 5–37; № 10. – С. 139–140; Т. 178. – № 11. – С. 5–35.
145. Костенко, Л. Ф. Средняя Азия и возведение в ней русской

- гражданственности / Л. Ф. Костенко. – СПб., 1871. – 358 с.
146. Костенко, Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа (материалы для географии и статистики России) / Л. Ф. Костенко. – СПб., 1880. – Т. I. – 488 с.; Т. II. – 231 с.; Т. III. – 303 с.
147. Костенко, Л. Ф. Экспедиция в Алайские горы / Л. Ф. Костенко // Русский инвалид. – СПб., 1876. – 9 сент.; 25 сент.; 17 окт.; 4 нояб.; 15 дек.
148. Кузнецов Б.И. Культурные связи Памира с Тибетом / Б. И. Кузнецов // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир. – М.: Наука, 1975. – С. 298–300.
149. Кузнецов П.А. Дарвоз (рекогносцировка ген. Штаба капитана Кузнецова в 1892). / П. А. Кузнецов – г. Новый Маргелан, 1893. – 175 с.
150. Кузнецов П.А. Памиры / П.А. Кузнецов // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LVI. – СПб., 1894. – С. 1–22.
151. Курбан-шо Зухур-бек зада, Кази-зада Гариб-Мухаммад. «Исторические заметки». Оригинал и перевод текста рукописи. / К. Зухур-бек зада, Г. Кази-зада // Приложение № 3, к книге: Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – С. 135–146.
152. Курбон Мухаммад-зода (Охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футур-шо). Таърихи Бадахшон (История Бадахшана). / К. Мухаммад-зода, М. Шох-зода. – М.: Наука, 1973. – Предисловие и текстологические примечания – С. 5–47. Факсимиле и печатное издание на арабском шрифте. – 249 с.
153. Курбон Мухаммад-зода (Охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футур-шо). История Бадахшана (Таърихи Бадахшон). Издание текста, примечания и указатели А.А. Егани. / К. Мухаммад-зода, М. Шох-зода. – М.: «Наука», 1973. – Предисловие на русск. яз. – С. 5–29. Краткие текстологические примечания. – С. 33–47. Факсимиле – Лл. 3–84; Текст, на тадж. арабском графике – 87–206 с.; Примечания – С. 209–249.

154. Кюрзон Георг. Индия между двумя огнями (Перевод с английского подполковник Генштаба России Десина) / Г. Кюрзон // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIV. – СПб., 1893. – С. 178–190.
155. Ласточкин В.Г. Восточный Туркестан. Кашгария. / В. Г. Ласточкин – Ташкент, 1911. – 144 с., 22 л. ил., карта.
156. Лепель Грифин. В безопасности ли Индия? (Перевод с англ. Подполковник Генштаба России Дмитриева) / Г. Лепель. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIV. – 1893. – С. 156–178.
157. Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах. / В. И. Липский – Ч. 1–3. – СПб., 1902–1905; Ч. 1. – С. 1–318; Ч. 2. – С. 319–541; Ч. 3. – С. 542–735.
158. Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир / Б. Н. Литвинов // Исторический вестник. – СПб., 1904. – Т. 93. – № 10. – С. 297–331; № 11. – С. 697–729; № 12. – С. 1045–1087.
159. Литльдель Дж. Извлечение из описания путешествия через Памир, совершенного Литльделем / Пер. с англ. подполковник Генерального штаба Десин // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1892. – Вып. L. – С. 1–13.
160. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях / Ф. И. Лобысевич – СПб., 1900. – 205 с.
161. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом / Д. Н. Логофет – Т. I. – СПб., 1900. – 357 с.
162. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние / Д. Н. Логофет – СПб., 1909. – 239 с.
163. Мак-Грегор. Оборона Индии / Мак-Грегор // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XLIII. – СПб., 1891. – 264 с.

164. Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге / Е. Марков – Т. I. – СПб., 1901. – 545 с.
165. Марков Е. Очерки путешествия / Е. Марков – Т. II. – СПб., 1901. – 518 с.
166. Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии / Ф. Ф. Мартенс // Перевод с французского и предисл. К. Траубе. – СПб., 1880. – 91 с.
167. Масальский В.И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества / В. И. Масальский – СПб., 1913. – 737 с.
168. Масловский С. Гальча. (Первобытное население Туркестана) / С. Масловский // Русский антропологический журнал. – М., 1901. – С. 17–32.
169. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Е. К. Мейендорф – М.: Наука, 1975. – 180 с.
170. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе / Г. Ф. Миллер – СПб., 1750. – Кн. 1. – 510 с.
171. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи / И. Минаев – СПб., 1879. – 242 с. + VIII стр. предисл.
172. Минхочуддин Усмон ибни Сирочуддин, маъруф ба Минхоч Сирочи Чузчони. Табақоти Носири / У. С. Минхочуддин – Ч. I. – Кобул, 1342; Ч. II. – Кобул, 1343. – 649 с.
173. Мирзо Мухаммад Хайдари Дуғлот. Таърихи Рашиди / М. Х. Дуғлот – Техрон: Мероси мактуб, 1383. – 603 с.
174. Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон / М. С. Бадахши и М. Ф. Сурхафсар – Душанбе: Дониш, 2007. – 275 с.
175. Мирзо Сангмухаммали Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Таърих и Бадахшан / С. Бадахши, Ф. Сурхафсар. – Л., Издательство Ленинградского университета., 1959. – 127 л. а/б. (203 с.). + предисл. и комментарии А.Н. Болдырева. – 68 с.

176. Мухамад Салих. Шейбани-наме / М. Салих. – СПб., 1908. – 138 с.
177. Мухаммад Солих. Шайбанийнома / М. Солих. – Тошкент., 1961. – 336 с.
178. Мухаммад Шарифа ибн Мухаммада Наки. Тодж-ат-таворих / М.Ш. Мухаммада Наки. // Центр письменного наследия при НАНТ. Рук. № 2282. Л. 81а – 82а.
179. Мухаммад Юсуф Мунши. Муқимханская история / М.Ю. Мунши. – Изд-во АН УзССР. Ташкент, 1956. – 233 с.
180. Мухаммади Мухаммади. Фарханги Эрони пеш аз ислом ва осори он дар тамаддуни исломи ва адабиёти араби / М. Мухаммади. – Техрон., 1374. – 382 с.
181. Муханов. Памирский район / Муханов // Издание Штаба Туркестанского военного округа. Ташкент, 1912. – 86 с.
182. Мухаммад Юсуф Муншӣ. Тазкираи Муқимхонӣ / М.Ю. Муншӣ. – Техрон., 1370х. – 233 с.
183. Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. / И.В. Мушкетов. – СПб., 1886. – Т. I. – Ч. 1. – 331 с.
184. Низомудини Шоми. Зафарнома / Н. Шоми. – Душанбе., 2019. – 488 с.
185. Острогов В. Памиры и памирский вопрос / В. Острогов. // Наблюдатель. 1894. – № 6. – С. 65–94.
186. Ошанин В.Ф. Дарваз и Каратегин / В.Ф. Ошанин. // Известия ИРГО. 1881. – Т. XVII. – Вып. 1. – С. 21–58.
187. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР / Н. Пигулевская. – М.; Л., 1941. – 172 с.
188. Путешествие Марко Поло / Пер. старофранцузского текста под ред. В.В. Бартольда. – СПб., Изд. ИРГО, 1902. – 355 с.
189. Путята Д.В. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкуль, Вахан и Шугнан в 1883 г. / Д.В. Путята. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (СГТСМА). СПб., 1884. – Вып. X. – С. 1–88.

190. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Рашид ад-Дин. – М.; Л., 1952. – Т. I. – Кн. 1. Пер. Л.А. Хетагурова. – Кн. 2. – 222 с.
191. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Рашид-ад-Дин. – Изд. АН СССР. М.; Л., 1952. – Т. I. – Кн. 2. Пер. с персидского О.И. Смирновой. Примечания Б.И. Панкратова, О.И. Смирновой. Под ред. А.А. Семенова. – 316 с.
192. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Рашид-ад-Дин. – Изд-во АН СССР. М.; Л., 1946. – Т. III. Пер. с персидского А.К. Арендса. Под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертелься, А.Ю. Якубовского. – 340 с.
193. Регель А.Е. Путешествие в Шугнан / А.Е. Регель. // Известия Императорского Русского географического общества (Известия ИРГО). СПб., 1884. – Т. XX. – Вып. 3. – С. 268–274.
194. Регель А.Э. Путешествие в Шугнан / А.Э. Регель. // Туркестанские ведомости. 1884. – № 17.
195. Риттих П.А. Афганский вопрос (военно-географический и политический этюды) / П.А. Риттих. – СПб., 1905. – 89 с.
196. Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403–1406 гг.) / Р.Г. де Клавихо. – М., 1990. – 211 с.
197. Савельев П. Бухара в 1835 году с присоединением известий обо всех европейских путешественниках, посещавших этот город до 1835 года включительно / П. Савельев. – СПб., 1836. – 26 с.
198. Саид Хайдаршоҳ Муборақшоҳзода. Таърихи мулки Шуғнон / С.Х. Муборақшоҳзода. (Перевод русского текста «История Шугнана», подготовленного с оригинала, с введением и примеч. А.А. Семенова). Тарчума (аз русӣ), таҳияи Н. Ҷонбобоев ва А. Мирхоча. – Хоруғ: ПОМИР., 1992. – 36 с.
199. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1952. – 462 с.
200. Северцов Н.А. Путешествие на Нарын и Аксай и исследования высоких сыртов Тянь-Шаньской системы / Н.А. Северцов. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование гор Тянь-Шаня. Сборник отчетов.

- Ч. I. – СПб., 1873. – С. 109–430.
201. Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю / Н.А. Северцов. (второе изд. Под ред. и вступ. ст. Р.Л. Золотницкой). – М.: ОГИЗ, Госиздат геогр. лит., 1947. – 304 с.
202. Семенов А.А. История Шугнана / А.А. Семенов. (написанная по просьбе А.А. Семенова местным знатоком истории Сейидом Хайдаршо по преданиям и по собственным воспоминаниям в 1912 г. Русский перевод текста с комментариями принадлежит А.А. Семенову). Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Отдельный его оттиск. – Ташкент., 1916. – 23 с.
203. Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки) / А.А. Семенов. // Исторический вестник. Т. LXXXVIII (88). СПб., 1902. – № 4. – С. 98–122.
204. Семенов А.А. Экономические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза / А.А. Семенов. – М., 1903. – 112 с.
205. Семенов Д.Д. Туркестанский край / Д.Д. Семенов. – М., 1877. – С. 235–236.
206. Серебренников А. Очерк Памира / А. Серебренников. – СПб., 1900. – 49 с.
207. Серебренников А.Г. К истории Кокандского похода / А.Г. Серебренников. Военный сборник. – СПб., 1897. – Т. 237. – № 9. – С. 28; 1899. – Т. 246. – № 4. – С. 211–226; 1901. – № 4. – С. 29–55; № 7. – С. 42–70; № 8. – С. 36–59; № 9. – С. 29–55; № 10. – С. 69–96; № 11. – С. 37–74; 1904. – № 1. – С. 67–78; № 2. – С. 77–92.
208. Серебренников А.Г. Рекогносцировка Шугнана в 1894 г. (Страничка из истории Памирского вопроса) / А.Г. Серебренников. // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1896. – 7 июля; 25 июля; 11 августа; 15 августа.
209. Серебренников А.Г. Памир. Краткий очерк / А.Г. Серебренников. // Ежегодник Ферганской области. – Вып. 1. – Г. Новый Маргелан, 1892. – С. 90–158.

210. Скерский. Краткий очерк Памира / Скерский. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. L. – СПб., 1892. – С. 14–40.
211. Слуцкий И. Памиры в политическом отношении / И. Слуцкий. // Средняя Азия. – Ташкент, 1910. – № 2. – С. 73–93.
212. Снесарев А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева / А.Е. Снесарев. // Российский военный сборник. – Выпуск 20. – М.: Военный университет, Русский путь, 2003. – 896 с.
213. Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе / А.Е. Снесарев. – СПб., 1906. – 173 с.
214. Снесарев А.Е. Историческое прошлое русско-английских отношений в Средней Азии и несвоевременность заключения последнего соглашения с Англией / А.Е. Снесарев. // Голос правды. – 1907. – № 602. – 14 сент.
215. Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния в области Памиров. Лондон 27 февраля / 11 марта 1895 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. – М.: Гос. изд. полит. Лит., 1959. – 462 с.
216. Сомониён дар оинаи таърих. – Чилди якум (мутуни форсии тоҷики). – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Рахим Чалил, 1998. – 552 с.; Чилди дувум (мутуни арабиасл). – 672 с.
217. Станкевич Б.В. По Памиру. Путевые заметки / Б.В. Станкевич. // Русский вестник. – 1904. – № 8. – С. 624–657; № 9. – С. 235–269; № 10. – С. 456–499; № 11. – С. 3–28.
218. Страбон. География в 17 книгах / Страбон. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. – М.: Наука, 1964. – 944 с.
219. Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892–1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России / Б.Л. Тагеев (Рустам Бек). – Варшава, 1902. – 151 с. Предисловие. – I–VIII с.
220. Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). Еще о памирском соглашении / Б.Л. Тагеев (Рустам-бек). // Туркестанские ведомости. – 1895. – 14 май.

221. Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). На Востоке. Очерки и рассказы из жизни далеких окраин / Б.Л. Тагеев (Рустам-бек). – Варшава, 1902. – 210 с.
222. Тагеев Б.Л. Воспоминание о Памирском походе 1892 г. (Записка очевидца) / Б.Л. Тагеев. // Нива. – СПб., 1893. – № 49. – С. 192–194; № 49. – С. 1120–1123.
223. Тагеев Б.Л. Памирский поход (воспоминания очевидца) / Б.Л. Тагеев. // Исторический вестник. – СПб., 1898. – Т. 73. – № 7. – С. 111–138; № 14. – С. 497–519; Т. 74. – № 10. – С. 142–163.
224. Тагеев Б.Л. Последний хан Коканда / Б.Л. Тагеев. // Альманах Армии и Флота на 1902 год. Под редакцией Б.Л. Тагеева. – СПб., 1902. – С. 35–61.
225. Тагеев Б.Л. Результаты работы памирской разграничительной комиссии / Б.Л. Тагеев. // Туркестанские ведомости. – 1899. – 24 и 27 июнь.
226. Тагеев Б.Л. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире / Б.Л. Тагеев. – СПб., 1900. – С. 178–253.
227. Тагеев Б.Л. Через Алай / Б.Л. Тагеев. // Всемирная иллюстрация. – СПб., 1895. – 1. – С. 296–299.
228. Тагеев Б.Л. Через Алай и Памир. Очерк / Б.Л. Тагеев. // Всемирная иллюстрация. – СПб., 1895. – № 1370. – С. 338–342; № 1379. – С. 11–12; № 1380. – С. 25–30.
229. Тагеев Б.Л. Два неведомых уголка России – Шугнан и Рушан / Б.Л. Тагеев. // По Азию. Сборник статей для юношества. – М., 1903. – С. 152–163.
230. Таърих и Бадахшан (История Бадахшана). Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели / Подготовил к изданию А.Н. Болдырев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1959. – 127 л. с обор. (253 с.) + введение, указатели имен собственных, географических и племенных названий. – 68 с.
231. Таърих и Бадахшан «История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели / Подготовил к изданию А.Н. Болдырев. – Л.: Издательство Ленинградского

- университета, 1959. – 203 с. факсимиле основного текста + 68 с. предисловия, указатели имен собственных, географических и племенных названий.
232. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии / М.А. Терентьев. – СПб., 1875. – 361 с.
233. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии / М.А. Терентьев. – СПб., 1906. – Т. I. – 510 с.; Т. II. – 547 с.; Т. III. – 496 с.
234. Уманец С. Памирский вопрос и его значение / С. Уманец. // Исторический вестник. – Т. 47. – СПб., 1892. – № 1. – С. 196–208.
235. Ханьков Н.В. Записки по этнографии Персии / Н.В. Ханьков. – М.: Наука, 1977. – 151 с.: ил.
236. Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства / Н.В. Ханьков. – СПб., 1843. – 284 с.
237. Хафиз и Таныш. Шараф-нама-йишахи. Перевод с персидского, введение, примечания и указатели М.А. Салахетдиновой / Хафиз, Таныш. – Ч. 1. – М.: Наука, 1983. – 536 с.
238. Хоҷа Абулфазл Муҳаммад ибни Хусайни Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ / Х. Байҳақӣ. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 774 с.
239. Худуд-ул-олам. Мина-л-машрик ила-л-мағриб. / Мураттиб ва муаллифи сарсухан А. Хасанов – Душанбе: Бухоро, 2014. – 588 с.
240. Чельнсфорд. Оборона Индии (в переводе с английского языка на русский подполковника Генерального штаба России Дмитриева) / Чельнсфорд. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIV. – СПб., 1893. – С. 156–168.
241. Чувайни Атомалик. Таърихи чохонгушойи. Ч. II. / / Ч. Атомалик – Техрон, 1916. – 372 с.
242. Чувайни Атомалик. Таърихи чохонкушойи. Бо эҳтимоми тасхеҳи Қазвинӣ. Ч. I. // Ч. Атомалик – Техрон, 1337. – 268 с.
243. Чувайни Атомалик. Таърихи чохонгушойи. Барориши Муҳаммад Қазвинӣ. Ч. I. // Ч. Атомалик – Техрон, 1385 х. – 436 с.

244. Шарафуддин Алии Язди. Зафарнома. Подготовка к печати, предисловие, примечания и указатели А. Урунбаева / Шарафуддин Алии Язди. – Ташкент: Фан, 1972. – 1024 с.
245. Шильтбергер, И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год / И. Шильтбергер; пер. со старонем. Ф. К. Бруна; изд., ред. и примеч. З. М. Буниятова. – Баку: Элм, 1984. – 88 с.
246. Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование / А. Шишов. – Ташкент, 1910. – 325 с.
247. Южаков С.Н. Англо-русская распря / С.Н. Южаков. – СПб., 1885. – 106 с.
248. Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк / С.Н. Южаков. – СПб., 1885. – 187 с.
249. Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Амударьи. Перевод с английского О.А. Федченко. С дополнениями и примечаниями А.П. Федченко, Н.В. Ханыков и Г. Юля. (приложение к Изв. ИРГО – 1873. – № 6) / Генри Юль. – СПб., 1873. – 82 с.
250. Юнхезбанд Ф. (в работе так приводится его фамилия, так же как Янгхазбэнд). Нашествие русских в Индию. (Перевод с английского подполковник Генштаба России Десино) / Ф. Юнхезбанд. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIII. – СПб., 1893. – С. 183–215.
251. Юхновский Н. Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине р. Ванджа / Н. Юхновский. // Туркестанские ведомости. – 1894. – № 14. – С. 50–59.

III. Общая литература:

252. Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана / Т.Г. Абаева. – Ташкент, 1964. – 164 с.
253. Абдуллоев С. Чуғрофиёи таърихии давлати Сомониён. / С. Абдуллоев. – Хучанд: ДДХ ба номи академик Б. Гафуров, 2001. – 374 с.
254. Абдурахимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в

- XVI – первой половине XIX вв. – Т. 1 / М.А. Абдурахимов. – Ташкент, 1966. – 369 с.
255. Абибов А. Ганчи Бадахшон / А. Абибов. – Душанбе, 1972. – 320 с.
256. Абибов А. Доираҳои адабии Бухорои Шарқи (асри XIX ва ибтидои асри XX) / А. Абибов. – Душанбе: Дониш, 1984. – 240 с.
257. Абибов А. Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон (асри XIX ва аввали асри XX) / А. Абибов. – Душанбе, 1971. – 197 с.
258. Агаханянц О.А. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. История изучения природы Памира / О.А. Агаханянц. – Душанбе, 1962. – 128 с.
259. Агаханянц О.Е. Юсуфбеков А. Главные черты природы Памира / О.Е. Агаханянц, А. Юсуфбеков. // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. – М.: Наука, 1975. – С. 26–40.
260. зимджанова С.А. Государство Бабура в Кабуле-Индии / С.А. Азимджанова. – М., 1977. – 176 с.
261. Айни С. Исёни Муқаннаъ. Очерки таърихӣ-тадқиқотӣ / С. Айни. – Сталинобод, 1944. – 36 с.
262. Айни С. Исёни Муқаннаъ. Очерки таърихӣ-тадқиқотӣ / С. Айни. // Куллиёт. – Ҷ.10. – Душанбе, 1966. – 243 с.
263. Акрамов Н.М. Академик А.А. Семенов / Н.М. Акрамов. – Душанбе, 1974.
264. Акрамов Н.М. Вопросы археологии Памира и Припамирья в трудах русских востоковедов / Н.М. Акрамов. – Душанбе, 1974. – 134 с.
265. Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского / Н.М. Акрамов. – Душанбе: Дониш, 1975. – 131 с.
266. Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев / Н.М. Акрамов. – Душанбе, 1973. – 225 с.
267. Акрамов Н.М. Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд. Научно-биографический очерк / Н.М. Акрамов. – Душанбе, 1963. – 112 с.
268. Акрамов Н.М. Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья. Автореф.

- дисс... доктора ист. наук / Н.М. Акрамов. – Душанбе – М., 1975. – 38 с.
269. Акрамов Н.М. Русские исследователи о Памире и Припамирье / Н.М. Акрамов. // Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Душанбе: Дониш, 1990. – С. 184–232, примеч. – С. 287–299.
270. Алимшоев М. Роль Памирского пограничного отряда в социально-экономическом развитии края / М. Алимшоев. // История таджикского народа. – Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 707–723.
271. Антонова К.А. Очерки общественных отношений и политического строя Монгольской Индии времен Акбара (1556–1605) / К.А. Антонова. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 283 с.
272. Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии в XVI–XVIII вв. (Письменные памятники) / Б.А. Ахмедов. – Ташкент: Фан, 1985. – 259 с.
273. Ахмедов Б.А. Сохибкиран Тимур / Б.А. Ахмедов. – Тошкент, 1996. – 194 с.
274. Ахмедов Б.А., Мукминова Р.Г., Пугаченкова Г.А. Амир Темур. Жизнь и общественно-политическая деятельность / Б.А. Ахмедов, Р.Г. Мукминова, Г.А. Пугаченкова. – Ташкент: Унверситет, 1999. – 262 с.
275. Ахмедов Б.А. История Балха (XVI – первой половины XVIII вв.) / Б.А. Ахмедов. – Ташкент: Фан, 1982. – 296 с.
276. Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира» / А.Д. Бабаев. – Худжанд: Нури маърифат, 2006. – 399 с.
277. Баранов П.А., Гурский А.В., Остапович Л.Ф. Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Т. II / П.А. Баранов, А.В. Гурский, Л.Ф. Остапович. – Душанбе, 1964. – 207 с.
278. Бартольд В.В. Бадахшан. Статьи из цикла «Энциклопедии ислама» / В.В. Бартольд. // Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. – М.:

- Наука, 1965. – С. 343–347, 378–393.
279. Бартольд В.В. Еще о христианстве в Средней Азии / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. II. – Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – С. 315–319.
280. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. IX. – М.: Наука, 1977. – С. 197–482.
281. Бартольд В.В. История Туркестана / В.В. Бартольд. // *Сочинения*. – Т. II. – Ч. 1. Общие работы по Средней Азии. – М.: Изд. Восточной литературы, 1963. – С. 109–166.
282. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. II. – Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – М.: ИВЛ, 1963. – С. 471–543.
283. Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. II. – Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – С. 199–260.
284. Бартольд В.В. Народное движение в Самарканде в 1365 г. / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. II. – Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – С. 362–379.
285. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. II. – Ч. 2. – М.: Наука, 1964. – С. 265–302.
286. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья / В.В. Бартольд. // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. – Т. II. – Ч. 1. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. – С. 21–106.
287. Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. II. – Ч. 1. – М.: Наука, 1963. – С. 451–468.
288. Бартольд В.В. Хуттал. Статьи из «Энциклопедии ислама» / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. III. – М.: Наука, 1965. – С. 555–557.
289. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В.В.

- Бартольд. // Сочинения. – Т. I. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. – С. 45–597.
290. Бартольд В.В. Улугбек и его время / В.В. Бартольд. // Сочинения. – Т. II. – Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – С. 25–196.
291. Бахрамов З. Земельные отношения в Шугнанае в конце XIX – начале XX вв. (1895–1920) / З. Бахрамов. // Очерки по истории Таджикистана. – Сталинабад: Госпединститут им. Т.Г. Шевченко, 1957. – Т. I. – С. 47–86.
292. Бахрамов З. К вопросу о состоянии хозяйств Шугнана в дореволюционный период / З. Бахрамов. // Очерки по истории Таджикистана. – Сталинабад: Госпединститут им. Т.Г. Шевченко, 1959. – Т. II. – С. 11–30.
293. Беленицкий А.М. Бадахшанский лал / А.М. Беленицкий. // *Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии*. Труды АН Тадж. ССР. – Т. 17. – Сталинабад, 1953. – С. 25–31.
294. Беленицкий А.М. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV–XV) / А.М. Беленицкий. // Историк-марксист. – № 4. – 1941. – С. 43–58.
295. 296. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии / А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. – Л.: Наука, 1973. – С. 163–165. – 390 с.
296. Бернштам А.М. Историко-географические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая / А.М. Бернштам. – М. – Л., 1952. – 364 с.
297. Бернштам А.М. Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г. Полевые наблюдения / А.М. Бернштам. // Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1997. – С. 279–283.
298. Бернштам А.Н. Археологическая экспедиция на Памире / А.Н. Бернштам. // Вестник ЛГУ. – 1947. – № 14. – С. 135–136.
299. Бернштам А.Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня / А.Н. Бернштам.

- // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С. 263–304.
300. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / А.Н. Бернштам. // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 26. – М.; Л., 1952. – 344 с.
301. Бернштам А.Н. История киргизов и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания / А.Н. Бернштам. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М. – Л., 1947. – Вып. XVI. – С. 176–178.
302. Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов / А.Н. Бернштам. – Л., 1951. – 256 с.
303. Бернштам А.Н. Саки Памира / А.Н. Бернштам. // Вестник древней истории. – М., 1956. – № 1. – С. 121–134.
304. Бернштам А.Н. Археологические исследования на Памире и в Алае в 1948 г. / А.Н. Бернштам. // Вестник ЛГУ. – 1949. – № 11. – С. 175–176.
305. Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959–1963 гг. / А. Бертельс. – М. Бакоев. – М., 1967. – 118 с.
306. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, Т. I–III. 1950. – 1049 с.
307. Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России / О. Бокиев. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 272 с.
308. Болдырев А.Н. Введение к фотографической репродукции рукописного текста, Та, рих и Бадахшан «История Бадахшана» / А.Н. Болдырев. – Л., 1959. – 82 с.
309. Бубнова М.А. Вопросы заселения и условия обитания человека на территории Горно-Бадахшанской автономной области (Каменный век – эпоха бронзы) / М.А. Бубнова. // Арийская цивилизация в контексте

- евроазиатских культур. – Душанбе, 2006. – С. 208–256.
310. Бубнова М.А. Древние серебряные рудники в Шугнанае (Западный Памир), полевые исследования 1971 г. / М.А. Бубнова. // АРТ. – 1975. – Вып. 11 (1971 г.). – Душанбе, 1975. – С. 236–248.
311. Бубнова М.А. Исследование памятников на Западном и Восточном Памире в 1989 г. / М.А. Бубнова. // АРТ. – Душанбе, 2005. – Вып. 30. – С. 117–151.
312. Бубнова М.А. К вопросу о саках Памира / М.А. Бубнова. // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск, 2004. – С. 314–321.
313. Бубнова М.А. К истории добычи полезных ископаемых на Памире / М.А. Бубнова. // Изв. АН Тадж. ССР. – ООИ. – 1968. – № 3. – С. 64–69.
314. Бубнова М.А. Раскопки разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджаная и оз. Яшилькул / М.А. Бубнова. // АРТ. – 1993. – Вып. 24. – С. 312–326.
315. Бубнова М.А. Рудник Кух-и-лал (к истории бадахшанских лалов) / М.А. Бубнова. // Материальная культура Таджикистана. – Вып. 2. – Душанбе, 1971. – С. 120–142.
316. Бубнова М.А. Эпоха бронзы / М.А. Бубнова. // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. 1. – Душанбе, 2005. – С. 122–130.
317. Бубнова М.А., Коновалова Н.А. Древние солнечные календари Памира / М.А. Бубнова, Н.А. Коновалова. // Памирские экспедиции (статьи и материалы полевых исследований). – М., 2006. – С. 170–209.
318. Бубнова М.А. Из глубины веков / М.А. Бубнова. // Крыша мира. – Душанбе, 1965. – С. 124–126.
319. Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир / М.А. Бубнова. // Археологическая карта Таджикистана (АРТ). (Памятники II тыс. до н. э. – XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1997. – С. 279–283.
320. Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира / М.А. Бубнова. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.

321. Бубнова М.А. Изучение памятников, связанных с горным промыслом на территории Таджикистана в 1970 г. / М.А. Бубнова. // АРТ. – 1975. – Вып. 10 (1970 г.). – С. 205–214.
322. Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир (памятники каменного века – XX в.) / М.А. Бубнова. – Душанбе: THECHRISTENSTNFUND, 2015. – 280 с.
323. Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир (памятники каменного века – XX в.) / М.А. Бубнова. – Душанбе, 2015. – 280 с.
324. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинов 1097–1231 гг. / З.М. Буниятов. – М.: Наука, 1986. – 247 с.
325. Бутомо С.В., Ранов В.А., Сидоров Л.Ф. Некоторые вопросы исследования каменного века Памира / С.В. Бутомо, В.А. Ранов, Л.Ф. Сидоров. // Советская археология. – 1964. – № 4. – С. 11–17.
326. Вавилов Н.И. Культурная флора Таджикистана в ее прошлом и будущем / Н.И. Вавилов. // Проблемы Таджикистана. Труды I конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР. – Л., 1934. – Т. 2. – С. 13–24.
327. Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан / Н.И. Вавилов, Д.Д. Букинич. – Л., 1929. – С. 67–90.
328. Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XI – начало XX вв.) / А. Валиев. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 229 с.
329. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах / Ч.Ч. Валиханов. // Собрание сочинений в пяти томах. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. – Т. II. – 416 с.
330. Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времён до настоящего / Н. Веселовский. – СПб., 1877. – 364 с., 1 л. табл.
331. Гарбузарова Е.Г. Геополитический аспект противостояния Российской и

- Британской империй в Центральной Азии в XIX веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Е.Г. Гарбузарова. – Бишкек, 2010. – 23 с.
332. Гафуров Б.Ғ. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав. (нашри 4 ум) / Б.Ғ. Гафуров. – Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. – 976 с.
333. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Б.Г. Гафуров. – М.: Наука, 1972. – 634 с.
334. Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана / В.В. Гинзбург. // Народы Средней Азии и Казахстана. Народы мира. Этнографический очерк. – М.: Наука, 1962. – Т. I. – С. 159–164.
335. Гинзбург В.В. Горные таджики / В.В. Гинзбург. // Труды Института археологии и антропологии АН СССР. – Т. 16. – М. – Л., 1937. – 475 с.
336. Гинзбург В.В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии (Гунны и саки Тянь-Шанья, Алая и Южного Памира) / В.В. Гинзбург. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (далее – КСИЭ). – 1952. – Вып. 11. – С. 83–96.
337. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии / В.В. Гинзбург, Т.А. Трофимова. – М.: Наука, 1972. – 372 с.
338. Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика саков Южного Памира / В.В. Гинзбург. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР (далее – КСИИМК). – 1960. – Вып. 80. – С. 26–39.
339. Ғоибов Ғ. Мазори Шох Хомуш / Ғ. Ғоибов. // Чахордах мазор. – Душанбе: Бунёди фарҳанги Тоҷикистон, 2001. – С. 124–136.
340. Ғоибов Ғ. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз (Таърихи сиёсӣ ва ҷуғрофиёи таърихӣ) / Ғ. Ғоибов. – Душанбе: Дониш, 2006. – 906 с.
341. Ғоибов Ғ. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. (Таърихи сиёси ва ҷуғрофи) / Ғ. Ғоибов. – Душанбе: Дониш, 2006. – 906 с.

342. Ғоибов Ғ. Шаҳри Кӯлоб дар охири асри XVI / Ғ. Ғоибов. – Душанбе, 1998.
343. Ғоибов Ғ., Холов М. Пешгуфтор ба «Таърихи Бадахшон». Сангмуҳамади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон / Ғ. Ғоибов, М. Холов. – Душанбе: Дониш, 2007. – 213 с.
344. Горненский И. Тайны Памира. Из цикла «Тайны древних цивилизаций» / И. Горненский. – М.: Вече, 2002. – 384 с.
345. Григорьев В.В. Примечания и дополнения / В.В. Григорьев. // Землеведение. География стран Азии. Восточный или Китайский Туркестан. Выпуск первый – перевод и примечания. – СПб., 1869. – С. 483–507.
346. Губор Мирғулом Мухаммад. Афғонистон дар масири таърих. Ҷ-I / М. М. Губор. – Техрон, 1383 х. – 608 с.
347. Гумилев Л.Н. Хунну. Средняя Азия в давние времена / Л.Н. Гумилев. – М., 1960. – 291 с.
348. Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки / Л.Н. Гумилев. // ВДИ. – 1967. – № 3. – С. 91–98.
349. Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседы в IV в. / Л.Н. Гумилев. // ВДИ. – 1959. – № 1. – С. 129–140.
350. Давидович Е.А. История денежного обращения Средневековой Средней Азии / Е.А. Давидович. – М., 1983. – 360 с., 42 рис.
351. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои XI–XIV. Пораҳо аз “Равзату-с-сафо” ва дигар кутуб. / Мураттиб ва муҳаққиқ Нурмуҳаммади Амиршоҳӣ. – Душанбе: Амри илм, 1999. – 1008 с.
352. Давлатназар Х. Древний Шугнан в письменных и устных источниках. Автореферат дисс. канд. исторических наук / Х. Давлатназар. – Душанбе, 1998. – 40 с.
353. Давлатназар Х. Шугғони бостон дар осори хаттӣ ва шифоҳӣ / Х. Давлатназар. – Душанбе, 1998. – 160 с.
354. Давлатов М. Сопротивление таджикского народа монгольскому

- завоеванию (1219–1223 гг., по средневековым восточным и западным письменным памятникам) / М. Давлатов. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 396 с.
355. Давыдов А.С. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Историография вопроса / А.С. Давыдов. – Душанбе: Дониш, 2005. – 152 с.
356. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана / М.А. Дандамаев, В.Г. Луконин. – М., 1980. – 416 с.
357. Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А.Г. Данков. – Томск, 2008. – 27 с.
358. Дубовицкий В.В. Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана (1868–1917) / В.В. Дубовицкий. – Душанбе: Хумо, 2006. – 188 с.
359. Дьяконов И.М. Ассуро-Вавилонские источники по истории Урарту. Приложение / И.М. Дьяконов. // Вестник древней истории. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – № 2. – С. 355–356.
360. Жан-Поль Ру. Тамерлан / Ж.-П. Ру. – М., 2007. – 304 с.
361. Жуков В.А. Перспективы изучения каменного века Памира / В.А. Жуков. // Палеоэкология древнего человека (Сборник статей). – М.: Наука, 1977. – С. 320–334.
362. Завьялов В.А. Подражания и инновации в кушано-сасанидской керамике / В.А. Завьялов. // Центральная Азия. Источники, история и культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80 летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. Москва, 3–5 апреля 2003 г. – М.: ИВЛ РАН, 2005 г. – С. 340–359.
363. Заринкуб Абдулхусайн. Таърихи Эрон аз оғоз то сукути салтанати Пахлави (История Ирана от начала до распада царства Пехлеви) / Абдулхусайн Заринкуб. – Техрон, 1383 х. – 1014 с.

364. Затуловский Д.М. Среди снегов и скал (в горах Памира и Тянь-Шаня) / Д.М. Затуловский. – М.: Гос. изд-во геогр. Литературы, 1957. – 557 с.
365. Зелинский А.Н. Памир и Великий шелковый путь / А.Н. Зелинский. // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 5. – С. 112–118.
366. Иброгимова Ж., Тажиддинов С. Мургап элинин мурастары. (Наследие Мургабского народа) / Ж. Иброгимова, С. Тажиддинов. – Ош, 2013. – 352 с.
367. Искандаров Б.И. Англо-русское разграничение 1872–1873 г. / Б.И. Искандаров. // Ученые записки Душанбинского госпединститута им. Т.Г. Шевченко. Серия обществ. наук. – Душанбе, 1961. – Т. 26. – Вып. 4. – С. 84–103.
368. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России / Б.И. Искандаров. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. – 214 с.
369. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. II / Б.И. Искандаров. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1963. – 350 с.
370. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Издание второе. В двух частях / Б.И. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1975. – 732 с.
371. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Изд. третье / Б.И. Искандаров. – Душанбе: Андалеб, 2015. – 664 с.
372. Искандаров Б.И. Из истории дореволюционного Таджикистана / Б.И. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1974–76 с.
373. Искандаров Б.И. Предисловие к «Истории Бадахшана» / Б.И. Искандаров. // Курбон Мухаммад-зода (охун Сулаймон), Мухаббат Шоҳ-зода (Сейид Футур-шо). Таърихи Бадахшон. – С. 10–29.
374. Искандаров Б.И. Предисловие к кн.: Курбон Мухаммад-зода (охун Сулаймон), Мухаббат Шоҳ-зода (Сейид Футур-шо). История Бадахшана / Б.И. Искандаров. – М.: Наука, 1973. – С. 5–29.
375. Искандаров Б.И. Социально-экономические аспекты истории Памирских

- княжеств (X в. – XIX в.) / Б.И. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1983. – 160 с.
376. Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской социалистической революции / Б.И. Искандаров, Ш. Юсупов. // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С. 53–75.
377. Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской социалистической революции / Б.И. Искандаров, Ш. Юсупов. // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С. 53–79.
378. Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Присоединение Памира и его прогрессивное значение / Б.И. Искандаров, Ш. Юсупов. // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С. 35–53.
379. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. I / Б.И. Искандаров. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. – 356 с.; Ч. II / Б.И. Искандаров. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1963. – 352 с.
380. Искандаров Б.И. История Памира / Б.И. Искандаров. – Хорог: Мерос, 1995. – 185 с.
381. Исоматов М.М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии / М.М. Исоматов. – Душанбе: ТНУ, 2009.
382. Истории Шугнана. / Перевод и примеч. А.А. Семенова. // Протокол Туркестанского кружка любителей археологии. – XXI. – Ташкент, 1917. – С. 3–24.
383. Исторические заметки. Приложение к кн.: Эльчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках / К. Эльчибеков. – С. 135–146.
384. История Горно-Бадахшанской автономной области. Т. I. С древнейших времен до новейшего периода / Коллектив авторов. – Душанбе: Пайванд, 2005. – 494 с.
385. История Горно-Бадахшанской автономной области. Т. I. (С древнейших времен до новейшего периода) / Коллектив авторов. – Душанбе: Пайванд,

2005. – 494 с.
386. История народов Узбекистана. Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской Социалистической Революции / Коллектив авторов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. – 512 с.
387. История таджикского народа. Т. II. Кн. 1–2 / Коллектив авторов. – М.: Наука, 1964. – Кн. 1. – 492 с.; Кн. 2. – 355 с.
388. История Таджикского народа. Т. II. Эпоха формирования таджикского народа / Коллектив авторов. – Душанбе, 1999. – 790 с.
389. История таджикского народа. Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.) / Коллектив авторов. – Душанбе: Дониш, 2010. – 1124 с.
390. История таджикского народа. Том I. Древнейшая и древняя история / Коллектив авторов. – Душанбе: Суруш, 1998. – 752 с.
391. История таджикского народа. Том III. XI–XV века / Коллектив авторов. – Душанбе: Дониш, 2013. – 580 с.
392. История Узбекской ССР. Т. I. Кн. первая / Коллектив авторов. – Ташкент: АН УзССР, 1955. – 544 с.
393. История Узбекской ССР. Т. I. Книга вторая / Коллектив авторов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. – 497 с.
394. История Шугнана / Перевод с таджикского, примечания и комментарии А.А. Семенова. // Избранные сочинения. – Душанбе: Офсет-Империя, 2013. – С. 265–288.
395. Каландаров Т.С. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование) / Т.С. Каландаров. – М., 2004. – 478 с.
396. Каландарова М.С. Геополитика Англии в Центральной Азии в 20–30-е годы XIX в. (По материалам экспедиции А. Бёрнса в Бухару в 1831 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / М.С. Каландарова. – М., 1995. – 19 с.
397. Карамшоев Д., Харкавчук И. Пограничники и жители Памира / Д. Карамшоев, И. Харкавчук. – Душанбе: Пайванд, 1995. – 148 с.
398. Касимов Н. Эпиграфические памятники Памира / Н. Касимов. //

- Памироведение. – Вып. I. – Душанбе: Дониш, 1984. – С. 10–18.
399. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность / Г.М. Керимов. – М.: Наука, 1978. – 223 с.
400. Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира / Т.П. Кияткина. // Памироведение. Сб. статей АН ТаджССР. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1. – С. 135–144.
401. Кокаисл П., Мичалек П. Киргизстан и киргизы / П. Кокаисл, П. Мичалек. // Западнечешский Университет Плезни, Философский факультет. Кафедра антропологии и истории, 2008. – С. 270–275.
402. Кубанов К.Х. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начало XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / К.Х. Кубанов. – Нижневартовск, 2007. – 29 с.
403. Латыпов Н. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти / Н. Латыпов. // Ученые записки Кулябского пединститута. – Вып. III. – Куляб, 1957. – С. 112–122.
404. Латыпов Н. К вопросу социальных отношений в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти / Н. Латыпов. // Ученые записки Кулябского педагогического института. – Вып. IV. – Куляб, 1958. – С. 77–129.
405. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей / А.И. Левшин. – СПб., 1832. – Ч. 2. – 217 с.
406. Ленин В.И. О сепаратном мире / В.И. Ленин. // Полн. собр. соч. – Т. 30. – С. 184–192.
407. Литвинский Б.А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. / Б.А. Литвинский. // АРТ. – 1961. – Вып. 7. – С. 50–62.
408. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира» / Б.А. Литвинский. – М.: Наука, 1972. – 270 с.
409. Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город / Б.А. Литвинский. // Древний Восток. Города и торговля. – Ереван, 1973. – С. 99–100. – С. 91–

410. Литвинский Б.А. От редактора. Вступительная статья к кн.: Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира / Б.А. Литвинский. – Душанбе: Дониш, 1993. – С. 3–8.
411. Литвинский Б.А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. / Б.А. Литвинский. // АРТ. – 1961. – Вып. 6. – С. 37–48.
412. Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Академик А.А. Семёнов / Б.А. Литвинский, Н.М. Акрамов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 47 с.
413. Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов / Б.А. Литвинский, Н.М. Акрамов. – М.: Наука, 1971. – 180 с.
414. Литвинский Б.А., Бубнова М.А. Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г. / Б.А. Литвинский, М.А. Бубнова. // АРТ. – 1962. – С. 27–34.
415. Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. Перевод с английского Б.Н. Савченко. Общая редакция и вступительная статья проф. В.И. Авдеева / А. Лукас. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 748 с.
416. Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблемы кушанской абсолютной хронологии / В.Г. Луконин. // ВДИ. – 1969. – № 2. – С. 20–44.
417. Лусиен Б. (Люсьен Б.). Таърихи муғулҳо. Темуриён. Тарчумаи форси, М. Бехфурузи / Лусиен Б. – Техрон, 1389 х. – 306 с.
418. Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX века / А. Маджлисов. – Душанбе – Алма-Ата, 1967. – 337 с.
419. Маковельский А.О. Авеста / А.О. Маковельский. – Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. – 148 с.
420. Манаев Е. К вопросу о переселении киргизов на Памир / Е. Манаев. // Материалы по истории и экономике Киргизии. – Фрунзе: Кыргызистан, 1963. – С. 90–96.
421. Мандельштам А.М. Государство Эфталитов. Политическая карта Средней Азии во второй половины VI–VII вв. В кн.: История Таджикского народа. Т. II. Эпоха формирования таджикского народа / А.М. Мандельштам. –

- Душанбе, 1999. – 767 с.
422. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. / А.М. Мандельштам. – Сталинабад: Изд-во АН Тад. ССР, 1957. – 183 с.
423. Мандельштам А.М. К данным ал-Беруни о Памире и припамирских областях / А.М. Мандельштам. // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. – М., 1967. – С. 186–196.
424. Мандельштам А.М. Некоторые вопросы сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье / А.М. Мандельштам. // СА. – 1954. – Т. 20. – С. 59–65.
425. Маргулан К.Х. Выступление на научной конференции по этногенезу киргизского народа (г. Фрунзе, ноябрь 1956) / К.Х. Маргулан. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Фрунзе: Изд-во Академии наук Киргизской ССР, 1959. – Т. 3. – 240 с.
426. Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. / В.М. Массон, В.А. Ромодин. – М.: Наука, 1964. – 464 с.
427. Массон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых / М.Е. Массон. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 108 с.
428. Массон М.Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (по поводу Таласского клада монет XIV в.) / М.Е. Массон. // Труды Среднеазиатского государственного университета. Археология Средней Азии. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1957. – Вып. IV. – С. 41–107.
429. Материалы по истории Туркмении и туркмен / Коллектив авторов. // Труды ИВ АН СССР. – Т. 1. – М., Л.: Издание АН СССР, 1939. – 520 с.
430. Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV–XV вв. / Н. Махмудов. – Душанбе: Дониш, 1966. – 128 с.
431. Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей / Л.Ф. Моногарова. – М., 1972.

432. Муродӣ С. Бадахшон дар таърих. Ҷ. II / С. Муродӣ. – Кобул: Интишороти Хайём, 1388 х. – 646 с.
433. Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX века / И. Мухиддинов. – М.: Наука, 1975. – 125 с.
434. Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века / И. Мухиддинов. – Душанбе: Дониш, 1984. – 196 с.
435. Мухторов А. Хисор / А. Мухторов. – Душанбе, 1995. – 304 с.
436. Назаршоев М. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира / М. Назаршоев. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 296 с.
437. Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.) / Н.Н. Негматов. – Душанбе: Дониш, 1977. – 279 с.
438. Негматов Н.Н. Таджикский феномен: история и теория / Н.Н. Негматов. – Душанбе: Оли Сомон, 1997. – 448 с.
439. Пахомов М.М. Первые результаты палинологических исследований кайнозойских отложений Памира / М.М. Пахомов. // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. – Душанбе, 1962. – С. 59–68.
440. Пирумшо Ё. Табли озодӣ дар аъди бедодӣ / Ё. Пирумшо. – Душанбе: ДДОТ, 2018. – 353 с.
441. Пирумшо Х. Помиру Бадахшон: назаре ба чуғрофиё ва таърихи сиёсӣ (аъди қадим асрҳои миёна ва давраи нав) / Х. Пирумшо. – Душанбе: Ганчи хирад, 2021. – 64 с.
442. Пирумшоев М.Х. Древний Памир в отечественной и зарубежной историографии / М.Х. Пирумшоев. // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2021. – № 2 (91). – С. 215–227.
443. Пирумшоев М.Х., Артыков А. Памир и Бадахшан во второй половине XIV–XVI вв. / М.Х. Пирумшоев, А. Артыков. // Историк. – № 1 (37) 2024. – С. 108–116.
444. Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX

- начала XX вв. / М.Х. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.
445. Пирумшоев М.Х. А.А. Семенов об этнографии таджиков Каратегина и Дарваза / М.Х. Пирумшоев. // Вклад А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа. – Душанбе, 2014. – С. 142–150.
446. Пирумшоев М.Х. А.Е. Снесарев – Исследователь Средней Азии / М.Х. Пирумшоев. // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2021. – № 5 (94). – С. 190–198.
447. Пирумшоев М.Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии / М.Х. Пирумшоев. // Ученые записки Худжанского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. (ХГУ). Серия гуманитарно-общественных наук. – № 2 (79) 2024. – С. 60–69.
448. Пирумшоев М.Х. Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории Памира и Бадахшана / М.Х. Пирумшоев. // Сб., посв. 140 летию академика В.В. Бартольда. – Душанбе, 2010. – С. 192–208.
449. Пирумшоев М.Х. Вклад Б. Громбчевского в изучение Памира / М.Х. Пирумшоев. // Вклад русской интеллигенции в развитие науки и культуры Таджикистана. – Душанбе, 2018. – С. 292–300.
450. Пирумшоев М.Х. Ещё раз о Памире и Бадахшане / М.Х. Пирумшоев. // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – № 1 (31). – С. 155–162.
451. Пирумшоев М.Х. И. Минаев – зачинатель историографического исследования Памира и Бадахшана / М.Х. Пирумшоев. // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2010. – № 3 (29). – С. 141–149.
452. Пирумшоев М.Х. Историография англо-русского соглашения о Памирском разграничении 1895 г. / М.Х. Пирумшоев. // Памирское разграничение 1895 года: история и современность. – Душанбе, 2011. – С. 186–190.
453. Пирумшоев М.Х. Историография политической и социально-

- экономической истории древнего Памира / М.Х. Пирумшоев. // Историк. – № 1 (33) 2023. – С. 130–137.
454. Пирумшоев М.Х. Историография присоединения Памира к России / М.Х. Пирумшоев. // Полтора века общего пути. – Душанбе, 2014. – С. 3–16.
455. Пирумшоев М.Х. Историография раннесредневекового Памира / М.Х. Пирумшоев. // Национальное единство: история и достижения. – Душанбе, 2022. – С. 233–241.
456. Пирумшоев М.Х. К вопросу о последствиях присоединения Средней Азии к России / М.Х. Пирумшоев. // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2019. – № 5 (82). – С. 213–219.
457. Пирумшоев М.Х. К истории географического и этимологического изучения Памира / М.Х. Пирумшоев. // Фарханг. – Душанбе, 2010. – № 5–6. С. 14–19.
458. Пирумшоев М.Х. Н.А. Северцев – исследователь Памира / М.Х. Пирумшоев. // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2021. – № 3 (92). – С. 234–245.
459. Пирумшоев М.Х. Н.А. Северцев – исследователь Средней Азии / М.Х. Пирумшоев. // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2021. – № 4 (93). – С. 206–213.
460. Пирумшоев М.Х. Памир в древней историографии / М.Х. Пирумшоев. // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2015. – № 6–2 (67). – С. 243–245.
461. Пирумшоев М.Х. Памир в период владычества монголов в Средней Азии (начало XIII – первая половина XIV) / М.Х. Пирумшоев. // Историк. – № 2 (34) 2023. – С. 130–137.
462. Пирумшоев М.Х. Памирская звезда русского генерала М.Е. Ионов / М.Х. Пирумшоев. // Россия-Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2022. – С. 241–253.
463. Пирумшоев М.Х. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии / М.Х. Пирумшоев. //

- Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2015. – № 6–2 (67). – С. 261–265.
464. Пирумшоев М.Х. Среднеазиатская научная экспедиция А.П. Федченко 1869 года / М.Х. Пирумшоев. // Историк. – № 4 (32) 2022. – С. 59–65.
465. Пирумшоев М.Х. Традиционная культура Памира конца XIX – начала XX вв. в русской историографии / М.Х. Пирумшоев. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2019. – № 10. – С. 5–10.
466. Пирумшоев М.Х., Артыков А.А. Первый российский форпост на «Крыше мира» / М.Х. Пирумшоев, А.А. Артыков. // Историк. – № 4 (32) 2022. – С. 51–58.
467. Пирумшоев Х. Англо-русское соперничество на Памире во второй половине XIX века / Х. Пирумшоев. // Вестник Педагогического университета. Издание Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни. – № 5 (88). – Душанбе: ТГПУ, 2020. – С. 332–337.
468. Пирумшоев Х. Вандж (очерки илми-оммави) / Х. Пирумшоев. – М., 2004. – 611 с.
469. Пирумшоев Х. Ванси ману ганчяи ман. (Очерки таърихӣ) / Х. Пирумшоев. – Душанбе: Ирфон, 2013. – 608 с.
470. Пирумшоев Х. Горный Бадахшан и Русский пограничный отряд в конце XIX – начале XX веков / Х. Пирумшоев. // Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. Сборник избранных статей. – Ч. 1. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 287–303.
471. Пирумшоев Х. История изучения восстания Восе / Х. Пирумшоев. – Душанбе: Маориф, 1998. – 140 с.
472. Пирумшоев Х. Консепсияи тахқиқи таърихи халқи тоҷик / Х. Пирумшоев. – Душанбе: Ганчи хирад, 2023. – 36 с.
473. Пирумшоев Х. Памир в первой половине XIX – начале XX вв. / Х. Пирумшоев. // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005.

- С. 282–378.
474. Пирумшоев Х. Памирское разграничение 1895 года: историко-политический аспект / Х. Пирумшоев. // Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. Сборник избранных статей. – Ч. 1. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 304–323.
475. Пирумшоев Х. Политическая обстановка на Памире в первой половине XIX века / Х. Пирумшоев. // Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. Сборник избранных статей. – Ч. 1. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 270–287.
476. Пирумшоев Х. Присоединение Памира к России / Х. Пирумшоев. // История таджикского народа. – Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. -1917 г.). – Гл. VIII. – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 649–707; Примеч. С. 1057–1066.
477. Пирумшоев Х. Проблемы истории Памира и Бадахшана / Х. Пирумшоев. // Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. Сборник избранных статей. – Глава IV. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 258–336.
478. Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI – середины XIX веков в русской историографии / Х. Пирумшоев. – Душанбе: Маориф, 2000. – 338 с.
479. Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX веков / Х. Пирумшоев. – Душанбе: Дониш, 1992. – 132 с.
480. Пирумшоев Х. Социально-экономическая, общественно-политическая и культурная жизнь Восточной Бухары / Х. Пирумшоев. // Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей. – Душанбе: Дониш, 1990. – С. 128–171; Примеч. – С. 267–283.
481. Пирумшоев Х. Таърихи Дарвоз (аз қадим то замони муосир) / Х. Пирумшоев. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 704 с.
482. Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история

- взаимоотношений / Х. Пирумшоев, М. Маликов. – Душанбе: РТСУ, 2009. – 688 с.
483. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / А.В. Постников. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 512 с.
484. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира» / А.В. Постников. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 416 с.
485. Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия / И.В. Пьянков. – Душанбе, 1975. – 192 с.
486. Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру / А.К. Разгонов. – Ташкент, 1910. – 230 с. Прил. карт.
487. Ранов В.А. Археологическое изучение Памира / В.А. Ранов. // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С. 351–355.
488. Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира / В.А. Ранов. – Автореф. на соиск. уч. степени доктора ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 52 с.
489. Ранов В.А. Некоторые вопросы заселения Памира в древности / В.А. Ранов. // Памироведение. – Душанбе: Дониш, 1985. – Вып. 2. – С. 88–102.
490. Ранов В.А. Освоение Высокой Азии человеком каменного века (на примере гор Средней Азии) / В.А. Ранов. // Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1977. – С. 7–12.
491. Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века / В.А. Ранов. // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир. – М.: Наука, 1975. – С. 136–157.
492. Ранов В.А., Сидоров Л.Ф. Развитие природы Памира как среды существования человека / В.А. Ранов, Л.Ф. Сидоров. // Страны и народы Востока. – Вып. IV. – М., 1965. – С. 124–126.
493. Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан / К. Риттер. Пер. с нем. В.В. Григорьевым. – СПб., 1869. – С.

- 240–241.
494. Риттер К. Иран. Ч.1 / К. Риттер. Пер. и доп. Н.В. Ханькова. – СПб.: Изд. ИРГО, 1874. – 656 с.
495. Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи / А.Ю. Рудницкий. – СПб.: Алетея, 2013. – 247 с.
496. Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVI – первой половине XVIII вв. / А. Саидов. – Душанбе: Дониш, 2010. – 292 с.
497. Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX – начале XX века / А.В. Сальникова. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2009. – 23 с.
498. Самойлович А.Н. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк / А.Н. Самойлович. – СПб., 1903. – 145 с.
499. Сарханг Поянда Мухаммад. История Афганистана от арабского нашествия до тюркских сельджукидов / Поянда Мухаммад Сарханг. – Кабул: Изд-во Кабульского университета, 1385 (1987).
500. Сборник князя Хилкова. – СПб., 1879. – 12, 580, 35 с.
501. Семенов А. Предисловие к кн.: Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан / А. Семенов. – Ташкент, 1926. – 248 с.
502. Семенов А.А. История Шугнана / А.А. Семенов. // Семенов А.А. Избранные сочинения. – Душанбе: Офсет-Империя, 2013. – С. 265–288.
503. Семенов А.А. К догматике памирского исмаилизма / А.А. Семенов. – М., 1926. – 52 с.
504. Семенов А.А. Шейбанихан и завоевание империи Тимуридов / А.А. Семенов. // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. – Вып. 1. – Сталинабад, 1954. – С. 139–185.
505. Сию Цзи или описания путешествия на запад / Пер. с китайского с примеч. архимандрита Палладия. // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – Сочинения. – Т. IX. – СПб., 1866. – С. 259–404.

506. Смирнова Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века / Л.М. Смирнова. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004. – 27 с.
507. Соловьев В.С. Средняя Азия в IV–V вв. / В.С. Соловьев. // История таджикского народа. – Т. I. Древнейшая и древняя история. – Душанбе: Суруш, 1998. – 752 с.
508. Сорокин С.С. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох) / С.С. Сорокин. // Труды Государственного Эрмитажа. – Т. 5. – Л., 1961. – С. 117–181.
509. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры / Б.Я. Ставиский. – М., 1977. – 296 с.
510. Ставиский Б.Я. Средняя Азия в кушанский период / Б.Я. Ставиский. // История таджикского народа. – Т. I. Древняя и древнейшая история. – Душанбе, 1998. – 752 с.
511. Струве В.В. Новые открытия в царском некрополе Фив / В.В. Струве. // Восток. – М., 1923. – № 3. – С. 150–159.
512. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование / С.С. Татищев. – СПб., 1903. – Т. 2. – 538 с.
513. Таубе К. Предисловие к кн.: Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии / К. Таубе. – СПб., 1880. – 91 с.
514. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта / С.П. Толстов. – М., 1962. – 324 с.
515. Трофимова Т.А. Древнее население Хорезма по данным палеонтопологии / Т.А. Трофимова. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 2. – М., 1959. – 176 с.
516. Турсунов Н.О. Хафт хони Темурмалик. Тадқиқоти илми. Семь подвигов Темурмалика. Научное исследование / Н.О. Турсунов. – Худжанд: Хуросон, 2003. – 404 с.
517. Турсунова Г.Н. Амир Темур. Основные этапы деятельности (1360–1405 гг.) / Г.Н. Турсунова. – Худжанд: Хуросон, 2006. – 200 с.

518. Турсунова Г.Н. Из истории изучения деяний Амир Темура в Западной Европе и России / Г.Н. Турсунова. // Ирано-Славика. – М., 2006. – № 1. – С. 46–49.
519. Ферсман А.Е. Воспоминания о камне / А.Е. Ферсман. – М., 1958. – 167 с.
520. Ферсман А.Е. Очерки истории камня / А.Е. Ферсман. – Т. I–II. – М., 1954. – 740 с.
521. Фишер И.Э. Сибирская история / И.Э. Фишер. – СПб., 1774. – 631 с.
522. Фляксбергер К. Безлигульные карликовые пшеницы из Рушана и пшеницы Памира / К. Фляксбергер. // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. – 1929. – Т. 20. – С. 93–126.
523. Хабиби А. Таърихи мухтасари Афғонистон аз замонҳои қадим то то хуручи Чингиз ва ҳудуди 600 х.қ. / А. Хабиби. – Т. I. – Кобул, 1346 х.ш. – С. 141–163.
524. Хабибов А. Аз таърихи равобити адабии Бадахшон бо Ҳиндустон (асрҳои XVI–XVIII) / А. Хабибов. – Душанбе: Дониш, 1991. – 172 с.
525. Хабибов А. Ганчи Бадахшон / А. Хабибов. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 320 с.
526. Хазраткулов М. Ориёиҳо ва тамаддуни ориёӣ / М. Хазраткулов. – Душанбе: Дониш, 2006. – 578 с.
527. Халфин, Н. А. Борьба за Памир в 1873–1895 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук / Н. А. Халфин. – Ташкент, 1945. – 27 с.
528. Халфин, Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868 гг.) / Н. А. Халфин. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – 272 с.
529. Халфин, Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.) / Н. А. Халфин. – М.: Наука, 1965. – 468 с.
530. Халфин, Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.) / Н. А. Халфин. – М.: Наука, 1975. – 128 с. + Приложение архивных документов. – С. 77–126.
531. Халфин, Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.) / Н. А. Халфин. – М.: Наука, 1974. – 408 с.

532. Хамза, К. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчак в Мавераннахр и Хорасан (XVI в.) / К. Хамза. – Душанбе: Дониш, 2012. – 407 с.
533. Харюков, Л. Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм / Л. Н. Харюков. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 240 с.
534. Хидояттов, Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.) / Г. А. Хидояттов. – Ташкент: Фан, 1969. – 456 с.
535. Ходжаева, Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период / Н. Дж. Ходжаева. – Душанбе: Дониш, 2017. – 380 с.
536. Ходжайов Т.Г. Антропологические исследования материалов Восточного и Западного Памира (по территориальным группам) / Т.Г. Ходжайов. // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. – Душанбе, 2005. – С. 144–149.
537. Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана / Т.К. Ходжайов. – Ташкент, 1980. – 167 с.
538. Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования) / Т.К. Ходжайов. – Ташкент, 1987. – 207 с.
539. Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пиры), их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана (вторая половина XIX – 30-е годы XX вв.) / Э. Ходжибеков. – Душанбе: Бухоро, 2015. – 283 с.
540. Ходжибеков Э. Нақши пирони Шуғнон дар ихтиёран ҳамроҳ кардани Помир ба Россия / Э. Ходжибеков. // Шуғнон. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 218–226.
541. Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром / П. Хопкирк; пер. с англ. И.И. Кубадько. – М.: Рипол Классик, 2004. – 266 с.
542. Хочибеков Э. Шуғнон аз аҳди қадим то инқилоби Октябр / Э. Хочибеков. // Шуғнон. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 704 с.
543. Чаводи Хиравӣ. Таърихи Сомониён (Асри тиллоии Эрони баъд аз ислом)

- / Хиравй Чаводи. – Техрон: Амири Кабир, 1383. – С. 316–317.
544. Шохуморов А. Памир – страна ариев / А. Шохуморов. – Душанбе: Дониш, 1997. – 195 с.
545. Шугнон. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 704 с.
546. Эдельман Д.И. Географические названия Памира / Д.И. Эдельман. // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир. – М.: Наука, 1975. – С. 41–62.
547. Элчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках / К. Элчибеков. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – 180 с.
548. Юань-Чао Би-Ши. Чингизхан и его империя / Юань-Чао Би-Ши. – Алматы, 2006. – С. 25–106.
549. Юань-Чао Би-Ши. Сокровенное сказание / Юань-Чао Би-Ши; пер. С.А. Козина. – Т. I. – Кн. 2. – М.; Л., 1941. – С. 83–105.
550. Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. / М.Ю. Юлдашев. – Ташкент: Наука, 1964. – 124 с.
551. Якубовский А.Ю. Мавераннахр и Хорезм под монгольским игом в XIII в. / А.Ю. Якубовский. // История народов Узбекистана. – Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. – С. 306–324.
552. Якубовский А.Ю. Образование монгольского государства, завоевание монгольским государством Средней Азии и вторжение татаро-монгольских захватчиков в Закавказье и Восточную Европу / А.Ю. Якубовский. // Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 791–828.
553. Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах / А.Ю. Якубовский. – Л., 1933. – 67 с.
554. Якубовский А.Ю. Государство Темура / А.Ю. Якубовский. // История Узбекской ССР. – Т. I. – Ташкент, 1967. – С. 435–508.

IV. Литература на иностранных языках

555. Beal, S. Travels of Fah-hian and Sunge Yun: Buddhist Pilgrims from China to India / S. Beal. – London, 1864.
556. Beal, S. Si-yu-hi: Buddhist Record of the Western World / S. Beal. – London, 1864. – Vol. I–III.
557. Bernard, P., Rapin, C. Le Palais / La Trésorerie / P. Bernard, C. Rapin // BEFEO. – 1980. – Т. 68. – P. 13.
558. Chavannes, E. Voyage de Song Yung dans l'Udyana et la Gandhara / E. Chavannes // BEFEO. – Vol. III. – 1903.
559. Chavannes, E. Documents sur les T'ou-kiue (Turcs) occidentaux / E. Chavannes. – St. Pétersbourg, 1903. – P. 24, 32 et suiv.
560. Curzon, Hon. George. The Pamirs and the Source of the Oxus / G. Curzon. – London, 1897. – ??????? C.
561. Curzon, Hon. George Nathaniel. The Pamirs and the Source of the Oxus / G. N. Curzon // The Royal Geographical Society Geographical Journal. – N 8. – P. 96–119, 39–263.
562. Danmore, Earl of. The Pamirs: A Narrative of a Year's Expedition on Horseback and on Foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia. Vol. 2 / Earl of Danmore. – London, 1895. (См. также: Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира». – С. 316–373.)
563. Edwards, H. S. Russian Projects Against India: From Czar Peter to General Skjbeleff / H. S. Edwards. – London: Remington, 1885. – P. 90–91.
564. Enoki K. The Origin of the White Huns of Hephtalites / K. Enoki. – 1955, VI. – P. 232–234.
565. Enoki K. On the Nationality of the Ephtalites / K. Enoki. // The Toyo Bynko (The Oriental Library). – Vol. 18. – Tokyo, 1959. – P. 23, 27.
566. Forsyth T.D. Report of a mission to Yarkund in 1873 / T.D. Forsyth. – Calcutta, 1875.
567. Fuchs W. Huei-chao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien / W. Fuchs. // Sitzungsberichte der Preußischen Wissenschaften (SPAW), 1938.

- P. 454.
568. Ghirshman R. Les Chionites-Heptalites / R. Ghirshman. // Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan (MDAFA). – Le Caire – Paris, 1948. – T. 14. – P. 11–14.
569. Gordon T.E. The Roof of the World: Being the Narrative of a Journey over the High Plateau of Tibet to the Russian Frontier and the Oxus Sources on Pamir / T.E. Gordon. – Edinburgh, 1876.
570. Hopkirk P. The Great Game: On the Secret Service in High Asia / P. Hopkirk. – London, 1990.
571. Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World: The Race for Lhasa / P. Hopkirk. – London, 1982.
572. Humboldt A. Asie Centrale: Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée / A. Humboldt. – Paris, 1944.
573. Humboldt A. Fragments de géologie et de climatologie asiatique / A. Humboldt. – T. I. – Paris, 1831. – P. 55 и сл.
574. Humboldt A. Über die Bergketten und Vulkane von Innerasien und über einen vulkanischen Ausbruch in der Andes-Kette / A. Humboldt. // Annalen der Physik und Chemie. – Bd. 18. – 1830. – P. 5 и сл.
575. Humboldt A. Über die Bergketten und Vulkane von Innerasien und über einen vulkanischen Ausbruch in der Andes-Kette / A. Humboldt. // Annalen der Physik und Chemie. – Bd. 18. – 1830. – P. 5 и сл.
576. Indogermanischer Sprachstamm // Allgemeine Encyclopädie (Ersch und Gruber). – Bd. II. – 1840. – P. 19.
577. Julien St. Mémoires sur les contrées occidentales par Hiuen-Thsang / St. Julien. – Paris, 1857. – Vol. I-II.
578. Kiepert. Über die geographische Anordnung der Namen arischer Landschaften im ersten Fargard des Vendidad / Kiepert. // Monatsberichte der K. Preußischen Akademie der Wissenschaften, 1956. – P. 629–630.
579. Lassen Ch. Indische Altertumskunde / Ch. Lassen. – Bd. I. – Bonn, 1847. – P. 512–527.

580. Militaire de l'étranger. Англо-русский вопрос в Азии и оборона Индии / пер. с фр. поручика Плацбек-Кокума. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XLVII. – СПб., 1891. – С. 143–167.
581. Morgan D.E. The Pamir: A Geographical and Political Sketch / D.E. Morgan. // The Scottish Geographical Magazine. – Vol. VIII. – Edinburgh, 1892. – P. 12–23. Извлечение данной статьи в переводе подполковника Российского Генерального штаба Десино // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LIII. – СПб., 1893. – С. 175–182.
582. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895 / G. Morgan. – London, 1981. – P. 55.
583. Olufsen O. Through the Unknown Pamirs: The 2nd Danish Pamir Expedition, Vakhan and Garan / O. Olufsen. – London, 1904.
584. Pictet A. Les origines Indo-européennes ou les Aryas primitives / A. Pictet. – T. I–II. – Paris, 1959. – P. 37 и далее.
585. Pott A. Etymologische Forschungen auf dem Gebiet der Indogermanischen Sprachen / A. Pott. – Bd. I. – Lemgo, 1830. – P. XXI.
586. Rawlinson H. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia / Sir H. Rawlinson. – London, 1875.
587. Report of a Mission to Yarkund in 1873 under Command of Sir N.D. Forsyth, K.C.S.I., C.B., Bengal Civil Service, with Historical and Geographical Information Regarding the Possessions of the Ameer of Yarkund. – Calcutta, 1875.
588. Rhode J.G. Die heilige Sage und das gesamte Religionssystem der alten Baktrer, Meder und Perser oder des Zendvolkes / J.G. Rhode. – Frankfurt, 1820. – P. 687.
589. Ritter K. Erdkunde Asiens / K. Ritter. – Bd. I. – Berlin, 1832. – P. 436.
590. Schlegel A. De l'origine des Hindous / A. Schlegel. // Transactions of the

- Royal Society of Literature. – Vol. II. – London, 1834. – P. 444.
591. Spiegel F. Briefe über vergleichende Mythologie / F. Spiegel. // *Ausland*, 1869. – P. 272.
592. Spiegel F. Das Urland der Indogermanen / F. Spiegel. // *Ausland*, 1871. – P. 556.
593. Spiegel F. Eranische Altertumskunde / F. Spiegel. – Bd. 1. – Leipzig, 1871. – P. 428.
594. Trotter H.R.E. On the Geographical Results of the Mission to Kashgar under Sir T. Douglas Forsyth in 1873–1876 / H.R.E. Trotter. // *Journal of the Royal Geographical Society*. – Vol. XLVIII. – 1878. – P. 173–334.
595. Trotter H.R.E. Secret and Confidential Reports on the Trans-Himalayan Exploration by the Great Trigonometrical Survey of India During 1873–1875 / H.R.E. Trotter. – Calcutta, 1876.
596. Trotter H.R.E. On the Geographical Results of the Mission to Kashgar under Sir T. Douglas Forsyth in 1873–1876 / H.R.E. Trotter. // *Proceedings of the Royal Geographical Society*. – Vol. XXII, Session 1877–1878. – Nos. I to VI. – London, 1878.
597. Wood J. A Personal Narrative of a Journey to the Indus, Kabul and Badakhshan in 1836, 1837, 1838 / Captain J. Wood. – London, 1841.
598. Wood J. Journey to the Source of the River Oxus / Captain J. Wood. – New edition, edited by his son. – London, 1872.
599. Wood J. A Personal Narrative of a Journey to the Source of the River Oxus by the Route of the Indus, Kabul, and Badakhshan / J. Wood. – London, 1841.
600. Younghusband F.E. Confidential Report of a Mission to the Northern Kashmir in 1889 / Sir F.E. Younghusband. – Calcutta, 1890.
601. Younghusband F.E. India and Tibet / Sir F.E. Younghusband. – London, 1910.
602. Younghusband F.E. The Heart of a Continent: A Narrative of Travels in Manchuria, Across the Gobi Desert, Through the Himalayas, the Pamirs, and Hunza, 1884–1894 / Sir F.E. Younghusband. – 2nd edn. – London: John Murray, 1897; Revised edn. – London, 1937; New edn. – London, 1985.